

ИСТОРИЯ ПУТИЛОВСКОГО ЗАВОДА

Не было в истории революционного движения в России такого момента, когда не было бы слышно могучего имени путиловского рабочего. В самые тяжелые, в самые мрачные времена царской России, в стенах „Красного путиловца“ ни разу не потухало революционное пламя. И как только раздвигались жестокие застенки царизма, первые призывные революционные песни шли из этих исторических стен „Красного путиловца“

СКиров

ЛЕНИНГРАДСКИЙ ИНСТИТУТ ИСТОРИИ ВКП(б)
ФИЛИАЛ ИНСТИТУТА МАРКСА—ЭНГЕЛЬСА—ЛЕНИНА

ИСТОРИЯ КИРОВСКОГО ОРДЕНА ЛЕНИНА, ОРДЕНА «КРАСНОЕ ЗНАМЯ», ОРДЕНА ТРУДОВОГО КРАСНОГО ЗНАМЕНИ МАШИНОСТРОИТЕЛЬНОГО И МЕТАЛЛУРГИЧЕСКОГО ЗАВОДА В ЛЕНИНГРАДЕ

(БЫВ. ПУТИЛОВСКИЙ ЗАВОД)

Москва · 1941 · Ленинград

М. МИТЕЛЬМАН, Б. ГЛЕБОВ, А. УЛЬЯНСКИЙ

ИСТОРИЯ ПУТИЛОВСКОГО ЗАВОДА

1789—1917

Под редакцией *В. А. Быстрянского*

ИЗДАНИЕ ВТОРОЕ
(сокращенное)

ОГИЗ · ГОСПОЛИТИЗДАТ

«История Путиловского завода» посвящена одному из старейших и крупнейших русских заводов, сыгравшему выдающуюся роль в истории рабочего революционного движения в России. Книга охватывает период в 128 лет — от основания завода до момента его национализации Советской властью.

В книге показаны условия труда и быта рабочих, борьба рабочих против самодержавия и капиталистической эксплуатации, работа и борьба большевистской организации завода.

Составленная на основе большого документального, литературного и мемуарного материала, книга написана популярно и рассчитана на массового читателя.

ПРЕДИСЛОВИЕ К ПЕРВОМУ ИЗДАНИЮ

В сентябре 1902 года в «Письме к товарищу о наших организационных задачах» товарищ Ленин писал о заводских кружках: «Они для нас особенно важны: ведь вся главная сила движения — в организованности рабочих на *крупных* заводах, ибо крупные заводы (и фабрики) включают в себя не только преобладающую по численности, но еще более преобладающую по влиянию, развитию, способности ее к борьбе часть всего рабочего класса. Каждый завод должен быть нашей крепостью». [1]

Такой крепостью большевизма и стал Путиловский завод, один из старейших и крупнейших русских заводов. По политическому развитию и способности к борьбе пролетарии-путиловцы действительно показывали пример рабочим России.

«История Путиловского завода», предлагаемая вниманию читателей, является куском из истории СССР, из истории российского революционного движения, из истории ВКП(б). Рабочие Путиловского завода занимали одно из первых мест в борьбе, которую вел российский пролетариат против царизма и капитализма. Путиловские пролетарии выступали первыми во многих революционных боях, развертывавшихся в старой царской столице — Петербурге.

Путиловцам принадлежит инициатива январского выступления 1905 года.

«Стачка, начавшаяся 3 января на Путиловском заводе, разыгрывается в одно из наиболее величественных проявле-

[1] *Ленин*, Сочинения, т. V, стр. 185.

ний рабочего движения», [1] — писал Ленин о путиловской стачке.

С Путиловским заводом связана и деятельность великих вождей нашей революции — Ленина и Сталина.

В 1894—1895 годах Ленин за Нарвской заставой — в рабочих кружках путиловцев, членов «Союза борьбы за освобождение рабочего класса», — пестовал и растил передовиков, организаторов массового рабочего движения. В 1905—1906 годах Владимир Ильич был непосредственно связан с путиловской социал-демократической организацией и неоднократно бывал на собраниях путиловских большевиков.

В октябре 1912 года Сталин выступает за Нарвской заставой — на собрании большевистской организации путиловцев в дни избирательной кампании в IV Государственную думу.

На Путиловском заводе началась поднятая по инициативе товарища Сталина забастовка протеста против кассации выборов по Путиловскому и другим заводам.

Стачечное движение на Путиловском заводе в этот период отличалось особенным упорством. За два с половиной года — февраль 1912 — июль 1914 года — на Путиловском заводе было 108 стачек. Число стачечников равнялось 385 тысячам. Каждый путиловский рабочий бастовал в среднем 20 раз.

С выступлением рабочих Путиловского завода в июле 1914 года связан могучий взлет революционной волны в связи с забастовками протеста против преследования бакинских стачечников.

Путиловцы явились застрельщиками свержения царизма в 1917 году. Толчком к развертыванию движения в Петрограде явилась начавшаяся 18 февраля стачка путиловцев, поднятая и организованная местной большевистской ячейкой по прямому указанию Петербургского комитета большевистской партии. В борьбе за пролетарскую социалистическую революцию рабочие-путиловцы всегда были в первых рядах российского пролетариата.

Колоссальную роль сыграло выступление путиловцев и в июльской демонстрации 1917 года против Временного правительства. Путиловский завод был незыблемой опорой ленинско-сталинской партии. VI съезд большевистской партии (1917 год, конец июля — начало августа) происходил за Нарвской заставой под охраной рабочих-путиловцев.

[1] *Ленин,* Сочинения, т. VII, стр. 76.

В дни Октябрьского восстания путиловцы с оружием в руках боролись за диктатуру пролетариата. Вместе с революционными солдатами, матросами и рабочими Петрограда они сражались на улицах столицы и штурмовали Зимний дворец.

В дни Октября на Путиловском заводе появляется Ленин.

В годы гражданской войны Путиловский завод дает Красной армии свыше 10 тысяч бойцов. 25 боевых воинских единиц (отряды, полки, батальоны, дивизионы) выставили путиловцы на защиту Советской страны от белогвардейцев и интервентов.

В годы восстановления и реконструкции народного хозяйства путиловцы остались верны своим традициям: они взялись за оснащение первенца ленинского плана электрификации — Волховстроя — гидротехническими сооружениями и стали пионерами строительства механизмов для гидростанций страны. Под руководством и с помощью С. М. Кирова они первыми поставили производство тракторов, этих снарядов, взрывавших самые глубокие устои капитализма в СССР.

«Десятилетиями складывались краснопутиловские традиции, завод был все время на вышке, на виду у всей страны, и всегда, как в годы борьбы с самодержавием, так и сейчас в период строительства социализма, Центральный комитет большевиков придавал и придает огромное значение этому заводу.

...Имя «Красного путиловца» звучит гордо! Это имя — гордость всей страны, всего рабочего класса, ленинской партии, руководимой тов. Сталиным, воспитавшей из сынов нужды стойких революционеров, уверенно строящих социализм», — писала «Правда» в июле 1933 года, в дни 30-летнего юбилея II съезда партии.

Вот почему предлагаемая вниманию читателей «История Путиловского завода» является вкладом как в историю великого русского народа, так и в историю героической партии большевиков.

В. Быстрянский

ОТ АВТОРОВ

Настоящее второе издание «Истории Путиловского завода» дано в значительно сокращенном виде в сравнении с первым, вышедшим в 1939 году. Авторы ставили своей задачей показать роль Путиловского завода как «школы революционеров, завода как воспитателя классового революционного самосознания рабочих» (М. Горький). Поэтому из первого издания исключены или подверглись сокращению те разделы, которые в меньшей степени отвечали этой основной теме, как разделы об экономике завода, о деятельности правления акционерного Общества Путиловских заводов и т. п. Цель настоящего издания — дать массовому читателю сжатую и вместе с тем полную историю жизни и борьбы рабочего коллектива одного из крупнейших и старейших русских заводов.

При подготовке сокращенного издания «Истории Путиловского завода» учтены замечания читателей, критики и внесены необходимые изменения и исправления.

Все даты даны по старому стилю.

ГЛАВА ПЕРВАЯ

1789—1880

НА СЕДЬМОЙ ВЕРСТЕ ОТ СТОЛИЦЫ

Вблизи Петербурга, на острове Котлин, где стоит Кронштадтская крепость, в 1789 году был построен новый казенный чугунолитейный завод.

В ту пору Россия воевала со Швецией. Русский флот нуждался в снарядах для своей артиллерии. Привозить снаряды из Петрозаводска, с Александровского литейного завода, было делом длительным, а осенью и весной из-за распутицы — почти невозможным. В Кронштадте же имелись огромные запасы чугунного лома и устаревших, вышедших из употребления пушек. Для снабжения судовой и крепостной артиллерии боеприпасами в мае 1789 года в Кронштадте спешно установили примитивный копер, чтобы разбивать чугунные пушки, и начали строить плавильную печь — основу будущего завода.

В декабре того же года на новом заводе уже отливали трех-, шести- и двенадцатидюймовые ядра, разнокалиберную дробь, трехдюймовые гранаты (по-тогдашнему «гренады») и трехпудовые зажигательные снаряды, именовавшиеся «брандскугелями».

Завод был невелик. Его единственная плавильная печь была рассчитана на отливку до 30 тысяч пудов чугуна в год. Рабочих на заводе было 190 человек, присланных из Петрозаводска. Руководили работами десять «художников» — специалистов по чугунному литью. Их выписали из Англии.

Строителем завода был знаменитый в то время в Европе шотландец Чарльз Гаскойн — большой знаток литейного производства. Гаскойн был управляющим Олонецких чугу-

нолитейных заводов, и новый завод также попал в его ведение.

Кронштадтский чугунолитейный завод был одним из немногих металлургических предприятий России. На тысячи верст простиралась темная, закабаленная, крепостная Россия. Миллионы крепостных крестьян деревянной сохой пахали землю, отдавая плоды своих тяжелых трудов помещикам и царской казне. На редких заводах и мануфактурах работали те же крепостные, что и на полях.

Под кнутом и палкой заводской стражи работали строители чугунолитейного завода и первые его мастеровые. Большинство их принадлежало казне. Были среди них и помещичьи крепостные, главным образом костромичи, отрабатывавшие оброк. Рабочие надрывались от непосильного труда и гибли несчетно от голода, холода и болезней. Они пели про свое житье:

Расскажи, хрещеный люд,
Отчего народы мрут
С покрову до покрову
На проклятом острову.

Рабочие роптали на каторжную жизнь, нанимали грамотеев писать жалобы начальству, бежали с проклятого острова. Еще во время постройки завода видный чиновник морского министерства, граф Чернышев, посылая на завод рабочих, писал: «Смотреть надо за сими молодцами, чтоб не разбежались или чего и хуже не сделали». В 1797 году, в царствование Павла I, три седобородых старика отправились ходоками к самому императору. Несколько дней бродили они по улицам и площадям столицы в надежде встретить царя, но не встретив его, опустили жалобу в ящик для прошений, установленный возле царского дворца. Павел I приказал схватить жалобщиков и, невзирая на их преклонный возраст, отдать в солдаты. Эта жалоба, как и прежние, осталась без ответа.

Двенадцать лет стоял завод на острове Котлин. Угроза новой войны — на этот раз с Англией, имевшей более мощный флот, чем Россия, — заставила перенести завод в Петербург. Его перенесли за Нарвскую заставу, на седьмую версту от центра столицы, в район аристократической Петергофской першпективы, где находились летние дворцы петербургской знати. В 1801 году на новом месте задымили низкие железные трубы Санкт-Петербургского казенного чугунолитейного завода.

Перед дворцами князей Трубецких, графов Шереметевых и Строгановых на зеркальных прудах плавали лебеди; похожие на лебедей кони мчали в Северный Версаль — Петергоф — придворную знать. Наглухо отгороженный от мира, стоял завод по соседству с великолепной столицей — гранитным городом Санкт-Петербургом. Окруженные высоким забором, как прежде — водой, проводили мастеровые дни, месяцы, годы. Словно мрачный, черный остров, возвышался завод среди зеленого моря садов, парков, оранжерей Нарвской заставы.

Мастеровые обязаны были работать 14 часов — с пяти утра до семи вечера. Но работать приходилось значительно больше. По 16—18 часов в сутки проводили они в дымных, грязных и холодных бараках-мастерских, остальное время — в таких же душных, грязных и холодных бараках-казармах. Заработок мастерового состоял из двух частей: твердого казенного жалованья и «наградных», которые целиком зависели от произвола начальства. Большинство мастеровых получали 31 рубль в год — 2 рубля 58 с четвертью копейки в месяц. Некоторым платили еще меньше — 2 рубля 29 копеек и 2 рубля 5 копеек в месяц. Иногда жалованье выдавалось мукой — по 1 пуду 39 фунтов в месяц и меньше. Мука была затхлая, горькая и рассчитывалась по дорогой цене.

Наградные, полагавшиеся «за усердную работу», составляли от 3 до 5 рублей в месяц. Всего, таким образом, в среднем рабочий зарабатывал 6—7 рублей в месяц. При этом мастеровых штрафовали на каждом шагу — за угар металла, за нерадивость на работе, за порчу инструмента. За остальные провинности — неповиновение начальству, отлучку и т. п. — рабочих беспощадно били палками, секли розгами или приговаривали к самому страшному наказанию — битью кнутом.

Вместе со взрослыми работали дети 8—12 лет — сыновья мастеровых. Они были с рождения приписаны к заводу, назывались «малолетами». Их заставляли исполнять «самые огненные и тягостные» работы. В одной из жалоб на непосильные условия труда рабочие писали о «малолетах»:

«С оными поступают не по-детски, употребляя наравне с большими на работу и не щадя слабых еще сил их и не имея никакого снисхождения, когда такой малолеток каким ни есть получасом опоздает притти на сборное место, жестоко по приказанию мастера Купера бывали наказываемы розгами».

Всего к 1809 году на заводе работало 390 человек, из них «казенных мастеров и мастеровых» — взрослых — 247 человек и «малолетов» — 64, вольнонаемных — 39 человек и 40 человек обслуживающей команды и мастеров.

Завод был перестроен и расширен. Он разделялся на цеха: фурмовый (литейный), кузнечный, слесарный, вальцовый, платинированный (медеобрабатывающий). Завод исполнял, в основном, военные заказы. Царь Александр I вел войны на берегах Черного моря, в Закавказье. Воевал со Швецией, Турцией, Францией. Войны следовали одна за другой. Работы военным заводам было много.

Помимо спешной выделки военных припасов, мастеровых заставляли выполнять заказы «приватного свойства». На заводе делали чугунные памятники, железные кандалы, нательные кресты, меры «для раздробительной продажи напитков», медные пуговицы, медные чешуйки для сбруй.

По воскресеньям и праздникам всю заводскую команду гоняли в строю за несколько верст в церковь на Ульянку. Каждым часом мастерового, его работой и отдыхом, распоряжались самодуры-начальники, надсмотрщики-офицеры да английские мастера.

У рабочих было отнято все. Высочайший указ от 13 апреля 1808 года лишил их даже права на отдых в воскресные и праздничные дни. Царь готовился к новым войнам, ему нужны были новые партии снарядов. Целый год забитые и темные люди безропотно сносили непрерывную каторгу и только на масляной неделе 1809 года осмелились попросить три дня отдыха. Прошение исходило от мастеровых фурмового цеха и было подано на имя англичанина Адама Армстронга, начальника казенных Олонецких и Петербургских чугунолитейных заводов, преемника Гаскойна. Армстронг удовлетворил просьбу. Однако смотритель завода Купер, оскорбившись тем, что мастеровые действовали через его голову, под видом срочной работы лишил передышки весь фурмовый цех.

Рабочие фурмового цеха, проработав два дня, на третий все, как один, ушли с работы, «оказав неповиновение» начальству. Это было 6 февраля 1809 года. В этот день произошла первая в истории завода стачка — неслыханное для той поры дело. Фурмовщики поплатились за стачку: пятерых зачинщиков жестоко избили палками на глазах у всей заводской команды, а остальных принудили работать в праздники.

Этот первый протест многому научил мастеровых. Недаром впоследствии прокатилась о рабочих этого завода слава бунтарей. Недаром потом возникла пословица: «Путиловский мастеровой на дерзость скор и на стачку легок».

В ночной тишине собирались возмущенные люди на тайные собрания, озлобленно говорили о несправедливости, составляли прошения властям. У них нашелся руководитель — кузнец Иван Гаврилович Сучков, грамотный, знающий себе цену, с начальством дерзкий и неуживчивый. По его предложению во всех цехах были тайно выбраны старшины. Они собирали деньги на ходоков, составляли жалобы и согласовывали действия всех мастеровых. Сучков учил товарищей всячески таиться от подозрительных людей и не выдавать своих даже под пыткой. Жалобу за жалобой подавали через старшин мастеровые начальнику завода, министру, самому царю.

В тот жестокий век даже подача жалобы считалась бунтом. Сучков едва не поплатился жизнью. Сначала его сослали в Петрозаводск, на Александровский завод. Но и там он «возмущал» мастеровых, переписывался со старшинами Петербургского завода и пытался подготовить совместное выступление обоих казенных заводов. За это военный суд вынес ему приговор: сто пять ударов кнутом и ссылка в Нерчинские рудники. Сто пять ударов означали смерть.

Но не пришлось начальству привести приговор в исполнение. Уже в ту пору показала свою великую силу рабочая солидарность. Мастеровые С.-Петербургского казенного завода еще на суде всячески выгораживали своего руководителя, а когда узнали о приговоре, подали прошение царю, жалуясь на несправедливость к Сучкову. Им грозили, их били розгами, сажали в тюрьму. Но они добились своего. Сучков был освобожден, а на завод прибыла правительственная комиссия.

Положение мастеровых было таково, что даже эта комиссия, состоявшая из крупных чиновников, сочла необходимым предложить некоторые меры для облегчения непосильных условий работы: не загружать в праздники, смягчить меры наказания, не вычитать за угар металла. Но медленно ворочались колеса бюрократической машины самодержавного государства, особенно когда дело касалось облегчения участи угнетенных классов общества. Три года прошло от первой стачки до образования комиссии, два года — до конца ее работы. Еще два года ждали мастеровые, чтобы им сообщили о решениях комиссии. Наконец в 1814 году они

осмелились спросить, когда будут проведены объявленные им облегчения. Ответа мастеровые не получили. Немало просьб подавали они и в последующие годы, но им или не отвечали вовсе, или присылали на имя начальника заводов такие ответы:

«...просьба, не имея никакого справедливого основания, означает одно лишь своевольство мастеровых, подписавших оную... Мнением своим департамент полагает к удержанию как их самих, так и прочих от подобных поступков отослать всех троих [подписавших прошение] на дальние заводы хребта Уральского».

Завод продолжал расширяться. Число рабочих понемногу росло. В 1816 году был построен новый флигель, где помещались молотовая и плющильная мастерские. Из Англии выписали для них паровую машину «в силу 50-ти лошадей», плющильную машину, токарный станок, ножницы и ворот. Литейный цех в большом количестве отливал чугунные колонны, архитектурные украшения, статуи, стропила. Положение рабочих оставалось прежним.

Так продолжалось до 1824 года, когда произошло небывало большое наводнение. Из семнадцати казарм уцелело только четыре. Сильно пострадали все цеха. Сто пятьдесят восемь человек, главным образом женщины и дети, погибли, запертые в тесных казармах, как в клетках. Они погребены в братской могиле на Красненьком кладбище.

Наводнение сильно разрушило завод. Часть машин перевезли на новое место — на Шлиссельбургский тракт. Там был построен новый завод — Александровский чугунолитейный. На старом заводе работы продолжались, но производство постепенно свертывалось, рабочих переводили в другие места.

Царское правительство попыталось сбыть с рук разрушенный, остановившийся завод. Было решено продать его с торгов. Но на торги никто не явился. Восемь лет, с 1834 до 1842 года, завод стоял заброшенный, заколоченный. Только один раз за это время оживились его мастерские. Это было в 1837 году, когда он выполнял работы, связанные с восстановлением сгоревшего Зимнего дворца.

В 1842 году завод был передан в безвозмездное пользование Обществу владельцев горных заводов (фактически — промышленнику Мальцеву). Три года Общество катало на заводе рельсы для Николаевской железной дороги. Но предприятие оказалось не прибыльным: по-настоящему в России рельсы катать еще не умели, они были низкого ка-

чества — хрупкие и плохого профиля. В 1845 году завод снова заглох. Некоторые его постройки пришли в полную негодность, печи разрушились, мастерские остались без хозяина, и завод снова перешел в казну.

В 1848 году завод был сдан бесплатно в аренду, а вскоре подарен полковнику Огареву, племяннику всесильного графа Клейнмихеля, любимца и верного пса царя Николая I. Огарев пустил в ход заглохшие мастерские и на одной из промышленных выставок получил даже похвальную премию. Завод при нем назывался: «Механический, железопрокатный, железоковальный и литейный завод». Он производил части мостов для железных дорог, лафеты, станки, небольшие суда, рельсы. До тысячи восьмисот рабочих было занято на заводе. Это были уже не те рабочие, что полвека назад. Фабрики и заводы дымили теперь во многих, даже дальних губерниях России, хотя страна попрежнему оставалась отсталой. На заводах уже часто работали вольнонаемные, — фабриканты поняли, что крепостной, подневольный труд малопроизводителен и невыгоден. Были вольнонаемные и на огаревском заводе — одном из самых крупных предприятий в Петербурге.

Но крепостные порядки на заводе сохранились еще во многом. Огарев был барин. Он мало интересовался производством, не понимал всех преимуществ труда вольнонаемных перед трудом крепостных.

С рабочими и служащими завода Огарев вел себя, как помещик: бил палкой крепостных конторщиков и вольнонаемных рабочих, требовал рабского подчинения, самодурствовал. На завод он смотрел, как на имение, и, запутавшись в делах, заложил его в Государственном заемном банке.

Такое крупное предприятие, как огаревский завод, нельзя было вести старыми крепостническими методами. Мало-помалу завод пришел к упадку. Огарев закрыл завод, сдал его в аренду, а затем и продал за бесценок фирме Дей и К°. Но и эта фирма скоро прогорела. Работы на заводе прекратились. Завод снова остался без хозяина и снова был взят в казну.

ЗАВОД Н. И. ПУТИЛОВА

12 января 1868 года отставной чиновник морского министерства, инженер и математик Н. И. Путилов, купил в долг у казны огаревский завод, а уже 30 января началась прокатка рельсов. Тысячи золотых рублей покатились из-под

прокатных станов в карманы нового хозяина. Момент был выбран удачно. В конце 1867 года Николаевская железная дорога неожиданно осталась без рельсов: бельгийские и английские рельсы износились гораздо ранее положенного срока. Новых взять было негде — стояла зима, навигация была закрыта. Это угрожало остановкой движения по всей линии. Тут-то и подоспел Путилов, владелец небольшого завода «Аркадия». Он явился в министерство путей сообщения и предложил выход. Из русских материалов русскими руками он брался в кратчайший срок изготовить нужное количество рельсов. Гарантировал их прочность, предложив катать рельсы не железные, которые легко прогибались, и не стальные, которые были очень хрупкими, а по своему способу: железные со стальной головкой. Опыты производились им уже ранее на заводике «Аркадия» и дали блестящие результаты.

Путилов делал крупную ставку. Мелкопоместный дворянин, долгое время прозябавший в недрах министерских канцелярий и затираемый титулованными бездарностями, он теперь вместе с купцами из бывших кулаков и мелкими промышленниками ринулся в море капиталистической наживы. Он хорошо понимал, что только предпринимательская деятельность сможет вывести его в первые ряды общества, дать власть и силу. Это были годы, когда, в связи с отменой крепостного права, начал быстро расти русский капитализм. «Россия сохи и цепа, водяной мельницы и ручного ткацкого станка стала быстро превращаться в Россию плуга и молотилки, паровой мельницы и парового ткацкого станка». [1] Основывались новые акционерные общества (в 1860 году их было только 100, в 1870 — около 300); строились фабрики, заводы, железные дороги, заключались миллионные сделки. В атмосфере невиданных до той поры спекуляций, биржевой игры, строительной горячки Путилов почувствовал себя, как рыба в воде.

Министерство путей сообщения удивилось предложению Путилова и, не веря в возможность его выполнения, колебалось. Но другого выхода не было, и оно вынуждено было принять его предложение. По просьбе Путилова министерство передало ему запущенный огаревский завод и заключило контракт: сначала на железные рельсы, а потом на рельсы со стальными головками.

Путилов теперь развил необычайную энергию и стал в

[1] *Ленин*, Сочинения, т. III, стр. 466.

первые ряды заводчиков. Он набирал людей для своего рельсопрокатного завода. Он сразу почуял, как можно получить дешевую рабочую силу. После реформы 1861 года тысячи крестьян уходили из разорившейся и голодающей деревни в город на заработки. По глухим углам и захолустьям разослал Путилов своих вербовщиков. Изнуренные голодом люди соглашались на любые условия. Путилов вводил новые усовершенствования, выписывал отовсюду опытных мастеровых и лучших техников. Целые дни находился он на заводе, лично наблюдая за перестройкой мастерских, присматривая за рабочими, беседуя с мастерами. Он прикидывал, как бы устранить потери времени и материала, как бы заставить мастеровых работать еще производительнее, еще прибыльнее.

Путилов торопился. Он уже имел первые тысячи и чувствовал запах миллионов. Ему незачем было строить прочные каменные мастерские, он строил их по своему способу: огромные рельсовые дуги устанавливали на цементные фундаменты — получался металлический каркас. Каркас обшивался досками, покрывался толем — и мастерская считалась готовой. В таком виде она походила на вышедший из-под земли тоннель. В этих мастерских гулял ветер, зимой было холодно, летом жарко, они были непрактичны, быстро изнашивались, и тем не менее этот тип построек, при содействии самого Путилова, был широко рекламирован как образец заводской постройки.

В 1869 году уже около двух тысяч человек работало на Путилова в мастерских — прокатной, литейной, кузнечной, механической, бессемеровской. Прокатчики, задыхаясь от невыносимой жары, зимой по нескольку раз в день выскакивали на занесенный снегом двор, бросались грудью в сугроб и, вывалявшись в снегу, бежали обратно в цех. В прокатную допускались лишь силачи, одной рукой поднимавшие пятипудовую гирю, но и они долго не выдерживали. Работали до изнеможения, до полного износу и, прокатав миллион пудов рельсов, если дело было зимой, строили по приказу хозяина снеговые горы, чинили сани, смолили факелы, готовились к празднику. Самые старые и почтенные мастеровые, работавшие еще на «Аркадии» или на огаревском заводе, надевали дареные хозяином черные кафтаны с золотым позументом, расчесывали паленые бороды, шли поздравлять Николая Ивановича с миллионным днем. Затем пили вино из хозяйских бочек, а вечером с факелами в руках бешеной вереницей катились с гор, веселя хозяина.

В тот же день пригонялись к заводу со всего города наемные тройки. В первую тройку усаживался сам Путилов, а все, кто мог еще двигаться, набивались в остальные и ехали до города — провожать хозяина. Население заставы выбегало глазеть на веселую гульбу. Звенели сотни бубенцов. Сотни пьяных глоток неистово вопили:

— Берегись, Путилов едет!

Через день строгий хозяин Путилов являлся на завод в обычном сюртуке и попрежнему был суров и придирчив. Праздничные черные кафтаны с золотым позументом уже лежали на дне сундуков. В печах калился металл. Вальцовщики начинали новый миллион пудов.

С особым размахом праздновалось окончание четвертого миллиона — 13 июня 1870 года. Дела Путилова тогда шли блестяще. Рельсы со стальными головками начали входить в моду. Связи Путилова в промышленных, правительственных, придворных кругах упрочились. Самые широкие планы, самые честолюбивые замыслы теснились в его голове. Праздник должен был подвести итог всей его прошлой деятельности, послужить своеобразной рекламой. На праздник были приглашены видные сановники и промышленники.

Праздник совпал по времени с промышленной выставкой в Петербурге и первым всероссийским съездом фабрикантов и заводчиков. Большинство гостей были участниками съезда, почти все они побывали на выставке. Путилов на выставке обратил на себя всеобщее внимание, представив рельсы такого размера, что для них пришлось пробивать крышу. Рельсы были расположены лучеобразно. Это должно было изображать зарю освобождения русской промышленности от иностранной зависимости.

Огромное здание кузницы было свеже выбелено, украшено зеленью. В кузнице, так не похожей теперь на остальные грязные и закопченные цеха, поставили длинные дощатые столы для рабочих и особо — в павильонах из зелени — столики для гостей. Штофы и четверти с водкой, миски с колбасой и хлебом были расставлены на длинных нестроганых столах.

На небольших столиках, покрытых белоснежными скатертями, сервированных тонкой фарфоровой и хрустальной посудой, стояли изысканные блюда. Возвышались батареи бутылок с заморскими винами. Живописно расположенные фрукты радовали глаз гостей. Этот обед на двести пятьдесят человек стоил в двадцать раз больше, чем угощение для двух с половиной тысяч рабочих. Слегка утомленные

осмотром завода, довольные гостеприимным хозяином, гости шумно уселись за белоснежные столы. Подняли бокалы. Начались приветственные речи и тосты.

Путилов любил выказывать себя патриотом: он знал, во что обходится конкуренция иностранцев, разорившая его после войны 1853—1856 годов.

Путилову предсказывали блестящее будущее, пели ему дифирамбы. В свое время он участвовал в разработке таможенных тарифов и был ярым сторонником покровительственной политики. Вопрос о тарифах оживленно обсуждался и на съезде фабрикантов и заводчиков. Это был для них вопрос жизни и смерти. Фабриканты и заводчики клялись «не щадить живота своего во славу России» — лишь бы правительство облегчило им конкуренцию с иностранцами. Успешные опыты Путилова, его связи с придворными кругами заставляли надеяться, что правительство пересмотрит свою тарифную политику и даст большие льготы отечественным капиталистам.

Другой вопрос, волновавший гостей Путилова, был вопрос о рабочей силе, о людях, приводящих в движение станки и машины на их фабриках и заводах.

С бокалом в руке поднялся хозяин. Серебряная звезда сверкала на его груди. Он вытер пот с лысины, ласково посмотрел из-под очков на гостей. Неожиданно для всех свою речь он посвятил рабочим, хотя обращался к сановникам и фабрикантам.

« — Милостивые государи! — торжественно начал он. — Я прошу позволения продиктовать во всеуслышание одну страницу будущему историку развития русской промышленности о четырех фактах, бывших на моей практике, в доказательство изумительной способности русского народа к заводскому делу. Факты эти до такой степени поразительны необычайностью своею, что о них можно говорить лишь при тысячах свидетелей из самих же рабочих. Иначе невольно может явиться сомнение в достоверности фактов. . .»

Он рассказал о том, как строил суда во время Крымской войны. Были привезены из Ржева безработные прядильщики и расписаны по мастерским. Через три месяца 32 паровых канонерки уже плавали в Финском заливе, и бывшие прядильщики работали на них машинистами.

« — Милостивые государи! Разве факт этот не доказывает способность русского народа к заводскому делу и разве не следует его внести на страницу истории русских заводов?»

Гости встретили слова Путилова с одобрением. А он, воодушевляясь, уже говорил о втором факте — сказочном пуске завода в 1868 году.

« — Кликнули клич по губерниям — ехать свободному народу по железным дорогам и на почтовых. Через несколько дней приехало до тысячи пятисот человек; сделали расписание: кому быть вальцовщиком, кому пудлинговщиком, кому сварщиком, кому итти к молоту, кому к прессу, кому к ножницам. Через 18 дней началась прокатка рельсов по 5000 пудов в сутки. Когда прогревали подземные трубы, из-под полу валил клубом пар оттаивающей земли и в расстоянии сажени не видно было ни человека, ни машин. В этом хаосе, понятном для каждого при открытии вновь работ в заводе, молодцы-новички, помолясь богу, дружно принялись за работу рельсов и притом с новинкою — со стальной головкою. Сидящие здесь тысячи народа подтвердят слова мои. Милостивые государи! Доказывает ли факт этот способность русского народа к заводскому делу и заслуживает ли быть занесенным на страницу истории развития русских заводов?

Третий факт. В 1869 году повелено было экстренно открыть на шести петербургских заводах переделку машинистами и машинными слесарями 10 000 ружей, заряжающихся с казенной части. На шесть заводов дан был один образец; ни одного лекала, ни одного чертежа. Через два месяца началась уже присмка переделанных ружей...

Четвертый факт. Когда начата была постройка этой кузницы на тысячу человек, невольно задавали вопрос: откуда взять кузнецов? Ответ был: с улиц, с деревень, свободных людей. И действительно, между молодцами, которых вы видели сегодня на работе в этой кузнице, может быть десять или двадцать старых кузнецов. Остальные — новички из чернорабочих. Вы видели, как они куют буфера, стяжные винты и прочее. Правду слов моих засвидетельствуют тысячи народа, сидящего вокруг нас...» [1]

Гости слушали и в наплыве патриотизма и народолюбия, подогретых вином, с восторгом приветствовали последние слова Путилова. Способности русского народа были для них лишним козырем в борьбе с иностранными капиталистами за российский внутренний рынок. Недаром вопрос о рабочей силе так подробно обсуждался на съезде фабрикантов и заводчиков.

---

[1] «Голос» № 164, 16 июня 1870 г.

Говоря о способностях своих рабочих, Путилов рекламировал самого себя. И он и его гости относились к рабочим, как к вьючному скоту, который нужно погонять. Он хвалился своими кузнецами и слесарями, как его друг и приятель князь Оболенский хвастал своими породистыми лошадьми.

Рабочие сидели безучастно, многие пришли сюда с затаенной злобой. Чуть не каждый день, проклиная судьбу и хозяина, тащились обратно в деревни калеки, потерявшие на заводе здоровье. Истинные виновники праздника, все эти люди перед лицом знатных гостей молчали. Они служили декорацией, их мнения не спрашивали, даже речь от их имени сказал миллионер-откупщик Кокорев. Во время торжества им роздали карманные евангелия, а после они отправились на луг, где были устроены карусели и раздавали мешочки с орехами и сластями.

У Путилова была своя, строго разработанная система отношений с рабочими. Обстановка патриархальности, которую он стремился создать, была лишь прикрытием жестокой эксплоатации, царившей на заводе. Народолюбивые литераторы приходили в восторг, видя, как Путилов здоровается с мастеровыми за руку, называет их по имени-отчеству, расспрашивает о домашних делах. Случалось, хозяин помогал деньгами, если у кого-нибудь в деревне пала лошадь или околела корова. Он старался, чтобы этот случай получил широкую огласку. Он хотел прослыть милостивцем и благодетелем. На деле же был расчет: «облагодетельствованный» им мастеровой будет сам стараться и смотреть, чтобы и другие старались. Опытным, умелым рабочим хозяин спускал частые запои, пьяницы были даже выгодны ему: одев пропившегося до нитки человека, он заставлял его работать в три жилы. Старых рабочих — тех, кому дарил кафтаны, — он делал надсмотрщиками и подкармливал: платил больше, чем другим, продвигал в мастера.

Мастеровые работали артельно, заработок получали на всю артель и делили сами. Эта круговая порука была Путилову на пользу. Чтобы сделать ее крепче, он старался всегда подбирать в артели родственников и земляков. По просьбе рабочего охотно выписывал из деревни сына, брата, кума, племянника, давал работу. Ему хотелось привязать к заводу тысячи покорных ему людей. Как расчетливый кулак, стремился он закабалить своих рабочих, сделать каждого чем-нибудь обязанным хозяину.

С первых же дней работы на заводе он ввел сдельщину.

Уроки (нормы) были установлены такие, что выполняли их немногие. Расценки систематически снижались. Путилов заставлял рабочего отдавать все свои силы.

Грубая прокатная работа требовала лишь технического надзора и для нее было достаточно одной сноровки русского мужика. Но для механического дела одной сноровки было мало. Путилов хотел строить вагоны и паровозы. Одним из первых в России он ввел на своем заводе производство сложных машин. Требовались квалифицированные мастеровые. Он выписал их из Тулы. Он научил рабочих посмышленее разбирать чертежи и в 1876 году открыл при заводе школу для детей и вечерние классы для взрослых. В школе преподавали черчение, геометрию, технологию. Путилов готовил себе опытных мастеров.

Однако вечерние классы для рабочих были закрыты: среди слушателей появилась «крамола» — та страшная «крамола», проникновения которой в рабочую среду больше чем огня боялось начальство. Некоторые ученики часто посещали общежитие практикантов, студентов-технологов, устроенное Путиловым неподалеку от завода. Кое-кто из студентов был замешан в народнических кружках. Этого оказалось достаточным для закрытия классов.

После трех лет процветания дела Путилова пошли хуже. Все деньги, получаемые от казны на рельсы, он бросил на постройку задуманного им коммерческого порта и железной дороги к нему. Для постройки порта Путилов не жалел ничего. Планы его были грандиозны, и он ожидал, что они принесут ему не только золотые горы, но и славу великого экономического преобразователя. Ему мерещились дворцы, деньги, венки и памятник «от благодарной России». В эту новую эпоху — эпоху юности русского капитализма — он чувствовал себя уверенно. Временные неудачи не смущали его. Капиталист и хищник до мозга костей, ставящий себе лишь одну цель — наживу, Путилов был в то же время человеком талантливым, человеком большого размаха. Порт был еще более крупной ставкой, чем производство рельсов в России.

В те времена порт находился в Кронштадте. Провоз товаров от Лондона до Кронштадта обходился дешевле, чем от Кронштадта до Петербурга. Перегрузка на пристанях отнимала много времени и сильно удорожала стоимость товаров. Путилов говорил, что хочет уничтожить все препятствия, мешающие потокам грузов двигаться из России за границу и оттуда в Россию через Петербург. Он говорил:

— Я хочу, чтобы какой-нибудь куль муки, погруженный в Саратове, выгружался прямо на океанический пароход.

С каждого куля русской пшеницы, с каждого пуда английского угля хотел он получать свою толику. Внешняя торговля росла, грузооборот увеличивался с каждым годом. Построив порт, Путилов стал бы миллионером, одним из самых богатых людей в России. Ради этого стоило рискнуть.

— Петр Великий прорубил окно в Европу, нам нужно открыть туда дверь, — бросил он хвастливую фразу.

Великий русский поэт Некрасов в сатирической поэме «Современники» среди пестрой галереи дельцов семидесятых годов изобразил Путилова под видом помешанного на постройке порта заводчика Ладьина. Экзальтированный и любящий внешний эффект, Ладьин произносит патетическую речь:

Как маяк, горящий ярко,
Будет порт мой на Руси!
Я уж рельсы дал дорогам,
Я войскам оружье дал...
В новый путь иду я с богом...
Составляйте капитал!
Наживаться воровством
Сродно подлому холопу.
Цель моя: к окну в Европу,
Что прорублено Петром,
Вековой пристроить дом!

Обуреваемый честолюбивыми планами, Путилов очертя голову бросился в авантюру. Он не стал ожидать даже правительственной гарантии, без которой такое грандиозное предприятие поднять было невозможно. Между тем, правительство не захотело взять на свой счет постройку порта. Крупные финансисты того времени предпочли смотреть со стороны, как разоряется Путилов, до тех пор удачливый во всех начинаниях. Владельцы невских пристаней, которым порт грозил разорением, повели против Путилова борьбу и оказались победителями.

Путилов, хваставший своей независимостью от заграницы, вынужден был пойти в кабалу к иноземным капиталистам. Иностранный капитал пробивал себе дорогу в Россию. Чтобы поправить свои дела, Путилов создал в 1873 году «Акционерное общество Путиловских заводов». Главным учредителем этого общества был Немецко-Русский торговый и промышленный банк в Берлине. Банк вводил в правление

акционерного общества двух своих представителей и принимал на себя заботы о погашении долгов Путилова: денежных — 1 800 тысяч рублей, по ипотеке (залогу недвижимого имущества) — 180 500 рублей и долгов, лежащих на имуществе Путилова, — свыше 2 миллионов рублей.

Однако и это не помогло Путилову. В связи с европейским кризисом банк не выполнил своих обязательств, а Путилов с каждым годом все больше запутывался в долгах. Попытался было найти выход в производстве паровозов, но, взяв аванс, истратил и эти деньги на порт и вынужден был заключить мало выгодный договор на постройку вагонов. Все более терял он доверие в промышленных кругах, начиная приобретать среди былых друзей славу авантюриста и неудачника.

Среди рабочих Нарвской заставы о Путилове говорили:

— Копал, копал и закопался.

Еще крепче почувствовали рабочие тяжелую хозяйскую руку. Показная патриархальность начала быстро исчезать. Все чаще поговаривали путиловские рабочие, вздыхая:

— Николай Иванович народа не гнушается, иногда и вином напоит, а все же несправедливости в нем с достатком.

Путиловские рабочие еще не знали слова эксплоатация. Все свои обиды на хозяина, на управляющего, на всю свою многотрудную жизнь укладывали они в одно слово — «несправедливость»:

— Несправедливая наша жизнь!

Путилов, с тех пор как дела его пошли хуже, стал не так часто бывать на заводе. Он теперь редко вступал в разговоры с рабочими, а если и разговаривал, то почти всегда об одном: просил подождать с получкой. В первый раз, когда у него нехватило денег для уплаты рабочим, он вышел озабоченный и сердитый, подошел к столу и, поздоровавшись с мастеровыми, сказал сухо и деловито:

— Я к вам за помощью. Денег у меня нет, в делах задержка... Везде трудно сейчас с деньгами... Могу выдать вам сегодня только половинную долю...

Глаза его смотрели из-под очков строго и испытующе. Он сделал паузу. В ответ послышались вздохи, лица помрачнели, но никто не осмелился громко выразить недовольство.

— Вы получите половину, — повторил Путилов, — а на остальную сумму я вам выдам расписки... Тяжелое время скоро кончится. Тогда приходите в контору и получайте сполна.

Путилов приказал приступить к раздаче денег и удалился.

Многие рассчитывали на эту получку, — теперь приходилось питаться одной кислой капустой. Надо было как-нибудь выкроить рубль или два, которые аккуратно после каждой получки зашивались в подкладки кафтанов и армяков, пока не наберется там сумма для уплаты царской подати. Некоторые отправились к кабатчику Семену Богомолову просить в долг под заклад.

Туляки и другие потомственные пролетарии раньше других повели между собой разговоры о том, что хозяин поступает неправильно и что терпеть этого не следует. Они громко выражали недовольство. Их слушали сочувственно.

С большим опозданием пришла следующая получка. Путилов не только не принял старых расписок, но выдал еще новые. Деньгами он заплатил только четвертую часть заработка. Он заявил нагло:

— Хотите работать в долг — работайте. Не хотите — закрою завод.

Рабочие согласились работать в долг. Итти было некуда. На всех заводах происходило то же, что у Путилова: хозяева задерживали заработки, выбрасывали на улицу сотни людей, снижали расценки. В стране свирепствовал жестокий промышленный и финансовый кризис.

Неуплата заработков повторялась несколько раз. Путилов выдавал половинную, четвертую, восьмую долю, иногда совсем не платил, иногда платил полностью, но расписок своих не выкупал. Многим приходилось, вздыхая, вынимать зашитые рубли и полтинники. На руках у мастеровых скопились пачки бумажек — расписок Путилова. Их хранили бережно: все-таки будущие деньги.

По заставе прошел слух: некоторые купцы и кабатчики принимают расписки и дают за них продукты. Рабочие повалили в лавки и кабаки. Расписки, действительно, принимались, но со скидкой против проставленной в них суммы: за пятирублевую расписку торговец отпускал товаров на четыре с полтиной, а то и на четыре рубля. Приходилось соглашаться — бумажками семью не накормишь, а ждать, пока Путилов заплатит, было невмоготу.

В течение 1875 и 1876 годов партиями увольняли рабочих с завода — не было заказов, нехватало денег на уплату рабочим. Однажды сразу рассчитали до восьмисот человек, около трети рабочих. Некоторых потом приняли обратно, но плохие времена продолжались, и никто не был уверен

в завтрашнем дне. Путилов продолжал заниматься финансовыми комбинациями и все меньше обращал внимания на завод. Нередко он платил одними расписками. Лавочники давали за них уже половинную цену и даже меньше. Богомолов с большой выгодой распродавал невыкупленные заклады.

Торговцы, узнав, что на заводе получены деньги, надевали сюртуки, шли в контору завода, чинно кланялись, предъявляли расписки и получали по ним деньги.

— Несправедливо это, — говорили рабочие и тяжело вздыхали.

В каждой рабочей артели обсуждали положение дел на заводе. Люди ходили друг к другу, спрашивали, что делать, как избавиться от невыносимого положения, в которое поставил их хозяин. Теперь уже не только бойкие туляки, ругаясь, говорили о несправедливости. Недовольство среди путиловских мастеровых росло. Агент третьего отделения «собственной его императорского величества канцелярии» весной 1876 года, донося о крайне возбужденном состоянии путиловских мастеровых, указывал: «Состояние это все увеличивается и готово перейти в открытое возмущение».

26 июня 1876 года мастеровые опять сошлись у конторы получать заработок. Путилов обещал сегодня выдать деньги полностью. Но время шло, а кассиров все не было. Наконец, на крыльцо вышел новый управляющий заводом — однорукий инженер Воронцов. Он объявил, что сегодня получки не будет, и приказал итти по домам. Прежде в таких случаях толпа покорно расходилась. Теперь сразу, точно по сигналу, раздались возмущенные возгласы, ругательства, угрозы. Рабочие волновались: лавочники уже не принимали расписок, требуя уплаты наличными. Домовладельцы выселяли из квартир. Жить было нечем, многие уже позакладывали последнюю одежду.

Привлеченный шумом, из конторы вышел сам хозяин. Минуту он стоял молча, вглядываясь в красные, разгоряченные лица рабочих. Ему стало не по себе. Только один раз видел он их такими — ровно пять лет назад, летом 1871 года. Тогда на заводе произошла настоящая забастовка. Она явилась ответом на увеличение рабочего дня с одиннадцати с половиной до двенадцати с половиной часов. В первый же день работы по-новому мастеровые ушли с завода, проработав ровно одиннадцать с половиной часов, а на второй день, увидев ворота запертыми, сломали их.

Путилов тогда предпочел уступить. Завод заработал по-старому.

Теперь Путилов почувствовал: еще немного — и дело может дойти и до ломиков. Он сам был виноват в этом: всего несколько дней назад крупные суммы были брошены им на постройку все того же порта. Подождав, пока шум стих, Путилов сказал, что его обманула казна, не уплатив в срок денег, но что на-днях он выдаст заработки полностью. Кто-то перебил его:

— Соловья баснями не кормят! Нам деньги сейчас подавай!

Путилов запнулся. Продолжать ему не дали. Голоса сливались в грозный шум. Поднялись кулаки. Растерянный, стоял Путилов перед бушевавшей толпой рабочих. Они уже не хотели слушать его, хозяина. Он понял: надо отступать. В кассе хранили кой-какую наличность для уплаты поставщикам кирпича. Не уплатить им завтра — означало лишиться у них в дальнейшем кредита. А не уплатить рабочим? Путилов взглянул на них и перестал колебаться. Уловив минуту затишья, он сказал:

— Деньги будут сегодня.

В конторе бухгалтер разводил руками, доказывая безрассудность такого решения. Путилов утирал с лысины пот.

— Ничего, подождут, — заметил он о поставщиках. — Они, по крайней мере, ломиков на меня не поднимут.

Ломики все же поднялись еще раз. Это было 2 октября того же года. Рабочие сталелитейного и чугунолитейного цехов, не получив заработка, принялись бушевать под окнами конторы. Путилова на заводе не было. Воронцов успокоить толпу не мог. Рабочие грозили разгромить контору. Воронцов выругал их и ушел, пригрозив немедленно позвать полицию.

Тогда зазвенели оконные стекла... Камни, гайки, обрезки железа посыпались на старое здание конторы. Через несколько минут в окнах не осталось ни одного целого стекла. В руках мастеровых взметнулись ломики, палки, железные прутья.

Около двух часов осаждали контору рабочие. Но посланный Воронцовым мальчик уже передал письмо начальнику пригородной полиции, подполковнику Редингеру. Захватив с собой трех стражников, Редингер поскакал за Нарвскую заставу наводить спокойствие и «порядок». При виде полиции толпа затихла, насторожилась.

Стражники оттеснили рабочих, схватили троих первых попавшихся, скрутили им руки, потащили в контору.

— За деньгами наведайтесь через неделю, — сказал Воронцов, принимая прежний гордый и надменный вид. — А сейчас можете расходиться.

В семидесятых годах волнения и стачки происходили на многих фабриках и заводах Петербурга: семянниковцы бросали работу и громили контору из-за невыплаты заработков в срок; рабочие Александровского завода выступали против новых, жестоких правил; текстили многих фабрик требовали повышения расценок, сокращения рабочего дня, удаления ненавистных мастеров и начальников. Иногда эти волнения и стачки протекали очень бурно. Рабочие семидесятых годов в массе своей еще не понимали, что для успешной борьбы с капиталистами нужна организация.

Но уже тогда появились среди рабочих передовики, стоявшие много выше своей среды и видевшие дальше рядового рабочего. Были такие и на Путиловском заводе, и от них впервые услышали путиловцы новые, неслыханные прежде слова.

Многие знали мастерового Григория Муравьева, заставского старожила. Муравьеву было за тридцать, он считался хорошим, опытным работником, был насмешлив, уверен в себе. Он снимал квартиру и сдавал комнаты жильцам, но пускал с разбором: только людей хорошо ему известных, таких же смелых и непокорных, как он. Иной раз, распалясь разговорами о несправедливости, он начинал упрекать собеседников в том, что они дальше своего носа не видят, говорил, что только он и еще немногие знают настоящую правду. В тесном кругу друзей ругал порядки в России, добирался и до царя.

— Смотри, Григорий, доведет тебя язык до каторги, — говорили ему. — Ты о царе молчи...

Муравьев не был ни зачинщиком, ни руководителем путиловских волнений. Как и все, он кричал под окнами конторы и даже помогал литейщикам бить стекла. Однако 2 октября 1876 года, едва успели возмущенные рабочие разойтись по домам, на квартиру Муравьева явилась полиция с обыском. На Муравьева незадолго до этого был подан донос о том, что он хранит запрещенные книги. Подполковник Редингер связал этот факт с волнениями на заводе и решил не медлить. У Муравьева и его двух жильцов под тюфяками нашли крамольные книжки. В полицейском участке его спросили, знает ли он, что, распространяя

такие книжки, он идет против царя. Муравьев ответил дерзко:

— А ну вас к чортовой матери вместе с вашим царем!

За «дерзкие слова» против «высочайшей» особы и хранение запрещенной литературы он провел четыре месяца в одиночном заключении, а потом был сослан в Архангельскую губернию. Он ушел навсегда, оставив по себе славу справедливого и смелого человека.

Очень недолгое время в 1876—1877 годах работал на заводе молодой слесарь Степан Шмидт, уволенный с завода Макферсона за подстрекательство к стачкам. Шмидт состоял членом революционной рабочей организации в Петербурге. Из этой организации двумя годами позже вырос «Северный союз русских рабочих», во главе которого стояли столяр Степан Халтурин и слесарь Виктор Обнорский.

Во взглядах членов этой рабочей организации было много от народничества. Но они — как позже и члены «Северного союза русских рабочих» — понимали, что у рабочего класса есть свои самостоятельные задачи, и хотели бороться за политические права, в то время как русские народники ошибочно считали, что главной революционной силой является не рабочий класс, а крестьянство.

Члены организации были знакомы с западноевропейским рабочим движением. Путиловец Степан Шмидт среди своих друзей славился тем, что прочел и знал первый том «Капитала» Маркса. Он состоял в центре группы, был связан с Халтуриным, Обнорским, Виноградовым. Через них он знал о рабочем движении на Западе: Обнорский и Виноградов побывали за границей и там познакомились с деятелями I Интернационала. Шмидт вел на заводе среди рабочих пропаганду, распространял нелегальную литературу и пытался во время стачек объединить рабочих, организовать их на длительное сопротивление. От путиловца Андрея Герасимова, ближайшего помощника Шмидта, получал запрещенные книжки и Григорий Муравьев.

Руководитель рабочей организации Степан Халтурин часто бывал за Нарвской заставой. Там, на квартирах надежных рабочих, встречался он со Шмидтом и другими членами организации. Несколько позднее, там же, в Емельяновке, у студентов Садовникова и Жулковского, поступивших на Путиловский завод весовщиками, бывал молодой студент Георгий Плеханов. Будущий организатор первой марксистской группы «Освобождение труда» принадлежал в то время к активным народникам-бунтарям.

Таких, как Шмидт, Герасимов, Муравьев, на заводе было не больше десятка. К тому же все они, кроме Муравьева, работали на заводе очень недолгое время и уходили, как только следы их деятельности обнаруживались царской полицией. Тем не менее их влияние сказывалось. Волнения на заводе продолжались и в следующие годы, и все чаще мелькали в них проблески сознательности. Все чаще приходилось слышать путиловцам о стачках на других фабриках и заводах. Бастующие выпускали прокламации — обращения ко всем петербургским рабочим. Путиловцы читали прокламацию забастовавших ткачей фабрики Шау. Фабрика находилась возле Нарвских ворот. Ткачи жили на шоссе, в деревне Волынкиной или в Тентелевке, встречались с путиловцами.

Многого из окружавшей жизни путиловцы еще не понимали, многому верили слепо, по традиции. Но жизнь учила, жизнь заставляла задумываться. Волнения на заводе приучали действовать сплоченно. Заводская жизнь быстро переделывала недавних крестьян, делала их пролетариями-металлистами. Иной раз вспоминали путиловцы смельчака Григория Муравьева, молодого слесаря Степана Шмидта, Андрея Герасимова. Возникала мысль: может быть, и правы эти люди, что за свои слова не побоялись пойти на каторгу? Вспоминалось обращение ткачей фабрики Шау. Ткачи прямо утверждали, что слишком долго рабочие терпели и ждали заступничества властей, настал черед терпеть хозяевам. «Плохо придется им всем, когда мы возьмемся за ум, когда все будем стоять друг за друга и отвечать».

Прокламация ткачей заканчивалась словами:

— Все за одного, один за всех!

Выходило, что у всех рабочих один общий враг — хозяева, что единение — большая сила и лучшее оружие.

ГЛАВА ВТОРАЯ

1880—1899

РЕЛЬСЫ, ПАРОВОЗЫ, ПУШКИ

К весне 1883 года на Путиловском заводе скопилось свыше шести миллионов пудов рельсов. Этих рельсов хватило бы для укладки железнодорожного пути длиною в три тысячи верст. Звонкий стальной рельс, создавший всероссийскую известность заводу и славу Путилову, стал мертвым грузом, под тяжестью которого зашатался старый Путиловский завод. Кризис восьмидесятых годов приостановил железнодорожное строительство. Наработав в запас миллионы пудов рельсов, Путиловский завод свернул производство своих основных прокатных цехов.

Николай Иванович Путилов умер за три года перед этим. С его смертью дела завода пошли хуже. В Государственном банке в обеспечение долгов были заложены и рельсы, и заводские постройки, и акции завода. Долг казне составлял 16 миллионов рублей. Банк решил, наконец, разделаться с путиловскими акциями и в 1883 году продал их «Синдикату Брянского и Варшавского сталелитейных заводов».

Синдикат прибирал к рукам русский рельсовый рынок, на котором до того первое место занимал Путиловский завод.

Через два с половиной года на рельсовом рынке завоевал прочное место другой завод синдиката — Брянский. Дешевая цена южного проката стала общеизвестной. Путиловский завод как конкурент уже не был опасен, и синдикат продал его акции. Главным покупателем был Н. Н. Анцыфоров, председатель Международного банка, он же управляющий имуществом графа Строганова, крупнейшего богача России. Старая слава Путиловского завода, постоянная помощь заводу со стороны казны и, наконец, военные заказы, начавшие

поступать, дали Анцыфорову уверенность, что путиловские акции купить выгодно: рано или поздно завод воспрянет.

Несколько лет Путиловский завод перебивался случайными заказами и ждал благоприятной конъюнктуры. В начале девяностых годов наступило некоторое оживление русской промышленности. И, вкладывая в завод свои средства, деньги графа Строганова, банковские субсидии и капиталы акционерной мелкоты, Анцыфоров повернул его на путь новых производств.

К этому времени в двенадцати цехах Путиловского завода работало около трех тысяч человек. Многочисленные и довольно убогие постройки были беспорядочно раскинуты на обширной заводской территории. Мартеновская, литейная, кузнечная и прокатная были построены еще при Н. И. Путилове. Позже выстроили новые — вагонную и механическую мастерские. Деревья, росшие во дворе около мастерских, придавали заводу необычный вид. Позади вагонного цеха до самого залива тянулась болотная пустошь. В стороне, слева от главной дороги, сохранилась большая роща. Южную часть ее называли заводским парком; там стояли директорский дом и дома, где жили высшие служащие.

Расширение завода началось с рубки деревьев между мастерскими. Рубили и старую рощу. Молодецки ухая, заносили топоры голубоглазые рязанцы. Перекликаясь, весело позванивали они стальными пилами:

— Так им и надо, барским деревáм!

Рязанцы пришли на завод в 1891 году, спасаясь от тифа и холеры, убегая от голодной смерти. В тот год смерть собирала небывало обильную жатву: голодало сорок миллионов крестьян — половина всего населения России.

Рязанцам давно уже не приходилось орудовать топорами, и теперь, как бы возмещая потерянное, они безжалостно валили дерево за деревом. Они вырубали рощу сплошняком, вслед за ними артели псковских и тверских крестьян корчевали пни и сравнивали землю, как будто там и не было никогда деревьев. От мартена и литейных грабари подвозили гарь и шлак, засыпали канал посреди двора. Завод расчищали от зелени, подымали низины, осушали болота под постройки.

Новые мастерские понадобились для выполнения важнейших правительственных заказов — на вагоны, паровозы и пушки. На расчищенном месте поднялись здания лафето-снарядной, паровозомеханической, пушечной, прессовой и сборочной мастерских. Они не были похожи на старыеароч-

ные цеха системы Путилова. Строили их основательно, по промышленному образцу: каменные корпуса, крытые железом, с железными клепаными колоннами, подкрановыми путями.

В последние годы прошлого века Россия далеко шагнула по пути капиталистического развития. По стране тяжелой поступью, ломая старые устои жизни, шагал развивающийся русский капитализм. В стране происходил небывало быстрый рост промышленности. Строились заводы и фабрики — 40 процентов всех предприятий России, существовавших в 1900 году, было основано за предыдущее десятилетие. Прокладывались новые железные дороги: Сибирская, Уральская, Сызрано-Вяземская, Уссурийская. За десять лет (1890—1900 гг.) было проложено свыше двадцати одной тысячи верст новых путей — почти столько же, сколько за все тридцать лет со времени отмены крепостного права (1861 г.). Постройка одного Сибирского пути протяжением в шесть тысяч верст потребовала увеличения русской металлургии чуть ли не вдвое. За десятилетие (1886—1896 гг.) выплавка чугуна в России утроилась, тогда как Франция достигла таких результатов в двадцать восемь лет, Соединенные Штаты Америки — в двадцать три года, Англия — в двадцать два года.

В русскую промышленность стремительно вливался иностранный капитал, главным образом французский и бельгийский. Иностранные акционерные общества росли, как грибы: в 1894 году их возникло только три, а за шесть лет (к 1900 г.) возникло 151 иностранное акционерное общество. Началась быстрая концентрация производства. В 1894—1895 г. крупные фабрики и заводы (от 100 рабочих и выше) составляли 10,1 процента всех фабрик и заводов, сосредоточивали 74 процента всех фабрично-заводских рабочих и 70,8 процента всей суммы производства.

Яркую иллюстрацию этого быстрого темпа промышленного развития дал Путиловский завод. Под покровительством и при поддержке правительства он за десять лет вырос в крупнейшее предприятие России.

Старый завод попал в самый быстрый поток промышленного развития. Новое железнодорожное строительство потребовало огромного подвижного парка — завод перешел на паровозостроение и вагоностроение; царское правительство исподволь готовилось к войне, к продвижению на Дальнем Востоке — завод заново ставил пушечное производство; замыслы путиловских хозяев метили еще дальше — завод

переходил к машиностроению, а это была наиболее отсталая отрасль русской промышленности.

Директором завода был поставлен Н. И. Данилевский, большой специалист-паровозник. Он обязался развить на заводе паровозостроение и артиллерийские производства, сделать завод прибыльным. Имея связи в министерстве путей сообщения, он сам добывал заказы на паровозы и вагоны. Но артиллерийские заказы добывались непосредственно правлением.

Получив в 1892 году заказ на 28 паровозов, завод приступил к изготовлению первого паровоза по чертежам министерства путей сообщения. Паровоз был нормального типа, четырехосный, системы «Компаунд». Делали его в механических мастерских два года. За это время построили паровозные цеха. Вслед за первой партией паровозов правительство обеспечило заводу гарантийный заказ на восемь паровозов в месяц. За короткое время Путиловский завод стал поставщиком многих частных железных дорог и в течение девяностых годов дал транспорту 673 паровоза.

Паровозостроение надолго заняло одно из главных мест в производстве Путиловского завода. В 1898 году он подошел к выпуску 160 паровозов в год. Ни один завод в России не выпускал паровозов в таком количестве, как Путиловский.

В 1894 году Путиловский завод вновь вступил в борьбу за рельсы. Благодаря связям правления и близости его к правительственным кругам завод вышел па время победителем. Узнав о предстоящем заказе на 12 миллионов пудов рельсов, путиловское правление спешно собралось, чтобы обсудить вопрос, как перехватить у конкурентов эту крупную добычу. Совещание было необычайно оживленным. Приняли решение: ходатайствовать перед правительством о предоставлении Путиловскому заводу заказа на рельсы, — взамен правление разовьет выплавку чугуна из северных руд.

Выплавка чугуна из болотной руды была затеей, заведомо обреченной на неудачу. Еще в конце восьмидесятых годов, в связи с введением пошлины на чугун (45—52 копейки с пуда), путиловское правление занялось изысканиями руд в Олонецкой губернии. Пробные плавки показали, что этот чугун непригоден ни для рельсов, ни, тем более, для паровозов и военного производства. И все же северные руды выставляли перед правительством как самый веский аргумент.

Чугуноплавильное дело издавна поощрялось правительством. Постепенно идея использования северных руд была внушена чиновникам. Это было сделано так искусно, что министерство стало считать себя творцом этой идеи. Теперь оно заговорило с путиловским правлением языком ультиматума:

— Вы просите заказа на рельсы, вы ходатайствуете о повышенной цене за пуд рельса. Все это может быть дано не раньше, чем вы возьметесь за изыскания сырья на севере.

Срочно правление купило в Финляндии два рудника — Валимяки и Чубукомяки. Послали помощника директора завода, инженера Липина, строить чугуноделательный завод в Видлицах, поблизости от рудников. В Петербурге, у себя на заводе, выстроили опытную плавильную печь системы Хусгавеля.

Заказы на одиннадцать с половиной миллионов пудов рельсов путиловское правление получило. Правительство платило заводу в 1894 году по 1 рублю 68 копеек за пуд, тогда как на рынке пуд рельсов стоил 85 копеек. Переплата на весь заказ, составившая сумму круглым счетом в 10 миллионов рублей, рассматривалась как поощрение и финансовая поддержка важного дела производства чугуна из северных руд.

В 1898 году, дождавшись последнего заказа на рельсы, путиловское правление прекратило изыскания руд. Видлицкий завод опустел, а печи Хусгавеля были разобраны. Все убедились: эксплоатация болотных руд невозможна. Затея путиловских хозяев оказалась просто крупным мошенничеством. Путиловское правление получило восемь миллионов чистой прибыли.

Еще бóльшую прибыль сулили казенные артиллерийские заказы. Военные замыслы царизма открывали перед Путиловским заводом обширный и прочный рынок. Половина всех средств, затраченных в девяностые годы на заводе на новое строительство, пошла на артиллерийские мастерские. Они были лучшими на заводе, их оборудовали заграничными, наиболее совершенными станками. Все больше внимания и средств завод отдавал постановке производства легкой полевой артиллерии — области, в которой он был застрахован от русских конкурентов.

Для производства артиллерии нужна была высококачественная сталь — завод научился вырабатывать ее. Пушечное производство требовало непосредственной близости

к военным кругам — завод издавна был связан с орудийными конструкторами и военным министерством.

Артиллерийское производство началось с заимствования чужих чертежей и с учебы у иностранцев. По способу французской фирмы «Жакоб Гольцер» поставили изготовление бронебойных снарядов. По указаниям этой же фирмы построили тигельную и закалочную мастерские. Французский инженер Канэ был консультантом при постройке гидравлических башен для военных судов. Проект такой же электрической башни разработали с помощью фирмы «Сеттер Гарле». Чертежи минного аппарата купили у английской фирмы «Армстронг-Витворт». Первая легкая полевая пушка, выпущенная в 1892 году, вырабатывалась с помощью французского треста «Шнейдер-Крезо», с которым завод поддерживал постоянную связь.

Как это было в паровозостроении, Путиловский завод и в артиллерийском производстве пытался выйти из-под зависимости от других фирм. Вслед за паровозотехнической конторой была создана артиллерийско-техническая (конструкторская) контора для разработки своих образцов пушек и лафетов. Впоследствии артиллерийская контора создала свой непревзойденный образец легкого трехдюймового полевого орудия. Путиловский завод был одним из крупнейших центров конструкторской мысли в России. Однако выйти из-под зависимости от иностранной техники ему так и не удалось.

За одно десятилетие завод вырос в четыре раза и вышел на первое место среди заводов России. В условиях общего подъема промышленности, поощряемый покровительственной политикой правительства, завод стал огромным по тому времени комбинатом важнейших для военно-феодального империализма производств.

Продукция завода вторгалась на территорию Дальнего Востока и Манчжурии. К самому Тихому океану тянулись рельсы, изготовленные Путиловским заводом. Туда бежали им же сработанные паровозы и вагоны. Завод готовил снаряды и строил суда для будущей русско-японской войны. Вагонный отдел, выпускавший прежде только товарные вагоны, поставил производство пассажирских вагонов, стал выпускать цистерны, вагоны специального назначения — двухэтажные для перевозки скота, ледники, рестораны и даже построил походный вагон-церковь. Котельно-мостовая делала пловучий док для Владивостокского порта, затвор сухого дока в Севастополе, железные конструкции моста через Волгу у Твери, мост в Вильне. В артиллерийских мастер-

ских, кроме пушек и снарядов, изготовляли щитовые прикрытия для стрелков, полевые хлебопекарни, походные кухни. Тигельные мастерские выпускали рыночную инструментальную сталь. Новомеханическая изготовляла мельничные поставы, маслобойные аппараты, а также простейшего типа станки, которые шли для нужд самого завода.

Выпуская столь разнообразную продукцию, Путиловский завод развивался беспорядочно, без плана, хаотически. Оборудование завода пополнялось также случайно и беспорядочно, в зависимости от выгодных заказов. Но ничто не стояло на таком низком уровне на заводе, как обслуживающее хозяйство: паровое, железнодорожное, водопровод. Котлов в 1896 году было 103, однако они были маломощны и никогда не покрывали потребности завода в паре. Протяженность железнодорожных путей была достаточной, но дикие изгибы, случайные повороты, закругления, разбросанность мастерских — были такими препятствиями, с которыми внутризаводский транспорт не мог справиться. Водопровод представлял собой самую таинственную часть заводского хозяйства. Когда где-нибудь портились трубы и нужно было остановить воду, никто не знал, где и какой вентиль следует закрыть. Срочно разыскивали стариков, когда-то прокладывавших трубы, — только они и могли разобраться в фантастической запутанности путиловского водопровода. Река Екатерингофка, один из питающих завод источников воды, от сильных северных ветров часто мелела, насосы переставали подавать воду, — производство частично прекращалось. При южных ветрах, наоборот, некоторые мастерские заливала вода. Построить заново водопровод, осветить мастерские электричеством (в 1896 году на заводе горели 742 шестнадцатисвечовые лампочки), переложить железнодорожные пути, наладить паровое хозяйство — на это правление не находило средств. Дешевая рабочая сила в конечном счете покрывала все убытки от хищнической организации производства на заводе.

К концу девяностых годов на Путиловском заводе работало 12 тысяч человек. Ни один завод в России не имел такого количества рабочих. Под одну крышу капитал согнал огромную армию труда. В начале девяностых годов основную массу рабочих завода составляли кадровые путиловцы — металлисты. Из поколения в поколение работали на Путиловском заводе целые семьи слесарей, токарей, прокатчиков. Это были потомки крепостных рабочих казенного завода и

тульских кустарей, вывезенных Путиловым, — коренные жители Нарвской заставы.

Чернорабочие вербовались из деревенских, особенно поваливших в город после голода 1891 года. «... За 80-ые и 90-ые годы вместе взятые... шел поразительно-быстрый и острый процесс обнищания, разорения и голодания крестьянства».[1]

Развитие же промышленности в городе требовало новых рабочих рук, и по всей России началось массовое передвижение разоренных, обнищалых крестьян. Тяга в города приняла такие размеры, каких до того никогда не видала Россия. Уходили на постоянную фабричную и заводскую работу, на отхожий промысел. Отходничеством занималось пять-шесть миллионов человек.

На Путиловский завод приходили из многих губерний центральной России. За 1894/1895 год из 9 тысяч рабочих было: тверяков — 2 тысячи, крестьян Псковской губернии — 750 человек, Смоленской — 700, Новгородской — 600. Из-за сотен верст приезжали они в вагонах четвертого класса, шли пешком, ехали на подводах. Почти каждый вез с собой подарок: живого петуха в корзинке, гуся, окорок или что-либо другое из домашней живности в соленом или копченом виде.

Долго мыкались молодые крестьянские парни, неделями обивали пороги квартир мастеров, сбывая привезенные для них «подарки», пока наконец не попадали в гремящие путиловские цеха на долгожданную черную работу. Они приходили в мастерские чернорабочими, на погрузку, к прокатным вальцам, к печам, где сутками безостановочно бились языки неистового пламени. В мастерских их подстерегала опасность на каждом шагу. Машины, ремни и станки они видели впервые, боялись каждого движения этих коварных, грызущих и когтистых чудовищ, готовых в любую минуту захватить рубаху, отрезать пальцы, раздробить руку, шарахались в сторону от громыхающих электрических кранов.

Молодые деревенские парни тянулись за заставской молодежью и через несколько лет заводской работы превращались в пролетариев. Постепенно привыкая к обстановке, они уже спокойно смотрели, как над их головами проносились многопудовые тяжести. «Серый» крестьянский парень свыкался с заводскими порядками, становился грамотнее, а чаще всего научался грамоте именно здесь.

---

[1] *Ленин*, Сочинения, т. V, стр. 58.

Молодые рабочие попадали в руки мастеров, из которых редкий относился к ним по-человечески. Были мастера-«кнуты» — беспощадные истязатели подручных, были «глоты» — взяточники и вымогатели, были «шкуры» — хитрые и бездушные доносчики. В мартеновской мастер Крегер называл рабочих не иначе как обезьянами, Лядов из механической — коровами, а в рельсообделочной мастер Яковлев был до того лют с подчиненными, что получил кличку «царь Диоклетиан-гонитель».

Над всеми мастерами и цеховыми начальниками стоял главный начальник — директор завода Н. И. Данилевский. У него было правило: «мастера в руках держать, значит и рабочие будут в строгости и послушании». Он никогда не ругал за неисправность рабочего, а направлялся прямо к мастеру, которого жестоко распекал при всех. Он знал: все пойдет своим чередом. Обруганный им мастер выместит свою неудачу на рабочих и добьется должной покорности и порядка.

Надрываясь, не щадя сил, покорно вынося все глумления начальства, работали молодые рабочие, лишь бы попасть к станку, машине, сварочной печке. Они работали по 340, а то и по 350 дней в году — без отдыха, без перерыва. Из всех заводов Петербурга на Путиловском был самый долгий рабочий год, так как Путиловский всегда, а в особенности в девяностые годы, был обеспечен заказами более, чем другие заводы, и здесь была постоянная гонка.

Продолжительность работы в разных цехах была различна. В горячих мастерских — мартеновской, тигельной, литейной, прокатных — рабочий день длился двенадцать часов непрерывно; в механических цехах был перерыв на обед в полтора часа. Практически рабочий день, особенно в мастерских, связанных с литьем металла, был значительно больше. Работа зависела от плавки и готовности металла, от продолжительности заливки форм, и рабочее время с 12 часов порой растягивалось до 14—16 и даже до 18 часов без перерыва.

Основу производства в горячих цехах составляла мускульная сила рабочих. Миллионы пудов литья, ежегодно проходившие через мартеновские печи, передвигались по цеху вручную — сначала в виде шихты, потом как готовые болванки. В прокатных цехах эти же миллионы пудов вручную загружали в печи, вручную кантовали. Так создавался особый тип рабочего горячих цехов — человека сильного, нередко богатыря, не имевшего квалификации, но желав-

шего зарабатывать наравне с токарями. Для этого надо было тратить силу без меры — переносить жару, не считаться с временем и почти обязательно перенести грыжу.

Рязанцы, тверяки, псковичи — сотни недавних крестьян, еще несколько лет назад расчищавшие завод от зелени, засыпавшие канал, превращались в слесарей, вальцовщиков, мартеновцев, литейщиков. В диких условиях, собственным горбом они приобретали навыки сложных профессий. Беспорядочная смена заказов содействовала их разносторонней квалификации. Они перебрасывались от производства трехфунтовой втулки к сложной отливке в три-четыре тысячи пудов, от изготовления колесной походной кухни к производству электрической башенной установки для дредноута. В модельной сосредоточились значительные кадры высококвалифицированных модельщиков, какими не обладал ни один русский завод. В пушечной, лафетной, механической первоклассные токаря и слесаря достигали высокого мастерства. Литейщики и инструментальщики, сталевары и тигельщики становились художниками своих специальностей. Подневольные, хищнически эксплоатируемые, не заинтересованные в результате своего труда, они создали славу заводу. Благодаря им о Путиловском заводе говорили с уважением:

— О, Путиловский завод — он все может...

ХОЗЯИН ЛЯШКА

Необыкновенно толстый, с сонными выпуклыми глазами, он сидел прямо, как каменная баба, и под его тяжестью низко гнулись рессоры массивной коляски. На заводе он бывал не часто и каждый раз замечал изменения. За забором вблизи мартена подымалась свежая кирпичная кладка и торчали вверх рельсы. Он спрашивал себя: что бы эта кладка означала и была ли она в прошлый раз? Он никак не мог вспомнить, состоялось ли решение строить что-либо около мартена. Запамятовать немудрено: завод растет, ширится, равного ему в столице нет — золотое дно. И привычные мысли о дивиденде, о прибыли нахлынули и завладели им целиком.

У ворот коляска проезжала сквозь толпу людей, которые пришли наниматься на завод.

Мастеровые, рассчитанные с завода за непослушание, протест или требование прибавки, стоявшие у ворот в надежде попасть обратно, знали этого тучного барина:

— Хозяин Ляшка приехал.

Вслед хозяину они бросали иронические замечания и говорили, что хотя он толст, но карман его еще толще. И работы от него все равно не получишь, — не такой человек, чтобы выгнанного на завод взять...

— Весу в нем пудов десять будет, — сказал кто-то из толпы.

— Восемь, — откликнулся один мастеровой.— Мы однажды провезли его сквозь вагонные весы — свешали хозяина незаметно.

Коляска доезжала до места, где начиналась заводская узкоколейка. Паровозик «Малютка» и специальный вагончик с диванами, обитыми сукном, стояли наготове. Двое служащих помогали приехавшему переместиться из коляски в вагончик. Он устраивался на диване, важный, массивный, с палкой между колен. «Малютка» вез его мимо мастерских, а он медленно поворачивал голову, обозревая завод.

Хозяин Ляшка, или А. И. Ляский, не был, строго говоря, хозяином Путиловского завода. Завод принадлежал акционерному обществу, состоявшему из многих мелких держателей акций и нескольких крупных акционеров. Мелкие держатели не имели никакого влияния на дела завода. Вся власть была у крупных акционеров, связанных с Международным банком. Председатель правления этого банка Анцыфоров был в то же время председателем путиловского правления. Крупный акционер завода и финансист Ляский также входил в оба правления. Путиловские рабочие, которые никогда не встречали ни Анцыфорова, ни других членов правления, а видели только Ляского, без большой ошибки называли его хозяином. Его посещения завода расценивались рабочими просто:

— Прибыля́ от завода получает немалые, вот и приезжает посмотреть...

Ляский любил почет при встрече, но разговоров не выносил. Он предпочитал смотреть молча, раздумывая, сопя, почти погружаясь в сон. Из вагончика, обвешанного короткими узорчатыми занавесками, он глядел поверх людей, занятый созерцанием расстилавшейся перед ним панорамы заводских мастерских. Промелькнули свежевыкрашенные классные вагоны, пробежал новый паровоз, отправляемый в обкатку. За каждый пассажирский вагон завод получал 6200 рублей. За паровоз — 30 тысяч. Эти цифры Ляский мгновенно умножал на число паровозов, вагонов, выпускаемых заводом в месяц, в год. Балки, рельсы, паровозы, мастерские, люди — все у него укладывалось в ровные ряды

цифр. Других сравнений у него не было. Он не был специалистом-техником и не вдавался в технические подробности, он знал — Данилевский все сделает. Он был финансист. Новые заказы, их прибыльность, финансовое положение завода — вот что занимало его мысли. Ему случалось во время поездок за границу для покупки чертежей у иностранных фирм бывать на заводах Германии и Франции. Он видел европейские порядки и мог сравнивать их с путиловскими. Там же он усвоил правило: в сварочных печах расход горючего на пуд проката не должен превышать коэффициента ноль целых восемь десятых.

— Ноль комма[1] восемь, — говорил он на иностранный манер и требовал от конторы рапортички о расходе горючего.

У мартеновской он медленно высаживался и входил внутрь, поддерживаемый с обеих сторон. Он еще мог ходить самостоятельно, но из-за живота не видел, куда ступают его ноги, а путь в мартеновскую был неровный. Его усаживали где-нибудь внизу, откуда он мог видеть струю плавки. Начальник мастерской, инженер Вериго, держался поблизости на случай вопросов. Ляский смотрел, сопел и молчал.

Мартеновская, загроможденная болванками, кирпичом, металлическим ломом, явно устарела. Восемь печей вмещали не больше, чем по семи тонн каждая. Паровой кран, приспособленный для разборки изложниц, был тихоходен и назывался «раком». Ковш с жидкой сталью перевозили на блоке вручную, и мастер, боясь охлаждения металла, понукал рабочих, как лошадей.

Лопата у мартеновцев была металлическая, той же формы, что и хлебная лопата, которой орудуют хозяйки, но на конце ее лежало сто пудов. Иногда она не выдергивалась назад — болванка не отпускала ее. Тогда попросту прикрывали заслонку. Лопата плавилась вместе с болванкой, а конец ее, торчавший наружу, отваливался. Это называлось: «лопата сгорела».

Катали, надрываясь, втаскивали наверх тачки с грузом. Сверху, где шла завалка печей, слышалась бурлацкая «Дубинушка». На завалку маленькой печки уходили часы.

При завозке шихты надо было преодолеть подъем к мартеновским печам градусов в пятнадцать. Тачки были первобытные, с одним колесом и двумя ножками. Вместе с грузом такая тачка весила шестьдесят и более пудов. Толкал

[1] Комма (comma) — запятая (на английском и немецком языках).

ее один человек, а при подъеме впрягалось еще несколько и крючьями вгоняли ее наверх. Перед печью было другое трудное место. Груз надо было поднять и посадить в печь. Тут также брали числом. В трудных случаях, если тяжесть была очень велика, звали людей с канавы. Мастер кричал:

— Гони всех как есть!

Брали два длинных ломика. На каждый конец становилось по шесть человек — всего двадцать четыре. Еще несколько человек лопатами просовывали болванку в печь.

Ляский молча, с сонным лицом наблюдал за работой мартеновцев. Люди были отборные, не все рослые, но все крепко сколоченные.

— Вот мы чем знамениты, — Вериго нагнулся к Ляскому, — народом знамениты. Таких силачей, как у нас, мало где найдете... Голиафы. Тут есть один — начнет печку чистить, его за пять сажен надо обходить: ноги расставит — сажень, кочерга — две сажени, да размаху полторы. Когда горячую кочергу бросает, а холодную берет, он вбок на сажень дергается... Страшно мимо итти.

— Европа... — сказал вдруг Ляский, показывая глазами на путиловский мартен. — У Круппа печка сорок тонн. Никаких голиафов. Мелкий народ. Шаржирный кран, мульды. Двадцать пять минут вся загрузка. У вас печи в семь тонн. Голиафы, — загрузка два часа!

Вериго ждал, что Ляский скажет: необходимо последовать примеру Круппа, завести краны и выгнать голиафов. Но Ляский был далек от таких выводов:

— В конце концов, — сказал он примирительно, — во всем этом есть что-то самобытное, путиловское. У них — так, у нас — этак...

Ляский любил применять аргумент о самобытности, взятый из арсенала модных тогда народнических взглядов. Он только переделывал его на свой лад, применительно к интересам русского предпринимателя-капиталиста, оправдывающего всякую азиатчину и отсталость.

В сталепрокатке начальник мастерской Жан-Батист Лисмонд — переименованный рабочими в Ивана Ивановича Батистового — тоже не мог похвастать ничем, кроме людей.

— У нас есть Амосов. В одиночку забрасывает в печь болванки по восемнадцать пудов. Есть Агеев — гоняет на тачке горячие штуки пудов на триста...

Церемония перевоза такой болванки была проделана на глазах Ляского. Целый полк бежал с боков, помогая крючьями, по равновесие держал Агеев. Поручни тачки

были длинные, они увеличивали расстояние между каталем и раскаленной массой, но и они же затрудняли управление тачкой.

— Был проект, — говорил Лисмонд, стараясь поймать сонный взгляд акционера, — проложить здесь рельсы. Я подавал смету. Ответа не получил.

— Рельсы? — переспросил Ляский, довольный тем, что перевоз окончился благополучно и на него ничем не брызнуло. — Рельсы тут действительно были бы кстати.

Нагревательные печи в прокатке были малые, и загрузка их была делом капитальным. Загружать их надо было вручную, так же как вручную надо было кантовать болванки, подвигая их к огню. Работа была хребтовая, потная, от нее на рубаху выступала соль. За двенадцатичасовую смену каждый выпивал огромное количество воды. В разных местах цеха виднелись ведра, подвешенные на крючьях. Пили, наклоняя ведро, в расчете и напиться и облиться.

Рельсы или вделанные в пол крутящиеся валики — рольганги, по которым тащить болванку легче, чем просто по полу, стоили дешево. Но правление отказывало и в этих расходах, предпочитая обходиться мускульной силой рабочих.

— Народу хватит, народ выдержит...

Жан-Батист Лисмонд был француз, обрусевший не настолько, чтобы не читать иностранной литературы. Иногда он вдруг вспоминал, что он представитель передовой технической нации, говорил, что путиловская металлургия основана на грыже и сильно отстала от заграничной. Но Лисмонд уже давно привык к этой обстановке, тоже находил в ней черты русской самобытности и добросовестно вербовал в мастерскую богатырей. За долгую службу он научился, поглядев на спину человека или на его походку, сразу определять, куда его поставить: к печке или к вальцам, и к каким именно вальцам — крупным, средним, мелким.

Вслед за прокатной хозяин Ляшка посетил наугад еще два-три места. Он избегал кочегарок, зная, что многие котлы на заводе изношены и могут взорваться; объезжал котельную, где от множества горнов воздух был так дымен и отравлен газами, что даже чувствовался на вкус; выбирал места потише и, если где усаживался, то усаживался надолго. В пилорубном отделении он долго смотрел, как обтачивают и насекают старые напильники.

Напильник врубали в оловянную пластинку, вставленную в деревянную колодку. Эта колодка имела железный стер-

жень без рукоятки. Точильщик держал руками верхний конец стержня, а ногами, на которые были надеты деревянные чехлы в форме буквы П, прижимал колодку к точильному камню. Рабочий представлял собою клин. Когда ему нужно было сильнее прижимать колодку к камню, он опускался ниже, упираясь в наклонную доску, установленную за его спиной. На точиле были нарублены канавки. Руки у пилоруба дрожали. Дрожало все тело. Колодка иногда срывалась, руки попадали на точило и стирались до крови.

— Давно работаешь? — спросил пилоруба Ляский после долгого полусонного созерцания.

— Полтора года.

— Недавно.

— Для нашей работы давно, — ответил рабочий. — У нас больше как три года никто не держится.

— Почему?

— Сейчас дрожу, пока работаю. А после трех лет буду дрожать и без работы. Пальцы белыми станут, ноги опухнут.

Ляский больше не спрашивал, но его густые седые брови поднялись кверху и остановились в этом положении.

Он посидел еще некоторое время, поерзал на низком неудобном табурете. Затем поднялся, пошевелил мясистыми губами:

— Пьешь много...

Это была обычная фраза, которой он отделывался от рабочих, когда они жаловались на низкий заработок и тяжелую работу.

Пилоруб отставил колодку, намереваясь ответить хозяину. Но тот уже вышел. Лицо у пилоруба было злое, и он сердито выругался.

В паровозомеханической начиналась «Европа» и было, как на заграничном механическом заводе, но только погрязнее. Здесь Ляский садился отдохнуть в каморке кладовщика и долго смотрел, как тот возился с инструментом и изделиями. После пятнадцати минут молчания он задавал кладовщику вопрос:

— Сколько получаешь?

— Тридцать пять рублей, — отвечал кладовщик.

Внешность мелких служащих довольно точно определяла их оклады. В самом низу дело начиналось с крахмальных бумажных воротничков. Каждая лишняя пятерка прибавляла упитанности, солидности, сказывалась на качестве материи, на сапогах, в осанке. Ляский внимательно оглядывал кладовщика. Он словно сличал его с десятками других, оцени-

вал его платье, его подстриженную бородку, обручальное кольцо на его руке.

— Получаешь тридцать пять рублей, — сказал он, когда прошло еще минут пять в молчании, — а выглядишь рублей на восемьдесят. Крадешь...

Он знал, что кладовщик крадет, как бы тот ни отрицал; он верил своему наметанному глазу, но на кладовщика смотрел добродушно, — воровство тоже было частью путиловской самобытности, — и Ляский имел в виду не столько читать мораль, сколько установить факт. Он уже прикинул, во что обходится заводу этот молодчик: крадет рублей на тридцать-сорок. Но от этого не убережешься. Да и мелочь. Зато верен. Сам крадет — другим не дает украсть.

По дороге из паровозомеханической Ляский встречался с Данилевским. Директор подходил с радушным лицом, но без особой торопливости. Правленческих посещений он недолюбливал: приходилось тратить время на людей технически неосведомленных, показывать им достопримечательности, тогда как действительно деловые вопросы о финансировании завода все равно решались не здесь, а на заседаниях правления.

Директор повез Ляского к паровозосборочной показать выпуск очередного паровоза. Паровоз, блестевший свежей окраской, стоял под парами. Машинист сидел в будке наготове. По знаку Данилевского он дал предупредительный свисток. Первый свисток прозвучал торжественно и хрипло, — паровоз как бы прочищал горло. Клубы пара заполнили мастерскую. Нехотя двинулись поршни, шатуны потащили пальцы ведущих колес. Но вдруг поршни стали: где-то заело. Машинист завозился в будке, дергая рычаги. Паровоз не двигался.

— Опять гайки зажаты, — сказал Данилевский, оглядывая поршни и шатуны, — позвать Карасева.

Данилевский повернулся от Ляского и с подчеркнутой вежливостью сказал несколько слов начальнику цеха. Начальник цеха без особой вежливости повернулся к мастеру. Мастер свирепо махнул старшому. До рабочих распоряжение директора дошло в виде ругани, приглушенной по случаю присутствия высокого гостя. Ляский заметил, что рабочие, кроме изруганных, остались равнодушны к истории с паровозом. Кой у кого он увидел насмешливую улыбку, — горечь неудачи их не коснулась.

С несвойственной ему живостью Ляский повернулся к Данилевскому. Рабочие поняли: будут теперь дела — выгонят

кого-нибудь. Директор и без того крут, а тут еще Ляшка подкручивает.

Директор повез Ляского дальше, распорядившись немедленно ослабить гайки, а паровоз испытать еще раз. Неудача с паровозом была случайная, но неприятная тем, что произошла как раз в присутствии гостя. Путь лежал мимо одной из трех канав, пересекавших завод. В эти канавы рабочие издавна сбрасывали брак. Болты, болтики и разные испорченные предметы, включая паровозные топки, части пушек и целые вагонные скаты, в огромном количестве попадали сюда при молчаливом потворстве мастеров. Мастерам было выгодно, чтобы их мастерские показывали меньше брака; они старались не замечать, если в ночную смену брак исчезал из мастерской. Канава долгое время покрывала все грехи, но с развитием нового строительства понадобилось спустить воду, и огромное кладбище ржавого металла появилось на свет. Ляский, проезжая, спросил, что это за предметы. Данилевский не очень охотно объяснил их происхождение.

— Присмотр плохой, — заметил Ляский. — Видимо, они слишком много получают. Распустились. Вы, Николай Иванович, посмотрите там. Да и паровоз дороговат. Себестоимость надо уменьшить.

Данилевский понял хозяина:

— Процентов на десять можно.

Ляский молча кивнул головой. Цифра его удовлетворяла. Директор искоса посмотрел на хозяина: не в претензии ли он за погубленный металл? Но Ляский смотрел миролюбиво и, казалось, не придавал неудачам большого значения. Когда-нибудь завод освободится от этих расходов. Из-за них не стоит ссориться с Данилевским, который не любит замечаний, — вдруг он обидится, уйдет на другой завод, и вместе с ним уйдут его связи в министерстве путей сообщения, уйдут и паровозные заказы.

Ляский смотрел в сторону залива, где на пустыре, почти у самой воды, подымались новые постройки. Постройки еще были в лесах. Там работали каменщики и штукатуры. Со стороны горячих мастерских на подводах подвозили гарь для засыпки болота. Новые здания строили основательно.

— Вон там, — показал Данилевский в сторону залива, — мы заложили фундамент для новой механической. Полгода назад здесь была вода, люди купались, ловили рыбу. Нам приходится отодвигать залив. Нам тесно, и чем дальше, тем будет теснее. . .

Тема покорения залива занимала Данилевского. Об этом он любил говорить. Но он был суров, одушевление его пряталось в производственных терминах и цифрах: сколько возов гари и мусора высыпано в болото, сколько свай забито под фундаменты, в каких местах испытание почвы дало наилучшие результаты. Борьбу с болотом завод ведет давно. Ежедневно десятки возов гари и камня выбрасывают на слабые участки. Вся территория завода поднята и утрамбована.

— И, заметьте, — подчеркивал Данилевский, — вся эта операция отнесена нами за счет хозяйственных расходов. От правления на устройство территории не взято ни копейки.

Лязкий невозмутимо выслушивал цифры и соглашался, что это было сделано хорошо.

— Николай Иванович, — вдруг сказал он, выходя из сонливости, чтобы сказать то важное, ради чего он приехал. — Вопрос о перевооружении артиллерии решен в военном совете окончательно. Будет объявлен конкурс на лучший тип легкого орудия. Как у вас подвигается постройка пушечной мастерской?

— Мастерская вчерне готова.

— Кончайте скорее. Выписывайте оборудование. Ищите людей.

— Но предположим, — сказал Данилевский, — что наш тип орудия, который еще надо выработать, не окажется на конкурсе лучшим и не получит преимущества. Как тогда быть со всеми затратами?

— Это предусмотрено. Серьезным конкурентом на конкурсе будет Шнейдер-Крезо. Остальное — мелочь, случайные фирмы. Со Шнейдером ведутся переговоры. Если получит одобрение шнейдеровская пушка, делать ее будем все же мы, а Шнейдеру будем платить комиссионные...

Оба замолчали — все ясно. Оба были готовы к деятельности. Данилевскому новая работа представлялась как комбинация кирпичей, станков, людей, — производственная задача, которую надо разрешить. У Ляского вся операция сводилась к нескольким итоговым цифрам: затраты, количество пушек первого заказа, возможная себестоимость пушки.

В конторе Ляскому была предложена закуска. Разговор был бессодержательный. Данилевский, разбирая бумаги, показал ведомость, которая развеселила обоих.

— Вот чем занимаются наши чертежники. Есть у нас такой Сильверберг, пишет ведомости стихами.

Стержень стальной для руля кормового — 2 шт.
Румпель железный в корму — 2 шт.
Болт не стальной, а железа простого — 80 шт.
Гайка с контргайкой к нему — 80 шт.

Перед отъездом Ляскому по обычаю была подана рапортичка о расходе горючего на пуд проката. Коэфициент был выведен, как требовалось:

— Ноль комма восемь...

Ляский заметил, что эту же рапортичку подавали ему в прошлый приезд. Повидимому, некоторые служащие конторы принимают его за чудака. Но ему лень было сердиться. Он одобрил рапортичку, распрощался, пошел к выходу, поддерживаемый с обеих сторон. Устроившись в коляске и поставив палку между ног, он погрузился в сонливость.

Тяжелый и неподвижный, он проезжал по улицам, привлекая любопытствующие взгляды прохожих. Только в правлении, попав в свою сферу — в мир банковских комбинаций и торговых сделок, он снова оживился. Беспрерывно шевеля и постукивая по столу короткими толстыми пальцами, он рассказал членам правления о делах завода и об идеях, возникших у него во время поездки:

— Выпустить дополнительную партию акций. Деньги будут...

Путиловская акция на бирже была в цене. В 1894 году она даже поднялась на пятьдесят пунктов выше номинала. Председатель правления ухватился за идею Ляского. Он вызвал бухгалтера и приказал тотчас же произвести необходимые подсчеты. Ляский сел сочинять письмо в министерство финансов с просьбой разрешить выпуск новых акций.

Член правления Нератов высказал сомнение: деньги нужны сейчас — предстоит выплата дивиденда, а результаты выпуска акций будут не раньше, чем через несколько месяцев.

Ляский оторвался от своих заметок и бросил:

— Это предусмотрено. Уменьшим платежи рабочим. Дивиденд есть дивиденд. Мы дадим семь рублей на акцию. Копейка в копейку. Данилевский уменьшает стоимость паровоза на десять процентов.

ЗАСТАВА

К юго-западу от центра столицы, вдоль Петергофского шоссе, расположилась Нарвская застава — крупнейшее рабочее предместье царского Петербурга. К девяностым годам застава окончательно превратилась в типичную окраину большого капиталистического города. Над всей заставой возвышался и господствовал Путиловский завод. Он перешел на паровоз, на пушку, потребовал вчетверо больше людей, двинулся вширь. Вместе с ним росла и изменяла свой облик Нарвская рабочая окраина.

Петергофское шоссе — некогда аристократическая «Петергофская першпектива» — погрязнело, поблекло, стало обычной улицей рабочего предместья. Родовые дворцы князей Трубецких, графов Строгановых и Шереметевых давно перешли во владение купцов Масловых, Квасниковых, Овсянниковых. В бывшем дворце Строгановых разместился трактир, на месте оранжереи княгини Дашковой раскинулось коммерческое садоводство купца Ушакова. От прошлого сохранилась лишь полосатая заставская будка у самых Нарвских Триумфальных ворот.

Черты загородной дачной местности, которые были свойственны старой заставе, быстро исчезли. Отодвинулись стога, поредели рощи, обмелела и загнила речка Ольховка, отравленная нечистотами и химическими отходами фабрик. В обиходе речку называли Воняловкой.

Кабатчик Семен Богомолов из «Финского залива» в Емельяновке продвинулся на шоссе, занял углы под кабаки и в короткое время оброс деньгами, почетом, шубами и собственными домами. Сын его Степан старался быть похожим на европейца, носил эспаньолку и взбитый кок, ездил на рысаках и хозяйски высматривал, где можно скупить землю, чтобы потом перепродать ее мелкими участками.

Рабочая окраина стала особым мирком, где были свои богачи и свои нищие, свои попы и трактирщики, своя полиция, свои интеллигенты-одиночки — врачи и учителя — и даже свой благотворитель — купец Ушаков, владелец садоводства и многих домов, построивший под конец жизни школу, больницу и церковь.

Появились домовладельцы, строители новых деревянных флигелей — народ мелкий в городе, но почтенный на окраине. Они покупали участки земли у Степана Богомолова, вырубали деревья, строили первый лицевой дом, подводили его под крышу и закладывали в банке; отступя шесть ша-

гов от первого дома, строили второй, потом третий, четвертый, пока весь участок не оказывался застроенным до последней сажени. Дома были двухэтажные, деревянные, с множеством квартир по две-три комнаты, отделенных друг от друга тонкими стенками, с одним общим коридором и общей холодной уборной. Мусорных и помойных ям не полагалось. Все отбросы и помои выливали прямо во двор, в канавы, прорезавшие улицы. Мысли строителей были устремлены к одному: как можно больше квартир, комнат, дохода. Оклеенные дешевыми обоями, новые квартиры до сдачи в наем имели приятный, чистенький вид, но скоро теряли его и вместе с ним теряли способность воспринимать чистоту.

По обе стороны Петергофского шоссе возникли улицы, ряды домов, битком набитых людьми. Особенно отличалась теснотой Богомоловская улица, прозванная Миллионной.

На Богомоловской селились псковичи, новгородцы — деревенские люди, земляк к земляку, племянник к дяде. Левая Тентелевка была заселена рабочими Химического завода и извозчиками. Болдырев переулок и деревня Волынкина — преимущественно текстильщиками. Квалифицированный народ — токаря, слесаря, модельщики — селились в Огородном переулке, на Ушаковской и на самом Петергофском шоссе. В первых этажах домишек помещались многочисленные пивные, полупивные, кипяточные, кислощейки, ренсковые погреба, ларьки с селедкой, печенкой, с горячей колбасой. Каждое торговое заведение отмечалось вывеской, а на углу Новой улицы висел жестяной крендель, у которого заводская копоть съела позолоту.

Дважды в месяц, по субботам, ранним утром, вдоль шоссе появлялись палатки, разбитые ящики, камни, лотки, базарные столики. Товаров на столах еще не было, но вся застава уже знала, что сегодня на Путиловском получка. Торговцы лучше заводских узнавали, когда на каком заводе получка. Они бросались за Невскую заставу, если получка была на Обуховском или Семянниковском, перекочевывали на Обводный, в район текстильных фабрик, или на Выборгскую. Больше всего было торговцев за Нарвской заставой в дни путиловской получки.

«Базар-получка» занимал несколько кварталов — от Чугунного переулка до шлагбаума и дальше, а на пустырях Новопроложенной и Новоовсянниковской улиц расползался в шумную толкучку. Сюда сносили всю базарную дешевку: грубое доместиковое белье, бумажные брюки, перелицованные костюмы с наскоро пришитыми пуговицами, пестрые

кофты и юбки, фольговые зеркала, лубочные картины с изображением страшного суда, любые товары — от семейных комодов до игрушечного шара ребенку и соленого огурца на закуску отцу.

Вся застава готовилась к получке. Лавочники подбивали итоги в заборных книгах. Домовладельцы подсчитывали долги квартиронанимателей, квартиронаниматели — долги угловых жильцов. Трактирщики выкатывали из подвалов бочонки и полубочонки пива, выносили четвертные с водкой, уставляли буфетные стойки тарелками с убогой закуской: мелко нарезанным хлебом, рубцом, редькой в масленой воде, грибами, квашеной капустой. Здесь были такие закуски, которые путиловец мог позволить себе только в день получки.

Средняя заработная плата путиловского рабочего в 1891 году, по данным заводоуправления, равнялась тридцати рублям в месяц. При подсчете средней цифры оплату сверхурочных часов прибавляли к оплате нормальных, число сдельщиков к числу повременщиков, и всю выплаченную сумму делили на общее число рабочих. На самом деле по отдельным мастерским средний заработок колебался от сорока восьми рублей в паровозных и артиллерийских цехах до восемнадцати рублей в дворовом цеху. Такие же резкие колебания были внутри каждого цеха между разными квалификациями: в кузнице при двух молотобойцах кузнец подчас зарабатывал до трех рублей в день, молотобоец же получал шестьдесят-семьдесят копеек. По официальным данным более трех четвертей путиловских рабочих зарабатывали много меньше одного рубля в день. К 1895 году средняя дневная плата по заводу увеличилась на двенадцать копеек, а к концу десятилетия на тридцать пять копеек, но прибавка в основном коснулась опять-таки паровозных и артиллерийских цехов и, кроме того, наполовину была съедена ростом цен на товары. Чернорабочий за все десять лет получил прибавку в двенадцать копеек.

Людей различали не по разрядам, а по копейкам цехового оклада. Заработок «партии» — рабочей бригады — распределялся мастером. Значительный куш он выделял старшому, который чаще всего сам не работал. Если оказывалось, что партия заработала слишком много, мастер при подсчете снижал расценки и подводил заработок к «норме» так, чтобы сдельщик получал не больше двойного цехового оклада. Поденный рабочий получал только цеховой оклад. Заработать больше он мог лишь сверхурочными. Тогда его

рабочий день растягивался до четырнадцати-шестнадцати часов в сутки.

Две недели труда отмечались в расчетной книжке скупыми цифрами. Эти цифры сокращались после вычетов: на штрафы за прогулы и брак, на масло для цеховой лампады, на церковь, которую начальство строило с 1897 года, высчитывая один процент с заработка рабочего. Штраф, падавший на каждого рабочего, в среднем не был велик — в год набегало до трех рублей. Но произвольная система штрафования давала в руки мастера бич, хлеставший каждого. Некоторые рабочие, не желавшие подчиняться произволу, платились большими вычетами, до трех-пяти рублей в получку. Главную же графу в удержаниях, до 40 процентов всей суммы заработной платы, составлял вычет в потребиловку за товары, взятые в кредит. Иногда этот вычет поглощал всю получку, и в графе «выдается на руки» вместо цифры стояла волнистая линия:

— Змея.

В других цехах, в зависимости от манеры конторщика, итоговую графу прочеркивали не волнистой линией, а углами, зигзагами. Тогда говорили:

— Топор.

Рабочий со «змеей» или «топором» не видел в получку денег и должен был жить снова в кредит. Наличные же деньги добывал посредством «перегоночки»: он брал в кредит продукты в потребиловке и «перегонял» их со скидкой мелким лавочникам, гнездившимся вокруг завода.

Получку выдавали с утра. По случаю субботы путиловцы на обед не уходили и работали вяло. День получки был днем больших раздумий для каждого. Жизнь больше размерялась получками, чем неделями и месяцами. Получку ждали с нетерпением, со злобой и ненавистью: «Будь ты проклята!» — восклицал мастеровой и швырял расчетную книжку со «змеей». Проклиная получку, плакала мать большой семьи, подсчитывая, сколько принесет муж и сколько дней еще впереди до следующей получки. Из грошового двухнедельного заработка, едва покрывавшего самые насущные нужды рабочего, требовалось выкроить и на случай болезни, и на родственников в деревне, и на взятку мастеру.

В день получки Н. А. Сметухин, мастер паровозомеханической, наведывался к станкам гораздо чаще, чем обычно. Он ходил с незакуренной папиросой между станками, останавливался:

— Спички есть? Дай прикурить.

Рабочий молча протягивал спички. Сметухин закуривал, делал карандашом знак на коробке и опускал в карман.

— Ладно. Коробок после отдам.

Папироса его сразу же тухла. Он подходил к другому:

— Спички есть...

Потом, уединившись в конторке, он вытряхивал из коробков деньги. По отметкам на коробках он знал, от кого сколько получено.

Подростки в старомеханической в день получки ловили взгляд старшого Степанова. Степанов говорил:

— Принесешь в «Россию» в четыре часа. Я буду в бильярдной.

— Слушаю, господин старшой, — отвечал подросток.

Он зарабатывал гроши, но если хотел удержаться в мастерской и чему-нибудь научиться, то отсчитывал половину на взятку.

Мастер А. М. Лядов действовал открыто. Он подходил к рабочему, который, по его расчетам, неплохо заработал:

— Что же ты, Павлуша, забыл со мной поделиться?

— Чем делиться-то, Алексей Михайлович?

— Ты, корова, разве не понимаешь, подумай-ка...

Лядов отходил уверенной походкой: в следующую получку Павлуша не увидит хорошего заработка и сам принесет мастеру его «законную» часть.

Новичок в день получки испытывал беду еще и с другой стороны. Подходил кто-нибудь из товарищей, работающих в той же партии, говорил выжидательно:

— Ну, что же, Тарас, как оно будет? После гудка все вместе в «Ливадию»? Так, что ли?

С первого дня работы все точно сговорились называть новичка Тарасом. Чужое имя обижало его. Он сердился, возражал, но успел узнать, что будет хуже, если сегодня, в день получки, он не исполнит обычая. До сих пор его называли Тарасом добродушно, а теперь чужое имя будет звучать обидной кличкой и пристанет к нему навсегда. Он еще раздумывает, — надо бы итти прямо на почту, чтобы скорее отослать деньги в деревню, там ждут, но люди после гудка насядут на него еще раз, и он пойдет вместе со всеми. Если же новичок упорствовал, ему напоминали об этом по-иному. На его ящике с инструментами и одеждой появлялся кусок кровельного железа, и на нем мелом был нарисован ребус: по одну сторону цифра 3, бутылка и рюмка, по другую — большой гвоздь без шляпки, так называемый

«секрет». Ребус означал, что предстоят неприятности. Если и на этот раз не поставить привальных, вдруг окажется, что ящик не открывается: через крышку пробит восьмидюймовый гвоздь без шляпки, который не сразу заметен, и не так-то просто его выдернуть. В случае, если новичок пожалуется мастеру, тот ему скажет:

— Сам виноват. Надо блюсти обычай...

К двум часам у заводских ворот собирались женщины. Одни приходили по уговору с мужем, чтобы вместе пройти через базар-получку. Но много жен встречали мужей, не надеясь, что те сами благополучно донесут получку до дому. Иной муж был заботлив, любил семью, но от компании отстать не мог; он отдавал жене получку, оставляя себе рубль или два:

— Хоть с получки-то дай погулять...

Иной, завидев жену у главных ворот, поворачивал к морским воротам и выходил на шоссе через переулки.

Пьяницы помогали друг другу прятаться:

— Я видел, твоя женка только что в «Китай» заходила.

Он шел именно в «Китай», где жена будет не скоро. Много женщин с встревоженными заплаканными лицами метались в этот день от кабака к кабаку. Они заглядывали в окна, в открытые двери. Иная припасала сороковку, чтобы заманить мужа домой, — если его не найти теперь, нечем платить за квартиру, завтра же придется съезжать, детям совсем нечего будет есть. От кабака к кабаку металось горе женское, нескрываемое, всем понятное.

В получку не хотелось итти домой. В этот день яснее, чем в другое время, была видна теснота и нищета своего жилья. Отдельная комната, и еще реже отдельная квартира, была доступна только высококвалифицированным рабочим. Обычно в комнате жило по нескольку семей, разгородившись занавесками. Многосемейным рабочим приходилось особенно трудно. Они снимали квартиру, впускали жильцов во все углы, а для себя оставляли комнатку похуже или одну кухню. Хозяйка варила обеды для всех жильцов, стирала им, поила чаем, будила на работу. Так иногда оправдывалась высокая квартирная плата, и даже получалась некоторая выгода. Угловых жильцов подбирали по-двое на одну койку из работающих в разные смены: один работает, другой спит. За Нарвской на 655 домов приходилось 1420 квартир, занятых угловыми жильцами. По скученности населения квартиры Нарвской заставы уступали только трущобам босяков около Сенной площади. Средняя жилая площадь

углового жильца, по данным санитарной комиссии 1898 года, не превышала трех квадратных метров — немногим более площади могилы. Угловая жизнь, грубая, копеечная, грязная, увеличивала смертность так, что она в два с половиной раза превышала смертность в центральных районах города. Детская же смертность была выше в несколько раз.

Журналисты и врачи, благотворители и санитарные инспектора, особенно после холеры 1892 года, шли за Нарвскую обследовать жилищные условия рабочих. Они ходили из квартиры в квартиру, со двора во двор, мужественно переступая лужи и зловонные канавы. Затем писали длинные сухие статьи. Статьи печатались в толстых журналах, читались интеллигенцией, а застава попрежнему оставалась грязной, без мостовых, без водопровода, без выгребных ям. С каждым годом скученность увеличивалась, улицы и дома становились грязнее, жизнь — гаже.

Преобладающее число путиловцев жило тяжелой и смрадной жизнью артельного, углового жильца. В Шелковом переулке появился дом с битыми стеклами в окнах — «Смурыгин дворец», ночлежка. И там жили рабочие. Угол, нары были ночлегом, свободное время надо было проводить в другом месте: во дворе, на улице, в кабаке. В кабаке можно было потолковать с товарищем, дать выход потребности в человеческом общении. За штофом вина забывались тяготы жизни, штраф мастера, оборванная жена, голодные дети.

Перед путиловским рабочим за Нарвской заставой и в деревнях Волынкиной и Емельяновке раскрывались двери свыше пятидесяти питейных заведений. Кабаки размножались одновременно с расширением завода и даже быстрее. Пока лафето-снарядная, пушечная и паровозомеханическая стояли в лесах, по Петергофскому шоссе, как раз напротив завода, открылись три новых кабака, восемь трактиров и несколько портерных. На углу Чугунного переулка находилась «Ливадия», в сторону Нарвских ворот — «Базар» и «Яр» с номерами и проститутками; на углу Богомоловской — «Россия». «Марьина роща» — трактир с цыганским хором и арфами — стояла напротив завода.

В сторону Красненького, на углу Шелкового переулка, находился «Китай», а почти у ворот кладбища — «Красный кабачок», самый бойкий трактир заставы. Возвращавшиеся из города крестьяне останавливались в нем потому, что он был последним в черте города; приезжавшие — потому, что он был первым. Пьяницы, убегавшие в получку от жен, при-

ходили в «Красный кабачок»: он был самым дальним, — жена добиралась сюда не скоро.

В день получки в залах «России», «Ливадии», «Марьиной рощи» с двух часов полно. За стойкой на чистой половине «России» стоит буфетчик Евграф Федорович. Он смотрит на человека, улыбаясь и щурясь, и по памяти называет цифру его долга, — в книги он ничего не записывал. Он знает всю округу — кому можно дать в долг до следующей получки, а кому только за наличные. Для пьяниц Евграф Федорович — благодетель. Он говорит:

— Если человек ко мне пришел с душой, я его всегда выручу, дам в долг.

Наверху около бильярдной стоит подросток — токарь из механической мастерской, которому старшой Степанов велел принести взятку. Старшого приходится ждать, он играет на бильярде, не замечает ученика. Наконец, Степанов кладет кий, направляется в уборную, подросток догоняет его, отдает деньги. Старшой кладет их в карман, точно они ему причитаются:

— Можешь итти...

— Я, дяденька... босый, — срывающимся голосом говорит ученик, задерживаясь. — Нельзя ли мне сколько-нибудь на сапоги... на пиджак...

Старшой тем же равнодушным жестом вынимает деньги:

— Возьми. Но в понедельник на работу не приходи. Получишь расчет.

Подросток пугается, отводит руки назад, отказываясь от денег. Он готов всю получку отдать, лишь бы не вылететь с завода.

— Чудак, — говорит старшой, смягчаясь. — Я не себе деньги беру. Я с мастером делюсь.

Чернорабочие, человек пятнадцать, сидят на грязной половине, потому что тут проще и водка на две копейки дешевле. Они — земляки, артелью работают, артелью живут. Получку справляют по церемониалу: с завода — домой для расчета с «маткой», у которой кормятся, с квартирохозяином, с лавочником. Староста снимает бумажки, наколотые на два гвоздя: на одном висят записки с артельным расходом на харчи, общие для всех; на другом — «подхарчики», если кто особо покупал себе колбасу, селедку, хлеб. После расчетов — в баню, из бани — в кабак. Утром, в воскресенье, они артелью пойдут в церковь, к ранней обедне.

Здесь же сидит бывший Тарас. Его еще покалывает мысль: надо на почту — отослать деньги домой. Но уже со всеми он друг.

— Вот видишь, ты не хотел, наперекор шел, а мы тебя все-таки опиваем. Поставь еще, будем тебя по батюшке величать.

И он ставит. Особо ставит человеку, который умеет хорошо стружку из глаз вынимать, и другому, который может мастерству научить, и третьему, у которого есть заручка у начальства.

В одном из углов «Ливадии» сидит токарь В. Шувалов, известный среди путиловцев тем, что умеет складно говорить. Им интересуются студенты. Шувалов — поэт, в стихах подражает Надсону. Он воображает себя человеком обреченным, неспособным к борьбе, пережившим гибель своих идеалов. Но, касаясь рабочей жизни, он невольно делается бунтарем. За бутылкой вина и ему самому и приятелям его нужны именно эти стихи. Он читает:

Трудись, как узник за стеной,
В суровой области металла,
Надзор строжающий за мной,
Я раб нужды и капитала.

Декламируя, он размахивает руками, голос его теряется в кабацком шуме и гомоне.

В хмельном пару кабаков голоса переходили в крики, разгорались страсти, оживали старые претензии к начальству. Только что причиненная свежая обида, подогретая вином, искала выхода. Старшому, обсчитавшему при получке рабочих и в такую минуту попавшемуся под руку, приходилось круто. Происходила сцена, описанная в стихах поэтом Шуваловым:

А уж там народу сборище
Любовалось на побоище,
Хохотало всей оравою
На расправу на кровавую:
Как старшой-то встать старается,
Кровь смывает, вытирается,
И как ребра целы ль щупает,
И как кость под пальцем хрупает.

Так кончался субботний день — день получки.

В воскресенье, после церковной службы, народ сходился к местам, где происходили кулачные бои. Бойцы деревни Волынкиной шли к Резерву, на огороды за Новоовсянниковской. Ребята с Елизаветинской и Зимина переулка сходились с богомоловцами на насыпи путиловской ветки же-

лезной дороги. Дом бросал вызов дому, одна улица дралась с другой. Застава была разделена на партии: улицы от железнодорожной ветки до Нарвских ворот — одна сторона; все остальные к заводу — другая.

Власти не мешали кулачным боям. Полиция находилась в толпе зрителей на железнодорожном валу и вместе с нею ждала зрелища. Начинали бой мальчики-подростки. Их схватки были вступлением. Постепенно подходили лучшие бойцы — взрослые. Каждая партия выстраивалась по неровной линии. Это был фронт. Вначале бились с шуточками, иногда очень злыми и меткими, старались не терять самообладания, соблюдали правила. Первое из них гласило: «лежачего и присядку не бить», второе — «сзади не налетать». Постепенно бой развертывался, шутки смолкали; участники и зрители входили в азарт. Чаще раздавались стоны. Удары в грудь, под ребра становились все сильнее и глуше.

Большие праздники отличались от воскресных дней еще более сильным разгулом. К рождеству, к пасхе, к троице начальство разрешало рабочим увеличенный кредит в потребиловке. Рабочим предоставляли возможность забыться в винном угаре, гульбе и кулачном бою. После праздника рабочий вернется на завод покорным, крепче связанным путами заводского кредита и нужды. Путиловское общество потребителей подгоняло к пасхе выдачу дивиденда пайщикам. Всем рабочим, имевшим заборные книжки, выдавали «дуван» — двух-трехпроцентную премию. Путиловец, круглый год ходивший со «змеей» или «топором», благодаря «дувану» к празднику получал несколько рублей наличными. Раньше он добывал себе мелочь на махорку, на баню «перегонкой» потребиловских товаров.

По праздникам гудели колокола девяти церквей. В праздник особенно сильно сказывалось могущественное влияние церкви, подстерегавшей человека при рождении, провожавшей его в могилу, сопутствовавшей его горестным и праздничным дням. Во всех мастерских красовались иконостасы, в конторках — иконы. При иконостасах состояли образные старосты; они следили за неугасимой лампадой, производили сборы «на масло». Сборы на лампадное масло служили рабочим, оставшимся без получки, еще одним способом раздобыть наличными рубль-другой. Записав пожертвование в один рубль двадцать копеек, староста шел в конторку, получал за рабочего деньги вперед, двадцать копеек оставлял «на масло», рубль, по условию, возвращал рабочему.

Начальство выдавало старостам деньги беспрепятственно, оно поощряло всякие «богоугодные дела».

Общезаводские молебны справляли пышно и по-церковному торжественно. Народу в дни молебнов собиралось много. Многие рабочие приходили не столько для молебствия, сколько из-за того, что в эти дни можно было приводить в завод родных и знакомых. Путиловцы показывали своим знакомым, женам и детям машины, станки, на которых они работают, и с гордостью водили по цехам изумленных родных.

В старой кузнице — самом богомольном цеху, где рабочий день начинался с молитвы, чтили Николая чудотворца и ежегодно 9 мая на вешнего Николу устраивали свой цеховой молебен. Рано утром сторож заправлял лампаду, встречал начальство поясным поклоном. Дьякон провозглашал «многая лета служащим и трудящимся завода сего».

Рослый, пожилой молотобоец Дмитрий Скляр во время молебна стоял в стороне, исподлобья смотрел на начальство, на дьякона, на умиленные лица цеховых пронойц и тихо ругался. Скляр был безбожник, ненавидел попов и по-своему понимал жизнь, которую и любил по-своему — тяжелой, жестокой любовью. Его не радовала шумная заставская свадьба с каретами, дешевыми цветами и бубенцами. Ему не нравился гул кулачного боя. Его не привлекала азартная, картежная игра, дикие вопли из-за подтасованной колоды карт. Его не умиляла картина весеннего вечера, когда народ высыпал на улицы, бабы постарше сидели на крылечках, грызли семечки, искали в головах у детей и друг у друга. За всем этим Дмитрий Скляр видел недостаток, нищету, голодную и холодную жизнь. Он считал виновником всех бед извечный поповский обман.

Скляр мог не приходить на молебен, но приходил, чтобы видеть своих врагов. Он уходил, не дождавшись конца молебна, взбешенный, полный бессильной ярости, сжимая кулаки. Напившись допьяна, он возвращался к себе во двор и, зайдя в первую попавшуюся квартиру, начинал скандалить:

— Тут я кому-то должен...

Люди не понимали, о каком долге идет речь, кому и что должен молотобоец, но по опыту знали, что спустя некоторое время Скляр сорвется с места и, ругая бога и святых, начнет крошить, что попадется под руку. Не дожидаясь этого, Скляра связывали и волокли в угол на койку проспаться.

Однажды Скляр, придя домой, запустил сапогом в хозяйскую икону и разбил ее вместе с неугасимой лампадой.

Люди бросились к нему в ужасе. Скляр, отрезвев, спокойно отвел их от себя:

— Я разбил, чтоб вы, дураки, зря не молились деревяжкам. Разобью тысячу икон, и никакой бог мне не страшен. Нет его и не было.

Поднялся крик. Некоторые советовали сообщить сразу в полицию, другие говорили, что Скляра надо отправить в сумасшедший дом.

Скляр махнул на них рукой и побрел обратно в «Марьину рощу». Вошел, нагибая голову, чтобы не удариться о косяк двери, сел за первый свободный стол и погрузился в свои думы. Мимо него проходили важные мастера, направлявшиеся в чистую половину трактира, пробегали юркие половые; кругом стоял шум, слышались песни. За стойкой, наблюдая за всем, поворачивался трактирщик.

Молодой, очень высокий рабочий, которого все называли Жареным, шатаясь вышел на середину трактира и, бессмысленно воя на собственный мотив, «жарил» в рифму:

Волк волчицу уволок,
Потащил в уголок.
Ты послушай, голубок,
Милый, миленький милок,
Вот он тонкий волосок...

Скляр поднялся, подошел к Жареному:

— Для чего ты это делаешь?.. Поешь...

Мутные глаза пьяного на минуту приобрели ясность:

— Скучно, повеселиться надо.

— Ты бы шел домой.

— Во мне сколько росту? — вместо ответа спросил Жареный.

— Аршина три будет.

— То-то, а у меня дома места — два аршина двенадцать вершков.

И опять началась дикая, непонятная песня.

Мрачный, хмельной Скляр, тяжело ступая, побрел по шоссе. Навстречу ему, шатаясь, шел лохматый козел. Ежедневно к вечеру козел приходил в трактир, стучал рогами в стойку, пока кто-нибудь ради потехи не вливал ему водки в предупредительно раскрытую пасть. Проглотив отраву, козел шел домой.

Скляр остановился, посмотрел в воспаленные глаза пьяного козла и пробормотал ему вслед:

— Бедная животина. И у тебя жизнь человечья...

ВАСИЛИЙ БУЯНОВ

Солдатский сын Василий Буянов происходил из рода костромских крестьян, издавна прозванных «буянами» за беспокойный нрав. Среди товарищей Васи Буяна было немало строптивых и непокорных мастеровых, исконных путиловских бунтарей, не раз бросавших скопом работы то из-за неуплаты заработка, то из-за невыданных больничных денег. С нескрываемым восторгом слушал молодой путиловский токарь рассказы взрослых рабочих о тех днях, когда тишина покорного дедовского быта нарушалась шумом рабочей стачки.

Весь 1880 год был особенно тяжел. В стране свирепствовала безработица. У заводских ворот в жару и в холод, в дождь и в снег толпились сотни уволенных рабочих. По городу, от завода к заводу, артелями брели крестьяне, вытолкнутые голодом из деревень. Как прожить? Как получить работу? Предлагалось собраться всем и пойти к царю с просьбой о милости. Вася слышал ропот обездоленных, голодных людей. Часто речи о царских милостях перебивались уверенными голосами, требовавшими не только работы и куска хлеба, но и всего... земли и свободы.

В девятнадцать лет Василий Буянов, при посредстве своего квартирохозяина Иллариона Тимофеева, встретился со студентами и вошел в рабочий народовольческий кружок. Руководил кружком интеллигент-народоволец Н. М. Ивановский, по прозвищу «Смак». Для коротких свиданий «Смак» приходил, по уговору, в один из трактиров Нарвской заставы, чаще всего в трактир Богомолова. Там, в укромном уголке, под кабацкий шум, Ивановский встречался со своими учениками. Собрания кружка происходили у путиловского рабочего Ивана Тимина или на квартире рабочего Павла Победимского, жившего за Московской заставой, на Цветочной улице, в доме № 74. На собраниях занимались арифметикой, географией, говорили об экономическом положении рабочих.

Народовольцы исходили из теории активных «героев» и пассивной «толпы», ждущей от героев подвига. Бессильные поднять крестьянство, которое они рассматривали как основную силу в революции, они избрали главным методом борьбы с царизмом — индивидуальный террор. Рабочий класс они считали лишь подсобной силой в революции. Но в рабочих кружках, созданных народовольцами, рабочие, вопреки своим руководителям, переходили к близким для

них вопросам: к положению рабочего класса, стачкам, борьбе с хозяевами.

Всей душой Василий отдался работе в кружке. Веселый, жизнерадостный юноша, он стал таиться от родных и товарищей. Впервые познакомившись с литературой, он благоговел перед печатным словом и знающими людьми. Ходил к студентам, брал у них уроки по общеобразовательным предметам, покупал на рынке книги, а однажды после получки приволок домой многотомную «Историю Государства Российского» Карамзина. Идея борьбы «за полную свободу и за счастье народа» захватила Буянова целиком. Он горячо принимал к сердцу все, о чем говорилось в кружке, усердно учился, много читал.

Но постепенно молодого артельного парня начали одолевать сомнения. Был он по натуре человеком общительным, привыкшим к действию скопом, а народовольцы прививали ему сознание одиночки-героя, жертвующего своей жизнью за благо народа.

Буянов жаждал таких действий, в которых, как в кулачном бою, участвовали бы толпы. Когда на собраниях заходила речь о терроре, он неизменно утверждал, что лучше уж убивать царских опричников сразу — пачками, чем уничтожать их поодиночке. Он ссылался при этом на примеры из рабочей жизни: одного мастера избили чуть ли не до смерти — другие от этого лучше не стали... На заводе рядом с Буяновым работали сотни людей. Весь уклад заводской жизни толкал Буянова на мысль об организованности рабочих, объединенных общими условиями труда и жизни. И ему становилось обидно за своих товарищей, за таких же, как он, рабочих, которым в борьбе за свободу народовольцы отводили последнее место.

На собраниях кружка Буянов говорил горячо и резко. Свою речь он подкреплял примерами из заводской жизни. Постепенно, с помощью своих друзей, Победимского и Ивана Тимина, он добился того, что вопрос о положении рабочих стал одной из постоянных тем разговоров в кружке.

У себя в мастерской Буянов действовал осторожно. Выбирая людей для задушевных бесед и разговоров, он долго присматривался к ним. И однажды очень обрадовался, когда, распропагандировав товарища, услышал от него то, что год назад сам говорил после первых встреч со студентами:

— Так вот оно, отчего бедные и богатые! Теперь-то я уразумел.

Убийство царя Александра II произвело на рабочих — членов кружка — сильное впечатление. Они долго, горячась, спорили между собой — хорошо это или нет и стоило ли совершать цареубийство. В заводе же, кроме кратковременного замешательства начальства, ничего не произошло. Попы отслужили панихиду по убитому царю и вслед за панихидой — торжественный молебен с присягой новому.

На сходке, происходившей в трактире Богомолова 2 мая 1881 года, народоволец Ивановский-«Смак» убеждал своих учеников, что цареубийство 1 марта «совершено в их интересах». Иван Тимин возражал. Он привел старый пример об избиении мастера и утверждал, что после убийства царя ничего не изменилось. Ивановский поспешил напомнить:

— Вы, может быть, не знаете, к какой партии принадлежите? Вы принадлежите к партии «Народная воля», которая убила царя.

Но члены кружка так и не успели разобраться во всем происшедшем. 5 мая 1881 года, в день, назначенный для следующей сходки, почти все члены кружка были арестованы во время собрания на квартире Победимского. У Буянова обнаружили № 1 «Рабочей газеты». У других членов кружка нашли разную литературу. У Победимского отобрали три прокламации, «программу народной партии» и тетрадь с противоправительственными стихами: «У гроба», «Тайное собрание». В тюрьме арестованные просидели около года, а затем по «высочайшему повелению» были высланы из Петербурга под надзор полиции.

Три года скитался Василий Буянов по городам и селам России. За это время ему пришлось увидеть разнообразную рабочую жизнь и много услышать о рабочем движении. Сомнения его в необходимости террора углубились. Он видел урядников и писарей, жандармов и старост, поднявших голову при новом царе еще выше, чем при старом. И окончательно развеяли в нем почтение к террору стачки, перекатывавшиеся в ту пору по всей России. Особенно сильно поразила его небывало крупная и упорная Морозовская стачка, вспыхнувшая в январе 1885 года. Стачка орехово-зуевских ткачей как бы встряхнула Буянова, показав ему, какой силой является рабочий класс. Буянов вернулся в Петербург и в том же году снова поступил токарем на Путиловский завод.

Он пришел в мастерскую в дни, когда путиловцы еще жили своей только что закончившейся стачкой: между вы-

борными от рабочих и путиловской администрацией шел длительный и упорный торг.

Стачка на заводе началась 7 марта 1885 года. Утром, при входе в мастерские, рабочие натолкнулись на объявления о новом способе расчета — «задельном, взамен практиковавшегося до этого помесячного и поденного». Одновременно с этим в вагонных мастерских, где сдельная оплата была введена раньше, понизили расценки. Вагонщики сошлись посередине мастерской. Распаленные несправедливостью, они готовы были итти напролом, на «бунт», но не знали, с чего начать. Долго препирались между собой, а когда пришло начальство, закричали, что не будут работать. Наконец, какой-то шустрый столяр с ремешком вокруг головы вскочил на возвышение, тряхнул головой и прокричал:

— Давай к механикам, токарям!

Пятьсот человек двинулось во двор завода. Кто-то ударил в колокол и зазвонил часто, как на пожар. Из рельсопрокатной мастерской, ближайшей к воротам, выбежал бородатый человек в одних штанах, с задымленной голой грудью. Он посмотрел на солнце: колокол не мог означать обеда. Тогда он повернулся кругом, высматривая, не горит ли где-нибудь, но и дыма не было видно. Через мартовскую непролазную грязь, покрывавшую завод, бежали люди из дальних мастерских: из кузницы, из костыльной, из механической. Сокращая путь, они поднимались на штабеля рельсов, пробегали один штабель, ныряли вниз, снова поднимались наверх. Многие бежали налегке, как захватил их колокол: слесаря в прочерненных блузах, подпоясанные по-солдатски, столяры, запыленные опилками, кузнецы, закоптелые, не остывшие от работы. Столяр с ремешком вокруг головы посмотрел со штабеля вперед, обернулся к своим и махнул рукой:

— Бегут! Отовсюду!

Человек без рубахи скоро озяб на ветру и вернулся в мастерскую. В бессемеровской, где работала ветрогонная машина (воздуходувка), почти все остались на месте. Из мартеновской убежали катали и чернорабочие, но печные, у которых в печах поспела плавка, остались. В прокатку, бессемер и мартен пришли мастеровые из вагонной и кузницы. Пуская в ход кулаки, они силой выгоняли сварщиков и печных. Недалеко от проходной, возле деревянного здания главной конторы, сбилась двухтысячная толпа.

К рабочим вышел директор, инженер Н. Воронцов. Вожаков у забастовщиков не было. Рабочие кричали разом,

перебивая друг друга, и долго препирались с директором. Было видно, что до удовлетворения их требований — отменить сбавку и уничтожить задельный способ расчета — они работать не станут.

Посредниками в споре между рабочими и директором выступили двое: чиновник, представитель «высочайше учрежденной комиссии по фабрично-заводским делам», и полицмейстер, присланный петербургским градоначальником. Они вступили было в переговоры с толпой, но затем предложили рабочим избрать своих представителей. Выборы происходили тут же, на месте. Некоторые смельчаки из вагонной вышли вперед. Других, подталкивая, выдвинули сами рабочие. Перед начальством стояла кучка в пятнадцать человек. Толпа долго не хотела расходиться. Но полицмейстер уговорил: все будет улажено с выборными. Рабочие согласились, однако в мастерские не вернулись, а разошлись по домам и только на следующий день приступили к работе.

Директор и представители рабочих упорно стояли каждый на своем. Полицмейстер и чиновник старались склонить обе стороны к уступкам.

В самый разгар этого торга Василий Буянов пришел на завод. Несколько раз, когда выборных вызывали в контору, он вместе с ними шел к начальству. Это было как раз кстати: из представителей, выбранных рабочими, отстало уже человек пять, запуганных мастерами и администрацией. В конторе Буянов вмешался в спор. Его манера говорить изобличала человека решительного, опытного и грамотного. Начальство попыталось отстранить его. Кто-то сказал, что он новый человек, толпой не выбран, раньше его не было. Но представители закричали:

— Был! Сами выбирали!

Торг продолжался долго и шел уже вторую неделю. За это время брожение на Путиловском заводе перекинулось на другие заводы и фабрики. Власти нажимали на заводское начальство — кончать поскорее. В конце второй недели переговоров градоначальник Грессер получил от полицмейстера уведомление, что в результате «все сомнения разъяснены и устранены путем склонения враждовавших сторон к взаимным уступкам».

Буянов работал в механической мастерской среди наиболее квалифицированных рабочих. Но и там большинство было неграмотных. Грамотным считался тот, кто умел расписаться. Лишь одиночки могли бегло читать, и редко кто разбирался в чертежах. Василий Буянов умел работать по

чертежу, сам подбирал шестерни для резьбы и, не сбиваясь, считал на дюймы. По утрам, до звонка, когда многие занимались своим делом — исправляли замочек, делали крючки, покуривали, — у станка Буянова собирались токаря. Там, наряду с токарными премудростями, они узнавали от него о том, как живут люди в других городах и местностях. Свою речь Буянов уснащал подробностями и остроумными сравнениями. Слушатели покатывались со смеху, и со стороны получалось, что парень балагурит, говорит о пустяках. Но рассказы его доходили до слушателей, надолго оставались в памяти. Выводов Буянов не делал и на оценки фактов был сдержан. Но за его словами угадывалась какая-то целеустремленность. Иногда он употреблял новые слова вроде «пролетариат», «эксплоатация». За этими словами чувствовался тайный, волнующий смысл. К Буянову приставали с расспросами, но он отмалчивался, а особенно настойчивым говорил:

— Придет время, скажу...

Многое еще не было ясно ему самому. Товарищей по народовольческому кружку Буянов не нашел, к интеллигентам не имел путей. Попрежнему мучительно искал ответа в книгах, много читал и по старой привычке ходил по толкучкам, выискивая литературу. Покупал старые журналы: «Отечественные записки» — из-за печатавшихся там рассказов Глеба Успенского и Златовратского, «Русское слово» — за вдумчивые обзоры Н. Шелгунова и острые статьи Писарева, «Современник» — за произведения Чернышевского, Добролюбова и сатиры Салтыкова-Щедрина. Три года тому назад он не встречал в книжных рядах на Александровском рынке рабочих, покупающих книги. Теперь он часто сталкивался с людьми рабочего облика, которые так же, как и он, бродили по книжным рядам. Они оглядывали друг друга, иной раз перебрасывались незначительными фразами, но в разговоры не вступали.

В воскресные дни Буянов брал с собой книжки, уходил далеко за завод, к взморью, выбирал камень поближе к воде и долго смотрел в безбрежную даль залива. Он сравнивал себя с унесенным в море человеком, который, выбиваясь из сил, гребет на одиноком челноке к далекой полоске земли. Вытаскивал из-за пазухи книгу. Читал медленно, шевеля губами, часто останавливался, закладывал пальцем страницу, чуть откидывался назад и снова смотрел в море, продумывая прочитанное. Так сидел он часами: читал, думал, опять читал.

Вечерами Василий Буянов ходил по заставе — смуглый, с копной черных волос, похожий на цыгана. Расстегнутая рубаха открывала крепкую волосатую грудь. Как и у всех мятущихся людей, у него не было постоянного, облюбованного места. Он заходил то в один, то в другой трактир. Беспокойным взглядом окидывал трактир; люди подходили к нему и, зная, что в трактирах Буянов не разговорщик, говорили пьяно и приветливо:

— Сидишь, беспокойной души человек? Ну и сиди... А то запоем?

Буянов запевал приятным баритоном, и вместе с ним пела вся зала. Пели «Стеньку Разина», «Долю», старинную песню «Ермак»:

За Уральским хребтом, за рекой Иртышом,
На далеких отрогах Алтая,
Стоит холм, и на нем, под кедровым шатром,
Есть могила совсем забытая...

В трактирах перед Буяновым вереницей проходили люди, выбитые из колеи жизни. Были среди них рабочие, были и люди, работавшие изредка, были и бездомные бродяги.

Нищета, горе, невежество окружали Василия Буянова в его поисках путей к свободе и человеческому счастью. И так, в беспокойстве, доходя порой до отчаяния, кружил он по рабочему Петербургу, пока счастливый случай не столкнул его с выдающимся рабочим того времени, Егором Афанасьевичем Климановым, который был уже знаком с учением Маркса.

Учение Маркса о неизбежности победы пролетариата и гибели капитализма открывало перед рабочими путь от беспросветного отчаяния к бодрости и сознанию собственной силы. Учение Маркса превращало туманные мечты об освобождении рабочих в ясные цели классовой борьбы пролетариата за уничтожение эксплоатации человека человеком.

Марксизм открыл широкие горизонты перед кузнецом Егором Климановым. Юношей Егор был фанатически религиозен, помышлял об уходе в монахи. Столкнувшись с народовольцами, он уверовал в народ, и народовольческие идеи вначале казались ему той желанной истиной, которую он искал. И только марксизм поставил Егора прочно на ноги, навсегда повернув его жизнь на путь революционной борьбы.

Буянов глубоко уважал и любил Климанова и преклонялся перед ним. Он любил Егора за сердечность, отзывчивость и

Похороны писателя Н. В. Шелгунова — 1891 г.

Рис. *В. Серова*

за то, что тот при его молодости — двадцать два года — значительно опередил Василия в знаниях.

Егор имел обширный круг знакомых. Была у него способность заводить знакомства в разных слоях общества, и с каждым он мог разговаривать, как равный. Через Климанова Василий в 1888 году вошел в кружок, связанный с группой П. В. Точиского, одного из первых русских марксистов. В кружке Буянов, наконец, услышал ответ на вопросы, которые долгие годы терзали его. Перед ним упала завеса, скрывавшая путь вперед. В кружке говорили об экономической и политической борьбе рабочих. О рабочем классе говорили как о революционной силе, способной самостоятельно вести борьбу против угнетателей. Точиский выступал против народовольчества как против негодной, неправильной и вредной системы взглядов. Он отрицал террор и признавал самым важным делом организацию пролетариата.

Буянов почувствовал, что теперь он прочно, обеими ногами встал на твердую почву. Его не отрывали от родной среды, не превращали в «героя», а всех остальных — в бессловесную толпу.

Буянов недолго пробыл в кружке. В том же 1888 году полиция разгромила группу Точиского.

На этот раз Буянов не потерял обретенного пути. В мастерской он уже не отмалчивался. Он сам искал собеседников, переводил разговоры у станков на тему о положении рабочих и пускался в объяснения о том, как живут рабочие на Западе. Попрежнему был осторожен; его знали как смелого и свободолюбивого человека, но никому он не давал повода говорить о себе как о противоправительственном агитаторе. Он сохранял связи с новыми друзьями: кузнецом Егором Климановым, слесарем Василием Шелгуновым и старым товарищем Павлом Победимским, который работал теперь на Путиловском заводе конторщиком.

В конце восьмидесятых годов после длительного застоя в делах Путиловского завода наступило некоторое улучшение. Завод набрал у казны заказы на минное вооружение, паровые машины и приступил к постройке миноносцев. Первым в наспех сколоченном деревянном эллинге был заложен миноносец «Биэркэ». У ворот заводов попрежнему толпились люди, но мастеровых-специалистов среди них становилось все меньше. Квалифицированные рабочие, ранее выгнанные за непослушание и озорство, за неподчинение мастеру или за отказ дать взятку, понемногу возвращались на завод. Они вносили новый дух в застойную заводскую жизнь.

Требовали большей оплаты, не слишком боялись штрафов, давали отпор мастерам, не страшась увольнения, как раньше, когда безработному приходилось годами искать работу.

Все чаще сталкивался Буянов с людьми, которые готовы были встать на защиту своих прав. Он старался ближе подойти к ним. Сблизился с молодым литейщиком Николаем Ивановым, слесарем Иваном Хлоповым.

Буянов недолго оставался вне организации. В 1889 году в Петербурге создалась новая марксистская группа, во главе которой стояли студенты М. И. Бруснев, братья Л. Б. и Г. Б. Красины, В. Ф. Цивинский. В группе были люди, еще связанные с идеологией народничества, но в целом группа придерживалась марксистских взглядов. Егор Климанов одним из первых связался с брусневцами. Вслед за ним в организацию вошел и Буянов. Вскоре они оба стали членами рабочего центра брусневской организации.

Брусневцы ограничивались пропагандой среди небольшого числа передовых рабочих. Они создавали рабочие кружки, однако не думали о работе в массах. Их цель была — воспитание рабочих-интеллигентов. В организацию они вербовали с большой осторожностью. Если рабочий оказывался подходящим, его приглашали на свидание со студентом. Это был пробный камень для вовлекаемого. Согласиться на тайную встречу со студентом — означало пойти на риск. Выдержавшего это испытание новичка привлекали к занятиям в кружке.

Первым руководителем путиловского кружка был студент Гурий Петровский. Он полюбился путиловцам за общительность, приветливость и за речь, горячую и убедительную. Петровский вел кружок недолго. После его ареста за Нарвскую заставу был прислан руководителем Иосиф Бурачевский — студент первого курса Технологического института, поляк.

Встретившись в кружке с рабочими-поляками, Бурачевский заговорил с ними по-польски. Они подали ему мысль об организации особого польского кружка, так как поляков на Путиловском заводе работало много. В кружок вошло восемь человек. Бурачевский вел занятия на родном языке, пользуясь литературой польской партии «Пролетариат», которую получал благодаря личным связям с Вильной и Варшавой.

Из русских рабочих составился другой кружок, которым сперва руководил студент Голубев, а потом сам Буянов. На кружке Буянов читал сначала книжку «Кто чем живет» Дик-

штейна, затем перешел к чтению «Коммунистического манифеста» и брошюры Маркса «Наемный труд и капитал». Теперь Буянов — он был знаком с сочинениями Плеханова «Социализм и политическая борьба», «Наши разногласия» — мог самостоятельно выступать против народников. По привычке своей возражал народовольцам резко и грубо. Не раз сталкивался он с Василием Волковым, путиловским рабочим, который все еще был в плену народовольческих взглядов и держался одиночкой. Буянов говорил Волкову зло и раздражительно:

— Знаю я вас, мужицких доброхотов. Силу-то в одном мужике нашли и молитесь на него. А мы, двадцать рабочих, сильнее целой твоей деревни.

В своем цеху Василий Буянов попрежнему часто говорил о положении путиловских рабочих. Разговоры свои он облекал в невинную форму рассуждений о том, что трудно рабочему живется: работа тяжела, того и гляди убьет или задавит на заводе. Буянов добивался у рабочих ответов, подталкивая их к мысли, что рабочим можно бы многого добиться, если бы бороться сообща. В организации Буянов скоро выделился как человек способный, умеющий подойти к рабочему.

Связи с рабочими других районов поддерживал токарь Николай Поршуков, имевший обширный круг знакомых. Он работал на многих заводах Выборгской стороны, за Невской заставой, а оттуда перешел за Нарвскую. Мытарства по заводам наложили на него тяжелую печать. Ему было всего тридцать пять лет, но выглядел он значительно старше. Был он нетороплив, аккуратен, всегда ровен и приветлив. Раздавая книжки, он постоянно — из получки в получку — напоминал членам кружка об очередном взносе в пятнадцать — двадцать пять копеек для нужд организации.

Никто не спрашивал у членов кружка, знают ли они, на что идут, посещая тайные собрания. Это было время мрачной реакции в стране — время царствования всероссийского городового Александра III, и каждый приходящий в кружок знал, что в случае провала пощады не будет.

Опытный конспиратор, Буянов воспитывал в своих кружковцах осторожность, выдержку, наблюдательность. Он упорно твердил им о конспирации:

— Не ходите попусту друг к другу.

— Своего на улице не признавай, держись как чужой.

— Не показывайся на народе с книжкой.

— Не пали свет допоздна или ночью.

— Не чуждайся вина, только знай меру.

— Не болтай много на людях.

Сам Буянов тщательно выполнял эти неписаные правила конспирации. Время от времени, вечерами, он попрежнему бродил по заставе, лохматый и похожий на цыгана, сидел в трактирах, пел «Стеньку Разина», «Ермака», пил вино. Иногда на народе позволял себе вольность: какую-нибудь двусмысленную фразу или многозначительное замечание. Однажды, после того как пропели «Долю горькую», он сказал с чувством и торжественно:

— Мы не рабы. И для нас светит солнце. Мы это докажем!

Изредка Буянов заходил в коммуну членов брусневской организации, помещавшуюся в Сивковом переулке. Одним из организаторов коммуны был член рабочего центра Гаврила Александрович Мефодиев, работавший в это время в мастерских Варшавской железной дороги. Жена Мефодиева готовила обед, мыла полы, стирала и считалась работницей, получая жалованье от коммуны. Позднее на Выборгской стороне у брусневцев была вторая коммуна. Все участники и друзья коммуны получили клички по книге «Спартак» Джованьоли. Путиловец Николай Яковлевич Иванов, часто заходивший туда, носил кличку «Митробий». Была «Лукреция», был «Спартак», была «Эвтибиде». Коммунаров Василий Буянов уважал, но, приходя в коммуну в Сивков переулок, чувствовал себя неловко. Он невольно понижал голос, следил за собой, чтобы ненароком не выругаться, ибо нравы в коммуне были строгие и ругань не допускалась. В коммуне Буянова встречали пушкинскими стихами:

Буянов, братец мой задорный...

Когда же, разойдясь, Буянов невзначай выражался по привычке грубовато, его перебивали опять же стихом из «Евгения Онегина»:

...Буянова каблук
Так и ломает пол вокруг;
Треск, топот, грохот по порядку:
Чем дальше в лес, тем больше дров.

В марте 1890 года полиция напала на след путиловских кружков. В связи со студенческими беспорядками был арестован и выслан из Петербурга И. Бурачевский. Перед отъездом он успел передать руководство польским кружком

другому члену группы, — работа среди польских рабочих не приостановилась. Вслед за Бурачевским арестовали Василия Буянова и еще нескольких рабочих: полиция нагрянула на квартиру Буянова к вечеру, когда он занимался с кружком.

Через три месяца, в июне 1890 года, был взят полицией Павел Победимский. При переоборудовании механической мастерской в одном из токарных станков обнаружили брошюру и рукописи революционного содержания. На станке работал член кружка Николай Данилов, по прозвищу «Колька Хромой». Данилов показал полиции, что принял литературу на хранение от конторщика завода Победимского, а тот получил ее от высланного Бурачевского. За откровенность Данилов был отпущен без последствий. Победимского арестовали.

Второй раз по одним и тем же делам земляки Победимский и Буянов попали в заключение. Обоих ждала одинаковая участь. Просидев несколько недель в тюрьме, они были выпущены с предписанием в трехдневный срок покинуть столицу. Перед отъездом из Петербурга на новое местожительство, в Тулу, Буянов и Победимский решили в последний раз походить по городу. Они покончили со всеми делами, получили на заводе расчет, приоделись и пошли в центр — на Невский проспект.

Огромный царский Петербург жил своей обычной жизнью. Маршировали солдаты. Гремел военный оркестр. Мелькали красные, голубые и желтые мундиры офицеров. Сверкали блестящие, лакированные экипажи. Мимо катились вереницы извозчиков, с гиком проносились лихачи. Городовые, с расчесанными бородами, как монументы стояли на перекрестках. Чиновники повыше, с одной полоской и тремя звездочками на петлицах, не замечали чиновников пониже — с одной звездочкой. Гвардейский офицер, гремя палашом, шел, не сворачивая ни перед кем. Расфранченная публика напоказ выставляла свою цену, богатства и власть.

Буянов угрюмо буркнул товарищу:

— Вот, какая спесь!

Друзья прошли по всему Невскому, мимо каменных громад, мимо выставки тщеславия и роскоши. Они долго стояли у гранитных барьеров Невы. Наконец, Буянов сказал:

— Хороша река. И уезжать жалко!

Утром, сидя в вагоне тронувшегося поезда, Буянов высунулся из окна и крикнул стоявшему на перроне жандармскому унтеру:

— Дальше солнца не сошлют. Так и знай!

Унтер строго оглянулся. Из окна уходящего вагона издевательски-приветливо махал ему рукой Василий Буянов.

После высылки Буянова Поршуков связался с центром, раздобыл новых руководителей. Попрежнему он раздавал книжки. Когда не было подпольной литературы, доставал легальные брошюры и книги по истории и общественным вопросам. Он выписывал на собранные деньги газету «Русские ведомости» и устраивал совместные чтения. Держал связь с высланными путиловцами и время от времени производил сборы для них и их семей. Передовые рабочие тянулись теперь уже к большему делу, чем саморазвитие в кружках. И когда в марте 1891 года умер писатель-публицист Н. В. Шелгунов, рабочие, вопреки своим руководителям, решили принять участие в его похоронах. Писателя Шелгунова знали по его статьям о рабочем классе России, Англии, Франции, которые читались на кружках. Рабочие уважали и любили Шелгунова за то, что он знакомил их с положением и борьбой пролетариата на Западе, за то, что бичевал существующие порядки, капиталистов и промышленных тузов. Незадолго до его смерти петербургские рабочие преподнесли Шелгунову адрес.

Похороны были назначены на понедельник. Еще накануне группа рабочих, собравшись у квартиры Шелгунова, решила приготовить венок. К выносу тела умершего писателя, несмотря на то что день был будний, собралось человек сто петербургских рабочих. Поршуков пришел с десятком своих товарищей. Он продвинулся с путиловцами к рабочим, державшим венок, и стал около него, как часовой. Прямой и строгий взгляд его серых глаз был устремлен вперед к подъезду, откуда должны были вынести того, кого он никогда живым не видел, но кого знал как доброго друга рабочих.

У себя в кружке Поршуков когда-то читал вслух статью Шелгунова из старого журнала в синей обложке, купленного на толкучем рынке. Статья касалась происходившей много лет назад мануфактурной выставки в Петербурге. Писатель гневно спрашивал в статье: почему, проходя длинными галлереями по выставке, он не видит имен тружеников, руками которых были созданы выставленные здесь машины, пушки, роскошные ткани, локомотивы и вагоны; почему кругом, направо и налево, вверх и вниз, мелькают имена капиталистов и фабрикантов; почему они умолчали о 400 тысячах тружеников, создающих им капиталы и производящих все.

Рабочих эта статья тронула до слез, и сам Поршуков, не стесняясь, вытирал глаза. Поочередно члены кружка передавали друг другу статьи Шелгунова и дома внимательно прочитывали их. Теперь, охваченные суровой грустью, стояли они в ожидании выноса гроба из квартиры, помещавшейся далеко на заднем дворе. На улице и во дворе было много полицейских. Они были растеряны, ибо до сих пор никогда не имели дела с демонстрирующими рабочими.

Когда вынесли покойного, полицейские, оттолкнув рабочих от гроба, не дали поднять его на руки. Гроб установили на катафалк. Раздался возглас: «Рабочих вперед!». Рабочие подняли свой венок. Темнозеленый, из дубовых листьев, простой, суровый венок закачался над головами. На лентах была надпись:

«Н. В. Шелгунову, указателю пути к свободе и братству, от петербургских рабочих».

В большой толпе провожающих резко выделялась группа рабочих. Почти все пришли прямо с заводов, как были, в рабочем платье. Они вышли вперед, готовясь принять на себя первый удар полицейских.

Путь на Волково кладбище шел по Знаменской улице. Но манифестация свернула от Воскресенского проспекта направо, к Литейному, затем прошла в центре города по Невскому и по Николаевской улице. Необычайная процессия изумляла прохожих: впереди всех, высоко подняв дубовый венок, сплоченной группой шли десять десятков представителей петербургских рабочих. В первых рядах шел невысокий, сухопарый путиловец Николай Поршуков, рядом с ним, поддерживая одной рукой венок, его товарищ Федор Петров, бессемеровский машинист. Появление рабочих, суровых и торжественно молчаливых, внушало полицейским растерянность. Всю дорогу полиция следовала рядом с манифестирующей колонной и не делала даже попыток разогнать ее. Вслед за рабочими, тоже с венками в руках, шли многочисленные почитатели и друзья покойного писателя.

Поршуков оглянулся. Печальное лицо его вдруг осветилось улыбкой. Всю дорогу он шел, погруженный в свои грустные думы, и только теперь увидел, что рабочих стало больше, что идут они сплоченной группой впереди всех и их-то боится полиция. Он глазами указал на них Николаю Иванову:

— Погляди, сколько нас собралось. Сила!

До тех пор передовые рабочие виделись друг с другом на запятиях небольших тайных кружков. Редкие из них встре-

чались с рабочими других районов. Каждый раньше думал, что за пределами кружка сплошная беспросветная темь,— больше пяти-восьми членов организации он не знал. На похоронах писателя, в будний день, в часы заводской работы, они увидели больше сотни организованных рабочих.

Представители всего петербургского пролетариата впервые собрались на открытую демонстрацию.

МАЕВКА ПЕТЕРБУРГСКИХ РАБОЧИХ

Дома Егора Климанова ожидало письмо. Василий Буянов сообщал важные вести — это Егор понял сразу, хотя письмо от начальных слов «Многоуважаемый брат Егорушка» до знакомой размашистой подписи состояло из выражений любви и дружбы, говоривших о чем угодно, только не о деле.

В своем первом письме из Тулы Буянов много писал об отсутствии живого дела, о поднадзорном положении в незнакомом городе. Чувствовалось, что на новом месте Василий не успел еще пустить корней, тяготится одиночеством и оторванностью от родной организации. Потом начали приходить все более бодрые письма и вот, наконец, последнее, в котором недвусмысленно, хотя и в нарочито иносказательной форме, сообщалось: «Народился ребеночек» (в Туле создан кружок), «нужны руководство к жизни и воспитатели к новорожденному» (необходима литература и хорошо, если бы приехал кто-нибудь из интеллигенции для помощи).

В рабочем центре брусневской организации письмо из Тулы произвело большое впечатление. Оно подтолкнуло давно зревшую в умах у передовых рабочих мысль о необходимости выйти, наконец, на более широкую дорогу революционной борьбы. Ткач Федор Афанасьев и Егор Климанов сравнивали переживаемое время с периодом исключительного закона против социалистов в Германии. Там высылали, разбрасывали рабочих по разным городам, но это не остановило движения. Наоборот, высланные продолжали свою пропаганду, создавали на новых местах новые кружки революционных рабочих, покрывая ими всю страну. Так будет и в России.

Разошлись возбужденные, взволнованные, в сотый раз обдумывая: как, сохраняя все условия конспирации, заявить о себе громогласно, выйти наружу, повести работу шире, чем это было до сих пор, в небольших, таящихся от всякого постороннего взгляда кружках.

Дело происходило после похорон писателя Шелгунова. Рабочие, ободренные успехом проведенной тогда демонстрации, искали случая снова собраться вместе.

И как только вести о 1 мая дошли до Петербурга, рабочие — члены бруснeвской организации — сразу откликнулись на призыв организовать в России первую пролетарскую маевку.

Мысль о первомайской демонстрации долго и горячо обсуждалась центральной группой организации. Из газет всем уже было известно решение I конгресса II Интернационала ежегодно в один и тот же день устраивать повсюду демонстрации «белых, желтых, красных и черных рабов капитала» с одними требованиями и с одними и теми же лозунгами братской солидарности трудящихся всех стран. Кроме того, по рукам ходила брошюра Плеханова «Ежегодный всемирный праздник рабочих», изданная за границей группой «Освобождение труда».

Решили по примеру немецких рабочих назначить празднование 1 Мая на одно из первых майских воскресений, но зато провести его организованно, без лишнего риска и понастоящему. Приглашать лишь самых доверенных людей, человек сто — сто пятьдесят.

Место для проведения маевки выбирали осторожно. Егор Климанов и руководитель центральной группы М. Бруснев съездили на Крестовский остров, побывали и в Екатерингофском парке и на взморье у реки Екатерингофки.

За Путиловским заводом, в лесу, нашли подходящее место. Лес доходил почти до самого взморья. Там было тихо, безлюдно. Добраться туда можно было со стороны залива — на лодках, полем — мимо Княжева, или по Петергофскому шоссе, повернув к деревне Емельяновке. Нашлась в лесу удобная, довольно живописная полянка, затерявшаяся меж деревьев, недалеко от взморья.

Сбор был назначен на 11—12 часов. Ровно к одиннадцати первыми на лодке приехали Егор Климанов и Бруснев.

Постепенно стали появляться рабочие — группками по три-пять человек. Пришли семянниковцы во главе с токарем Сергеем Фунтиковым. Они порядком устали, так как пересекли поле напрямик, от Невской заставы до взморья. Фунтиков подсел к Егору и тотчас же начал излагать свои извилистыми путями идущие мысли о великом значении международной пролетарской борьбы. Он был высок, широк в плечах, и Егор казался в сравнении с ним маленьким и хрупким. Одет он был по-обычному — в старом пиджачишке,

в поношенных штиблетах, которые носил и зимой и летом на босу ногу. Фунтиков не признавал никаких забот о себе, — ему некогда было этим заниматься. Это была своеобразная и самобытная фигура. Он был глубоко предан интересам рабочего дела. Всякий вопрос о неустройстве жизни, всякую трудность и неудачу, даже в личной жизни рабочего, Фунтиков обязательно подводил к одному и тому же объяснению: в этом виноват капиталист.

Пришел путиловец-литейщик Николай Иванов, двадцатидвухлетний юноша, — сразу на полянке раздался смех, веселые шутки и прибаутки, которыми Иванов славился у себя в цеху и в «коммуне» членов брусневской организации, куда часто захаживал.

Появился студент «Осип Иванович», немногим известный под фамилией Цивинский. Он также был одет под рабочего, и его действительно нельзя было бы отличить в рабочей толпе. Вокруг него столпились. По обыкновению он принес с собою карикатуры, рисованные от руки, изображавшие царскую персону в виде свиньи, лакающей водку, и другие — все запретные, политического содержания.

На большой лодке приехала группа участников Гаванского кружка вместе с Владимиром Фоминым, у которого постоянно собирались для занятий. Среди них выделялся могучий Иван Егоров — балтиец, обладавший огромной физической силой. Егоров был известен тем, что свободно разбирался в теории стоимости Маркса и руководил кружками. Оратор он был превосходный, организатор — также неплохой.

Пришел Федор Афанасьев с братом Егором — оба ткачи, один фабрики Воронина, другой — Паля. Федора встретили с радостью. Его называли «учителем». Он был худощав, носил очки, борода его, густая и черная, была чуть всклокочена. В нем что-то напоминало пророка, хотя он религиозным не был и священным писанием не интересовался. Глаза его, чистые, ясные, полные доброты и привета, выражали всю его натуру. Недаром он впоследствии получил среди иваново-вознесенских ткачей кличку «Отец». До конца дней своих Федор Афанасьев был учителем рабочих и сложил голову в 1905 году в борьбе с царско-полицейскими черносотенными бандами.

Пришли: рабочий-резинщик Владимир Прошин, путиловский токарь Николай Полетаев, литограф Карелин, гимназист Святловский. Появились путиловцы — Митрофан Петров и Федор Игнатьев. Поляна загудела многоголосым гу-

лом, то громким, то вдруг затихающим. На бугорке, в центре полянки, появился оратор, ткач Федор Афанасьев. Все смолкли. Раздались первые слова на первой маевке русских рабочих:

«— Товарищи! Сегодняшний день для нас должен неизгладимо остаться у каждого в памяти. Только сегодня, в первый раз, нам пришлось собраться со всех концов Петербурга на это скромное собрание и в первый раз слышать от товарищей рабочих горячее слово, призывающее на борьбу с нашими сильными политическими и экономическими врагами. Да, товарищи! Видя такого врага и не зная, в чем его сила, видя свою небольшую горсть людей, которые берут на себя эту борьбу, некоторые из нас не могут надеяться на успех нашей победы; они в отчаянии и трусости покидают наши ряды. Нет, товарищи! Мы твердо должны надеяться на нашу победу. Нам стоит только вооружить себя сильным оружием, — а это оружие есть знание исторических законов развития человечества, — нам стоит только этим вооружить себя, тогда мы всюду победим врага. Никакие его притеснения и высылки в Сибирь не отнимут от нас этого оружия. Мы всюду найдем поле победы...» [1]

День был ясный, солнце стояло высоко. Воздух был чист и свеж. Деревья тихо шелестели, и в моменты, когда затихал голос оратора, казалось — поляна пуста и безмолвна. Каждое слово проникало в душу, каждая мысль уходила вглубь, и люди, широко раскрыв глаза, в первый раз слушали проникновенные слова в такой необычной обстановке. Всегда таясь, прячась в глухих каморках, занавесив окна, при свете керосиновых ламп, полушопотом делились они мыслями на кружках — мыслями большими, волнующими, вдохновляющими на упорную борьбу за освобождение труда.

Второй оратор, Николай Богданов, говорил горячо и чеканно. На каждое его слово откликалось негромкое звенящее эхо. Он напомнил о первом выступлении рабочих в день похорон писателя Шелгунова:

«— Наша проба и успех ее пришлись не по губам правительству, и оно распорядилось наказать рабочих, осмелившихся думать об улучшении своей жизни, выслав троих из них в уездные городишки... Но я надеюсь, товарищи, что такие меры правительства не запугают никого из нас, а

[1] Сб. «От группы Благоева к «Союзу борьбы», ГИЗ, Донское отделение, 1921, стр. 121. Авторство речей на первой маевке установлено по данным, опубликованным в «Красной летописи» № 2 (13), 1925, стр. 271—272.

лишь только возбудят большую ненависть к нему и к существующему строю, который оно оберегает, и большее желание поскорее добиться такого строя, при котором не было бы ни бедных, ни богатых...»[1]

Резинщик Прошин прочитал речь, заготовленную заранее. Порывисто, чуть-чуть сбиваясь, он заговорил о том, что счастье достается всегда нелегко, оно стоит очень дорого, за него нужно бороться долго и платить дорогой человеческой кровью.

«— У нас, как вы сами знаете, еще всякие заявления о правах народа сейчас считаются бунтом. Только и есть одни окрики, штыки, пушки, розги, Сибирь, тюрьма, каторга да казацкие нагайки... Мы должны шапку ломать перед последним становым, околоточным, городовым...»[2]

Прошин развернул картину борьбы рабочих на Западе за свою политическую свободу, добившихся в этой борьбе многих побед. Он говорил, что их настойчивость, жертвы все же дали свои результаты. Семя революционной борьбы уже проникло в Россию, дает отростки по всей русской земле и даст свой плод.

«— Растет оно, но и страшных врагов оно имеет в лице кулаков, попов, господ и царя со своим войском и полицией... Нелегко вначале нам придется: каждый шаг наш, каждый проступок грозит нам тюрьмой или высылкой, но что же делать, товарищи! Не без этого, когда дело идет о жизни или смерти!.. Сознание говорит, что мы тоже люди! Но пока мы все еще бесправные рабы русского царя с пятном возложенного на нас позора. Так смоем же, товарищи, это рабское пятно позора!.. Будем, друзья, бороться за истину, не отступим шага назад до самой своей смертной агонии, за правду, за равенство, братство, свободу! Будемте учиться объединяться сами и, товарищи, будемте организовываться в сильную партию. Будемте, братья, сеять это великое семя с восхода и до захода солнца во всех уголках нашей Русской земли!»[3]

На бугорок, служивший трибуной, вышел Егор Климанов. Он выступал экспромтом, без подготовки. Горячо говорил о задачах борьбы, о великой силе революционных идей. В каждом его слове звучала глубокая убежденность и вера в победу рабочего класса.

---

[1] Сб. «От группы Благоева к «Союзу борьбы», стр. 123.
[2] Там же, стр. 126.
[3] Там же, стр. 126—127.

Речи окончились, и на поляне долго еще царило молчание. Люди продумывали свою жизнь — тяжелые и смрадные годы тяжелой работы, без настоящего отдыха, без счастья, без радости. Но впереди... конец этой вечной черной ночи.

Собравшиеся разбились на группы: вспоминали друзей и товарищей, загнанных царскими сатрапами в ссылку, сопоставляли свою жизнь с заграничной. Егор рассказывал кое-кому о письмах, полученных от Буянова из Тулы. Туда же полиция выслала за демонстрацию на похоронах Шелгунова трех членов организации: рабочего мастерских Варшавской железной дороги Мефодиева, балтийца Крутова и путиловца Поршукова. Вместе с Буяновым они создали в короткий срок несколько кружков. Теперь Буянов на новом месте ссылки, в Костроме.

— И вот он привез вести от Буянова, — Егор указал на молодого парня, скромно прислонившегося к деревцу.

То был Николай Полетаев, член костромского кружка, созданного Буяновым, приехавший в Петербург на выучку.

— Дает ростки наше семя, — улыбаясь говорил Егор. — А что будет, когда мы вот развернем еще шире деятельность. Дух захватывает...

Зашел разговор о путях развития организации и ее работы. Никто, даже сами руководители толком себе не представляли пути развития организации, пути пролетарской борьбы. Нехватало ясного и всеобъемлющего плана развития революционной организации. И никто сейчас этого сказать не смог, как ни спорили первые петербургские социал-демократы. В этом и состояла слабость и ограниченность рабочего революционного движения на заре своего развития. Руководители не дали и не могли еще дать зарождающейся русской социал-демократии программы и ясного понимания задач пролетарской борьбы.

Расходились так же, как и пришли — небольшими группами. К дереву прибили щит с лозунгом: «Пролетарии всех стран, соединяйтесь!». Гимназист Святловский вырезал на дереве дату.

Последними уехали на лодке Егор Климанов и Михаил Бруснев. Егор, полулежа в лодке, глядел вверх, задумавшись. Небо было попрежнему ясное и голубое. Солнце ласково пригревало и землю и воду. Бруснев греб, едва опуская весла, и тоже задумчиво глядел на голубое небо, на синюю полоску удалявшегося залива.

— Эх, кабы знать все, что надо знать! — заметил Егор.

Бруснев молчал.

— Как пойдет дальше? Как должно пойти? — продолжал Климанов. — Вот вышли раз, потянулось за этим другое. Там пойдет еще большее. Знать-то мы должны наперед, как итти дальше?

Ответа не было.

Только три года спустя после первой маевки Егор понял, как пойдет и куда пойдет молодое рабочее движение. Он узнал это из сочинений человека, организовавшего первую ячейку будущей марксистской социал-демократической партии России — петербургский «Союз борьбы за освобождение рабочего класса». Этот человек дал рабочему движению цель, указал пути и методы борьбы, дал программу действий. Егор знал, что в узком кругу этого человека называли «волжанином». И только позже, много лет спустя, Егор Климанов узнал, что этот человек — Владимир Ильич Ленин.

ПЕРВАЯ ЯЧЕЙКА

Промышленный подъем девяностых годов подготовил «...материальные условия и социальные силы...»,[1] необходимые для борьбы рабочего класса за свое освобождение. Вместе с ростом крупной машинной индустрии вырастало фабричное население городов; заводы, насчитывавшие тысячу и больше рабочих, стали в России нередким явлением; число металлистов — самого сплоченного и сознательного отряда пролетариата — за последнее десятилетие XIX века удвоилось, дойдя до четырехсот тысяч человек.

В девяностых годах началось массовое рабочее движение в России. В течение четырех лет (1891—1894 гг.) волна стачек захватила свыше двухсот тысяч человек. Бастовали горняки Юзовки и Домброва, текстили Шуи и Лодзи, железнодорожники Харькова и Ростова-на-Дону, строительные рабочие Варшавы, металлисты Риги и Петербурга, рабочие Москвы, Минска, Ярославля, Тифлиса.

Но подымающееся массовое рабочее движение еще не имело своего руководителя и вождя — своей политической партии. Марксистские группы интеллигентов и рабочих не были еще связаны с рабочим движением, не руководили им. Чтобы превратить распыленные, стихийные выступления рабочих в организованную и сознательную классовую борьбу, необходимо было соединить рабочее движение с социализмом, указать движению цель и дать лозунги борьбы.

[1] *Ленин*, Сочинения, т. I, стр. 194.

Эту задачу всемирно-исторического значения выполнил Владимир Ильич Ленин.

Ленинские тетради в желтых обложках — «Что такое «друзья народа» и как они воюют против социал-демократов?» — произвели переворот в умах русских марксистов и показали, что молодая русская социал-демократия, наконец, обрела руководителя, теоретика и вождя. Впервые русское революционное движение получало такую ясную перспективу и цель борьбы.

«На класс рабочих и обращают социал-демократы все свое внимание и всю свою деятельность. Когда передовые представители его усвоят идеи научного социализма, идею об исторической роли русского рабочего, когда эти идеи получат широкое распространение и среди рабочих создадутся прочные организации, преобразующие теперешнюю разрозненную экономическую войну рабочих в сознательную классовую борьбу, — тогда русский *рабочий*, поднявшись во главе всех демократических элементов, свалит абсолютизм и поведет *русский пролетариат* (рядом с пролетариатом *всех стран*) *прямой дорогой открытой политической борьбы к победоносной коммунистической революции*».[1]

Ленин приехал в Петербург осенью 1893 года. Двадцатитрехлетний юноша, он тогда уже обладал огромными знаниями и в совершенстве владел методом марксизма. Он приехал в Петербург с ясной целью: здесь, в центре русского рабочего движения, положить начало марксистской социал-демократической рабочей партии.

В Петербурге к тому времени среди рабочих вела революционную пропаганду новая марксистская группа, состоявшая главным образом из студентов Технологического института, двое из которых ранее были членами брусневской организации. Ядро группы составляли: Г. М. Кржижановский, В. В. Старков, П. К. Запорожец, С. И. Радченко, А. А. Ванеев, Н. К. Крупская. Ленин стал во главе этой группы.

В этот период своей работы Ленин осуществил важнейшую задачу — соединение социализма с рабочим движением. Это был резкий, революционный поворот в судьбе всего русского рабочего класса. Ленин дал рабочим лозунги борьбы, определил их историческую задачу и указал путь к ее осуществлению — заложил основы будущей пролетарской партии, создав петербургский «Союз борьбы за освобождение рабочего класса».

[1] *Ленин*, Сочинения, т. I, стр. 194.

«Значение петербургского «Союза борьбы за освобождение рабочего класса» заключалось в том, что он, по выражению Ленина, представлял первый серьезный *зачаток революционной партии, опирающейся на рабочее движение*». [1]

Социал-демократические группы в это время находились в состоянии полной раздробленности. После окончательного разгрома брусневской организации в Петербурге уцелело всего несколько кружков, мало связанных между собой. За Нарвской заставой не осталось ни одного рабочего кружка. Николая Поршукова полиция выслала в Тулу за участие в похоронах писателя Н. Шелгунова. Другие участники кружка были арестованы за маевку 1892 года. Из путиловских кружковцев на свободе остался лишь один Николай Иванов. Вместе со своим младшим братом Константином он пытался нащупать новые связи. Он посещал кружок рабочих Резиновой мануфактуры, собиравшийся в 1893 году у резинщицы Фени Норинской. Иногда встречался с Василием Шелгуновым, связанным с технологами. Но кружка за Нарвской ему не удалось создать. Пропагандистских сил в группе технологов было недостаточно, да и они вели углубленную пропаганду лишь с одиночками.

С приходом Ленина положение в марксистской группе технологов резко изменилось. Ленин потребовал расширения пропагандистской работы. По настоянию Ленина группа начала создавать рабочие кружки во всех районах Петербурга, особенное внимание обращая на крупные заводы столицы.

Ленин лично занялся созданием и воспитанием кадров рабочих организаторов. Он стремился приблизить к себе самых способных и деятельных рабочих, занимался с ними, готовя из них передовиков и вожаков подымающегося массового движения. Через Германа Красина, члена группы технологов, Ленин познакомился со слесарем Василием Шелгуновым, а через него с другими передовыми рабочими.

Ленин руководил несколькими рабочими кружками за Невской заставой, на Петербургской и Выборгской сторонах и пользовался горячей любовью передовых рабочих, с которыми занимался в кружках. Ленин давал им книги для чтения, читал главы из «Капитала» Маркса, свои статьи и заботился, чтобы каждая мысль была ими понята и усвоена. Расспрашивал о заводских порядках, об условиях жизни и работы на заводах. Часто заставлял давать ответы в пись-

[1] История Всесоюзной Коммунистической партии (большевиков), Краткий курс, 1938, стр. 19—20.

В. И. Ленин на квартире рабочего Б. Зиновьева — 1895 г. С карт. *В. Серова*

менной форме и требовал их не тотчас, а предоставлял несколько дней для обдумывания.

Одним из самых способных учеников Ленина был рабочий Семянниковского завода Иван Бабушкин, впоследствии ставший крупным организатором социал-демократического движения. В 1906 году Бабушкин был расстрелян карательным отрядом Ренненкампфа. О Бабушкине, после его смерти, Ленин писал как об одном из народных героев, посвятивших себя целиком борьбе за освобождение рабочего класса, действовавших «...упорно, неуклонно среди пролетарских масс, помогая развитию *их* сознания, *их* организации, *их* революционной самодеятельности». [1]

Владимир Ильич приучал своих учеников-рабочих — Бабушкина, Шелгунова и других — сочетать полученные знания с революционной работой, наблюдать, проверять, делать свои выводы. Настойчиво и искусно подталкивал их к мысли: революционер должен видеть и знать многое, — без знаний, без теории он превратится в пустышку, неспособную служить интересам рабочего класса.

Шелгунов горячо набросился на знания. Его можно было встретить и на публичной лекции в аудитории высших женских курсов, и в университете — на защите интересной диссертации. Позже, на Васильевском острове у балтийцев или за Невской заставой, он рассказывал рабочим о спорах среди интеллигенции по вопросам общественного движения.

К этому времени в Петербург после высылки возвратился старый друг Шелгунова, путиловский токарь Николай Полетаев. Появился выпущенный из тюрьмы Егор Климанов. Они поступили на Путиловский завод. Вместе с Шелгуновым они взялись за организацию рабочего кружка. Разыскали Николая Иванова, подобрали несколько рабочих, группа технологов выделила руководителя — Петра Запорожца, и в начале 1894 года, после двухлетнего перерыва, на Путиловском заводе создался новый кружок.

Шелгунов подробно рассказывал Егору о своих встречах с молодым «волжанином», как называли Ленина в группе технологов. Он передавал, что Ленин добивается от своих учеников работы непосредственно в массах. Рабочие же кружки должны стать ячейками политической партии, задачей которой является организация масс для борьбы против самодержавия и капитализма.

Новые горизонты открылись теперь перед Егором. Он по-

---

[1] *Ленин*, Сочинения, т. XIV, стр. 398.

чувствовал, что «волжанин», фамилии которого он не знал и по конспиративной привычке не спрашивал, именно тот человек, который ставит революционное дело на твердый, незыблемый фундамент.

Василий Шелгунов и Егор Климанов стали горячими сторонниками новой ленинской тактики — агитации в массах. Они еще не знали, как начать эту работу. Еще приходилось среди самих участников кружков добиваться признания новой тактики, но они пристально следили за настроениями рабочих, стремясь не упустить случая ввязаться в борьбу рабочих, организовать массовое выступление против хозяев у себя на заводе. И случай такой вскоре представился. Это была стачка прокатчиков, вспыхнувшая в июне 1894 года.

Егор пришел к прокатчикам сразу же, как только узнал, что на воротах цеха появилось объявление о снижении расценок. Вальцовщикам за прокатку каждых ста пудов тонких листов вместо 9 рублей 20 копеек назначалась цена в 8 рублей 40 копеек; за толстые листы — 7 рублей вместо 8 рублей 20 копеек. Сварщикам вместо 6 рублей 36 копеек — 5 рублей. В течение последних трех месяцев сбавка проводилась уже в четвертый раз, и рабочие возбужденно и беспорядочно шумели. Громче всех кричали сварщики. Завалив печи, они собирались кучками, угрюмо обсуждая, как воспротивиться сбавке.

Вначале сварщики отнеслись к Климанову недоверчиво, как к чужаку, но потом, поговорив с ним и к тому же узнав, что он кузнец, работает на заводе, поведали ему о своих горестях. Егор говорил им, что одними криками и руганью с начальством они добьются немногого. Нужно остановить весь цех. Сварщики должны начать первыми, вслед за ними остановятся и прокатные станы — остановится вся мастерская.

Три дня Егор убеждал сварщиков, и с каждым разом число сторонников стачки среди прокатчиков увеличивалось. Климанов рассказывал им, что всюду бастуют рабочие — и в Прибалтике и по всей России. Везде, где рабочие упорно держатся, они добиваются успеха. 25 июня, на четвертый день переговоров Климанова со сварщиками, тонколистный стан прекратил работу. Вслед за ним остановилась прокатка толстых листов и, наконец, стала вся мастерская.

Прокатчики не уходили из цеха. Собирались кучками, проверяли, везде ли погашены сварочные печи, и мрачные тени их, огромные и косые, ломаясь, падали на груды листов и рельсов.

Егор несколько раз заходил в прокатку, поглядывал на забастовавших и подбадривал их. Прокатчики держались

стойко. Начальник мастерской бросился к директору завода и, вернувшись, повесил объявление, что прежнее распоряжение отменяется. Стачка окончилась победой рабочих.

Егор торжествовал. Он мечтал теперь встретиться с «волжанином» и лично ему рассказать о первом своем опыте. Но увидеть Ленина Егору не довелось. Климанов был вскоре арестован и, по совокупности дел, числившихся за ним в прошлом, выслан на пять лет в Вологодскую губернию.

В конце августа 1894 года Ленин, выезжавший на летние месяцы в Самару, вернулся в Петербург. Шелгунов подробно рассказал ему о путиловской стачке. Вскоре Ленин сам побывал на этом заводе. Через своего знакомого И. Чеботарева, служащего управления железных дорог, Ленин раздобыл разрешение на осмотр Путиловского завода.

В один из осенних дней Владимир Ильич вместе со своей сестрой Анной Ильиничной проехал через всю Нарвскую заставу, мимо старых и новых улиц, мимо длинного серого забора, направляясь на Путиловский завод.

Обход мастерских обычно начинался со сталепрокатки и мартеновской. Ленин обходил цех за цехом. Везде он долго и внимательно беседовал с инженерами и мастерами. Инженеры охотно рассказывали обо всем, что знали. По тому, как вопрос следовал за вопросом, инженеры чувствовали, что перед ними не праздный обозреватель, а человек, глубоко интересующийся заводом. Беседа была такой простой и непринужденной, что даже несловоохотливые люди становились разговорчивыми. Инженеры водили Ленина во все закоулки мастерских, показывали то, что обычно не показывалось посторонним, которым достаточно было посмотреть прокатку и выпуск плавки из мартеновской печи.

За котельной и кузницей открывалась новая часть завода. В глаза бросались леса новых строящихся мастерских. Строения, возвышавшиеся здесь, резко отличались от прокатки, бессемера и кузницы. Завод в это время переживал период быстрого развития.

Путиловский завод с его многочисленными мастерскими, разнообразным производством и шестью с половиной тысячами рабочих произвел на Ленина большое впечатление. Здесь на небольшой площадке наглядно вырисовывались отдельные черты бурного роста капитализма — его стремительное движение вперед, и здесь же в низких закопченных цехах скапливалась и крепла другая сила — организованная армия труда, армия будущих могильщиков капитализма.

КРУЖОК «СОЮЗА БОРЬБЫ»

В небольшой квартире, в доме № 64 по Петергофскому шоссе, часто по вечерам раздавались звонкий смех, пение, музыка. Хозяин квартиры, литейщик Николай Иванов, его брат, девятнадцатилетний Константин, и жившая в той же квартире работница Резиновой мануфактуры Феня Норинская слыли в доме людьми беззаботными, любящими погулять, хорошо приодеться, поплясать. И никто во дворе не догадывался, что эта веселая молодежь занимается делами, за которые по царским законам полагается тюрьма и ссылка.

Руководитель рабочего кружка «Василий Федорович» — П. Запорожец, высокий коренастый человек с копной темных волос, являлся сюда запросто, не переодеваясь под рабочего: квалифицированная путиловская молодежь его возраста одевалась в это время лучше многих студентов.

С приходом руководителя гитары и мандолины откладывали в сторону, члены кружка усаживались вокруг стола. Запорожец приступал к чтению очередной главы из книги «Наемный труд и капитал» или же из «Капитала» Маркса. Обсуждая прочитанное, говорили о положении рабочих, о заводской жизни, о задачах организации и путях борьбы.

Чувствуя себя ответственным за безопасность собраний, Иванов часто выходил проверять, нет ли слежки за домом. Был он непоседлив, и хлопотливые обязанности хозяина конспиративной квартиры приходились ему по душе.

У Иванова сохранилась часть библиотеки, собранной еще пять лет назад Буяновым на взносы членов кружка. Среди книг было несколько сборников революционных стихов, переписанных от руки или вырванных из журналов и склеенных в самодельные брошюрки. Он бережно хранил эти сборники. Любовь к стихам была традицией революционеров. Николай читал стихи с подъемом, вкладывая в них всю душу. Особенно любил он декламировать издавна ходившую в революционных кругах «Песню работников»:

Мы, чьи огни до зари зажигаются,
Только лишь крикнет петух в ночь бессонную;
Чьи истомленные спины сгибаются
Пред наковальней, в огне раскаленною;
Мы, у которых работа гнетущая
С детства замучила живость природную,
А впереди посулило грядущее —
Холод, недуги да старость голодную...

Собрания кружка затягивались допоздна. Запорожец давно уже шагал где-нибудь по улицам города, осторожно оглядываясь, нет ли слежки, а в квартире у Николая Иванова еще шли споры, перемежавшиеся песнями и взрывами веселья.

Число путиловских социал-демократов росло медленно, по одному. Василий Шелгунов познакомил Николая Иванова с рабочим Филиппом Петровым, перешедшим из-за Невской заставы на Путиловский завод. В квартире Иванова появился и Петр Грибакин, одновременно посещавший кружок за Невской заставой, которым руководил Владимир Ильич Ленин.

Частым посетителем кружка был молодой путиловский токарь Полетаев, живший в одном доме с Николаем Ивановым. Они были знакомы давно, но близко сошлись только теперь, в 1894 году, когда Полетаев вернулся на завод после отсидки в тюрьме. За спиной Полетаева уже был хотя и недолгий, но богатый опыт революционера. Николай Иванов относился к нему с большим уважением: за короткое время Полетаев успел дважды посидеть в тюрьме и пройти через высылку. Полетаев стал деятельным членом кружка и выполнял роль хранителя подпольной литературы.

Николай Иванов был ловок и быстр, и потому его частые отлучки из цеха не влияли на его заработок. Он заходил в механические мастерские, в вагонную, в котельную, — всюду у него был обширный круг знакомых. Стоило ему встретиться с человеком непокорным или просто вдумчивым и рассудительным, он уже от него не отставал, пока не убеждался, есть ли смысл вовлечь его в работу кружка. Со слесарем Борисом Зиновьевым разговоров у него было немного. Борис сразу же стал посещать кружок и очень быстро обнаружил замечательные качества организатора и природного агитатора.

На Путиловский завод Борис Зиновьев поступил семнадцатилетним юношей в 1892 году. Завод ошеломил молодого слесаря. Боевой, задорный, он сразу притих и стал задумчив. Он старался сжиться с новым для него миром, понять завод, понять людей. Но мир был сложным и запутанным — мир грубых окриков, раболепия, тяжелой работы и нужды. Решающее влияние оказало на Бориса ничтожное как будто бы обстоятельство. Он увидел однажды, как старый слесарь, работавший с ним рядом, опустил на тиски голову, тяжело вздохнув. Борис участливо спросил слесаря, не устал ли он работать.

— Мне уставать не приходится, — ответил старик, — я привычный. Надоело только.

— А нельзя ли так сделать, чтоб не надоедало?

— Нельзя, — сурово ответил старик, — от веку так было: работа — каторга.

— Можно, — задорно сказал Борис.

Но потом подумал и сказал тихо:

— Думаю, что можно.

Первая встреча с интеллигентом — руководителем кружка, первые объяснения, что такое прибавочная стоимость, рассказы о том, как английские и немецкие рабочие достигли уменьшения рабочего дня, — открыли Борису глаза. Он в книгах искал ответа на интересовавшие его вопросы, стал запоем читать экономическую и политическую литературу, увлекаясь ею так же, как раньше увлекался романами Фенимора Купера и Майн-Рида. Со всем жаром молодой порывистой натуры он взялся за революционную работу.

Осенью 1894 года социал-демократические кружки появились уже на всех рабочих окраинах Петербурга. Требование Ленина расширить сеть кружков было подхвачено рабочими организаторами. «Союз борьбы» стал центром развертывающегося социал-демократического движения. За Нарвской заставой, кроме кружка, собиравшегося у Николая Иванова, создался еще один кружок в деревне Тентелевке. В кружке было всего три-четыре человека, живших в одной квартире, но занимались они регулярно. Руководителем был член центральной группы В. Старков.

Борис Зиновьев собирал у себя в комнате третий кружок из рабочих паровозомеханической мастерской. Занятия четвертого кружка происходили на новой квартире Фени Норинской, на Фонтанке, в доме № 179, куда она переехала из-за заставы. Этот кружок посещали не только путиловцы, но и рабочие прядильных фабрик. Бывали здесь и Борис Зиновьев и Николай Иванов. В кружок, собиравшийся у Норинской, «Союз борьбы» направил руководителем Анатолия Ванеева, сразу полюбившегося кружковцам.

В конце 1894 года Ленин поставил перед всеми социал-демократическими кружками вопрос о решительном переходе от «*пропаганды* марксизма среди небольшого количества передовых рабочих... к злободневной политической *агитации* среди широких масс рабочего класса». [1] Были созваны совещания, на которых присутствовали и путиловцы. Среди не-

[1] История Всесоюзной Коммунистической партии (большевиков). Краткий курс, 1938, стр. 18.

которых интеллигентов и среди небольшой части рабочих была попытка задержаться на старых позициях — ограничиться одной лишь пропагандой в кружках. Иван Бабушкин, Василий Шелгунов, Борис Зиновьев и другие горячо поддержали предложение Ленина. «Союз борьбы» вынес решение о переходе к новым методам революционной работы.

В своей книге «Что такое «друзья народа» и как они воюют против социал-демократов?» Ленин во весь рост поставил вопрос о создании в России марксистской рабочей партии. Разгромив идеологию народничества, отрицавшего самостоятельную роль рабочего класса в революционном движении, Ленин показал путь борьбы за полное освобождение от всякого рабства и угнетения. Гектографированные тетрадки — книга Ленина — читались и обсуждались во всех рабочих кружках, вызывая страстные споры, как практически осуществить задачу создания рабочей социал-демократической партии.

Путиловским кружковцам приходилось не раз сталкиваться в спорах с народниками, пытавшимися проникнуть в рабочую среду. Борис Зиновьев показал себя в этих спорах ярким полемистом, умело отражавшим доводы противников. Свои речи он всегда строил, как бы отвечая противнику. «Находятся люди, — говорил он, — которые этому не верят, думают иначе». И начинал громить тех, кто думает иначе, доказывая, почему они неправы.

На диспутах с народниками Борис прочитывал отрывки из сочинений теоретиков и вождей народничества и по пунктам разбивал их доводы. Глубоким знанием вопроса он поражал интеллигентов, которые никак не предполагали встретить в рабочем такого сильного противника.

Путиловские кружки «Союза борьбы», следуя ленинским указаниям, стали проводить агитационную работу. Они стремились использовать каждый случай брожения в цехах, чтобы поднять массовое выступление путиловцев, развернуть среди них политическую агитацию.

В мае 1895 года, во время перевыборов правления Путиловского потребительского общества, такой случай представился. Из шести с половиной тысяч путиловцев — пайщиков было только семьсот-восемьсот, главным образом служащие, мастера, старши́е. Стать членом потребительского общества рабочему было не под силу: пай был высок — пятьдесят рублей. Хозяйничали в потребиловке, или, как ее называли рабочие, «грабиловке», высшие служащие, ставленники заводской администрации. Рабочим сбывали

в кредит недоброкачественные, гнилые продукты. Покупатели роптали, но из-за кредита вынуждены были пользоваться лавками потребиловки. Ропот переходил в брожение в каждую получку, когда рабочий, заглянув в расчетную книжку, вновь убеждался, что за плохой продукт он платит во-время и притом полную цену.

Путиловские социал-демократы повели широкую агитацию по цехам в защиту прав рабочих-пайщиков, против порядков в потребиловке, связывая эти порядки с общим бесправным положением рабочего класса. В паровозомеханической, в лафето-снарядной они заводили разговоры в получку — самый удобный день для бесед о потребиловке. Евграф Калинин, разбитной модельщик, в своей мастерской, где работало много пайщиков, говорил о том, что на этот раз хозяевам спуску давать не следует. Он сколотил группу модельщиков и договорился, что все они на собрании будут и постоят за правду. Евграф обещал, что люди, которые не боятся начальства, найдутся.

Перед собранием социал-демократы подготовили одного пайщика к выступлению. Борис Зиновьев дал ему записку, в которой были перечислены самые возмутительные случаи злоупотреблений правленцев. В записке были также требования, которые следует предъявить от имени пайщиков. На собрании рабочий выступил и доказал, что старое правление хозяйничало убыточно, нарушало интересы рабочих в пользу служащих и раболепствовало перед администрацией.

После его речи в рядах открыто заговорили:

— Нельзя терпеть этого больше...

Большинством голосов собрание утвердило предложенные меры: обязательное участие в правлении рабочих, уменьшение пая до двадцати пяти рублей, предоставление рабочим, членам правления, права контролировать лавки без особого на то разрешения.

Удача окрылила путиловских кружковцев, и они ждали случая поднять рабочих на новые, еще бо̀льшие выступления. В июне 1895 года в сталепрокатной мастерской неожиданно понизили расценки. В течение двух недель Борис Зиновьев с товарищами агитировали среди прокатчиков за стачку. Жан-Батист Лисмонд, начальник мастерской, знавший в лицо всех своих рабочих, встретив однажды в прокатке Бориса, спросил, откуда он.

Жан-Батист был толст, румян, самодоволен, напускал на себя грозный вид. Бориса взорвало именно последнее: пугает. И он задорно ответил:

— Оттуда, откуда и ты...

И медленно пошел от него качающейся походкой.

Борису удалось сколотить группу прокатчиков, готовых к выступлению. После упорной агитации среди рабочих сталепрокатная забастовала. Эта забастовка не была похожа на стачку железопрокатчиков, организованную год назад Егором Климановым. Рабочие не остались в цехах, а, бросив работу, вышли во двор завода. Толпой подошли к воротам и потребовали, чтобы их выпустили. Перед рослыми, могучими прокатчиками, которых Жан-Батист подбирал в течение долгих лет, заводские стражи не устояли. Рабочие разошлись по домам.

Предугадывая, что дело это вряд ли кончится спокойно, Борис спрятал всю запрещенную литературу, которая у него была. И не ошибся. В тот же вечер было арестовано несколько человек, в том числе и он.

Однако и после ареста стачка не закончилась, хотя директор Данилевский объявил о восстановлении расценок некоторым группам рабочих. Первая артель стала на работу; вторая продолжала бастовать. Среди рабочих этой артели еще до стачки было настроение бросить работу на Путиловском заводе. Совсем недавно молодой рослый вальцовщик, один из лучших работников артели, упал на раскаленную болванку. Одежда на нем была масленая, горючая, она вспыхнула мгновенно. Обезумев от боли, он огненным столбом носился по мастерской. В притихшей от ужаса прокатке люди слышали шипение и треск жарившегося человеческого мяса. Они старались поймать горевшего человека, но схватили его только тогда, когда он упал. На полу лежал черный, обуглившийся труп. Люди молча крестились, вытирали слезы. Тогда у прокатчиков второй артели зародилась мысль: бежать, бросить эту адову работу. Теперь, столкнувшись с начальством по вопросу о расценках, они твердо порешили уйти с этого завода.

В цех прибежал помощник директора Липин. Его встретили криками:

— Давай расчет!

Вся вторая артель подхватила:

— Расчет!

Липин попытался уговорить: ведь цех закроется из-за этого. И отказался дать расчет. Но прокатчики не соглашались работать, и когда 19 июня они остановили цех, вся вторая артель — больше ста человек — была уволена с завода.

Несколько прокатчиков, арестованных во время стачки, было выслано из Петербурга. Бориса Зиновьева выпустили за недостатком улик.

К осени 1895 года петербургский «Союз борьбы за освобождение рабочего класса» превратился в широкую для того времени организацию. Работа петербургского «Союза борьбы» была поставлена на прочный фундамент централизма, твердой и строгой дисциплины. В районе Нарвской и Московской застав центром всей работы были кружки Путиловского завода, насчитывавшие к этому времени около пятидесяти человек.

Центр рабочих кружков Нарвско-Московского района, их штаб, помещался в небольшой комнате Бориса Зиновьева в доме № 6 по Огородному переулку. Сюда приходили за литературой, за советом, за помощью. Здесь можно было достать заграничные издания группы «Освобождение труда», а также нелегальные брошюры, которые приносил Николай Полетаев. На подвесной полке стояли книги, принадлежавшие Борису Зиновьеву: «Капитал» Маркса, «История французской революции» Блосса, стихотворения Лермонтова, «Критика чистого разума» Канта. Пропагандисты поражались тому, как свободно и легко Борис Зиновьев разбирался даже в таком трудном сочинении Маркса, как «Введение к критике философии права Гегеля».

У Бориса Зиновьева неоднократно бывали собрания. В них участвовали и руководители «Союза борьбы»: Кржижановский, Старков, Запорожец. Несколько раз приходил сюда Владимир Ильич Ленин. Часто он бывал за Невской и Нарвской заставами, на Васильевском острове. Встречаясь с передовыми рабочими, Владимир Ильич учил их, как нужно вести агитацию, как поднимать на выступления рабочую массу.

Таких рабочих, как Борис Зиновьев, в Петербурге было уже немало. Они были во всех районах города, и с каждым днем число их становилось все больше. Ленин внимательно следил за их развитием и направлял их рост. Он привлекал их на совещания центральной группы, втягивал в дискуссии с народниками и группами, существовавшими вне «Союза борьбы», воспитывая из них будущих руководителей социал-демократических организаций.

В начале ноября 1895 года в связи с волнениями на ткацкой фабрике Торнтона «Союз борьбы» созвал представителей районов. Вопрос о подготовке выступления торнтоновских ткачей перерос на собрании в дискуссию об общих

задачах агитации. В защиту ленинских позиций против кружковщины горячо выступил Шелгунов. Борис Зиновьев сказал яркую речь, доказывая, что образование кружков старого типа не принесет пользы революционной деятельности. Все силы надо направить на агитацию среди массы рабочих, пользуясь для этого каждым недоразумением между ними и фабрикантами.

Листовка «Союза борьбы» к рабочим фабрики Торитона была отпечатана на гектографе и распространена по отделениям фабрики. Ткачи дружно отозвались на призыв к стачке. Хозяева, столкнувшись с упорством рабочих, вынуждены были пойти на уступки.

Такое действие листовок произвело огромное впечатление на рабочих. Борис после этих опытов задумал соорудить свой гектограф. Он поделился этой мыслью с Полетаевым, зная, что тот имеет связи с работниками подпольной типографии петербургской группы народовольцев. Полетаев придавал подпольным типографиям исключительное значение в революционной работе. Он увлекался типографией и забывал про все остальное. Еще в детстве, впервые познакомившись с нелегальными книжками, он мечтал стать участником тайной типографии, в которой можно было бы печатать много-много книжек, нужных для рабочих. Он считал теперь свою работу по связи с типографией на Крюковом канале, откуда доставал литературу, самой важной и от других дел отстранялся. К идее Бориса завести гектограф он отнесся чуть свысока, как опытный мастеровой к ученику, впервые взявшему в руки молоток. Борису показалось, что Полетаев холоден к массовой агитации. Он спросил Полетаева, долго ли тот будет болтаться так, почти без дела. Полетаев уверял, что литература, которую он распространяет, есть тоже дело. Но Борис требовал большего. Он стал выяснять, читал ли Полетаев книгу «Что такое «друзья народа», и когда узнал, что Николай до сих пор не прочитал этого замечательного произведения, рассердился:

— И как после этого с тобой разговаривать!

На следующее утро Борис принес Полетаеву в мастерскую тетради в желтых обложках. Незаметно сунув их ему в карман, он сказал с сердцем:

— Завтра зайду, проверю, прочитал ли.

Впервые пришлось Полетаеву читать такую беспощадную критику народничества, впервые он по-настоящему понял подлинную сущность этих лжедрузей народа. Особенно поразила его идея создания политической партии пролета-

рпата, идея превращения разрозненной экономической войны в сознательную классовую борьбу. Он понял, в чем упрекал его Борис Зиновьев, и иначе стал понимать то, о чем говорили на кружке, и по-иному стал относиться к своим обязанностям.

В путиловских кружках теперь чаще, чем когда-либо, ставились вопросы заводской жизни. Прежде каждый факт рассматривался как иллюстрация тяжелого положения рабочих. Теперь всякое сообщение интересовало кружковцев прежде всего с точки зрения возможности организовать выступление рабочих, и притом не только у себя на Путиловском заводе.

В одном из кружков на занятиях заговорили о забастовке на сапожной фабрике за Московской заставой. Кружок начал обсуждать, как помочь бастующим. На другое собрание один из кружковцев привел ткачей с фабрики Кенига. Ткачи пришли поговорить о своих делах: сознательных у них на фабрике совсем мало, а хозяйский прижим куда сильнее, чем на Путиловском. Они просили помощи и прежде всего «листочков» о порядках.

Кениговцам составили листовку. С пачкой прокламаций за пазухой Борис Зиновьев подошел к ткацкой фабрике в момент, когда гудок возвестил об окончании рабочего дня. День был сырой и темный. Борис стал у ворот фабрики. Густая толпа фабричных высыпала на набережную Обводного канала, направляясь по домам. Вдруг раздался отчаянный свист. Свистел товарищ Бориса, который стоял шагах в пятидесяти от него и должен был в условленный момент отвлечь внимание толпы. Рабочие стали искать глазами свистевшего. В это время у ворот взлетели в воздух белые листки. За ними другие. Борис Зиновьев пускал пачки прокламаций «веером». Никто не успел заметить, откуда они были брошены. Листовки сразу же расхватали по рукам. Ни фабричные сторожа, ни городовые не успели помешать этому.

В начале декабря в паровозомеханической мастерской было объявлено снижение расценок, и среди рабочих началось брожение. 4 декабря в комнатке у Бориса собралась сходка. Помимо рабочих из кружка паровозников, присутствовал Старков — представитель центральной группы. Борис ознакомил товарищей с написанной им прокламацией. Текст листовки был утвержден. Она понравилась всем простотой, ясностью и прямым призывом к действию:

«Товарищи!

В паровозомеханической мастерской сбавка...

...Мы создаем своим трудом все, и это все берут у нас богачи, отдавая лишь жалкие гроши для поддержания нашей рабочей силы, нужной им для новой наживы. Товарищи! Прекратим работу и не будем работать, пока не согласятся ввести старые расценки, которые должны вывесить в мастерской на основании закона.

Товарищи! Не уступайте новой прижимке!» [1]

В паровозомеханической прокламации разбрасывал Полетаев. Борис Зиновьев расклеивал их по району и опускал в почтовые ящики на дверях квартир. В уборных кучки людей обсуждали призыв к стачке. Первыми прекратили работу токаря и паровозные слесаря. За ними встала медницкая. Администрация Путиловского завода под дружным нажимом рабочих уступила.

Охранное отделение, которое через провокаторов давно следило за деятельностью «Союза борьбы», к этому времени уже знало всех активных социал-демократов. В ночь на 9 декабря полиция произвела массовые обыски и аресты. Особенно пострадало руководящее ядро «Союза борьбы». Был арестован Ленин и вместе с ним члены центральной группы: Кржижановский, Старков, Ванеев, Запорожец и другие. В ту же ночь забрали путиловцев: Бориса Зиновьева, братьев Ивановых, Полетаева, Ефремова, Петрова и других — всего десять человек.

Все арестованные путиловцы, просидев в тюрьме около года, были высланы из Петербурга. Полетаев попал в Тифлис, а оттуда на родину — в Кострому. Борис Зиновьев был сослан в Тверь. В Твери он продолжал революционную работу, но был снова арестован и в начале 1900 года, после тяжелой болезни, умер в тюрьме. Другие путиловцы, разбросанные царским правительством по разным захолустьям России, невзирая на преследования, упорно продолжали свое дело, которому их научил ленинский «Союз борьбы за освобождение рабочего класса».

ПРОДОЛЖАТЕЛИ

Декабрьские аресты нанесли тяжелый удар социал-демократической организации Петербурга, но она не прекратила своей работы. Ленин, находясь в тюрьме, продолжал руко-

[1] Листовки петербургского «Союза борьбы за освобождение рабочего класса», М. 1934, стр. 13—14.

водить «Союзом борьбы». Он разработал «Проект и объяснение программы социал-демократической партии», переписывался с оставшимися на воле руководителями «Союза борьбы», давал указания и писал листовки. 15 декабря «Союз борьбы» выпустил воззвание о том, что он существует и никакие аресты не смогут приостановить его деятельность. «...Листки появляются попрежнему, читаются и встречают повсюду сочувствие, а Союз борьбы за Освобождение Рабочего Класса, который их распространяет, остается невредим и будет продолжать свое дело...»

На Путиловском заводе почти целиком сохранился кружок паровозомеханической мастерской. Кружок состоял из восьми квалифицированных рабочих токарей и модельщиков. После арестов, когда группа социал-демократов на заводе сильно поредела, им все же удалось наладить распространение по цехам прокламаций и литературы — агитационных брошюр, привозимых через Вильну из-за границы.

Относительно мало пострадала петербургская социал-демократическая группа «молодых». С нею некоторые путиловские кружковцы были связаны и раньше. Участникам группы «молодых» путиловцы дали кличку «петухов»; социал-демократов из группы К. Тахтарева они называли «обезьянами». В «Союз борьбы» эти группы не входили. Ленин категорически выступил против приема этих групп в «Союз борьбы» из-за оппортунистических тенденций в их установках. Впоследствии эти группы перешли к пропаганде «экономизма». Мартов, один из уцелевших от арестов руководителей «Союза борьбы», сам склонный к оппортунизму, теперь сблизился с «молодыми» и связал их с путиловцами.

Не прошло и месяца, как на социал-демократическую организацию обрушились новые аресты. 5 января 1896 года были арестованы Бабушкин, Мартов и вместе с ними путиловцы: Морозов, Демичев, Львов, Богатырев. Но кружок в паровозомеханической мастерской продолжал существовать. Связи с центром он получил в марте 1896 года через В. Богатырева, выпущенного из тюрьмы с подпиской о невыезде.

Листовки попадали на завод беспрерывно. В одном из первых своих воззваний «Союз борьбы» заявил, что «стачки и борьба не прекратятся до тех пор, пока не будет достигнуто полное освобождение рабочего класса из-под гнета

капитализма».[1] Рабочее движение ширилось и принимало все более массовый характер. Социал-демократия доказала свою силу и устойчивость. Первомайская листовка 1896 года была отпечатана в небывалом для того времени количестве — две тысячи экземпляров — и распространена по заводам.

В путиловском кружке «Союза борьбы» появились новые люди: Василий Белоусов из вагонной, Алексей Мухин и Феоктист Воробьев из корабельной. Воробьев вскоре был послан заводом на работу по оборудованию военного судна «Адмирал Сенявин» и на корабле начал вести пропаганду. До двадцати активных социал-демократов, составлявших путиловскую организацию «Союза борьбы», вели агитацию среди рабочих почти всех мастерских завода.

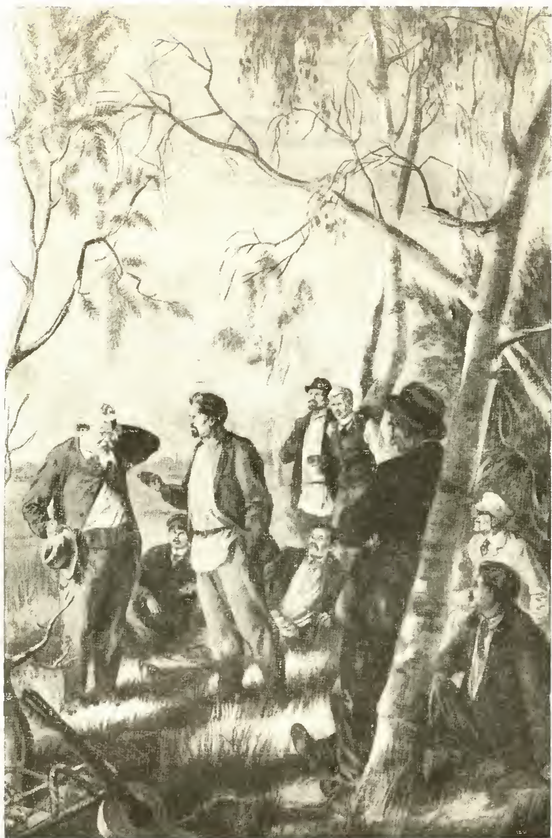
В марте 1896 года кружок получил текст адреса петербургских рабочих французским рабочим в связи с двадцатипятилетним юбилеем Парижской коммуны. Под адресом собирались подписи петербургских рабочих. Перед путиловскими социал-демократами встала новая задача: познакомить путиловцев с величайшим событием в истории борьбы пролетариата. В цехах завода прозвучали слова о *международной солидарности рабочих.* Впервые многие путиловцы узнали о героических днях Парижской коммуны. Петербургские рабочие, положившие прочное основание своей политической организации, писали братьям — парижским пролетариям:

«Русскому пролетариату приходится мерить свои успехи числом братьев, павших в бою. Истекший год беспримерен в летописях русской истории по количеству стачек и других проявлений классовой борьбы, беспримерен он также и по числу жертв, понесенных русской социал-демократией.

Оглянувшись взад, мы смело можем заявить нашим товарищам [во] Франции, что русскому рабочему движению положено прочное основание, и никакая сила в мире не в состоянии задержать его поступательного хода».[2]

Стачки, разразившиеся вскоре и названные Лениным знаменитой петербургской промышленной войной 1896 года,[3] показали, как выросло рабочее движение России. В мае 1896 года забастовали ткачи и прядильщики всех петербургских ткацких фабрик и бумагопрядилен. Поводом к

[1] Листовки петербургского «Союза борьбы за освобождение рабочего класса», стр. 15—16.
[2] Там же, стр. 33.
[3] *Ленин,* Сочинения, т. IV, стр. 383.

М. И. Калинин на диспуте—1899 г. Рис. *И. Фитингофа*

забастовке послужил отказ фабрикантов уплатить рабочим за дни царской коронации.

В деревне Волынкиной, густо населенной текстильщиками, и по всей Нарвской заставе поднялся глухой ропот. Рабочих-текстильщиков в Нарвском районе было около семи тысяч. Их возбуждение неизбежно передавалось рабочим других заводов и в первую голову путиловцам, жившим вперемежку с текстильщиками. Летнее время располагало к уличным сборищам, беседам, и всюду — во дворах деревень Волынкиной, Тентелевки, в Болдыревом переулке, где находились жилища текстильщиков, — стоял неумолчный говор.

Во всех отделениях Екатерингофской мануфактуры рабочие требовали уплатить за коронационные дни, — гуляли не по своему почину и свое получить обязаны. На Российской бумагопрядильне с 15 мая в течение десяти дней отдельные группы работниц и рабочих то бросали работу, то вновь становились к машинам. Наконец 27 мая на Екатерингофской вспыхнула общая стачка. Главным требованием было: сократить безмерно длинный рабочий день.

Накануне, 26 мая, восемнадцатилетний слесарь фабрики Николай Панин собрал своих сверстников-подручных и весь вечер читал им книжку Швейцера «Эмма». Потом объявил, что действовать теперь они будут не попрежнему, а так, как говорит эта умная книга. Прежде он боролся против произвола мастеров просто: подобрав себе приятелей, таких же сильных и бесшабашных фабричных парней, как и сам, Николай Панин организовал кружок «мстителей». Они намечали мастера или старшого, отличавшегося зверским отношением к подросткам, выслеживали его вечером где-нибудь в глухом месте и, налетев всей гурьбой, жестоко избивали. Теперь же молодые подручные решили выступить организованно, по примеру немецких рабочих — героев повести «Эмма».

27 мая, днем, после обеда, подручные бросили работу и пошли снимать прядильщиков. Вслед за ними остановилась вся Екатерингофская фабрика. На следующее утро Панин с товарищами, став неподалеку от ворот, задержал пришедших на работу. Взрослые охотно повиновались молодежи, а ребята, видя, что их слушают, становились все смелее. В этот день стали Российская бумагопрядильня и фабрика Кенига. За ними — Резвоостровская и Триумфальная фабрики, а через несколько дней стачка охватила почти все

ткацкие и прядильные предприятия. Бастовало тридцать тысяч петербургских текстильщиков.

Николай Панин не представлял себе, к чему может привести эта стачка. Утром он действовал со своими товарищами так, как вычитал из повести: останавливал рабочих, избивал штрейкбрехеров, бегал по соседним фабрикам, призывая присоединиться к забастовке. Но уже в тот же день книга стала не годна как руководство — своими масштабами и быстротой развития движение через несколько часов перехлестнуло события, о которых говорилось в книге. Панин думал, что придется побушевать, побить стекла, поломать кой-какие машины на фабрике, а вышло иное. Он вместе с товарищами потерялся в толпах рабочих и работниц, бродивших неподалеку от своих фабрик.

На второй день стачки рано утром к Николаю на квартиру пришел токарь с Путиловского завода. Он предложил Панину созвать собрание забастовщиков для выработки требований и организовать распространение прокламаций.

— Что такое... прокламация? — недоумевающе спросил Панин.

Вместо ответа путиловский токарь протянул ему выпущенную еще в апреле листовку «Союза борьбы», обращенную к рабочим Калинкинской бумагопрядильни. Прокламация поразила Николая. Он обещал сделать все, чтобы листки попали к бастующим. Целый день ходил он по Екатерингофскому парку и деревне Волынкиной, показывая прокламацию. Много раз переходила она из рук в руки, пока в местах сгиба окончательно не стерлись буквы. Вечером путиловец вновь пришел к Панину, но уже в сопровождении переодетого студента, представителя петербургского «Союза борьбы». Студент был руководителем одного из путиловских кружков. Впервые услышал молодой слесарь об организации, о «Союзе борьбы», о политических требованиях.

Петербургский «Союз борьбы» с самого начала стачки встал во главе массового выступления ткачей. 30 мая в Екатерингофском парке собрались представители бастующих. Выступали главным образом путиловские рабочие, среди них высокий порывистый юноша, говоривший с финским акцентом, слесарь Оскар Энгберг. Под конец митинга были оглашены сформулированные «Союзом борьбы за освобождение рабочего класса» требования рабочих бумагопрядилен — установить рабочий день в десять с половиной часов вместо тринадцатичасового, по субботам работать до двух,

увеличить расценки, заработок платить во-время, уплатить за коронационные дни.

В те же часы, когда прядильщики договаривались держаться твердо и до конца, у петербургского градоначальника происходило совещание полицейских властей. Решено было привлечь к уголовной ответственности рабочих Екатерингофской фабрики, которые первыми начали стачку. На улицах и по квартирам стали хватать активных рабочих, кто попадался под руку. Многие прядильщики ушли на близлежащие острова и там, у разведенных костров, проводили ночи. Николай Панин, с первой встречи сдружившийся с путиловцами, ночевал у Энгберга. Каждый день он получал от Оскара и от другого социал-демократа, Алексея Мухина, новые, свежие листовки и мчался с ними к своим товарищам-подручным, ожидавшим его в условленных местах. Парни, разобрав листовки, расходились по заставе, разносили прокламации по квартирам, приклеивали их хлебным мякишем к заборам и бесстрашно разбрасывали прямо на улице. На вопросы, откуда он добывает листовки, Николай Панин указывал подпись: «Союз борьбы за освобождение рабочего класса». Ребята проникались большим уважением к нему, а сам Панин вырастал в собственных глазах.

2 июня 1896 года он был на сходке текстильщиков, происходившей у Путиловского пруда. После речей о продолжении стачки приезжие из города рассказали о предстоящем международном социалистическом конгрессе и предложили избрать делегатом от русских рабочих находящегося за границей социалиста Плеханова. Панин с горячим рвением кричал: «Согласны!» О том, что есть социалисты во всем мире, во всех странах, что они съезжаются, помогают друг другу, что рабочие всех стран хотят того же, что и русские рабочие, — Панин услыхал впервые, и он решил с этого момента никогда не порывать связи с товарищами с Путиловского завода, открывшими ему новый, большой и влекущий к себе мир.

В эту стачку с особой силой проявилась крепнущая пролетарская солидарность русских рабочих. Массовое рабочее движение показывало на опыте общность интересов разных групп пролетариата. Металлисты-путиловцы, рабочие с Резиновой мануфактуры почувствовали себя заинтересованными в исходе забастовки текстильщиков. Семена, брошенные «Союзом борьбы», давали всходы. Полиция своими действиями каждый день подтверждала то, что читали в листовках прядильщики, галошницы, ткачи, кузнецы, токаря

и прокатчики — рабочие всех заводов заставы и города. Власти свирепо и открыто выступили за хозяев, всеми мерами стараясь заставить рабочих прекратить забастовку. Они уговаривали бастующих, силой втаскивали их в помещения фабрик, избивали и арестовывали. Ничто не помогло. Текстильщики держались упорно.

Полицейские власти, встревоженные многотысячной стачкой текстильщиков, боялись выступлений на заводах. Они предостерегали путиловскую дирекцию: не обостряйте отношений с рабочими. Предлагали воздержаться на время стачки текстильщиков от всяких столкновений на заводе. И было чего опасаться. Путиловцы живо интересовались судьбами забастовщиков.

Путиловские социал-демократы ходили по квартирам, вели беседы, узнавали об остро нуждающихся, а затем, собрав у себя на заводе деньги, раздавали их. Денежная поддержка была невелика, но имела большое моральное значение.

В один из своих обходов по квартирам бастующих путиловец Алексей Мухин встретил на улице городового, раздававшего листки. Ткачи отказывались брать их. Это было печатное обращение министра финансов Витте к рабочим с просьбой стать на работу. Городовой, чтобы как-нибудь выполнить приказ, стал разбрасывать министерские обращения. Мухин подошел к нему, подмигнул, протянув руку:

— Нам это сподручней, — сказал он, — давай...

Городовой был туповат и к тому же испытывал большую неловкость от исполнения необычной обязанности. Он отдал Мухину всю пачку министерских листков. У Мухина за пазухой были свои прокламации, и в этот день он раздавал их по улицам совершенно открыто.

11 июня собрался путиловский кружок. Поставлен был один вопрос: как помочь бастующим. Котельщик Митрофан Петров, по кличке «Сохатый», требовал объявления стачки и на Путиловском заводе. Петрову возражали: забастуем, а чем помогать прядильщикам будем? Кто нам помогать будет? А пойдут ли на стачку рабочие? Однако было решено обратиться с письмом к путиловцам, пригласить их выступить с забастовкой; в центр дать знать о том, чтобы прислали листки, призывающие к стачке. Письмо «братьям рабочим», переписанное от руки в двух десятках экземпляров, было расклеено на заводе. В нем поминалась коронация, говорилось о гнете капитала и общности интересов

всех рабочих. Письмо было замечено немногими и не произвело должного впечатления.

Но вскоре стачка текстильщиков пошла на убыль.

В следующей прокламации «Союз борьбы» выдвинул требования, непосредственно затрагивавшие каждого путиловского рабочего. Главным требованием был — *восьмичасовой рабочий день*. 16 и 17 июня по мастерским распространились воззвания «К путиловским рабочим»:

«Товарищи! У нас перед глазами беспримерный, невиданный случай: 30—40 тысяч рабочих прядильных и ткацких фабрик бросили работу, все, как один человек, заявили свои требования и больше двух недель упорно их отстаивали.

И в то время, когда рядом с нами наши товарищи, измученные тяжелой нуждой и непосильной работой, стойко и мужественно боролись за улучшение своего положения, мы спокойно и терпеливо переносили все притеснения и безобразия нашего начальства...

Начальство, перепуганное не на живот, а на смерть стачкой ткачей и прядильщиков, больше всего боится теперь забастовки заводских рабочих. Неужели же мы упустим такое удобное для нас время?..» [1]

На призыв «Союза борьбы» откликнулись лишь паровозные слесаря, среди которых возбуждение было особенно велико: накануне им сбавили расценки. 18 июня сто слесарей бросили работы и, не уходя из цеха, собрались у верстаков, оживленно обсуждая свои дела. Тотчас же приехал фабричный инспектор. Он направился с начальником мастерской прямо к верстакам и спросил первого попавшегося ему на глаза рабочего, почему он не работает. Слесарь ответил односложно: «так», и вернулся к товарищам. Через головы слесарей, откуда-то сзади, от одного к другому передавалась какая-то бумага. Передние вручили ее инспектору. Это была гектографированная листовка «Союза борьбы».

— Кто дал? От кого? — спросил инспектор.

— От всех, оттуда, — сказали передние, указывая назад.

Воцарилось молчание. Инспектор читал. Начало листовки и подпись были тщательно отрезаны. Остались лишь концовка и текст требований: «...Потребуем сейчас же:

1) Сокращения рабочего дня до 8-ми часов.

2) Отмены старших, которые, не работая сами, живут на счет своих подручных.

---

[1] Листовки петербургского «Союза борьбы за освобождение рабочего класса», стр. 69.

3) Чтобы воскресные и праздничные дни, а также в вечернее время, работа не производилась». [1]

Завязался шумный спор. Начальник цеха отвергал обвинения старших во взяточничестве и отрицал, что штрафы накладываются за отказ от работы в праздники. Его прерывали из толпы. Реплики были насмешливые и злые. Начальник старался не обращать на них внимания и договаривался со стоящими впереди, которые успели уже прибавить новое требование: уплатить за неоплаченный коронационный день и упорядочить дела в потребительской лавке. Фабричный инспектор, человек лет сорока, в форменной фуражке и сюртуке с гербами на пуговицах, оказался болтливым человеком. Он не боялся давать ложные обещания. Пообещал навести должный порядок в потребительской лавке, проверить, как обстоят дела со старшими, и сказал даже, что восьмичасовой рабочий день будет, — вопрос этот-де разрабатывается в высших инстанциях.

Слесаря прекратили стачку на следующий день, потому что другие группы рабочих их не поддержали, а начальство пообещало уменьшить сбавку. Вместе с тем дирекция, через окружного инженера горного надзора Дрейера, сообщила департаменту полиции о четырех рабочих — организаторах брожения слесарей. А через несколько дней был установлен у проходной полицейский пост из трех городовых.

Замеченные полицией еще при стачке текстилей Митрофан Петров и Алексей Мухин были арестованы. Вместе с ними взяли еще двух членов путиловского кружка «Союза борьбы». Всех их посадили в Дом предварительного заключения, где находилось немало арестованных за стачку. Среди них был и Николай Панин. В тюрьме он немного побледнел, осунулся, стал вдумчивей, но не изменил намерения посвятить себя революционной борьбе.

Когда Панин вышел из тюрьмы, он через Энгберга и других своих друзей поступил на Путиловский завод в механическую мастерскую. Старых связей с Екатерингофской и другими текстильными фабриками Панин и его друг Энгберг не утеряли. Они передавали туда листовки и литературу. Оскар Энгберг устраивал вечеринки, чтобы познакомить рабочих, не затронутых пропагандой, с интеллигентами. Вечеринки устраивались обычно в квартире, где по крайней мере были две комнаты, чтобы серьезная публика

---

[1] Листовки петербургского «Союза борьбы за освобождение рабочего класса», стр. 69.

могла поговорить вне шума и плясок. Девушки-работницы с шоколадной фабрики танцовали от души. Оскар и Панин были желанными людьми в обеих комнатах. Веселый, жизнерадостный Панин вносил оживление в любую компанию. В комнате, где шли серьезные разговоры, он горячо ввязывался в споры. Здесь иногда появлялся и энергичный и живой Н. Э. Бауман.

Руководил кружком «Союза борьбы» студент-медик В. Катин-Ярцев. Он склонялся к только еще начинавшему развиваться «экономизму», носился с идеей создания рабочей кассы. Под предлогом создания кассы и в связи с планом «демократизации» «Союза борьбы», «экономисты» хотели выделить самостоятельную рабочую организацию, со своим рабочим центром. Катин-Ярцев требовал, чтобы ни один ответственный шаг «Союза борьбы» не был предпринят без одобрения этого центра. Создавалась, таким образом, особая рабочая организация, стоящая над центральной группой «Союза» и проводящая свою особую «рабочую политику». «Союз борьбы», как единая организация пролетариата, переставал существовать, и роль его, как зародыша политической партии, уничтожалась.

Идея рабочей кассы увлекла Оскара Энгберга, он горячо защищал ее в спорах на вечеринках. Но вскоре охладел к ней. Вместе с Николаем Паниным он замышлял теперь поднять Путиловский завод на большую стачку. Обоим им казалось, что, подобрав себе десятка полтора-два таких же неусидчивых боевых ребят, они в один прекрасный день остановят весь завод. Они стали искать себе помощников и товарищей.

Время от времени они отдавали дань своим бунтарским натурам. Сестра Бориса Зиновьева, Ольга, как-то сообщила им, что ее брата жестоко избили в тюрьме в Твери. В отместку Оскар и Николай нападали на одиночных городовых, били их, а однажды, преследуемые шпиком, заманили его на Горячее поле и там досмерти его избили. Раздавая листовки, они действовали, не соблюдая конспирации, совали их каждому. Из-за одного несмышленного рабочего, которому Энгберг дал нелегальную брошюру, в марте 1897 года Панин и Энгберг были арестованы. На этот раз они сели надолго, а затем были высланы на три года в Восточную Сибирь — в Минусинский округ. Панин попал в село Ермаковское, Энгберг — в Шушенское, туда, где находился в ссылке организатор «Союза борьбы» — Владимир Ильич Ленин.

Под влиянием Ленина молодые путиловцы постепенно изживали бунтарство. Владимир Ильич был к ним очень внимателен, в беседах на политические темы заботливо справлялся, все ли понимают путиловцы, задавал им вопросы, заставляя подумать, поразмыслить. Приезжая в село Ермаковское, Ленин с Энгбергом заходили к Панину, который жил в крайнем доме, выходившем на реку Бую. Между беседами, во время прогулок к реке, Оскар и Николай, для того чтобы поразмяться, начинали бороться. Ленин был их арбитром, критиковал их приемы и присуждал победу. Зимой устраивали катанья на лыжах, на коньках. Часто Оскар и Николай вдвоем играли с Лениным в шахматы. Сделав ход, Ленин ложился на кушетку и читал, пока путиловцы обдумывали ответный ход. Во время игры он искоса следил за ними, а когда видел, что они не знают, как выпутаться из положения, и окончательно этим расстроены, делал ход, дававший им возможность продолжать игру. Затем вдруг самым неожиданным образом объявлял мат.

За полтора года, проведенные в ссылке вблизи Ленина, путиловцы, трудно поддававшиеся дисциплине, прошли хорошую школу ленинского воспитания. И когда в 1899 году Ленин выступил с протестом против знаменитого манифеста «экономистов» — «Credo», в числе семнадцати социал-демократов, подписавших протест, были и путиловцы Оскар Энгберг и Николай Панин.

ГРУППА МИХАИЛА КАЛИНИНА

Михаил Калинин поступил на Путиловский завод токарем в пушечную мастерскую в апреле 1896 года. До того он работал два с половиной года на маленьком казенном заводе «Старый арсенал». Первые впечатления, полученные на большом заводе, кипящем недовольством и борьбой, глубоко запали в сердце пытливого, стремящегося к действию юноши. На Путиловском заводе ключом била шумная, неугомонная жизнь. Во время стачки текстильщиков молодой токарь мог за Нарвской заставой наблюдать невиданные до тех пор картины: сходки рабочих, волнующиеся толпы текстилей, путиловцев, резинщиц.

Калинин пришел на завод двадцатилетним юношей с твердо сложившимися убеждениями о необходимости борьбы рабочих против хозяев. Мысли о несправедливостях жизни назревали в нем уже давно. Еще будучи «мальчиком» в доме инженера путей сообщения, генерала Мордухай-

Болтовского, пытливый и любознательный подросток набросился на книги. Он хотел узнать обо всем — о природе, об устройстве мироздания, в особенности о том, как живут люди на белом свете и почему так много людей живет бедно. У Болтовского была большая библиотека, в доме каждый день получали газету «Новое время». Михаил Калинин все свободное время отдавал чтению. Он перечитал всех классиков, «Жизнь животных» Брема, ряд исторических и философских произведений. В газете изо дня в день читал «Политический обзор», в котором изредка попадались сведения о рабочем движении на Западе. Михаил Калинин пробыл у Болтовских четыре года и ушел от них на завод «Старый арсенал».

Годы, проведенные на этом заводе, укрепили его мысли о необходимости искать выхода из тяжелой обстановки, в которой жили рабочие, жил и он сам. Он уже слышал о революционерах. Активный по натуре, Калинин стремился войти в этот таинственный мир и, когда товарищ предложил ему перейти на Путиловский завод, с радостью согласился: в то время слава завода-бунтаря и непокорных путиловцев уже гремела по всему Петербургу. Там скорее всего можно было познакомиться с революционерами. С самого начала работы в пушечной мастерской Калинин искал тех, с кем можно было бы поделиться своими мыслями и планами.

В 1897 году Михаил Калинин начал учиться на путиловских вечерних курсах Русского технического общества. На этих курсах подобралась наиболее квалифицированная путиловская молодежь, восприимчивая к революционной агитации. Калинин сблизился с некоторыми слушателями. Вместе они уходили с курсов и подолгу бродили по шоссе, разговаривали о прочитанных книгах, обсуждали свои заводские дела и порядки.

По соседству с Калининым работал токарь средних лет, совершенно седой. Вокруг него вертелась молодежь, которой он охотно рассказывал о своей жизни в Туле, где был в ссылке, о похоронах писателя Шелгунова, за участие в которых был арестован. Это был Николай Поршуков. Он вернулся на Путиловский завод, прожив в Туле сверх положенного срока ссылки еще несколько лет. Здоровье его было окончательно подорвано годами лишений, безработицы, арестов. В сорок три года он казался стариком. К подвижной, полной неожиданностей и опасностей подпольной работе Поршуков уже не был способен. Свои когда-то обширные связи Поршуков растерял и давно выбыл из строя

активных участников рабочих кружков. С ним-то Калинин впервые открыто поделился мыслями о создании революционного кружка. Но Поршуков ничем не мог помочь молодому, рвущемуся к настоящему делу товарищу и главного — путей к «Союзу борьбы» — указать Калинину не мог. Всем сердцем желая помочь ему, он уверял, однако, что связи найдутся — при настойчивости успех дела наверняка обеспечен.

Связи нашлись неожиданно, в той же старомеханической мастерской. Однажды высокий белокурый токарь, работавший неподалеку от Калинина, заспорил с мастером Гайдашем о расценках. Калинин подошел к спорящим, вмешался в разговор, поддержал токаря. Гайдаш обозлился. Обрывая спор, он повернулся и сердито бросил:

— Два сапога пара...

Молодые токаря пристально посмотрели друг на друга, оба с веселой усмешкой, как бы проверяя слова мастера. У обоих мелькнула одна мысль: возможно, мастер и прав. И они засмеялись. Так состоялось их знакомство, начало дружбы, в первые же дни которой они выяснили, что взгляды их сходятся, намерения также.

Новый знакомец Калинина, Иван Кушников приехал из Тулы в апреле 1898 года с явкой к петербургским интеллигентам. Он заручился у них обещанием прислать, в случае необходимости, руководителя и на Путиловском заводе искал людей для кружка. Работал он недавно, и вербовка ему не давалась, пока он не столкнулся с Калининым, имевшим на примете людей, но не находившим связей с интеллигентами. С большой энергией начал Калинин создавать революционный кружок. На первом занятии нового кружка народу было немного. Приглашали строго, с разбором. Калинин привел своего товарища Ивана Дмитриевича Иванова. Пришли туляки Татаринов и Коньков. Пришел студент-технолог В. А. Фоминых, присланный петербургским «Союзом борьбы». Представился «Петром Николаевичем». Пропагандист начал с чтения и объяснения «Эрфуртской программы». Занятия прошли оживленно, пропагандиста засыпали вопросами и просьбами достать литературу.

Члены кружка, не удовлетворяясь занятиями с пропагандистом, собирались без руководителей, читали, спорили, обсуждали свои дела. Стремились претворить в дело полученные знания. Первым их совместным выступлением был отказ подписаться на церковь. Путиловская администрация, задумав построить свою собственную церковь, объявила о

«единодушном желании» рабочих отчислять на постройку по одному проценту от месячного заработка. Отказавшихся вызывали в контору и ясно давали понять, что отказ может кончиться расчетом, потому что не уважающий церковь — плохой рабочий. Вновь принимаемых предупреждали об обязательном взносе на церковь. Вступать в спор почти никто не решался. Но неожиданно в старомеханической Калинин наотрез отказался дать свое согласие на вычеты. В других цехах поодиночке отказались платить на церковь все остальные члены кружка. На личной карточке Калинина и других членов кружка конторой по делам рабочих и служащих была сделана надпись:

«На храм жертвовать не желает».

Однако их не уволили. Они были хорошими токарями, а завод нуждался в квалифицированных рабочих. Администрация имела в виду посчитаться с ними при первой заминке с заказами.

Кружок собирался часто — два раза в неделю для занятий и раза два вне плана, в порядке общения и дружбы. Руководители менялись. Первые занятия провел «Петр Николаевич». За ним в кружок явился интеллигент с окладистой бородой, по кличке «Захар Иванович» — И. Н. Леонтьев. Он думал, что обоснуется за Нарвской надолго; перезнакомился со всеми кружковцами и записал их адреса и фамилии особыми значками и рисунками: Калинин — куст, Огородный переулок — морковь и капуста, Татаринов — тюбитейка, Кушников — кувшин. Но вскоре «Захар Иванович» исчез.

Руководители продолжали часто меняться, пока в кружок не пришла фельдшерица Юлия Алексеевна Попова. В организации она была известна под именем «Елены Петровны». Просто одетая, с густой темнорусой косой до пояса, с правильным красивым лицом она казалась путиловцам идеалом женщины-революционера. Ее любили за искренность, за отзывчивость, за твердый и властный голос, заставлявший себя слушать. Юлия Попова умело вела занятия, развивая в слушателях интерес к обсуждаемому предмету. Она давала задания и указывала, что̀ следует прочесть. Была она жизнерадостна и перемежала занятия веселыми рассказами и смехом. Иногда просила Ивана Татаринова, рыжеволосого паренька, прочесть свои стихи. Татаринов увлекался Надсоном, знал наизусть много стихов, любил декламировать и в кружке слыл поэтом. Он переделывал по-своему многие стихотворения, а одно из них, «Вольный рабочий», напеча-

танное в заграничном нелегальном журнале, часто декламировал в кружке. Вставал с места и напевно, с чувством читал:

Улицей темной шел вольный рабочий,
Опустив воспаленные очи.
Волен о рабстве он петь,
Волен по свету скитаться,
В каждые двери стучаться,
Волен в тюрьме умереть...

Занятия кружка, несмотря на частую смену руководителей, проводились систематически. Калинин сразу выдвинулся на первое место. Он обладал знаниями, значительно бо́льшими, чем любой из его товарищей. Марксизм, которому он впервые учился в кружке, осветил весь его достаточно богатый опыт. Случайные разрозненные сведения и впечатления — из книг, из наблюдений — приобрели свой смысл, значение и место. Дело, которого он добивался почти целых два года, наконец начало осуществляться.

Ленин, находившийся в те годы в ссылке, связанный многими нитями с развивающимся рабочим движением, писал о передовиках, подобных Михаилу Калинину:

«...Среди рабочих выделяются настоящие герои, которые — несмотря на безобразную обстановку своей жизни, несмотря на отупляющую каторжную работу на фабрике, — находят в себе столько характера и силы воли, чтобы учиться, учиться и учиться и вырабатывать из себя сознательных социал-демократов, «рабочую интеллигенцию». В России уже есть эта «рабочая интеллигенция», и мы должны приложить все усилия к тому, чтобы ее ряды постоянно расширялись, чтобы ее высокие умственные запросы вполне удовлетворялись, чтобы из ее рядов выходили руководители русской социал-демократической рабочей партии». [1]

Почувствовав себя крепкой и спаянной, группа Калинина решила выйти за рамки кружковой работы, объявив кружок центральной группой Нарвской заставы. Калинин выработал план действий — каждому члену группы организовать у себя в цеху или на каком-либо близком предприятии по новому кружку. В течение нескольких месяцев незаметной и настойчивой работы были завязаны связи с рабочими Экспедиции заготовления государственных бумаг, с текстильной фабрикой Кенига, Резиновой мануфактурой и конфетной

[1] *Ленин*, Сочинения, т. II, стр. 553.

фабрикой, помещавшейся за Нарвской заставой, с заводом Речкина и фабрикой механической обуви.

Первым серьезным выступлением новой путиловской социал-демократической организации была подготовка маевки 1898 года. Хотя это выступление «Союза борьбы за освобождение рабочего класса» и ограничилось предмайской агитацией и распространением листовок, но оно сильно встревожило правительство. Еще до этого дня власти выяснили, что задуманное празднование 1 мая предполагалось провести главным образом в среде путиловских и обуховских рабочих. Устроить маевку в лесу не удалось. Накануне 1 мая в районе появилось много подозрительных людей. Зато на Путиловском заводе группа разбросала около тысячи прокламаций, — во все цеха были заброшены первомайские листовки. Распространением занимались все участники кружков.

Петербургский «Союз борьбы» ко дню 1 мая выпустил две прокламации. В одной говорилось только об экономической борьбе; в другой, кроме того, выдвигались политические лозунги и требования — парламента, политических свобод, восьмичасового рабочего дня. Обе прокламации обсуждались в центральной группе. Общим мнением было, что вторая, более широкая, политическая листовка интересней и полезней. Калинин и туляки, воспитанные в духе ленинских задач политической борьбы, упорно настаивали, что перед рабочими в первую голову должны быть поставлены настоящие политические лозунги. Недаром на товарищеских собраниях, происходивших то у туляков, то в деревне Волынкиной, в доме № 22, у Калинина, произведения Маркса, Энгельса, Плеханова часто бывали предметом долгих бесед и дискуссий. Часами спорили о том, прав или не прав Лассаль, выступивший на суде в качестве адвоката — защитника частной собственности. Целые вечера пролетали в разговорах о Дантоне, Марате, Демулене, Робеспьере. Кружковцы интересовались причинами падения Парижской коммуны. Читали брошюры о французской буржуазной революции, книги по философии, о крестьянском и рабочем движении на Западе. В группе Калинина каждый готовился к роли рабочего агитатора. Между собой кружковцы говорили: старайся говорить просто, убедительно, интересно — так, как писали Чернышевский, Добролюбов, Писарев. Крестьянский вопрос тоже не обходили на занятиях. Живой интерес к этому вопросу принес в группу Михаил Калинин, не порывавший связи с родной деревней.

Группа Калинина, почти без всякого руководства со стороны, взяла сразу правильное направление борьбы, выступая против ограничения ее узкими рамками экономических нужд рабочих. Но, признавая, что политическая борьба является главной задачей рабочего класса в данный момент, группа одновременно не упускала случая поднять путиловцев на экономические бои.

В субботу 19 сентября 1898 года штрафной гудок прогудел на пять минут раньше обычного. Подойдя к воротам, путиловцы убедились, что это не случайность: цеховые номерные кружки были убраны, и уже стояла вместо них общая для всех мастерских штрафная кружка. У проходной собралось около трехсот человек. Скучившись у конторы, они требовали немедленных объяснений, почему уменьшили льготное время для опаздывающих, почему увеличили штраф.

Наконец, минут через сорок, вышел управляющий главной конторы Кавецкий. Он остановился в нерешительности перед возбужденной толпой и, беспомощно озираясь, пробормотал, что по распоряжению директора отныне будут штрафовать по семьдесят пять копеек всех, кто опоздает больше чем на пять минут; о том, что рабочие не согласны с этим, он доложит начальству. Сторожа и хожалые вышли из своей будки. Из проходной появился смотритель завода Чачи. Он подошел уверенным быстрым шагом и молча стал рядом с управляющим конторой. Кавецкий осмелел и, уже решительно заявив, что больше разговаривать не о чем и лучше становиться на работу, ушел в контору.

Вечером путиловские социал-демократы собрались, чтобы обсудить вопрос, как организовать стачку на заводе. Горячих разговоров было много. Слышались голоса, что поднять рабочих на большую стачку вряд ли удастся, потому что повод невелик, да и народ давно уже не бастовал. Василий Зотов горячо доказывал, что путиловцы на стачку пойдут, стóит только у ворот собрать толпу побольше.

Спор решил Калинин. Он стоял за то, что всякий конфликт надо развивать до серьезного столкновения. Надо приучать народ к выступлениям. Дело, конечно, не в уменьшении льготного времени, а в штрафах, и против них можно поднять всех рабочих. Группа должна взяться за организацию протеста против штрафов.

Решили: всем притти в понедельник к штрафному гудку и постараться организовать толпу у ворот, а затем, разойдясь по цехам, агитировать за стачку против штрафов и выдвинуть требование уменьшить рабочий день.

Никто лучше Зотова не мог «заварить кашу» — дать начало выступлению. В понедельник, 21 сентября, Зотов пришел на завод раньше всех. В мастерской, для того чтобы отвести от себя подозрения, он постарался попасть на глаза мастеру и заговорил с ним о работе. Потом незаметно ускользнул и пошел к конторе — там уже собралось около тысячи человек. Новые люди все прибывали. В разных концах толпы шла агитация за то, чтобы не сдаваться, а требовать отмены штрафов. Членов группы Калинина было немного, всего лишь человек десять, но никто из них не стоял на месте. По нескольку раз пересекали они толпу в разных направлениях, всюду говоря о стачке. Зотов добрался до передних рядов, снял фуражку и громогласно заявил:

— Правильно с нами поступают. Ничего не скажешь. Одиннадцать часов работаем, что ж нам стóит еще пять минут поработать...

А затем, обернувшись к хожалым, сказал:

— А вы завтра еще на пять минут пораньше гудок дайте. Чего жалеть-то рабочий карман. Штрафуйте по рублю...

Так, обходя кругом толпу и вмешиваясь в нее, везде агитировал он за немедленный отпор. Встретив своих товарищей, Зотов уверенно сказал: «Будет дело!»

Дело началось с того, что в смотрителя завода Чачи, угрожавшего рабочим, бросили грязную веревку. Белая манишка смотрителя покрылась пятнами, котелок слетел на землю. Поднялись свист, возгласы. Толпа угрожающе двинулась к зданию конторы. В окна было видно, как заметались испуганные служащие. Но путиловцы и не думали вламываться в контору. Они подходили с мирными намерениями — потребовать от спрятавшегося начальства ответа. Толпа шумела больше часа, то откатываясь назад к угольным кучам, то наваливаясь на контору так близко, что передние заглядывали в окна. Заводской администрации не дождались. Больше тысячи рабочих, громко крича о недобросовестности трусливого начальства, разошлись по мастерским. Брожение перебросилось в цеха.

Группа Калинина правильно учуяла боевое настроение путиловцев. За последние два года администрация не осмелилась провести ни одной сбавки. Путиловцы добились того, что заработок рабочих артиллерийских, механических и паровозных мастерских вырос за эти два года больше, чем за все предыдущие шесть лет. Теперь рабочие не хотели отдавать без боя ни минуты своего времени, ни копейки своего заработка.

После перерыва на обед повторилась утренняя демонстрация. Толпа, уже более значительная, полторы тысячи человек, была настроена воинственно. Утром только грозили камнями да прогнали ненавистного смотрителя. Теперь камни и шлак полетели в жандарма и полицейского, вышедших из будки у проходной. Со звоном выпало стекло из окна в конторе.

— Да выходите, чего вы, — кричали путиловцы начальству.

Вместо администраторов к рабочим вышел вызванный срочной депешей фабричный инспектор Дрейер. Он долго увещевал не шуметь и «прекратить беспорядки». Ему обещали разойтись только после ясного и точного ответа. Из передних рядов кричали:

— Это порядок, чтобы штраф весь заработок съедал?

— За пять минут с меня семьдесят пять копеек штрафу берут, а я в день шесть гривен всего получаю, — волнуясь и негодуя, докладывал инспектору какой-то рабочий.

Дрейер обещал все уладить. Но рабочие не хотели расходиться: раз все равно многим придется пострадать за «беспорядки», они не уйдут, пока здесь на месте не получат ответа. Верный своей привычке обещать все, лишь бы прекратить волнения, Дрейер сказал, что за «беспорядки» рабочие будут прощены. Пусть они только разойдутся по своим местам.

У конторы путиловцам делать было нечего. Они сказали фабричному инспектору, что рабочие всего завода соберутся у конторы, если к следующему дню начальство не выполнит их требований.

Утром 22 сентября требования были выполнены: штрафной гудок прозвучал спустя десять минут после рабочего, а в объявлении директора сообщалось, что штраф будет снижен до пятнадцати копеек.

Во всех мастерских ликовали — победа рабочих была полная. Влияние группы Калинина после массового выступления из-за штрафов сильно выросло. Михаил Калинин стал пользоваться в своем цеху большим авторитетом у всех рабочих. Кадровые путиловцы видели в нем своего сотоварища, грамотного, передового, знающего. Чернорабочие также видели в нем своего: в дни получек он, как и они, первым делом вместе с ними шел на почту и отправлял часть заработка в деревню — семье.

Рабочие окружали членов кружка вниманием и заботой. Знавшие или догадывавшиеся о подпольной работе Калинина и его товарищей иногда подходили к ним и сообщали:

— Того опасайся — у него брат в полиции.
— Этого избегай — у него сестра у мастера в кухарках.
— Туда не ходи — там шпион есть.

Связи с «центром» и с кружками других заводов постепенно сосредоточились в руках Калинина. Он где-то часто пропадал и иногда, беря с собой товарищей, говорил на морской манер:

— Снимайся с якоря, а в открытом море направление получишь.

И только по пути давал знать, что идут они за прокламациями на Невский, к памятнику Екатерины.

Уже тогда в Калинине проявились замечательные качества подлинного организатора. Он подмечал склонности и способности своих товарищей, умел подходить к ним, заинтересовать делом, дать толчок к развитию. Революционная работа захватила Михаила Калинина целиком.

Начав заниматься широкой агитацией в массах, группа Калинина столкнулась с другим путиловским кружком. Руководил кружком студент-технолог Матвей Миссуна. Это был яркий образец тех руководителей, которых Ленин называл «кустарями». Он пришел в кружок без серьезной подготовки, без намерений политически просвещать рабочих. Об этих «кустарях», приходивших к рабочим с единственной целью навязать им свои буржуазные представления о роли движения, ограничить движение рамками экономической борьбы, Ленин писал в своей замечательной книге «Что делать?»: «...Новые ратники шли в поход с удивительно первобытным снаряжением и подготовкой. В массе случаев не было даже почти никакого снаряжения и ровно никакой подготовки. Шли на войну, как мужики от сохи, захватив одну только дубину». [1]

Михаил Калинин рассматривал путиловскую группу как центр всех кружков за заставой. Он уже слышал о первом съезде РСДРП, хотя сведения были скудны и недостаточны. Рабочие кружки он считал ответвлениями будущей большой и крепкой политической партии. Решив связаться с новым кружком, он пришел на квартиру путиловца Сизова, где 13 декабря 1898 года была устроена сходка членов кружка Миссуны. Собралось десять человек.

Миссуна в своих рассуждениях не выходил за пределы той мысли, что рабочему лишняя копейка всегда пригодится. В этот раз на кружке Миссуна рассказывал о стачках. Он

[1] *Ленин*, Сочинения, т. IV, стр. 438.

говорил с путиловцами так, как будто они никогда не бастовали и не понимают, для чего нужны стачки. Калинин привык к иным занятиям, более интересным и широким, когда отдельные мелкие вопросы связывались с большими задачами рабочего класса. Члены группы Калинина не ограничивались вопросами одного лишь рабочего движения. Их интересовало все: и рабочее движение на Западе, и французская революция, и внешняя политика. Безыдейная, тусклая речь руководителя кружка возмутила Калинина. Необычно волнуясь, он стал рассказывать о стачках по-иному. У него выходило, что стачка за копейку и за кипяток — только начало настоящей борьбы. У рабочего класса есть свои большие требования и своя задача — добиться свободы, добиться уничтожения эксплоатации человека человеком. Напрасно думает кое-кто, что рабочий класс не в состоянии бороться за свои политические права. Пусть они вспомнят Парижскую коммуну. Рабочий класс может решать свои политические задачи.

Даже ученик Миссуны, Егоров, на этот раз выступил против своего руководителя. Он сказал ему резко и запальчиво:

— Вы нас не удивите. Я с 1891 года знаком с тем, что вы рассказываете. А с тех пор сколько воды утекло!

Миссуна больше за Нарвскую не пришел, и кружок его, составленный из случайных людей, распался; некоторые члены кружка связались с группой Михаила Калинина.

Руководство петербургским «Союзом борьбы» в это время находилось в руках у «экономистов». Путиловцы получали от них газету «Рабочая мысль», передавали туда корреспонденции, но от агитации за необходимость политической борьбы не отступали. «Экономистов» называли крохоборами, копеечниками, презрительно говорили о них:

— Пошехонцы. В трех соснах заблудились. Просят каши, о масле не спрашивают, считают это политическим делом. Слепороды. . .

Идейный и организационный разброд господствовал в петербургских социал-демократических организациях. «Экономисты», засевшие в «Союзе борьбы», дробили и обессиливали рабочее движение, стремясь, как проводники буржуазного влияния на пролетариат, выхолостить из него революционную сущность. Они отрывали экономическую борьбу от борьбы политической, становились на путь реформизма и уводили движение рабочего класса с революционного на буржуазный путь. «Русские «экономисты» проповедывали те же взгляды, что и противники марксизма в заграничных

социал-демократических партиях, так называемые бернштейнианцы, то-есть сторонники оппортуниста Бернштейна».[1] В противовес «экономистам» в Петербурге образовались группы разных толков и направлений: «Группа рабочих для борьбы с капиталом», группа «Рабочее знамя», полународнические кружки. Кое-кто из членов этих групп проникал и в среду путиловских рабочих. Со всеми этими кружками — с кем связываясь, с кем борясь — сталкивалась группа Калинина, представлявшая собой центральную группу всей организации Нарвского и Московского районов. Группа Калинина выдержала много битв с «экономистами», так и не допустив их овладеть рабочими кружками заставы.

Сражаться группе Калинина приходилось много и с другими противниками. В рабочих районах в это время появились представители разных буржуазно-интеллигентских течений, искавшие себе последователей среди рабочих. Приходили толстовцы, кооперативные «социалисты», организаторы обществ взаимопомощи. Один из таких агитаторов, по фамилии или по прозвищу «Левицкий», также пришел побеседовать с передовыми путиловскими рабочими. Беседа происходила в воскресенье на Горячем поле. Встреча была обставлена конспиративно: заготовили закуски, немного вина, гармонь и гитару, чтобы в любой момент дискуссию можно было превратить в гулянку.

Дискуссии обычно начинались со вступительного слова докладчика; затем вопросами и замечаниями заставляли докладчиков высказаться до конца. Люди одной навязчивой идеи, они быстро иссякали и начинали повторяться. Под градом бесчисленных вопросов «бродячий» агитатор обессиливал и сдавался.

«Левицкий», однако, сдался не сразу. Он изложил свои воззрения о том, что единственный путь рабочих — организация кооперативных обществ наподобие харьковских рабочих домов. Это были ловко перемешанные идеи толстовства, кооперативного «социализма» и других модных интеллигентских течений. От него потребовали примеров, фактов. Он отвечал. Ему возражали. Он находил новые доказательства. Ему высказывали сомнения в правильности его рассуждений. Он, не жалея слов и времени, снова доказывал правильность своего хода мыслей.

Десять часов длилась дискуссия. «Левицкий» обратил внимание на худощавого молодого человека в очках, который

[1] История Всесоюзной Коммунистической партии (большевиков), Краткий курс, 1938, стр. 24.

раньше только изредка вставлял острые замечания. Спорили о значении кооперации, о ее месте в бельгийском рабочем движении, спорили о толстовских колониях и непротивлении злу, спорили о том, каков путь улучшения жизни рабочего класса.

Просто и свежо говорил Калинин, разбивая доводы «Левицкого». Сами по себе рабочие дома, вроде таких, о которых думают в Харькове, не плохи. Но не в этом насущная задача рабочего класса. Единственно верный путь организации рабочих это — создание нелегальной социал-демократической партии. И от этой задачи отвлекать рабочих не следует посторонними затеями. Из всех доводов и доказательств «Левицкого» Калинин выбирал, казалось, самые бесспорные, как будто неопровержимые и, остроумно издеваясь над ними, сводил на-нет всю аргументацию проповедника. Большим количеством примеров и фактов, приведенных Калининым, «Левицкий» был подавлен. Под конец буржуазный агитатор иссяк, обессилел и сдался. Больше за Нарвской заставой «Левицкого» не видели.

1 мая 1899 года путиловская организация распространила изрядное количество листовок; на этот раз, кроме текста, в листовке был напечатан рисунок: рабочий, держащий знамя. Однако первомайская массовка не удалась. В самый разгар речи оратора сообщили, что Шереметевский лес окружен полицией. По сигналу руководителей путиловцы, человек пятьдесят, разошлись кучками и стали изображать гуляющих.

После маевки группа Калинина стала готовить общую стачку. Почва для стачки на заводе назревала. По многим незначительным, но частым столкновениям в цехах было ясно, что, объединив требования различных групп рабочих, можно поднять весь завод. Калинин обратился в центр с просьбой составить и отпечатать листок для путиловских рабочих. Но неожиданно вспыхнули волнения за Московской заставой, на заводе Речкина, и группа в первую очередь позаботилась получить листовки для рабочих этого завода. Листовки имели успех, подняв на стачку весь механический цех. Стачка речкинцев закончилась частичной победой. Некоторые требования рабочих были удовлетворены.

Путиловский листок был отпечатан в 1300 экземплярах и распространен 3 июля 1899 года по заводу. Он был выпущен по поводу очередной сбавки в вагонных мастерских. В тот же день начались волнения в вагонном цеху. В огромных полупустых вагонных сараях, в сборочных канавах, в курилке собирались рабочие и читали прокламацию:

«Товарищи-рабочие Путиловского завода! Жадным нашим эксплоататорам мало той экономии, которую они нагоняют, где можно и где нельзя, экономии, благодаря которой еще недавно погиб один из нас, убитый на месте негодным, но тем не менее работавшим маховиком. Они начали экономию теперь и на заработной плате. Товарищи, пока все это творится в одной только мастерской, но ведь очевидно, что, покончив с вагонной и ободренные успехом, эти грабители на законном основании перейдут и к другим мастерским и таким образом могут обойти весь завод. Неужели же мы, как бессловесное стадо, дадим драть с себя по две шкуры. . .»

Прокламация заканчивалась словами:

«Помните, что мы сила, которую признает и которую боится правительство. Терять нам нечего, а завоевать мы можем весь мир».

Кроме экономических требований, прокламация выставляла еще два следующих:

«1. Полиция не должна вмешиваться во взаимные отношения между рабочими и капиталистами-хозяевами.

2. Должна быть уничтожена административная высылка».

Полиция поторопилась вмешаться в конфликт рабочих с хозяевами. На заводе появились городовые и какие-то темные, пронырливые люди, выпытывавшие, откуда и кто приносил прокламации. Предчувствуя провал, члены группы Калинина вечером 3 июля решили сжечь оставшиеся прокламации. Занимались этим Татаринов и Коньков. Только бумага успела прогореть, как нагрянули незваные гости. Полицейские заглянули в печку:

— Что это вы жгли?

— Сожитель скоро придет с работы, — спокойно ответил Татаринов. — Может быть и не один. Я чай им газетами подогревал.

Составляя протокол, пристав задумался и начал разглядывать висящие на стене фотографии. Между ними был портрет человека с большой бородой и зоркими глазами. Взгляд пристава задержался на нем. Ткнув карандашом в направлении портрета, он спросил:

— Кто этот старик?

— Это мой дедушка, — ответил хозяин квартиры.

Остальные переглянулись. Пристав заметил это, но снова взялся за протокол.

К концу обыска пришел Калинин в сопровождении Иванова. Они направлялись домой, но узнав, что к ним на квар-

тиру в деревню Волынкину поехали охранники и производят обыск, пошли предупредить товарищей.

Увидев полицию, Калинин сказал:

— А, здесь гости. Нам здесь делать нечего...

— Нет, нет, молодой человек, подождите, будьте и вы гостем, — предупредительно сказал пристав.

— Зачем, — спокойно возразил Калинин, — нам здесь, действительно, незачем оставаться.

— Найдется зачем, — ответил ему пристав.

Неожиданно в квартиру вошел какой-то крупный чин из петербургского охранного отделения. Он оглядел комнату, увидел портрет Маркса, приказал снять его. Пристав поспешил заметить:

— Они говорят, это их дедушка...

Охранник посмотрел на путиловцев и сказал приставу:

— Когда повезете внучат этого знаменитого дедушки, выберите им комнатку получше — такую, куда сажают таких внуков.

Всех арестованных увезли в полицейский участок. Калинин просидел в Доме предварительного заключения десять месяцев. Не теряя времени напрасно, он превратил тюремную камеру в «университет». В Доме предварительного заключения в то время была неплохая библиотека. Калинин прочитал множество книг, преимущественно исторических. Он проштудировал первый том «Капитала» Маркса, курс русской истории, учебник геологии. Накапливая знания для будущей революционной работы, он знал, какой путь ему предстоит, и был готов к нему. Еще в группе, на заводе, путиловцы говорили о том, что следует быть готовыми ко всему:

— Будут гонять по России из города в город, с места на место — подготовься к этому: умей слесарничать, умей работать на разных станках, учись революционному делу — пригодится, тем легче будет вести свою работу нашему неистребимому революционному сословию. А наше дело на заводе не пропадет.

ГЛАВА ТРЕТЬЯ

1900—1904

НОВЫЙ ВЕК

В шесть утра, в морозной мгле, над спящей заставой раздавался первый заводский гудок. Застава пробуждалась. Распахивались двери, хлопали калитки, выходили люди, на ходу застегивая ватные пиджаки и полушубки.

Сто лет стоял за Нарвской Путиловский завод, и каждый день этого столетия начинался по сигналу. В непогоду и снег, в будень и праздник в точно назначенное время звучали сигналы. Вначале их подавали дребезжащим медным колоколом, — он слышен был во всех восемнадцати казармах, окружавших завод. Затем пронзительным паровым свистком, доносившимся до Тентелевки и Автова. И, наконец, к началу XX столетия над центральной кочегаркой был установлен мощный заводский гудок. Своим ревом он оглушал всю заставу и был слышен далеко по всей окраине.

Гудок ревел. За темными корпусами мартена проступала еле видимая дрожащая пелена белого пара. Густые клубы дыма подымались из заводских труб, и тяжелые крупинки гари дождем падали на людей, на грязно-серый истоптанный снег. Ежась от холода, шли невыспавшиеся, перетруженные люди. Во взгляде, в походке, в их плечах застыла извечная усталость. А гудок все ревел, подстегивал, торопил.

— Гудит, проклятый кормилец... гудит в новом веке, все равно как в старом...

Маленький горбун, строгальщик механической мастерской, едва поспевая за товарищами, размахивал длинными худыми руками. И с каждым взмахом выталкивал из сдавленной груди слова:

— Новый-то век пришел..., а когда же придет хороший?..

Новый век! О нем прожужжали уши: двадцатый век будет золотым, счастливым. Новый век! Его встречали в Петербурге пышно и торжественно. Римские цифры XX, яркие и разноцветные, обвитые елочными ветками, пестрели в окнах магазинов и ресторанов всего города. Во всех тринадцати церквах Нарвской заставы «новолетие» встречали богослужениями и проповедями. «Жизнь ваша воссияет в новом веке, — твердили попы рабочим, — уничтожьте тлетворный дух возмутительства, возвратите потерянное благоразумие. Терпите. . .»

У запертых еще калиток в ожидании второго гудка рабочие рассказывали, как всю ночь под новый год в трактирах заставы шла безудержная гульба; как в клубе на Екимовой даче заводские служащие, встречая новый век, дрались стульями; как поп Болдыревой церкви гнусаво и долго тянул служение в честь новолетия. Кто-то в толпе тут же придумал стишок:

Поп, окончив пение
Во славу новолетия.
Призывал к терпению
На целое столетие.

Рабочие рассматривали вывешенное у ворот объявление об очередном расчете ста человек. Слухи о расчете ходили уже давно. Мастера в цехах грозили: скоро погонят многих. Они стали еще придирчивей, чем прежде. На всякий протест рабочего грубо кричали:

— Не нравится? Иди на другой завод, там больше дают.

На других заводах уже происходили массовые увольнения.

А в газетах, журналах и биржевых бюллетенях двадцатый век встречали статьями, воспевающими зарю новой эпохи, несущей стране и промышленности блестящие перспективы развития. Журналисты и биржевики наперебой кричали о благополучии, о справедливости, о благоденствии и все эти слова писали с большой буквы. Они не говорили о кризисе, надвинувшемся на страну, ни единой строки не посвящали голодавшим, разорявшимся российским селам, умалчивали о тысячных толпах безработных, блуждавших в поисках заработка по всей стране, долгие месяцы стоявших у ворот фабрик и заводов.

На заре нового века рабочим жилось хуже, чем в последнее десятилетие старого. В годы промышленного подъема петербургские рабочие стачками добились некоторого повышения заработной платы — на 15—20 процентов. Теперь же.

в связи с кризисом, капиталисты в несколько месяцев отобрали то, что было завоевано рабочими упорной долголетней борьбой. И хотя на Путиловском заводе заработная плата понизилась в среднем лишь на 10 процентов, жить было значительно труднее, так как цены на важнейшие продукты (хлеб, мясо, крупа) возросли на 25 процентов. Голод, нужда и безработица царили в рабочих кварталах. Полиция высылала безработных тысячами на родину, чтобы обезопасить Петербург от рабочих волнений.

Русский рабочий класс вступал в двадцатый век неорганизованным. В России еще не было революционной партии пролетариата. В стране существовали многие неустойчивые, кустарные, не связанные между собой социал-демократические группы. Во главе петербургского «Союза борьбы» попрежнему стояла оппортунистическая группа «экономистов». Они преклонялись перед стихийностью движения, принижали роль социал-демократии, совлекали движение с революционного пути. К началу XX столетия в рядах русской социал-демократии господствовали идейный разброд, политические шатания и организационная неразбериха. Казалось, что новый век не принес рабочему ничего нового, радостного, никаких надежд и перспектив, — впереди только безработица, нужда и вечное рабство. На самом деле в это время происходил незаметный, но резкий перелом в рабочем движении — «. . .брели розно и шли назад только руководители: само движение продолжало расти и делать громадные шаги вперед». [1]

Начало XX столетия ознаменовалось крупнейшим событием, обеспечившим, наконец, создание в России единой социал-демократической партии. В феврале 1900 года Владимир Ильич Ленин возвратился из ссылки и к концу года организовал газету «Искра», положив начало широкой — идейной и организационной — подготовке создания революционной партии рабочего класса. В два года «Искра» сплотила вокруг себя социал-демократические группы и кружки всей страны, объединила их и подготовила созыв второго съезда РСДРП.

Прошел первый год нового века. В среде путиловских социал-демократов, куда также проникли «экономисты», уже назрело сильное недовольство своими руководителями. Политические вопросы все больше привлекали внимание передовых рабочих. «Экономисты» уклонялись от этих вопросов.

[1] *Ленин*, Сочинения, т. IV, стр. 500.

Рабочие спрашивали, почему волнуются студенты, зачем Россия вмешивается в дела Китая. «Экономисты» упрямо твердили рабочим, что об этих вещах им думать не следует, так как главное и единственное дело рабочих — экономическая борьба.

Нам некогда стремиться
К заоблачному миру,
А будем мы трудиться
За стол и за квартиру.

Эта экономистская программа для рабочих, изложенная в стихах путиловским поэтом В. Шуваловым, выражала интересы и настроения отсталой полукрестьянской части рабочих. Шувалов сам говорил, что пишет для той публики, которая, как говорится, «от деревни отстала, а к городу не пристала и среди которой я у себя дома».

Программа медленного улучшения жизненных условий путем экономической борьбы удовлетворяла и другую, очень незначительную прослойку путиловцев — хорошо оплачиваемых высококвалифицированных рабочих. Пушечное производство потребовало специалистов, и к началу девятисотых годов создалась такая прослойка опытных мастеровых. Они не чувствовали на себе ударов кризиса, их положение в цехах было устойчивым, их жизнь была обеспечена «столом и квартирой». Но их было ничтожное количество, и в рабочих кружках из них принимали участие очень немногие. Участники путиловских кружков в большинстве не удовлетворялись проповедями «экономистов» и рвались к политической борьбе.

31 декабря 1900 года явилось поворотным моментом в работе и жизни социал-демократической организации Нарвской заставы. Районный комитет под видом встречи нового года устроил собрание членов организации. Пригласили свыше пятидесяти рабочих и несколько интеллигентов из «Петербургского союза борьбы». Вечеринка происходила в квартире путиловского слесаря Николая Петрова — в доме № 48а по Петергофскому шоссе.

К полуночи сели за стол. Руководитель районной организации Петр Андреев предложил первый тост. Он поздравил всех с наступающим новым годом, выразил надежду на дружную, согласованную работу. Говорил о целях организации, но тщательно обходил задачи политической борьбы рабочего класса. Это вызвало недоумение и недовольство многих участников, среди которых были твердые сторонники политической борьбы.

И в самом Нарвско-Московском комитете «Рабочей организации» не существовало единодушия в вопросе о направлении деятельности кружков. Андреев был «экономистом». Петров, работавший в свое время под влиянием «политиков» — сторонников политической агитации, — склонялся к более широкой борьбе. Формовщик Василий Серов, участвуя в кружке, где руководитель тянул к политике, чаще всего присоединялся к Петрову.

Среди руководителей-интеллигентов были также пропагандисты разных оттенков. «Владимир Владимирович» — студент-политехник С. Мавромати — развивал перед слушателями «теорию стадий», рассказывал о «тактике-процессе», и по его словам выходило, что рабочему классу незачем думать о политической борьбе — ему еще долго придется пребывать на первой стадии, стадии экономической борьбы. Это была откровенная проповедь тред-юнионизма, которую «экономисты» усердно прививали русскому рабочему движению. Другой пропагандист, «Николай Николаевич» — руководитель кружка, где занимался Серов, наоборот, утверждал, что свержение самодержавия является непосредственной задачей рабочего класса, и подчеркивал решающую роль рабочих в политической борьбе.

5 января 1901 года вновь собрались представители кружков Нарвско-Московского района. Андреев открыл собрание длинной речью. Он путал, вертелся вокруг основного вопроса, говорил об экономической борьбе, но о политических задачах борьбы вновь ничего не сказал. Только после настойчивых требований дать ясный ответ Андреев заявил:

— Каковы бы ни были средства и способы нашей организации, конечной целью ее все-таки должно быть свержение самодержавия и установление земского собора...

Но и эту «конечную цель» Андреев, как и все оппортунисты, отодвигал на далекое будущее, считая, что рабочий класс еще не созрел для политической борьбы. О социализме ничего не было сказано. «Средства и способы» Андреев оставлял старые — одна лишь агитация за частичное улучшение положения рабочих.

Многие участники собрания не удовлетворились объяснением Андреева. Они настаивали на необходимости вмешаться в движение петербургских студентов. На заре нового столетия под влиянием рабочего движения на арену политической борьбы выступило студенчество. Студенческие забастовки и демонстрации происходили в столице, в Киеве, Харькове и в других городах. Часть путиловских социал-

демократов настаивала на том, что рабочие должны выступать вместе со студентами против самодержавного режима. После долгих споров решение вопроса было перенесено на следующее собрание.

За десять дней до второго собрания в стране произошел новый взрыв студенческих волнений. Правительство жестоко расправилось со студентами. В Киеве полиция закрыла университет, избила студентов, а министр просвещения опубликовал распоряжение о сдаче 183 студентов в солдаты. В столице в ответ на расправу готовилась демонстрация протеста. На собрании путиловских социал-демократов 14 января вопрос об участии в студенческом движении опять вызвал острую дискуссию. На помощь Андрееву пришел пропагандист «Владимир Владимирович». Он убеждал путиловцев не ввязываться в студенческие дела. Как истый «друг» рабочих, он предупреждал, что участие в протесте рабочим ничего кроме худого не принесет. Он говорил: «Хотя всякий протест нам наруку, но мы, то есть наша организация, не будем принимать в нем активного участия, так как наше дело, рабочее — важнсе».

— Зачем связываться со студентами? — говорили «экономисты», в большинстве сами студенты. — Этим рабочие добьются лишь одного — навлекут на себя излишние репрессии и ухудшат свое положение.

Им возражали:

— А за то, что бастуем, разве не арестуют, не высылают?

— Уж если итти на врага, так сразу.

— Только тогда мы легче вздохнем, когда свергнем самодержавного тирана.

Собрание раскололось. В нарвской организации создались два течения. Одно твердо стояло за участие в общих демонстрациях; другое, во главе с Андреевым, резко противилось этому. Большую роль в решении путиловских социал-демократов участвовать в демонстрациях сыграл писатель Н. Г. Гарин-Михайловский, в то время сильно увлекавшийся марксизмом. Некоторые путиловские кружковцы встречались с ним. 20 января они были на квартире у Гарина на вечеринке в память декабристов. Гарин резко выступал против модного тогда в интеллигентских кругах афоризма Бернштейна: движение — все, конечная цель — ничто.

Гарин-Михайловский разъяснял путиловцам, что́ значит работать без цели и в какой лагерь может привести рабочих подобная «бесцельная» тактика. Он рассказывал о том,

откуда «экономисты» черпают свою мудрость, о Бернштейне, который искажает и ревизует марксизм. Живой, подвижный, Гарин вскакивал, ходил, похлопывал то одного, то другого своего собеседника по плечу и спрашивал, что получилось бы, если он, путейский инженер, стал бы строить дорогу по принципу: движение — все, конечная цель — ничто. Клал бы шпалы и рельсы, строил мосты и станции, а куда дорога пойдет — неизвестно. Конечной цели нет. Вышло бы что-нибудь полезное? Он советовал путиловцам обязательно выступать вместе со студентами.

Не будучи в силах сдержать напора передовых рабочих, «экономисты» из петербургского «Союза борьбы» решили устроить самостоятельную демонстрацию. Но с ней не торопились, срок наметили дальний — 1 мая. Это был маневр, которым «экономисты» хотели отвлечь рабочих от участия в студенческом движении. При этом они не отказались от своих установок: демонстрация мыслилась только как протест против безработицы. Политических лозунгов «экономисты» для демонстрации не выдвигали.

Однако, не дожидаясь первомайской демонстрации, 19 февраля 1901 года, в день сорокалетия отмены крепостного права, путиловские социал-демократы вышли на Невский проспект и присоединились к учащейся молодежи. «Экономисты» были биты жизнью: рабочие показали, что им близки интересы всех угнетаемых царским правительством слоев общества. В Нарвском районе во главе организации теперь уже были преимущественно «политики».

Еще 29 января полиция арестовала всех членов районного комитета. На некоторое время путиловские социал-демократы остались без связей и руководства. Но уже через несколько недель они объединились в «Путиловскую группу РСДРП» и возобновили работу. К этому времени уже вышел первый номер «Искры». Появление «Искры» показало, что есть центр, который выдвигает перед рабочим движением иные задачи, чем экономистский «Союз борьбы»: не преклонение перед стихийным движением рабочих, а организация пролетариата для борьбы против самодержавия; не разброд и кустарщина, а революционная партия пролетариата, исключающая идейную разноголосицу; не объединение во что бы то ни стало всех социал-демократических групп, а прежде всего, в целях подлинного объединения, решительная и определенная размежевка с оппортунистами.

«Путиловская группа РСДРП» сразу определилась как искровская и резко выступила против «экономистов». Из

участников «Путиловской группы РСДРП» своей активностью и энергией выделялись Николай Жилкин и Георгий Шкапин. Первой своей практической задачей группа выдвинула участие в демонстрациях: 4 марта путиловские социал-демократы, увлекая за собой десятки рабочих, вновь появились у Казанского собора. Пробиться в город было нелегко. Столичные власти поспешили предупредить выступление рабочих. В рабочие районы послали войска. Нарвскую заставу оцепили четыре роты солдат. Они задерживали всякого, кто направлялся в город. Глубокими обходами пробивались рабочие в центр, к Казанскому собору. За колоннами собора собирались рабочие — путиловцы, семянниковцы, обуховцы — и студенты. Постепенно они заполнили всю площадь. Подняв знамя, демонстранты двинулись с песней по Невскому проспекту. Полиция и казаки налетели с двух сторон. Началось зверское побоище. Казацкий офицер, сильно наседавший на демонстрантов, получил в ответ удар молотком от путиловца.

Градоначальник, генерал Клейгельс, присутствовавший при столкновении демонстрантов с полицией, заметил, что перевес на стороне рабочих, и спешно вызвал резервные полицейские силы. Рабочих и студентов оттеснили с Невского проспекта. Но уже через несколько минут Невский опять был захвачен демонстрантами. Снова началась дикая полицейская расправа, и демонстрация была рассеяна.

Многие путиловцы получили первое политическое крещение именно здесь, на демонстрациях у Казанского собора. Здесь мелькали красные флаги, на всю площадь раздавались дружные возгласы «Долой самодержавие!». Налетали казаки, били стариков, девушек, подростков. Кровь и насилие вызывали в рабочих ответное чувство ненависти и упорство в борьбе.

11 марта путиловцы в третий раз прорвались в город. Они вышли теперь по прямому зову группы «Рабочее знамя», близкой к «Искре». Рабочее движение переходило к активной и упорной политической борьбе с самодержавием. Раз от разу выступления становились все более массовыми и более решительными. Ко дню 1 мая «Путиловская группа» подготовляла выступление всего завода. По цехам распространялись прокламации:

«Россия переживает знаменательное время, — говорилось в листовке. — Долго накопившееся в сердцах чувство неудовлетворенности современным государственным строем вдруг прорвалось наружу и широким потоком разлилось по всем

слоям русского общества... Для всех слоев русского общества ближайшую насущнейшую нужду составляет политическая свобода. В день 1 мая (18 апреля) мы ставим ее во главе наших требований и зовем под наши знамена всех, кто не хочет быть бесправным рабом. Демонстрация состоится в воскресенье 22 апреля, на Невском, в 12 часов дня». [1]

Демонстрация была назначена на 22 апреля, но уже 18 апреля на «Путиловскую группу» обрушился удар. В одну ночь было арестовано пятьдесят человек, в том числе много членов организации. Общезаводская стачка, назначенная на этот день, не состоялась. Несколько сот рабочих разных цехов, бросив работу, пошли на Невский проспект, но там им не дали собраться.

Ближайшие же дни, однако, показали, что рабочее движение продолжает расширяться и приобретает боевой характер. 4 мая на Выборгской стороне забастовали рабочие. Толпа двинулась в город. На Сампсоньевском мосту ее встретила полиция. Произошла схватка, продолжавшаяся несколько часов. С камнями и ножами вышли рабочие против вооруженных городовых. С обеих сторон было около семидесяти раненых. 7 мая за Невской заставой произошло знаменитое сражение рабочих с войсками — Обуховская оборона. Обуховцы долго и упорно сражались с полицией и войсками. Как только за Нарвской узнали об этом, многие путиловцы бросились на выручку к своим товарищам «рыбацким», с которыми у них была постоянная связь. Но Невская застава была плотно оцеплена войсками.

Даже неудавшаяся попытка путиловцев помочь обуховцам испугала полицейские власти. Через три дня, 10 мая, двадцать восемь рабочих Путиловского завода были арестованы. Еще через несколько дней взяли четырех членов социал-демократической группы. Все они были высланы из Петербурга.

Взамен арестованных революционеров на заводе появились новые. Теперь уже начало входить в употребление новое имя революционных социал-демократов — «искровцы», или «искряки». «Искру» доставляли на завод несколько человек. Николай Жилкин получал газету по почте, Георгий Шкапин — на конспиративной квартире петербургской группы «Искры», возглавлявшейся В. Ногиным и С. Рад-

[1] «Искра» № 4, май 1901 г.

ченко. На завод «Искру» проносили под платьем, а один изобретательный рабочий, имевший велосипед, использовал его для доставки «Искры». Листы газеты, печатавшейся на папиросной бумаге, он свертывал в тонкие пачки и опускал их под сиденье, в трубу велосипедной рамы. С велосипедами на завод пропускали беспрепятственно.

На путиловских вечерних технических курсах «Искру» читали почти открыто, вкладывая ее в номер «Петербургского листка». Читали группами, передавали из рук в руки до тех пор, пока тонкая папиросная бумага не распадалась на куски. «Искру» рабочие социал-демократы встречали с радостью. Котельщик паровозомеханической мастерской Иван Изосимов говорил:

— Непривычно читать такую газету. Всегда, бывало, что прочитаю в газетах, толкую в обратном смысле. Иначе до правды в них не доберешься. А тут как написано, так и понимай. . .

Социал-демократом Изосимов сделался благодаря «Искре». Вначале он старался доставать ее для прочтения, затем стал ходить на собрания и наконец начал работать в организации. На собраниях кружков читали искровский журнал «Заря», и теперь уже не было дискуссий — следует или не следует вести политическую агитацию. Этот вопрос был решен жизнью. Зато часто обсуждались вопросы техники демонстраций: как успеть, например, во-время выкинуть флаг, чтобы его видели не минуту, не две, а десять, двадцать минут.

Если кто-либо из провозвестников «экономизма» пытался повторить старую затверженную формулу — наше рабочее дело важнее всяких демонстраций, — его встречали язвительным смехом, не слушали и иногда напевали известный в социал-демократических кружках стишок, высмеивавший «экономистов»:

Медленным шагом,
Робким зигзагом,
Не увлекаясь,
Приспособляясь,
Если возможно,
То осторожно,
Тише вперед,
Рабочий народ.

Путиловские социал-демократы откликались теперь на политические выступления в столице, на события, происходив-

шие в стране. На одном из собраний кружка возник вопрос о положении в Финляндии. Николай Жилкин привел двух финнов — путиловских рабочих. Они рассказали о репрессиях, обрушившихся в последнее время на финнов. Царское правительство лишило их свободы собраний — право, которое они всегда имели по закону, и ввело в Финляндии делопроизводство на русском языке. Для финнов, в большинстве не владеющих русским языком, это было равносильно полному лишению их всяких прав и средств защиты. Путиловские социал-демократы долго обсуждали вопрос о национальной свободе и пришли к выводу, что только общая борьба всех рабочих и всего народа против самодержавия может обеспечить каждой национальности право на свободное развитие.

За три месяца «Путиловская группа» сумела создать четыре искровских кружка, объединявших около сорока человек. Существовали эти кружки недолго. В декабре 1901 года петербургская организация «Искры» понесла большой урон. Взяли и путиловских социал-демократов. К Николаю Жилкину полиция явилась поздно вечером. Жилкин сидел за книгой. Околоточный, производивший обыск, пренебрежительно сказал:

— Читатель! .. Закрыть бы печатные заведения, не было б чего читать, не бунтовали бы.

Жилкин усмехнулся. Он не отказал себе в удовольствии напомнить околоточному, что мысль эта уже высказана раньше и чином повыше, чем околоточный надзиратель. При Николае I шеф жандармов Орлов, провожая своего друга за границу, дал ему поручение: когда он будет в Нюрнберге, подойти к памятнику изобретателя книгопечатания Гутенберга и плюнуть ему в лицо.

Надев пальто и уже готовясь уходить, Жилкин вдруг вернулся, достал валенки и стал переобуваться. Околоточный нетерпеливо спросил:

— Зачем валенки, ведь без них ходил?

— Запасливый лучше богатого, — ответил Жилкин. — Знаем, куда погоните.

Несмотря на частые разгромы, на заводе возникали новые кружки, приходили новые люди. Из рядов путиловцев вырывали наиболее передовых, энергичных рабочих. Вместо них, как из-под земли, вырастали другие, не менее упрямые, настойчивые революционеры.

Тульские рабочие, издавна имевшие связи с петербургскими социал-демократами, в начале 1902 года прислали на

Путиловский завод нескольких товарищей, чтобы «работать и учиться, как добывать свободу». На завод вернулся Иван Дмитриевич Иванов, участник кружков девяностых годов. Он нашел старых друзей. Накупив на базаре гуттаперчевых букв, устроил подпольную типографию, стал печатать листовки. Листовки были немногословны. В них говорилось о необходимости единения рабочих в борьбе с правительством.

В начале 1902 года в Петербурге одна за другой произошли две крупные студенческие и рабочие демонстрации. Особенно значительным было выступление 3 марта 1902 года. С полудня на Невском проспекте начались столкновения рабочих и студентов с полицией и казаками. От Фонтанки до Мойки, по обе стороны проспекта, тротуары были заполнены студентами, курсистками, рабочими. У Гостиного двора прогремело рабочее «ура» и было поднято красное знамя. Полицейские, как бешеные быки, бросились на него. Многих рабочих загнали внутрь дворов и там учинили над ними зверскую расправу. Через час снова пустили публику на проспект. И опять зазвучали революционные лозунги, песни, опять поднялись красные знамена.

По всей стране, как зарницы восстания, вспыхивали бои рабочих с полицией. На юге бастовали тысячи рабочих. В марте 1902 года в Батуме происходили грандиозные стачки и демонстрации рабочих. Войска расстреляли демонстрацию. Батумские рабочие показали образец организованности и стойкости. Руководителем революционных выступлений в Батуме был товарищ Сталин.

Петербургский «Союз борьбы» к этому времени уже официально принял платформу «Искры», окончательно изгнав «экономистов». В письме к И. И. Радченко 3 июля 1902 года Ленин писал:

«Дорогой друг! Прежде всего от всей души поздравляю Вас (и Ваших друзей) с громадным успехом: приступом к реорганизации местного комитета. Это дело может стать поворотным пунктом во *всем* нашем движении, и поэтому довести эту реорганизацию *до конца* — самая важная и самая настоятельная задача». [1]

В этом письме Ленин указал ряд мероприятий, безусловно необходимых для реорганизации. Новый Петербургский комитет решительно взялся за осуществление ленинских

---

[1] *Ленин*, Сочинения, т. V, стр. 135.

указаний по строительству партии. Он обратился с воззванием ко всем социал-демократическим организациям:

«...Петербургский Комитет пришел к убеждению, что надо закончить, выражаясь словами автора брошюры «Что делать?», ликвидацию периода кустарничества, периода местной раздробленности, организационного хаоса и программной разноголосицы... Петербургский Комитет заявляет о своей солидарности с теоретическими воззрениями, тактическими взглядами и организационными идеями «Зари» и «Искры», которые он признает руководящими органами русской социал-демократии... Мы не можем пассивно ждать одного только формального восстановления всероссийской партийной организации, мы должны немедленно активно взяться со всех сторон за ее созидание, чтобы оказаться на высоте своей задачи: руководить решительным натиском масс на русское самодержавие».[1]

«Экономизм» в Петербурге был окончательно разгромлен идейно и организационно. Ленинская «Искра» завоевала рабочий Петербург, — наступил новый этап в развитии российского рабочего движения.

ПУШКА ОБРАЗЦА 1902 ГОДА

Большие директорские объявления, расклеенные по всему заводу, извещали о предстоящем молебствии в связи с выпуском тысячного паровоза:

«...Мастеровые, работавшие по паровозам с самого начала паровозостроения, и некоторые другие, по выбору, коим будут розданы билеты, приглашаются после молебна в помещение паровозосборочной, где им будет предложено угощение».

Тысячный паровоз стоял нарядный, увешанный зеленью — от дымогарной трубы до больших, еще необъезженных колес. Весь он сверкал лаком. Медную арматуру товарного паровоза начистили до блеска, рукоятки рычагов и поручни отполировали, дышла и кулисы тщательно отделали и покрыли узорчатой сеткой шабровки. Вокруг паровоза-юбиляра толпились гости из министерств — военного, путей сообщения, финансов, представители банков, члены правления и администраторы Путиловского завода. Среди гостей были люди, знавшие толк в паровозном деле, — казенные прием-

[1] Листовки петербургских большевиков, 1902—1917, т. I, Госполитиздат, 1939, стр. 11—12.

щики, инженеры, конструкторы. Они взбирались на паровоз, на тендер, осматривали арматуру, пробовали свисток, ощупывали взглядами машину со всех сторон. Поодаль стояли рабочие, приглашенные на торжество. Для них в паровозосборочной приготовили угощение: каждому полбутылки водки, две бутылки пива и закуску.

Тысячный паровоз сиял всеми своими частями. Он вздрагивал от малейшего прикосновения к рычагам, заливался свистом, попыхивал молочно-белым паром, тяжело пофыркивал от нетерпения.

Осмотр закончился. Машинист дал протяжный предупредительный сигнал и рванул машину с места. Клубы дыма и пара заволокли все вокруг. Юбилейный паровоз, пыхтя и гремя, помчался по заводским путям прямо к паровозному парку, где вплотную друг к другу сгрудилось немало таких же машин, ненужных, застоявшихся в заводе, по терминологии дирекции — «изготовленных в запас».

Начальство справляло поминки по лучшим месяцам паровозостроения. Промышленный подъем девяностых годов сменился жестоким кризисом 1899—1903 годов. Кризис был общеевропейский, он захватил и Россию и, совпав с аграрным, обострился и затянулся надолго. Путиловский завод был втянут в промышленный кризис несколько позже других предприятий. Зато он сразу понес значительные потери. К августу 1901 года заказы на паровозы Путиловским заводом были исчерпаны. Вместо двадцати пяти паровозов, выпущенных в июле, завод делал теперь по десять штук ежемесячно и гнал все эти десятки паровозов в запас. Вагонные мастерские работали с недогрузкой наполовину, металлургический отдел свертывали, окончательно закрыли бессемеровскую мастерскую. На заводе скопились огромные запасы готовой продукции и большие запасы сырья: чугуна русских марок — на двадцать один месяц, иностранных марок — на пятнадцать месяцев, общим весом свыше трех миллионов пудов.

Празднование выпуска тысячного паровоза 7 октября 1901 года имело целью обратить внимание высших правительственных кругов на плачевную судьбу завода, вынужденного сокращать производство и оставшегося без оборотных средств и источников финансирования. Международный банк, снабжавший Путиловский завод деньгами, сам пострадал от кризиса настолько, что потерял все свое обеспечение. Путиловское правление посылало одну за другой докладные записки то в военное, то в финансовое ведомство.

В конце каждой записки путиловские хозяева обращались со смиренной просьбой не оставить вниманием их «столь государственно-важный Путиловский завод». Записки нашли отклик в высших правительственных кругах. Сам царь благоволил к Путиловскому заводу. В 1899 году правлению было разрешено выпустить дополнительные акции на три миллиона рублей, а в июле 1901 года по «высочайшему соизволению» Государственный банк выдал заводу полуторамиллионную ссуду.

Во главе правления общества Путиловских заводов стояли прожженные, опытные дельцы, хорошо знавшие, как ловить рыбку в мутных правительственных водах. Председатель правления А. К. Фойгт был многими нитями связан с чиновным миром. Отставной гвардии поручик, он теперь играл командующую роль в «Совещательной конторе железозаводчиков» — предшественнице Общества заводчиков и фабрикантов. Он председательствовал на съезде металлопромышленников Северной области и в стане петербургских капиталистов был самым ярым и самым последовательным защитником единой хозяйской линии против рабочих.

В поисках постоянных заказов Фойгт решительно поворачивал Путиловский завод на путь военных производств: артиллерийский отдел приобретал все большее значение, обгоняя все другие цеха. За девяностые годы выпуск пушек и артиллерийского снаряжения возрос в десять раз, в то время как другие производства увеличились только в четыре раза. К началу XX века Путиловский завод стал самым крупным поставщиком легкой артиллерии для царской армии.

Готовясь к войне на Дальнем Востоке, военное министерство обратило внимание на артиллерию. В армии до того на вооружение была принята полевая 75-миллиметровая пушка — тяжеловесное, малоподвижное орудие. Шестидюймовая пушка образца 1877 года давала лишь один выстрел в минуту. Были и медные пушки, сохранившиеся со времен Крымской кампании. За границей, на Западе, уровень военной техники за девяностые годы заметно поднялся. Артиллерия Шнейдера во Франции, Круппа в Германии, английские пушки — были выносливы, не сдавали после незначительного количества выстрелов, как это было с русской. Заграничные пушки были дальнобойны, скорострельны и снабжались приличными прицелами.

Равняясь по Западу и участвуя в гонках вооружений европейских стран, царское правительство решило перевоору-

жить в первую очередь свою полевую легкую артиллерию. В 1899 году комиссия по перевооружению объявила конкурс на трехдюймовую полевую скорострельную пушку. К соревнованию были привлечены все лучшие мировые военные фирмы — «Шнейдер», «Крупп», «Гочкис», «С.-Шамон», «Норденфельдт» — и русские пушечные заводы — казенные Обуховский, Пермский и частный Путиловский завод.

Пушечное дело на Путиловском заводе возглавляли начальник артиллерийской технической конторы Л. А. Бишлягер и начальник пушечной мастерской К. Соколовский. Оба они были крупными специалистами и работали в артиллерийском производстве помногу лет. Соколовский говаривал: «Артиллерия — это я».

Рабочие между собой называли его «чортом», еще чаще — «хромым бесом»: Соколовскому когда-то помяло ногу орудием, он чуть прихрамывал. Лукавый, хитрее других инженеров, он умел ладить с рабочими. В пушечной его хвалили за то, что он не мешал изобретателям, а даже поощрял мастеровых, приходивших к нему со своими идеями. Такое отношение к рабочим-изобретателям было исключительным явлением на заводе.

В артиллерийской технической конторе распоряжался Люциан Антонович Бишлягер. Связанный с военными кругами, он узнавал технические новшества и требования ведомства к артиллерии. Он заставлял своих конструкторов придумывать новые и новые образцы лафетов и отдельных частей орудий. Выступая перед правлением как единственный представитель конструкторской мысли, он приобретал на заводе все большее значение и вес. Пользуясь трудами подчиненных конструкторов, он получал большие премии и уверенно шел к месту члена правления общества Путиловских заводов, которое занял несколько лет спустя. Бишлягер сумел убедить Фойгта, что добьется нужных результатов, если правление не пожалеет денег на разработку новых систем. В течение года Путиловский завод создал свой образец легкой полевой пушки.

В 1900 году было представлено к испытаниям девять образцов новых орудий. Первое место заняла путиловская скорострельная трехдюймовка, побившая все другие иностранные и отечественные образцы. По условиям конкурса, Путиловский завод получал первый заказ на семьсот двадцать комплектов орудий с лафетами на сумму в девять миллионов рублей. Но так как не было уверенности в том, что завод справится с валовым выпуском своей собственной

модели, правление спешно командировало инженеров за границу для закупки оборудования и консультации на заводах Шнейдер-Крезо.

Иностранные фирмы, недовольные исходом соревнования, обратились в комиссию по перевооружению артиллерии с просьбой повторить конкурс. Представители Круппа и Шнейдера утверждали, что они не могли ко времени испытаний ввести в свои системы всех изменений, которые выдвинули бы их образцы на первое место. Комиссия решила повторить конкурс год спустя. Путиловскому заводу дали заказ и два с половиной миллиона рублей авансом. Получив оборотные средства, завод развернул производство орудия новой системы, получившего название пушка образца 1900 года.

Готовясь к повторному конкурсу на легкую пушку, правление вошло в соглашение с фирмой «Шнейдер». Было условлено, что в новом путиловском орудии будут применены французские замки. От Шнейдера получили первую небольшую партию замков. Как только они были получены, Соколовский и Бишлягер отобрали шесть самых опытных и сметливых слесарей, дали им замок и сказали:

— Вот вам французский образец. Разберите, хорошенько пошевелите мозгами и через две недели представьте новый русский замок, чтобы не походил на этот. Мы вас не обидим.

Две недели спустя рабочие принесли Соколовскому новый замок.

Вскоре приехал инженер фирмы «Шнейдер» с тремя спутниками для заключения договора о поставке замков. Бишлягер сказал представителю французской фирмы:

— За двадцать штук, что вы нам прислали, мы заплатим. А больше нам не надо. У нас теперь свои замки есть.

— Как? — удивился тот. — Да ведь это наш замок.

— А если ваш, откройте его.

Француз стал пробовать. Не открыл. Соколовский смеялся.

— Видите, наш.

— Да он, может быть, никуда не годится.

— Давайте, попробуем.

Испробовали — путиловский замок работал хорошо. Представитель Шнейдера уехал обратно ни с чем. Слесаря, сделавшие замок, были награждены—кто десятью, кто двадцатью рублями, и были отпущены на несколько дней погулять. Бишлягер, Соколовский и инженер Липницкий втроем получили сто тысяч рублей.

Получив заказ на пушки, Путиловский завод быстро опра-

вился от первых ударов кризиса. Правление выбросило на рынок всю готовую продукцию по цене ниже себестоимости и, освободив омертвелые капиталы, перебросило их на расширение машиностроительного производства и выпуска артиллерии. Выступая теперь перед правительством с просьбой о заказах, путиловские хозяева ссылались на свой образец орудия и заявляли с пафосом: «Мы думаем, что деятельность Путиловского завода совпадает с интересами государства, не ограничиваясь преследованием меркантильных целей. . .».

Они перечисляли свои заслуги: первыми взялись за паровозостроение, впервые начали производить минное вооружение, создали в России производство бронебойных снарядов, вместе с С.-Петербургским металлическим заводом разработали первые конструкции башенных установок, наконец целиком приспособили свой завод к выполнению сложных заказов морского и военного ведомств.

Акционеры похваливали своих работников — инженеров и конструкторов, создавших пушку образца 1900 года: «Мы старались направить их энергию к намеченной цели, не жалея материальных затрат и щедро награждая их за достигнутые результаты; им отдаем мы всю честь, а на свою долю желаем получить хотя бы скромную долю прибыли, чтобы упрочить дело. . .»

Пушка образца 1900 года улучшалась. В нее вносили изменения на основе новых данных заграничной техники и собственных усовершенствований. Новый образец русского полевого орудия на повторном конкурсе вновь был признан наилучшим среди многих образцов иностранных орудий. Конструкция и боевые свойства новой системы — замок, скорострельность, прочный лафет, откат — вполне отвечали современным требованиям. Скорострельность одной пушки новой системы (24 выстрела в минуту) превышала скорострельность четырех орудий старого типа.

Новая трехдюймовая полевая пушка после конкурса получила название «пушка образца 1902 года». Она была принята как основное орудие полевой артиллерии русской армии. Путиловский завод надолго стал главной базой русской полевой артиллерии. Правление общества Путиловских заводов бралось изготовить в течение четырех лет 2880 пушек, по 720 в год, и принимало на себя обязательство перевооружить всю полевую артиллерию своей пушкой. Однако военное министерство, чтобы не затягивать перевооружения в условиях приближающейся войны, распределило заказ на

орудия между всеми пушечными заводами России — Пермским, Обуховским, Орудийным и Путиловским. Конечным сроком сдачи пушек определили 1905 год. Путиловский завод должен был изготовить 1850 пушек и 1900 лафетов. Орудия эти предназначались для Виленского, Варшавского и Петербургского военных округов.

В январе 1904 года началась русско-японская война. Россия не была готова к войне. Не были готовы ни правительство, ни флот, ни артиллерия, ни пушечные заводы. Считалось, что для победы над Японией многого не потребуется. Знаменитая фраза одного из царских генералов: «шапками закидаем», облетела Россию. Путиловская скорострельная артиллерия, предназначавшаяся для западных военных округов, двинулась на восток. Ею вооружали части, сформированные из призванных запасных, не умевших пользоваться новыми орудиями. Кадровые же части русской армии Дальнего Востока еще не были перевооружены и уходили на фронт с орудиями старых систем. Плохо вооруженная русская армия в отношении полевой артиллерии стояла, однако, выше японской. Путиловская трехдюймовая пушка была значительно лучше японской системы «Арисаки» и стреляла на полтора километра дальше. Но находясь в руках неопытных запасных, она стреляла хуже японских орудий. И никто из бездарных царских генералов не догадался передать артиллерийское вооружение запасных частей кадровым артиллерийским войскам.

Казенные заводы Пермский, Обуховский и Орудийный, все вместе получившие заказ на пушки почти вдвое меньший, чем один Путиловский завод, решительно отказывались от дополнительных заказов. Путиловское правление немедленно откликалось на всякое предложение согласием. В течение 1904 года завод набрал неимоверное количество заказов на орудия, шрапнель, снаряды, повозки, санитарные вагоны и т. д. Но так как всех набранных заказов выполнить он не мог, правление постоянно просило отсрочек, снятия штрафов за нарушение сроков. Генералы из министерства и комиссии по перевооружению то и дело удовлетворяли просьбы путиловского правления.

Наконец пришло время, когда затяжка в выполнении артиллерийских заказов на Путиловском стала угрожать большим скандалом. Только тогда генералы деликатно намекнули представителю правления Фойгту о существовании Шнейдера и других фирм, куда Путиловский завод мог бы передать часть своих заказов. Фойгт с ответом не спешил.

Лишь через два с половиной месяца он, вместе со сводкой об изготовленных орудиях, прислал ответ о переговорах с фирмами «Шнейдер-Крезо», «Шкода-Верке», «Société Anonyme». Цены, запрошенные иностранными заводчиками, были значительно выше обычных. Вопрос о передаче заказов за границу сняли.

Миллионные прибыли потекли в карманы путиловских акционеров. За пять лет (1900—1904) Путиловский завод поглотил до четверти всей суммы, ассигнованной правительством на расходы по перевооружению легкой артиллерии, — свыше 21 миллиона рублей. За это же время завод дал армии около половины всего необходимого количества пушек и лафетов.

Артиллерийское производство отвело от Путиловского завода удары промышленного кризиса. В годы, когда десятки предприятий влачили жалкое существование или подобно Сормовскому паровозному и Московскому вагоностроительному заводам потерпели полный крах, Путиловский завод даже увеличил выпуск продукции. В 1898 году выпуск продукции дал наивысшую для девяностых годов цифру — 19,6 миллиона рублей. В 1901 и 1902 годах выпуск продукции равнялся в среднем 20,5 миллиона рублей.

Легкая полевая пушка образца 1900 года окончательно превратила завод в техническую базу русского военно-феодального империализма. Трехдюймовая пушка образца 1902 года создала заводу всемирную славу. Путиловский завод надолго и прочно утвердился в области самого прибыльного и бескризисного производства — производства орудий смерти и разрушения.

БОЛЬШЕВИКИ И МЕНЬШЕВИКИ

За Нарвской заставой о расколе партии на II съезде РСДРП стало известно еще в сентябре 1903 года. Но долгое время члены путиловской социал-демократической организации не знали сущности разногласий и истинных причин раскола. Известия из-за границы были скудные и — в передаче через третьи руки — изрядно искаженные. Доходили лишь слухи, отрывочные сведения, не дававшие ответа на вопрос: почему произошел раскол? Путиловские социал-демократы всячески стремились разузнать о съезде. Они связывались с выборжцами, с рабочими Невской заставы, но и там, как и во всей петербургской организации, сведений было недостаточно. Наконец молодому члену путиловской органи-

зации Грише Ханцеву удалось связаться со студентом, близко стоявшим к Петербургскому комитету РСДРП, и тот обещал достать для него листовки и брошюры о съезде, как только они появятся в Петербурге.

Гриша Ханцев был самый младший в четвертом, выпускном классе путиловских вечерних курсов для взрослых. Ему недавно исполнилось семнадцать лет. Несмотря на молодость Гриши, весь четвертый класс любил и уважал этого взъерошенного большеглазого юношу за смелость и серьезность суждений, за готовность всегда помочь товарищу. Педагоги высоко ценили Гришу за живой ум, цепкую память и способности к точным наукам.

Окна четвертого класса выходили на Петергофское шоссе. Сквозь стекла окон видны были проходные калитки и серый заводский забор. Гриша Ханцев сидел слева, на крайней скамье, у самого окна. Изредка вскидывал он голову и всматривался в мутные круги света, падавшие на тротуар от слабых ламп над проходной. Мелькали сумрачные, сгорбившиеся тени. Гриша напряженно ожидал конца уроков: после занятий ему предстояло встретиться с приезжим из города, который должен был принести ему последние партийные новости из-за границы.

О съезде партии руководители кружков на занятиях почти ничего не рассказывали. Они сами знали не много, некоторые же из них старательно «оберегали» кружковцев от волнующих новостей о расколе партии. Самым ревностным из таких опекунов рабочих был студент Г. С. Малкин, руководитель одного из путиловских кружков. Когда же его настойчиво расспрашивали, он отвечал: «Происшедшая где-то далеко за границей интеллигентская склока не может повлиять на российские дела и не должна интересовать рабочих, занятых практическим делом».

В свое время студент Малкин был «рабочедельцем» — «экономистом». Основные черты «экономизма» — пренебрежение к большим задачам рабочего класса, отрицание роли партии — сохранились в нем и после того, как он стал называть себя искровцем. Он попрежнему уводил своих учеников далеко в сторону от подлинно революционной работы. Он держал их на отшибе от всей путиловской социал-демократической организации и свел деятельность кружка к изучению политической экономии и истории культуры. В начале 1904 года в Нарвском районе не было своего районного партийного организатора, и Малкина никто не контролировал. Ему удавалось вести кружок по-своему. Ученики, получав-

шие разъяснения только от своего руководителя, поверили, что наверху идет «грызня между интеллигентами», в которую рабочим не следует вмешиваться.

Кружок Малкина состоял из десяти-двенадцати путиловцев, преимущественно рабочих паровозной и вагонной мастерских. Главную роль в кружке играли Петр Преклонский и Илья Воронов. Это были рабочие, тянувшиеся больше к знанию, чем к революционной борьбе. Они вполне удовлетворялись программой кружка, изучали политическую экономию, читая в кружке главу за главой из «Очерков политической экономии» Железнова, «Истории культуры» Липперта, слушали курс лекций своего руководителя и отдельные занятия посвящали чтению «Эрфуртской программы» Каутского. В массовом движении кружок не участвовал, заводских событий не обсуждал, агитацией не занимался, а с центром имел связи исключительно через Малкина, который был связан с пропагандистской коллегией при Петербургском комитете РСДРП.

Все остальные кружки на Путиловском заводе резко отличались от кружка Малкина. Кружок, в котором состоял Гриша Ханцев, существовал с мая 1903 года. Гриша был одним из первых его участников и за полгода работы в организации стал активным социал-демократом. С тех пор как в мастерской на его глазах полиция арестовала двух рабочих, Гриша твердо решил: он будет революционером, бесстрашным человеком, всегда отстаивающим интересы рабочего класса. Он сошелся с товарищами по мастерской, такими же молодыми путиловцами, как и он сам. Потом молодежь нашла пути к социал-демократической организации, и из рабочих механической мастерской образовался новый кружок.

Вместе с друзьями Гриша распространял прокламации — разнообразные и всегда волнующие. Листовки разоблачали и бичевали порядки и действия царского правительства. Из них Гриша узнавал о событиях, происходивших в стране: о златоустовской бойне, ростовской демонстрации, голодовке политических в петербургском Доме предварительного заключения. Затем в кружок стали поступать «Искра», брошюры и книги. Молодые социал-демократы целиком отдались революционной работе. В цеху заводили с рабочими разговоры о политике самодержавия, а когда в январе 1904 года началась русско-японская война, рассказывали рабочим, кем и для чего она затеяна. Грабительская и разорительная война, начатая в интересах помещиков и капиталистов,

вызвала возмущение народных масс. Петербургский комитет РСДРП выпустил прокламацию против войны. Гриша Ханцев распространял и эту прокламацию. Он знал: необходимо поднять протест против преступной войны и обрушить возмущение народа на самодержавие.

В пушечной действовала группа И. Д. Иванова. Она держалась конспиративно, но ни на день не прекращала работы. В котельной несколько социал-демократов во главе с Иваном Изосимовым готовили стачки, вовлекая малоквалифицированных рабочих в политическую борьбу. В феврале 1904 года им удалось поднять рабочих-чеканщиков на упорную стачку и добиться победы. Группы социал-демократов в чугунолитейной, модельной, инструментальной, механической и лафето-снарядной мастерских систематически собирались, держали связь друг с другом, вели агитацию. Постепенно сближаясь, в начале 1904 года они стали действовать объединенными силами, чтобы совместно подготовить общезаводскую стачку ко дню 1 мая.

Среди путиловских социал-демократов преобладала молодежь, в большинстве потомственные путиловцы, сформировавшиеся во времена боевых рабочих выступлений начала девятисотых годов. Они воспитывались на «Искре», усваивали ленинские взгляды на роль русского рабочего класса, учились каждый свой шаг связывать с развитием рабочего движения. У Антона Васильева, Григория Ханцева, Александра Буйко, Андрея Лаврова, ярких представителей этой молодежи, было много боевого задора, энергии, бесстрашия, — они не представляли себе жизни без активной работы в организации. Разъяснениями своих руководителей о расколе на II съезде молодые революционеры не удовлетворялись и сами старались выяснить, в чем идейная сущность разногласий, почему Мартов пошел против Ленина. В тот вечер, когда Гриша Ханцев пристально вглядывался в мутные круги света, падавшие на мостовую от слабых ламп над проходной, он ожидал прихода студента, который должен был принести ему — первому в районе — «Извещение о II Съезде Российской Социал-Демократической Рабочей Партии».

Вслед за «Извещением» вскоре за Нарвскую заставу пришли листовки и брошюры о съезде и, наконец, «Протоколы очередного II Съезда РСДРП». Среди брошюр были и такие, которые открыто нападали на представителей большинства съезда, беззастенчиво попирая решения высшего партийного органа. Становилось очевидным: расхождения зашли далеко,

и раскол произошел действительно глубокий. Необходимо выбрать между сторонниками большинства и меньшинства в партии. Путиловцы стали обсуждать вопросы съезда и прежде всего главный вопрос споров — организационный.

Центральный пункт разногласий — параграф первый устава партии — в кружках не вызывал особых разноречий. Все сходились на том, что требование Ленина считать членами партии только тех, кто является членом организации, — правильное требование, соответствующее интересам рабочего движения и ограждающее партию от буржуазного влияния. В своем кружке Гриша Ханцев долго втолковывал эту мысль одному товарищу, заявившему, что в борьбе за формулировку пункта первого спорят больше о словах, чем о деле. Гриша доказывал ему фактами заводской жизни: в мастерских немало людей сочувствующих и содействующих работе социал-демократов — и деньгами помогут высылаемому товарищу, и листовку передадут соседу, и укроют нелегального, а можно ли их считать членами партии? Нет, отвечал Гриша, член партии это тот, кто сознательно, не страшась ни тюрьмы, ни каторги, всю свою жизнь отдает революционному делу. А отдавать жизнь — значит всегда активно работать в революционной организации. От того, из каких людей будет состоять партия социал-демократов, зависят все дальнейшие успехи рабочего класса в борьбе против царского деспотизма.

В группе котельщиков споры были наименее острыми. Иван Изосимов, старый искровец, признанный вожак группы, сразу заявил:

— Раз ввязались в борьбу, то, понятно, нужна дисциплина и твердые партийные правила.

Путиловские кружки определились как большевистские. Только один кружок Малкина оставался, казалось, безучастным к вопросу о расколе. Малкин попрежнему прочитывал очередную лекцию по истории культуры из намеченного курса в сорок лекций или занимался политической экономией. Путиловские большевики — это слово стало входить в употребление во второй половине 1904 года — захаживали на кружок Малкина, который они называли «болотом». Но вытащить Преклонского и его товарищей из «болота» оказалось невозможным. Малкин успел внушить им все для того, чтобы они погрязли в меньшевизме. Это объяснялось тем, что среди членов его кружка были люди не только мирно настроенные, но и «привилегированные», хорошо

оплачиваемые рабочие, из той прослойки, которая являлась в свое время питательной средой «экономизма».

Малкин пока еще не выступал открыто в защиту меньшинства партии. Он и его ученики, скрываясь под маской беспристрастности, называли себя социал-демократами, стоящими на позициях съезда. Много говорили о демократизме, высказывались против централизма, иногда упрекали большевиков в том, что интеллигенции, желающей помочь революционерам, много, а ходу к рабочим ей не дают. Расколу в партии они как будто не придавали большого значения. Все уладится, говорили они, устроится, не следует только выдумывать разногласий, — и тянули свое, стремясь найти что-то среднее, примиряющее. Сам Малкин по этой части был виртуозом. Он часами мог говорить и за и против, и трудно было понять, на чьей он стороне — большевиков или меньшевиков. Он целиком оправдал характеристику таких людей, данную Лениным в книге «Шаг вперед, два шага назад», в которой Ленин нанес решительный удар меньшевикам, тащившим партию назад. «Оппортунист, по самой своей природе, — писал Ленин, — уклоняется всегда от определенной и бесповоротной постановки вопроса, отыскивает равнодействующую, вьется ужом между исключающими одна другую точками зрения, стараясь «быть согласным» и с той и с другой, сводя свои разногласия к поправочкам, к сомнениям, к благим и невинным пожеланиям и проч., и проч.». [1]

Эту тактику оппортунизма усвоили ученики Малкина. Во всем они старались найти равнодействующую — даже в конфликтах рабочих с администрацией. Кружок никогда не занимался цеховыми конфликтами, организацией стачек. Отдельным меньшевикам приходилось участвовать в рабочих выступлениях. Но и тогда, когда они поневоле становились руководителями стачки, они подменяли борьбу рабочих постыдным торгом с администрацией. В литейной, где работал Петр Преклонский, в апреле 1904 года заволновались обрубщики. Запуганные мастерами, изнуренные тяжелым трудом, они долго не решались бастовать. Снижение и без того низких расценок заставило их, наконец, бросить работу. Они бастовали впервые и в течение дня то принимались за работу, то прекращали ее. На следующее утро обрубщики вовсе не приступили к работе. Тогда Петр Преклонский счел себя обязанным руководить стачкой. Он заявил мастеру Лемову:

— Голодные мы работать не можем.

[1] *Ленин*, Сочинения, т. VI, стр. 320.

Лемов, пренебрежительно поглядев на Преклонского, сказал, что за забастовку придется отвечать, — пусть об этом подумает каждый. Преклонский стал многословно объяснять мастеру, что других средств защиты, кроме стачки, у рабочего нет. Объяснения его звучали как жалоба. Мастер понял: с таким руководителем стачки можно столковаться. И обещал поговорить с начальством.

Не успел мастер отойти, как Преклонский, повернувшись к обрубщикам, стал советовать им начать работу. Свою миссию руководителя стачки он считал законченной. Ему и в голову не пришло сделать забастовку более серьезной, мощной, привлечь к ней остальных рабочих литейной мастерской. А это было вполне осуществимо: брожение глубоко захватило всех литейщиков, и вскоре в этой же мастерской вспыхнула стачка, окончившаяся победой рабочих.

Вредная роль меньшевиков проявлялась не раз, особенно же резко — в процессе подготовки путиловской социал-демократической организации ко дню 1 Мая 1904 года. Задолго до праздника ученики Малкина стали говорить, что демонстрация вряд ли возможна. Они ссылались на неудачу первомайской демонстрации прошлого года: район был наводнен полицией и войсками, и в связи с многочисленными арестами Петербургский комитет РСДРП предложил тогда демонстрации не устраивать. Меньшевики предлагали не выходить на демонстрацию и в этом году: «Все равно, — заявляли они, — политическое значение майского праздника уже ослабело».

В день 1 Мая демонстрация все же состоялась. Вагонная и кузнечная мастерские, накануне договорившиеся о совместном выходе на улицу, работали: все цеховые руководители предполагавшейся стачки были в ночь на 1 мая арестованы. Но паровозная, пушечная, механические мастерские вышли на улицу. Несколько сот человек, тесно сомкнувшись в колонну, пошли по Петергофскому шоссе. Гриша Ханцев был в первых рядах. Он впервые участвовал в демонстрации и был горд, — он выступал как организатор группы рабочих своей мастерской и шел рядом со знаменосцем, несшим на тонкой палке самодельный красный флаг.

Демонстрация удалась, хотя и вышла немноголюдной.

Путиловские большевики упорно работали в массах. В цехах Путиловского завода сначала редко, а потом все чаще они стали практиковать короткие летучие собрания. Чаще собирались кружки.

Летом, после убийства министра внутренних дел Плеве, много говорили об эсеровской тактике индивидуального

террора. До того об эсерах на заводе не было слышно, хотя их кружок существовал свыше полутора лет. Теперь вдруг, вызвав сенсацию, эсеры начали кричать о своей революционности. Заводскую эсеровскую группу, состоявшую из восьмидесяти человек, возглавлял инженер Рутенберг, начальник инструментальной мастерской. Среди эсеров было также несколько бывших «экономистов», разочаровавшихся в своих руководителях и ударившихся в другую крайность — политический авантюризм. Бывшие участники «экономистских» кружков — Николай Петров, Дмитрий Кузин, Петр Спиридонов (теперь уже не работавшие на Путиловском заводе) — от «экономизма» отошли к эсеровщине, затем перешли на сторону «полицейского социализма», а после его краха обратно к эсерам.

Большевики, особенно те из них, кто раньше регулярно читал «Искру», оказались хорошо подготовленными к оценке авантюристской тактики террора. Для них было ясно: ничего полезного для политического воспитания масс террор не несет. Наоборот, он задерживает развитие массового движения против самодержавия и обрекает массы на пассивность. Разоблачить вредную, разлагающую роль эсеровской тактики, противопоставить ей подлинно революционную тактику большевиков — стало на время главной задачей путиловской организации.

На собрании группы лафето-снарядной мастерской присутствовал новый член организации — сухощавый, сдержанный, средних лет. Недавно он поступил на завод токарем, с первых же дней нашел большевиков и стал работать в организации. Когда собравшиеся вдоволь раскритиковали террористическую тактику эсеров, этот токарь, Николай Гурьевич Полетаев, попросил слова. Он сказал, что эсеров следует бить и разоблачать фактами. Надо напомнить рабочим, что после убийства Александра II, кроме ужасающей реакции, ничего в России не произошло; что волна террористических актов семидесятых годов массы не подняла; что после выстрела в министра просвещения Боголепова на его место сел еще более жестокий министр — генерал Ванновский; что на место убитого министра внутренних дел Сипягина был поставлен зверь — Плеве.

Говорил Полетаев не торопясь, вдумчиво, подбирая слова. Его слушали внимательно. Чувствовалось, что оратор обладает богатым опытом, знанием жизни.

После ареста в 1895 году Полетаев был выслан из Петербурга в Тифлис, оттуда на родину — в Кострому, где снова

встретился со своим первым учителем, Василием Буяновым. По его совету, после ссылки Полетаев перебрался в Германию. Он решил посмотреть, как живут немецкие рабочие и как борются германские социал-демократы. Работал в Берлине на заводах Борзига, изучал немецкий язык, слушал Бебеля. Побывал Полетаев и в Бельгии. В 1901 году он вернулся на родину, работал на южных заводах, а в 1904 году, приехав в Петербург, снова поступил на Путиловский завод.

Полетаев списался с Василием Буяновым, приглашая его приехать в Петербург. Он считал, что Буянов, поседевший в тюрьмах, принесет много пользы на Путиловском заводе. Буянов приехал и поступил на старое место — токарем в пушечную мастерскую.

В Петербург, где яснее всего назревал подъем революционного движения, устремились многие передовые рабочие. На Путиловский завод вернулись котельщик Тимофей Барановский, слесарь Василий Волков. Пришли активные социал-демократы — Михаил Сальман, Александр Ребрантов и Иосиф Домбровский.

В августе 1904 года за Нарвской заставой наконец появился и партийный организатор района. Настоящего имени и фамилии его (В. В. Липшиц) путиловцы не знали и называли по кличке — товарищ «Андрей». Он последовательно проводил организационные принципы ленинской «Искры», подчиняя всю работу кружков единому партийному центру. «Андрей» контролировал работу пропагандистов, узнавал, где будут рабочие сходки, присылал на явочные квартиры агитаторов и прокламации, сообщал директивы Петербургского комитета. Из представителей кружков был составлен районный комитет.

На Путиловском заводе существовало семь большевистских кружков и попрежнему один меньшевистский. Большевиков было свыше пятидесяти, меньшевиков — не больше пятнадцати. Между ними изредка происходили стычки по организационным вопросам. Теперь питомцы из кружка Малкина, не стесняясь, называли себя меньшевиками. Они осмелели, стали говорить «наш ЦК», «наш ЦО»: к этому времени и Центральный комитет и центральный орган социал-демократической партии «Искра» находились в руках захвативших их меньшевиков. Внизу, в заводских организациях и в Петербургском комитете, среди большевиков часто подымались протесты против незаконного захвата меньшевиками высших органов партии.

— ЦК попирает волю съезда, — говорили путиловские большевики членам кружка Малкина.

Но Преклонский, достаточно вышколенный, высокомерно заявлял:

— Воля съезда не непреложна. Ее можно изменить.

С меньшевистским кружком организатор района познакомился лишь осенью. Он убедился, что питомцы Малкина уже порядком испорчены и вряд ли удастся повернуть их на правильный путь. Меньшевики заявили организатору, что агитаторы им не нужны, контроль над руководителем считают излишним, поддерживают меньшевистский ЦК, а не Петербургский комитет, состоящий в большинстве из сторонников Ленина.

Сколько ни убеждал организатор района членов меньшевистского кружка, что они говорят с чужого голоса, как настойчиво ни предлагал устроить дискуссию, чтобы они могли самостоятельно разобраться, — меньшевики стояли на своем: все это лишнее, уже известное...

— Фактически вы ведете дело к расколу районной организации, — заявил Андрей.

Но против этого меньшевики стали протестовать — у них-де, мол, свои взгляды, но раскола они не хотят. И возражая Андрею, незаметно для себя выболтали то, что Малкин пока держал в секрете: у них есть своя связь с членами Петербургского комитета (конечно, сторонниками меньшинства), от этих же членов Петербургского комитета они получают директивы.

Разногласия большевиков с меньшевиками по организационным вопросам вскоре дополнились разногласиями в области тактики. Меньшевики начали ревизовать давно утвержденные и ясные установки революционной социал-демократии. Они выступали против самостоятельных задач рабочего класса и отрицали руководящую роль пролетариата в революционном движении. В центре борьбы фракций стал вопрос об отношении партии и рабочего класса к либеральной буржуазии, которая, в связи с военными неудачами в Манчжурии, начала выражать недовольство царским правительством.

«Под давлением революционного натиска *пролетариата* правительство разрешило *либералам* поговорить о свободе!» [1]

Земские деятели — либеральные буржуа и либеральные

[1] *Ленин*, Сочинения, т. VII, стр. 19—20.

помещики и их адвокаты — на банкетах разливались потоками пышных фраз о свободе, о доверии к обществу, робко заикались о конституции, протестуя против «крайностей» царизма. Они надеялись выпросить у царя политические уступки, выгодные буржуазии. Свои корыстные буржуазные интересы либералы выдавали за интересы всего народа. У них были две цели: «...во-первых, «образумить» царя, во-вторых, — накинуть на себя маску «большого недовольства» царизмом, войти в доверие народа, отколоть народ или часть народа от революции и ослабить тем самым революцию». [1]

Меньшевики деятельно помогали в этом буржуазии. Они входили в соглашение с либералами и звали рабочих поддержать банкетную и петиционную шумиху — так называемую «земскую кампанию». Лидеры меньшевиков даже выработали и опубликовали специальный план участия пролетариата в либерально-буржуазной словесной трескотне.

Руководитель путиловского меньшевистского кружка Малкин привел на банкет, происходивший в зале Павловой на Троицкой улице, Петра Преклонского и его товарищей как «представителей пролетариата». В большом зале, где из года в год устраивались гимназические балы, за богато сервированными столами либералы — адвокаты, думские гласные — в пьяном самозабвении провозглашали тосты за свободу, обещали честно служить народу и, обращая взоры к портрету царя, просили правительство об уступках. «Представители пролетариата» молчали. От их имени выступил Малкин. Он заявил, что присутствующие здесь рабочие — он сделал жест в сторону своих учеников — хорошо понимают значение «единства всех сил общества» в борьбе за свободу.

Рабочий класс прошел мимо попыток меньшевиков войти в сделку с буржуазией и продолжал упорно наступать на правительство. Революционное возмущение народных масс росло. Петербургский комитет РСДРП решил устроить демонстрацию против войны, против самодержавия. По всем районам 18 ноября 1904 года было сообщено: «Готовьтесь к демонстрации». В Нарвском районном комитете большевики распределили между собой обязанности, наметили места для сходок, определили связных, которые приведут агитаторов из Петербургского комитета.

Демонстрация была назначена на воскресенье 28 ноября.

---

[1] История Всесоюзной Коммунистической партии (большевиков), Краткий курс, 1938, стр. 29.

Организатор района товарищ Андрей целыми днями пропадал то за Нарвской заставой, то в городском районе. Повсюду в Петербурге большевики вели энергичную работу, собирали силы, чтобы организовать рабочие массы. На заводах устраивали летучие собрания. Предупреждали о выходе призывных листков, в которых будет указано время и место сбора демонстрантов. Гриша Ханцев готовил красные знамена для себя и товарищей. Общегородская пролетарская демонстрация должна была быть внушительной.

Только один кружок за Нарвской заставой бездействовал — кружок Малкина. Меньшевики после долгих споров в районном комитете обязались подчиниться решению и участвовать в демонстрации, но считали себя в праве не заниматься агитацией среди рабочих, так как в комитете их представитель голосовал против устройства демонстрации. Они саботировали и срывали дело подготовки революционного выступления рабочих.

26 ноября по заставе и по заводу разнесся слух: демонстрация отменяется. Организатор района, узнав об этом, побежал на явочную квартиру Петербургского комитета и узнал следующее: меньшевики — организаторы двух районов, Василеостровского и Невского, будучи не согласны с решением комитета, скрыли от Петербургского комитета резолюции рабочих собраний своих районов, требовавших демонстрации, и заявляли, что рабочие к выступлению не готовы. От рабочих же меньшевики скрыли решение о выступлении, не сообщили членам партии о предстоящей демонстрации. На заседании комитета 25 ноября они, воспользовавшись отсутствием трех большевиков — членов комитета, потребовали пересмотра решения о демонстрации. С помощью меньшевиков из Центрального комитета им удалось добиться своего.

На следующий день комитет собрался в полном составе и вновь постановил — демонстрацию устроить. Но меньшевики уже заранее сорвали ее: в этот день до заседания они сожгли свыше двенадцати тысяч призывных листков. Несколько тысяч сожгли члены кружка Малкина. Напечатать новые призывные листки и разослать их по заводам в два дня было невозможно. Демонстрация петербургского пролетариата была сознательно и подло сорвана меньшевиками. Ленин писал по этому поводу:

«Дезорганизаторская выходка петербургских меньшевиков не случайность, а обдуманный шаг к расколу комитета... Мы должны, в отличие от «меньшевиков», которые действуют тайком, прячась от партии, заявить открыто и под-

твердить на деле, что партия порывает с этими господами все и всякие отношения».[1]

Путиловские рабочие негодовали: «Почему отменили демонстрацию?». Они не знали истинной причины срыва и упрекали большевиков. В свою очередь многие заводские большевики ругали организаторов демонстрации. Но больше всех кричали о позоре провала, сильнее всех ругали Петербургский комитет... члены кружка Малкина. По указке своего руководителя они пытались обратить негодование рабочих против большевиков, а недовольство рядовых большевиков — против Петербургского комитета. Вместе с тем, меньшевики решили формально выступить против Петербургского комитета, свалив на него вину за провал демонстрации. Малкин написал резолюцию, в которой обвинял комитет в неправильном понимании задач социал-демократического движения и заявлял от имени «рабочих социал-демократов Нарвского района» о нежелании продолжать работу под руководством Петербургского комитета.

Эта подложная резолюция, будто бы от имени всех социал-демократов, была представлена в Петербургский комитет. Такие же резолюции прислали меньшевистские руководители Невского и Василеостровского районов. Петербургский комитет в ответ на двурушническое поведение меньшевиков последовал указаниям Ленина: разъяснил рабочим и членам партии истинное положение вещей и решил впредь не пускать меньшевиков на ответственную работу.

Как в Петербургском комитете, так и в Нарвском районном центре остались только большевики. Меньшевики были изгнаны. Раскол в петербургской организации совершился, и это облегчало большевикам задачу руководства революционным подъемом масс.

В стране назревал революционный кризис. Поражения царского правительства в русско-японской войне окончательно вскрыли гнилость самодержавия. «Тяжелая и безнадежная война, в которую оно бросилось, подорвала глубоко основы его власти и господства».[2] Росла ненависть широких народных масс к режиму нагайки и свинца. Волнения в армии, в деревне, в городах росли; новые, ранее отсталые слои трудящихся втягивались в движение. Ощупью, делая пробные и неуверенные шаги, проверяя себя и своих вождей, на простор политической жизни выходили многомиллионные трудовые массы России.

[1] *Ленин*, Сочинения, т. VII, стр. 43.
[2] Там же, стр. 32.

СТАРЫЙ ТАШКЕНТ

На Петергофском шоссе, в глубине небольшого сада, стоял покосившийся заколоченный дом. Некогда здесь помещался аристократический кабачок, позже — дешевый трактир «Старый Ташкент», а с тех пор как хозяин его разорился и выехал, здание пустовало и разрушалось.

В мае 1904 года в «Старый Ташкент» явились новые хозяева. Они оторвали доски, распахнули двери, растворили окна. Вода в пруду побелела от извести. Застучали топоры и молотки, раздались громкие голоса. По заставе шли слухи: дом забирает какое-то общество трезвости. Говорили, что в Химическом переулке у рыжего низкорослого токаря Яслауха за двадцать пять копеек записывают каждого желающего. Полиция знает об этом и не препятствует: все делается с одобрения начальства, а во главе общества стоит поп.

Возле подновленного, разукрашенного зеленью дома с полудня 30 мая было шумно. На крыльце появился краснощекий, черноусый рабочий новомеханической мастерской. Его сапоги блестели, из кармана на груди торчал уголок красного платка. Громким голосом он объявил:

— Кто с билетами — прошу в помещение. Соблюдайте спокойствие и порядок!

Люди пожилые, степенные двинулись первыми. Они шли осторожно, как бы сомневаясь в разрешении собираться открыто. В вытянутых руках несли билеты официально разрешенного «Собрания русских фабрично-заводских рабочих». У входа стояли два городовых. Опираясь на палку, шагал торжествующий Дмитрий Белоусов, токарь из вагонной: запретное казалось ему теперь дозволенным. Он по-хозяйски оглядывал здание, прикидывая, во что обошелся ремонт, хитро усмехался. Переступая через две ступеньки, поднимался длинноногий, худощавый Василий Лемешев в подновленном, начищенном котелке. Он работал на Екатерингофской бумагопрядильной мануфактуре, имел большую семью. «Собрание» привлекало его тем, что обещало избавить от постоянной угрозы безработицы. Маленький сухонький Мироненок семенил, спеша занять лучшее место. В кармане его наглухо застегнутого старомодного пиджака лежала книжка кассы взаимопомощи. Соглашаясь вносить по пятаку с заработанного рубля, Мироненок был твердо уверен в том, что ему не придется умирать под забором.

Путиловцы, треугольниковцы, тентелевцы, текстильщики с Екатерингофской мануфактуры и других фабрик шли в

«Старый Ташкент» на открытие Нарвского отдела «Собрания русских фабрично-заводских рабочих». Яслаух, преисполненный сознанием значительности происходящего, сидел за столиком у входа и записывал новых членов. К открытию отдела у него числилось четыреста человек.

В зале места всем нехватило. Опоздавшие стояли под окнами. Толпа возле дома увеличивалась, — застава не привыкла к подобным событиям. Разговоры вертелись вокруг «Собрания», его целей и вожаков. Все знали, что «Собранием» руководит священник Георгий Гапон, многие видели его совсем недавно. На вешнего Николу он отслужил в нескольких мастерских завода молебен и тут же в цехах беседовал с рабочими о христианской любви, помощи ближнему и необходимости объединиться в дружную семью. Беседы имели успех, хотя многие и недоумевали: «Какое дело попу до рабочих?».

Приезда Гапона ждали с нетерпением. Он появился во дворе внезапно. Пронесся шопот, все подались вперед. Невысокий, гибкий, в летней белой рясе, Гапон быстро шел к дому, оглядывая толпу черными блестящими глазами. Чувствовалось, что он привык к всеобщему вниманию и что оно возбуждает его.

В торжественной тишине начал Гапон свою речь. Зазвучали непривычные в устах священника слова о тяжелой жизни рабочих. Со скорбью говорил он о двух родных сестрах — бедности и темноте, сокрушался о пристрастии многих к винопитию, пастырски жалел всех труждающихся и обремененных. Слушатели были потрясены нарисованной им мрачной картиной. Гапон круто повернул речь:

— Путь, ведущий из мрака к свету, имеется... Этот путь — объединение рабочих, приобщение их к знаниям, устройство братской взаимной помощи.

Люди слушали, затаив дыхание. Возвышенные слова поднимали их над повседневной, серой, безрадостной жизнью, звали к чему-то светлому и радостному. Собрание было покорено.

К концу речи Гапона в отдел прибыл градоначальник Фуллон. Его сопровождала свита полицейских. Заставский пристав вытянулся. Рабочие смотрели на градоначальника с любопытством; некоторые были польщены высоким визитом. Фуллон поздоровался с Гапоном и его приближенными за руку и, отдав полупоклон всем присутствующим, просил «продолжать программу». Начался молебен. Дьякон провозгласил здравицу — многая лета государю-императору и хри-

столюбивому воинству. Потом попросили Фуллона сказать несколько слов. Старый служака, жандармский генерал Фуллон не был оратором. Откашлявшись, он с большими паузами произнес краткую, начальственную речь, в которой приглашал рабочих к единению с властью «в виду войны с далеким и лукавым врагом на далекой окраине». В заключение выступили артисты. Одна певица пропела «Разлуку», другая — «Жену каторжника». Артист Иванов исполнил «Христос воскресе». Фуллон остался доволен. Он сказал еще несколько слов похвалы и в знак единения подарил отделу сто рублей.

Первое время деятельность отдела не выходила за рамки установленной Гапоном программы — «никакой политики»: молодежи — игры и танцы, взрослым рабочим — благонамеренные лекции и кассы взаимопомощи. В комнате, оборудованной под класс, регулярно занимался кружок обучения грамоте. В читальне всегда были газеты — «Русский инвалид», «Свет», журнал «Русский паломник». Гапон и его штабные входили в читальню на цыпочках и говорили шопотом, — человек, забредший сюда случайно, сразу понимал, что здесь совершается важное дело.

В чайной всегда сидело много народу. Рабочие приходили сюда с женами и детьми, располагаясь по-семейному; подолгу беседовали за стаканом чая. Иногда здесь выступал путиловский поэт Василий Шувалов. Он охотно давал почитать аккуратно переплетенные тетрадки со своими стихами, в которых описывалась горькая доля рабочего. Стихи были полны тоски, звучали как жалоба. Открытие гапоновского «Собрания» изменило строй его мыслей и чувств. Человек, несклонный к борьбе, он подхватил идеи Гапона. Те немногие нотки протеста, которые были прежде в его стихах, окончательно исчезли. В его тетради появились теперь другие слова: «Заблистало лучезарное солнце, и среди этой темноты оно выразилось в разрешении открытых собраний русских фабрично-заводских рабочих, где рабочий нашел себе новую пищу жизни... Будьте честны. Храните верность собранию и защищайте от всего скверного это новое благое начинание и помните, что это — новая струя жизни».

Шувалов получил возможность выступать «перед публикой» и широко пользовался этой счастливой возможностью. Он читал:

Хвала тебе, родимая держава,
Что это право мирно нам дала!
И что с трудом на Западе дается,

За что восстания велись всегда,
У нас так просто это достается,
Невольно подивишься иногда.
Рад будет каждый с нами подружиться,
Когда придут те добрые года,
И знамя мира и согласья водрузится
Меж капитала и между труда!..

По воскресеньям устраивались экскурсии в музеи, прогулки в окрестности Петербурга. Раз в неделю созывались общие собрания. Гапон изредка принимал в них участие, и тогда они проходили особенно весело и оживленно. Гапон рассказывал интересные истории, шутил и во время загородных прогулок даже пускался под гармошку в пляс. Восхищенные зрители говорили:

— Вот это поп! Не чета нашим заставским!

Гапон появлялся в цехах, беседовал с рабочими, хлопотал перед директором об увольняемых. Директор Смирнов внес на нужды «Собрания» триста рублей и был избран его почетным членом. К Гапону он относился благожелательно, выслушивал его и нередко удовлетворял ходатайства.

Гапон читал проповеди, призывал «иметь оборону от иноверцев, всячески старающихся вредить русскому единению». Митрополит Антоний разрешил ему «открывать собрания рабочих святой молитвой и говорить после таковой слово». Гапон внушал рабочим мысль, что неустройства жизни зависят не от царя, а от нерадивых его подчиненных.

— О многом высшие власти не знают: до царя далеко, до бога высоко.

На одном собрании Гапон обратился к рабочим с вопросом: почему женщины не ходят в отдел? Весть о том, что батюшка приглашает жен рабочих, дошла до самых отсталых. Женщины со всей заставы приходили посмотреть на своего заступника, поцеловать у него руку, получить благословение. Имя Гапона стало еще популярнее.

Жизнью отдела руководил «кружок ответственных лиц»: В. Иноземцев, В. Янов, Р. Васильев, В. Яслаух, А. Рожков. Это были квалифицированные, солидные рабочие. Некоторые из них, как Рожков, в свое время были даже связаны с социал-демократическими кружками. Ближайший помощник Гапона, председатель ревизионной комиссии отдела Владимир Иноземцев, прежде был знаком с социал-демократами и, придя к Гапону, намеревался использовать его в своих целях. Но ловкий поп своими зажигающими речами увлек

и Иноземцева. О своих связях с полицией он не умалчивал, а, наоборот, говорил, что это необходимо, что так легче получить разрешение на открытие рабочего общества.

В конце концов Иноземцев поверил. Его увлекла мысль о создании широкой легальной рабочей организации, подобной английским тред-юнионам. Он стал одним из ярых приверженцев Гапона и вместе с ним ходатайствовал перед властями об открытии «Собрания русских фабрично-заводских рабочих».

В действительности цели Гапона были иные, чем думал Иноземцев. Гапон был связан с охранкой как ее агент, ему покровительствовал министр внутренних дел, всесильный Плеве. Гапон был провокатором и получал жалованье одновременно в двух местах — от петербургского охранного отделения и от департамента полиции — по сто рублей в месяц.

Создавая «широкую рабочую организацию», Гапон действовал согласно приказу властей. Русско-японская война показала всю гнилость царизма и еще более усилила революционное движение в стране. Меры грубого подавления оказались уже недостаточными. Правительство воскресило тактику жандармского полковника Зубатова: использовать в своих целях отсталость рабочих, их тяжелое материальное положение, наивную веру в царя, бога и создать свою, полицейскую, рабочую организацию. Гапон писал: «Сущность основной идеи заключается в стремлении свить среди фабрично-заводского люда гнезда, где бы Русью, настоящим русским духом пахло, откуда бы вылетали здоровые и самоотверженные птенцы на разумную защиту своего царя». 15 февраля 1904 года устав «Собрания русских фабрично-заводских рабочих» был утвержден, а вслед за этим начали открываться отделы: сперва Выборгский, затем Нарвский.

Нарвский отдел оборудовали за счет средств, внесенных Гапоном от имени «неизвестного жертвователя». Из 360 рублей, вложенных в отдел, 150 рублей дал Гапону департамент полиции, 210 рублей — петербургское охранное отделение. Нарвский отдел стал главной резиденцией Гапона. Нарвская застава была крупнейшей рабочей окраиной Петербурга, и Гапон считал необходимым держать ее в своих руках. Несмотря на то что отдел открылся по счету вторым, его назвали первым. Послушать Гапона сюда приходили из-за Невской заставы, с Выборгской стороны, приезжали из Колпина и Сестрорецка. На собрания ходило все больше и больше народу, каждый со своими нуждами и запросами.

Все чаще говорили о войне. Царская армия с первого же дня войны терпела поражение за поражением и на суше и на воде. В мае японцы блокировали Порт-Артур и взяли город Дальний; в начале июня русские войска были разбиты под Вафангоу, в июле — еще более сокрушительно под Ляояном. Тысячи людей гибли в далеких манчжурских полях и в глубоких водах Китайского моря. Среди кораблей, принимавших участие в боях на Дальнем Востоке, были крейсера и броненосцы, снаряженные Путиловским заводом. Путиловцы помнили красавец-крейсер «Новик», построенный на заводе и торжественно спущенный на воду в 1900 году. Теперь «Новик» пошел ко дну.

Недовольство войной все возрастало. Рабочие с насмешкой и возмущением отзывались о поражениях, презрительно называли командующего Дальневосточной армии генерала Куропаткина — куропаткой, а молодежь, не стесняясь, распевала на мотив «боже, царя храни» песенку, известную еще со времен поездки Николая II в Японию:

Боже, царя возьми,
Нам он не нужен;
В лоб он контужен
Я-пон-ца-ми.

Руководителям гапоновского общества становилось все труднее сдерживать напор массы. На другой день после убийства Плеве в отделе состоялось собрание. Гапон предложил отслужить панихиду:

— Хотя наш устав утвержден товарищем министра Дурново, подписан он был с разрешения самого Плеве. Мы должны быть благодарны покойному министру и отслужить по нем панихиду.

Упорное молчание было ему ответом. Гапон долго водил глазами по лицам собравшихся. Потом обернулся к председателю и растерянно бросил:

— Переходите к очередным делам.

И вышел из зала.

Все чаще и настойчивее раздавались на собраниях голоса о рабочих нуждах, о произволе мастеров и высшей администрации завода. Руководители отделов спросили Гапона: «Как быть? На «Лесснере» ебавка расценок, на Обуховом, на Семянниковом волнения. Вот-вот начнется и на Путиловом». Гапон энергично возражал: «Бастовать не следует, конфликты надо разрешать миром».

— Будем горячиться, привлечем внимание, молодые по-

беги собраний могут затоптать. Надо еще больше рабочих объединить.

Он выдержал паузу и неожиданно для слушателей добавил:

— И выступить так, чтоб чертям тошно стало!

— Чортов поп! — послышался восхищенный возглас.

Гапон улыбнулся, ему понравилось это прозвище.

В конце июля к директору завода явилась делегация кузнецов и предъявила требование: «В виду дороговизны, начавшейся с войной, повысить расценки».

Директор выгнал делегатов из кабинета. Кузнецы заволновались. Поговаривали о забастовке. Рабочие ожидали помощи от гапоновского «Собрания». Но Гапон избегал вмешательства в большие конфликты, и на этот раз ему удалось убедить «кружок ответственных лиц», что в столкновение кузнецов с администрацией вмешиваться не следует. Это сразу же вызвало неприязненное отношение кузнецов к «Собранию».

16 августа кузница стала. Директор завода обещал рассмотреть требования и уладить конфликт. Приехал окружной фабричный инспектор; он уверил рабочих, что прибавку они получат.

На следующий день организатор района побывал на собрании Петербургского комитета РСДРП и поставил вопрос о путиловской стачке. Комитет решил выпустить прокламацию с требованиями, предъявленными кузнецами: повышение расценок на 20 процентов, отмена сверхурочных работ, шестичасовой рабочий день для подростков, вежливое обращение.

1 сентября директор повесил объявление: тот, кто не станет на работу, будет уволен. На работу кузнецы стали, но поговаривали, что объявят новую стачку, если их теперь обманут. Кузнецов обманули. С 1 сентября расценки повысились лишь на некоторых молотах, да и то незначительно. На новую стачку кузнецы не поднялись — не было еще достаточной организованности.

Со дня открытия Нарвского отдела гапоновского «Собрания» перед социал-демократами встал вопрос: как к нему относиться? Среди партийной молодежи раздавались голоса: раз общество полицейское, служит целям обмана, то итти в него не следует. Однако массовый наплыв рабочих в «Старый Ташкент» показал, что всякий, кто по-настоящему связан с массами, должен пойти туда, чтобы оторвать рабочих от Гапона. Такую директиву получил организатор района

в Петербургском комитете. Большевики стали частыми посетителями гапоновского общества, некоторые вошли в число членов «Собрания».

Заводские меньшевики растерялись, и твердой линии в отношении гапоновского «Собрания» у них не было. Одни держались от него в стороне, другие потянулись туда. Член меньшевистского кружка К. Кошкин попытался однажды выступить на собрании в «Старом Ташкенте» с докладом «От феодализма к социализму». Но это выступление не имело успеха. Рабочие ждали не «ученых» лекций, а простого и понятного ответа, как улучшить свою тяжелую жизнь.

На первых порах большевики действовали осторожно. Вести противоправительственную агитацию надо было исподволь — в речах о положении рабочих можно было только намекать на политические выводы. Обстановка была такова, что и главари «Собрания» и многие рабочие резко обрывали тех, кто пытался прямо сказать, что причина всех бед — царский режим, правительство царя и сам царь.

Но все жарче и острее становились речи рабочих. Большевики решили дать гапоновцам бой. Двое членов организации сговорились о совместном выступлении, пришли на собрание гапоновского общества. Первый, хитро оглядев присутствовавших, заговорил по-простецки:

— Почему такое?.. Купцы в думах собираются, домовладельцы обсуждают свои интересы. Сахарные заводчики съезжаются и устанавливают цены на сахар — для нас более высокие, чем для заграницы, и держат эти цены, как хотят. Почему им можно, а нам, рабочим, нельзя? Ведь рабочая стачка тоже преследует цель повысить цену на свой труд. Нужно, стало быть, нам иметь свободу стачек.

В задачу второго выступающего входило сделать политические выводы — бросить лозунги. Он говорил о свободе стачек, союзов, собраний и заключил, что для достижения всего этого необходимо участие рабочих представителей в установлении законов. О свержении самодержавия он не упоминал, о царе не говорил, но горячо высказывался против войны.

Гапоновцы сетовали на социал-демократов за привнесение политики, за резкость и остроту речей, за требования действий. На собраниях все чаще ставились вопросы о положении рабочих. Однажды специально приглашенный лектор долго объяснял закон 1903 года об увечьях, подробно разбирал его по пунктам и рассказывал, за какое увечье сколько должны платить, каковы права рабочих, каковы

условия получения оплаты. Под конец он неосмотрительно осведомился:

— Удовлетворяет ли вас все это?

В ответ ему слушатели закричали:

— Нет!

Директор Смирнов случайно присутствовал на этом собрании. У него давно уже копилось недовольство отделом. Здесь уж очень часто брали верх наиболее активные элементы. Таяли надежды на то, что гапоновское «Собрание» отвлечет рабочих от борьбы и протестов. Он созвал начальников цехов и их помощников и в упор спросил их: «Как должны держать себя администраторы при забастовках?». Предвидя, что дело идет к большим стачкам, он потребовал от начальников цехов применения различных предупредительных мер.

— Мы техники, а не полицейские, и сыском заниматься не будем, — заявил Олесинов, начальник мартеновской мастерской.

— Мы честные люди, — робко добавили другие.

Оппозиционно настроеных из числа начальников было немного — человек шесть-семь. Но и этого было вполне достаточно для того, чтобы Смирнов оставил свою затею. Он решил противопоставить гапоновцам более послушную организацию и сговорился с зубатовцем М. Ушаковым, одним из организаторов «Общества взаимного вспомоществования рабочим механического производства», об открытии отделения этого «общества» на территории завода. Осенью 1904 года в путиловском театре, по Шелкову переулку, состоялось открытие отделения «общества» и началась вербовка. Ее производили представители низшей администрации — надежные мастера и старшие. Одним из рьяных вербовщиков в ушаковский союз был мастер вагонного цеха А. Тетявкин.

В ушаковское «общество» рабочие не шли. Нарвский отдел гапоновского «Собрания» тем временем разрастался, превращаясь против воли руководителей в политический клуб.

В стране росло революционное настроение. Недовольство войной все возрастало. В сентябре произошли волнения среди запасных солдат. В городах подымалось мощное движение рабочих.

Все эти события горячо обсуждались на собраниях гапоновского общества. На заводах говорили о политических демонстрациях.

Боясь, что движение пойдет мимо «Собрания», Гапон 28 ноября созвал своих «штабных» — по два человека от

района. Основным был вопрос о возбужденном состоянии рабочих Петербурга. Гапон выдвинул идею «мирного шествия» к царю с просьбой. Это был полицейский, провокаторский план — вызвать расстрел рабочих, одним ударом разгромить растущее рабочее движение. По предложению Гапона, шествие было назначено на 19 февраля 1905 года — день «освобождения» крестьян.

В конце декабря пришло известие о падении Порт-Артура и гибели тихоокеанской эскадры. Небывалое поражение сильно пошатнуло положение царизма. Эти события на Дальнем Востоке с каждым днем все больше накаляли и без того накаленную атмосферу. Малейший толчок мог вывести из равновесия многомиллионные массы народа и вызвать мощное народное движение против векового гнета самодержавия.

Ленин внимательно следил за развитием политического кризиса в России. Еще до падения Порт-Артура Ленин писал, что «...война всего более разоблачила и разоблачает гнилость самодержавия..., всего более истерзывает и толкает на восстание исстрадавшиеся народные массы...» [1]

Ленин предсказывал:

«Военный крах неизбежен, а вместе с ним неизбежно и удесятерение недовольства, брожения и возмущения...

В этот момент одна из тех вспышек, которые все чаще повторяются то здесь, то там, поведет к громадному народному движению. В этот момент пролетариат поднимется во главе восстания, чтобы отвоевать свободу всему народу, чтобы обеспечить рабочему классу возможность открытой, широкой, обогащенной всем опытом Европы борьбы за социализм». [2]

---

[1] *Ленин*, Сочинения, т. VII, стр. 33.
[2] Там же, стр. 34.

ГЛАВА ЧЕТВЕРТАЯ

1905—1907

СМЕРТЬ ИЛИ СВОБОДА

У мастера Тетявкина была любимая поговорка: «Досыта у меня не накормишься, но и с голоду не подохнешь». Смысл этой поговорки хорошо чувствовали на себе рабочие деревообделочной мастерской вагонного цеха.

4 декабря, в день получки, рабочий Сергунин, узнав, что ему причитаются жалкие гроши, явился к мастеру за объяснением.

— Как работал, так и заработал, — отрезал Тетявкин и объявил Сергунину расчет за «неусердную работу».

Через три недели Тетявкин уволил еще троих рабочих — Субботина, Федорова и Уколова. Все четверо были членами гапоновского «Собрания».

— Идите в ваше общество, — сказал Тетявкин уволенным, — оно вам все сделает. И за прогул заплатит...

Увольнение взволновало рабочих вагонного цеха. В вагонных мастерских работало несколько социал-демократов. По их инициативе от имени вагонного цеха были выдвинуты требования: удалить Тетявкина и принять обратно уволенных. В других мастерских брожение пошло дальше. Кузница требовала устроить вентиляцию, артиллерийские мастерские — отменить сверхурочные и воскресные работы, паровозные цеха — уничтожить произвол мастеров. Мартеновцы, которым платили с пуда, были недовольны постоянными обсчетами. Везде заговорили о стачке. Необычайное брожение охватило двенадцать тысяч рабочих. Гапон направил уволенных с ходатайством к директору, а сам поехал к градоначальнику.

Не дожидаясь исхода переговоров, путиловцы собрались в «Старом Ташкенте». Явились не только члены «Собрания»,

но и рабочие, раньше никогда не ходившие сюда. Собравшиеся возбужденно обсуждали события. Предложение послать делегацию к Смирнову и предъявить решительные требования было подхвачено всей массой присутствующих. Делегация, двенадцать рабочих различных мастерских завода, была избрана. Уже никто не спрашивал — член ли общества избираемый или нет. В число делегатов попали большевики и среди них старый путиловец Василий Буянов. То, что гапоновцы тщательно оберегали — право на представительство от имени рабочих, было отнято у них сразу в первые же дни конфликта. Так рамки гапоновского общества взрывались движением. Руководители Нарвского отдела, напуганные неожиданно грозным движением рабочих, заговорили между собой:

— Если мы оставим уволенных на произвол судьбы, доверие к нашему «Собранию» навсегда и неизбежно поколеблется.

— Наше общество на краю пропасти, — говорил Гапон.

Социал-демократ Ребрантов от имени вагонщиков, которые чувствовали себя задетыми больше всех, предложил созвать общегородское собрание представителей рабочих всех районов Петербурга для того, чтобы обсудить путиловский вопрос. В помещении Василеостровского отдела, на 4-й линии, 27 декабря собрались представители одиннадцати отделов гапоновского общества — до трехсот человек. Пришли и работники социал-демократических организаций города, в том числе группа путиловских большевиков. После длительных речей принято было решение из пяти пунктов. Решение говорило о путиловском конфликте и предупреждало правительство «о ненормальных отношениях труда и капитала». Последний пункт звучал как решительный вызов: «Если законные требования рабочих не будут удовлетворены, то «Собрание русских фабрично-заводских рабочих» не ручается за спокойное течение жизни города».

По последнему пункту вначале разгорелись сильные споры. Большевики настаивали на немедленной забастовке в случае отказа администрации удовлетворить требования рабочих. Гапон возражал. Но увидев, что настроение большинства склоняется к принятию этого пункта, он, чтобы не терять авторитета, при вторичном голосовании поднял руку за стачку.

Для передачи требований собрание послало три депутации: к директору Путиловского завода, к старшему фабричному инспектору и к градоначальнику. Все три делегации

получили отказ. Градоначальник при этом потребовал прекращения «смуты» и пригрозил репрессиями.

На Путиловском заводе появились отряды конной и пешей полиции. Пешие были распределены в нескольких местах: в проходной конторе, в помещении путиловского театра, в конторе по делам рабочих и служащих. Конные стояли за забором около заводской больницы. Появление полицейских отрядов вызвало сильное возмущение путиловцев.

2 января в зал «Старого Ташкента» набилось до шестисот человек. Кроме путиловцев, явились резинщики, рабочие соседних заводов, пришла даже группа семянниковцев. Люди стояли в проходах. Один за другим выходили жестяники, котельщики, вальцовщики и говорили собранию о своей тяжелой жизни, «которая — одно сплошное мученье»:

— Ведь нас за людей не считают. Никогда мастер тебя по фамилии или по имени не назовет, а обязательно по номеру. Номер такой-то опоздал на работу — с него штраф... Не люди мы для них, а номера...

Пятидесятилетняя уборщица с Путиловского завода рассказала свою историю. Муж ее работал на заводе тридцать лет; после его смерти она осталась с тремя малыми ребятами. Заработок сорок копеек в день — десяти рублей в месяц не набегает; из них семь приходится отдавать за квартиру, на жизнь остается три рубля.

— Как собака должна я бродить по столовым и собирать объедки для своих детей...

Женщины плакали:

— Настал предел нашему терпению... Так дальше жить нельзя!

Сквозь толпу по узкому проходу к столу шел Василий Андреевич Шелгунов. Большие черные очки прикрывали его глаза. Он был слеп. Нащупав стол, он медленно и осторожно повернулся лицом к собранию.

Старый революционер Василий Шелгунов говорил путиловцам о жестокой правде рабочей жизни, о причинах зла и несправедливости. Все замерли, настороженно вслушиваясь в его слова.

Очередной оратор-большевик Александр Федоров, говоря о тяжелой жизни путиловцев, все сводил к одному: так — не только на Путиловском заводе, так — везде:

— Аппетиты хозяев ненасытны. Мало им своих трудящихся грабить, они суют лапы в чужие карманы. Ради кого

ведется война с Японией? Ради кого тысячи наших братьев гибнут на манчжурских полях? Царское правительство...

Настороженную тишину взорвали протестующие возгласы:

— Царя не трожь!

— Зачем политики касаешься?!

— Царское правительство... — с молодым задором продолжал оратор.

Его прервал председатель. От имени «Собрания» он попросил не касаться политических вопросов. Федоров продолжал речь. Однако теперь он сдерживал себя и старался царя не касаться.

Большевикам приходилось трудно. Своих рабочих еще кое-как слушали. Интеллигентам вовсе не давали говорить. Александр Харик, организатор городского района РСДРП пробрался вперед, быстро вскочил на стул и вытянул руку. Но едва успел сказать несколько слов, как его прервали:

— Долой! Не надо! Довольно!

— Гони студента! Чего ему от нас нужно?

Не дали договорить и выступавшей вслед за Хариком пропагандистке Жилевич. Помощник организатора ремесленной группы городского района Мендель Явич, человек уже немолодой, по виду рабочий, на некоторое время овладел вниманием аудитории. Но когда он предложил выйти завтра же с красными знаменами и потребовать от правительства политических свобод, председатель лишил его слова.

Часы шли за часами. Уже слышались возгласы о необходимости принять решение. Руководителям «Собрания» нечего было предложить, и они растерялись.

От имени рабочих вагонных мастерских выступил Ребрантов с предложением: завтра не приступать к работам, а собраться у заводской конторы и в последний раз потребовать у директора ответа. В случае отказа объявить забастовку.

Предложение было принято.

На утро 3 января путиловцы собрались в мастерских. Прогудел штрафной гудок. Рабочие деревообделочной побежали по другим мастерским снимать товарищей с работы. Пушечная снялась одной из первых. Инструментальная, лафетоснарядная, механическая вышли за ней. Остальные пришлось снимать. Подростки бегали из мастерской в мастерскую и радостно кричали:

— Бросай работу, забастовка!

В паровозомеханической работу бросили быстро. В кузнице и литейной послушались менее охотно, но тоже вышли почти все. В прокатке администрация приказала закрыть во-

рота мастерской, но это не помогло. К восьми часам стал весь завод.

Рабочие собирались у конторы. Подходили все новые группы, и скоро толпа заполнила площадку перед зданием. Люди старались держаться кучно, по мастерским, выдвигая вперед руководителей. В дверях показался директор Смирнов. Толпа затихла, подалась ближе. Смирнов, как всегда, смотрел поверх людей.

— Я со всеми разговаривать не намерен, — заявил он. — Выберите делегатов...

Ему ответили, что стоящие впереди — это и есть делегаты.

— Чего вы хотите? — спросил директор, не обращаясь ни к кому.

Передние заговорили наперебой. Начались беспорядочные пререкания между ними и Смирновым. В спор постепенно ввязывались новые люди. Когда подошел Иноземцев, которому было поручено передать требования рабочих, директор окончательно вышел из себя:

— Я здесь хозяин, что хочу, то и делаю!

Поднялся шум.

— Директору один Тетявкин дороже, чем двенадцать тысяч рабочих! — крикнул кто-то. — Ну, так пусть они вдвоем и работают.

Директор повернулся кругом и исчез за дверью. На его место выскочил Василий Буянов:

— Товарищи!

Люди насторожились. Буянов заговорил о произволе, эксплоатации, необходимости решительного отпора. Его голос слышали самые дальние. Он предложил избрать депутацию, предъявить директору свои требования и для поддержки этих требований поднять на ноги весь рабочий Петербург. Толпа ответила гулом одобрения.

За все время своего существования Путиловский завод впервые видел такое большое собрание рабочих. Впервые путиловцы так открыто и единодушно заявляли о своих правах и требованиях. Выбирая депутатов, все чувствовали значительность этой минуты; избранные были настроены торжественно, на них смотрели с уважением. В числе тридцати семи депутатов от разных цехов были большевики Буянов, Полетаев, Василий Орлов.

С утра следующего дня, 4 января, делегация занялась составлением требований. Одновременно путиловцы разошлись по заводам Петербурга, призывая рабочих присоединиться к их забастовке. Вечером делегаты явились к директору.

Среди них находился и Гапон. Смирнов встретил делегатов у заводской конторы. Рабочие предъявили требования:

1. Введение восьмичасового рабочего дня.
2. Работа в три смены.
3. Отмена сверхурочных работ.
4. Повышение платы чернорабочим: мужчинам с 60 копеек до 1 рубля, а женщинам с 40 копеек до 75 копеек в день.
5. Улучшение санитарной части на заводе.
6. Бесплатная врачебная помощь заводских врачей заболевшим рабочим.

Забастовка разрасталась.

«Начав стачку из-за защиты отдельных уволенных товарищей, рабочие перешли к широким экономическим требованиям», [1] — писал Ленин о путиловской забастовке.

В этот же день по галошным цехам Резиновой мануфактуры пронеслись взволнованные возгласы:

— Путиловцы идут!

Галошницы с уважением смотрели на путиловцев, несмело шептались между собой, косились на начальство, не решаясь бросить работу. Тогда путиловцы остановились и в одном из цехов устроили митинг. Митинг был разогнан, и снять в этот день Резиновую мануфактуру не удалось. Но появление путиловцев произвело на резинщиц большое впечатление. О путиловской стачке заговорили во всех мастерских, по рукам пошел подписной лист, по которому на помощь бастующим рабочим было собрано сорок два рубля шестьдесят семь копеек.

Путиловцы побывали на Франко-русском заводе. В проходной им пришлось прорываться сквозь строй сопротивлявшихся сторожей. Путиловцы шли из цеха в цех, повсюду выключая станки. Собрался двухтысячный митинг. «Поддержать забастовку Путиловского завода! Требовать введения восьмичасового рабочего дня» — решили рабочие Франко-русского завода.

К концу дня завод стал.

Представители путиловцев 4 и 5 января побывали на Семянниковском, Александровском заводах, в мастерских Варшавской железной дороги, на фабрике Штиглица, на Екатерингофской бумагопрядильной мануфактуре. Везде рабочие присоединялись к путиловской забастовке.

---

[1] *Ленин*, Сочинения, т. VII, стр. 77.

В эти дни были выпущены две прокламации, обращенные к путиловским рабочим. Меньшевики выдвигали ряд экономических требований, стремясь локализовать конфликт, ограничить его рамками одного Путиловского завода. Политические требования меньшевистской прокламации не сопровождались призывом к действию и оставались поэтому пустой фразой. Большевистская прокламация призывала рабочих к определенным, решительным и организованным действиям. Петербургский комитет большевиков выдвигал задачу: расширить путиловский конфликт, превратить его в дело всего петербургского пролетариата:

«Нам нужна политическая свобода, нам нужна свобода стачек, союзов, собраний; нам необходимы свободные рабочие газеты. Нам необходимо народное самоуправление (демократическая республика)...

Товарищи! Не отступая от наших требований, мы должны предъявить новые требования. Пусть соберутся представители от всех цехов и сообща обсудят: чего нам нужно теперь требовать. Пусть они обратятся к рабочим других заводов и предложат им забастовать и вести борьбу вместе с нами.

Да здравствует стачка!

Да здравствует борьба за освобождение рабочего класса».[1]

Представитель путиловской большевистской организации побывал в городе. На конспиративной квартире он получил несколько пачек листовок и указания, как действовать большевикам. Привез листовки в район, к ожидавшим его товарищам. Листовки разошлись по рукам. Заводские мальчики разбрасывали прокламации по коридорам старых домов Нарвской заставы.

В четверг 6 января с утра отдел был полон. Гапон явился поздно вечером. Глаза его блестели. Он рассказал о том, что депутаты были в правлении общества Путиловских заводов, у министра юстиции и у градоначальника и везде требования путиловцев встретили отказ.

— Все законы попраны! — исступленно восклицал Гапон. — Правды искать негде! Чиновники-казнокрады, судьи неправедные и капиталисты, жадные до прибылей, каменной стеной окружили трудовой люд, и нет ему ни пути, ни выхода... К кому же нам теперь итти?

Горящим взором он обвел собравшихся. Человек исключительного честолюбия, лицедей по природе, «чортов поп»,

[1] Листовки петербургских большевиков, т. I, стр. 152—153.

охранник — он, как бы задыхаясь от огромного волнения, продолжал:

— Все мы дети одного отца — царя. Пойдем прямо к царю. Расскажем ему все... Он поймет...

Выход, казалось, был найден:

— К царю! К царю!

Образ царя из старинных сказок, доброго и милостивого, который жалеет свой народ, но от которого министры и чиновники прячут правду, засиял перед людьми как последняя надежда. Вчерашние тверские, новгородские, псковские крестьяне — сегодняшние кузнецы, молотобойцы, вальцовщики, они потянулись к Гапону, вождю в рясе, с крестом на груди. Нарвский отдел постановил: «Собравшись вместе, в воскресенье отправиться к Зимнему дворцу и подать царю петицию».

План Гапона был принят. Люди, принимавшие его, не подозревали чудовищности этого провокаторского плана Гапона. «Гапон взялся помочь царской охранке: вызвать расстрел рабочих и в крови потопить рабочее движение». [1]

Обсуждение петиции происходило в «Старом Ташкенте» беспрерывно в течение трех дней, вплоть до субботы 8 января. Густая толпа окружала стол, стоя на котором читали петицию:

«Государь!

Мы, рабочие и жители г. С.-Петербурга разных сословий, наши жены, дети и беспомощные старцы-родители, пришли к тебе, государь, искать правды и защиты. Мы обнищали, нас угнетают, обременяют непосильным трудом, над нами надругаются, в нас не признают людей, к нам относятся, как к рабам, которые должны терпеть свою горькую участь и молчать.

Мы и терпели, но нас толкают все дальше в омут нищеты, бесправия и невежества; нас душит деспотизм и произвол, и мы задыхаемся. Нет больше сил, государь. Настал предел терпению...»

В петиции перечислялись меры, с помощью которых царь мог бы «излечить раны народа».

Эти меры делились — на меры против невежества и бесправия русского народа, меры против нищеты народа, меры против гнета капитала над трудом. Петиция требовала свободы и неприкосновенности личности, свободы слова, пе-

---

[1] История Всесоюзной Коммунистической партии (большевиков), Краткий курс, 1938, стр. 55.

чати, собраний, свободы совести, равенства всех граждан перед законом, амнистии политическим заключенным, отмены косвенных налогов и замены их подоходным, отмены выкупных платежей и передачи земли народу, введения восьмичасового рабочего дня, свободы стачек, свободы профессиональных союзов, охраны труда.

Требования петиции в той или иной форме отражали социал-демократическую программу-минимум. Большевики не раз выдвигали их в многочисленных прокламациях, брошюрах, в своих выступлениях на собраниях рабочих. Рабочие включали эти требования в петицию под влиянием большевиков. Это показывало, насколько глубоко проникли в сознание рабочей массы социал-демократические лозунги, насколько они были жизненны и насущны. Петиция, по выражению Ленина, показывала «... чрезвычайно интересное преломление в умах массы или ее малосознательных вождей программы социал-демократов».[1] Выступая на собраниях, большевики предупреждали рабочих, что царь будет стрелять в ответ на их просьбы. Свободу завоевывают силой, с оружием в руках, а не просьбами.

Рабочие приходили, как это было объявлено в приглашениях, расклеенных по всему району, с женами, детьми и престарелыми родителями. Слушали петицию, затем семьями продвигались к толстым конторским книгам, подписывались и, отходя, крестились:

— Теперь все в царской воле...

Когда обсуждали петицию, путиловские большевики предложили добавить два новых пункта: о прекращении войны по воле народа и передаче власти из рук чиновников в руки представителей народа, избираемых всеобщим голосованием. Эти требования РСДРП были приняты и также вошли в окончательный текст петиции.

Четвертый день стачки был решающим. Шестого января Васильевский остров погрузился в тьму; движение по конной железной дороге остановилось по всему Петербургу; прекратил работу городской водопровод. Забастовали Обуховский, Александровский заводы, остановились все фабрики Выборгской стороны, Резиновая мануфактура, заводы Васильевского острова, перестали работать типографии. К пяти часам вечера на Ижорском заводе в Колпине появилась делегация путиловцев. Они потребовали от Колпинского отдела гапоновского общества остановить завод.

[1] *Ленин*, Сочинения, т. VII, стр. 77.

Ленин писал: «Стачка, начавшаяся 3 января на Путиловском заводе, разыгрывается в одно из наиболее величественных проявлений рабочего движения». [1]

7 января забастовка превратилась во всеобщую, охватив свыше ста пятидесяти тысяч петербургских рабочих. Требования, выставленные путиловцами, были подхвачены всеми рабочими Петербурга.

В этот день на Путиловский завод прибыло два батальона пехоты. Батальоны пробыли на заводе одни сутки и затем по-ротно были уведены с завода. Люди, увлеченные гапоновским планом мирного шествия к царю, увидели в этом добрось предзнаменование: «царь милостив». На самом деле это было зловещим признаком готовящейся кровавой провокации.

8 января рабочий люд, от малышей до глубоких старцев, был на улицах. Люди взволнованно делились заветными мыслями о милостивом батюшке-царе.

В семь часов вечера в «Старый Ташкент» приехал Гапон. И хотя петицию уже все слышали, он взобрался на стол и в переполненной людьми комнате вновь прочитал ее. Он читал, как актер. После каждого пункта спрашивал:

— Нужно ли это вам, рабочие?

Со стоном и плачем толпа откликалась:

— Нужно!

Гапон поднимал кверху руку, как бы в знак клятвы, и за ним поднимались тысячи рук.

Гапон обманывал рабочих: на прямые вопросы — не встретят ли рабочих пулями, он отвечал, что шествие разрешено властями. В этот же вечер он послал телеграмму рабочим Ижорского завода: «Никакого оружия, никаких мер предосторожности. Градоначальник разрешил шествие».

Большевики в последний раз пытались повлиять на рабочих. Александр Харик предложил итти с красным флагом и превратить шествие в антиправительственную демонстрацию; женщин и детей оставить дома. Его не слушали. Гапон снова взошел на трибуну и в экстазе возгласил, что наступающее воскресенье будет для народа «воскресением из мертвых».

— Мы пойдем безоружными! Обещаете ли вы мне не брать с собой оружия?

— Обещаем!

[1] *Ленин*, Сочинения, т. VII, стр. 76.

Кто-то крикнул:

— Если найдутся люди, которые не будут помогать отцу Георгию, то им анафема!

— Анафема! — гулко отдалось в толпе.

В эту ночь рабочие не спали. Старая жизнь должна была завтра навсегда уйти в прошлое. С надеждой и страстью повторяли взволнованные люди слова своей петиции: «У нас только два пути — или вперед, к свободе и счастью, или назад — в могилу». По одному из этих путей должен был завтра направить их царь.

— Смерть или свобода, — говорили друг другу.

Некоторые руководители гапоновского «Собрания» положили в карманы себе записки с указанием фамилий и адресов — на случай смерти. Председатель всех отделов, рабочий Иван Васильевич Васильев, писал прощальное письмо жене:

«Нюша! Если я не вернусь и не буду жив, ты не плачь. Как-нибудь первое время проживешь, а потом поступи на фабрику и работай. Расти Ванюру и говори ему, что я погиб мученической смертью за свободу и счастье народа. Я погиб, если это будет верно, и за ваше счастье».

На квартире путиловских большевиков, братьев Волковых, собралось несколько молодых парней и девушек. Они разговаривали тихо. Девушки нашивали белые буквы на кусок красной материи. Разошлись поздно, крепко пожав друг другу руки.

В этот день Петербургский комитет большевиков предупреждал в своей листовке рабочих:

«...Свобода покупается кровью, свобода завоевывается с оружием в руках, в жестоких боях. Не просить царя, и даже не требовать от него, не унижаться перед нашим заклятым врагом, а сбросить его с престола и выгнать вместе с ним всю самодержавную шайку — только таким путем можно завоевать свободу... Освобождение рабочих может быть делом только самих рабочих, ни от попов, ни от царей вы свободы не дождетесь. В воскресенье, перед Зимним дворцом, если только вас туда пустят, вы увидите, что вам нечего ждать от царя...».[1]

Но вера в царя была пока еще крепка. Рабочие торжественно готовились к шествию. Из старых сундуков и комодов извлекали праздничное платье. Бани были переполнены до глубокой ночи. Матери мыли ребят и одевали их

[1] Листовки петербургских большевиков, т. I, стр. 158.

в чистое платье. Так бывало только перед рождеством и пасхой. Встречаясь на улицах, люди останавливали друг друга, долго и тихо беседовали, говорили:

— Святая ночь.

Наступило раннее утро. И тогда со всех сторон поползли тревожные слухи.

Еще накануне город был разбит на восемь участков, и в каждом разместили войска — пехоту, конницу, артиллерию. Полуторамиллионная столица была отдана во власть царских генералов во главе с дядей царя — великим князем Владимиром. Они готовили кровавую расправу над обманутыми, безоружными рабочими. На совещании генералы обсуждали подробную «диспозицию» расправы. За ночь Петербург превратился в военный лагерь. По улицам разъезжали конные патрули; к заставам из центра стягивались войска. Нарвские ворота охранялись эскадроном конницы и пехотой.

Модельщик Сокуринский, которого Гапон послал за крестом, слез у Нарвских ворот с конки и подошел к солдатам.

— Что, братцы, стрелять будете?

— Проходи, проходи! Потребуется — будем.

Сокуринский вернулся и передал ответ солдат Гапону. Тот зажал ему рот рукой:

— Молчи, не твое дело!

Гапон был бледен, возбужден. От него не отходили члены его «штаба». Эсер Рутенберг, начальник инструментальной, допытывался, какой у Гапона план шествия. Никакого плана не было.

Крестясь, рабочие начали выстраиваться на Петергофском шоссе. Около двенадцати часов шествие тронулось. Впереди шел старый пильщик деревообделочной мастерской Прокофий Лаврентьев. Благоговейно нес он в руках царский портрет в широкой раме. Несколько стариков помогали ему, поддерживая тяжелый портрет за углы. Рядом юноша нес икону Николая чудотворца. Колыхались золотые и серебряные хоругви, блестели образа. Впереди, между первым и вторым рядом, шествовал Гапон. В вытянутой руке он держал крест. Во внутреннем кармане его широкой поповской шубы лежали доверенность от рабочих и петиция, которую он должен был вручить царю. Рядом с ним, поддерживая его под руку, шагал Васильев. За ним — остальные руководители гапоновского «Собрания». Большевики Василий Орлов, Николай Полетаев, Василий Буянов, Максим Волков, Григорий Ханцев, Иван Андреев и другие шли в первых

рядах. Их было немного, горстка, но здесь были почти все члены организации.

Толпа двигалась медленно. К ней примыкали новые и новые люди. Сбоку бежали ребятишки. Их удерживали за руки, заставляли итти чинно. Шествие растянулось далеко, казалось на несколько верст. Несмотря на мороз, шли обнажив головы. Пели: «Спаси, господи, люди твоя и благослови достояние твое...»

Таким могучим хором эту молитву пели за Нарвской в первый и последний раз. Городовые снимали шапки и крестились. Сбоку ехал отряд казаков. Казаки чувствовали себя растерянно, не зная, что делать; некоторые из них уговаривали толпу вернуться, другие грозили нагайками.

Рабочие, жены рабочих, дети шли и пели. Чем ближе подходили к Нарвским воротам, тем громче пели. Ворота были уже совсем близко. Оставалось еще каких-нибудь триста-четыреста шагов. На мостике через Таракановку и по сторонам его виднелась серая изгородь солдат. За воротами, в глубине площади, были тоже солдаты. Впереди, с шашками наголо, на белых конях гарцовали гренадеры. Колонна на мгновение замешкалась. Передние хотели было свернуть в боковую улицу, но, чуть дрогнув, колонна пошла прямо на солдат. Расстояние между ними все уменьшалось.

По мостовой навстречу колонне бежал низенький жандармский полковник. Он размахивал руками, что-то кричал. Слов его не было слышно.

Полковник свернул на тротуар, сделал знак рукой в перчатке. И сразу же с гиком, улюлюканием из-за ворот выскочил отряд конницы и карьером понесся на толпу.

— Направо! — крикнул кто-то.

Колонна подалась направо. Гренадеры проскакали до самого конца шествия, повернули назад. Стоявшие возле мостика солдаты держали ружья наперевес. Это были две роты Иркутского полка. Только накануне их пригнали из Пскова, и о том, что делается в городе, они не знали.

Передние ряды шествия остановились — дальше итти было некуда. Вся необозримая многотысячная толпа пела. Пели так громко, что почти никто не слышал, как горнист заиграл в сигнальный рожок. А кто слышал, не обратил внимания. Лишь те, кто служил в солдатах, поняли сигнал. Раздались возгласы:

— Ложись, стрелять будут!

Прогрохотал залп...

Иван Васильев выпустил руку Гапона и повалился. Пять

пуль попало ему в лицо. Упал один из хоругвеносцев. Упали все шедшие в переднем ряду, и нельзя было сразу понять — кто убит, кто лег, спасаясь от пуль.

Человек с иконой бросился вперед.

— Что вы делаете? — кричал он солдатам. — Разве можно стрелять в крестный ход?

Пуля сразила его.

Снова рожок — и снова залп.

Обезумевшие люди бросились в сторону, сбивая друг друга с ног. Когда стрельба прекращалась, многие упавшие вскакивали, стремглав бросались прочь. Тогда снова раздавался залп. Пули настигали их. Они снова падали на грязный снег, по которому расплывались багровые пятна крови. Так повторилось несколько раз.

Многоголосый крик боли и ужаса стоял над площадью.

— Трусы, куда бежите? — истерически кричала женщина, прижавшись к телеграфному столбу.

Сраженная пулей, она, как подкошенная, рухнула под ноги бегущим.

На площади оставались только мертвые и раненые.

Через несколько минут по шоссе понесли раненых и убитых. Раненые метались, стонали. Рабочие останавливали проезжавших крестьян, клали раненых на дровни, везли в больницу. Народ, который полчаса назад с крестами и иконами шел ко дворцу за царской милостью, теперь отнимал у полицейских своих покойников, срывал погоны с проезжавших офицеров, выбрасывал из пролеток седоков в мехах и на их место бережно сажал товарищей, раненных пулями царских палачей.

Путиловцы, пробравшиеся в город, видели расстрелы в других местах. Стреляли у Полицейского моста, на Дворцовой и Казанской площадях, близ Троицкого моста, за Невской заставой. Самый страшный расстрел произошел у Зимнего дворца. На Васильевском острове выросли баррикады. В стене разгромленной оружейной мастерской чернели дыры разбитых окон.

«Рабочий класс, — писал Ленин, — получил великий урок гражданской войны; революционное воспитание пролетариата за один день шагнуло вперед так, как оно не могло бы шагнуть в месяцы и годы серой, будничной, забитой жизни». [1]

Изменившимися возвращались люди в свои нищенские

---

[1] *Ленин*, Сочинения, т. VII, стр. 79.

хибарки, в знакомую и проклятую обстановку, от которой пытались сегодня уйти навсегда. Они избегали смотреть друг другу в глаза. Казалось, им было стыдно своей веры, только что расстрелянной и растоптанной с такой холодной и расчетливой жестокостью.

Старшой на мартенах Александр Дмитриевич Шубин, отсталый и богомольный человек, всегда был ярым защитником царя и церкви. Придя домой, он долго сидел за столом в тяжелом и мрачном раздумье, утоляя свое горе вином. Блуждающими глазами окинул он комнату. Взгляд его остановился на портрете царя, висевшем на стене в богатой раме. Шубин пристально посмотрел на него. Поднялся, сорвал портрет, бросил себе под ноги. Жена кинулась к нему:

— Что ты делаешь?

Не отвечая жене, Шубин растоптал раму, разорвал портрет.

— Вот тебе, кровопийца! Мы к тебе за хлебом, а ты вот как нам ответил...

Он смотрел уже на портрет наследника.

— И ты такая же подлая душа будешь?

Сорвал и его. На стене остался еще Иоанн Кронштадтский.

— И ты, верно, благословлял их!

Многие срывали со стен царские портреты:

— Нет больше царя! Нет бога!

— Теперь у нас одна надежда: на самих себя.

Вечером за Нарвской было удивительно тихо. Кордон жандармов никого не пропускал в город. Городовые и дворники сгребали окровавленный снег, сваливали его в бочки и увозили.

С посеревшими лицами ходили из больницы в больницу люди, потерявшие в этот день родных и друзей. Напряженно вглядывались в лица трупов, ища родных. Раздавались стоны, проклятья, рыданья.

Большевика Максима Волкова нашли в покойницкой Алафузовской больницы. Над Максимом молча стояли два большевика, его братья — Семен и Алексей.

Слесарь Шура Буйко нашел в одной из больниц своего товарища Гришу Ханцева. У Гриши тоже была прострелена грудь. К вечеру его не стало.

Молодой социал-демократ Ванюша Андреев был доставлен домой с шестью пулевыми ранами. Родители похоронили его сами, и в списки убитых он не попал.

Полиция распорядилась не выдавать мертвых родствен-

никам. Торопясь, вороватo, в темноте, с вечера и до зари городовые развозили трупы по кладбищам и сваливали их в общие могилы. За Нарвской тайные похороны не удались. Через три дня после расстрела на Митрофаньевском кладбище собралась десятитысячная толпа.

— Шапки долой, палачи! — кричали путиловцы городовым.

На могильных крестах, поставленных в этот день, была одна и та же надпись:

«Невинно убиенный 9 января 1905 года».

БОРЬБА ПРОДОЛЖАЕТСЯ

Весть о расстреле всколыхнула всю страну. В городах рабочие бастовали, с возмущением протестуя против кровавого царского режима. Во многих местах происходили столкновения рабочих с полицией. Рабочие вооружались и с лозунгами «Долой самодержавие!» выходили на улицы. Повсюду предъявляли политические требования. Рабочее движение ширилось, и с каждым днем борьба принимала все более резкий и широкий характер.

В России началась революция.

Петербург был объявлен на военном положении. Сквозь плотный кордон полицейских нельзя было пробиться в город. Люди бродили по улицам заставы, толпились на перекрестках, тянулись друг к другу за сочувствием, искали совета, поддержки.

У «Старого Ташкента», поблескивая штыком, стоял часовой. Двери бывшего трактира были опечатаны и заколочены досками. По улицам то и дело проводили арестованных.

«Свирепая расправа со всеми недовольными сделалась лозунгом правительства после 9-го января».[1] Московский полицмейстер, генерал Трепов, назначенный генерал-губернатором Петербурга, получил диктаторские полномочия. В день своего назначения, 12 января, Трепов вызвал директора Путиловского завода. Он потребовал немедленно возобновить работы на заводе — главном очаге брожения в столице — и обещал обеспечить «спокойствие» войсками. Заводчикам и фабрикантам Трепов посоветовал пойти на некоторые уступки рабочим и предложил открыть заводы.

[1] *Ленин*, Сочинения, т. VII, стр. 96.

Заводчики ответили, что в лучшем случае к работе приступят не более двух третей рабочих. Трепов успокоил их:

— Остальных вышлю из города.

Забастовка в Петербурге понемногу затихала: сил было недостаточно. С 13 января один за другим заводы начали работать. Путиловский завод, первый начавший стачку, приступил к работе позже всех — 17 января. Двести рабочих не были допущены в цеха, среди них несколько социал-демократов. Одновременно, для того чтобы заставить рабочих забыть о расстреле, пустили в ход всевозможные средства воздействия. Дирекция объявила о выдаче пособий — по тридцать пять рублей на семью каждого рабочего, убитого 9 января. Сам палач — царь, «движимый чувством сердечного сострадания», назначил из собственных средств пятьдесят тысяч рублей для семей пострадавших петербургских рабочих.

За заставой появились прокламации:

«Царь дает 50 тысяч рублей на семьи убитых и раненых. Царь — убийца, Царь — Ирод, не нужна нам твоя фарисейская подачка! Эти деньги жгут, эти деньги покрыты кровью наших братьев, жен и детей. Отдай их своим слугам, своей верной челяди. Пусть пьют на них вино, играют в карты, покупают на них женское тело эти твои телохранители, твоя развратная, забывшая бога «священная дружина» — гвардейская сволочь! Махни им рукой самодержавной, они опять, пьяные, распутные, пойдут стрелять в народ, бить его и резать. Нам не нужны твои деньги. Да будут они прокляты! Да будет проклят тот, кто возьмет хоть одну монету из этой «царской милости!..». [1]

Вдовы погибших путиловцев с омерзением отказались от подачки царя.

В день начала работ директор получил извещение: Путиловский завод должен выделить двух депутатов в делегацию рабочих к царю. Это была затея Трепова, пытавшегося гнусной комедией приема рабочих царем сгладить впечатление от кровавой расправы. Директор выбрал двух пожилых богобоязненных рабочих: строгальщика Федора Дальгрина и литейщика Егора Образумова. К донесению об их «избрании» была приложена полицейская справка о благонадежности. Вечером «депутаты» были взяты на квартирах полицией и отвезены в охранку, где просидели до утра в одиночном заключении.

---

[1] «Красная летопись» № 4, 1925, стр. 248.

«Депутацию» петербургских рабочих, подобранную таким способом и заранее застращенную Треповым, повезли к царю «извиняться за расстрел». Царь обошел ряды депутатов, спрашивая у первого имя, у второго — фамилию, у третьего — губернию, у четвертого — завод, у пятого — снова имя и так далее. Потом по бумажке, запинаясь, прочел речь: «Я верю в честные чувства рабочих людей и непоколебимую их преданность мне, а потому прощаю им вину их».

Прием закончился лобызанием икон и обедом.

Дальгрину и Образумову на заводе не было проходу. Рабочие издевались над ними; те смущенно оправдывались, ссылаясь на совершенное над ними насилие. На костре, разведенном во дворе завода, были сожжены листки с текстом царской речи — их собрали со всех цехов. Молодежь пела «Варшавянку»:

> Мщенье и смерть всем царям-плутократам,
> *Близок победы торжественный час...*

25 января в четыре часа тридцать минут, за два часа до гудка, пушечная бросила работу. Группа токарей увлекла за собой остальных станочников. Большой толпой двинулись они к слесарям, к сборке, а оттуда всем цехом, тысяча человек, распахнув ворота, хлынули во двор. Раздался боевой возглас: «Да здравствует восьмичасовой рабочий день!».

Лозунг о восьмичасовом рабочем дне был самым популярным, его выдвигали в каждой прокламации Петербургского комитета РСДРП. В пушечной, одной из самых больших мастерских, рабочие поднялись первыми, пытаясь явочным порядком осуществить восьмичасовой рабочий день. Вслед за пушечной 26 января остановились еще семь мастерских.

Директор завода вывесил объявление. Он обещал рабочим принять обратно двести уволенных в связи со стачкой третьего января, устанавливал выборных по мастерским, повышал заработок чернорабочим и согласился еще на несколько второстепенных требований. Ввести же восьмичасовой рабочий день и увеличить расценки директор решительно отказался.

В ответ на объявление директора утром 28 января в механической мастерской зазвенели разбитые стекла — сигнал к остановке работ. Шестьсот рабочих вышли из цеха, разделившись на две неравных группы. Бóльшая двинулась прямо к вагонной, кузнице, котельной; меньшая повернула влево — к артиллерийским и паровозным мастерским. Лесообделочная и лесопильная поднялись легко: пильщики и

бревенщики считали себя зачинщиками всего движения — из-за них началась январская стачка. Рамщики остановили лесопильные рамы, бревенщики воткнули багры в колоды и двинулись к вагонным мастерским. Там уже самостоятельно прекращали работу.

Две тысячи рабочих шли уже по направлению к воротам, захватывая по пути встречные цеха. Лафетная и паровозомеханическая присоединились к вагонщикам. Вместе с рабочими ушли чертежники лафето-снарядной, но конторщики все до одного остались на месте. Чугунная и меднолитейная были сняты модельщиками. Веселые и шумные, они принесли с собою гладко обстроганные калабашки для остановки крана и пачки листовок. Крановщик поймал подброшенную калабашку, положил ее под колеса, спустился вниз, получил листовку и пошел вместе со всеми.

В пять минут опустела инструментальная мастерская.

Начальник мартеновской Олесинов с утра находился в цеху. Он стоял у печей, когда прибежали люди из холодных цехов и закричали мартеновцам:

— Эй, красноносенькие, бросай работу!

К Олесинову подошел Шубин, старшо́й на мартенах. Под впечатлением расстрела он был настроен воинственно:

— Как быть, Федор Васильевич? Не дадут работать...

— Весь завод бастует — бастуйте и вы, — ответил Олесинов.

Во время этой забастовки в цехах стали выявляться будущие черносотенные главари: в паровозосборочной — Сашка Половнев, в прокатке — Мишка Пименов, в мартеновской мастерской — Петр Озеров, в железнодорожном цеху — мастер Давыдов. В прокатке забастовщиков грозили сжечь, в котельной кое-где подымался ломик, в мартеновской швыряли кирпичи. Но черносотенцы пока больше огрызались и оказывали сопротивление только внутри мастерских.

Пока цех за цехом бросал работу, толпа в тысячу человек вышла за ворота. Подхватив призыв большевиков — поднимать всю заставу, путиловцы пошли снимать мелкие заводы. Силу своей организованности они почувствовали во время первой стачки и теперь постарались придать новой стачке общегородской размах. В то же время депутация представителей всех мастерских — человек тридцать — пошла к директору со спешно написанными требованиями. Директор вступил в переговоры:

— Вас мутят социал-демократы... Вы требуете смешанной комиссии для решения всех дел по заводу. Этак вы,

пожалуй, вздумаете сами определять процент прибыли для завода, а остальное делить между собой.

Кто-то ответил, что именно этого они и хотят.

— Так выходит, что вы хотите устранить администрацию и распоряжаться сами на заводе и, пожалуй, чего доброго, и меня захотите сместить?

— Это мы потом посмотрим, — сказали депутаты.

— Так вы и царя задумаете убрать?

— Ежели понадобится, отчего не убрать...

Директор нетерпеливо оборвал разговор.

Дневная смена, десять тысяч путиловцев, вышла на Петергофское шоссе. В разных местах огромной толпы над головами поднимали красные платки, нестройно пели «Марсельезу». Иногда раздавались короткие возгласы:

— Долой царя!

— Работать восемь часов!

— Мы хотим жить, как люди!

Учащиеся путиловской ремесленной школы, подражая взрослым, тоже забастовали. Накануне ученик старшего класса Вася Мещерский собрал группу товарищей, договорился о стачке. Они выработали свои требования: прекратить подзатыльники и затрещины, установить по специальности практику за станком, а не на побегушках у мастера, улучшить постановку преподавания. Как только рабочие вышли с завода, школьники присоединились к ним и рассыпались по заставе.

У шлагбаума большевистский оратор из города с мостика произнес короткую речь. Толпа разделилась. Одна часть лавой прошла по Петергофскому шоссе, отделяя значительные группы в боковые улицы и переулки на заводы и фабрики заставы. Другая направилась вдоль полотна железной дороги на предприятия Московского района.

В четыре часа дня забастовали рабочие Торгового порта, за ними ткацкая фабрика Чешера. На Александровском заводе шла агитация за забастовку. Путиловская стачка перебрасывалась и в другие районы Петербурга. На следующий день, 29 января, за Нарвской заставой остановились еще четыре предприятия.

Генерал-губернатор Трепов послал за Нарвскую войска. На улицах шли повальные обыски. Искали оружие и листовки, распространявшиеся ежедневно. Десятки рабочих попали в участок. Полиция произвела аресты, было взято несколько большевиков. Директор закрыл завод «впредь до особого уведомления».

Солдаты и конные городовые окружили завод, заставу и заперли все выходы в город. С утра пустили в ход нагайки; толпы путиловцев разбегались, но собирались вновь. Рабочие упрекали стоявших у завода солдат Преображенского полка в измене народу.

На валу у железной дороги собрался митинг. Выбрали депутатов для нового обхода фабрик и заводов Петербурга, с призывом о поддержке бастующих путиловцев. В ответ рабочие других заводов присылали своих уполномоченных, и те прямо на улицах раздавали мелкими суммами деньги, собранные для путиловских стачечников. Настроение путиловцев оставалось боевым. Рабочие и не думали о том, чтобы кончать забастовку. Доказывали друг другу, что стоит еще продержаться немного — и директор вместе с правлением сдадутся. Время горячее, заказов в связи с войной много, каждый день забастовки приносит заводу огромные убытки.

Напротив завода, на заборе кем-то было наклеено рукописное воззвание: «Держитесь! Капиталистам, теряющим прибыль, самим невыгодна забастовка — они согласятся и на восьмичасовой рабочий день». Полицейские старательно соскабливали воззвание шашками.

Ведомства — военное, морское и министерство путей сообщения — требовали выполнения заказов в срок. Рапортуя о ходе выполнения заказов, путейский инженер Добротворский, казенный приемщик на Путиловском заводе, писал: «За неоказание помощи утопающему виновный в том несет наказание в уголовном порядке, также за несоблюдение военной тайны судится военным судом, но не может быть сомнения, что виновные в противодействии срочному исполнению заказов для военного времени должны тому же подвергаться...» [1]. Ретивый монархист, инженер Добротворский доказывал необходимость более систематических и массовых карательных мер по отношению к рабочим. Он отвергал только «расстреливание залпами по толпе рабочих» как меру, не достигающую цели.

Директор Смирнов, наученный упорством рабочих, изменил тон — он уговаривал путиловцев приступить с 1 февраля к работам. Разрешил выборы старост по закону, опубликованному еще в 1903 году. Обещал к воскресенью 6 февраля приготовить все необходимое для выборов: именные списки, избирательные листки, баллотировочные ящики.

[1] Архив Народного Хозяйства, Фонд министерства путей сообщения, 1905, д. № 271.

Путиловцы пришли на завод только в воскресенье 6 февраля для выборов старост. Администрация приготовилась: начальники мастерских с утра находились в своих конторках, Смирнов пришел раньше всех. Смотритель Чачи разослал своих людей по всем мастерским. Наряд полиции на заводе был удвоен. Но «беспорядков» не произошло: рабочие мирно обсуждали кандидатуры, писали на записках фамилии, по очереди опускали в деревянные закрытые ящики с прорезью на крышке. В тот же день шестьдесят пять старост, среди них одна женщина — работница службы главного механика, собрались в шрапнельной мастерской. Обсуждался вопрос: начинать ли работу 7 февраля, или бастовать дальше. Настроение было тяжелым, голод и усталость давали себя знать, и многие предложили сделать передышку. После долгих споров решили предъявить директору требования и поступить в зависимости от ответа, а до тех пор — работать.

На следующий день, с утра, старосты обходили рабочих своих мастерских и говорили с ними об их нуждах. Затем собрались на совещание. Выработали двадцать два требования. Листок с этими требованиями делегаты, пять человек, отнесли в директорский кабинет и заявили, что ответ они хотят получить в кратчайший срок. Смирнов на следующий же день вывесил объявление. В нем перечислялись требования и против каждого стоял ответ. Директор попрежнему отказывал в главном: в восьмичасовом рабочем дне, в отмене сверхурочных, в повышении оплаты чернорабочим. Он отказывался уплатить за забастовочные дни по среднему заработку. Остальные, менее существенные требования директор обещал удовлетворить. Старостам он запретил собираться.

Настроение путиловцев продолжало оставаться боевым. Большевистская газета «Вперед» отмечала упорство путиловцев в их борьбе с хозяевами завода:

«Директор Смирнов угрозой расчета принудил всех рабочих дать подписку, что согласны работать на условиях, данных директором, без удовлетворения требований рабочих. И, чтобы не лишиться возможности внутри стен завода продолжать начатое дело, т. е. стачку, все поголовно дали подписку. Это сделано во избежание междоусобицы. Стачки же продолжать решено общими голосами два раза в месяц и этим путем добиваться поставленных требований. Два раза в месяц делать стачки, это не отзовется на благосостоянии рабочих, а заводу будет чувствительный урон, и самолюбие

Смирнова должно стушеваться и притти в равное состояние самолюбию рабочих».[1]

Боевое настроение путиловцев было показательным для петербургского пролетариата. Так же как на Путиловском заводе, забастовки следовали одна за другой на всех крупных предприятиях столицы.

Вслед за Петербургом поднималась вся страна. Начиная с 10 января телеграф ежедневно приносил известия о новых мощных стачках. Правительство, напуганное широким размахом забастовочного движения, не прекращало репрессий, но одновременно пошло по другому пути. 29 января была учреждена «Комиссия для безотлагательного выяснения причин недовольства рабочих» под председательством сенатора Шидловского, а на 13 февраля были назначены выборы в нее от рабочих. Это была попытка ценою посулов приостановить дальнейший рост революции, успокоить волнения.

Петербургский комитет РСДРП, узнав об организации комиссии, немедленно собрал районных представителей и подробно разъяснил позицию партии: комиссия — правительственный фокус, гнусная зубатовская комедия, толку от нее не может быть никакого. Нужно отказаться от участия в ней, добиться ее полного разоблачения. Но выборную кампанию надо использовать в агитационных целях: для выработки своих требований, для сплочения пролетариата, для разоблачения царской затеи.

Перед большевиками стояла задача — провести на предвыборных рабочих собраниях свои резолюции и добиться нужного состава выборщиков. Им приходилось жестоко бороться с меньшевиками, которые во главе со своим районным организатором Сомовым делали все, чтобы сорвать революционные выступления путиловцев.

Меньшевики в этот период в Петербургский комитет РСДРП не входили. Они объединились в так называемую «Петербургскую группу при ЦК» и продолжали свою раскольничью деятельность, дезорганизуя рабочих, пытаясь отвлечь их от революционной борьбы. Меньшевистские ораторы с пеной у рта доказывали, что участие рабочих в комиссии положит начало «организационному сплочению рабочих масс».

Либералы, так же как и меньшевики, прикрываясь маской

---

[1] «Вперед» № 11, 10 (23) марта 1905 г.

друзей рабочих, хотели использовать борьбу рабочих против царской комиссии в своих целях.

Действовал в связи с выборами в комиссию Шидловского и директор завода Смирнов. Неожиданно для рабочих он объявил о том, что рабочие каждого цеха должны выбрать по одному человеку — это и будут выборщики. Директор надеялся провести своих кандидатов или просто темных, несознательных рабочих, которых можно запугать или подкупить. План директора удался. Собранием руководили верные ему люди, которые постарались обеспечить нужный состав.

В одиннадцатом номере большевистской газеты «Вперед» была напечатана корреспонденция, посвященная выборам в комиссию Шидловского на Путиловском заводе. О подстроенных Смирновым выборах в корреспонденции говорилось так:

«Первые 34 человека, выбранные в комиссию Шидловского, были подкуплены директором завода. Один же из них оказался честным человеком и выдал польстившихся на предложенные по сто рублей на человека, назвав их негодяями, продавцами своих собратьев-тружеников, с которых, как и с них же, дерут последние облачения тела, т. е. кожу, в которой они появились на свет».

Под давлением рабочих Смирнов вынужден был отменить выборы и назначить новые.

13 февраля, в воскресенье, путиловцы снова собрались для избрания выборщиков в комиссию Шидловского.

Голосовать в этот день не пришлось. Народу явилось немного, да и обсуждение требований затянулось до позднего вечера. Требования эти, говорившие о восьмичасовом рабочем дне, о свободе печати, совести, собраний, об освобождении арестованных, публичности заседаний комиссии, были взяты из большевистской прокламации, распространявшейся накануне по заводу.

В понедельник не работали весь день. По цехам происходили выборы. Избрали двадцать шесть представителей. Большевиков среди них не было. Согласно правилам, в выборщики могли быть избраны лишь проработавшие на заводе не менее года. Почти все активные большевики — Полетаев, Буянов, Домбровский и другие — поступили на завод в 1904 году. Молодежь до двадцати пяти лет могла выбирать, но не имела права быть избранной. Тем не менее, выборщики в вопросе об участии в комиссии поддерживали

большевиков. Мнение большевиков стало общим мнением путиловцев.

16 и 17 февраля, на общегородских собраниях выборщиков, представители рабочих предъявили Шидловскому свои требования. Царский сенатор, как и следовало ожидать, ответил, что требования эти не могут быть удовлетворены, так как выходят за пределы задач комиссии. Осуществляя линию большевиков, выборщики отказались разговаривать с царским сановником. Рабочие Петербурга поддержали своих делегатов дружной массовой забастовкой протеста, продолжавшейся три дня — до 22 февраля.

Большевистская тактика — использовать выборы в агитационных целях и разоблачить «комиссию государственных фокусов» — полностью оправдала себя. Царь, увидев провал своей затеи и испугавшись протеста рабочих, распустил комиссию.

В январе и феврале путиловцы бастовали тридцать дней. Истощенные двухмесячной нуждой, они весь март работали без перерыва. Началась упорная, глухая борьба с произволом в цехах. Ежедневно происходили столкновения с мастерами. Хозяйского шпиона, мастера из новомеханической Баумана, решили вывезти на тачке. Его схватили, но он вырвался и потом долгое время в мастерскую не ходил. Начальник механической Малис после январских дней, когда вся мастерская требовала его удаления, теперь окончательно осатанел. Рабочие заявили директору: «Если не уберете его, уберем сами».

Смирнов попросил два дня на размышление. Через сорок восемь часов Малис исчез с завода.

Многие мастера, не желая подвергнуться такой же участи, изменили свое отношение к рабочим. Мастер Зотов, сменивший Тетявкина, стал вежлив и предупредителен. Путиловцы работали спокойно, но чувствовалось, что скоро, собравшись с силами, они снова поднимутся на открытую борьбу. Чтобы предупредить новый взрыв рабочих волнений, на завод пригнали казаков. Казаки разъезжали по двору и по шоссе. Стоило только собраться группе в десять-пятнадцать человек, как раздавалось неизменное «расходись!», и казаки хлестали нагайками направо и налево.

Рабочие упорно добивались своего. Снова выплыл вопрос о старостах, и директор был вынужден разрешить выборы старост по всем мастерским. Старосты твердо заявили, что мирного сотрудничества рабочих с администрацией быть не может. Они стремились выйти за рамки ограничительных

правил, поставленных директором: собирались без его разрешения, отстаивали интересы рабочих по «увечным делам», вмешивались в работу комиссии мастеров и начальников, определявшей расценки. Между старостами и Смирновым происходили споры, обострявшиеся с каждым днем. Становилось очевидным, что борьбу надо вести по-иному. Директор не осуществлял даже тех предложений, с которыми соглашался.

Очередная катастрофа на заводе подтолкнула старост к тому, чтобы сложить полномочия.

В корабельной мастерской достраивали миноносцы «Доброволец» и «Москвитянин». Начальство, наверстывая время, потерянное заводом на забастовках, согнало в корабельную свыше тысячи рабочих. В двадцатых числах марта кран, грузоподъемностью в триста пудов, поднял триста сорок пять пудов и немного покривился. Его не ремонтировали. Попрежнему кран ходил над головами работавших на миноносцах людей. 30 марта середину судов испытывали водой. Все рабочие находились на кормах. Перегруженный кран обрушился прямо на них. Только через полчаса его приподняли особыми приспособлениями. Пять человек были убиты на месте, двадцать пять ранены, из них тринадцать тяжело. Старосты явились за объяснением к Смирнову. Директор ответил:

— Подобные случаи на производстве неизбежны, никто в них не виноват. Неделю назад точно такое же несчастье случилось в Мадриде, и погибло там триста человек.

— Нам Мадрид не указ! — гневно возразили старосты.

Передавая ответ директора рабочим, они сказали:

— Администрация не дает нам исполнять наши обязанности. Мы отказываемся от своих полномочий.

Думая успокоить рабочих, Смирнов освободил их на два часа раньше и ровно к шести пригласил священника Павского для панихиды. Одновременно он потребовал из города, тоже к шести часам, отряд полиции.

Вслед за гонцом директора, в город спешил и другой гонец. Молодой путиловский токарь ехал за большевистским оратором.

Священник и полиция явились одновременно. Началась служба:

— Упокой, господи, новопреставленных рабов твоих...

Толпа зашумела.

— Какие рабы! — крикнул кто-то. — Не рабы они, а безвременные жертвы капитала.

Панихида еще не успела окончиться, как у сталелитейной начался митинг. Приехавший из города оратор говорил, что похороны должны стать демонстрацией протеста против гнета правительства и буржуазии, призывал к решительной борьбе за освобождение трудящихся.

Пристава, пробивавшегося к оратору, задержали. С оратора сняли шляпу и нахлобучили на голову картуз. Толпа кинулась к проходной конторе, сломала забор. Митинг продолжался и за воротами. Старик-рабочий взобрался на плечи товарищей:

— Кран свалился на моих глазах! Я все видел, все слышал!

Волнение мешало ему связно говорить. За ним выступил молодой токарь. И он сильно волновался: это была его первая речь в жизни:

— Товарищи! Нам руки ломают, ноги ломают, неужели не настал еще момент, когда путиловцы ответят на это дружно?

Инструментальщик Кузьмин успел произнести лишь несколько слов:

— Гибнут жертвы... Никакими молебнами здесь не поможешь, надо бороться!..

Кузьмина потащили полицейские.

Путиловцы разошлись по домам только после восьми вечера. За Нарвской заставой громко и мощно зазвучала рабочая «Марсельеза».

1 апреля хоронили одного из убитых при падении крана. Завод не работал. В церкви при отпевании было много городовых. Гроб сопровождала толпа путиловцев. На кладбище, в присутствии полиции, рабочие произносили речи.

В ответ на непрерывные волнения рабочих полицейские власти снова произвели за Нарвской массовые аресты и повальные обыски. На улицах рабочих окраин городовые и казаки устраивали облавы, останавливали каждого, ощупывали карманы, ища прокламаций и оружия. Вагонщики в самом начале апреля не досчитались семи товарищей. Несколько позже в один прием были взяты тридцать путиловцев, главным образом бывшие старосты и выборщики в комиссию Шидловского.

Полиция высылала из города передовых рабочих. Сотни путиловцев без предупреждения получили расчет, а директор Смирнов постарался, чтобы в Петербурге им невозможно было достать работу. Кроме того, к прежним четырем полицейским, содержавшимся за счет завода, он прнба-

вил еще двадцать, установив пять полицейских постов — у проходных и внутри завода.

Нужда загоняла рабочих в провинцию, в деревню. Куда бы ни приезжали путиловцы, они видели: везде и всюду народ выступал против царя. Пролетарские стачки и демонстрации поднимали на борьбу угнетенные массы. Стачки, охватившие в течение четырех месяцев 660 тысяч участников, превратились в мощное орудие борьбы с самодержавием. Солдаты, матросы, мелкая буржуазия, студенты, трудящиеся угнетенных национальностей — втягивались в борьбу. В губерниях центральной России, в Поволжье, на Украине, в Прибалтике и Белоруссии, в Польше и Литве крестьяне захватывали имения, забирали помещичий хлеб, угоняли скот, отказывались платить налоги, делили землю.

Революция нарастала. Рабочие и крестьяне России поднимались на своего исконного врага — царское самодержавие.

ОРГАНИЗАЦИЯ

После 9 января число большевиков на заводе возросло, влияние их усилилось. К ним обращались за советом и помощью в заводских делах, за разъяснением политических вопросов. Наиболее активные рабочие помогали делом. В феврале — апреле в лафето-снарядной, пушечной, паровозомеханической, новомеханической и литейной возникли большевистские группы. В каждую входило от десяти до пятнадцати наиболее передовых рабочих.

В лафето-снарядной тон задавали квалифицированные, развитые рабочие во главе с Полетаевым. Полетаев был одним из самых развитых большевиков на заводе. Он читал «Капитал», труды Ленина, произведения Плеханова, Чернышевского, Дарвина. На его аккуратной книжной полке рядом с легальными изданиями Маркса и Энгельса стояли Чехов, Гоголь, Тургенев, Гейне (приложения к «Ниве»). На квартиру к нему заходили товарищи по заводской организации, иногда работники Петербургского комитета. Обсуждали вопросы практической работы в массах.

Группа лафето-снарядной собиралась на квартире Филиппа Бодрова, старого социал-демократа, в девяностые годы участника кружка Ленина за Невской заставой. Народу приходило много — нехватало табуреток. Патрулей не выставляли, конспирацию соблюдали менее строго, чем год назад. В конце апреля, когда встал вопрос о проведении 1 Мая, районный комитет поручил группе устройство митингов.

День 1 Мая в 1905 году проводился под лозунгом смотра пролетарских сил перед будущим решительным выступлением. Бюро комитетов большинства, созданное Ленйным в противовес меньшевикам, захватившим в свои руки Центральный комитет партии, в своей первомайской прокламации призывало готовиться к вооруженному восстанию, ждать сигнала к решительному нападению на самодержавие. Призывая к свержению царизма, большевики выдвигали лозунг создания временного революционного правительства.

Во всех цехах распространялись прокламации Петербургского комитета РСДРП. В пушечной молодые большевики приходили рано утром, получали листовки у И. Д. Иванова, привязывали их пачку за пачкой ниточками к трансмиссиям. Когда трансмиссии начинали вертеться, ниточки обрывались и листовки стаей опускались на станки.

1 мая пришлось на воскресный день. Митинги в цехах поэтому надо было устраивать заранее. 29 апреля на квартиру Бодрова явился оратор — агитатор из Петербургского комитета РСДРП. Его переодели, провели в завод, и в седьмом часу вечера он с крыльца часовни сказал речь возвращавшимся со смены рабочим. Часовня стояла на бойком месте — между котельной и кузницей, недалеко от выхода. Потоки людей, идущих из разных мастерских, сливались у часовни. Крыльцо часовни было высокое, с него удобно было произносить речи. Но митинг кончился неудачно. Возле узких проходных калиток караулили шпики и полицейские. Оратора-студента узнали и арестовали. В тот же вечер у Бодрова собрались большевики лафето-снарядной и несколько представителей других групп. Решили завтра же устроить новый митинг.

30 апреля толпа рабочих, выйдя с завода, запрудила шоссе. На углу Богомоловской над головами поднялся человек в рабочей одежде. Он стоял на тумбе, его поддерживали справа и слева. Вскоре на перекрестке вокруг него скопилось много народу. Беспрерывно выходившие с завода рабочие останавливались, перебегали дорогу, присоединялись к толпе. Оратор выкрикивал:

— Каждая капля крови, пролитая 9 января, родила нового борца... Вслед за городом поднимается деревня... Близок решительный бой!.. Вооружайтесь! Объединяйтесь под красным знаменем Российской социал-демократической рабочей партии!

1 мая утром на шоссе вышли празднично одетые люди. Часть рабочих направилась в Екатерингофский парк, где по

традиции в этот день открывались гулянья. На шоссе было более людно, чем обычно, особенно у шлагбаума.

Ночью по заставе были проведены обыски и аресты. С восходом солнца выехали казачьи патрули. При малейшей попытке собраться, казаки разгоняли рабочих. На всех постах вместо одного городового стояли по два. В толпе вертелись шпики. Узнать шпика можно было по поднятому воротнику, по шмыгающему исподтишка взгляду. Заставские парни, улучив удобную минуту, хлестали шпиков проволочными кнутами с гайками на концах. К вечеру группа путиловцев, человек полтораста, направилась на массовку в другой конец города, за Неву. Массовку устроили совместно путиловские и охтенские большевики. Приглашали с разбором: кому можно давать прокламации в руки, того можно звать на массовку.

За Невою встречали пикеты. На крыльце одного из домов сидел человек и читал книгу в красной обложке. Его спрашивали:

— Где тут купить живого петуха?

Человек с книгой указывал, как пройти к следующему пикетчику.

Маевка происходила на лужайке в небольшой роще, стоявшей островком среди болота. Триста человек путиловских и охтенских рабочих сгрудились вокруг высокого пенька, с которого говорил оратор. В прежние годы собрать такую большую массовку было невозможно. На деревце развевался красный флажок. Голоса ораторов звучали громко, уверенно.

Полицейские после долгих поисков обнаружили место маевки. Патрульные быстро сообщили о их приближении. Полицейские, выйдя на лужайку, нашли только наколотую на ветку четвертушку бумаги с надписью: «Долой самодержавие!».

День 1 Мая по городу был отмечен митингами и массовками — так, как и призывал к этому Петербургский комитет большевиков. Большевики считали, что проведенный таким образом день 1 Мая сыграл свою роль в подготовке к будущим боям, и выдвинули задачу: еще упорнее продолжать подготовку к вооруженному восстанию, еще больше усилить связь с массами, еще сильнее крепить партийную организацию.

Руководители района в первые дни мая решили поднять в ближайшее время весь завод. Поводом послужило введение девятичасового рабочего дня на заводах морского

ведомства. В мастерских началась агитация. Рабочие заговорили:

— Мы тоже работаем на морское ведомство. Не забыли, небось, кран-убивец? И артиллерию тоже мы даем — на полигоне-то пушки палят. У нас день должен быть, как у обуховских...

В назначенный день мастерская за мастерской, за паровозомеханической — котельная, за котельной — кузница, прессовая, литейная, — почти весь завод, кроме мартеновской и прокатной, бросили работы на один час раньше обычного. Густая толпа направилась к выходу с завода. Полицейские на шоссе у проходных калиток внимательно следили за выходившими рабочими.

Несколько дней подряд уходили путиловцы с работы за час до гудка. Но долго это продолжаться не могло. Директор грозил расчетом. Добиться выполнения своих требований рабочие могли только большим открытым выступлением, и эти несколько дней показали, что почва для такого выступления есть.

Весь май и половину июня ни на день не прекращалось на заводе брожение. Каждый день возникали стычки с администрацией. В кузнице молотобойцы потребовали увеличить заработок и улучшить санитарные условия. Выслушав отказ, бросили работу. К ним присоединились кузнецы и чернорабочие. Стачка продолжалась пять дней, прекратилась, затем вспыхнула вновь. В мартеновской возник конфликт из-за обсчета рабочих. Мартеновцев, которые заработок получали с пуда, систематически обвешивали, считая вес болванки не шестнадцать с половиной пудов, как в действительности, а тринадцать с половиной. Проверка не удовлетворила мартеновцев. Они, каждый за себя, подали в суд и забастовали. В вагонной распространился слух о появлении мастера Тетявкина, удаленного после 9 января из цеха. Этого было достаточно, чтобы на один день стал весь завод.

Стачки в Петербурге перекатывались с завода на завод и все чаще кончались столкновением с полицией. В Лодзи дело дошло до баррикад. В Иваново-Вознесенске в ходе мощной забастовки возник один из первых Советов рабочих депутатов. На Кавказе, на Украине, в Прибалтике пылали помещичьи усадьбы. Вся страна была охвачена революцией.

В конце мая погиб русский флот у Цусимы. Большевики устроили митинг. Для оратора к самой заводской конторе подкатили железнодорожную платформу. Вокруг собралась тысячная толпа. Оратор начал с поражения русского флота:

— Вся страна, как эскадра Рожественского, идет на верную гибель под управлением Николая Кровавого. Царское правительство терпит поражение за поражением. Оно хочет расплатиться нашими жизнями. Оно готовит новую мобилизацию...

Царское правительство в конце июня подготовляло мобилизацию нескольких возрастов среди населения Петербурга. Оратор призывал энергично противиться мобилизации, объявить мощную стачку. Большевики организованно готовили эту стачку. В разгар подготовки пришло известие о восстании в Одессе на броненосце «Потемкин». Большевики устроили массовку в Полежаевом лесу и несколько митингов-летучек в цехах. Потемкинцам посылали приветствия, говорили о героизме матросов, восхищались ими. Восстание произвело большое впечатление на путиловцев.

Стачка-протест против мобилизации и войны началась 19 июня. Она получилась дружной и организованной. Перед выходом в мастерских устраивались митинги. Впервые в качестве ораторов начала выступать большевистская молодежь: Шура Буйко, Антон Васильев, Андрей Лавров и другие. Какой-то отчаянный парень ночью пробрался на завод, влез по скобам на самую высокую заводскую трубу и прикрепил на громоотводе красный флаг. Флаг был виден издалека и висел два дня.

Очевидно, боясь крупных выступлений рабочих, правительство не решилось провести мобилизацию в Петербурге. Стачка, поднятая большевиками на Путиловском заводе, длилась до конца июня, захватила июль. В ответ на нее путиловская администрация объявила локаут.

Все это время не прекращались массовые аресты. Большевистская организация завода была значительно ослаблена. Между тем, жизнь требовала усиления работы партии в массах. Перед руководителями путиловских большевиков встала задача: связать разрозненные цеховые группы и кружки в единую боеспособную партийную организацию.

Был образован районный комитет. В него вошли представители групп, организатор района и выделенные Петербургским комитетом пропагандист и агитатор. Это явилось началом перестройки большевистской организации района, которая продолжалась все лето.

Организатор района в своем отчете указывал:

«В период забастовки в районе функционировало 7 пропагандистских кружков с общим числом слушателей в 48 человек. Кружки эти мало отклоняются в ту или другую

сторону от среднего типа. Кроме того, был составлен, но не функционировал кружок высшего типа из 4 человек. Задача этого кружка — выработка из него членов-агитаторов...

Крупные размеры Путиловского завода заставили организаторов выработать план организации по мастерским. Во главе каждой мастерской решено поставить комитет, который будет заведывать всей работой в данной мастерской. План этот имеет неоценимые преимущества в смысле определенности, устойчивости и конспиративности организации, в смысле быстроты и единовременности распространения листовок, интенсивности завязывания и передачи связей. Перенос большей части работы с организатора на комитеты мастерских дает широкий простор для самодеятельности рабочих и для приобретения ими организационного опыта. Централизованность организации дает путь широкой осведомленности. По возможности, большинство комитетов мастерских соединяется районным комитетом.

План этот приведен в исполнение пока только в кровельно-жестяницкой мастерской. В комитете этой мастерской состоят 4 рабочих. Все они, разумеется, содействуют друг другу в исполнении принятых на себя функций, но один из них ответственен за организаторскую работу своей мастерской, другой за сношения с легальной районной библиотекой и за кассу, третий за хранение и распространение нелегальной литературы; предполагается сделать особой функцией одного из членов таких комитетов продажу в заводе легальных социал-демократических брошюр. Через два дня уже будет иметь место заседание пропагандистского кружка из 8 чел., организованного комитетом кровельно-жестяницкой мастерской.

Вполне намечены уже люди для таких комитетов в следующих 8 мастерских: пушечной, литейной, модельной, столярной, лафето-снарядной, корабельной, кузнечной и котельной, их достаточно только раз собрать.

Наш план организации принимается рабочими в высшей степени сочувственно, и, надо полагать, приведение его в исполнение не заставит себя долго ждать». [1]

К осени этот план, в основном, был проведен по всему заводу. Центр тяжести работы, таким образом, переходил непосредственно в мастерские, связь с массами укреплялась.

Примерно в одно время с организатором района Петер-

[1] ЦАР, Фонд департамента полиции, особый отдел, 1905, д. № 5, ч. I, лит. А.

У Нарвских ворот 9 января 1905 г.

С картины *И. Авилова*

бургский комитет прислал за Нарвскую заставу и помощника организатора. Это был высокий длинноволосый молодой человек, небрежно одетый, с редкой бородкой. Назвался он «Иваном Петровичем», настоящее же его имя было Борис Лунц. Сын известного московского врача, он сам готовился стать врачом, но с началом революции бросил учение и с головой ушел в партийную работу.

Явившись в район, он побывал у Полетаева, посетил квартиру Бодрова и стал проводить все время за заставой. Он познакомился с активными большевиками и вместе с ними горячо принялся за перестройку организации.

Начали подбирать людей. Полетаев, обладавший незаурядными организаторскими способностями, оказывал большую помощь: намечал кандидатуры, помогал собирать группы для обсуждения их, изобретал способы снабжения легальной и нелегальной литературой. В условиях забастовки работать было трудно — связь приходилось держать исключительно по квартирам. Иван Петрович быстро и прочно сжился с заставой. В рабочих квартирах он стал желанным гостем.

Меньшевики побаивались острой речи Ивана Петровича. На массовках, которые превращались в развернутые диспуты между большевиками, меньшевиками и эсерами, он показал себя как остроумный полемист и хороший оратор. Его прозвали «меньшевикоедом». Спорил он главным образом с интеллигентами и заядлыми меньшевиками-рабочими, вроде Серединина, Набокова — руководителями заводских меньшевиков.

На работу пропагандистских кружков обращалось особое внимание. В этих кружках по единому плану изучали основы марксизма, историю революционного движения, программу и устав партии. Руководили кружками интеллигенты. Летом 1905 года полиция особенно усердно охотилась за студентами и курсистками, появлявшимися в рабочих районах. Редко когда пропагандисту удавалось провести больше трех-четырех занятий. Но жизнь в кружках не замирала. Интерес к революционной теории у рабочих-большевиков был велик. Не ограничиваясь программой, слушатели оживленно обсуждали события, происходившие в стране. Везде говорили об одном — о дальнейших путях революции и задачах рабочего класса.

В Петербург уже дошли сведения о состоявшемся в Лондоне III съезде партии.

Ленин поставил в центр обсуждения съезда главные во-

просы революции: вопрос о вооруженном восстании и временном революционном правительстве, вопрос о крестьянстве.

Организатор района настоял, чтобы в кружках разбирались именно эти вопросы, обсуждавшиеся на съезде. Он подробно рассказывал путиловцам о разногласиях в партии, о линии Ленина, под руководством которого протекал съезд.

Съезд определил тактическую линию партии в развертывающейся буржуазно-демократической революции. Съезд установил, что в полной победе этой революции прежде всего заинтересован пролетариат. Союзником его может быть только крестьянство. Либеральная буржуазия старается сохранить царскую власть и будет стремиться к сделке с царизмом. Возглавив революцию, пролетариат должен изолировать буржуазию, обеспечить союз с крестьянством, организовать победоносное народное восстание против царизма. Победа в буржуазной революции обеспечит пролетариату условия для перехода к революции социалистической.

Прокатчик Василий Орлов, уже немолодой, многое видевший и испытавший, стремился понять окружающее поглубже. Он быстро разобрался в партийных разногласиях, ухватил главное и стал непримиримым противником меньшевиков. Занимался он в кружке пропагандиста «Германа», куда, кроме него, входили котельщики Тимофей Барановский, Павел Богданов и другие. «Герман» — Адриан Павлович Шоломович — был инженером путиловской лаборатории, жил в Емельяновке (редкость для инженера), хорошо знал рабочую среду. Опытный пропагандист, он сумел заинтересовать своих слушателей.

К осени число всех членов путиловской большевистской организации приближалось к сотне. Была организована районная боевая дружина. Решение об этом было принято районным комитетом на собрании, после доклада участника III съезда РСДРП А. М. Эссена («Бур»). Он говорил о двух линиях в революции. Первая — большевистская: немедленно приступить к подготовке вооруженного восстания для свержения самодержавия и установления революционно-демократической диктатуры пролетариата и крестьянства. Вторая — меньшевистская: отказ от руководящей роли рабочего класса в революции, отрицание его гегемонии, поддержка либеральной буржуазии. Давая решительный бой второй линии, нужно энергично проводить в жизнь первую. Восстание должно быть тщательно подготовлено технически: надо создать дружины, закупить оружие, основать мастерские для

изготовления бомб. Подготовка должна начаться немедленно. Выслушав доклад, собрание выделило для связи с боевой организацией Петербургского комитета Иосифа Домбровского.

Каждая большевистская группа послала в дружину одного-двух человек. От лафето-снарядной пошел Иван Севастьянов, от новомеханической — Петр Медведев, от литейной — Гуляев, от модельной — Наполеон Вандаловский и Федор Куксинский. Домбровский достал в Петербургском комитете револьверы. Дружинники знали, что бои, в которых им придется участвовать, могут вскоре начаться.

Путиловская организация готовилась к предстоящим боям.

ЛОКАУТ

В июне путиловские хозяева взяли еще более крутую и жесткую линию по отношению к рабочим. Правление общества Путиловских заводов назначило директором завода Белоножкина, который был известен как крайне жестокий администратор. Путиловские хозяева принадлежали к наиболее реакционным кругам русских капиталистов, тесно связанных с самодержавием. Зависящие от правительственных заказов, обогащаемые казенными миллионами, они мирились с «крайностями царизма», устранения которых в своих целях добивалась либеральная буржуазия. Путиловские акционерные тузы считали, что только самыми крутыми мерами можно успокоить рабочих. У проходных ворот построили бараки для казачьей сотни, на заводе появились солдаты, по заставе снова начались аресты.

Новый директор завода 21 июня вывесил объявление: если забастовщики немедленно не приступят к работе, то через две недели — расчет.

На следующий же день делегация рабочих заявила директору:

— Забастовка не кончится, пока не будут удовлетворены предъявленные требования.

Ежедневно, через полчаса после утреннего гудка, рабочие уходили с завода, не включив ни одного станка, не разогрев ни одной печи. Обходя мастерские, директор заставал везде неподвижные трансмиссии, брошенные на рельсах вагонетки, слышал посвистывание революционных мотивов и непочтительные по его адресу слова. Повсюду ему подавали листки с требованиями. Одним из требований было: «Уволить директора Белоножкина, деспота». В пушечной ему

кто-то незаметно вместе с листком сунул прокламацию. Белоножкин поморщился и, не читая, положил ее в карман.

Белоножкин твердо решил сломить упорство забастовщиков. Увольнения начались с кузницы: в конце июня получили расчет сто восемьдесят кузнецов, а пятого июля Белоножкин объявил локаут. Расчет путиловцев начался на следующий день в восемь утра.

Густая толпа собралась возле проходной конторы. По обе стороны шоссе вдоль тротуаров рабочие стояли шпалерами. Казачьи патрули разъезжали в этом живом коридоре, оттесняли людей в стороны. Мальчишки выскакивали вперед, потихоньку кололи лошадей иголками. Лошадь дергалась, казак озирался, грозил нагайкой, но виновника не находил. Отъезжая, он слышал свист.

Расчет продолжался три дня. Рабочий получал деньги и сдавал номер; он становился «свободным». Теперь он мог итти, куда хочет, и делать, что вздумается.

Куда бы ни шел «свободный» путиловский рабочий, везде он чувствовал ополчившиеся против него силы. Он шел в лавку Путиловского общества потребителей и видел там расклеенные на стене объявления. В одном говорилось о прекращении кредита в связи с расчетом. Другое предупреждало, что обращаться с просьбами о кредите к служащим лавок — бесполезно. Третье сообщало: «В связи с беспорядками на юге России, в частности в Одессе, подвоз сахара в столицу сократился, и сахар будет выдаваться только по фунту в одни руки». Третье объявление нисколько не печалило рабочего, наоборот, радовало — по всей стране идет упорная революционная борьба. Но первые два заставляли крепко задуматься.

Он шел искать заработка на другие заводы, но теперь везде особенно настойчиво требовали аттестатов с последнего места работы, и всюду он слышал ответ: «Путиловских не берем».

Рабочий приходил домой, где его уже поджидал хозяин квартиры. По всей заставе домовладельцы требовали немедленной уплаты за углы, комнаты, койки, угрожая выселением. Набитые битком квартиры Богомоловской, Елизаветинской, Новоовсянниковской улиц стали пустеть.

Рабочий был «свободен»: его освобождали от работы, от хлеба, от жилища, от всего, что необходимо для поддержки человеческого существования.

Белоножкин твердо вел свою линию. В дни расчета он собрал у себя в кабинете нескольких начальников цехов,

мастеров и инженеров, для того чтобы обсудить план дальнейшего наступления на рабочих — набрать «благонадежных» рабочих, с тем чтобы составить полные партии (бригады) — одну-две на каждую мастерскую; создать в районе отряд «Союза русского народа» («черной сотни»).

После совещания у Белоножкина начальник паровозосборочной Пузанов, бородатый мужчина в путейской форме, позвал к себе кладовщика Сашку Половнева для совета — кого приглашать, кого нет, и поручил ему набирать для подсобных работ деревенских с улицы.

Сашка Половнев, по прозвищу «Косой» или «Одноглазый», славился по заставе большой физической силой и ловкостью. Он был связан с уголовным миром, искал легкой наживы и презирал труд: все задатки будущего главаря бандитской шайки черносотенцев у него были налицо. Пузанов оценил эти качества Сашки Косого. Сын жандармского генерала приблизил к себе сына мясоторговца. Несколько дней подряд по утрам Сашка приходил к заводу и, высмотрев в толпе бородача в лаптях, отзывал его в сторону и давал записку к Пузанову.

Паровозосборочная частично заработала. Сашка расхаживал с револьвером по мастерской, по-хозяйски оглядывал работающих, хвастливо уверял:

— На-днях весь завод пустим. Крамольников уже убрали.

Он заглядывал в прокатку, в мартеновскую, в тигельную. Мастерские казались пустыми. Штрейкбрехеров было немного. Они создавали лишь видимость работающего предприятия. Завод дымил.

Рабочие, узнав о том, что в их среде появились штрейкбрехеры, на следующий же день, в шестом часу вечера, огромной толпой собрались у заводских ворот, чтобы достойно встретить предателей. В этот вечер за заставой били штрейкбрехеров.

На утро у заводских ворот стояли рабочие пикеты. Кроме большевиков, выделенных районным комитетом, здесь было много добровольцев. К началу работы собралась большая толпа. Мало у кого из штрейкбрехеров хватало смелости подойти к воротам; тех же, кто подошел, пикеты поворачивали обратно. Иногда при этом пускали в ход кулаки. Работа была сорвана. Калитки закрылись.

Днем районный комитет РСДРП собрал в березовой роще многолюдную сходку. Большевики призывали держаться до конца — дружно и организованно. Они рассказывали о героической стачке иваново-вознесенских рабочих, не сдающихся

уже второй месяц. Ивановцы создали Совет рабочих депутатов, объединяющий рабочих всех предприятий города. Организованность делает рабочий класс непобедимым. Организованности должны учиться путиловцы в теперешних трудных условиях.

За три недели с начала забастовки облик Нарвской заставы резко изменился. Раньше люди жили по гудку: в одни и те же часы вставали, шли на работу, обедали, возвращались домой. С точностью морских приливов и отливов толпа рабочих заливала шоссе и исчезала вновь. Теперь единый ритм жизни был нарушен. Рабочие бродили по тротуарам, сидели на скамейках и низких заборах, собирались группами на углах. Разговоры вертелись вокруг работы. Путиловцев не принимали даже в кустарные мастерские. Коекому удалось устроиться на поденку в порт, некоторые промышляли пилкой дров, очисткой улиц, мелким слесарным ремонтом. Имевшие праздничный костюм, зимнее пальто, самовар снесли их в ломбард. Из-за отсутствия покупателей на шоссе закрылось несколько молочных, галантерейных и обувных лавок. Исчезли карусели, петрушки, лотереи, действовавшие в праздники и в дни получек. Опустели трактиры, «лопнул» базар-получка. Даже уличные торговки перекочевали в другие районы. За Нарвской начиналась массовая голодовка. Но предложения отступить, стать на работу попрежнему вызывали сердитую отповедь.

Большевистская организация завода ни на один день не ослабляла своей работы. На массовках отбирали людей. С каждым говорили отдельно, давали мелкие поручения, снабжали литературой. Руководители районного комитета неустанно занимались злободневными, насущными вопросами заставской жизни. Как наладить рабочую взаимопомощь для того, чтобы продержаться как можно дольше? Как лучше сплотить многотысячную массу путиловцев, чтобы она не рассыпалась, не поддалась дезорганизации? До каких пор держаться в этой своеобразной забастовке-локауте, которая явно затягивалась?

Несколько тысяч путиловцев пришло на собрание, устроенное большевиками на лужайке, против Огородного переулка. Рабочие собирались вполне открыто. Полиция знала об этом, но не решалась препятствовать.

На собрание явились пристав и офицер с ротой солдат. Солдаты выстроились в две шеренги, отрезав путь на шоссе. Пристав заявил, что разрешает собрание «только для обсуждения нужд безработных».

Большевистские ораторы говорили о тяжелой нужде, до которой довели путиловцев капиталисты, о необходимости организоваться для продолжения забастовки. За борьбой путиловцев с напряженным вниманием следят все пролетарии столицы и других городов. Стойкость их вызывает повсюду гордость и восхищение. На всех фабриках и заводах в пользу путиловцев происходят сборы и отчисления.

На собрании выбрали комиссию — по одному депутату от каждой мастерской. Комиссии поручили заняться организацией помощи. Рабочие разошлись по домам.

Депутаты сразу же были схвачены и отправлены в участок. Тут их всех — двадцать шесть человек — переписали и, продержав некоторое время, отпустили, пригрозив, в случае чего, арестом. Депутаты отправились по фабрикам и заводам с призывом к поддержке. В первый же день они принесли несколько тысяч рублей. Алексей Максимович Горький, узнав о тяжелом положении путиловцев, немедленно организовал им помощь. В дачной местности Териоки был устроен музыкально-литературный вечер. Несмотря на повышенные цены, все билеты были быстро распроданы. Художник И. Е. Репин прислал в виде платы за билет пятьсот рублей, только что полученные за картину. Вечер принес крупную сумму, которая была передана путиловским уполномоченным.

Некоторую помощь путиловцам систематически оказывал Союз инженеров.

На средства, стекавшиеся со всех сторон, за Нарвской были устроены четыре бесплатных столовых, два пункта для раздачи сухих продуктов и три молочных пункта для детей. Горстка крупы или гороха, несколько селедок, а для ребят бутылка молока — этого должно было хватить семье на несколько дней. Возле столовых всегда стояла толпа. Мест всем нехватало. На Ушаковской орудовал большевик Буш, отметчик новомеханической мастерской, всегда деловитый, немногословный. Он обходил очередь, раздавал талоны, записывал. На семью редко доставалось больше одного обеда в три дня. Обедать приходилось по очереди. Дети ели подвое, по-трое из одной миски, очищали ее до блеска.

В булочных вместо цельного хлеба брали обрезки — на копейку дешевле. Как большую редкость приносили домой четверку картошки, за три версты ходили за щепками, чтобы истопить плиту. Вместо супа хлебали кипяток, заправленный мукой. Муки с каждым днем добавляли все меньше...

Длинные очереди у ломбардов исчезли — закладывать было уже нечего. Старьевщики, недавно имевшие большой

успех за заставой, перестали заходить. В квартирах люди спали на полу — кровати были «съедены». Депутаты, разнося пособия, часто видели: на улице, посреди дороги, стоит кровать, на кровати среди мелкого скарба — женщина и дети. Это — неплательщики за квартиру, лишенные жилья.

Дни общей нужды сплотили путиловцев. Женщины делились друг с другом последним куском хлеба. Те, кто имели паи в потребиловке, проедали их вместе с соседями, знакомыми, родственниками.

У путиловских депутатов начались трения с представителями либеральной интеллигенции, участвовавшими в сборе средств на голодающих. Филантропы из «Руси» — бойкой либеральной газетки — уговаривали депутатов скорей кончать забастовку, пугая разраставшимся бедствием. Стачка затягивалась, и газетным либералам казалось опасным дальше играть с огнем.

Рассматривая себя как забастовочный комитет, рабочие депутаты призывали путиловцев продолжать борьбу. Двадцатого июля депутаты созвали многолюдную сходку и отчитались в своей работе. На сходке была избрана делегация для переговоров с директором. Ей наказали — требования предъявить прежние. Белоножкин отказался выполнить эти требования. Он надеялся, что голод сломит упорство бастующих. Он вновь стал набирать штрейкбрехеров. Каждый день поодиночке штрейкбрехеры пробирались в запасные калитки, шли по зараставшему травой заводскому двору в мастерские, угрюмо принимались за работу. Их было немного. Работали до темноты, обедали тут же в мастерской,— пищу им приносили из заводской столовой. Домой шли под охраной, иногда же оставались ночевать в мастерских. Главарь черносотенцев Пузанов внушал им, что все смуты наводят студенты и евреи, давал читать антисемитские газеты и погромные брошюры. Из наиболее надежных был создан отряд черной сотни. Казачий офицер и Сашка Половнев в обрубной мастерской обучали их стрельбе.

Тяжелая нужда и голод давили все сильней. Начались разговоры о том, что пора кончать. Целые семьи питались теперь испорченными огурцами — три копейки два десятка — да гнилой картошкой. Иногда приходилось урывать от продуктов, полученных на детей, — иначе отец не был в состоянии ходить искать работу. Нередко, войдя в рабочую квартиру, депутаты, оказывавшие помощь, заставали на столе детский гробик. Пустая комната впервые после многих темных вечеров освещалась тремя свечами. Бывали случаи, когда

в разных квартирах одного дома стояло одновременно два-три таких гробика. Все ближайшие больницы были переполнены, больные ждали очереди по несколько дней. Смертность за заставой была необычайно высока.

В городе распространились слухи об эпидемии за Нарвской. В городской думе заговорили о необходимости что-то сделать. Но когда путиловские депутаты обратились в городскую думу с просьбой предоставить путиловцам какую-нибудь работу, «отцы города» устами гласного Кабата ответили:

— Поддерживать этих голодающих все равно, что поддерживать стачку...

Силы путиловцев истощались. Их поддерживала лишь помощь, оказываемая рабочими других заводов. Обуховцы собрали по подписным листам свыше трех тысяч рублей и решили передать деньги, не дожидаясь получки. Они настояли на том, чтобы эти деньги были выданы им авансом из кассы завода. Напор рабочих был так велик, что генерал Власьев, директор Обуховского завода, был принужден подписать удостоверение, уполномочивающее двадцать восемь выборных на раздачу денег. Обуховцы появились за Нарвской заставой.

Путиловцы держались еще несколько дней. Но это было последнее напряжение сил. К концу июля голод принял небывалые размеры. Комиссия депутатов закупала в булочных корзины зачерствелого хлеба. Двое парней несли корзину, третий на ходу раздавал булки прохожим или бросал в открытые окна домов. Целые семьи лежали на полу опухшие, пожелтевшие. Многие не могли приподняться, чтобы взять упавшую к ним в окно черствую булку.

Когда директор повторил свой маневр с приглашением части рабочих, положение было иное, чем прежде. Идущих на работу никто не останавливал, не поворачивал обратно. 28 июля появилось объявление директора о постепенном открытии мастерских. Начался прием рабочих на старых условиях. В течение двух с половиной недель ежедневно вывешивались списки принятых. В день принимали не более пятисот человек. Рабочих подвергали тщательной фильтровке. Больше четверти прежнего состава — свыше трех тысяч человек — было выброшено с завода. Особенно сильно пострадали пушечная, лафетная и механические мастерские. Список уполномоченных, составленный в участке при их аресте, закрыл большинству из них обратный доступ на завод. Некоторые революционно настроенные рабочие

попали в тюрьму. Полным ходом завод заработал только с 15 августа.

Путиловцы не сдались, — они потерпели поражение в бою. Районный комитет РСДРП признал, что единственным выходом в данных условиях является прекращение стачки. В своей листовке он писал:

«... Нам не удалось вырвать у капиталистов хоть ничтожной прибавки к заработной плате, чтоб не умирать с голоду. Нам не удалось урвать у буржуазии хоть один лишний свободный час, чтоб отдохнуть от непосильного труда, чтоб подумать о своем положении раба капитализма и научиться, как выйти из него. Капитализм и царское правительство соединились в своей борьбе против нас, и, недостаточно организованные и неподготовленные, мы оказались побежденными». [1]

Но это поражение стоило иных побед. Полуторамесячная забастовка путиловцев, начатая и проведенная под руководством большевистской организации, была для них суровой школой мужества, боевой школой классовой солидарности.

СОВЕТ РАБОЧИХ ДЕПУТАТОВ

Всеобщая политическая стачка властвовала в столице. Она остановила фабрики и заводы, погрузила в темноту блестящий Невский проспект, прекратила движение конки, закрыла двери правительственных учреждений. Бастовали рабочие, служащие, врачи, адвокаты, журналисты — все, вплоть до мелких чиновников министерства внутренних дел. Бастовали железные дороги по всему пространству необъятной страны. Бастовали Петербург, Харьков, Лодзь, Екатеринослав, Ревель, Самара, Томск, Ростов-на-Дону. Повсюду происходили митинги, демонстрации, столкновения с войсками. Октябрьская стачка, начавшаяся после расстрела демонстраций московских рабочих, разрасталась с невиданной быстротой. Революция приближалась к развязке. Правительство было бессильно что-либо предпринять.

«Барометр показывает бурю!» — писал в эти дни Ленин. [2]

На гребне всеобщей политической стачки возникли Советы рабочих депутатов — новое могучее оружие пролетарской борьбы. Большевики рассматривали Советы как зачатки революционной власти, как органы восстания.

---

[1] Листовки петербургских большевиков, т. I, стр. 250.

[2] *Ленин*, Сочинения, т. VIII, стр. 331.

13 октября Путиловский завод примкнул к всеобщей забастовке. Громадной толпой вышли рабочие на шоссе и двинулись к Нарвским воротам, закрывая по дороге лавки и магазины. Часть путиловцев отправилась снимать Московскую заставу. Полицейские безуспешно пытались остановить людской поток. Казаки и пехотные части стояли, не вмешиваясь. Городовой, применивший оружие, был убит.

В этот день за Невской и Московской заставами выбирали депутатов в общий рабочий комитет для руководства движением в столице. В ходе всеобщей политической стачки комитет превратился в Совет рабочих депутатов.

На своем первом заседании в ночь с 13 на 14 октября Совет принял обращение ко всем петербургским рабочим и работницам с призывом выбирать депутатов там, где они еще не избраны. В обращении, расклеенном по городу, говорилось: «Еще одно усилие — и с народа спадут цепи векового рабства. Но для этого усилия рабочий класс должен крепко сплотить свои ряды, должен выступить как единая организованная сила».[1]

14 октября выборы происходили повсюду. Путиловцы пришли на завод в обычное время, но вместо того чтобы приступить к работам, устроили по цехам митинги. В пушечной выступал студент в накинутом поверх форменной куртки пальто, из-под которого блестели студенческие пуговицы; в кузнице — рабочий из механической мастерской; в механической — рабочий из лафетной. В одном из цехов оратор, молодой рабочий, говорил:

— У царя есть государственный совет и совет министров. Пусть же у нас, пролетариев, будет свой Совет рабочих депутатов!

Все мастерские постановили немедленно присоединиться к стачке. Группа молодежи сняла рабочих электростанции. К вечеру завод погрузился во мрак. Служащие и инженеры, собравшись в модельной, также решили бастовать. Председательствовал на митинге начальник мартеновской Олесинов. Говоря речь, он перевернул свою шляпу и воскликнул:

— Вот так будет перевернута царская корона!

Его выбрали председателем забастовочного комитета служащих.

В этот день путиловцы избрали депутатов в Петербургский Совет. Каждую кандидатуру тщательно обсуждали: достаточно ли авторитетен товарищ, какое участие принимал

---

[1] «Известия Совета рабочих депутатов» № 1, 17 октября 1905 г.

в забастовках, честный ли человек. Избрали двадцать шесть человек, из них — десять большевиков и примыкающих к ним, два эсера, шесть меньшевиков. Среди депутатов было несколько уцелевших участников летнего забастовочного комитета. Избранным крепко жали руки, наказывали твердо отстаивать требования рабочих, обещали поддержку.

14 октября, на второе заседание Петербургского Совета депутатов, в Технологический институт путиловцы пришли дружной группой. Двери института поминутно хлопали. Ярко освещенные окна бросали свет на рабочие картузы, студенческие фуражки, котелки, шапки. Площадь перед институтом была необычайно оживлена. На балконе время от времени вспыхивало пламя факела. Толпа замирала: выходил рабочий или студент и, перегнувшись через перила, произносил краткую и страстную речь.

В одной аудитории на возвышении стоял сгорбленный рабочий с зеленоватым лицом — должно быть, наборщик. Возбужденно и резко он выкрикивал:

— Трепов нас пугает патронами! Значит, боятся нас, если такое пишут!

Речь шла о расклеенном в этот день по городу извещении генерал-губернатора Трепова, в котором сообщалось, что все «сборища» будут разогнаны силой оружия и войскам отдан приказ: «Холостых залпов не давать и патронов не жалеть». Приказ поднял еще выше волну народного возмущения. Вечером митинги стали особенно многолюдны. В Технологическом институте все аудитории были заняты: булочники, фармацевты, текстильщики ждали в коридорах очереди, чтобы занять освобождающееся помещение.

У входа в физическую аудиторию Технологического института, где собирались члены Совета рабочих депутатов, путиловцы вытащили из карманов бумажки с паролем. Но студент у двери даже не посмотрел на бумажки и, спросив только, от какого завода, пропустил пришедших внутрь.

Все скамьи аудитории, расположенные амфитеатром, скоро заполнились людьми. Присматривались друг к другу, знакомились, обменивались новостями. Порой доносились громкие возгласы споривших. «Рабочий парламент» — называли Совет депутаты.

За профессорской кафедрой появился невзрачного вида человек. Это был Зборовский, меньшевик. Он объявил собрание открытым и предложил избрать председателя. Выступая в спорах, разгоревшихся при выборах председателя, меньшевики особенно напирали на то, что нужно избрать

беспартийного, так же как сугубо беспартийной организацией должен быть и сам Совет. Это была линия на уничтожение Совета как политической организации, как органа народного восстания против самодержавия. Меньшевики сумели провести своего кандидата. Председателем был избран адвокат по увечным делам Хрусталев-Носарь. Театральным жестом откинув волосы, Хрусталев важно прошел к кафедре.

Один за другим поднимались депутаты, сообщая, что пославшие их заводы примкнули к стачке. С большим волнением слушали депутаты речи товарищей, краткие, как боевые рапорты. Здесь, сейчас, полно и отчетливо почувствовали они всю мощь поднявшегося на революцию пролетариата. «Пять тысяч... две тысячи... семь тысяч, пять с половиной...» — отмечали они в уме при каждом выступлении. За каждым депутатом стояли тысячи и десятки тысяч рабочих, готовых выйти в бой по первому призыву Совета, который они рассматривали как свой штаб. Казалось, не было силы, способной побороть эту мощную армию борцов за свободу.

Двенадцать с половиной тысяч!

Встал Василий Буянов. Он волновался. Его юношеская горячая мечта наконец сбылась: революция стала сегодняшним днем. Об этом он хотел рассказать Совету, хотел найти особые полновесные и яркие слова, но сказал всего лишь несколько фраз:

— Из малой искры вот какой пламень раздули!

Буянов протянул руку вперед, как бы указывая в необозримые дали.

Подъем возрастал с каждой минутой. Но вот он сменился недоумением. Представители меньшевиков, считавшие, что Совет должен быть органом «местного самоуправления», предложили вмешаться в дела городской думы и послать туда депутацию с требованиями: урегулировать продовольственный вопрос, позаботиться о безработных, не отпускать средств на казаков и полицию, предоставить помещение для собраний. Посылка депутации от Совета, выразителя воли полумиллиона бастующих пролетариев, в городскую думу, где сидела горстка купцов и домовладельцев, большинству показалась нелепой. Многие высказывались против посылки делегации, но меньшевики настаивали. В конце концов им удалось убедить собрание, что посылка делегации будеть иметь агитационнос значение.

— Уж чего лучше агитация, когда дума наши деньги украла! — крикнул один из путиловцев.

В августе под сильным давлением общественного мнения дума ассигновала на голодающих путиловских рабочих пятнадцать тысяч рублей, но денег не дала. Напоминание путиловцев могло разоблачить и опрокинуть меньшевистский маневр. Но председатель повернул его по-своему:

— Мы запишем это в число наших требований.

Но даже это требование, выраженное в очень осторожной форме — не «выдать пятнадцать тысяч», а «указать, куда израсходованы», не было записано. Меньшевики не хотели отпугивать буржуазию. Делегация два раза ходила в думу, чуть не подверглась аресту и, конечно, ничего не добилась.

17 октября Совет выбрал исполнительный комитет. Избирали наспех, на глазах у полиции. С первых же дней исполнительный комитет стал местом ожесточенной межпартийной борьбы. Путиловцев там было двое — Полетаев и Буянов. Впоследствии, когда состав исполнительного комитета был расширен и от каждого района вошло не по два, а по четыре представителя, были выбраны еще два путиловца. Все четверо были большевиками.

Путиловские депутаты с первых же дней горячо взялись за работу. На одном из заседаний они предложили запретить всем магазинам продавать продукты казакам, запретить даже столовым отпускать им обеды. Предложение было шумно одобрено и принято.

17 октября вечером путиловские депутаты собрались за Нарвской заставой, чтобы организовать свой районный Совет рабочих депутатов. Заседание происходило в полулегальном районном большевистском клубе, созданном в бурные октябрьские дни.

Депутаты Нарвского района организовали районный Совет. В его исполнительный комитет вошли четыре человека: три большевика и один меньшевик. Председателем Совета избрали Василия Буянова. На первом же заседании поставили вопрос о вооружении. Совет располагал необходимыми для этого средствами: Союз союзов, объединявших либеральную интеллигенцию, передал районному Совету одиннадцать тысяч рублей — сборы с вечеров, устроенных в пользу безработных путиловцев, которые не успели передать во время локаута. Деньги распределили так: восемь тысяч на вооружение, — три на нужды Совета. Тут же решили организовать при Совете боевую дружину. Выделили начальника и десятников — пять членов Совета.

Четыре дня бурной всеобщей политической стачки вско-

дыхнули всю страну. До самых далеких окраин, до самых медвежьих углов России докатилась ее волна. Повсюду возникали массовые стачки рабочих. Росло крестьянское движение: осенью больше трети уездов всей страны были охвачены восстаниями. Поднимались волнения в отдельных частях армии и флота. Самодержавие зашаталось. Министры могли пробираться к царю в Петергоф только по воде на утлом пароходике. Царская яхта стояла под парами, готовая в любой момент отплыть за границу. «Спасать отечество» был призван умный и хитрый бюрократ Витте. В спешном порядке он изготовил манифест о свободах, который был подписан царем 17 октября. Вечером того же дня, в час, когда газетчики распространяли первый номер единственной выходившей во время стачки газеты «Известия Совета рабочих депутатов», манифест был расклеен по всем улицам города.

18 октября утром путиловцы пришли к воротам завода почти в полном составе. На заборах и калитках был расклеен царский манифест. Рядом с ним висел приказ Трепова: «Холостых залпов не давать и патронов не жалеть». Возле калиток манифест читали вслух. После слов «Николай II» обычно добавляли: «и последний». Прослушав о свободах, «дарованных» царем, говорили:

— Здорово испугался Николашка.

— Теперь нам этого мало. Царя убрать — вот наша конституция.

Во дворе завода перед толпой путиловцев с крыльца часовни говорил приехавший из города агитатор. И он и выступавшие вслед за ним рабочие отмечали первую победу революции, но в то же время разоблачали лживость царского манифеста, призывали бороться дальше:

— Все на улицу!

Над головами медленно подымалось красное знамя. Оно не походило, как прежние, на сигнальный флажок. Оно не трепыхалось робко на тоненьком прутике, готовое вот-вот уйти вниз. Это не была узкая полоска материи, оставшаяся от разодранного трехцветного царского флага. Вверху, над головами, плыло и шуршало прочно прибитое к древку громадное алое полотнище с бахромой и кистями. Знамя было видно издали, притягивало к себе, как магнит, вызывало чувство небывалой силы и гордости. Красное знамя заставляло сильнее биться сердца, загораться ярче глаза. Люди ускоряли шаг, примыкали к толпе, строились в ряды. Знамя

вынесли вперед. На нем блестела серебряная надпись: «Да здравствует революция!»

По-особому взволнованно и торжественно зазвучали знакомые слова:

> Знамя великой борьбы всех народов
> За лучший мир, за святую свободу.

Медленно двинулись путиловцы вслед за широко развернувшимся знаменем с лозунгами революции, за которыми шли теперь миллионы угнетенных от края до края огромной страны.

Несколько десятков черносотенцев у железопрокатной вышли навстречу демонстрации. Красное знамя бесило их. Они ругались, грозили ломиками и булавами — железными прутьями, на конце которых висели застывшие куски металла.

Делегатов, посланных к прокатчикам, черносотенцы жестоко избили, а одного из них, рабочего Васильева, убили. Молодежь рвалась проучить черносотенцев.

Рабочие удержали молодежь и двинулись дальше. Ворота и калитки оказались запертыми. Передние начали ломать ворота силой. В это время из-за угла проходной конторы показались солдаты. Впереди бежали два офицера с револьверами в руках. Солдаты выстроились по одну сторону дороги. Прискакали казаки, скинули винтовки, взяли на прицел.

Ворота внезапно распахнулись. Оттеснив передние ряды колонны со знаменем, солдаты и казаки погнали их за ворота. На шоссе стояли полицейские. Казаки окружили захваченных и прижали их к забору. Рабочие оказались в западне. Их били остервенело, с холодным расчетом. Солдаты действовали штыками и прикладами, казаки — нагайками, полицейские — шашками. Люди метались, кричали, падали на камни. Спотыкаясь, пробежал неестественно перегнувшийся назад человек — его ткнули штыком в поясницу. Два брата Волковых, прижавшись к забору, оборонялись от наседавших городовых. Раздался выстрел. Семен Волков пошатнулся и начал оседать. Нарвская застава надолго запомнила маленькую дырку в сером заборе — след от пули, пробившей навылет грудь молодого рабочего.

Расстрелы и избиения произошли еще в нескольких местах столицы. Войска и полиция успокаивали «свободных граждан» пулями и штыками; черносотенцы избивали их

среди бела дня. Манифест оставался бумажкой, треповский приказ вошел в действие.

В четыре часа дня в здании Рождественских женских курсов собрались депутаты Петербургского Совета. Длинная узкая комната, тесно уставленная партами, скоро оказалась набитой доотказа. Пришли рабочие прямо с митингов и демонстраций. Пришли студенты и курсистки. Говорили возбужденно и горячо.

Депутаты сообщали, что мнение рабочих единодушно: манифест — новая попытка обмануть русский народ, а следовательно, борьбу надо продолжать дальше.

Было решено продолжать забастовку. Заседание было в разгаре, когда депутаты узнали, что тысячные толпы движутся по Невскому и войска не решаются их остановить. Демонстрация намеревалась освободить политических заключенных из тюрем и шла к Совету, чтобы он стал во главе ее. Дружные аплодисменты и крики «ура» раздались в ответ на это сообщение.

Кто-то широко распахнул окно. С улицы послышалось громкое пение революционных песен. Совет выбрал трех человек — «командующих демонстрацией». Они тут же прикрепили к рукавам носовые платки. Члены Совета сошли вниз. Их было более двухсот человек. Громкие радостные крики понеслись навстречу.

— Амнистия! К тюрьмам! — кричали отовсюду.

«Командующие» — меньшевики повели на Невский.

Впервые в столице Российской империи рабочий класс вышел на улицы такой мощной и организованной армией. Хвост колонны еще не миновал Николаевского вокзала, а голова уже подходила к Казанскому собору. Демонстрация растянулась на два километра. Полицейские растерянно оглядывались по сторонам и козыряли красным знаменам. Офицеры уводили своих солдат в боковые улицы. У Казанского собора присоединились новые тысячи людей, собравшиеся сюда на митинг. На Дворцовой площади в память погибших 9 января склонились знамена и раздалось мощное «Вы жертвою пали». Возле университета демонстрацию встретил лес красных знамен. Демонстрация росла, как лавина.

Но мощь многотысячной демонстрации не была использована. Четыре часа «командующие демонстрацией» бесцельно водили за собой толпу по всему городу. Они не хотели выходить из рамок легальности и «порядка», надеясь напугать самодержавие мирным шествованием по городу. В конце

концов люди устали, настроение упало. Меньшевистские руководители, сознательно водившие рабочих по городу, чтобы отвлечь их от революционных действий, воспользовались ложным сообщением, что объявлена амнистия, и, не пытаясь проверить это, распустили демонстрацию.

Возвращаясь за заставу, путиловцы на каждом шагу видели, что полиция наглеет все больше. У Технологического института кавалерийский эскадрон разгонял толпу, и солдаты стреляли по институтским окнам. У Нарвских ворот стояли казаки. Вели арестованных.

На улицах заставы черносотенцы приставали к рабочим:

— А что, братец, тебе конституция нужна?

Тех, кто отвечал «нужна», жестоко избивали. Дружинникам несколько раз приходилось вынимать свои револьверы, защищаясь и отстаивая товарищей.

На воротах завода царского манифеста уже не было: неизвестно — отклеился или его сорвали. Зато приказ Трепова держался крепко: «Холостых залпов не давать и патронов не жалеть». Мальчишки распевали задорную, в эти дни пущенную в ход песенку:

Царь испугался, издал манифест —
Мертвым свободу, живых под арест.

Три дня еще продолжалась забастовка в Петербурге. Путиловский завод по решению Совета начал работу 21 октября в полдень. Настроение и в городе и за заставой оставалось тревожным. 25 октября Нарвская застава хоронила убитого путиловского рабочего Семена Волкова. До пяти тысяч человек собралось на Митрофаньевском кладбище. Полиция отсутствовала. Могила утопала в венках, раздавались гневные речи. Второго Волкова опускали путиловцы в могилу. Две памятные даты отмечены были трупами братьев Волковых, Максима и Семена, — день «Кровавого воскресенья» и день «дарования царских свобод».

В октябрьские дни 1905 года по всей стране черносотенцы по указке царского правительства устраивали погромы, стоившие многих тысяч жизней. Они были направлены против евреев, студентов, интеллигенции и революционеров. Распоясавшаяся черная сотня готовила погром и в столице. Тревожные слухи ползли со всех сторон. Черная сотня наглела с каждым днем. Члены «Союза русского народа», созданного путиловским акционером, доктором Дубровиным, пользовались прямым покровительством властей и полиции.

Нарвский районный Совет созвал в клубе совещание представителей всех боевых дружин. Теперь в районе их было четыре — две большевистские (при районном комитете и при Совете), одна — меньшевистская и одна — руководимая эсерами. Решили совместными усилиями предотвратить погром.

В один из вечеров, в условленном месте на Сенной площади, собрались путиловские дружинники. В обычной толкотне и шуме торгового квартала они не были заметны. Собралось человек сорок. Сенной рынок считался гнездом черной сотни. Нужно было показать черносотенцам, что их попытка встретит самый решительный отпор. Дружинники разбились на группы по пять-шесть человек и разошлись по сенновским трактирам. Большинство дружинников никакого оружия не имело.

В трактире, куда вошла одна из групп путиловцев, народу было немного. Дружинники шумно уселись возле стойки, с тем чтобы каждое их слово было услышано хозяином. Помахивая грязным полотенцем, подлетел половой.

— Слушай, милый человек, — громко сказал один дружинник, — до нас, путиловцев, дошла весть, что сенновские мясники хотят устроить завтра погром. Вот мы и пришли узнать, правда ли это?

Все обернулись. Трактирщик уставился из-за прилавка, раскрыв от изумления рот. Дружинник продолжал:

— Сегодня нас здесь немного — всего душ четыреста. Но в случае погрома мы приведем тысяч десять и сотрем ваш рынок с лица земли. Передай это своим...

Дружинники спокойно продолжали сидеть. Трактирщик мигнул слуге. Через несколько минут начали входить мрачные люди в ватных картузах и белых фартуках. Они шептались с хозяином, косо глядели на путиловцев, пытались заговорить. Когда их набралось порядочно, дружинник-десятник снова подозвал полового и тоном, каким заказывают блюда, спросил:

— А где тут у вас черная сотня?

— Не знаю, — растерянно отвечал тот.

— Жаль, у нас для нее гостинец припасен.

Дружинник вытащил револьвер, повертел его перед носом у полового и положил в карман. Лица присутствующих вытянулись. Трактир начал пустеть. Посидев еще немного, путиловцы поднялись и, не торопясь, ушли.

Во всех районах города боевые дружины выставляли патрули на улицах, сообщали адреса своих штабов семьям, которым грозил погром, дежурили у отмеченных черносо-

тенцами домов. Черная сотня была напугана. Погром не состоялся.

Поход на Сенную площадь сильно поднял дух путиловских дружинников: они увидели, что враги боятся организованности рабочего класса. Но это было все же не то, что требовалось сейчас. Ни митинги, ни демонстрации, ни сознание того, что они парализовали погром, не могли больше удовлетворять рабочих. Вопрос, который волновал их, с которым то и дело обращались к своим депутатам, которому были подчинены все их помыслы и надежды, заключался в одном: «Когда будет восстание?»

На это депутаты ответить не могли. Они обращались с тем же вопросом к руководителям Совета. Но ни Хрусталев, ни другие меньшевики — руководители Совета — отвечать не торопились. Меньшевики были против восстания, всячески тормозили его. Они не хотели, чтобы Совет был боевым штабом восстания и смотрели на него как на орган местного самоуправления, заставляя Совет топтаться на месте.

«Что нужно, чтобы действительно победить?» — спрашивал в эти дни Сталин, выступая в Тифлисе с уничтожающей критикой меньшевиков, докатившихся в своем восхвалении царского манифеста до лозунга «Долой оружие!»

«Для этого, — отвечал Сталин, — нужны три вещи: первое, что нам нужно, — вооружение, второе — вооружение, третье — еще и еще раз вооружение». [1]

Петербургские рабочие на опыте всеобщей стачки убеждались, что голыми руками восстание совершить нельзя. Во всех мастерских Путиловского завода в конце октября проходили сборы на оружие. Путиловцы еще не вполне оправились от последовавшего за забастовкой локаута, — они не работали целую неделю в октябре, — и все же за несколько дней было собрано пять тысяч рублей. Из Финляндии прибыла первая партия револьверов, и дружинники вооружались. Но оружия нехватало.

Неизвестно, какой завод первым бросил мысль посвятить целый день — субботу 29 октября — массовому изготовлению холодного оружия. Рабочие занимались этим и прежде, но тайком и в одиночку. Теперь клич «Готовьте оружие!» был с воодушевлением подхвачен рабочими столицы. Петербургские заводы на один день превратились в оружейные.

---

[1] *Л. Берия*, К вопросу об истории большевистских организаций в Закавказье, 1938, стр. 84.

Во всех мастерских Путиловского завода целый день готовили оружие — для себя, для знакомых, для друзей. У каждого находилось дело: кто принес полосу стали, чтобы превратить ее в саблю, кто хотел сделать наконечник пики, кто плавил свинец, чтобы налить его в просверленное отверстие палки. Разметчики размечали по шаблону кинжалы, строгальщики обстругивали их, слесаря опиливали, точильщики отшлифовывали готовые кинжалы — они добивались зеркального блеска. Слесаря превращали трехгранные напильники в концы пик, плоские — в ножи. Токаря вытачивали какие-то мудреные, необыкновенные орудия. Старики не отставали от молодежи — общий порыв захватил всех. Работали с радостью, с воодушевлением, со страстью. Иногда общее настроение прорывалось в песне. Один тихо начинал, к нему присоединялись громкие голоса, и вся мастерская гремела мощно и уверенно:

Свергнем могучей рукою
Гнет роковой навсегда
И водрузим над землею
Красное знамя труда...

В литейных мастерских во многих опоках были залиты сегодня оболочки чугунных бомб. Бомбы шли не только для путиловцев: двадцать штук было отлито по заказу дружинников Александровского завода.

29 октября вечером в обширном зале Соляного городка происходило заседание Совета. Триста депутатов расположились на длинных деревянных лавках; по бокам и сзади толпились гости. На высокой эстраде за зеленым столом сидел президиум.

Под давлением рабочих руководители Совета — меньшевики — вынуждены были начать с главного вопроса, волновавшего каждого рабочего, — с вопроса о вооружении. Вышел депутат Металлического завода, сообщил, что у них целый день ковали кинжалы и теперь вооружены от мала до велика. Вышел депутат завода «Лесснер», показал сделанную им металлическую плеть, ударил ею о трибуну. Представитель завода «Сименс и Гальске» рассказал, что у них созданы боевые дружины и директору предъявлено требование: вооружить всех рабочих револьверами. Вышел обуховец, назвал число отлитых за день бомб. Депутат от фармацевтов заявил, что у них четыреста человек вооружены склянками с серной кислотой. Выступавший за ним депутат Химического завода сказал, что у них кислота измеряется

не склянками, а целыми бутылями. Один за другим выходили семянниковцы, речкинцы, рабочие Выборгской стороны рапортовать о своих успехах, и каждый рапорт встречали возгласами одобрения.

Заседание Совета превратилось в своеобразный смотр вооруженных сил петербургского пролетариата, в проверку его мобилизационной готовности. Правда, вооружение было примитивное, главным образом самодельные кинжалы, пики, револьверы, но стремление рабочих выйти в бой было велико. Рабочие рвались к решительному бою с самодержавием.

На трибуну поднялся депутат путиловцев. Слово Путиловского завода должно было звучать сегодня особенно веско. Путиловец сообщил, что день вооружения прошел на заводе блестяще, и в доказательство вытащил из-за голенища отточенный им клинок. Упомянув о боевых дружинах и их походе на Сенную, путиловский депутат в заключение заявил:

— У нас вооружается двенадцать тысяч рабочих. Если они понадобятся — стоит только сказать по телефону.

БОЕВЫЕ ДНИ

С ноября боевая дружина при районном комитете большевиков начала регулярные занятия. До тех пор систематической боевой учебы не велось: не было инструкторов, нехватало оружия. Дружинники несли патрульную службу: сопровождали ораторов, охраняли митинги, вместе с дружиной Совета боролись против черной сотни.

В конце октября в квартире отметчика новомеханической мастерской Александра Гавриловича Буша, в деревне Волынкиной, впервые собралась вся дружина. Пришел студент Леонид, новый организатор дружины, присланный Петербургским комитетом. Порывистый, беспокойный, он говорил с горячностью о вооруженном восстании:

— День, когда придется захватывать правительственные учреждения, банки, вокзалы, строить баррикады, — этот день недалек. Он может наступить внезапно, к нему надо быть готовым.

Леонид говорил, что охранять митинги — дело хотя и важное, но не единственное. Каждому дружиннику необходимо изучить свой район, знать хорошо город. Он должен научиться метко стрелять и вести уличный бой. Пусть в мел-

ких стычках с черносотенцами, с полицией, с казаками дружинники приобретают боевой опыт.

— Восстание пора разжигать!

Слова Леонида воодушевили рабочих. Со следующего же дня началась вербовка новых членов дружины. В ноябре дружина насчитывала около семидесяти человек. Предполагалось в момент восстания развернуть ее до нескольких сотен, и тогда рядовые дружинники должны были принять на себя командование новыми десятками.

Леониду помогали несколько студентов и рабочий Домбровский, назначенный сотником. На курсах Лесгафта незнакомый интеллигент в очках читал путиловским дружинникам лекцию о видах оружия и демонстрировал ружье системы «Франкот» с откидным затвором.

Несколько позже в деревне Волынкиной, в школе, бородатый студент, по кличке Никодим, объяснял дружинникам, как строить баррикады. Он чертил на доске схемы баррикад и разъяснял, как лучше воздвигнуть баррикаду на прямой улице, на кривой, на перекрестке. Лекции сопровождались практическими занятиями по топографии.

На Петергофском шоссе — главной магистрали заставы — решили построить четыре баррикады. Первую — неподалеку от Нарвских ворот, у Балтийской улицы; вторую — между Школьным и Огородным переулками, против Беликовых домов, которые имели дворы, проходные на все четыре стороны; третью — у Богомоловской, боевой стороной к заводу; четвертую — на Ушаковской, неподалеку от полицейского участка, чтобы предотвратить возможность наступления со стороны Екатерингофа.

Боевые дружины создавались во всех районах. На собрании дружинников всего города, устроенном Петербургским комитетом большевиков, с докладом выступил Эссен — один из организаторов боевой работы в Петербурге. Он говорил о необходимости согласования действий дружин в уличном бою и призывал к более систематической работе. В Нарвском районе занятия все еще проводились от случая к случаю. Иногда дружинники — человек пять-шесть — отправлялись на стрельбу в Полежаев или Поташов лес. Маскируясь под охотников, брали с собой двустволки или дробовики. Стреляли боевыми только из револьверов; для единственного винчестера, подаренного инженером Шоломовичем, патронов не было. Мишени чертили углем или мелом на дереве. Учились поражать цель со всех положений — лежа, стоя, на бегу. Леонид, волнуясь, следил за каждым выстре-

лом и сердился, если не попадали в цель, а это случалось нередко. К концу ноября большинство дружинников получили револьверы — главным образом браунинги. Но оружия все-таки нехватало. Многие, как и прежде, были вооружены только кинжалами или пиками в пять четвертей длины.

Большевистские дружины повели жестокую борьбу с черной сотней, привлекая к совместным действиям эсеровскую дружину и дружину самообороны меньшевиков. Ввели ночные дежурства. Каждую ночь в течение недели патрули дружинников попарно обходили заставу от Нарвских ворот до Шелкова переулка. Черносотенцев преследовали, поймав — избивали.

Черносотенцы на заводе затихли. Свои прокламации они распространяли теперь тайно, в то время как революционная литература открыто передавалась из рук в руки. Даже боевые занятия дружины проводились теперь открыто. Десяток Севастьянова по ночам в лафето-снарядной устраивал учебную стрельбу. Подражая большевикам, рабочие-меньшевики из соседней паровозомеханической, Кошкин, братья Кузьмины, также проводили в своем цеху боевые учения. Иногда они приходили на занятия большевистской дружины. Меньшевиков спрашивали, зачем они, собственно говоря, продолжают обучаться, если их фракция ограничивает задачу дружин только борьбой с черной сотней, — ведь черную сотню в районе усмирили. Рядовые меньшевики-рабочие ответить ничего не могли, но оружие отдавать не хотели.

Лучшие свои силы Петербургский комитет большевиков направлял в районы. В октябре за Нарвской появился «товарищ Никанор». Его знали хорошо — это был Михаил Иванович Калинин, недавно приехавший из ссылки. За пять лет скитаний по России он вырос в крупного партийного работника, хорошо разбирающегося в теории и тактике революционной борьбы. Калинин поступил на завод токарем в старомеханическую мастерскую. Его избрали в районный комитет, и он сразу стал в центре всей Нарвской организации. Калинин обладал замечательным качеством — умением сплачивать вокруг себя людей. Теперь это качество проявлялось с особенной яркостью и в кружке, который он начал вести, и вне кружка, на каждом шагу. Он покорял слушателей глубиной и ясностью своих простых слов. Говоря об аграрной программе с партийным литератором, он поднимался до теоретических высот, а в беседах с только что приехавшим в город рабочим поражал его знанием мельчайших подробностей крестьянского хозяйства.

Беседы с Калининым давали многое, вызывали желание больше знать, учиться, лучше работать. Калинин умел остановить внимание на самом главном, существенном. В начале стачки, объявленной Советом с 2 ноября в ответ на готовившуюся расправу с кронштадтскими матросами, дружинники отправились останавливать движение конки. Они задержали конку, высадили публику, отцепили лошадей и опрокинули вагон вместе с городовым, не желавшим вылезать. У Нарвских ворот дружинники перевернули другой вагон, подбросив под колеса петарды, разорвавшиеся с оглушительным треском. На заседании районного комитета многие большевики восторгались действиями дружинников, предлагали начать опрокидывать конки по всему городу. Калинин терпеливо поглядывал сквозь очки на восторженных ораторов. Когда ему было предоставлено слово, он сказал:

— Полицейских в вагонах кувыркать, конечно, хорошо. Но здесь слишком восторгаются этим. Ну, опрокинули конку, перепугали кондукторов, а дальше что? А по-моему, конки — конками, но главное внимание надо направить на занятия боевых дружин, на стычки с черной сотней и полицией, на то, чтобы добывать оружие. Надо расширять стачку, делать ее всеобщей. Надо сделать так, чтобы кондуктора сами остановили движение во всем городе.

Время было боевое, веселое. Митинги и собрания повсюду созывались совершенно открыто, на глазах у полиции; рабочие собирались в мастерских, и администрация не осмеливалась препятствовать им. Артисты, устраивая концерты в пользу рабочих, пели на мотив «Марсельезы» песню «Во Францию два гренадера из русского плена брели», а иногда, вместе с публикой, и рабочую «Марсельезу». Книжные лавки и магазины торговали бойко, как никогда. Нелегальные прежде брошюры и книги выходили открыто, боевые заголовки книг, родившихся в революцию, запестрели на витринах и прилавках. Газеты брали нарасхват, распространялись ноты революционных песен, по рукам ходили сатирические журналы и открытки, которые вызывали взрывы восторженного смеха.

Самодержавие не могло успокоить волнующееся народное море никакими средствами. По всей стране гремели громы начинавшегося восстания. Пылали помещичьи усадьбы. Города превращались в республики с единственной властью — властью Совета рабочих депутатов. Вспыхнуло восстание матросов и солдат в Кронштадте. Наконец, пришла весть о восстании более грозном, более мощном и величественном,

чем все предшествовавшие: Черноморский флот отказался повиноваться властям и поднял красные знамена. Отдельные войсковые части переходили на сторону народа.

14 ноября во всех мастерских Путиловского завода происходили митинги. Рабочие верили, что близится момент решительного боя. Начиная с октябрьской стачки, со дня на день ждали они его. Они надеялись, что теперь, наконец, начнется настоящее дело:

— У нас один выбор — смерть или свобода!

Старый лозунг, в январские дни выражавший отчаяние рабочих масс, теперь становился боевым кличем восстания. Речи большевистских ораторов встречали с воодушевлением. По цехам были пущены две резолюции, которые принимались повсюду. Одна гласила: «Мы, рабочие Путиловского завода, приветствуем революционно-восставших товарищей — севастопольских солдат и матросов. Мы видим в этом важный этап по пути к освобождению России от кровавого самодержавия. Войску принадлежит средство направить русскую революцию по *наименее кровопролитному* пути. Путь этот — единение революционной армии с революционным народом, во главе которого борется пролетариат под знаменем РСДРП. Да здравствуют: Вооруженное восстание! РСДРП! Демократическая республика!» [1]

Другая резолюция была посвящена крестьянскому движению. Путиловцы писали:

«Вслед за революционным пролетариатом поднимается и крестьянство. Сотни тысяч крестьян уже вступили в борьбу за землю и волю. Пролетариат — враг всякого угнетения и союзник всех, кто борется за свободу. Он должен протянуть руку восставшему крестьянству, чтобы помочь ему добиться *всей* земли и *полной* воли. Мы, рабочие Путиловского завода, шлем товарищеский привет восставшим крестьянам, а наших братьев пролетариев деревни мы зовем объединиться с нами под знаменем РСДРП, в рядах которой пролетариат города и деревни рука об руку пойдет в борьбу за социализм». [2]

На митингах открыто говорили о временном революционном правительстве, которое будет выражать волю всего народа. Призывали к вооружению, к сознательности, организованности и революционной дисциплине. В кузнице, когда собрание уже кончалось, попросил слова один молото-

---

[1] «Новая жизнь» № 15, 17 ноября 1905 г.

[2] Там же.

боец. Он предложил закрыть все трактиры и казенки, потому что в такое время не должно быть никакой распущенности. Предложение было единодушно принято. В других мастерских также выносили постановления: не пить три месяца казенного вина и вообще хмельных напитков. У казенок появились пикеты добровольцев.

По мастерским снова начались сборы на оружие. На этот раз путиловцы собрали две с половиной тысячи рублей.

Через день после известия о черноморском восстании районный Совет ночью приказал десятским собрать дружину у Нарвских ворот. Десятские побежали к заставе. Им не нужно было подробно разъяснять, что делать. Каждый хорошо помнил не только адреса дружинников своего десятка, но знал, как к кому пробраться во двор, минуя дворника, кто в какой комнате спит, чтобы постучать в окно, у кого на двери колокольчик, у кого его нет. Через час дружина была в сборе. Каждый с замиранием сердца думал:

— Неужели началось?

Петербургский Совет поручил дружине остановить работу почтамта, где засели штрейкбрехеры, срывавшие стачку почтовиков. Дружинники были как будто даже разочарованы:

— А мы думали, что-нибудь поважнее, — говорили они.

Двинулись небольшими группами на виду друг у друга. У почтамта стоял отряд полицейских. Дружинники проникли в здание со двора. Задержали у ворот почтовые фургоны. Упорствующим кучерам грозили булкой, завернутой в газету:

— А бомбы не хочешь?

Под утро расставили пикеты, которые никого не пускали в здание почтамта. На обратном пути разоружили трех городовых. Поручение было выполнено.

Петербургские рабочие считали Совет своим штабом. Совет работал открыто. Правительству приходилось терпеть его, считаться с ним. Объявления о заседаниях Совета открыто печатались во всех газетах, десятки корреспондентов приходили на его заседания, на фабриках и заводах депутатам за дни, пропущенные по делам Совета, полностью выплачивался заработок. Газеты по приказу Совета выходили без цензуры. Стачки, назначаемые Советом, захватывали десятки тысяч людей. По первому призыву Совета к восстанию поднялась бы вся масса петербургских рабочих. Рабочие ждали сигнала и верили, что их штаб даст этот сигнал. Но меньшевистские вожаки, захватившие руководство в Совете, не хотели восстания.

Меньшевики считали ненужным ломать рамки существующего строя, вполне удовлетворяясь пределами легальной работы, допускаемой царизмом. Иуда Троцкий, никогда не веривший в силы рабочего класса, всегда предававший дело революции и отличавшийся от прочих меньшевиков лишь трескучей революционной фразеологией, откровенно признавался: «Мы никогда не готовили восстания». Меньшевики делали все, чтобы сорвать восстание. Этим они развязывали руки самодержавному правительству и реакционной буржуазии, которые перешли в наступление на рабочий класс.

3 декабря в здании Вольно-экономического общества полиция арестовала двести пятьдесят депутатов Совета, собравшихся на заседание. В их числе было десять путиловцев. Член исполнительного комитета Полетаев попал в тюрьму.

Вечером весть об аресте Совета облетела заставу. Большевики сразу же повели агитацию за то, чтобы собраться на завтра же, в воскресенье, в мастерских для выбора новых депутатов. Новых депутатов выбирали наспех.

Рабочие новомеханической мастерской избрали своим депутатом Михаила Ивановича Калинина. Собравшиеся выражали уверенность, что новый Совет будет действовать решительнее, чем старый.

Но политическая обстановка теперь была уже иной, чем раньше. Новый состав Совета не имел возможности открыто собираться. Его исполнительный комитет работал нелегально. Вторым исполнительным комитетом руководили также меньшевики.

7 декабря в Москве, по постановлению большевистского Московского Совета, началась забастовка, которая через два дня переросла в восстание. Москва опоясалась баррикадами. На многих фабриках и заводах Петербурга происходили забастовки солидарности. На Путиловском заводе в руководстве стачкой принимал участие М. И. Калинин. Три дня подряд приходили путиловцы в свои мастерские и, не приступая к работам, на митингах выражали готовность пойти в бой. Но исполнительный комитет Петербургского Совета молчал.

— Не Совет нас призывал к восстанию, а мы призывали его! — заявил впоследствии на суде один из свидетелей по делу Петербургского Совета рабочих депутатов.

Московские рабочие ждали поддержки революционного Петербурга. В то же время московский генерал-губернатор

умолял царское правительство о присылке войск: местный гарнизон готов был поднять красные знамена. Две столицы, два пролетарских центра связывала между собой Николаевская железная дорога. По телеграфным проводам вдоль ее прямых путей могла долететь до восставшей Москвы желанная весть о восставшем Петербурге. Но по этим бесконечным рельсам могли мчаться и набитые карателями поезда, чтобы кровью лучших сынов рабочего класса залить московские улицы. Дорога работала. Как ствол ружья, дорога была приставлена к охваченному пламенем сердцу России. Надо было прервать сообщение между Москвой и Петербургом, чтобы не дать царскому правительству перебросить войска в Москву.

Три дня в разных концах Петербурга воля и помыслы рабочих были направлены к одному: разрушить мосты между кровавым Треповым и кровавым Дубасовым. Три дня в нескольких местах Николаевской дороги солдатские патрули видели кравшихся по насыпи людей, которые прятали под одеждой тяжелую ношу, и три дня подряд трещали выстрелы вслед убегавшим дружинникам. На штыки и пули наткнулись обуховцы у Волховского моста, колпинцы — у моста через Ижору.

В боевом центре Нарвского района было решено — взорвать дорогу. Калинин договорился с местными эсерами: большевики все осуществляют своими силами, а эсеры дают динамит. Место взрыва — мост возле города, следующий за Американским; время — ночь с 11 на 12 декабря.

Дружина разделилась на три группы. Одна расположилась в большевистском клубе, другая — на Богомоловской у Севастьянова, третья — на Петергофском, в доме № 38, на квартире Михаила Ивановича Калинина.

Калинин занимал небольшую комнатку в семье своего старого товарища Ивана Дмитриевича Иванова. В комнате рядом устроились дружинники. Револьверы, на случай обыска, сложили в самовар. Калинин должен был повести группу на взрыв моста.

Часы шли за часами. Ожидавшие то и дело прислушивались, нет ли гонца от эсеров. Гонца не было. Всю ночь читали Некрасова и Лермонтова. Наконец, начало светать. Стало ясно, что эсеры не выполнили своего обещания...

Боевой дружиной эсеров в Нарвском районе руководил начальник инструментальной мастерской Путиловского завода инженер Рутенберг. Дружина его считалась у эсеров одной из лучших в городе. На заседание дружины, посвя-

щенное Московскому восстанию, он привел руководителя эсеровской боевой организации Бориса Савинкова, который пожелал ознакомиться с настроениями рабочих-террористов. Савинков не верил в революционный подъем масс и считал, что только ряд взрывов, убийств, поджогов, совершенных отдельными смельчаками, может помочь восстанию. Он предложил рабочим высказаться, на что готов каждый из них. Большинство заявило, что смогут участвовать лишь в самообороне, человек десять согласилось итти на штурм города. Индивидуальный террор успеха не имел — за него из тридцати присутствующих высказалось всего двое. Многие просили освободить их от участия в дружине. Эсеровские дружинники не знали, что делать, во что верить.

Эсеровские руководители махнули рукой на свою путиловскую дружину. За несколько часов до взрыва они передумали: бомбы и динамит были даны ими представителям железнодорожного союза, а не путиловцам. Взрыв сорвался. Железнодорожники не смогли организовать его, посланные союзом люди едва не были арестованы.

Так и не дождались петербургские рабочие взрыва железнодорожного моста, — взрыва, который мог послужить сигналом к началу боевых действий в Петербурге.

Поезд с Семеновским полком прошел в Москву.

На утро 13 декабря, едва прогудел гудок, в широко распахнутые ворота Путиловского завода вступили войска. По бесконечному заводскому двору шагал батальон пехоты; покачивая пиками, ехал отряд казаков, тяжело громыхали по камням пушки. Солдаты окружили мастерские. У часовни, где в октябре гордо развевалось красное знамя, установили полевую трехдюймовую пушку, в свое время сделанную здесь же на Путиловском заводе руками путиловских рабочих.

На заводе начались повальные обыски. Рабочих партиями выгоняли во двор; обыскав, загоняли обратно. В мастерских взламывали рабочие ящики. Рабочие из окон выбрасывали оружие в снег в глухие проходы между мастерскими, клали в полости станков, известные только специалисту, сдавали крановщикам, которые поднимали опасный груз к самой крыше, в дальние концы мастерской. Подростки, которых обыскивали не так строго, проносили револьверы на улицу.

Когда рабочих выпустили из мастерских, группа молодых парней бросилась на полигон, чтобы против царских пушек выставить свою. Они выкатили орудие, достали снаряды. Но, посоветовавшись, пришли к выводу, что стрельбой можно перебить и своих.

Попытки строить на шоссе баррикады немедленно подавлялись. Застава оказалась наполненной войсками. В город не пускали. Воинским властям было хорошо известно стратегическое положение района, и они поспешили перерезать Петергофское шоссе и несколько переулков, изолировать заставу, зажать ее в железные тиски.

Обыски по заставе были повальными. Арестовывали десятками и сотнями. 21 декабря Путиловский завод был закрыт на неопределенное время. На заводах и в рабочих заставах прочно обосновались войска.

1906 ГОД

Завод напоминал брошенную войсками крепость. Густые январские снега засыпали все пути на заводском дворе, улеглись сугробами у стен. От мастерской к мастерской протянулись узкие тропинки. Сгребая снег в кучи, копошились поденщики. Всего сто сорок девять человек числилось на заводе в первые дни нового года. Завод казался вымершим.

В окнах конторы по делам рабочих и служащих вечерами подолгу горел свет. Новый помощник директора инженер Назаров, широкоплечий полный мужчина с надменным лицом, вместе со смотрителем Чачей внимательно просматривал списки личного состава. Из каждой мастерской Назаров вызывал наиболее благонадежных мастеров, отметчиков и двух-трех самых ярых черносотенцев. С их помощью он очищал завод от «беспокойного элемента». Всех замеченных в революционной деятельности заносили в черный список и на их личных карточках делали пометку: «Приему не подлежит».

У путиловских ворот толпились рабочие, изнуренные длительной нуждой. Холода делали ее особенно тяжелой. И все же настроение путиловцев было решительное, боевое. В стране еще шли бои. Пылали Польша, Кавказ, Сибирь, Дальний Восток. Пушки усмирителей не успевали обстрелять баррикады в одном городе, как они возникали в другом. Революция не была разбита. Новый подъем, еще более мощный и организованный, мог начаться в самом ближайшем будущем.

В городе и за заставой происходили массовые обыски и аресты. Явились полицейские и в деревню Волынкину, к Бушу. Ничего не найдя у Буша, они ввалились к его соседу, дружиннику Петру Медведеву. Пристав прямо в лицо направил карманный электрический фонарь:

Путиловские девушки — разносчики подпольной литературы *Рис. В. Серова*

— Револьвер есть?

— Револьвера нет, а вот пулемет есть, — ответил Медведев.

Пристав не поверил своим ушам. Это было неожиданно и обещало головокружительную карьеру. Четверо городовых крепко схватили Медведева за руки.

— Где пулемет? — срывающимся голосом спросил пристав.

— А вон, на столе.

Разъяренные полицейские чуть не избили Медведева: на столе лежал первый номер сатирического журнала «Пулемет». Спрятанный в стене револьвер не нашли. Медведев взят не был.

Арестованные чувствовали себя в тюрьме временными пленниками, которых с минуты на минуту могут освободить революционные толпы народа. В камерах горячо обсуждали пережитые события, шли дискуссии большевиков с меньшевиками и эсерами о перспективах революции. Устав от споров, заключенные пели песни. В Коломенской части, где сидело много путиловцев, из всех песен особенной популярностью пользовался акафист графу Витте. Кто-нибудь брал за шнурок ботинок и, размахивая им, как кадилом, козлиным голосом возглашал:

— Радуйся, конституцию вилами на воде написавший, радуйся!

Заключенные покатывались со смеху, а потом дружно и громогласно подхватывали припев.

10 января 1906 года, после девятнадцати суток молчания, снова завыл путиловский гудок, и первая партия принятых привычной дорогой потянулась на завод. Прием происходил медленно: 12 января работало 5600 человек, на следующий день — 5780, 16 января — 6600, через два дня — 8650. Фильтровка не кончалась проверкой в конторе. Далеко не каждый попавший в проходную выходил из нее на заводский двор — многих отсюда отправляли в участок.

В мастерской каждый вновь поступивший путиловец получал отпечатанный в типографии список рабочих своего цеха. От рабочего требовалось фамилии революционеров из списка вычеркнуть, фамилии же тех, за кого ручается как за «благонадежного», подчеркнуть. Список надо было опустить в особый ящик. Но этот провокационный план, придуманный Белоножкиным, потерпел крах. Большинство рабочих или рвали списки, или возвращали, зачеркивая фамилии заядлых черносотенцев. Это называли «забаллотировать человека».

В связи с репрессиями заводской администрации у пути-

ловских эсеров созрел план убийства директора и его помощника. Ни на что другое, кроме террористических актов, партия эсеров не была способна. Эсеровский террор был выражением отчаяния и бессилия мелкобуржуазных революционеров, которые не хотели и не могли поднять массы на революционные действия и которые своими авантюристскими выступлениями только мешали революции.

В числе непринятых на завод оказался молодой рабочий лафето-снарядной мастерской Иван Котлов. Увлекающийся и неуравновешенный, он весь пятый год метался между социал-демократами и эсерами. Честолюбивое желание стать героем, подогретое личной злобой против виновника его увольнения — инженера Назарова, было использовано друзьями Котлова по эсеровской партии.

13 февраля утром Котлов проник в завод. У котельного цеха он настиг помощника директора и потребовал объяснений. Тот грубо оборвал его. Тогда Котлов выхватил револьвер, выстрелил в упор и убежал. Через четыре дня Котлова арестовали.

Убийство Назарова взволновало путиловцев. Но скоро всем стало ясно, что выстрел прозвучал впустую, как прогремели впустую другие эсеровские выстрелы в царских генералов, жандармов, охранников. Остались Белоножкин, полиция, казаки, осталась вся система гнета и насилия, осталось самодержавие.

Результатом убийства Назарова была лишь новая волна репрессий на заводе, еще более жестоко проводимых Белоножкиным. Высокий краснолицый директор шел в цеха, как в завоеванную, но не замиренную страну. Он ходил теперь в тонком стальном панцыре, который надевал под рубашку. Рабочие прозвали его черепахой. За ним постоянно следовали два телохранителя саженного роста.

Большевистская организация во время репрессий лишилась почти всех своих руководителей. Михаил Иванович Калинин в предчувствии ареста уехал в деревню и во-время: через несколько дней на его квартиру нагрянула полиция с ордером на обыск и арест. Полетаев сидел в «Крестах», отращивал длинную бороду, чтобы шпики не узнали его на суде. Василий Буянов скрылся. Не так давно Совет рабочих депутатов решил командировать его вместе с двумя другими рабочими за границу для связи с пролетарскими организациями. Но через день после ареста второго Совета, 3 января, у одного из задержанных делегатов были найдены их адреса. Для Буянова началась очередная полоса скитальческой

жизни. Организатор района Лунц, за которым усиленно охотилась полиция, был послан на работу в Невский район. Вместо него за Нарвскую заставу пришел новый организатор, товарищ Михаил, присланный Петербургским комитетом РСДРП.

Вскоре после своего прихода в район Михаил вызвал на явку в Ушаковскую больницу Александра Гуляева, только что отсидевшего в тюрьме свой срок за ношение оружия и ходившего без работы. Приветливо улыбаясь, Михаил сказал:

— Хотим, брат, тебя начальником целого департамента сделать.

И предложил стать заведующим районным бюро по регистрации безработных. Начиная с декабрьских локаутов количество безработных в городе росло с невиданной быстротой. Городская управа решила организовать в районах особые бюро, чтобы иметь сведения о составе безработных.

Спустя некоторое время над дверью одного из домов на Правой Тентелевке появилась дощечка с написанными от руки словами: «Бюро регистрации безработных». Три сотрудника — заведующий Александр Гуляев, конторщики Иван Белостоцкий и Кирилл Марков — принялись за дело. Работа была несложной: занести сведения о каждом безработном на особые карточки и в списки; карточки оставить у себя в бюро, а списки передать в городскую управу. Кроме этого официального дела, у бюро было другое, неофициальное. Скоро бюро стало местом явок и небольших собраний большевиков района. Сюда приходили пропагандисты, здесь хранилась литература, здесь проводили перед заседанием объединенного районного комитета предварительные совещания большевиков.

В это время Петербургский комитет РСДРП не был уже полностью большевистским. В него входили и представители меньшевиков. После слияния комитетов слились и кружки в мастерских. Но внутри борьба продолжалась. В лафето-снарядной, новомеханической, пушечной преобладали кружки с большевистским составом, и в районный комитет от них входили большевики; вагонная и паровозомеханическая попрежнему остались за меньшевиками, — большевикам здесь приходилось трудно. Завоевывая большинство в районном комитете, большевики завоевывали существующие кружки и создавали новые.

Тимофей Барановский, бывший активный дружинник и руководитель забастовок в котельной, после увольнения

устроился на заводе Тильманса. Михаил поручил ему сколотить там группу. Настойчивый и исполнительный, Барановский после долгих трудов, с помощью других бывших путиловцев, организовал большевистскую группу и был выбран ею представителем в районный комитет.

На Тентелевском химическом заводе, где преимущественно применялся труд чернорабочих, рабочая масса была отсталая. Скученные в казармах, тентелевцы жили гораздо беднее, грязнее и бесправнее путиловских чернорабочих. Меньшевики считали, что с такой отсталой и, вдобавок, постоянно меняющейся в своем составе массой не стоит связываться. Большевики смотрели на дело по-иному: при помощи вездесущего Михаила удалось сколотить здесь партийную группу из восьми человек. Тентелевцы просили дать им пропагандиста, но обязательно из рабочих, потому что «интеллигенты по-ученому объясняют и трудно их понять».

В кругу большевистского актива начали перебирать подходящие кандидатуры. Выбор остановили на Шуре Буйко — слесаре новомеханической мастерской, скромном и вдумчивом партийном работнике. Шура быстро подружился со слушателями, приобрел среди них авторитет, а через некоторое время как представитель кружка был введен в члены районного комитета.

Кружок за кружком создавали большевики за Нарвской заставой, одновременно не прекращая работы по вооружению. Регулярно занималась нарвская боевая дружина. Дружинники тренировались в стрельбе, слушали лекции о способах изготовления динамита, изучали топографию и тактику. Они были крепко связаны с «Центральной боевой группой при ЦК и ПК», получали оттуда оружие и руководство. На квартире у отметчика Буша был устроен целый арсенал. В случае выступления можно было вооружить несколько сот рабочих. Руководил дружиной конторщик страховой компании «Надежда» Александр Аксберг. Вся боевая работа в городе была теперь строго централизована и законспирирована.

В марте 1906 года в стране происходили выборы в I Государственную думу. Согласно решению Таммерфорсской конференции большевики проводили тактику бойкота думы. Большинство рабочих в этом вопросе пошло за ними.

В день выборов, 5 марта, по всем мастерским проходили собрания. Это были легальные собрания, но полиция и администрация сильно беспокоились. Обстановка на собраниях напоминала горячую атмосферу митингов пятого года.

Почтительно проведенные в завод, кадетские профессора повсюду терпели поражение. После едких речей нелегально пробравшихся большевиков кадетам не давали говорить. Кто-нибудь включал мотор, и профессор, не привыкший к такой обстановке, сбивался и замолкал. В лафето-снарядной кричали:

— У нас уже есть выборный, да его в тюрьму упрятали.

— Отдайте нам Полетаева, тогда будем с вами разговаривать.

Для семьи своего депутата лафетчики ежемесячно собирали сумму, равную его заработку. И сейчас, во время избирательного собрания, один из большевиков взял шапку и начал обходить товарищей. Повсюду принимали большевистские резолюции об активном бойкоте думы. С пением революционных песен вышли путиловцы из мастерских. Во дворе их ждало необычайное зрелище. Группа рабочих соорудила из тряпок и соломы чучело, одела его в рваную блузу и штаны, повесила на шею дощечку с надписью: «Наш депутат». Этим рабочие подчеркивали свое презрительное отношение к царской виттевской думе и избирательному закону, не дававшему им никаких прав. Под хохот и свистки чучело поставили на телегу, привязали, и собравшиеся покатили это сооружение к конторе — вешать и отпевать «депутата». Но там их встретила полиция. С песнями и смехом рабочие направились к воротам. Пять тысяч шестьсот человек — больше половины путиловцев — ушли в этот день с работы. Это была первая забастовка в новом, 1906 году, забастовка чисто политическая.

С апреля начала нарастать новая революционная волна. Поднималось крестьянство, ожидавшее от думы немедленного разрешения вопроса о земле. День 1 Мая был отмечен грандиозными забастовками во всех крупных городах страны. Первомайское выступление 1906 года на Путиловском заводе, однако, не состоялось. Исходным пунктом выступления наметили пушечную мастерскую. Но явившись на завод 1 мая, путиловцы увидели: все мастерские оцеплены солдатами — ни войти, ни выйти после гудка невозможно. По улицам заставы курсировал автомобиль с пулеметом.

К работам до десяти часов не приступили нигде. В пушечную для уговоров явился начальник мастерской, кадет Б. П. Федоров. Обходя группы сидевших в тревожном ожидании рабочих, он уверял их, что все остальные мастерские работают и что он по-дружески советует им сегодня не ба-

стовать: директор грозит расчетом и закрытием мастерской. Мало-помалу пушечники сдались. Угроза директора звучала внушительно. В других мастерских происходило то же самое, только начальники обычно не уговаривали, а ругались и грозили открыто. Лишь новомеханическая к работам так и не приступила, и рабочие ее, прорвавшись сквозь цепи солдат, ушли домой.

Путиловцы были искренне огорчены срывом первомайской забастовки в момент, когда бастовала вся Россия. По собственной инициативе рабочие собирали подписи под письмом в «Волну», где подробно объяснили причины неудачи выступления в день 1 Мая и обещали не пятнать больше славного имени путиловских рабочих.

ДАЧА «ВАЗА»

21 мая 1906 года на курсах Лесгафта, помещавшихся по Английскому проспекту, в доме № 32, состоялось собрание социал-демократической организации Нарвского района, посвященное IV (Объединительному) съезду РСДРП, состоявшемуся в Стокгольме.

Путиловский большевик Семен Марков стоял за председательским столом и, стуча карандашом о стакан, пытался успокоить разбушевавшиеся страсти. Кричали чуть ли не все собравшиеся сразу, топали, свистели, барабанили. Виновник всего этого шума — докладчик об итогах IV съезда партии Федор Дан — стоял неподалеку от Маркова, склонив голову, как бы собираясь бодаться. Сознательно затягивая доклад, он успел изложить только думский и аграрный вопросы. Не пытаясь сдержать свою ненависть к большевикам, Дан в докладе то и дело переходил к прямой ругани, чем и вызвал бурные протесты собрания.

Со всех сторон требовали слова. Марков окончательно растерялся. Собрание перехлестнуло через его голову, ораторы начали говорить, не спрашивая председателя.

Выступавшие возмущались грубым нарушением партийной демократии. Еще за две недели до собрания докладчиком был приглашен Ленин.

Многие из присутствовавших незадолго до собрания слушали Ленина на митинге в Народном доме графини Паниной, где он выступал под фамилией Карпова. Рабочие тогда устроили ему овацию. С песнями и знаменами, сделанными тут же из кумачовой рубахи, взволнованные, радостные и окрыленные, вышли они на улицу. Каждому было ясно:

революция продолжается, она рано или поздно победит. Рабочие верили Ленину, хотели его слушать.

Но меньшевики, испугавшись, что будут разбиты, решили не допустить доклада Ленина. Они заявили, что поскольку на IV съезде победили их взгляды, докладчик должен быть от них.

В воскресенье 21 мая 1906 года, за несколько часов до районного собрания на курсах Лесгафта, меньшевики, несмотря на возражения большевиков, наспех провели свою точку зрения на заседании Нарвского районного комитета. Но районное собрание социал-демократов решило иначе. Рабочие потребовали дать слово Ленину.

С самого начала собрания Ленин сидел в углу аудитории и внимательно слушал, изредка занося что-то в книжку. Когда начался шум, он недовольно поморщился и посмотрел на председателя, но, заметив его растерянность, отвернулся. Наконец шум стих, и среди внезапно воцарившейся тишины Ленин быстро прошел к председательскому столу.

Уверенно и спокойно говорил Ленин о позиции большевиков и меньшевиков по основным вопросам революции. Слушателям становилось ясно, насколько непоследовательна и прямо губительна для дела революции позиция меньшевиков.

Возражая Дану, Ленин говорил об опасности конституционных иллюзий меньшевиков и доказывал, что крестьянский вопрос кадетская Государственная дума не разрешит. Аграрный вопрос может быть разрешен только в результате революции. Великие идеи Ленин умел излагать простыми, ясными словами. Речь Ленина захватила слушателей.

Меньшевики безуспешно пытались сгладить впечатление выкриками с мест. Наконец Дан не выдержал. Не дослушав до конца, он подхватил портфель и бросился к выходу, сопровождаемый ироническими замечаниями и смехом.

После собрания путиловские большевики окружили Ленина, заговорили с ним. Марков все время прятался за спины товарищей: ему было стыдно перед Лениным за то, что он так неудачно председательствовал. Открывая собрание, он никак не думал, что эта обязанность, которой он был очень польщен, окажется такой трудной.

Через месяц, 28 июня, социал-демократы Нарвского района собрались, чтобы обсудить доклад о состоявшейся недавно Петербургской межрайонной партийной конференции. Председателем собрания был избран Ленин. Доклад представителя Петербургского комитета вызвал резкие споры.

Больше всего задевали наиболее злободневный в то время аграрный вопрос.

Наконец слово взял Ленин. Снова в предельно простых и ясных словах Ленин подробно развил мысли, высказанные им на прошлом собрании, и подчеркнул: союзником пролетариата в революции является многомиллионное крестьянство, и лозунг конфискации помещичьих земель — один из основных лозунгов программы-минимум.

Собрание приняло предложенную Лениным резолюцию, одобряющую решения Петербургской межрайонной партийной конференции.

Семен Марков хорошо усвоил сказанное Лениным на обоих собраниях нарвской организации, и когда ему приходилось теперь спорить с меньшевиками, он старался вспоминать те аргументы, которые приводил Ленин.

Токарь Путиловского завода Марков был членом Нарвского районного комитета. На заводе он работал год, до этого жил в Николаеве и уехал оттуда потому, что после отсидки за большевистскую деятельность шпики чуть не наступали ему на пятки. На Путиловском заводе Семен Марков организовывал стачки в пушечной мастерской, помогал созывать массовки, участвовал в боевой дружине. Он имел кое-какой опыт работы, читал политические брошюры, но не мог еще самостоятельно разбираться в сложной политической обстановке. Часто в декабрьские дни пятого года, когда события с необычайной быстротой сменяли друг друга и каждый день надо было решать, что делать сегодня, Марков ходил за советами и разъяснениями к руководителю нарвской организации — Михаилу Ивановичу Калинину.

Квартиру, в которой жил Марков, в партийных кругах называли «коммуной Сени Маркова». Поселившись за Нарвской заставой, он сразу же начал перетягивать в Питер своих друзей. К нему приезжали по партийным явкам и незнакомые люди. Некоторые из них оседали ненадолго, другие исчезали, не сказав даже имени. Приезжие, пока находились без работы, жили за счет работающих, а найдя заработок — кормили новых приезжих. В коммуне жили большевики; постоянный состав ее был шесть-семь человек, а с приезжими — до десятка. В квартире было всегда шумно и оживленно. Дом, стоявший в самом конце Елизаветинской улицы, в конспиративном отношении был расположен удобно — на бойком месте и в то же время далеко от шоссе.

В коммуне часто происходили занятия кружка. Как только занятия начинались, член коммуны по прозвищу «Ваня

Седьмой», хороший гармонист, выходил во двор и начинал играть на баяне. Вокруг собиралась толпа. Ваня Седьмой играл «По диким степям Забайкалья», выразительно пел о солдате, пришедшем от павших твердынь Порт-Артура, потом переходил к бодрым и звучным маршам. Играл до тех пор, пока собрание или занятие кружка не заканчивалось. Тогда, убедившись, что его миссия окончена, он, бурно сыграв «Варшавянку», уходил.

В коммуну часто заглядывал организатор района Михаил; появлялись пропагандисты. По вечерам загорались многоголосые споры. Куда идет революция? Поднимет ли она новую волну, которая перехлестнет всеобщую забастовку и разгромленное декабрьское восстание, или же волны революции пойдут на снижение? События показывали, что в равной мере возможен и тот и другой ответ...

В июле 1906 года снова усилилась революционная борьба масс. В ночь на 18 июля в крепости Свеаборг стихийно вспыхнуло восстание матросов и солдат. Рабочие Гельсингфорса немедленно поддержали его забастовкой. Через два дня выступили кронштадтские моряки. Руководство восстанием и в Свеаборге и в Кронштадте быстро перешло в руки социал-демократов. Повсеместно стала разгораться борьба крестьян против помещиков.

Но все эти выступления были разрозненными, недостаточно организованными и частичными. «Не было еще в революции прочного союза рабочих и крестьян против царизма». [1] Большинство солдат еще помогало царю подавлять забастовки и восстания рабочих и крестьян. Крестьянство действовало разрозненно. Недостаточно дружно выступал и рабочий класс страны.

Под ударами двинутых правительством войск после трехдневной героической борьбы пал красный Свеаборг. Через день после возникновения было подавлено восстание в Кронштадте.

Царское правительство ответило на восстания жестокой расправой. Каждый день на пустынных островах Финского залива закапывали в землю трупы храбрых матросов. Плетка казака и шашка полицейского господствовали на улицах городов Российской империи. «Чтоб стрельба вверх впредь не имела места!» — приказал командир корпуса жандармов, и этот приказ выполняли неукоснительно. 20 августа появился

[1] История Всесоюзной Коммунистической партии (большевиков). Краткий курс, 1938, стр. 88.

знаменитый закон о создании военно-полевых судов, дававший неограниченное право озверелым офицерам вешать и ссылать на каторгу любого человека, попавшего в их руки. Премьер-министром был назначен П. А. Столыпин, заслуживший себе всемирную славу палача и вешателя.

Каждую ночь бесшумно проносились по улицам Петербурга черные кареты, увозя новых и новых пленников.

23 июля на ближайшей к Петербургу станции Удельная был арестован почти весь состав Петербургского комитета.

«Коммуна Сени Маркова» не могла остаться незамеченной, тем более, что в нее проникли провокаторы. В один из сентябрьских вечеров полиция нагрянула с обыском. Забрали четырех человек. Семен Марков снова попал за решетку и был освобожден через полтора месяца — за недостатком улик. Обратно на завод его уже не приняли. Марков очутился без работы и без надежды ее получить.

Член Петербургского комитета РСДРП Р. С. Землячка, державшая связь с Нарвским районом, устроила Маркова упаковщиком в книжный магазин большевистского издательства «Вперед». В издательстве был восьмичасовой рабочий день. Марков вечерами имел возможность встречаться с путиловскими товарищами и вести партийную работу в районе.

В партийной организации района дела обстояли далеко не блестяще. Районный комитет в течение сентября и октября не собирался из-за раскольнического и дезорганизаторского поведения меньшевиков. Насущные вопросы — о помощи безработным, о предстоящей реорганизации партии, о процессе Петербургского Совета рабочих депутатов — остались неразрешенными. Объединенный Нарвский районный социал-демократический комитет из-за саботажа меньшевиков очень мало сделал для того, чтобы в дни суда над членами Совета организовать мощный протест путиловских рабочих. Даже резолюция путиловцев о поддержке Совета, собравшая несколько тысяч подписей, была составлена и проведена на рабочих собраниях отдельными большевиками, помимо комитета.

Меньшевики все углубляли раскол нарвской организации. С ведома меньшевистского Центрального комитета они начали издавать в районе свою фракционную газету «Нарвский голос». По просьбе пятнадцати большевиков, членов районного комитета, Петербургский комитет призвал дезорганизаторов к порядку Но меньшевики считали для себя решения городского центра не обязательными. Молодым боль-

шевикам, оставшимся после ареста членов районного комитета без руководителей, приходилось вести ожесточенные бои против меньшевиков.

Новые задачи стояли перед партией с конца 1906 года. Изменилась обстановка. Открытое выступление с оружием в руках не было уже делом ближайших дней — оно отодвинулось вдаль. После разгона I думы большевики начали деятельно готовиться к новым думским выборам. Пойти во II думу большевики решили для того, чтобы использовать ее как трибуну для политического просвещения масс. Посылая туда «не ходатаев, а борцов», они хотели сплотить вокруг них массы для дальнейшей революционной борьбы. Избирательной кампанией большевиков непосредственно руководил Ленин, живший нелегально под Петербургом, в финской деревне Куоккала. Для связи с Петербургским комитетом и редакциями большевистских газет Ленину нужен был постоянный связист.

В январе 1907 года, в разгар выборов, Землячка, встретив Маркова в столовой Технологического института, где помещалась явка Петербургского комитета, сказала:

— Для вас нашлась более подходящая работа. Вот Вера Рудольфовна, идите к ней, она все расскажет.

Вера Рудольфовна Менжинская объяснила Маркову, в чем будет заключаться его работа, и в конце разговора рассказала, как добраться до места назначения. На следующий день рано утром Семен Марков вышел из дому. Поехав по Финляндской дороге до станции Куоккала, он разыскал в лесу двухэтажную дачу с деревянной вазой на воротах. Дверь была не заперта. В прихожей Маркова встретила Надежда Константиновна Крупская, которую он до этого несколько раз видел в столовой Технологического института.

— Я от Веры Рудольфовны, — сказал он, — мне нужен Иван Иванович.

Через минуту вышел тот, кто скрывался под кличкой Ивана Ивановича. Марков сразу узнал его, хотя на этот раз увидал в другой обстановке.

— Вы ко мне, товарищ? — спросил Ленин.

Марков рассказал, зачем приехал. Владимир Ильич провел его в столовую, где был приготовлен завтрак: кофе, хлеб, кусок голландского сыра, масло. Сели за стол. Завязалась оживленная беседа, во время которой Марков против обыкновения почувствовал себя на редкость непринужденно — как у себя в коммуне.

Вдруг Ленин пристально посмотрел на него и спросил:

— Скажите, это вы были председателем на одном из собраний на курсах Лесгафта, где мне пришлось выступать?

Марков покраснел так, что слезы выступили у него на глазах.

— Да, Владимир Ильич, — смущенно проговорил он, — это я тот самый неудачный председатель, который дал так разгореться фракционным страстям.

Ленин улыбнулся:

— Вы тут не при чем, это в порядке вещей.

За завтраком он с интересом расспрашивал Маркова о том, каково настроение рабочих на заводе, как они относятся к выборам в думу, не шевелятся ли черносотенцы. Вопросы были так просты и конкретны, что Маркову было легко отвечать на них. Ему скоро показалось, будто он рассказал Ленину все, что знал. Но Ленин продолжал спрашивать еще, и Марков, к своему удивлению, убеждался, что у него все время находятся ответы. Он поражался осведомленности Ленина о жизни рабочих районов. Он дал себе обещание еще внимательнее всматриваться в жизнь завода и заставы, чтобы затем обо всем виденном рассказать Ленину.

Беседуя с Марковым, Ленин следил, чтобы он не стеснялся — клал сахару побольше, намазывал масло на хлеб. Допив кофе, Ленин сказал:

— Товарищ Сеня, вам придется немного подождать — я скоро закончу свою статью. Да вам все равно надо ждать поезда.

Он прошел в соседнюю комнату, вынес брошюру и протянул ее Маркову. Тот углубился в чтение и не заметил, как прошло время. Когда Ленин появился вновь, в руке его была пачка бумаг. Он рассказал, что́ нужно отвезти в редакцию, а что́ передать товарищам, и помог Маркову рассовать бумаги по карманам его широкого, неуклюжего пальто. Потом дал поручения на следующий день, указал, какие газеты надо ежедневно покупать, и на прощание заметил, что с Финляндского вокзала в редакцию следует ехать на извозчике — это скорее и конспиративнее.

Марков шел на станцию, не чуя под собой ног: приветливость и простота Владимира Ильича глубоко поразили его. Он с негодованием вспомнил, как некоторые меньшевистские интеллигенты, озлобленные безуспешностью своих доводов против большевиков, пытались изобразить Ленина «генералом», «диктатором», который на всех смотрит свысока. Как раз эти же самые интеллигенты и смотрели на рабочих пренебрежительно, по-барски.

Марков стал ежедневно ездить па дачу «Ваза». Привозил газеты и письма, увозил письма и рукописи статей. Дача «Ваза» была оперативным штабом большевиков. Сюда приезжали днем и ночью — дверь никогда не запиралась. В столовой на ночь ставили кувшин молока и хлеб, а на диване стелили постель, чтобы приехавший ночью мог подкрепиться и лечь спать. На дачу «Ваза» шли вести из всех пунктов страны и Петербурга, отсюда давались директивы и боевые приказы.

Ленин строго следил за соблюдением Марковым всех правил конспирации. Как-то, дав ему немецкий журнал, он объяснил:

— Когда в Белоострове на границе будет проходить чиновник, держите вот так и делайте вид, что сосредоточенно читаете.

Ленин и Крупская очень заботливо относились к «товарищу Сене». Однажды ему пришлось остаться ночевать. Ленин, несмотря на протесты, сам притащил подушку и одеяло и постелил постель. Крупская, зная застенчивость Сени, время от времени допытывалась, не все ли он издержал деньги, не нужно ли еще.

Скоро Марков стал чувствовать себя на даче «Ваза», как дома. Заходил в комнату Ленина, рылся в книгах и, выбрав доступную своему пониманию, принимался за чтение. Ленин сидел рядом за маленьким столиком и без устали писал. Иногда Марков обращался к нему с вопросом, возникшим при чтении, или спрашивал, что прочесть еще. Ленин рекомендовал читать прежде всего о думе и вообще о современном моменте, книжки журнала «Заря», протоколы съезда партии. Давая книгу из своей библиотеки, Владимир Ильич наказывал беречь ее, так как второго экземпляра у него нет.

— Ну, уж если вас арестуют, тогда делать нечего, — говорил он, разводя руками.

Как-то раз Ленин сказал:

— Товарищ Сеня, я давно вас хотел спросить: каким образом вы стали большевиком?

Марков ответил:

— Я стал большевиком после того, как прочел вашу брошюру «К деревенской бедноте».

Ленин рассмеялся:

— Значит, попал в точку?

— Значит, попали, Владимир Ильич.

Занятый поездками к Ленину, Марков реже встречался со старыми товарищами, но пользовался каждым свободным часом, чтобы разузнать, что делается на заводе и в районе.

Он часто бывал на различных совещаниях большевиков. Эти совещания устраивались в соседних с Куоккалой дачных поселках. На них всегда бывало много народу. Ленин с интересом расспрашивал рабочих об их жизни, подчеркивая, что такие заводы, как Путиловский, имеют громадное значение для укрепления позиций большевиков: завод большой, кадровых рабочих много, революционные традиции сильны. Он советовал товарищам из Петербургского комитета обратить особое внимание на крупные заводы.

Рабочим, приезжавшим на совещания в Финляндию, Ленин объяснял непонятное, наталкивал их на новые мысли. Дома, читая свои статьи товарищам, он непременно приглашал Маркова и других рабочих и спрашивал их мнение.

В своих статьях, посвященных выборам в думу, Ленин разоблачал меньшевиков. Меньшевики звали рабочих на избирательное соглашение с кадетами, заявляя, что только таким образом можно не допустить избрания черносотенных кандидатов. На самом деле еще задолго до выборов во II думу черная сотня на заводах Петербурга начала таять. Рабочие хорошо знали об этом. Черносотенцев они заставляли каяться на митингах. Главарей «черной сотни» путиловцы вывозили на тачках и требовали их удаления. Молодые рабочие отнимали у черносотенцев значки и под веселые возгласы расплющивали молотом.

По рабочей курии выборы в думу были трехстепенными: избиратели выбирали уполномоченных — одного на тысячу, те — выборщиков, а выборщики (совместно с выборщиками от других курий) — депутатов. Путиловскому заводу полагалось избрать одиннадцать уполномоченных. Но директор завода Белоножкин хорошо знал настроение рабочих. Он попытался сократить это число, предложив выбирать отдельно по каждой мастерской. Так как уполномоченный полагался только на полную тысячу, то выходило, что 1900 рабочих в вагонном отделе и 1800 рабочих в паровозном по системе Белоножкина избрали бы вместо трех всего двух уполномоченных. Путиловцы, ссылаясь на закон, отвергли это предложение. Белоножкин предложил тогда, чтобы уполномоченных выбирали не сами рабочие, а их представители — по одному от каждого цеха. Не прошло и это.

Выборы в Петербурге протекали в острой борьбе большевиков с меньшевиками. Меньшевики, крича об опасности победы черносотенцев, требовали установления избирательного блока социал-демократов с кадетами. Ленин, разоблачая меньшевиков, писал: «Черносотенная опасность на голосованиях

есть *сказка*, пущенная в ход кадетами, которые за спиной народа торгуются со Столыпиным».[1] Петербургская конференция РСДРП, собравшаяся в январе 1907 года, в вопросе об избирательной кампании стала на точку зрения большевиков: выступать на выборах в столице самостоятельно. Меньшевики, которых на конференции было 31 человек, демонстративно ушли с конференции и начали торгашество с кадетами. Узнав о раскольническом, изменническом поведении меньшевиков, рабочие возмутились. Эсеры, которые сами тайком сговаривались с кадетами, воспользовались этим и на избирательных собраниях стали резко выступать против всех социал-демократов, нарочито не отделяя позиции большевиков от позиции меньшевиков. Измена меньшевиков была наруку эсерам. Многие рабочие не успели разобраться, какие именно социал-демократы призывают к блоку с кадетами, и на выборах отдали свои голоса эсерам, чтобы не отдавать их меньшевикам.

На Путиловском заводе из одиннадцати уполномоченных было пять большевиков, остальные шесть — эсеры. В других рабочих районах победа эсеров была более значительной.

Ленин писал по этому поводу:

«*Разгром меньшевиков* на крупных заводах есть первое предостережение, которое *пролетарские массы* дали шатающимся интеллигентским оппортунистам!

Меньшевики повернули к кадетам, — пролетариат Петербурга отвернулся от меньшевиков.

Эс-эры использовали момент раскола в социал-демократии, использовали негодование рабочих против кадетоподобных меньшевиков, использовали бойко и бесцеремонно. В предместьях они громили с.-д. за блоки с кадетами (умалчивая о большевиках и о П.К. Р.С.-Д.Р.П.), а в городе *они сами торговались с кадетами!* ..

Для всякого социал-демократа, который дорожит честью и добрым именем пролетарской партии, отсюда может быть только один вывод: беспощадная война с меньшевизмом в Петербурге...

Эс-эры отняли у меньшевиков крупнейшие заводы. Мы должны снова отнять их у эс-эров...

Крупные заводы должны стать и станут прочной и недосягаемой ни для оппортунистов, ни для революционных мелких буржуа опорой революционной социал-демократии».[2]

---

[1] *Ленин*, Сочинения, т. X, стр. 341.
[2] Там же, стр. 335—336.

Несмотря на успех эсеров на первой стадии выборов, работа большевиков обеспечила победу большевистских кандидатов на второй стадии. Депутатом в думу был избран рабочий Охтенского порохового завода — большевик И. Петров.

Социал-демократическая фракция II думы оказалась не на высоте задач, поставленных перед ней рабочим классом. Руководимая меньшевиками, она не использовала думу как трибуну, не стремилась сплотить вокруг себя массы для революционной борьбы. Ленин ставил перед ней задачу: «...усиливать революционную агитацию в массах, бросать ширс, развивать яснее наши полные, неурезанные лозунги...»[1] Он критиковал руководство фракции за то, что оно, вместо того чтобы разоблачать кадетов, плетется в хвосте этой контрреволюционной партии.

В Куоккалу на дачу «Ваза» часто приезжали социал-демократические депутаты думы. Семен Марков слышал резкие отзывы Ленина о работе фракции. Ленин настойчиво и терпеливо разъяснял депутатам-большевикам, в чем состоит задача представителя социал-демократии в парламенте, подчеркивая первостепенное значение внедумской работы. Депутаты-большевики ездили в рабочие районы, делали доклады, выступали на нелегальных собраниях.

На первомайской массовке 30 апреля 1907 года, устроенной путиловскими большевиками на Шустровском острове возле завода, выступил депутат Петров. Едва успел он начать речь, как раздались оглушительные свистки. Массовку окружили казаки и полицейские. Петров предъявил свой депутатский билет.

— Хорош депутат, в болото забрался, — насмешливо заметил помощник пристава.

— Раз нельзя устраивать собрания открыто, приходится забираться в болото, — ответил Петров.

Чем дальше, тем сильнее давила реакция. Царское правительство подготовляло государственный переворот. 3 июня 1907 года Столыпин арестовал социал-демократическую фракцию II думы, разогнал II думу, объявил новый избирательный закон. Путиловцы ответили на переворот забастовкой, показавшей, что рабочие еще могут сопротивляться наступающей реакции.

За два с половиной года революции путиловский рабочий гигантски вырос. Революция сплотила двенадцать тысяч рабочих завода в единый боевой отряд, способный бороться и

[1] *Ленин*, Сочинения, т. XI, стр. 65.

побеждать. Вырванное путиловцами повышение заработка к концу 1905 года — одна из таких конкретных побед. В упорной борьбе с самодержавием и капиталистами путиловские рабочие показали себя зачинщиками и вожаками, и возглас «Путиловцы идут» стал отныне обозначать начало многих крупных выступлений пролетариев Петербурга.

«Пролетариат поднял в те великие дни миллионы трудящихся на борьбу с их угнетателями. Он завоевал себе в несколько месяцев 1905 года такие улучшения, которых рабочие десятки лет тщетно ждали от «начальства». Пролетариат завоевал всему русскому народу, хотя и на короткое время, невиданную на Руси свободу печати, собраний, союзов. Он смел с своей дороги поддельную Булыгинскую Думу, вырвал у царя манифест о конституции и раз-навсегда сделал невозможным управление Россией без представительных учреждений»,[1] — так оценивал Ленин победы революции. Но задачи, стоявшие перед революцией, не были еще разрешены — не было свергнуто самодержавие. Отсюда вытекало, что новая революция неизбежна. Ленин писал: «...Пролетариат нанес первый удар царскому самодержавию. Для русского народа блеснули первые лучи свободы. Теперь опять восстановлено царское самодержавие, опять царят и правят крепостники, опять повсюду насилия над рабочими и крестьянами, везде азиатское самодурство властей, подлое надругательство над народом. Но тяжелые уроки не пропадут даром. Русский народ не тот, что был до 1905 года. Пролетариат обучил его борьбе. Пролетариат приведет его к победе».[2]

---

[1] *Ленин*, Сочинения, т. XIV, стр. 369.
[2] Там же, стр. 373.

ГЛАВА ПЯТАЯ

1907—1912

«ПОКЛОНИСЬ СИЛЕ»

Разгон царским правительством II Государственной думы и арест думской социал-демократической фракции положили начало открытой и грубой политической реакции взамен подкрашенной, действовавшей до этого времени. Самодержавие в союзе с буржуазией обрушились на рабочий класс, беспощадно мстя за испуг, перенесенный ими во время революции.

Наступление было политическим ответом на 1905 год.

— Мы вас заставим убедиться, — как бы говорили помещики и капиталисты рабочим, — что стачками и бунтами вы никогда ничего не добьетесь. Царь был и остался. Мы были и остались. Так было и будет. Пострадали только вы. Вы разорились и обнищали. Выкиньте же дурь из головы, смиритесь, поклонитесь силе...

По стране гуляли карательные отряды, свирепствовали полевые суды. Тысячи людей отправляли на каторгу, на виселицы. Помещики возвращались в имения, земские начальники в свои канцелярии, заводские администраторы в цеха, откуда в пятом году кое-кто был вывезен на тачке. И в деревнях и в городах — всюду шла фильтровка, изъятие «беспокойных» людей. Промышленность, особенно металлическая, переживала тяжелую депрессию. Тем беспощадней расправлялись капиталисты с рабочими. Тысячи людей выбрасывали за ворота, обрекали на голодную смерть.

Путиловский завод, всегда живший казенными, артиллерийскими и железнодорожными работами, теперь остался без заказов. Первые годы после войны и революции государственная казна была пуста.

По всем отделам завода сумма отпуска изделий упала с 22 миллионов рублей в 1906 году до 18 миллионов в 1907 году и до 20 миллионов в 1908 году. Сумма отпуска изделий упала не больше чем на 19 процентов, но за это время при той же технической вооруженности завода число рабочих было уменьшено с 12 165 человек в июне 1906 года до 6 959 на 1 января 1908 года, то есть на 42 процента, и осталось на этом уровне в течение последующих трех лет. Это означало, что эксплоатация оставшихся на заводе рабочих неимоверно усилилась. Там, где раньше работала сотня человек, оставалось шестьдесят. Люди на заводе валились с ног от переутомления, за воротами — от голода. К обычной безработице, вызванной некоторым сокращением производства, капиталисты прибавляли необычную, так называемую «политическую» безработицу. Увольняли самых передовых рабочих, обрекая их на нужду и голод. Над оставшимися на заводе висела угроза в любой момент попасть за ворота.

Безработный, имевший связи с деревней, уезжал кормиться на родину. Маляры и столяры из вагонного отдела в сезонное время могли найти работу на постройках или у кустарей. Рабочие горячих цехов перебивались на трехдневной работе. Хуже всего приходилось безработным слесарям и токарям из механических мастерских. Металлисту некуда было податься. В другое время можно было поступить в ремонтные цеха текстильных фабрик, но сейчас и текстильные фабрики работали вполсилы. Оставалась одна дорога — в порт, на Гутуевку. Чтобы не умереть с голоду, путиловцы шли туда таскать баланс, доски, пересыпать зерно в пароходных трюмах, разгружать английский уголь, финляндский камень.

Квалифицированные токаря, слесаря, лекальщики, разметчики — цвет петербургского пролетариата — с рассветом являлись на обетованный Гутуевский остров, в гавань, надеясь получить работу хотя бы на день. За десять часов хребтовой работы платили 1 рубль 20 копеек — 1 рубль 30 копеек. Кто был слаб и не поспевал за лебедкой, того с обеда выпроваживали за ворота. На его место брали одного из сотен людей, ожидавших у причалов порта.

Осенью, с закрытием навигации, прекращалась работа в порту. Оставалось только «чистить орла». Это означало: ходить ежедневно к заводским воротам, на которых был изображен гербовый двуглавый орел, смотреть, не выве-

шено ли требование на работу, и возвращаться домой ни с чем.

В 1907 году «чистили орла» многие мастерские. В вагонном отделе в июне работало 1455 человек, в декабре — 944, а на 1 января 1908 года осталось 188. Железопрокатная и мартеновская перешли на трехдневную работу. Модельная работала шесть дней в месяц. В лафето-снарядной число рабочих снизилось с 1035 до 314, в пушечной — с 1047 до 690.

Уволенные по сокращению заказов могли записаться в конторе и стать «кандидатами в рабочие». Для них устанавливалась очередь. Вновь поступающий, согласно правилам приема, должен был пройти профессиональное и медицинское испытание. Однако первое и негласное испытание он проходил в том отделении конторы, где хранилась подробная картотека с отметками о поведении рабочих в забастовочные годы. Иной рабочий только после революции догадывался, что означала угроза, когда-то вскользь брошенная мастером:

— Смотри, попадешь в евангелие...

Если рабочий шел наниматься на другое предприятие, «евангелие» следовало за ним. Предприятие наводило справку по месту прежней работы, и рабочего, уже принятого, вызывали в контору и давали расчет. Сговор предпринимателей преследовал его повсюду. Такому рабочему оставалось лишь уехать в провинцию.

Более двадцати инженеров народнических и радикальных взглядов, а также все участники инженерного забастовочного комитета были в один прием уволены с завода. К 1907 году весь инженерный состав был профильтрован. На заводе остались или инженеры-монархисты, или те, что плыли всегда по течению. Позже были возвращены на завод некоторые из раскаявшихся радикалов. Кое у кого из них терминология пятого года еще оставалась в памяти. Они говорили рабочим:

— Вы, марксисты, должны понимать, что сила теперь не на вашей стороне...

Бывший либерал сохранил привычку философствовать и разговаривать вежливо, но с рабочими он обходился, как с побежденными, и снижал расценки не хуже инженеров-черносотенцев, которые жали рабочего без лишних слов...

— Они нас покатали на тачках, пусть теперь повозят на своей спине, — сказал однажды начальник вагонных мастерских Л. В. Саблин. Он не подозревал, что у транс-

миссии притаился рабочий-смазчик, запомнивший эти слова на всю жизнь.

Безработные ловили мастеров у ворот; поджидали мастера по дороге к Красненькому, если мастер жил у Красненького; перекидывались в сторону Нарвских ворот, если мастер шел туда. Разговор зависел от характера и настроения мастера. Иной отвечал по-человечески, что работы нет; другой даже не отвечал на поклон, отмахивался, как от нищего.

Иногда, после многих встреч и поклонов ему, мастер говорил:

— Приходи.

Рабочий являлся, выдерживал в цеховой конторке опрос: «Где прежде работал, за что уволен», и получал наставление:

— Так помни: петь «Марсельезу» тебе уже не придется...

Сыну рабочего, подростку, начинавшему работать с мальчиков при цеховой конторе, говорили:

— Работай, посмотрим, чему тебя отец учил: «Марсельезу» петь или человеком стать.

У кузнечного мастера А. М. Леонова была записная книжка. Она называлась «Книгой буянов девятьсот пятого года». В эту книгу он «заводил» рабочих и редко кого «выводил» из нее. Мастер Леонов не мог забыть, что в пятом году он стоял на плите и рабочие его судили за притеснения, за раздачу черносотенной литературы, за то, что однажды во время речи постороннего агитатора он сунул в руки молотобойца револьвер и сказал: «Убей мне этого жида». Молотобоец револьвера не взял и рассказал об этом товарищам. Леонов тогда бегством спасся от тачки и долго не показывался в мастерской. Сейчас ему незачем было прятаться. Он ходил животом вперед.

Наступление на заработок рабочего еще более усилилось и стало повсеместным. Расценки сильно упали. Работа, за выполнение которой в пятом году рабочий получал два рубля пятьдесят — три рубля, сейчас расценивалась только в полтора рубля.

В тех мастерских, где имелись заказы, администрация, нажимая на сверхурочные работы и систематически снижая расценки, старалась обойтись одной сменой.

Общество фабрикантов и заводчиков наметило меры, направленные к оплате сверхурочных как обычных часов, и предложило своим членам нажать на штрафную политику. Путиловская администрация не нуждалась в этом

предложении: рабочих штрафовали направо и налево, штрафовали еще больше, чем до революции. За малейший протест с рабочими жестоко расправлялись.

Директор Белоножкин провел реформу заработной платы. В мае 1908 года он разослал начальникам мастерских циркуляр. Примерная таблица, составленная на основе сложной формулы, приведенной в циркуляре, предусматривала снижение расценок в массовом масштабе и еще более широкое применение сверхурочных работ. Теперь приблизиться к прежнему заработку рабочий мог только ценой непосильного изнурения. Он вынужден был оставаться в мастерских по четырнадцать-шестнадцать часов. Несмотря на постоянную нехватку рабочей силы, открыть калитки для новых рабочих директор не хотел. Наоборот, под прикрытием полицейской реакции, он старался держать «политическую» безработицу на высоком уровне и перекрывал недостаток в людях сверхурочной работой.

Такая система усиленной эксплоатации становилась образцом для капиталистов.

На совещании по делам Невского завода, созванном Государственным банком, политика путиловской администрации была рекомендована и Невскому и другим заводам. Особенно было отмечено, что без «фильтрации рабочих нельзя упорядочить» заводские дела и что Путиловский завод достиг в этом «отличных результатов».

Фронт политического наступления расширялся. Всеми силами пыталась реакция вытравить из сознания рабочих память о пятом годе.

Массовые смертные и каторжные приговоры, ссылки и аресты, разгромы рабочих организаций не могли сломить рабочий класс. Реакция мобилизовала все средства идеологического воздействия: газеты, журналы, литературу, церковь. В пятом-шестом году рабочий-массовик знал боевые рабочие газеты: «Новую жизнь», «Волну», «Вперед», «Эхо». Реакция уничтожила эти большевистские газеты. На завод начали прокладывать себе дорогу «Копейка» и «Петербургский листок».

Эти газеты не выставляли открыто монархических лозунгов: это было невыгодно для тиража. Свою реакционную политическую роль они выполняли тем, что уводили читателя от политики. Страницы их заполняли происшествия: грабежи, убийства, самоубийства в одиночку, самоубийства вдвоем, втроем, мошенничества, трупы в чемоданах, похи-

щения детей, свадьбы в княжеских домах, банкротства, бега, скачки, юбилеи.

В пятом году, когда рабочий класс шел во главе революции, в газете печатались романы, где в числе героев выступали рабочие. В годы реакции мода на рабочего прошла. Романисты отставили его из героев, и даже репортеры не ездили на окраины в поисках экзотики. Все, что касалось рабочего, было как бы отголоском революции, воспоминанием, которое газеты глушили. Путиловский завод упоминался лишь в биржевых бюллетенях, где отмечались цены путиловской акции, а о самих рабочих упоминалось только в хронике происшествий.

Широко открылась дорога на завод сыщицкой литературе. Годы реакции — время расцвета литературы о Пинкертонах, Никах Картерах. За один 1908 год в Петербурге было издано более десяти миллионов экземпляров тонких книжонок в грубо раскрашенных обложках с заглавиями: «Пещера Лейхтвейса», «Графиня-нищая», «Рука мстителя», «Лига любви» и т. п. Такую книжку за несколько копеек можно было за заставой купить у каждого газетчика. Эта литература, как яд, проникала в головы молодых рабочих, развращая неустойчивых, захватывая их уголовной романтикой.

По воскресеньям в старой путиловской церкви устраивали чтения с волшебным фонарем: «Купец Иголкин и его подвиг», «О бережливости», «Об Алексее, божьем человеке» и др. Иногда приезжал из города хорошо одетый господин и объяснял причины начавшейся в 1907—1908 годах дороговизны. Цены на товары поднимались по всей линии. Ситец вздорожал на копейку. Почему? «Потому, — говорил лектор, — что хозяева в Лодзи и в Иванове должны платить рабочим дороже, чем прежде». Керосин вздорожал на полкопейки фунт. Почему? «В Баку были беспорядки, и промышленники потерпели убытки». Вывод: отказаться от борьбы; рабочие ничего не добьются бунтами и забастовками, но зато трезвостью и бережливостью каждый может улучшить свое положение.

На лекции ходили немногие, но и они слушали лектора с недоверием: они знали, что хлеб вздорожал на полкопейки, заработки же упали на многие рубли, и даже по старой цене хлеба для семьи вдоволь не купить.

Пятый год учил рабочих безбожию. На живых примерах показывал он попов-вешателей, попов-провокаторов, попов-проповедников мракобесия и убавил число икон в рабочих

квартирах. Резче обнажилась тесная связь церкви с черной сотней и с полицейскими властями. Все это ускоряло отход от церкви многих рабочих. Часто рабочие вступали в гражданский брак, не ходили на исповедь и к причастию.

Словно пережидая, когда кончится бой, новая каменная путиловская церковь всю революцию простояла в лесах и лишь в 1907 году зазвонили ее колокола, как бы возвещая о том, что «смутное время» прошло.

Путиловская церковь, по мысли учредителей, должна была стать делом самих рабочих. Вычеты из заработка — две копейки с рубля — хотя и считались официально добровольными, фактически были принудительными.

Прочно сработанный, путиловский храм представлял собой типичный образец казенного церковного зодчества. В городе среди пятиэтажных домов он потерялся бы, но здесь он подавлял всю окраину. За Нарвской заставой не было теперь здания более заметного, чем путиловская церковь. В будние дни жизнь размерялась гудками, по воскресеньям и в праздники — колоколами. Вечерами зарево мартена падало на красные церковные стены, горело в цветных окнах...

Церковь протянула нити к иконостасам в цехах, — там около каждой иконы была своя группа. Часто такая группа включала в себя весь цеховой черносотенный актив. Образной староста собирал деньги на масло для неугасимых лампад, на яблоки к спасову дню. Образным старостой в пушечной мастерской был Дальгрин, тот самый, которого после 9 января возили к царю. Такому в гривеннике на масло не откажешь — вылетишь с завода.

На дворе между котельными стояла часовня. На фронтоне ее была надпись: «Бдите и молитесь». Революция пятого года по-своему использовала ступени часовни — они стали трибуной, откуда гремело революционное слово, и надпись на часовне не замечалась. Она словно затуманилась, поблекла, исчезла... Все крупные выступления в дни революции начинались с собраний около часовни. Сейчас революционное слово произносилось тише, в глубоком подполье, и надпись снова выступила рельефно.

Церковь развила широкую деятельность. Около нее создались группы хоругвеносцев, певчих, жертвователей. Церковь была тесно связана с путиловским отделом «Союза русского народа». Черная сотня пополнялась главным образом из горячих мастерских — мартеновской, прокатки, но отдельные группы черносотенцев имелись и в передовых

холодных мастерских — пушечной, лафето-снарядной. Большую часть завербованных составляли именно те, которые оружия не имели, на собрания не ходили, а за «конька» держались для того, чтобы не вылететь с завода.

Черносотенец инженер Пузанов говорил рабочим:

— Хочешь у меня работать — возьми конька...

«Конек» — металлический значок — Георгий победоносец на коне, убивающий дракона. «Взять конька» — значило записаться в черносотенный «союз». Но по заводу не было в обычае ходить с «коньком» на груди. Вот, когда черносотенца потянут в проходную или задержат пьяным на улице, он вынимает из кармана «конька».

«Конек» путал очередь, установленную директором для вновь принимаемых. Путиловский отдел черносотенного «союза» продвигал своих людей не только на свой завод, но и на завод Тильманса и на Тентелевский химический. «Конек» был лучшей рекомендацией при поступлении на работу.

Боевые годы черносотенства уже прошли. Сашка Половнев сыграл свою роль и, после участия в убийстве из-за угла депутата думы Герценштейна, уже не работал на заводе. Но черносотенный «союз» продолжал существовать, сохраняя полную готовность вновь заняться погромами, как только поднимется волна рабочего движения. Пока же работа черносотенцев сводилась к слежке за революционными рабочими, к доносам, пропаганде православия и самодержавия.

Все силы черной реакции — от царя до полицейского, от капиталиста до черносотенца — были брошены на то, чтобы уничтожить следы пронесшегося над страной революционного урагана. Наступление царизма и капиталистов шло по всем линиям, наступление последовательное, жестокое и беспощадное. Спасаясь от расправы, многие путиловцы бежали из Петербурга, покидали годами насиженные места. Царские ищейки гонялись за ними повсюду и, поймав, отдавали на растерзание палачам.

Путиловский рабочий Н. Сафронов уехал на родину в Псков и поселился в Александровской слободе у своих родителей. Сам преследуемый, он дал приют «лесным братьям» — латышским революционерам, скрывавшимся от карательных отрядов. 14 июля 1907 года дом Сафроновых оцепила полиция и, не пытаясь зайти в квартиру, начала стрелять в окна и двери. Издали за «боевыми действиями» полиции наблюдал псковский вице-губернатор, барон Медем.

По его знаку полицмейстер приказал облить дом керосином и сжечь всех живьем.

Из пламени с оружием в руках выбежали «лесные братья», чтобы пробиться через полицейскую цепь и уйти в лес. Их всех сразил град пуль. Руководитель латвийских батраков товарищ Лось был тяжело ранен. Из огня выскочил еще один «лесной брат». Полицейские изрубили его шашками. Обгоревшая мать Сафронова выбежала из пламени, натолкнулась на пули и шашки и повалилась на трупы. Сафронов попытался скрыться от убийц через двор, но его поймали. Полицмейстер приказал: уничтожить. Его тут же зарубили. Два латыша сгорели живьем. Товарища Лося, полуживого, истекающего кровью, повесили на ближайшем дереве.

Над всей страной простерлась окровавленная рука палача. Тысячи трупов качались на виселицах, воздвигнутых Столыпиным. Самодержавие в союзе с буржуазией пыталось поставить на колени весь русский народ, заставить его поклониться силе плети, штыка, пули и виселицы.

ПАРФУТ

Городовой Парфут всю жизнь простоял на перекрестках Нарвской заставы, меняя лишь посты — с угла Химического на угол Огородного и далее. Он встал на пост в тот год, когда умер Путилов, и мимо него пронесли гроб с покойником для погребения на взморье. Он салютовал покойнику, став перед ним во фронт, а через двадцать семь лет салютовал ему еще раз, когда тот же гроб перенесли в подземелье вновь отстроенной церкви. За двадцать семь лет, прошедших между двумя этими салютами, Парфут успел изучить каждого, кто ходил по улицам. Он козырял навытяжку, козырял небрежно, кивал головой, подмигивал, крякал. По праздникам он обходил домовладельцев и лавочников своего околотка. Лавочники помельче здоровались с ним за руку, другие высылали рубль с прислугой. Парфут не обижался. Он был нижний чин и знал свое место.

Путиловским рабочим он не козырял и не подмигивал и соприкасался с ними чаще всего в участке. Пьяных он приволакивал отовсюду: из кабаков, из канав, с кулачных боев, с кладбища в день поминовения усопших, из дома терпимости, который открылся вблизи Нарвских ворот. У Парфута была своя система укрощать пьяных и арестованных — под дыхало, без следов. Несколько раз за все

эти годы Парфут был бит в порядке ответа: вечером несколько человек налетали, набивали морду и исчезали. Рапортуя о происшедшем начальству, он сообщал, что, защищаясь, обнажал оружие и, повидимому, нанес нападавшим раны. На самом деле оружия он не применял, опасаясь на улице пользоваться шашкой и револьвером. Если на лице у него после побоища не оставалось синяков, он совсем умалчивал о происшествии, приблизительно зная, кто были нападающие, и предпочитал как следует разделаться с ними при встрече в участке.

За выслугу лет Парфут получил несколько медалей. Они блестели на его груди поверх черной шинели. Он постарел и приобрел все признаки старого городового: обветренное лицо, красный нос, седые усы с подусниками, важность осанки, неторопливость. Он имел жену и взрослого сына, дома няньчил внуков, но, становясь на пост, признавал только официальность, и если заставские ребята, обращаясь к нему, называли его дедушкой, он поправлял их:

— Я не дедушка, а городовой.

Впервые оружие понадобилось Парфуту в 1905 году. В октябре, перед манифестом, подошел к Парфуту незнакомый, бросил в лицо горсть порошка, схватился рукой за его кобуру и крикнул:

— Сдавай оружие!

Парфут чихнул, оттолкнул от себя нападавшего и удивленно спросил:

— Ты что — в уме?

Нападавший, не видя действия порошка, тоже растерялся, и тогда Парфут перешел в наступление — отскочил на три шага, довольно молодцевато выхватил из ножен шашку и поднял над головой, показывая, что будет рубить. Нападавший отступил и скрылся, а Парфут, очень обеспокоенный, спрятал шашку в ножны и проверил револьвер, ожидая дальнейшего.

От дальнейшего Парфут пришел в отчаяние. Редкое дежурство проходило гладко. В Парфута бросали камнями, налетали на него толпами, рисовали гроб на дверях его квартиры, открыто говорили, что его время кончилось. Дело доходило до того, что городовые дежурили не в одиночку, а по-двое, спинами друг к другу, настороженно держа руку на рукоятке револьвера. В район нагнали казаков. Казачьи пики день и ночь маячили на шоссе. Парфут ходил на обыски в квартирах, на разгром демонстраций, на оцепление массовок. Он тонул в грязи Шустрова острова, прятался

за деревьями Поташова поля, подбирался в лодке к островам за Емельяновкой. Однажды ему пришлось нести в участок неразорвавшуюся бомбу, в другой раз ему камнем расшибли голову. При таких обстоятельствах Парфут вспомнил, что ему пора в отставку, но до полной выслуги оставалось еще несколько лет, и пришлось ждать. Пристав не советовал ему уходить, обещая, что «катавасия» скоро кончится.

У рабочих появились палки, с виду безобидные, но Парфут знал, что внутри палок заделаны пики и кинжалы. За годы стояния на постах Парфут знал в лицо всех заставских, всякий незаставский был ему виден, особенно — если это был переодетый студент. Можно было бы кликнуть казачий разъезд, показать на студента или на парня с фальшивой палкой — их избили бы или арестовали. Но поступать так открыто Парфут боялся: казаки, сделав свое дело, уедут, а Парфуту с семьей надо жить среди рабочих. Парфут посматривал и молчал.

Многие полицейские сделали в тот год карьеру. Они находили оружие, литературу, врывались в дома, стреляли в людей. Конные полицейские в погоне за рабочими въезжали на конях в коридоры домов и получали за свою лихость благодарность в приказе. Парфут ничего этого не умел. Он был стар, ему оставалось только козырять начальству и избивать рабочих в участке.

В этом году в участках чаще всего находились политики — трезвый народ. Политики не отвечали на вопросы, рвали на глазах пристава найденные при них бумаги, при избиении протестовали и даже пели «Марсельезу», что для Парфута было уже святотатством. Парфут не любил «Марсельезу». Она для него сопровождала все страхи пятого года. Она выживала его из района. Там, где была «Марсельеза», Парфуту не оставалось места.

Парфут не ушел в отставку и дождался времени, когда «катавасия» кончилась. Он считал, что она кончилась навсегда и что иначе не могло быть: глупые люди побунтовали, сейчас самим горько.

Как в старое время, он спокойно стоял на посту, уверенный, что никто в него не выстрелит, не ударит камнем, не засыплет глаза порошком. Все эти дела кончились. Даже казаки сняты с постоянных дежурств. В районе много билетиков на окнах, извещающих о сдающихся в наем комнатах, и мало людей, нуждающихся в них.

Парфуту известно, кто куда идет: с работы, на работу,

в баню, в церковь, на базар, в трактир, на лужок к орлянщикам. Он по походке может определить: кто работает полную неделю, кто — половину и кто — совсем без работы. Почти нет незнакомых, подозрительных людей, которые торопились бы неведомо куда.

Но Парфут пристально следил за всяким случайным человеком и давал знать о нем самому приставу. Однажды, в апреле 1907 года, он заметил молодого дружинника, одного из тех, кого в пятом году видел с оружием. Парфут принял благосклонный вид и даже ласково улыбнулся парню. Он узнал его: отца этого боевика убили «союзники»-черносотенцы, — знать, и яблоко недалеко от яблони упало. Парфут доложил об этом помощнику пристава Маркову. Боевика схватили и утащили в полицейский участок, избили до потери сознания и в бесчувственном состоянии увезли в коломенскую часть. Боевик потом пошел на каторгу.

Парфут попрежнему невозмутимо стоял на посту.

Жизнь, открывавшаяся Парфуту, снова была ему понятна и проста. В назначенные часы гудели колокола. Кабаков прибавилось. У казенки Парфут мог наблюдать знакомую картину: перед дверью человек считает медяки, входит внутрь, выходит с бутылкой, вышибает пробку, отворачивается, пьет; снова входит внутрь, сдает посуду, возвращается и уже тогда закусывает, купив огурец или яйцо у какой-нибудь из торговок, которые сидят с шайками и лотками напротив казенки. На лотках нет ни яблок, ни конфет. Конфеты сейчас роскошь не только для путиловских рабочих. Спрос на них сократился по всему городу. Конфетная фабрика у Нарвских ворот распустила половину рабочих. Семейному рабочему сейчас впору думать только о хлебе.

Вот у трактира стоит оборванец. Еще недавно Парфут знал его как толкового токаря, сейчас он ходит по кабакам и ждет, чтобы ему налили стопку. Шпик сидит в чайной у окна и смотрит на противоположную сторону — на дверь книжного магазина. Недолго ему сидеть — хозяева прогорают, освобождают магазин. Еврей-часовщик идет на прием в участок, несет взятку за «право жительства» в столице. Инженерская жена на извозчике возвращается из города, как из-за границы. Дважды в день проезжает коляска кабатчика Богомолова — везут детей в гимназию и из гимназии. Женщины понесли в город узлы: в узлах солдатское белье, — берут шить на подмогу семье по три копейки с рубахи на своих нитках. Мальчик, сын рабочего, возвра-

щается из города с пустыми птичьими клетками. Он тоже помогает семье: носит на базар синичек, снегирей, чечеток — сердобольные женщины за гривенник выпускают их на волю. В обеденные часы у калитки дома, где живет мастер, появляются безработные — справиться насчет приема. Мастер подходит, рабочие снимают шапки. Все в порядке.

И однако прежней спокойной жизни для Парфута не получалось. Появились хулиганы. Хулиганы не прежние, всем известные, которые получки у рабочего не отнимут, но на бутылку потребуют, — хулиганы новые, оголтелые, с подкалыванием и раздеванием. Парфуту приходится жить с ними в мире: «Ты меня не тронь, я тебя не трону». Много беспокойства причиняет холера, которая то утихает совсем, то вдруг поднимается в городе до нескольких сот заболеваний в день. Проезжают санитарные кареты. В окно видны позеленевшие лица. На улицах расклеены плакаты: «Не пейте сырой воды». Участились самоубийства: прежде, если такое событие случалось, о нем помнили несколько лет, — сейчас перестали обращать внимание.

Пьют теперь больше, чем прежде, с болью, с воспоминаниями. Очень много возни с пьяными. А если тряхнуть как следует иногда и такого, у которого в кармане «конек», он дает сдачи или начинает ругаться и угрожать:

— Пятый год забыл, что ли? Смотри, вернется такое время...

С пьяного спрашивать нечего — он проспится, сам пожалеет, но это значит, что из его памяти не вычеркнут боевой тысяча девятьсот пятый год.

И еще беспокойнее делается Парфуту, когда в сумерки с пустырей доносится свист: свистят «Марсельезу» — не забыли. Часто гоняют на пожары: домовладельцы сами жгут свои дома ради страховки — дома из-за малолюдства дают мало доходу. При пожарах случаются странные вещи: дом горит, может быть подожженный самим хозяином, и вдруг начинается пальба, рвутся патроны, — кто-то хранил их под обшивкой. Пожарные растаскивают головешки, находят в погребах оружие. Оружие ржавое и неизвестно чье. Но есть люди, которые его хранят.

ШУРА БУЙКО

Для всех нестойких и колеблющихся реакция сыграла роль партийной чистки. Эта чистка проходила в полном молчании: не требовалось рассказывать свою биографию,

и некому было ее слушать — не было ни комиссий, ни председателей, ни собраний. Надо было всего-навсего ответить самому себе на вопрос: «Что для тебя революция и что ты для нее? Хочешь ли ты продолжать борьбу за нелегальную партию и за подготовку второй революции?» Тот, кто не мог утвердительно ответить на этот вопрос, отпадал от партии, как желтый лист падает с дерева.

И каждый новый удар, выхватывавший людей из большевистских партийных организаций, вызывал новый отход паникеров, кричавших о безнадежности борьбы. Только тот, кто до конца не терял веры в революцию, веры в несокрушимую силу рабочего класса, — только тот остался в рядах большевиков. Много мертвых листьев упало с дерева партии, но ее жизнеспособные ветки и могучий ствол, уходящий корнями в толщу рабочего класса, уцелели.

Среди интеллигентских попутчиков революции процент «вычищенных» был самым большим. В пятом и шестом году в Нарвский район на пропаганду ходили десятки студентов и курсисток, и убыль в людях немедленно восполнялась свежими силами. К концу 1907 года в районе было три-четыре пропагандиста, и убыль уже не восполнялась. Многие из бывших пропагандистов попали в тюрьму и ссылку, но еще большее число их отошло от большевистской партии.

Студент по кличке «Василий Иванович» в пятом году довольно долго держался в районе. Дома у него на столе лежал «Аграрный вопрос» или другая толстая книга, и он спешно подучивался, читая книги с карандашом и тетрадкой.

На кружке рабочих удивляло, что он обо всех партиях — и об эсерах, и о большевиках, и о кадетах — говорил одинаково бесстрастно — «они»: «Они требуют социализации, они требуют конфискации, они требуют выкупа». Его спросили:

— Это все они требуют... А вы сами чего требуете?

Он удивился вопросу:

— Чего же я могу требовать? Ведь я не рабочий и не крестьянин. Я подхожу с теоретической стороны. Мне интересно: кто в конце концов окажется прав?

Рабочие чувствовали, что у этого «защитника» рабочего класса между теорией и практикой есть неувязка.

В 1906 году студент Василий Иванович уехал на каникулы и больше в район не вернулся. Он разделил судьбу всех попутчиков революции из промежуточного слоя и легко перекинулся на другую сторону. Ренегатствующие литераторы с поспешностью, проистекавшей от нечистой совести,

выдвинули различные реакционные теории: символизм, мистический анархизм, проблему добра и зла, проблему пола. Все истины марксизма, усвоенные Василием Ивановичем за время революции, остались в его тетрадках, которые он отложил теперь далеко в сторону. Чтобы оправдать свой отход от революции, он успокаивал себя модными ренегатскими теориями, — будто никакой революции вообще не было, а был случайный бунт, всенародное помешательство.

На иной лад отошел от большевистской организации инженер Цейтлин («Елисей»), бывший активный работник. Он предпочел не рисковать за дело, которое никогда не было ему близким. С наступлением реакции «Елисей» перестал бывать в районе. Его отход от революции ускорило то, что, получив наследство, он сам стал хозяином предприятия. Он попросту объявил организатору района:

— Деньги давать буду, работать — не буду.

Жил он в центре города, на Бассейной, в богатом доме, просил, чтобы из района, если когда-либо понадобится помощь, к нему ходила Анюта Иванова, работница «Треугольника» — у нее вид курсистки, швейцар не обратит внимания...

Он помогал деньгами, давал безработным записки к знакомым инженерам, чтобы они устроили их на работу; у него можно было в крайнем случае переночевать. Большевики иногда пользовались его услугами, хотя и считали его теперь посторонним человеком для партии. Меньшевики же таких «доброжелателей» считали членами партии.

Фрезеровщик Иван Конюхов, бывший боевик, также ушел из партии, но другим путем. После роспуска боевых дружин он объявил себя анархистом, подобрал группу отчаявшихся безработных и занялся грабежами. Анархизм их был простейший: «Надо уничтожить все, открыть новую жизнь. Кто посильнее — будет жить, кто послабее — умрет».

— А ты сам из каких будешь, посильнее или послабее? — спрашивали у Конюхова.

— Я, конечно, посильнее, у меня браунинг.

Все эти анархисты и максималисты выродились в банду грабителей, лишенных каких бы то ни было связей с массой. Дело свелось к обычным грабежам и трате награбленных денег.

Литейщик Александр Гуляев в революцию пятого года был также участником боевой дружины. Когда боевые дружины распустили, он забросил работу, отошел от партии.

— Теперь уж ничего другого нельзя делать, как только индивидуально повышать свой уровень, — говорил он.

Гуляев стал готовиться в учителя. Его настойчиво и долго пытались удержать в организации, доказывая, что просветительством нельзя заменить революционную борьбу. Товарищи считали его человеком, преданным интересам рабочего класса, втягивали его в работу, но Гуляев, напуганный реакцией, все дальше отходил от партии.

Обрекая рабочего на голод, выгоняя его с завода, посылая на каторгу и виселицу, реакция десятками способов затрудняла борьбу, внося некоторую растерянность в ряды рабочего класса. Но свести его с путей революции не могла. Многое было не ясно в изменившейся обстановке. Для прежних методов открытой борьбы в данный момент не было места, новые методы работы нащупывались с трудом.

Однако подавленность, наблюдавшаяся в первый год реакции в некоторых слоях рабочего класса, носила совсем иной характер, чем у интеллигенции. Там было бегство от борьбы и желание развенчать революцию. Сознательный же рабочий твердо знал, что победит только вместе со своим классом и со своей партией.

«Сознательные рабочие, — писал Ленин, — дали отпор... неустойчивости, выступили решительно против ликвидаторства, стали брать в свои руки ведение дел партийных организаций и руководство ими».[1] За годы реакции выковались новые сотни крепких партийных руководителей, вышедших из самой толщи рабочего класса.

Летом 1907 года был уволен из механической мастерской слесарь Александр Михайлович Буйко. Через полицию ему было объявлено о высылке из Петербурга. Шура перебрался в Лигово и перешел на нелегальное положение. В эти-то дни в той же механической мастерской мастер Н. М. Гайдаш сказал сторожу Михаилу Буйко:

— Глуп твой сын. По его способностям мог бы мастером быть, а начал студента корчить — все погубил...

Подростком Шура Буйко видел, как молотобоец Дмитрий Скляр разбил сапогом икону. Единственный среди угловых жильцов, он не испугался святотатства, а постарался выяснить, почему разъяренный Скляр разбил икону. Несколько позже Обуховская оборона, получившая отклик и за Нарвской заставой, впервые заставила его подумать о полити-

---

[1] *Ленин*, Сочинения, т. XIV, стр. 27.

ческой борьбе. В 1903 году он попал на занятия социал-демократического кружка. Руководитель кружка спросил его:

— Знаешь ли ты, какая судьба тебя ждет? Пока самодержавие не свергнуто, революционному рабочему, кроме тюрьмы, ссылки и безработицы нечего ждать.

Шура ответил, что другого пути ему нет.

Революция пятого года окончательно сформировала классовое сознание Буйко. Проверять на нем доходчивость своих лекций пропагандисты уже не могли. Если лекция доходила до Шуры, это еще не значило, что ее поймут и рядовые рабочие. Пропагандистка «Дина» — И. И. Иоффе — схватилась за голову, услышав, что ее разъяснения Шуре непонятны:

— Каким же языком я говорю, если даже и Шура меня не понимает!

В годы реакции Шура Буйко стал профессионалом-революционером. То же, что с Шурой, происходило со многими молодыми рабочими. Это был слой, подготовленный первой революцией — отличной школой политических наук, приучившей к размаху, до тех пор небывалому. Став членом Петербургского комитета РСДРП, Шура Буйко налаживал связь с группами членов партии, разбросанными по всем заводам. В первые месяцы 1907 года путиловская партийная организация была еще многочисленна: в получку с одного пушечного подрайона собирали сорок рублей партийных взносов. К осени в организации осталось меньше ста человек.

Профессионал-революционер отдавал партийной работе все свое время. Он кочевал из района в район, в дневное время встречался с рабочими ночной смены, по вечерам — с теми, кто работал в дневной. Организаторы районов собирали людей и подготовляли квартиры для этих встреч. Профессионал был бездомен, ночевал — где придется, питался — когда придется, много ходил пешком. Он обычно получал из партийной кассы «диэту» в тридцать — тридцать пять рублей ежемесячно. Но «диэту» выплачивали рублями и пятерками, на разъезды денег нехватало. Много усилий уходило на конспирацию. Каждая встреча с рабочими, каждое собрание районного или Петербургского комитета большевиков требовали сложных подготовительных мер: явок, проверок, окольных маршрутов. Часы приходилось тратить на то, чтобы уйти от шпиков. Профессионал развивал в себе уменье быть незаметным, ходить не огляды-

ваясь, быстро разбираться в людях и ситуациях и угадывать опасность по малейшим признакам.

Для большевиков время было трудное. Безработица рассеивала партийные кадры; охранка преследовала их, насаждала провокаторов в партийные организации; ликвидаторы и отзовисты разлагали партию изнутри. Меньшевики-ликвидаторы, приспособляясь к столыпинскому режиму, боролись против нелегальных партийных организаций, призывали сосредоточить всю работу вокруг просветительных обществ и профессиональных союзов.

Большевики повели ожесточенную борьбу с ликвидаторством — агентурой буржуазии в рядах рабочего класса. У ликвидаторов в Нарвском районе были свои бойкие ораторы. На массовки приходили, кроме них, и меньшевистские литераторы — Череванин, Ладыженский и другие. Отбивать нападения ликвидаторов приходилось самим рабочим. Выступая однажды на массовке против Ладыженского, Шура Буйко сказал:

— Какая цена вашей легальности? Вы даже выругать нас легально не можете. Чтобы изругать подполье, вам самим пришлось собраться подпольно. Легально ругаться вам позволят только тогда, когда вы окончательно станете столыпинцами.

После дискуссий ликвидаторы предлагали свои резолюции. В практике Шуры не было случая, чтобы где-либо рабочая аудитория приняла резолюцию о роспуске нелегальной партии. В пятом году разница между большевиками и меньшевиками многим рабочим была не совсем ясна. В годы реакции, когда меньшевики распоясались и с откровенной злобой ренегатов заговорили о подполье, начисто отрицая необходимость борьбы за революцию, рабочие яснее разглядели их линию, враждебную делу рабочего класса.

Каждый вечер после собрания и беготни по районам Шура должен был думать о ночлеге. Чаще всего он ночевал в той же квартире, где происходило собрание. Рабочие рано ложились, и если разговор затягивался, можно было, не стесняясь, сказать хозяину:

— Сегодня разговору было двадцать часов. Давай — отдохнем, поспим...

Но бывало, что он застревал в центре, и тогда приходилось искать ночлега у знакомых из интеллигенции. От старого времени сохранилось несколько знакомых инженеров, врачей, учителей, которые не отказывались помочь подпольщику и принимали его приветливо. Перед сном обычно

происходил длинный разговор: хозяин ценит самоотверженность Шуры, но деятельность его представляется ему бесцельной.

— К чему все это? — говорил хозяин, уложив Шуру в постель. — Вы бегаете, недосдаете, недосыпаете. Когда-нибудь вас арестуют. Рабочие, которые вас слушают, также понесут жертвы, а победить все равно невозможно...

— Почему невозможно? — спрашивал Шура. — В пятом-то году рабочий класс показал свою силу. Разве эта сила теперь потеряна?

— Пятый год! — махал рукой хозяин. — Пятый год — стечение случайных обстоятельств, паника в правительстве, которой уже теперь не будет, стихийное движение, которое научились усмирять...

Хозяин повторял приблизительно то, что Шура читал во всех либеральных газетах: партии нет, с ней не считаются, она бессильна. Спор, если он длился, кончался резкостями, и ночевка превращалась в милость врага.

Иногда, чтобы избежать таких разговоров, Шура предпочитал ходить всю ночь по улицам или пойти в дешевую гостиницу. Гостиницы эти существовали тем, что пускали проституток и их клиентов, и к паспортам относились поверхностно и даже не всегда их спрашивали. В этих же гостиницах часто происходили самоубийства. Так как Шура являлся один, его подозревали в намерении покончить с собой. Ночью коридорный не раз подходил к его двери, прислушивался, окликал Шуру. Шура, не понимая причин его настойчивости, тревожился и сердился. Нет, кончать с собой он не собирался.

За долгие месяцы бездомной жизни у Шуры сложилась привычка мысленно писать письма, статьи, листовки. Он старался думать о людях, о работе, чтобы не задремать на ходу или не заснуть, присев на скамейку. Спящим его легче всего могла захватить полиция. В одну из весенних белых ночей, бродя по улицам Петербурга, Шура Буйко мысленно писал письмо товарищу — Иде Иоффе, бывшей руководительнице одного из путиловских кружков. Ида была больна туберкулезом, родные увезли ее в Швейцарию. Продолжая интересоваться работой в районе, она переписывалась с Шурой.

Первоначально Буйко намеревался писать обстоятельно, подробно, по возможности, картинно. В часы долгих ночных блужданий он сочинил длинное письмо, чтобы Ида Иоффе могла представить себе все трудности обстановки,

весь ужас рабочей жизни, все величие борьбы большевистской партии.

«Помните, товарищ Ида, когда вы впервые пришли к нам за Нарвскую заставу, — так начинал свое письмо Шура, — еще горели костры революции, еще слышалась пальба на баррикадах, рабочие батальоны один за другим вступали в борьбу. Тогда вы были профессиональным революционером и, проходя по Петербургу, всюду видели признаки борьбы, вещественные доказательства несокрушимой рабочей воли.

Теперь я — ваш ученик — сам стал профессионалом-революционером. Я живу на партийной «диэте», я хожу по ночному и дневному Петербургу и вижу забитые досками проходные ворота, вижу вещественные доказательства поражения революции.

Помните, товарищ Ида, как в октябрьские дни 1905 года, по инициативе нашей организации, путиловцы потребовали у своих хозяев построить родильный дом и читальню. И мы добились тогда этого — администрация стала строить здания. Теперь они выстроены, но пользуясь тем, что рабочие ослаблены, революция задушена, хозяева держат эти помещения на замке — они пустуют. В читальне есть даже шкафы для книг, но самих книг нет и, должно быть, не будет. Хозяйская свора нагло «разъясняет», что теперь рабочему не до книг, — быть бы живу и на работе. Они считают свою победу окончательной, издеваются над рабочими.

И все же в самом себе, в моих товарищах, в моей партии я ощущаю несокрушимость революции.

Однако по порядку. Что же происходит у нас в настоящем?

Это, прежде всего, нужда. Не та нужда, в которой вечно жил рабочий, — другая, необычайно острая и тяжкая, словно десятилетия нужды сразу обрушились на истощенный борьбою рабочий класс.

По привычке профессионала-революционера я пристально вглядываюсь в рабочую жизнь. Я вам без прикрас опишу то, что видел, все подробности, которые потрясли даже меня, выросшего в угловой квартире, среди голых ребятишек на холодном полу, среди грязи и невежества.

Я видел, как голодная мать совала ребенку пустую грудь. Я не разбираюсь в возрасте маленьких детей — может быть, ему было две недели, а может быть, и три месяца. Это крошечное живое существо отказывалось брать материнскую грудь. Ребенок уже привык к тому, что грудь пуста. А мать,

молчаливая, наклонилась к нему. Скупые слезы стояли у нее в глазах.

Ходил я не раз к Нарвскому отделу «Прямой помощи» — учреждению, созданному благотворительностью сытых бездельников. Видел, как однажды тысячная толпа мужчин, женщин и детей, оборванных, истощенных, опухших от голода, плакала навзрыд. В этот день закрывали отдел — помощи больше ниоткуда не поступало. А раньше сотни семей пробавлялись исключительно десятикопеечными пайками, выдаваемыми «Прямой помощью» — куском хлеба, иногда кусочком мяса или сала, чаще картошкой. Безработные заполнили Петергофское шоссе. Сотни из них живут на Горячем поле, на том самом поле, где мы не раз устраивали собрания, и среди этих бездомных и голодающих людей появилось немало отчаявшихся, бросающихся на разные способы индивидуальной борьбы. Домовладельцы, чтобы скорее выбросить безработных из квартир, вынимают оконные рамы, двери, и домишки зияют черными впадинами, как пустые глазницы черепа.

Безработные женщины на улицах вечерами робко и с отчаянием предлагают свое тело. Матери продают старших дочерей сластолюбцам-богачам, чтобы спасти остальных детей. Я сам слышал, как одна женщина говорила:

— Пускай старшая пропадает, зато остальные живы будут.

Мы произвели среди рабочих специальный сбор пожертвований для безработных женщин. Ни на что путиловцы не отдавали так охотно свои кровные копейки. И хотя сумма была небольшая, моральное значение сбора было велико.

Люди умирают на улице от голода и холеры. Только в самое последнее время хозяева города, испугавшись холерной эпидемии, устроили общественные работы. Но и это больше для отвода глаз, чем действительная помощь. Общество потребителей выбросило громадное количество порченых фруктов. Их зарыли далеко в поле. Туда пошли во множестве рабочие, они выкапывали фрукты и уносили их домой. Полиция окружила это место постами, но охрана не помогла. Копать ходили ночью до тех пор, пока и гнилых фруктов не стало.

Так живут безработные путиловцы.

В Нарвский отдел «Прямой помощи» хозяева небольших мастерских иногда присылают требования на рабочих. Посмотрели бы вы, товарищ Ида, какая радость охватывает счастливца, посылаемого на работу. А ведь хозяйчики дают

требования неспроста. Они знают, что измученный голодом рабочий согласится работать за полцены. Знают это и сами безработные, но покорно берутся за все. Но даже здесь я ощутил нашу несокрушимость. Десять безработных, голодающих свыше полутора лет, были посланы на фабрику Наумана. Узнав, что ими хотят заменить бастующих рабочих, они вернулись обратно и заявили:

— Лучше умереть честно от голода, чем быть сытыми предателями.

Специалисты-мастеровые соединяются в артели: плотницкие, кузнечные, слесарные, надеясь кое-как перебиться в тяжелое время. Вместе как-то спокойней, — говорили они мне.

И ежедневно, ежечасно находясь среди такой нужды и народного горя, еще больше укрепляешься в светлых наших идеалах. В эти идеалы, в наш путь борьбы верят рабочие — и те, которые группами бродят от порта к погрузочной станции, от лесной биржи к гавани, и те, которые часами стоят у «Прямой помощи». Они говорят с той уверенностью, от которой сам становишься бодрее и забываешь о том, что ты бездомный, голодный, травимый:

— Все равно, переборем.

Боевой дух, даже в нынешние трудные времена, жив в нашем рабочем.

На Путиловском заводе увольняют всех строптивых и непокорных, хотя потребность в рабочих есть. Очевидно, хозяева действуют обдуманно и планомерно, так как это повсеместное явление. Путиловцы уходят с завода и не могут нигде устроиться на работу. Везде требуют удостоверений с последнего места работы — новая форма приема. Человека с путиловским аттестатом гонят отовсюду. Именно путиловцам мстят сильней, с пристрастием, с издевкой:

— Токарей надо, путиловцев не требуется.

В ответ на эти издевки и мытарства не раз слышал я такие заявления, которые со всей отчетливостью показывают, как вырос рабочий класс политически, как зрело он понимает свои задачи.

— Мы люди злые, — сказал как-то один рабочий, — мы озлобленные люди с давних пор — с тех самых пор, как первый рабочий был выброшен с первой фабрики и стал безработным.

Вы вспомните, товарищ Ида, как вы втолковывали нам мысль о необходимости борьбы против всего капиталистического строя. А теперь эта мысль становится заветной

мыслью рядовых путиловцев, и от нее они не отступятся никогда и ни за что.

Мне пришлось быть в семье одного рабочего, моего соседа по старой угловой квартире. Я знал его как неискушенного в политике человека, почти довольного своей судьбой. Сейчас он пока еще работает. Говоря о безработице и ее последствиях, он заметил:

— Теперь мы учены жизнью своей не дорожить. Я уж, когда придется в бою быть, врагу пощады не дам... Такое тебе всякий скажет, если сумеешь допытаться. Смелости в нас прибавилось.

Недавно я слышал, как дети рабочих пели «Марсельезу» и «Смело, товарищи, в ногу». Происходило это в пустой комнате, где уже не было мебели — всю продали. Дети сидели на куче грязного тряпья, они были изможданы, но когда пели нашу боевую песню, глаза их задорно блестели. Эта сценка тронула меня до слез.

Спешу закончить, расписался. Условия нашей работы стали значительно сложней и опасней: полицейские силы теперь сосредоточились сильней всего вокруг нас. Но, как видите, мы живы, бодры и, несмотря ни на что, не ослабляем нашей борьбы и работы...»

Так думал Шура написать письмо. Но для этого надо было располагать несколькими свободными часами, которых у него никак не находилось, и чтобы как раз в эти часы под руками был стол, бумага. И вместо подробного, большого письма в мае 1908 года он написал короткое и сжатое:

«Ни гроша нет ни в одном из наших учреждений: на 1 мая не могли издать ни одного листка... Работы страшно много, а главное — голод... Приходится самому писать листки, гектографировать и т. д... репрессии невыносимы. Завод Тильманс рассчитан; безработные превращаются в невозможных людей. Голод лишает их почвы; бросаются в разные стороны индивидуальной борьбы, отрицая планомерность».[1]

Но на пути в Швейцарию находился «черный кабинет» — тайное отделение центрального почтамта, где агенты полиции вскрывали всякую подозрительную корреспонденцию. Там это короткое письмо Шуры вскрыли, копию отправили в департамент полиции, где ее приобщили к розыскным материалам по делам РСДРП.

---

[1] «Красная летопись», № 9, 1923 г., стр. 84.

III ГОСУДАРСТВЕННАЯ ДУМА

Задолго до выборов в Государственную думу директор Путиловского завода Белоножкин пригласил к себе все заводское начальство и сотенников — вожаков черносотенных групп в мастерских. Он говорил о предстоящих выборах и приказал — добиться, чтобы выборными от Путиловского завода были «истинно-русские люди».

Директора сменил начальник паровозосборочной, он же главарь заводской «черной сотни», Пузанов. Он обещал силами своих молодцов окончательно искоренить революционный дух в заводе и даже провести своего депутата в думу. Повернувшись к своим сотенникам, он сказал, что каждый из этих преданных престолу людей может быть депутатом и что они постараются послать от себя такого, который поддержит честь путиловского отдела «Союза русского народа».

Черносотенцы встали и в ответ одновременно гаркнули по-солдатски: «Рады стараться» — и больше не садились, потому что, по знаку Пузанова, им предстояло уйти. Их повели в соседнюю комнату, где были приготовлены вино и закуска. Начальство осталось обсуждать директорский план выборов.

В эти же дни районный комитет социал-демократической партии созвал собрание представителей цехов Путиловского завода — сборщиков, делегатов союза металлистов, чтобы обсудить вопрос о привлечении масс к думским выборам. Перед этим Шура Буйко ездил к Ленину в Финляндию на совещания об избирательной кампании в думу. В его присутствии произошел спор между Владимиром Ильичем и Богдановым о бойкоте III Государственной думы. Богданов, глава бойкотистов, уверял, что петербургские рабочие пойдут за бойкотистами. Шура взялся это опровергать. Видя Богданова впервые и не зная о том, что это глава бойкотистов, Шура говорил с ним как с наивным, ничего не понимающим человеком. После спора Ленин, улыбаясь, объяснил, что Богданов далеко не так наивен, как кажется Шуре.

На собрании, созванном Нарвским районным комитетом, Шура Буйко объяснял задачу: разбить равнодушие к выборам в думу, наблюдающееся в некоторых слоях рабочих. В выборах — обязательно участвовать. В качестве уполномоченных выдвигать людей сознательных, сохранивших мужество и волю к борьбе перед лицом реакции. Он говорил об ошибочности линии бойкота, о позиции большевист-

ской партии, выраженной в статьях Ленина и решениях Петербургской конференции социал-демократов: в думу пойти, чтобы использовать ее как трибуну для агитации и пропаганды социалистических идей, для развития революционного пролетарского сознания масс, для разоблачения черносотенного характера думы и закона третьего июня, ее породившего.

Когда перешли к докладам с мест и обсуждению списка кандидатов, собрание было прервано появлением полиции. В классную комнату (собрание происходило в школе) ворвался с толпой городовых пристав Пестов. В обеих руках его было по револьверу:

— Все арестованы! — крикнул он.

Арестованных увели и продержали под арестом до конца выборов.

Закон третьего июня, устанавливая новое положение о выборах, сильно урезал и без того ничтожные избирательные права рабочих, «дарованные» царской конституцией. Миллионы трудящихся были лишены права участия в выборах. По новому закону, землевладельческая курия избирала одного депутата на 230 помещиков, а по рабочей курии один депутат приходился на 125 тысяч рабочих. Кроме того, правительство ввело различные ограничения, чтобы раздробить основное ядро рабочих избирателей и разжижить его крестьянским элементом из пригородов. Заводы, расположенные в черте города, в том числе заводы Выборгской, Петербургской стороны и Васильевского острова, в выборах по рабочей курии не участвовали. Строители, чернорабочие, рабочие мелких предприятий были вовсе лишены избирательных прав.

Система выборов по рабочей курии была трехстепенной. Рабочие выбирали уполномоченных по одному на тысячу человек. Собрание уполномоченных от рабочих всей Петербургской губернии выбирало шесть выборщиков, и одному из этой шестерки было обеспечено депутатское место в думе, но выбирала депутата не сама шестерка по своей воле, а общий съезд выборщиков от губернии, включая помещичьих, домовладельческих и крестьянских выборщиков. Достаточно было, чтобы один из шестерки оказался черносотенцем, правым или умеренным, чтобы помещичье и купеческое большинство выбрало рабочим депутатом именно его.

Выборы уполномоченных на Путиловском заводе были назначены на воскресенье 9 сентября 1907 года. Вместо того чтобы выбирать уполномоченных непосредственно

в цехах, объединяя мелкие и средние мастерские в один избирательный округ в тысячу человек, каждая мастерская независимо от числа рабочих выбирала у себя по одному так называемому «выборному». «Выборным» от цехов надлежало избрать уполномоченных. Это было, по существу, нарушение закона о выборах, введение новой, четвертой ступени. Коварный план директора Белоножкина состоял именно в этом. Он пытался провести его и при выборах во II Государственную думу, но тогда рабочие не дали его осуществить. Теперь же этот план удался. Опасаясь расчета, никто не решался возражать против новой ступени в выборах — директорского дополнения к избирательному закону.

Тем не менее маневр дирекции — протащить черносотенцев — провалился. Среди тридцати одного «выборного» не было ни одного ставленника черносотенцев. А среди избранных от Путиловского завода девяти уполномоченных было несколько большевиков, остальные же поддерживали их.

Самым старым среди уполномоченных был большевик Анисим Федорович Костюков, с виду безобидный простоватый старичок. Ему было больше пятидесяти лет. Он работал токарем в лафето-снарядной. В дни избирательной кампании в думу на квартиру к Костюкову приходили уполномоченные, которых он подготавливал — говорил с каждым, объясняя, что нужно действовать сплоченно, всем вместе. Через него уполномоченные познакомились с кандидатами, выдвигаемыми Петербургским комитетом большевиков в качестве выборщиков по рабочей курии. Путиловский завод давал значительную часть общего числа уполномоченных — девять человек. Надо было сплотить их, объединить, чтобы на общегубернском собрании уполномоченных своей организованностью и политическим авторитетом Путиловского завода они могли повлиять на одиночек с мелких предприятий.

Некоторые из уполномоченных раньше не встречались, но на выборах действовали сплоченной группой, вожаком которой был Костюков.

В этом внешне простоватом рабочем, в его складных, богатых примерами рассказах люди чувствовали живой практический ум и уменье всегда найти выход. Как раз тогда, по указанию Петербургского комитета, партийная организация завода подготовляла митинг протеста против суда над арестованными социал-демократами — членами II Государственной думы. Недавние выборы показали, как трудно, почти невозможно организовать митинг внутри

завода. Все стали втупик. Костюков нашел выход. Он предложил воспользоваться многочисленными нарушениями закона о выборах и под видом перебаллотировки неожиданно и напористо устроить собрание в одном из крупных цехов. Пока цеховое начальство одумается и начнет выяснять в главной конторе, полагается или не полагается перебаллотировка, — митинг будет проведен, нужное будет сказано.

В день, назначенный для митинга, по цехам открыто извещали, что в сборочном пролете пушечной мастерской состоится перебаллотировка. Митинг состоялся. Никаких перевыборов не было. Лишь два никому неизвестных человека произнесли речи о зверствах правительства и о суде над втородумцами. Протест против суда был принят рабочими. Впоследствии по призыву Центрального комитета РСДРП с успехом был проведен сбор по всему заводу на втородумцев, уже находившихся на каторге.

Такой же митинг протеста против расправы с втородумцами провели при помощи путиловцев и рабочие Резиновой мануфактуры.

На Тентелевском химическом заводе митинга провести не удалось, хотя он и был заранее подготовлен. Накануне на квартире рабочего-химика Пименова собрался тентелевский кружок, которым руководил Буйко. Обсуждали меры предосторожности: как провести оратора на завод, как оповестить людей. Выработали резолюцию. Не успели еще разойтись все собравшиеся, как в квартиру ворвались два городовых, а за ними — пристав. Около двери ему подвернулся рабочий. Привычным ударом пристав сбил его с ног. Изо рта упавшего потекла кровь.

Обыск был поспешный и нарочито разорительный. Этажерку для книг отбросили с такой силой, что она рассыпалась на части. Подушки, белье, одежду свалили в кучу посередине комнаты. Один из городовых держал в руках щуп — длинное шило толщиной с карандаш. Он протыкал шилом подушки и вспарывал подкладку одежды, ища нелегальщину.

В участке рабочих-химиков подвергли допросу. Пристав Пестов выпытывал фамилию автора резолюции. Сначала он говорил ласково. Он прекрасно знает рабочих и не видит причин, которые понуждают их вмешиваться в борьбу каких-то интеллигентских групп против правительства:

— Вы же сами знаете, что ничего из этого не выйдет. Зачем же вы губите себя?

Арестованные молчали. Не добившись успеха, пристав

стал угрожать и запугивать их. Но и это не помогло. Рабочие отделывались ничего не значащими ответами: не знаю, не могу знать, не видел, не слышал.

Пристав передал рабочих городовым, а те, прежде чем отправить их в жандармское управление, избили до того, что арестованные еле передвигали ноги.

Полицейские расправы, аресты, высылки — ничто не останавливало рабочих. Путиловцы, резинщики, семянниковцы — рабочие всех заводов Петербурга внимательно следили за ходом выборов в Государственную думу; собирались, обсуждали, как должны вести себя депутаты в царском парламенте.

В конце сентября губернское собрание уполномоченных избрало выборщиков, а 17 октября состоялось собрание выборщиков для избрания депутатов думы. Для того чтобы от рабочей курии прошел Полетаев, намеченный Петербургским комитетом РСДРП, всем остальным рабочим-выборщикам надо было отказаться от баллотировки. Полетаев баллотировался дважды и оба раза был провален выборщиками от помещиков и буржуазии. Зная Полетаева как революционера, охранное отделение влияло на выборщиков-реакционеров. И все же собрание вынуждено было избрать Полетаева депутатом Государственной думы, так как остальные рабочие-выборщики, как и было договорено, баллотироваться отказались.

В социал-демократической фракции III Государственной думы, кроме Полетаева, были еще два большевика. Остальные тринадцать депутатов были меньшевики. И уже первые выступления фракции показали, что трибуна думы используется меньшевиками не так, как того требовали интересы рабочего класса. Сознательные рабочие, внимательно следившие за работой фракции, эти выступления воспринимали с недовольством и возмущением.

Недовольство тактикой социал-демократической фракции думы было использовано отзовистами — антипартийной группой внутри РСДРП. Они потребовали отзыва из думы социал-демократических депутатов, выступали против использования думской трибуны и начисто отрицали все другие легальные формы работы.

Агитация отзовистов вела к отрыву партии от рабочей массы. Отзовисты пытались превратить партию в узкую конспиративно-сектантскую группу, ликвидировать ее как партию рабочего класса. Ленин называл этих революционеров фразы «ликвидаторами наизнанку».

За Нарвской заставой в районном руководстве отзовистов

не было. Среди рабочих отзовистом считался модельщик Иван Абрамов («Курчавый»), который, хотя и работал активно в лиге «Образование» и в профессиональном союзе модельщиков, но в спорах высказывался за отказ от легальных возможностей. В борьбе с отзовистами, приезжавшими за Нарвскую заставу, путиловские большевики получили большую помощь от Иннокентия (Дубровинского), члена Центрального комитета большевиков, приехавшего летом 1908 года в Петербург. Большевистские партийные группы, разбросанные по всему Петербургу, через Иннокентия связывались с Лениным и Центральным комитетом.

После встречи с Иннокентием районный комитет выпустил за Нарвской листовку, специально посвященную социал-демократической фракции III думы. Листовка говорила об обязательности жестокой критики ошибок социал-демократических депутатов, одновременно выдвигала задачу борьбы с отзовистами, подчеркивая необходимость использования думской трибуны. Печатали ее у себя в районе, разбросали на Путиловском заводе по всем цехам. Говорили об этом и на немноголюдных, но довольно частых сходках. Ни одно выступление социал-демократической фракции не проходило мимо внимания путиловцев. Через Полетаева узнавали они, что происходило и будет происходить в думе и во фракции. Полетаев часто напоминал путиловцам о большой роли Путиловского завода. Он говорил, что именно здесь, где под одной крышей работают тысячи пролетариев, не надо бояться никаких трудностей революционной борьбы. Всегда ровный, бодро настроенный, Полетаев вселял в сердца путиловских большевиков уверенность и боевой дух. Он говорил:

— На каждого из нас приходится теперь вдесятеро больше работы: многие бегут из партии, шатаются. Но мы ведь из хорошего материала сделаны, мы не согнемся и не сломимся.

Он ходил по цехам. Мастера, помнившие его еще депутатом первого Совета, угодливо кланялись ему, а Полетаев с усмешкой спрашивал:

— А здорово прижимаешь народ?

Полетаев шел дальше, подходил к станку, за которым когда-то работал. Пробегал смотритель завода Чачи, словно бы и по делу, но с единственной целью: приглядеться к депутату, узнать, что делает, с кем говорит. У депутата был мандат неприкосновенности, вывести с завода его нельзя — следовательно, надо сделать так, чтобы рабочие

сами не захотели его слушать, а кто поговорил — тому расчет. Полетаеву сообщали о соглядатае. Он поворачивался и шел прямо на смотрителя. Тот поспешно скрывался.

Так обходил Полетаев несколько цехов, всегда заглядывая в родную лафето-снарядную. Заходя туда во время обеда, он садился хлебать с товарищами теплые щи из чугунка, закусывал, пил чай.

Перед отъездом на время летних и осенних перерывов Государственной думы он обязательно заходил попрощаться, поговорить с рабочими и близкими товарищами, чтобы с новыми сведениями ехать в провинцию.

— Наши зубры пошабашили, — говорил он о большинстве думы — помещиках, попах и заводчиках, которые на каникулы уезжали отдыхать от «законодательной» работы. — Они разъехались гулять по своим имениям, а нам надо по заводам, по фабрикам — расшевеливать массы против царского режима и против капиталистов.

Несмотря на полицейские рогатки, слежку, исключительно тяжелые условия жестокой реакции, Полетаев объезжал заводы других городов и всюду крепил партийные связи, созывал рабочие собрания, собирал материалы для думских запросов.

К думским выступлениям Полетаев готовился тщательно и кропотливо. Он знал, что сила его слов будет зависеть исключительно от точного и детального знакомства с вопросом, от четкого и правильного изложения большевистских принципов.

Главная задача думских большевиков в этот период состояла в том, чтобы разоблачить до конца кадетов — партию либеральной буржуазии. Пресмыкаясь и холопствуя перед царизмом, кадеты все более проявляли себя как контрреволюционная сила. Они стремились привлечь на свою сторону крестьянство, сделать его своим резервом, оторвать от пролетариата его многомиллионного союзника. Кадеты были поэтому самыми опасными врагами революции. «История этого периода есть история борьбы кадетов (либеральная буржуазия) и большевиков (пролетариат) за крестьянство». [1] «. . .Не изолировав кадетов, нельзя было рассчитывать на *разрыв* крестьянства с царизмом, не обеспечив же этого разрыва, — нельзя было рассчитывать на победу революции». [2]

---

[1] *И. Сталин*, Вопросы ленинизма, изд. 11-е, стр. 37.
[2] Там же, стр. 95.

Полетаев, выполняя директивы партии, неоднократно громил кадетов с думской трибуны. На заседаниях думы он говорил, что партия кадетов, которая называет себя партией «народной свободы», когда дело доходит до действительной народной свободы, отступает перед столыпинским правительством тюрем и виселиц. И не только отступает, а целиком поддерживает правительственную систему полицейского сыска и провокаций. Полетаев говорил, что агенты политического сыска являются организаторами провокационных убийств, покушений, экспроприаций. Кадеты притворно ругают правительство за это, но деньги на полицию, на репрессии против народа, на расправы с крестьянством — ассигнуют аккуратно и в больших суммах. Правительство, поддерживаемое кадетами, лицемерно отводит от себя обвинения в провокации.

«Г. председатель Совета министров, — говорил Полетаев,— на все эти обвинения, как я раньше уже сказал, ответил словом «нет» и сорвал здесь, в третьей Государственной Думе, оглушительные аплодисменты. Но ведь, гг., эти аплодисменты очень дешевые. Эти аплодисменты, вы знаете чьи? Это аплодисменты столыпинских подпевал. Вы своими аплодисментами, гг., довели до того, что и правительство и народ презрительно проходят мимо третьей Государственной Думы (Голоса: «Это безразлично, что вы говорите». Голос справа: «Но как он смел!»)». [1]

Черносотенные зубры криком и свистом мешали рабочему депутату-большевику. Но они не могли заставить его замолчать. Через их головы обращался он от имени единственно революционной партии пролетариата к широким народным массам. С думской трибуны он разоблачал правительственные махинации, контрреволюционность кадетов и клеймил позором всю систему столыпинской «военно-полевой конституции».

ЛЮДИ И СВЯЗИ

Нити из всех цехов сходились у Антона Васильева. Сам Антон с Путиловского завода был уволен в начале 1907 года. Жил он с сестрами у отца, который работал в меднолитейной мастерской на сокращенной неделе и приносил всего восемнадцать-двадцать рублей в месяц. Семья жила впро-

[1] Стенографические отчеты Государственной думы III созыва, сессия II, ч. II, стр. 1598.

голодь. Антон, как и многие безработные, грузил лес в порту. Когда он, мокрый и грязный, возвращался с погрузки домой, едва ли у кого из встречных могла возникнуть мысль, что этот здоровенный, пухлощекий крючник занят делами путиловской партийной организации.

Дома Антон обедал, переодевался, и сейчас же начиналась беготня по многочисленным флигелям Богомоловской улицы или Огородного переулка — собирание людей на кружок, на деловой разговор, передача поручений. Он бегал по гулким деревянным лестницам, заглядывал в окна, стучал в двери условным стуком. После увольнения Антон не имел доступа на завод и связь с цехами налаживал по квартирам.

Он умел находить и связывать людей. Искал ощупью, от человека к человеку, преодолевая настороженность и недоверие. Если до него доходило, что в какой-нибудь мастерской или на соседнем заводе есть человек, которого можно вовлечь в организацию, он заводил знакомство, ходил вокруг с хитрой, чуть косоватой улыбкой и, наконец, ставил вопрос напрямик. Прямота всегда хорошо действовала на тех, кто сидел в своем углу и считал, что никакого подполья не существует, кто говорил: «Нас мало. Что мы можем? Какой смысл переть против рожна?..». У такого человека после беседы с Антоном часто менялось настроение. Самый факт разговора о подполье убеждал, что подполье существует. Антон бился за каждого человека. Он долго и упорно удерживал тех, кто начинал отходить от организации.

Когда Антон почему-либо исчезал из района, связь и вверх и вниз нарушалась, одиночки забивались в углы. В организации говорили:

— Есть Антон — есть и связь...

Большевики были сильны высокой организованностью, сознательной дисциплиной, знанием жизни и запросов рабочего, тесной связью с массами. Если нужно было передать в массы партийное решение, сейчас же, будь это глухая ночь, члены организации обходили квартиры нескольких десятков активных рабочих, те утром на заводе передавали полученные вести новым товарищам, эти в свою очередь другим. Словно ток по проводам, мысль партии в кратчайший срок проникала в рабочую среду.

Нарвский районный комитет объединял, кроме Путиловского завода, некоторые другие предприятия («Тильманс», Тентелевский химический, Резвоостровскую мануфактуру,

женский кружок текстильщиц и галошный). Цехов на Путиловском заводе было тридцать шесть. Каждый крупный цех (пушечная, лафетная, мартеновская, прокатка) составлял отдельный подрайон. Мелкие цеха объединялись в один подрайон по нескольку: все паровозные, все вагонные вместе с лесопилкой, кузница вместе с испытательной станцией, чугунолитейная вместе с меднолитейной и другие. Всего на заводе было двенадцать подрайонов и в каждом — свой организатор.

Старые партийные связи после массовых увольнений седьмого года были нарушены и сохранились лишь в отдельных цехах: в котельной — группа большевиков из кружка А. П. Шоломовича; в пушечной — группа И. Д. Иванова; в чугунолитейной — Максима Анисимова; в прокатке — А. Гуденкова и Василия Орлова; в железнодорожном цеху оставался один И. Я. Козлов. Все это были рабочие, пережившие революцию пятого года в зрелом возрасте.

Старик Костюков был членом Петербургского комитета РСДРП. От его имени подали заявление градоначальнику, когда в районном комитете возникла мысль открыть свой легальный клуб. Он выступал на первый план при переговорах с полицией как наиболее солидный и умел своим мнимым простодушием сбивать полицейских с толку. Его квартира в Школьном переулке, в доме № 3, была удобным местом явки для пропагандистов из города. Обе дочери Костюкова, Шура и Ксаня, были портнихами, к ним часто ходили заказчики, и никто не обращал внимания, если в квартиру направлялась курсистка в шляпке и городском платье. Отсюда она выходила одетая попроще, в платочке или шали, и шла на пропаганду. В его же квартиру курсистки приносили литературу из города. Не раз они приходили сюда толстые, с тугой талией, шли за занавеску к дочерям и выходили оттуда похудевшими. Дочки Шура и Ксаня в кошелках и под платьем переносили листовки к Антону Васильеву. Антон передавал их тем, кто проносил литературу на завод.

Пожилой чернобородый прокатчик Василий Орлов, работавший на подвозке болванок к печам, был для путиловской организации особо ценным человеком, потому что пришел из отсталого цеха. В прокатке, несмотря на то что в ней было много черносотенцев, Орлов имел авторитет. Товарищи спрашивали:

— Как ты с ними ладишь?

— Я особенно не вылезаю. Я как все: водку пьют — и я

не отказываюсь; Иоанна Кронштадтского хвалят — и я пока не ругаю. Рабочий человек когда-нибудь во всем разберется. Я его с другой стороны поворачиваю: я его склоняю в профессиональный союз. Думаешь, черносотенец не понимает, что он много работает, мало получает? Я ему говорю: возьми в пример путиловскую церковь — ведь по копеечке на такую махину собрали, да еще тысячные дачи себе построили наши благодетели. Неужели же мы своего союза не соберем?

Кто-то из богачей, покровительствовавших черной сотне, пожертвовал путиловскому отделу черносотенного «союза» новое знамя с золотым Георгием победоносцем. Знамя освящали в путиловской церкви, а затем под охраной казаков понесли в отдел на Ушаковскую улицу. В процессии шли заводские черносотенцы, с «коньками» на груди. Преобладали красные обожженные лица мартеновцев, тигельщиков, прокатчиков. Разница была только в том, где и как обожжено: у мартеновцев и прокатчиков огонь в лицо — обожжены скулы; у тигельщиков огонь снизу — обожжены ноздри и кончик подбородка.

Орлов стоял на тротуаре вместе с товарищем.

— Ну, вот пошли твои паленые бороды, — сказал тот, показывая на прокатчиков. — Долго еще они у тебя будут с коньками ходить?

— Погоди, — хитро сказал Орлов, — я их еще поверну.

Орлов медленно поворачивал неподатливый цех, налегая на профессиональный союз. Он знал, что политическая агитация успешнее действует тогда, когда она связана с повседневными нуждами рабочего, с его борьбой за улучшение условий труда.

Токарь пушечной мастерской Иван Дмитриевич Иванов в тридцать лет был одним из старых членов организации. В 1907 году, после массового сокращения рабочих, понадобилось привести в порядок дела районного отделения союза металлистов. Организация поручила это дело Иванову, выдвинув его в ревизионную комиссию. Правление было преимущественно меньшевистское. Задачей Иванова было сделать союз организацией политической, не давать ему опускаться до уровня легальной приходо-расходной кассы.

Районный отдел профессионального союза занимал квартиру в одну-две комнаты, с несколькими скамейками для посетителей, столом для секретаря и делопроизводством на триста-четыреста карточек. Существовал союз на положении поднадзорного, боролся за самую возможность существова-

пия, менял вывески. Закрывался как «Общество рабочих по обработке металла» и возрождался как «Союз металлистов» и т. п. Менял адреса (Земская, дом № 23; Огородный, дом № 5 и т. д.). Платных работников не было. Вся работа выполнялась добровольцами.

Союз был малочисленной организацией. В чугунолитейной в 1907 году из трехсот рабочих было двенадцать членов союза, в мартеновской — тридцать членов союза на пятьсот работающих. Не все мастерские входили в союз металлистов. У модельщиков был свой союз модельщиков, а впоследствии они слились с деревообделочниками. Рабочие вагоностолярной и вагономалярной также входили в союз деревообделочников.

Жестяная вывеска на лестнице деревянного дома в Огородном переулке была не больше вывески сапожника, но и она выглядела «крамольно». Время от времени в помещение союза вламывался околоточный с ватагой городовых. Он проверял, не нарушено ли распоряжение пристава Нарвской части о том, чтобы в помещении союза находилось не более одного посетителя. Иногда ворвавшиеся расшвыривали бумаги, опрокидывали мебель, разыскивая нелегальщину. Забирали с собой всех рабочих, находившихся в союзе, для выяснения личности, морили их в участковых клоповниках, строптивых избивали и увечили. Но союз продолжал существовать. Картотеку вновь приводили в порядок. Сборщики и рабочие продолжали ходить в союз, приносили членские взносы, сообщали о положении в цехах, получали журнал, издаваемый общегородским союзом. Самая принадлежность к союзу являлась признаком неблагонадежности. В пушечной мастерской Иванову приходилось сталкиваться с запуганными товарищами, которые откупались от союза:

— Ты возьми с меня деньги, но чтобы ни в каких списках моей фамилии не было. Членской книжки мне тоже не нужно. . .

Сборщик-меньшевик удовлетворялся тем, что ему аккуратно платили взносы. Сборщик-большевик рассматривал профессиональный союз как организацию, связывающую массу с партией, и при сборе взносов вел политическую агитацию. В годы реакции работа сборщика была трудной, требовала большой настойчивости. Приходилось собирать не только членские взносы, но, по поручению большевистской организации, производить сборы на арестованных и ссыльных товарищей.

Секретарь районного комитета Мария Степановна Савинская («Соня») жила в доме для заводских служащих, примелькалась полиции, и это облегчало ей работу в районе. Ее обязанностью было ходить в город на явку Петербургского комитета, доставлять литературу, вербовать пропагандистов, связывать их с кружками, доставать паспорта для нелегальных, вести отчетность по взносам в партию. На ее же обязанности было добывать «партийную диэту» профессионалу, квартиры для собрания районного комитета, хранить его печать, очищать квартиры арестованных от нелегальной литературы до прихода полиции, налаживать передачу в тюрьму.

Явка Петербургского комитета помещалась обычно в какой-нибудь из дешевых столовых, которые около этого времени в большом числе возникли вблизи учебных заведений. В этих столовых посетитель сам ходил на кухню за первым и вторым. В постоянной толчее можно было незаметно для других переменить места, разойтись, сказать друг другу несколько слов. На явку приходили из всех районов. Секретарь Петербургского комитета давал адреса, откуда получать литературу. Основные трудности возникали при доставке в районный комитет литературы массового характера, приходившей в большом количестве экземпляров. Осенью и зимой 1907 года за литературой подобного рода чаще всего посылали на Васильевский остров. Соня шла на остров одна или звала кого-либо из молодежи: Шуру Малого (А. Федорова) или Ваню Костюкова. Литературу Соня прятала под платьем, вокруг груди и по подолу нижней юбки. Верхние юбки тогда носили длинные до земли; если загнуть край нижней юбки и заколоть булавками, получался мешок. Пальто по тогдашней моде было удобное — без талии. Шура Малый прятал литературу на груди и вокруг пояса. Иногда и он и Соня так распухали, что с трудом сидели на извозчике. В район привозили литературу к ночи, оставляли у Костюкова или у других товарищей. К делу приступали девушки-подростки: Шура и Ксаня — дочери Костюкова, Христя и Марина — сестры Васильева, Настя — сестра Шуры Буйко. Они обегали членов организации и сообщали, куда притти за литературой. Утром, перед выходом на работу, являлись представители подрайонов.

Соня работала весело. Невысокая, чистенькая, в блузке с черным галстуком, слегка надушенная, она всегда была

в движении и, добравшись до рабочей квартиры, удивительно весело улыбалась.

— Чего вы улыбаетесь, — говорил ей старый Михаил Буйко. — Ведь вас не сегодня-завтра заберут.

— Ну что ж, — улыбалась Соня. — От тюрьмы да от сумы я не зарекаюсь...

По воскресеньям Соня приходила в район пораньше. Приходили и другие пропагандисты, приводя с собой певцов и декламаторов из студентов. Они собирали знакомых рабочих. Если дело было летом — шли с ними куда-нибудь на взморье, декламировали «Песню о буревестнике», пели, веселились, читали «Мать» М. Горького, рассказы Чехова и другие художественные произведения.

Интерес к художественной литературе среди рабочих был велик. Шура Буйко замечал, с каким практическим интересом, желая чему-нибудь научиться из книг, читали рабочие и делали свои выводы, обсуждая прочитанное. Однажды на одной из массовок к нему подошел рабочий и спросил:

— Читал я Арцыбашева «Санин», не нравится мне эта книга. Скажи, почему писатели ударились в порнографию, стали клеветать на революцию?

Шура Буйко подробно объяснил, откуда хлынул поток клеветнической литературы. Он говорил о ренегатах и предателях революции, которые всеми способами отрекались от нее, уходили в порнографию и мистику. Буржуазия наводняет книжный рынок бульварными романами, сыщицкими рассказами, всякой литературной трухой, делая все, чтобы затемнить головы.

— Ну, нас не затемнишь, — уверенно заметил рабочий, — свое-то мы добудем.

На массовках становилось очевидным, как жива и крепка потребность рабочих масс в революционном слове. У руководителей массовок спрашивали, почему так слабо поступает подпольная литература, в чем задержка. Приходили за разъяснениями газетных сообщений, требовали лекций о положении рабочих за границей. Большевистские организаторы каждый раз убеждались, что, несмотря на реакцию, запросы масс огромны. Затруднения происходили не столько оттого, что реакция всеми мерами глушила и убивала энергию рабочих, сколько из-за недостатка партийных сил, могущих обслужить массы книгой, листовкой, своевременным освещением происходящих в стране событий. Лекции, прогулки, вечеринки, совместные чтения — все это еще

теснее связывало большевиков с рабочими массами. В тяжелых условиях столыпинской реакции большевики использовали все возможности, чтобы собирать силы и готовить массы для нового подъема революционной волны.

ШКОЛА И КРУЖКИ

В лигу «Образование» на лекции и танцы ходили двести-триста человек. Руководители лиги, меньшевики-ликвидаторы, толкали их на путь культурничества и реформизма, отвлекали от политической борьбы. Лига — легальный рабочий клуб, созданный в 1907 году, — стала в районе оплотом ликвидаторов. В лиге читали общеобразовательные лекции, при лиге существовала библиотека. Посетителям прививали мысль, что все дело именно в этих лекциях: учись, приобретай знания, плати взносы в профессиональный союз, улучшай легальными средствами свое положение и — берегись подполья. На примере лиги токарь И. И. Шибалов, один из ее руководителей, доказывал ненужность подполья:

— Каждый посетитель лиги есть в той или иной мере наш сторонник. У вас в подполье единицы, а к нам на лекции ходят двести человек, и даже в будние дни в библиотеке бывают десятки. Это наш народ, это та самая открытая рабочая партия, которую мы создаем...

Шибалов продолжал называть себя социал-демократом, но явно скучал, когда ему говорили о перспективах второй революции.

— Баррикад нет и не предвидится, а полицейский участок есть, — говорил он.

Групповые беседы на культурно-просветительные темы разрешались лишь в присутствии полиции. И когда перед лекцией или концертом Колышев, сторож лиги, нес программу в участок, он старался не раздражать пристава. Программа составлялась по типу: «Такого-то числа господин такой-то прочтет такие-то стихи». Пристав одобрял астрономию, не возражал против лекции о феодализме, но уже такая тема, как «Крестьянский вопрос в России при Петре I», ему не нравилась. Из программы концерта он вычеркивал «Песню о соколе» и оставлял стихотворение Апухтина «Сумасшедший». Однажды ему подали афишу с загадочным заглавием: «На счастливых островах Ао-Тео-Роа».

— Это что за острова? — спросил пристав.

— Это где-то в Австралии, — сказал Колышев.

— А что там за счастье?

Колышев по своему положению сторожа не обязан был входить в подробности и отговаривался незнанием. На самом деле он знал, что речь будет итти об избирательном праве для женщин, и в пример приведут Новую Зеландию.[1]

— Ведь вы, все равно, будете на лекции, — сказал Колышев, — и сами увидите, какие там острова.

— Конечно, приду и сам посмотрю, — подтвердил пристав. — И в случае чего — прикрою.

Колышев был начитанный рабочий, квалифицированный токарь. Он числился сторожем при лиге, хотя принадлежал скорее к ее руководителям. Получал семнадцать-двадцать рублей, не искал другой работы. Он подметал полы и читал книги. Иногда, бродя со щеткой между книжными полками, он вдруг заинтересовывался какой-нибудь книгой, забывал об окурках и часами простаивал у шкафа. Ему было за тридцать лет, когда он дорвался до книг. Он считал себя социалистом, но с тех пор как стал читать меньшевистские книги, социализм в его представлении отодвинулся очень далеко, и путь к нему, по его мнению, лежал через книжные полки. Когда рабочий класс перечитает все эти книги, дело решится само собой...

Колышев твердо проводил меньшевистскую установку — у легального клуба не должно быть связи с подпольем — и гнал из лиги большевиков. Он не возражал, когда они ходили на лекции, — некоторую часть посетителей лиги составляли именно слушатели Ушаковской школы, большевики-подпольщики. Но он старательно выживал большевиков, когда они в будни пытались устраивать в помещении лиги свои явки и малые собрания. В будние дни народ приходил в лигу менять книги, играть в шашки и шахматы. Всякие собрания группами меньшевистские руководители лиги воспрещали и рассматривали как нелегальную деятельность. Они говорили, что если полиция застанет такую группу за разговорами, это будет поводом для закрытия лиги.

— Зачем вы губите хорошее дело? — возмущался Колышев. — Мы не можем допустить к себе нелегальщину, иначе не проживем ни одного дня. Как мы ни осторожны, а нас все-таки закрывают. Заведите свой собственный клуб и делайте там, что хотите.

— И заведем, — сказал ему однажды Антон Васильев. —

[1] В Новой Зеландии все европейцы и местное население, мужчины и женщины, не моложе 21 года, владеющие недвижимой собственностью, оцениваемой в 25 фунтов стерлингов, имели право избирать членов нижней палаты парламента. Женщины не могли быть избранными в палату.

Уже подано заявление градоначальнику. Но пока дело выясняется, не гоняй нас из лиги, дай возможность собираться.

— Буду гонять, — убежденно говорил Колышев. — Вы хорошие ребята, я вас уважаю как социал-демократов, но нельзя допустить, чтобы из-за вас гибло все наше дело.

Колышев знал своих посетителей и, если приходили большевики и было похоже, что у них собрание, тотчас появлялся в комнате и прогонял их. Против него выставляли дозорных — Настю Буйко, Христю Васильеву или еще когонибудь, которые давали знать о его приближении, но он понимал все эти хитрости. Колышев прикручивал лампу и брался за щетку:

— Поздно, голуби... Закрываем. Хорошая вы молодежь, ступайте вы к чорту...

Как ни старался Колышев выжить большевиков, они продолжали собираться в лиге для своих партийных дел. Лига была местом, где под вывеской легальной организации могла проводиться нелегальная работа. Но чем дальше, тем трудней становилось преодолевать сопротивление меньшевиков. Меньшевики настойчиво проводили свою линию на ликвидацию подполья. Борясь с ликвидаторами за лигу, большевики решили использовать другую легальную организацию в районе — Ушаковскую школу.

Пустующие по вечерам классы эстонской детской школы на Ушаковской улице, в доме № 12, занимала школа для взрослых. Она была основана еще во время революции группой педагогов во главе с Е. Е. Флеккель. Сперва школа была мало заметна в районе. Рабочий шел в боевые дружины, на митинги. В 1907 году, когда исчезли боевые дружины и прекратились митинги, Флеккель и школа остались. В школе в нескольких группах преподавали общие предметы: грамоту для начинающих, арифметику и русский язык для малограмотных, алгебру, геометрию, техническое черчение для слушателей высшей группы. Два раза в неделю все группы объединялись на лекциях по истории, политической экономии, литературе, биологии, астрономии.

Антон Васильев пригляделся к обстановке школы и убедился, что хотя руководство ее либерально-меньшевистское, но школа как легальное учреждение может быть использована для подпольной работы. Он поступил в школу и постарался поближе узнать Флеккель. Не раз приходил к ней беседовать о задачах школы.

— Революция разбудила рабочую массу, — говорила Флек-

кель. — Масса всколыхнулась — надо не дать ей остыть. Серый народ мы расшевелим, а подготовленных двинем дальше.

— Так, так... — поддакивал Антон, но улыбался с хитрецой, точно чего-то в рассуждениях Флеккель нехватало. Флеккель догадывалась, что́ именно привело к ней Антона, и не удивилась, когда после многих улыбок он вдруг взглянул серьезно и поставил вопрос напрямик:

— Почему у ва́с лекторами или меньшевики или эсеры?

— Они не меньшевики. Они люди науки и текущей политикой не занимаются. Когда мы приглашаем лектора, мы смотрим, чтобы по убеждениям он был социалист, а народник он или марксист и какой именно марксист — такие различия нас не интересуют. Вы хотели бы, чтобы все педагоги были большевики, но педагогов-большевиков не найти.

— А если я найду?

— Если найдете, зовите. Но только таких, чтобы не подвели школу пустяками. Школа прежде всего должна быть школой.

Антон считал, что школу нужно всячески использовать для нелегальной работы, но осторожно, не подставляя ее напрасно под полицейский удар. Были среди слушателей молодые, горячие большевики — братья Генрихсоны, Альберт и Алексей, которые считали, что надо, не стесняясь, пользоваться школой для нелегальной работы, хотя ряд партийных поручений можно было бы без ущерба для работы выполнять и вне стен школы. Антон и другие подпольщики возражали против этой точки зрения, и Флеккель, найдя поддержку у основной группы партийных рабочих, утихомирила молодежь. С ласковостью опытного педагога она говорила о Генрихсонах.

— С большим темпераментом ребята, но желторотые...

В аудитории школы происходили встречи и собрания партийных работников. Члены районного комитета и некоторые работники Петербургского комитета РСДРП, в том числе Шура Буйко, на случай облавы были заранее записаны учениками школы. Однажды вместо официального лектора явился Николай Гурьевич Полетаев и сделал доклад о работе социал-демократической фракции III Государственной думы. В школе устраивались совещания по поводу выборов рабочих делегатов на съезды — женский и антиалкогольный.

В школе появился лектор — большевик Алексей Александрович Ильин, служивший юрисконсультом в городской управе. В его служебном кабинете под видом посетителей бывали подпольщики-большевики. В школе он читал лекции

о социальной гигиене. О чем бы он ни говорил — о водопроводе, о холере, о канализации, о положении рабочего класса при капитализме, — он подводил слушателей к революционным выводам.

Обстановка в школе во всем была благоприятна для подпольной работы: даже сторожиха Екатерина Ивановна Агапова при полицейских облавах долго придерживала дверь, изображая глухую перепуганную старуху.

Полиция не выпускала школу из поля зрения и не давала ей разрастаться. Как только число учащихся доходило до полутораста, полиция устраивала налет. После такой встряски часть учащихся отсеивалась, число их падало до полусотни, но потом неудержимо росло вновь, доходя до полутораста — до нового налета полиции.

Флеккель имела представительную внешность, у нее были связи и влияние. Полиция с ней церемонилась и ее лично не трогала. На уроках и лекциях полицейские не присутствовали, но была попытка подсылать своих людей для внутреннего наблюдения. Однажды в школу записалось трое слушателей, в которых рабочие узнали переодетых городовых. Рабочие заявили об этом Флеккель.

— Не волнуйтесь, — сказала она. — Не подавайте виду, будто вы их знаете. Все можно сделать без шума.

Городовые были в группе начинающих. Эта группа занималась только грамотой, к конспиративным делам доступа не имела. Кроме учебы, городовые ничего не видели. Их нарочно загружали уроками, доводили до десятого пота. Они не выдержали и через три месяца ушли из школы. Перед уходом благодарили Флеккель за науку.

По учебной линии школа была подчинена инспектору Петербургского учебного округа. Во время его редких посещений в классах соблюдалось подобие детской школы. Учителя не отступали ни на шаг от программы. Ученики сидели благопристойно-тихо. Инспектор был доволен школой, пока однажды не застал ее врасплох. Он вошел в канцелярию, а в это время в комнату вбежал молодой слушатель и крикнул:

— Товарищ Евгения Ефимовна, идите сюда. Сейчас мертвая лягушка будет прыгать...

— Куда я попал? — спросил инспектор, вставая с места. — Что у вас за отношения с учениками?

Он ушел и через день прислал извещение о закрытии школы.

— Я допускаю, — сказал инспектор, — что они называют

друг друга товарищами. Может быть, в этой среде такая мода. Но как он смел вас, начальницу, назвать товарищем?

— Неужели вы хотите, — сказала Флеккель, — чтобы во всем районе для взрослых рабочих не осталось ни одной школы? Куда им деваться? Когда вы увидите кулачный бой, вы поймете, что надо не закрывать школы, а открывать новые в каждом переулке.

Инспектор после долгих уговоров снял свое запрещение.

Все, кто уцелел после поражения революции, понемногу собирались в школе. Сошлись люди различных партийных оттенков. Было несколько рабочих, которые называли себя эсерами, — очевидно, по старой памяти: организационных нитей у эсеров в районе уже не было. Были «принципиально» внепартийные, которые говорили, что им в партиях «душно». Были и ликвидаторы, но здесь они не имели того влияния, какого добились в лиге.

Очень скоро в школе стали задавать тон большевики-подпольщики. Одни посещали лекции по технике, другим еще были нужны дроби и русский диктант. Все вместе слушали лекции по истории, экономике и литературе. Пятидесятилетний Анисим Костюков тоже добросовестно посещал школу. Учащиеся школы держались гораздо более сплоченно, чем посетители редких лекций в лиге. Тот, кто ходил в школу, назывался «наш»; кто ходил только в лигу, назывался «лиговский». «Наши» представляли собой коллектив; «лиговские» — случайный, не связанный между собой народ.

Осенью 1907 года в школу записалась работница «Треугольника» Анюта Иванова, худенькая девушка, похожая на курсистку. До Ушаковской школы она прошла начальную и некоторое время посещала подпольный пропагандистский кружок. Анюта привлекла в школу многих девушек: галошниц с «Треугольника», ткачих и прядильщиц с Резвоостровской фабрики, с Триумфальной, конфетчиц, портних. Знакомства завязывались не на фабриках, куда не было доступа, а по квартирам или же в общих кухнях и коридорах огромных домов на Обводном канале. Анюта спрашивала молодую работницу:

— Ты где проводишь вечера?

— Сижу дома.

— Хочешь учиться? Хочешь, я тебе покажу такое место! Завтра мы пойдем вместе. Ты посмотришь.

Девушкам гораздо труднее было пробиться к знаниям, чем юношам. Если девушки объединялись в кружок, им негде было собираться: отдельных комнат ни у кого не было, у

всех семьи — родители, ребятишки. Для короткого собеседования шли в чайную. Входили, опустив глаза, — девушкам и по чайным ходить не полагалось. В Ушаковской школе они нашли пристанище. Здесь они учились общим предметам и входили в женский кружок, который влился в путиловскую организацию большевиков. В кружке читали «Роман моей жизни» Лилли Браун, «Женщину и социализм» Бебеля, газетные статьи о суфражистках.

Представительницей кружка в районном комитете была Анюта Иванова. Очень способная — ее называли самородком — она быстро все схватывала, умела хорошо говорить и скоро приобрела авторитет в районной большевистской организации. Когда в 1908 году Петербургский комитет решил организовать делегацию от работниц на Всероссийский женский съезд, он поручил Анюте Ивановой возглавить делегацию работниц и с трибуны этого буржуазного съезда огласить требования работниц. На съезде рабочая делегация противостояла образованным либеральным дамам, которые собрались, чтобы потребовать равных политических прав с мужчинами и равного права на труд. Царская власть не позволяла женщинам быть адвокатами, инженерами, чиновниками. Дамы имели в виду именно такой труд. Анюта предложила им притти на «Треугольник» и убедиться, что пролетарской женщине «право на труд» уже дано и сводится оно к праву на нищету и вырождение.

— Многие из вас пришли на съезд убивать свободное время, — сказала Анна Иванова, — а работнице, чтобы попасть на съезд, надо было обмануть мастера, фиктивно заболеть, лишиться заработка...

Она прочла доклад о политическом и экономическом положении работниц. Доклад был подготовлен с помощью большевиков из Петербургского комитета и содержал яркий, обличающий фактический материал. В конце доклада были выдвинуты требования социал-демократической программы: свержение самодержавия, политическая свобода и восьмичасовой рабочий день — первые этапы действительного освобождения женщин.

Резолюция, предложенная Анютой, застряла в президиуме. Дамы свысока отнеслись к делегации работниц. Анюту упрекали в политической незрелости. На самом деле, молодая работница видела дальше и понимала больше, чем буржуазные участницы съезда.

Несколько позже женский вопрос был внесен на обсуждение Государственной думы. Буржуазные адвокаты разлива-

лись потоками слов, проливали крокодиловы слезы по поводу проституции, принявшей в годы реакции ужасающие размеры. Кроме благотворительных рецептов и требований введения надзора за проституцией, они ничего не предложили. В ответ лицемерам с краткой и страстной речью выступил Николай Гурьевич Полетаев. Он заявил, что в росте проституции виновата буржуазия, которая выкидывает на улицы сотни безработных женщин. Проституция будет уничтожена лишь вместе с уничтожением строя насилия и капиталистического рабства. Под конец прямо в лицо лицемерным думцам Полетаев бросил гневные и вызывающие слова:

« — Не вам, господа, здесь лечить важнейшие стороны женского вопроса. Это не задачи политической проституции». [1]

Так большевики, используя разные легальные трибуны — думу и съезды, разоблачали царский строй и призывали рабочих к борьбе за полное уничтожение строя эксплоатации и рабства.

Анюта Иванова, так же как и десятки молодых рабочих и работниц, была многим обязана Ушаковской школе. Однако подлинное революционное воспитание она получила не в школе. Только пройдя через подпольные кружки, рабочий делался большевиком. В годы реакции вовлечение в организацию стало более осторожным. Рабочий должен был раза три притти на кружок, прежде чем от него принимали членские взносы, и только после этого он привлекался к партийной работе. И на кружок рабочий попадал не сразу: перед этим его прощупывали на художественной литературе; давали, например, прочесть «Мать» Горького и спрашивали:

— Как тебе герои нравятся?

Прощупывали и на таких книгах, как «Овод» Войнич, «Спартак» Джованьоли, «История одного крестьянина» Эркманн-Шатриана, «Углекопы» Золя, «Марсельцы» Феликса Гра. Эти книги ходили в рабочей среде, их можно было получить и в библиотеке лиги «Образование».

К концу 1907 года в районе осталось очень немного пропагандистов, в то время как в годы революции коллегия пропагандистов Нарвского района насчитывала до тридцати человек. Среди пропагандистов были две курсистки — Сарра Брансбург и Анна Цикуленко.

---

[1] Стенографические отчеты Государственной думы III созыва, сессия II, ч. IV, стр. 898.

Вследствие нехватки пропагандистов Соня, кроме секретарской работы, занималась и пропагандистской. Ей поручили кружок рабочих Резвоостровской мануфактуры, связанный с путиловской большевистской организацией.

Некоторое время, в начале 1907 года, пропагандистом работал В. Ватин (Быстрянский), студент историко-филологического факультета Петербургского университета.

Пропагандисты часто выбывали из строя. Новые приходили редко. Чтобы кружки не развалились, Антон Васильев в 1908 году сам стал пропагандистом. Он собирал людей, приносил книгу:

— У нас пропагандистов нет. Я тоже не пропагандист. Образования не имею. Учен из тех прокламаций, которые сам же и печатал. Давайте, возьмем книгу, будем читать главу за главой...

На собрание женского кружка он принес первый том «Капитала». Работницы только приступали к занятиям и были совсем не подготовлены. Сам Антон не мог объяснить многих слов, встречавшихся в тексте, и если Анюта Иванова тоже не знала их, он говорил:

— Об этом надо будет спросить у знающего человека, — и продолжал читать дальше.

За разъяснениями Антон обращался к Алексею Александровичу Ильину.

Когда оказалось, что чуть не на каждой странице есть слова, о значении которых надо справляться у Алексея Александровича, «Капитал» был отложен. На следующее занятие Антон принес краткий курс политической экономии Богданова. Несмотря на слабую теоретическую подготовку Антона, его кружки держались. Он привлекал доступностью изложения, которая многим пропагандистам-интеллигентам никак не давалась. Их общей бедой был книжный, уснащенный иностранными словами язык. Антон книжные термины переводил на свой язык, от прибавочной стоимости и от теории кризисов он, как практик, непосредственно переходил к злобе дня — к безработице, к тому, что происходило в цехах, к объяснению роли и задач партии. И слушатель не удивлялся, когда в результате этих рассуждений перед ним ставилась практическая задача на сегодняшний день: всем участникам кружка записаться в лигу «Образование», участвовать в перевыборах правления и вытеснить оттуда меньшевиков.

В районе работал «кружок высшего типа». По существу это была школа агитаторов, в задачу которой входило пред-

варительное обсуждение очередных тем для выступлений на рабочих собраниях — на заводе, в лиге, в школе. Кружок этот занимался нерегулярно, собирался от случая к случаю, в зависимости от необходимости и возможности провести выступления. Во время эпидемии холеры члены кружка — те же заводские и районные активисты — выступали на собраниях, на которых рабочие избирали санитарные комиссии. Благодаря большевистскому разъяснению многие поняли, что причины распространения эпидемии — голод, безработица, нужда — вызваны политикой капиталистов. Интерес к этим разъяснениям был настолько велик, что районный комитет большевиков отпечатал специальный листок, посвященный борьбе с холерой.

В обычных кружках курс занятий начинался с объяснения лозунга «Пролетарии всех стран, соединяйтесь!». Затем разъяснялась программа-минимум: свержение самодержавия, восьмичасовой рабочий день, конфискация помещичьих земель, всеобщее, прямое, равное и тайное избирательное право, свобода союзов, собраний, слова, печати и т. д. Потом уже приступали к программе-максимум — что такое социализм.

В каждом кружке большевик-пропагандист обязательно проводил занятия, посвященные вопросам вооруженного восстания как высшей формы классовой борьбы. Вся работа большевиков в кружках и легальных организациях была направлена к одному: укреплять ряды революционной партии и готовить рабочие массы ко второй российской революции.

ДВА СОБРАНИЯ

За Путиловским заводом в направлении к деревне Волынкиной копали землю для железнодорожной ветки. Оставшаяся выемка заполнилась водой — получился пруд. Это место называлось — Резерв. Почти со всех сторон оно было защищено: железнодорожной насыпью, строениями Путиловского завода, заборами Новопроложенной улицы. Если посадить патрульного на вал, ему будет видно, когда полиция пойдет со стороны шоссе; сзади же полиции не подойти — там болото.

Собрания районного комитета обычно бывали по воскресеньям. В летнее время для собраний удалялись в леса. Были испробованы: Поташов лес, Чортов мост на Лаутровом поле, роща против «Сумасшедшего дома». Ездили на лодках на Канонерский остров, на Каменный вал, на голову

дамбы, где встречали заграничные пароходы. Несколько раз собирались на лесах строящегося дома на Балтийской улице, выбирая время, когда постройка пустовала. Резерв также был испробован два раза — оба раза собрания прошли без тревоги. В третий раз собирались туда, как на привычное место.

Подошли с видом прогуливающихся Шура Малый, рабочий металлографической лаборатории, и Соня, секретарь районного комитета. Шура Малый был красивый пышноволосый парень, опрятно одетый, танцор и гуляка, в то же время опытный подпольный работник. Звали его Малым в отличие от Шуры Буйко, хотя ростом он был выше его. Орлянщики оглядели Шуру и его барышню. Соня была в блузке с черным галстучком — значит, барышня не заставская. За заставой не любили уступать своих барышень городским, но если свой парень приводил городскую, это было даже лестно.

Пришел плотный и простоватый старик с важной осанкой и подвижным смешливым лицом, похожий на крестьянина в городском платье. Он подсел к Соне и значительно сказал:

— Принес.

— Что принесли, Анисим Федорович?

Костюков вынул из-за пазухи сложенную пополам тетрадку и, прикрывая ее рукавом, подал Соне:

— Тут вся моя жизнь. Почитай.

Было известно, что Костюков пишет свою автобиографию. Соня, прикрывая тетрадь, отвернула обложку, бегло просмотрела одну страницу. Попались слова: «новая вера». Повидимому, это была история превращения Анисима Костюкова из отсталого и пассивного рабочего в революционера-большевика. Соня спрятала тетрадку в рукав.

Пришел Антон Васильев. В воскресном платье он был совсем другой, чем в будние дни после работы в порту. В пиджаке, в мягкой шляпе, веселый, улыбчивый, он выглядел разбитным кадровиком-рабочим, и теперь не показалось бы странным, если бы он заговорил о резолюциях Лондонского съезда или о прибавочной стоимости.

Он подсел, вынул колоду карт, подмигнул товарищам:

— Сыграем.

Стасовал карты, раздавать не стал, спрятал их в карман.

— Придет Шура Большой? — спросил он Соню. — Извещен?

— Придет.

О других Антон не спрашивал. Многих он перевидал сам утром, извещая о собрании.

Пришел модельщик Александр, невысокий, в рубахе, ремень с бляхой поперек живота. Пришел чистенький Порфирий Дроздов. Пришел Иван Севастьянов, организатор лафето-снарядной мастерской, и с ним Ваня Костюков, тихий и торжественный, явившийся на собрание, как на праздник. Пришел солидный Максим Анисимов, литейщик. Появился молодой парень Митя из вагонного цеха, прозванный «Апельсинчиком» за красные щечки. Пришел маленький Павел Сынков. Его, как самого молодого, Антон отправил на вал — патрулить. У Сынкова такая была судьба — больше патрулить, чем присутствовать на собраниях.

Когда появился Шура Буйко, его не сразу узнали: он был в новом осеннем пальто табачного цвета — то ли отец припас, то ли партийная «диэта» неожиданно была выплачена полностью. Шура подошел веселый. Он подсел сбоку. В середине как бы началась картежная игра. Шуре было предоставлено слово. Тема — положение в районах и борьба с отзовистами. Шура рассказывал, что в некоторых районах мутят отзовисты и сейчас задача — разоблачить их, выгнать из Петербургского комитета и руководства районами. Говорил он, не повышая голоса. Место среди орлянщиков и гуляющих вполне подходило для конспиративного собрания. Но требовалось соблюдать внешность — не только иметь при себе карты, но и проявлять интерес к игре. У настоящих игроков руки ходят равномерно, глаза прикованы к картам, головы наклоняются и откидываются враз и во время игры длинных разговоров не бывает. А тут игра как будто бы была и как будто ее не было. Об игре то забывали, то спохватывались. Опытный взгляд сразу заметил бы, что вовсе не игра связывает странную компанию: старика, девушку, нескольких рабочих парней и разговорчивого молодого человека в табачном пальто.

Неизвестно, кто и как донес о собрании на Резерве, но довольно скоро патруль с вала заметил наступление полиции. Полицейские бежали с револьверами наготове и кричали:

— Стой! .. Будем стрелять!

Орлянщики и те, кто не имел причин беспокоиться, остались на местах. Остальные бросились врассыпную. Началась стрельба, свист. Нелегальный Шура Буйко никак не должен был попасть в руки полиции. Путиловский завод в то время можно было обогнуть по Корабельной улице. Шура вместе

с Антоном побежал вдоль забора. Пальто мешало Шуре, и он сбросил его.

Полиция захватила много народу, главным образом игроков и случайных прохожих. Из участников собрания захватили Анисима Костюкова и Митю «Апельсинчика». Митю ранили пулей в ногу, он остановился и сказал: «Сдаюсь». Костюков выкрутился, представился простоватым. Околоточный спросил его:

— Ты, старик, какой партии?

— Да я Иван Иваныча партии. В его партии на обрубке работаю...

Он сыграл на том, что слово «партия» имело двойной смысл: рабочая бригада в то время также называлась партией. Всем своим видом он показал, что даже и не подозревает о существовании политических партий. Один из городовых заступился за него.

— Я видел, этот старичок мимо шел...

Соня побежала через огород в сторону Новопроложенной. В рукаве нащупала тетрадку Костюкова. Попадись тетрадка полиции, это был бы документ и против Костюкова и против Сони. Она сунула ее в канаву. На огороде спряталась в капусте между грядами. Думала, что ее не видно, но, подняв голову, обнаружила, что на крышах сидят привлеченные стрельбой люди и наблюдают за каждым ее движением. Причина стрельбы всем была понятна — накрыто подпольное собрание. Девушка, которая сидит в капусте, — несомненно курсистка. Но никто из сидевших на крыше ничем не помог полиции. Соня перелезла через забор и попала во двор дома, к которому примыкал огород. За забором была грязь — кто-то постлал солому. Незнакомый рабочий провел Соню к себе. У плиты стояла его жена, молодая деревенская женщина. Соня сказала:

— Мне надо переодеться.

Жена рабочего была того же роста, что и Соня. Она плохо понимала, что́ происходит, но дала Соне юбку и кофту. Переодевшись, Соня вышла на улицу.

Полицейские не догадывались, что те, которых они искали, сумели скрыться. Они погнали толпу орлянщиков и картежников в участок; те, искренне возмущенные, кричали о своей невиновности, а городовые сосредоточенно и зло подталкивали их так, что они валились с ног. Из участников собрания в руках у полиции остался Митя «Апельсинчик». Осталось табачное пальто. Митя был выслан из города. Пальто

долго лежало в участке: его предъявляли дворникам для опознания. Автобиография Костюкова так и погибла в канаве.

Все труднее становилось устраивать собрания районного комитета. У Костюкова и Антона собираться уже нельзя было — полицейская слежка особенно усилилась к зиме 1907/1908 года. Каждый раз нужно было искать новую квартиру для собрания — уже не у большевиков, а у сочувствующих, ни в чем не замеченных рабочих. В феврале 1908 года районный комитет совместно с коллегией пропагандистов собрался на Елизаветинской, в доме № 24. Собрание было посвящено вопросу об открытии легального большевистского клуба в противовес ликвидаторской лиге «Образование». По закону, который правительство принуждено было издать во время революции, каждый русский подданный, достигший определенного возраста, не опороченный по суду и имеющий отдельную квартиру, мог учреждать общество. Он подавал заявление градоначальнику, прилагал гербовые марки, справку о несудимости. Если эти формальные условия были соблюдены, градоначальник автоматически разрешал открытие общества.

Заявление в градоначальство было написано от имени Анисима Федоровича Костюкова. Все остальные были или очень молоды, или «опорочены», или не имели самостоятельной квартиры. Разрешение от градоначальника па открытие общества «Свет» было получено.

Хозяин квартиры, где происходило собрание, искренне сочувствовал революционерам. Он гордился возможностью помочь им и, не желая стеснять своих гостей, с самого начала ушел в пивную. Там он подвыпил. Заметив неподалеку от себя околоточного Маркина, с наивным злорадством сказал ему:

— Ходите вы тут по пивным, подсматриваете за рабочими, думаете кого-нибудь поймать, а когда собираются целыми десятками, так этого не видите...

Разгорячившись, он стал угрожать Маркину:

— Вот позову — тебе наложат...

Рукой показывал, откуда он позовет. Рука пьяного человека сама собой протягивалась в сторону Елизаветинской улицы, и Маркин, зная и рабочего и его квартиру, быстро сообразил, что тут для него есть дело.

Павел Сынков и Ваня Костюков стояли в патруле. Опасности они ждали только со стороны шоссе. Маркин, прихватив несколько «сидоров» и городовых, обошел сзади через огороды прямо к квартире хвастуна.

Дверь на его стук открыли не сразу. Соня прихватила с собой пачку листовок, чтобы раздать после собрания. Когда в дверь постучали, она бросила их всей пачкой под стол. Член районного комитета, бывший боевик Михаил Сальман, по кличке «Солдат», имевший особые причины не попадаться полиции, полез под кровать. Фальшивый паспорт не спасал его: у него была очень заметная внешность — смуглое лицо, острый профиль, чахоточный блеск в глазах.

Маркин был ретив, но неопытен. Он не знал, как себя держать. Войдя, он вежливо сказал: «Здравствуйте». Потом вынул револьвер и крикнул: «Ни с места!». Но так как люди продолжали спокойно сидеть, он снова перешел на мирный тон. Костюков с достоинством предъявил разрешение градоначальника на открытие просветительного общества «Свет» и добавил, что не знал, будто нужно еще специальное разрешение на то, чтобы собраться и обсудить это дело.

— Ладно, — сказал Маркин. — Предположим, что вы, рабочие, собрались обсудить это дело. А при чем тут посторонние барышни?

— При клубе будет библиотека, — сказал Костюков. — Я рабочий и не могу знать, какие книги полезны рабочему и не вредны для полиции. А эти барышни знают...

Анна Цикуленко подтвердила, что действительно пришла для этой цели, а также для того, чтобы организовать концерт в пользу нового общества.

Маркин в многолюдстве растерялся, дал себя запутать и, после поверхностного осмотра комнаты, сел писать протокол. В протоколе написал, что, кроме официального документа от градоначальника, никаких бумаг у присутствующих не найдено. Стоявшие столбами «сидоры» приложили к протоколу руки. И уж после того Маркин, заглянув под стол, заметил пачку листовок.

Разъяренный и растерянный, он по-новому взглянул на окружающих. Небольшая ошибка в последовательности полицейских действий погубила его. По букве закона предметы, не попавшие в протокол, не могли считаться судебным доказательством. Награда за раскрытие революционной организации, повышение по службе — все сорвалось из-за его же промаха. Он может сколько угодно потрясать листовками и утверждать, что они принадлежат арестованным, — арестованные будут говорить, что листовки подброшены, и ему нечем будет их опровергнуть. Судебного дела не получится.

— Господа, — сказал он жалобно, как бы прося о спра-

ведливости, — ведь вы же не станете отрицать, что это ваши листовки. Я их впишу в протокол.

Но Костюков, а за ним все остальные заявили, что не позволят ничего записывать, и отрекались от листовок с тем большей искренностью, что до этого никто, кроме Сони, действительно не знал об их существовании.

— Ладно, — сказал Маркин, — в участке поговорим. Я-то знаю, что̀ вы за птицы.

В участок арестованных повели посреди улицы, под конвоем. Улица по случаю масленицы была пьяная, праздничная. Встречный народ направлялся на пустырь в конец Елизаветинской, на кулачный бой, который в праздник начинался с точностью театрального представления. На шоссе в вейках с бубенцами и розовыми лентами под дугой катались целые семейства. Нанимали вейки от завода до Нарвских ворот и обратно за тридцать копеек, — и они по традиции трусили вперед, трусили назад. Молодежь каталась в розвальнях с голосьбой и песнями под гармошку. На площади за Химическим переулком крутилась карусель. Праздник справлялся, как и в прежние годы, но из-за малолюдства и безработицы все было беднее. У карусели толпились ребята, которые больше смотрели, чем катались. Веек наехало мало.

Кучка людей, шедших под конвоем городовых, резко выделялась в убогой уличной толчее. Прохожие, заметив среди арестованных девушек-курсисток, сразу догадывались, что ведут политиков. Гармонист в розвальнях, поровнявшись с процессией, прекращал игру, задумывался... Народ у трактиров замолкал.

Руководил допросом пристав Замятин. У него была своя система допроса: мимоходом, когда человек этого совсем не ожидал, он ударял кулаком из-под низу. Шуре Буйко до крови разбили нос, Антону вышибли два зуба. Когда его начали бить, он закричал. Женщины из другой комнаты стали протестовать.

— Что вы, барышни! — галантно сказал пристав, подойдя к их двери. — У нас не бьют, вам показалось. — И захлопнул дверь.

Антон в этот момент лежал на полу. Двое городовых тащили с него сапоги, одновременно с обеих ног. Во время избиения привели в участок и Сальмана. Ему не помогло то, что он залез под кровать, так как квартира была обыскана еще раз. Арестованных несколько раз принимались допрашивать. Отсутствие формальных улик мешало создать поли-

тическое дело. Пристав ругал Маркина за нераспорядительность, но ничего не добился. Жители района, в том числе Шура, Антон и Соня, на следующее утро были выпущены под надзор. Пропагандистки Брансбург и Цикуленко были развезены по квартирам для обыска на месте и затем посажены в Литовский замок.

Костюков, когда его выпускали, захотел получить назад разрешение градоначальника на открытие просветительного общества «Свет».

— Какой тебе еще свет! — сказал околоточный. — Никаких светов не будет. Уходи, старик, пока цел.

За устройство недозволенного собрания Костюков отсидел некоторое время в тюрьме и в административном порядке пошел по этапу на родину, оставив в Питере тяжело больного сына и голодающую семью.

ТИПОГРАФИЯ

В течение всего 1907 года литература из города еще поступала обильно; к концу года ее стало меньше. В 1908 году Петербургский комитет перестал обслуживать районы — провалилась техника. Соня, бывая на явках в Народном доме или в дешевой столовой на Забалканском, всегда справлялась о литературе. Член Петербургского комитета Л. Серова однажды сказала ей:

— Не ждите литературы. Все провалилось. Районы теперь должны сами о себе заботиться.

— А как заботиться?

— Разве так трудно завести собственный гектограф?..

Неплохой актрисой была эта элегантно одетая красивая женщина. Произнося слова «все провалилось», Серова придала своему голосу оттенок грусти, и когда Соня принесла ей первую листовку, отпечатанную в районе собственными силами, она искренне обрадовалась. Она радовалась и тому, что хорошо заработала, выдав охранке типографию Петербургского комитета, и тому, что предстоял новый заработок: новая маленькая типография, которую можно потом выдать охранке. По вреду, нанесенному партии, эта красивая женщина стоила сотни шпиков и полицейских. Насаждая провокацию, внедряя шпионов в партийные организации, охранка пыталась подточить партию изнутри. В период реакции махровым цветом расцвело провокаторство и предательство. Серова, дочь жандармского полковника, была крупным агентом охранки. Она проваливала типографии, явочные

квартиры и собрания, действовала расчетливо, выдавая одних и оставляя других на развод. Серова вела не по средствам широкий образ жизни. Это вызвало подозрения в провокации. Но она долго еще и ловко вводила в заблуждение партийных работников. (Впоследствии провокатор Серова была расстреляна по приговору советского суда.)

В канцелярии «Общества защиты детей от жестокого обращения», куда Соня поступила для заработка, были пишущая машинка и циклостиль. На этом циклостиле Соня отпечатала первую районную подпольную газету, составленную по типу настоящей газеты: передовица о безработице, заметки из цехов, фельетон. Цеховые организаторы снесли ее на завод, расклеили по стенам в уборных и около шкафов, раскидали по станкам. Однако напечатанная на циклостиле газета выглядела серо и несолидно. Антон Васильев решил организовать настоящую типографию.

Рабочий-наборщик ухаживал за одной девушкой из путиловского кружка. Антон наложил на него дань:

— Если хочешь ухаживать за нашими барышнями — носи мне шрифт...

Наборщик стал носить шрифт кусками, в наборе: двадцать строк, окрученных бечевкой, еще двадцать, еще тридцать. Антон разбирал набор по буквам, раскладывал по бумажкам, прятал бумажки от отца, который теперь мало работал и много времени проводил дома. Постепенно бумажки сменились мешочками: сестра Христя сшила их из лоскутков. Появились валики — чистый и грязный, верстатка, рама для крепления набора, краска. Антон взял верстатку в руки и решил, что теперь его дело верное — была бы верстатка, а наложить в нее буквы каждый сумеет. Он учился набирать, но буквы не держались в верстатке, слова получались искаженные, и дело шло так медленно, что понадобились бы недели для набора одной листовки.

Он ходил в город под окна типографии. По вечерам у этих окон всегда задерживались прохожие, привлеченные мерным и быстрым мельканием белых полос на печатных машинах. Антон шел к окнам наборного отделения. Там было не так светло. На верхних досках реалов были поставлены керосиновые лампочки с косо надвинутыми картонными колпачками. В каждом кружке света стоял наборщик. Левая рука его была неподвижна, правая ходила от верстатки к клеточкам кассы, быстро доставала оттуда что-то невидимое и возвращалась к верстатке. Рука как будто наугад ходила по всем направлениям, а попадала куда надо.

Самому Антону, чтобы пашарить букву из мешочка, требовались минуты: буквы были слишком малы для его широких негнущихся пальцев и не держались в них.

Типография принадлежала желтой газете. Наборщики набирали различные известия о происшествиях в уголовном мире, о юбилеях и великосветских балах. Во всей газете, которая появится на следующий день, на восьми страницах не будет ни строчки о рабочей жизни и рабочей борьбе. Люди, которые умеют набирать, за кусок хлеба тратят свое уменье на дело, не нужное рабочему, а он, который знает настоящие, нужные рабочему слова, не умеет их набрать.

Однажды Антон, выходя из дома, встретил знакомого рабочего, который жил в том же доме. Тот сказал:

— Замечаю слежку за нашим домом. Не за тобой ли?

— Может быть, и за мной, — сказал Антон. — Спасибо, что предупредил.

Слежка, возможно, была не в связи с типографией, однако типографию следовало перенести в другое место. Антон перенес ее к Беку.

Бек был из числа тех рабочих, которые в годы реакции не сумели определиться политически, но и не забыли пятого года. Он не мог примириться с тем, что партии были во вражде между собой. Говорил, что социалистов и так немного, а они еще тратят время на ссоры. Встречая меньшевиков, он язвительно ругал их за приспособленчество, которое претило ему, называл их столыпинцами, а попав к большевикам, он защищал ликвидаторов и говорил, что подполье — несерьезное дело.

— Соберутся пять человек в чулане, — говорил он Антону Васильеву,'— постановят резолюции и воображают будто от этого что-нибудь случится. Да ты пойди в город, посмотри, что там происходит: гвардия шагает, министры едут на доклад, городовые, как памятники... Кого ты думаешь испугать резолюциями?

Однако к типографии Бек отнесся с почтением, сказал, что это похоже на дело, и согласился ее хранить. Он жил без семьи, в отдельной комнате, не был связан с организацией, на собрания не ходил, имел меньше шансов попасть полиции на примету. Хранить типографию у него было удобно. Когда приходило время печатать газету, у Бека забирали шрифт, раму, валики и переносили в другое место; там набирали и печатали газету, а затем снова доставляли типографию на место. Носить типографию к Беку и от Бека

лежало на обязанности Сони. Кроме нее и Антона, никто из организации не знал, что типография хранится у Бека.

Перед тем как печатать газету, Антон каждый раз искал товарища, который располагал бы отдельной комнатой. Таких было немного. Несколько раз печатали у Павлова на Богомоловской, печатали в Огородном и еще в нескольких местах. Старались больше одного раза в одном месте не печатать. В день печатанья являлась Соня, закутанная в шаль, с кошелкой, из которой торчало белье. День был банный, на улицах встречалось немало женщин в таких же шалях и с бельем в кошелках. Соня прежде всего с облегчением ставила на пол тяжелую кошелку — приходилось опирать ее краем рамы на бедро, и за короткий путь от Бека до Богомоловской ноша набивала на бедре синяк. Соня вынимала из кармана передовицу, написанную Шурой Буйко или кем-нибудь из партийных литераторов. Антон доставал заметки, полученные в цехах. Обработкой материала занималась Соня. Антон одобрял или не одобрял. Ему хотелось, чтобы каждая заметка била в одну точку: пока рабочий не свалит царя, ему трудно бороться с хозяевами. Сам он писал в приподнятом стиле: не просто «капитализм», но «ненасытная пасть капитализма», не «рабочие», но «товарищи, несущие одни и те же цепи», не «социализм», но «светлое солнце, до которого не так легко добраться».

Прочитав в номере 21 большевистской газеты «Пролетарий» статью, которая кончалась призывом — с новыми силами итти к новым битвам за социализм, Антон решил дать газете название «Новые силы» и придать ей внешность настоящей газеты. Был установлен порядковый номер, газета разбивалась на отделы: отдел писем рабочих, хроника и т. д. В название газеты Антон вложил и собственные мысли и мысли своих товарищей о том, что теперь, когда многие интеллигенты предали революцию, а в организациях сплошь и рядом царит развал, итти вперед надо с новыми силами.

Через Шуру Буйко «Новые силы» попадали в другие районные организации. Газета имела успех повсюду, и результатом этого был выпуск за Невской заставой в октябре 1908 года своей газеты под названием «Борьба».

Приходил наборщик по явке из Петербургского комитета и приступал к делу: раму с набором клали на табуретку, по набору проводили валиком с краской, накладывали бумагу, проглаживали чистым валиком, снимали, клали на пол сушить. Старались работать, не сдвигая ног с места, чтобы не было лишнего топота. Печатали те же — Антон и Соня, по-

могать приходили товарищи. Некоторую опасность представляла молодежь, которая по вечерам тоже высыпала на двор. В этих случаях выбегала Христя, младшая сестра Антона, и объявляла ребятам:

— Вот вы тут сидите и ничего не знаете, а на Лаутровой сейчас большая драка...

К одиннадцати-двенадцати часам молодежь исчезала со двора, огни во флигелях гасли, ложился спать и дворник. Снаружи был слышен каждый шаг. Из-за стены доносился детский плач. Иногда хлопала дверь, скрипели половицы в коридоре: кто-то прошел босиком... Дом спал до утренней смены. Задолго до гудка в квартиру приходили сестры Антона, Христя и двенадцатилетняя Марина, и Настя, сестра Буйко. Они являлись с кошелками для провизии и забирали отпечатанные газеты. После того как квартиру, где происходило печатание, очищали от газет, оставалось еще вынести «оборудование» типографии. Соня, бледная от усталости, снова повязывалась шалью, забирала кошелку, шла к Беку.

Представитель цеха, получив литературу, подвязывал снизу вокруг ног кальсоны и, как в мешок, ссыпал туда газеты, перехватывая их под коленом бечевкой, чтобы они плотно прилегали к телу. Верхние штаны были широкие, и снаружи ничего нельзя было заметить. В цеху, в укромном месте, бечевки развязывались, газеты падали на землю. Литература шла или сразу по цеху, или, если обстоятельства не благоприятствовали, она еще некоторое время вылеживалась. Сторож новомеханической Михаил Буйко прятал ее за образ Николая. В лафето-снарядной она попадала к шорнику в кладовушку для ремней, устроенную ниже уровня пола. В каждой мастерской были свои надежные места.

Подходил момент — газеты извлекались из укромного места. Делом организатора подрайона было позаботиться, чтобы газета не только попала в руки отдельных товарищей, но чтобы ее видели на стене в уборной, у шкафов, за чаем, за шашками — всюду, где она могла быть прочитана. Ящики для хранения инструментов запирались висячими замками; если потянуть кольцо, получалась щель, в которую можно было легко просунуть листовку или газету.

НОВЫЕ СИЛЫ

В декабре 1908 года Шура Буйко поехал в Париж на V Общероссийскую конференцию РСДРП как делегат Петербургского комитета большевиков.

С хорошей зарядкой вернулся Шура из Парижа. После конференции у Шуры была беседа с Лениным, который передал ему директивы для Петербургского комитета: уделять больше внимания фабрикам и заводам, укреплять партийные связи среди рабочих, вести упорную работу в кружках; вместе с тем сочетать подпольную работу с легальной, стать силой в открытых рабочих организациях.

Конференция призывала рабочий класс и крестьянство продолжать борьбу за боевые лозунги 1905 года: свержение самодержавия, создание демократической республики, конфискация помещичьих земель. Конференция предложила укрепить подполье и создать партийные комитеты на фабриках и заводах, осудила ликвидаторов и отзовистов — открытых предателей, приспособляющихся к столыпинскому режиму и скрытых оппортунистов, маскирующих свое предательство «левой» фразой. Конференция призвала к решительной борьбе с ликвидаторскими попытками как справа, так и «слева».

В Петербурге на собраниях в рабочих районах, посвященных итогам конференции, Шура старался передать рабочим все услышанное в Париже. Он говорил о выступлениях Ленина, о значении Парижской конференции, призывал рабочих крепить нелегальную партию. Рабочие расспрашивали Шуру о Ленине: что за человек, как он живет?

— А это такой человек, — ответил Шура, — когда с ним говоришь, кажется, будто всю жизнь с ним был знаком, а выйдешь от него, хочется песни петь и итти все вперед и вперед...

До конца января Шура провел несколько отчетных собраний на партийных группах в разных районах. 1 февраля 1909 года полиция совершила налет на Ушаковскую школу. В школе шли обычные занятия, но в одной из аудиторий происходило собрание большевиков. Буйко делал доклад о Парижской конференции.

Здание было оцеплено большим отрядом полицейских. С другим отрядом пристав и околоточные ворвались в школу. Городовые были расставлены в коридорах. Шура Буйко успел проскочить из комнаты, в которой происходило собрание, в аудиторию, где шел урок геометрии. Подпольные работники были заранее записаны учениками школы, и в участке Шура предъявил паспорт на имя Михаила Яковлевича Котрехова. Такая фамилия значилась в списке учащихся, и Шуру освободили. Среди арестованных был преподаватель социальной гигиены, присяжный поверенный

Алексей Александрович Ильин, который поплатился трехлетней ссылкой в Сибирь.

Через месяц, 1 марта 1909 года, на собрании Петербургского комитета в Психо-неврологическом институте (Невский, дом № 104) председательствовал Шура Буйко. На собрании было несколько отзовистов. Буйко, открыв собрание, сразу же послал записку одному из большевиков: «Гони два голоса из Нарвского района».

Посланный поехал в район разыскивать членов Петербургского комитета — Антона Васильева и Шуру Малого (Федорова). Антон знал, что его ждут на собрании, но в этот день в лиге «Образование» шли перевыборы правления. Большевики давно готовились к этому дню, чтобы потеснить меньшевиков. Антон и Анюта Иванова критиковали порядки в лиге: почему много астрономии и мало экономики, почему больше танцуют, чем слушают лекции? Прения шли в присутствии полиции. Большевистский список целиком не прошел, но при персональном голосовании удалось ввести в правление нескольких большевиков: Антона, Анюту Иванову, Ивана Абрамова.

Антона и Шуру Малого посланный встретил у забора в Химическом переулке, когда они возвращались после собрания, и сказал им на ходу несколько слов. Пока путиловцы ездили, собрание Петербургского комитета было захвачено полицией. Шура Малый ударил Антона по плечу, подмигнул, что у дома неблагополучно, вскочил в трамвай. Вслед за ним вскочил Антон.

У Казанского они вышли из трамвая. Решили — шпиков больше нет. Направились по Екатерининскому каналу. Оглянулись — шпик. У Сенной зашли в трактир, заказали полбутылки, положили на стол шапки, прошли в уборную и через черный ход скрылись. Шпик остался охранять шапки.

На этот раз удар по штабу питерских большевиков был нанесен крепко. Охранка действовала по точным указаниям провокатора Серовой, которая до тех пор предавала отдельных товарищей и типографии, а теперь выдала весь состав Петербургского комитета. Вся кропотливая работа по укреплению партийной связи между районами была сорвана. Из районов были выхвачены наиболее сильные товарищи. Арестованы были А. Буйко, Конкордия Самойлова, В. Ватин (Быстрянский) и другие.

Для всех нестойких провал Петербургского комитета явился новым доказательством безнадежности нелегальной борьбы. Модельщик Иван Абрамов, который прежде загибал

«влево» — в отзовизм, теперь стал загибать вправо — в легализм, чуждаясь подпольной работы. Однако он деятельно работал в союзе модельщиков и деревообделочников, имел голос в правлении лиги «Образование» и помогал большевикам проводить в лигу своих лекторов. Зазвать Абрамова на подпольное собрание было уже невозможно. Он предпочитал заниматься дома фотографией или играть на трубе, звуки которой нередко оглашали Елизаветинскую улицу.

Заслышав трубу, осведомленные люди говорили:

— Это Абрамов не знает, куда себя девать.

Однажды Абрамов зашел к Анюте Ивановой. В квартире как раз происходило собрание. Он посмотрел, сказал с улыбкой:

— Я думал, кончилось все это дело.

Абрамов в это время переживал новое увлечение — изучал астрономию. Через лектора из лиги Абрамов и еще несколько путиловцев нашли ход в Пулковскую обсерваторию. Абрамов ходил каждую субботу туда на ночь, пытаясь добраться до главной пулковской трубы. Он пересмотрел все телескопы, однако до главной трубы его так и не допустили.

Антон Васильев после ареста Петербургского комитета принялся за восстановление связей. До сих пор он работал преимущественно в районном масштабе, теперь ему пришлось взять на себя более широкую и ответственную задачу. После долгих поисков он связался с двумя уцелевшими членами Петербургского комитета. Втроем они объявили себя временной исполнительной комиссией Петербургского комитета. Завербовали еще некоторых большевиков из других районов города и организовали Петербургский комитет РСДРП.

Большевиков в Нарвском районе было немного. Осенью 1909 года, когда собиралась информация для заграничной большевистской газеты «Социал-демократ», из Нарвского района были даны цифры: «50—60 организованных. Из них на собрания ходят 25—30 человек, хорошо работает женский кружок». Совсем невелик был актив районного комитета.

В самом начале 1910 года, в связи с выступлением рабочей группы на антиалкогольном съезде в Петербурге, снова было арестовано много большевиков. Еще до съезда, на предварительном совещании рабочих делегатов, арестовали Порфирия Дроздова, делегата от Ушаковской школы. После съезда взяли Парамонова, который потом уже не появлялся

в районе. В это же время арестовали Антона Васильева, но он был осторожен, не оставил против себя улик, и «дела» против него охранка состряпать не могла. На нарах в Коломенской части Антон вместе с товарищами занялся десятичными дробями, русской грамматикой, прочел «Рудина» Тургенева.

К весне Антон снова был в районе. После тюрьмы полагалось некоторое время сидеть тихо: не встречаться с товарищами, сторониться знакомых, чтобы не навлечь на них слежку. Все же ему удавалось узнавать, что делается в Петербургском комитете и районах. Большевистская организация Петербурга крепла, и партийные рабочие все решительнее начали выступать против отзовистов. Антон знал, что большевики Нарвского и Московского районов ведут переговоры о совместных действиях против отзовистов. Прошло несколько месяцев — отзовисты были окончательно разоблачены и выбиты из Петербургского комитета.

От Василия Мещерского, молодого рабочего из лафето-снарядной мастерской, Антон неожиданно узнал, что в районе работает несколько маленьких самообразовательных кружков. Руководят студенты-естественники: они приносят микроскоп, режут лягушек, рассказывают об амебе. Студенты приходят переодетые, соблюдая конспирацию.

— О революции они что-нибудь говорят? — спросил Антон.

— Они говорят: грамота — это и есть революция.

— Деньги за ученье берут?

— Ничего не берут. Учат старательно.

Появление студентов в рабочем районе также было одним из признаков начинающегося оживления. В район шло новое поколение учащейся молодежи. Революционных задач они перед собой еще не ставили и свою работу понимали как исключительно культурническую — передать рабочим знания, какие были у них самих.

— Хорошо, что они сами к нам идут, — сказал Антон. — Кончилось время, когда студент норовил не к нам, а от нас.

Лига «Образование» была надолго закрыта полицией. Ушаковская школа после участившихся полицейских налетов превратилась в обычную профессионально-техническую школу. Искать людей, налаживать связи Антону как поднадзорному было трудно. Для укрепления партийной работы Антон задумал перетащить за Нарвскую сильных работников — Адриана Иванова и Ивана Белостоцкого. Надо было устроить их на завод. В лафето-снарядной мастерской по-

прежнему находился мастер Сергей Панкратьевич Воробьев.

Антон учел все это, пошел к Воробьеву и сказал ему напрямик:

— Сергей Панкратьевич, поскольку ты сочувствуешь нашему брату, то возьми двоих наших на работу...

Воробьев спросил:

— А работники они какие?

— Первоклассные токаря.

На завод поодиночке возвращались старые путиловские работники и создавали новые партийные группы. Основные кадры заводских большевиков находились в ссылке, в тюрьмах, в бегах от полицейских преследований. Несмотря на это, путиловская организация вместе со всей большевистской партией закалялась, крепла, выращивала новые кадры партийных руководителей из среды рабочего класса.

В течение трех лет реакции из месяца в месяц сводки департамента полиции писались по шаблону: «...Настроение населения С.-Петербурга за отчетный период следует признать спокойным. Рабочие занимались своим трудом. Проявления забастовочного движения не наблюдалось...».

Во второй половине 1910 года, особенно к концу года, тон полицейских донесений изменился: «Все спокойно, из проявлений забастовочного движения заслуживают внимания лишь частичные забастовки на чисто экономической почве...». Первое сильное беспокойство вызвали у полиции вспыхнувшие в связи со смертью Льва Толстого (ноябрь 1910 г.) демонстрации протеста против смертной казни. Путиловский завод наглядно подтвердил, что большевистское подполье существует. Нашлись на заводе люди, которые написали заявление в социал-демократическую фракцию III Государственной думы с требованием отмены смертной казни и собрали под заявлением 1080 подписей рабочих. Многие рабочие участвовали в противоправительственной демонстрации на Невском в день похорон Толстого.

Инициатором заявления был Полетаев, который постоянно поддерживал связь с путиловцами. Когда в декабре 1910 года вышел первый номер большевистской газеты «Звезда», в создании которой Полетаев принял непосредственное участие, он принес путиловцам первые экземпляры газеты. Приезжая на завод, Полетаев неизменно приносил с собой с десяток номеров «Звезды». Получить газету от Николая Гурьевича считалось почетом, газету брали и те, кто покупал ее у распространителей.

«Звезда» появилась в начале оживления борьбы рабочего

класса. «Полоса *полного* господства черносотенной реакции кончилась, — писал Ленин. — Начинается полоса нового подъема. Пролетариат, отступавший — хотя и с большими перерывами — с 1905 по 1909 год, собирается с силами и начинает переходить в *наступление*. Оживление в некоторых отраслях промышленности сейчас же ведет к оживлению пролетарской борьбы». [1]

22 апреля 1911 года во дворе завода собрался двухтысячный митинг протеста против преследований правительством профессиональных союзов, клубов и других рабочих организаций. Это был первый митинг после долгих лет реакции. Путиловцы приняли резолюцию:

«Мы, рабочие Путиловского завода, видя, что политика Столыпина по отношению к рабочим организациям сводится к вырыванью и искорененью всякой самодеятельности рабочих, что правительство уничтожает последние остатки рабочих организаций, завоеванных в дни революции, и зная, что черно-желтая Дума ничего не желает сделать для улучшения положения рабочего класса, выражаем через социал-демократическую фракцию Государственной думы наш протест и клеймим позором варварскую политику Столыпина. . .». [2]

Перед 1 мая 1911 года в цехах завода большевиками был организован ряд летучих митингов. Ораторы призывали к забастовке, и хотя завод в целом не выступил, некоторые мастерские в день 1 Мая фактически не работали. Вскоре состоялись одна за другой небольшие массовки на Лаутровой даче, на водопаде у речки Лиговки, в Шереметевском и Поташовом лесу.

В середине 1911 года, в связи с оживлением партийной работы, удалось наладить доставку литературы из-за границы. За Нарвской заставой на квартире Василия Орлова (Огородный переулок, дом № 21, кв. 19) был устроен нелегальный склад.

Конец 1911 года на Путиловском заводе принес новые признаки оживления. 15 декабря был организован митинг, который принял приветственную резолюцию по адресу сосланных на каторгу социал-демократических депутатов II думы.

За долгие тяжелые годы реакции большевики научились владеть испытанными средствами борьбы, умело сочетать

[1] *Ленин*, Сочинения, т. XIV, стр. 392.
[2] ЦАР, Фонд департамента полиции, особый отдел, 1911, д. № 57, лит. Б, ч. II, л. 80.

легальные, полулегальные и нелегальные формы работы. «Разбитые армии хорошо учатся», [1] — писал Ленин. После поражения революции, в условиях разгула полицейско-помещичье-капиталистической своры, партия пролетариата сумела сохранить свои силы, перегруппироваться, отступить в наибольшем порядке и с наименьшим уроном. В то время как ликвидаторы хоронили партию, большевики восстанавливали разбитые организации, сплачивали вокруг партии все нелегальные партийные организации России. В декабре 1911 года в Петербурге происходили выборы на VI Всероссийскую конференцию РСДРП, оформившую самостоятельное существование большевистской партии.

В Нарвском районе была создана группа пропагандистов в связи с подготовкой Всероссийской партийной конференции. В кружках и на специально созываемых совещаниях обсуждали животрепещущие и насущные задачи движения. Особенно активно работала Анюта Иванова. Она только в сентябре приехала из Парижа, где училась в партийной школе в Лонжюмо. Вернулась с огромной зарядкой, полученной от лекций Владимира Ильича Ленина, от долгих, задушевных бесед с Надеждой Константиновной Крупской.

Путиловская организация подготовила на заводе митинг. Делегат петербургских большевиков, рабочий Обуховского завода Евгений Онуфриев, накануне отъезда за границу выступил перед путиловскими рабочими. Загримированный и переодетый, он пробрался в завод и перед тысячной толпой заявил, что вопреки царским разгромам, вопреки воплям ликвидаторов — партия существует, продолжает борьбу и зовет пролетариат к новым боям.

VI Всероссийская конференция РСДРП состоялась в январе 1912 года в Праге. Эта конференция, созванная Лениным, «...положила межу между большевиками и меньшевиками и объединила большевистские организации по всей стране в единую большевистскую партию» *(Сталин)*. [2]

«На этой конференции были изгнаны из партии меньшевики, навсегда было покончено с формальным объединением большевиков в одной партии с меньшевиками. Из политической группы большевики оформляются в самостоятельную Российскую социал-демократическую рабочую партию (боль-

[1] *Ленин*, Сочинения, т. XXV, стр. 176.

[2] XV съезд Всесоюзной Коммунистической партии (б), Стенографический отчет, часть I, 1935, стр. 361—362.

шевиков). Пражская конференция положила начало партии нового типа, партии ленинизма, *большевистской* партии».[1]

Пражская конференция избрала Центральный комитет большевистской партии во главе с Лениным и Сталиным. Был создан практический центр для руководства революционной работой в России — Русское Бюро ЦК, возглавлявшееся товарищем Сталиным.

Пражская конференция приняла решения по всем важнейшим вопросам революционной борьбы рабочего класса: о предстоящих выборах в IV Государственную думу, о характере и организационных формах партийной работы, об отношении к думскому законопроекту о страховании рабочих и т. д. Конференция приняла решение об издании ежедневной рабочей газеты («Правда») вместо выходившей еженедельной «Звезды».

Пражская конференция дала поднимающемуся к новой борьбе пролетариату России программу нового наступления — новое могучее оружие и показала, что боевые силы пролетариата под руководством большевистской партии готовы к встрече нового революционного подъема.

---

[1] История Всесоюзной Коммунистической партии (большевиков). Краткий курс, 1938, стр. 139.

ГЛАВА ШЕСТАЯ

1912 — ИЮЛЬ 1914

ОВАЛЬНЫЕ НОМЕРА

В предвоенные годы промышленного подъема (1911—1914 гг.) Путиловский завод рос и расширялся необычайно быстро. Были построены новые мастерские (лафето-штамповочная, кузница, башенная), новая электростанция, модернизованы горячие цеха — прокатка и мартен. На островах у канала на наращенной почве возникла Путиловская Верфь — самостоятельное предприятие, рассчитанное на одновременную постройку нескольких крупных военных кораблей.

Главные средства путиловские хозяева бросали на расширение артиллерийского отдела. Из 29 миллионов рублей, истраченных в эти годы, на паровозный отдел пошли только 124 тысячи рублей, а на вагонный — 200 тысяч. Путиловский завод целиком приспособлялся к нуждам царизма, готовившегося к империалистической войне. Еще крепче стали связи путиловского правления с иностранными военными фирмами — Шпейдером, Круппом, Шкода.

Завод и застава постепенно наполнялись людьми. Из провинции возвращались путиловцы, бежавшие от безработицы. Общий тон жизни стал увереннее — время глубокой реакции подходило к концу.

В 1911 году, когда завод пошел на полный ход и среди рабочих появились признаки серьезного оживления, путиловские хозяева пригласили директором завода С. Г. Лабунского, способного по их мнению удержать рабочих в узде.

На Путиловском Лабунский служил с восьмидесятых годов и долго был начальником вагонного отдела. Когда Лабунский входил в цех, вагонщики старались не попадаться ему на глаза. Рабочие, заслышав его крикливый голос, ны-

рялп под вагоны, куда-нибудь подальше от своего начальника. Он шел один по пустому пролсту — высокий, элегантно одетый, держа рукой длинную светлую бороду, прямой, как палка, и с палкой, подвешенной на сгибе руки. Когда он замечал непорядок, он перекидывал палку в руку и сердито чертил ею в воздухе, стучал в стенку вагона и, тряся бородой, подымал крик:

— Ты как прибил, сукин сын?!

Были в цеху рабочие, на своей спине испытавшие крепость его палки.

Став директором, Лабунский попрежнему похаживал и покрикивал, но годы и болезнь умаяли его, — он согнулся, борода его поседела, дыхание стало прерывистым. Палка попрежнему была при нем, но пускать ее в ход он остерегался. Люди на заводе были не те, что раньше. Это понял даже Лабунский, которого рабочие метко окрестили «Дубовым». Он также понял: никто не приведет к нему вожаков рабочей массы со связанными руками. И отбросив попытки приручить рабочих пенсионной кассой, которую начал было создавать, Лабунский перешел в открытое наступление.

Объявление об овальных номерах было вывешено 20 января 1912 года. Овальные номера Лабунский ввел в добавление к уже существующим квадратным. Одновременно, вместо третьего заводского гудка, ввел сигналы — цеховые сирены, возвещавшие начало работ. По старым правилам рабочий, опустивший свой квадратный номер в кружку у ворот до заводского штрафного гудка, в 6 часов 40 минут, считался явившимся на работу. По новым правилам он должен был к этому времени — к моменту цеховой сирены — притти в мастерскую и повесить на доску свой овальный номер. По сути дела это была прибавка рабочего времени к длинному и без того изнурительному рабочему дню. Рабочий день удлинялся на полчаса-час. К тому же при отсутствии столовых и при невозможности использовать перерыв для ухода домой, рабочие лишались обеда.

С 6 февраля новые правила вступали в действие. «Это делается первое наступление и проба, — писала «Звезда», когда номера были изготовлены. — Рабочие видят и учитывают хорошо: это и есть прибавка рабочего времени».[1]

Вторая заметка появилась некоторое время спустя. «Звезда» внимательно следила за назревающим конфликтом на Путиловском заводе и в замаскированной форме призы-

[1] «Звезда» № 34, 17 декабря 1911 г.

вала путиловцев к забастовке. «Господин Лабунский, — писала «Звезда», — ссылается, когда ему выгодно, на правила да на законы. А не то, так и закон под стол... Так, что ли, товарищи? Что же вы молчите? Действуйте. За вами право. Идите в союз». [1]

Этот номер «Звезды» на заводе брали нарасхват. Рабочие поняли призыв большевистской газеты. По вечерам сборщики взносов в профессиональный союз собирались в отделении союза, в Огородном переулке. Сборщики прямо говорили о забастовке. Токарь Адриан Иванов из лафето-снарядной заявил, что в его мастерской почва для забастовки готова. То же говорили сборщики из других цехов. Представители кузницы, котельной, чугунолитейной о своих цехах отзывались неуверенно:

— Забастовка будет трудной. На заводе слишком много свежих людей, которые не помнят пятого года и никогда не бастовали. В безработицу завод растерял силы...

Кто-то высказал мысль, что отдельный человек бессилен поднять цех:

— Что я могу? Я один из тринадцати тысяч...

— Вчера ты был один из тринадцати тысяч, — сказал ему Адриан Иванов, — сегодня ты нечто большее — за тобою масса.

Адриан обладал чутьем, и оно правильно указало ему тот момент, когда он сам перестал быть дробью и начал расти. Он имел революционный опыт. Ему было около тридцати пяти лет, а в рабочем движении он участвовал с девятнадцати лет.

Неожиданно для всех высказался за стачку меньшевик Суханов — казначей лиги «Образование». Он был ярым ликвидатором и все предыдущие годы резко восставал против подполья и против стачек. Теперь же, когда в результате длительной и упорной работы подпольных большевистских групп вся масса путиловцев готова была подняться на стачку, он вдруг оказался ее сторонником. Это был ловкий маневр, рассчитанный на то, чтобы не дать большевикам встать во главе забастовки, которая все равно разразится. Выступая за стачку, Суханов усиленно подчеркивал при этом будто бы чисто экономический характер стачки, которая не должна и не может превратиться в политическое выступление:

— Гадать о будущем — пустое дело, — говорил он. — За-

[1] «Звезда» № 5, 29 января 1912 г.

бастовка имеет экономическую цель: отвоевать полчаса-час, которые нам хотят накинуть. В этих пределах нам и нужно поддержать стачку.

Большевики резко возражали Суханову. Стачка будет действительно экономической, но пусть она прозвучит как политическое выступление рабочих. Нельзя отрывать экономическую борьбу от борьбы политической. Нельзя ограничивать рабочее движение узкими рамками экономической борьбы.

— Я смотрю на это дело так, — говорил представитель пушечной: — вторые номера сами по себе не бог знает что, но из-за них начинается забастовка; на этой забастовке завод раскачается, двинется дальше. А идти дальше — наша задача. Ведь и 9 января началось с небольшого.

Большевики на заводе в это время еще не имели своего центра, дважды разгромленного в 1910 и 1911 годах. На заводе работало несколько социал-демократических групп, которые не знали друг друга. При новом наборе рабочих в 1911 году на завод вернулись члены партии, уволенные в безработицу. Они объединялись по старым подпольным связям, знали только свою группу и не доверяли остальным. Реакция приучила к осторожности, а стачечная борьба, при которой люди одинаковых мыслей самим ходом событий вступают в общую связь, только начиналась.

В группе пушечной мастерской сохранилась от пятого года большая коробка резиновых букв, когда-то купленных на Александровском рынке у старьевщика. Букв хватило на то, чтобы отпечатать воззвание на полстраницы. Сверху поставили: «Российская социал-демократическая рабочая партия. Пролетарии всех стран, соединяйтесь!». Подпись: «Группа социал-демократов». Анисим Костюков, недавно вернувшийся из ссылки, пронес листовки в лафето-снарядную, Павел Богданов — в котельную.

В лафето-снарядной листовки, принесенные Костюковым, встретились с другими листовками, отпечатанными на гектографе. В них говорилось:

«Товарищи!

Администрация, опираясь на силу полицейского правительства, издает новые «правила», новые притеснения. Стремясь увеличить наш и без того долгий и тяжелый день, она вводит вторые номера и новые штрафы, как будто недостаточно мы работаем у станков на обогащение капиталистов.

Товарищи! Мы должны дружно протестовать против этого насилия, иначе администрация, не встретив отпора на пер-

вых же шагах, будет создавать все новые и новые притеснения, рассчитывая и в будущем на ту же покорность.

Утром 6 февраля не вставайте на работу».[1]

Под листовкой была подпись: «Группа революционной молодежи».

Принесли листовки на завод Василий Мещерский и его товарищи по кружку самообразования. В дни перед забастовкой кружок собрался на занятия по биологии, но вместо биологии занялся составлением листовки. Оказалось, что студенты знали технику гектографа, могли без промедления отпечатать листовки.

Прокламация об овальных номерах нашла отклик в цехах. Мещерский знал, что на заводе есть большевики, но не знал, как установить с ними связь. Он давно уже помогал Адриану Иванову распространять «Звезду», обслуживая рабочих в своем цеху. Оба они знали друг друга, но разговоров о партии и подполье между ними не подымалось.

Среди других партийцев Адриан Иванов был заметной фигурой. В мастерской он работал открыто: лишнего не говорил, но и не таился. Мастерская знала его как социал-демократа. Он был начитаннее многих товарищей, был инициативен. Тесно сблизившись с участниками кружка Василия Мещерского, он оказал на них большое влияние. Молодежь ценила и уважала Адриана за то, что он своими силами сумел приобрести большие знания и о многих вещах говорил с уверенностью человека знающего и опытного.

Утром 2 февраля в Огородном собралось правление союза металлистов для решения вопроса о забастовке.

Союз помещался во втором этаже, и никто не заметил, как к дому с двух сторон подъехали конные городовые. Всех арестовали. Налетом руководил чиновник охранного отделения — это означало, что о настроении путиловских рабочих было сообщено петербургской охранке. В участке более молодых записали и отпустили домой, остальных арестованных отвезли в город.

День 6 февраля — первый день великого поста, или так называемый чистый понедельник, — не случайно был выбран для введения новых правил. Администрация по опыту знала, какое настроение будет у рабочих после праздников: почти во всех семьях после масленой не останется ни копейки, и

[1] ЦАР, Фонд департамента полиции, особый отдел, 1912, д. № 341, л. 18.

великий пост начнется у них с редьки и кваса. Единственная надежда будет на кредит в потребиловке, но там в кредит отпускают лишь тем, кто работает.

И все-таки, несмотря на послепраздничную расхлябанность, несмотря на арест правления профессионального союза, забастовка началась в намеченный день. В пушечной и лафетоснарядной речей не требовалось. Строгальщики смотрели на токарей, токаря на фрезеровщиков. Если останавливались одни, начинали беспокоиться и другие, — переглядываясь, один за другим тянулись к отводкам (приспособлениям для остановки станков). Если человек продолжал работать, достаточно было поймать его взгляд, дружески показать гайку, подмигнуть на бастующих, и он, оглядываясь, начинал тормозить. К особенно упорным подходили с разговорами:

— Неловко получается, товарищ. Что же ты один из всех?

Если молодой подходил к пожилому, пожилой ругался, называл его лодырем, молокососом, который за отцовой шеей рад погулять, но станок все же останавливал. Он садился, сердито закуривал. Немного спустя к нему подходил мастер, окликал заводской кличкой (Рыжий, Калуга, Малюта-Скуратов, Три с половиной — в пушечной каждый имел кличку), спрашивал, почему не работает. Старик всердцах отвечал ему:

— Я один не буду работать. Чай, я не дешевле...

В лафетной станки остановились тем же порядком, что и в пушечной, а уж если стала лафетная, то остановится и паровозомеханическая — она находилась в том же здании за стеной. Начальник мастерской Юзефович вышел к рабочим, чтобы повлиять на них убеждением. Юзефович ходил от одной кучки к другой, заговаривал со встречными, убеждал их приступить к работе. Рабочие не говорили ни да, ни нет, ссылаясь на товарищей. Начальник оставлял одного, переходил к следующему. Адриан Иванов шел следом за Юзефовичем и, если видел, что рабочий смущен, вставлял свое слово. Постепенно разговор стали вести Юзефович и Адриан.

— Вы добьетесь только одного, — сказал Юзефович, — вас арестуют и сошлют в Архангельскую губернию. Только и всего. Когда я вижу, что люди гибнут, мне их жаль.

— Если вам жаль нас, — сказал Адриан, — бастуйте вместе с нами. А так нечего и жалеть...

Лабунский появлялся в мастерских с видом человека, удивляющегося людскому неразумию. Неужели рабочие не понимают, что сирены в мастерских поставлены для их удобства?!

— Вам же лучше: не надо к конторке бегать на часы смотреть. Порядок должен быть или нет? — кричал Лабунский. — Вы нахватались всяких глупостей из газет, которые все врут... Я выбью эти ваши глупости...

В сарае при пушечной мастерской работало много тверских крестьян-однодеревенцев, которые впервые участвовали в забастовке. Когда Лабунский заглянул в сарай и спросил, почему они не работают, люди встали, сгрудились у двери.

— Я эту мастерскую запишу... — сказал Лабунский. Он начал рыться в карманах, приглядываться к людям, надеясь, что они одумаются и начнут работать. Но люди молча смотрели ему в глаза и не двигались. Пошарив в карманах, Лабунский двинулся дальше.

Городовые, расставленные между мастерскими, препятствовали рабочим ходить из цеха в цех, держать связь между забастовщиками. Но подростки, высылавшиеся на разведку, умели обходить городовых. Забастовка из пушечной и лафетной перекидывалась дальше. С утра остановились вагоностолярная, колесо-жестяницкая и механическая. Корабельная то останавливалась, то начинала работать. Горячие цеха, прессовая, котельная в этот день не бросали работы.

В курилке вагоностолярной с утра висела прокламация. Рабочие мимоходом косились на нее, но не останавливались и не читали. Молодой парень-столяр как бы невзначай подошел к прокламации и громко прочел первую фразу: «Товарищи, сегодня мы покажем администрации, что рабочие Путиловского завода умеют дружно защищать свои права». Никто не подошел послушать его. Знали: кто погромче заговорит, тот скорее окажется кандидатом на увольнение, а люди в мастерской были свежие, друг к другу еще не приглядевшиеся.

Все сидели без дела у своих верстаков и молчали. Настроение было томительное. Мастерская отапливалась отработанным паром. Не было работы, не было и пара. Кипятку также не было. Пришел начальник вагонных мастерских и спросил стоявших впереди, почему они не работают. Из глубины цеха пошел шопот:

— Идите все вперед, а то передние не выдержат и начнут работать.

Задние начали передвигаться к дверям, но неуверенно, по нескольку шагов: начальник поднимет голову — останавливаются, начальник отвернется — опять идут. Понемногу все столпились около начальника. Жуков, паренек лет семнадцати, открыто сказал:

— Не будем работать, пока не отменят вторых номеров.

Пришел Лабунский, спросил, почему мастерская не работает. Опять выступил Жуков. Лабунский закричал:

— Я тебя не спрашиваю. Пусть скажет человек, который работает здесь десять лет.

Выступил пожилой.

— Вот, господин директор, был у нас один номерок, стало два...

Задние закричали:

— Теперь три: пропуск, номер, еще номер... И время прибавлено. Мы от проходной самые дальние...

Лабунский ушел, ничего не добившись. Однако в мастерской не было уверенности в том, что забастовка протянется до вечера. В обед рабочие сходили домой, жены их поплакали, потому что без кредита нужда для многих началась с первого же дня.

На другой день вагоностолярная работала как обычно, но зато к забастовке присоединились: кузница, прессовая, котельная, чугунолитейная. В литейной к требованию отмены вторых номеров было прибавлено еще одно — разрешение уходить домой после заливки, не дожидаясь гудка, так как рабочий при ранней заливке сидел в мастерской без дела, а при поздней перерабатывал несколько часов. В других мастерских добавлялось требование девятичасового рабочего дня.

Фабричный инспектор, приехавший улаживать конфликт, обошел цеха, но сказал лишь, что для отмены новых правил у него нет формальных оснований: правила вывешены за две недели вперед, и каждый не согласный с ними мог заблаговременно взять расчет. Он говорил это с благожелательным видом кому-нибудь из рабочих постарше и заключал:

— Так вот — начинайте работать...

К вечеру было вывешено объявление: по просьбе рабочих, мотивированной отсутствием у большинства из них часов, вновь будет даваться общий третий сигнал заводским свистком в 6 часов 40 минут утра и в 1 час 40 минут дня.

Требования рабочих не были удовлетворены. Вторые номера остались, рабочее время для дальних мастерских удлинилось. Некоторых из активно выступавших, в том числе паренька Жукова из вагоностолярной, через короткое время уволили, а в мастерских появились сирены, при звуке которых вошло в обычай говорить:

— Лабунский загудел...

Но эта первая забастовка имела большое значение. Она

показала, что в заводской массе есть сила сопротивления. Она показала на деле, какие мастерские передовые, какие отсталые и на кого могут большевики опираться в каждом цеху. Забастовка подняла к борьбе новые слои путиловцев, впервые вступивших в забастовочное движение, и способствовала объединению разрозненных большевистских групп в единую боевую организацию.

ЛЕНА

«Ленские выстрелы разбили лед молчания, и — тронулась река народного движения.

Тронулась!..

Все, что было злого и пагубного в современном режиме, все, чем болела многострадальная Россия — все это собралось в одном факте, в событиях на Лене».[1]

Четвертого апреля 1912 года мирная толпа ленских рабочих, направлявшаяся с требованием освобождения арестованных товарищей, была расстреляна. Пятьсот рабочих остались на дороге убитыми и ранеными. По стране прокатилась волна стачек протеста против полицейской расправы над безоружными ленскими рабочими.

С возмущением, с гневом поднимался рабочий Петербург. Стачки протеста перекатывались из района в район, захватывая все бо́льшие массы. За Нарвской заставой на улицах собрались толпы. В цехах прекращали работу, чтобы во всеуслышанье прочитать известия о расстреле.

На углу Огородного переулка, напротив полицейского поста, хромой рабочий кричал городовому:

— Мы вам попомним это, попомним за все!

Собравшимся вокруг него людям он добавлял:

— Не свернули *ему* головы *тогда*, так вот что он делает! И злобно постукивал деревянной ногой по дощатой панели.

«*Тогда*» звучало угрожающе. Все понимали, что «*тогда*» — это незабываемый 1905 год, а «*ему*» — это значит царю.

12 апреля на летучих митингах путиловцы приняли резолюцию: «Мы требуем немедленного расследования и гласного суда над виновниками, а также полного обеспечения семей убитых».

В воскресенье, 15 апреля, к Казанскому собору со всех сторон стекались группы рабочих, студентов, курсисток.

---

[1] *К. С.* [И. В. Сталин], «Тронулась!..», «Звезда» № 32, 19 апреля 1912 г.

Красные знамена — куски красных полотнищ — подымались над толпой, пропадали при появлении полиции и вновь взвивались в других местах. Петергофское шоссе напоминало Невский проспект — рабочие, разгоняемые усиленными нарядами полиции, демонстрировали до позднего вечера, протестуя против кровавого расстрела, учиненного царским самодержавием.

16 апреля в Петербурге бастовало свыше 100 тысяч рабочих. Бастовал и Путиловский завод. Снова, как в пятом году, на грудах железа, на ржавых котлах, лежавших во дворе завода, появлялись ораторы. Заводская полиция бросалась то к одному, то к другому из выступавших. Иногда оратор успевал сказать лишь несколько слов:

— Товарищи, завтра не работаем!..

Другому удавалось сказать больше:

— Бастуйте, товарищи! На Лене расстреляли таких же рабочих, как и вы! Боритесь с самодержавием, требуйте демократической республики, восьмичасового рабочего дня и конфискации всей помещичьей земли!..

Прокламации с большевистскими лозунгами попадали на завод разными путями. Василий Мещерский привез листовки из города. Котельщик Павел Богданов распространял листовки, отпечатанные гуттаперчевыми буквами, и не смущался тем, что пальцы его были в лиловой краске. Он доставал листовки из ящика, давал прямо в руки подходившим рабочим. Люди смотрели на его пальцы, на лиловый шрифт прокламации, говорили:

— Ты бы осторожнее...

— А чего бояться? — говорил Павел Богданов. — Теперь пошло...

В дни перед забастовкой в паровозомеханической в ночную смену пели «Вечную память». Кто-нибудь из рабочих брал свечку — они по ночам горели у станков — поднимался на подкрановые мостки и возглашал вечную память. Стоявшие внизу подхватывали, и этот протяжный похоронный напев звучал в те минуты революционно.

Этот же напев прозвучал на заводском дворе утром 18 апреля. Лафетная и пушечная снялись с работы и двинулись из глубины завода, захватывая встречные цеха. Шествие двигалось несспаянными группами, медленно, точно нащупывая старую дорогу пятого года. Еще не было известно, какая из встречных мастерских снимется легко. Вагономеханическая и чугунолитейная ждали, пока шествие не подойдет к цехам. Люди сразу посыпались из дверей. В кузнице

забегали между горнами, закричали: «Закрывай воздух!». В костыльном отделении на заклепках, на болтах была своя молодежь, которая легко бросила работу, вынуждая к бездействию старших. Клепальщик без нагревальщика работать не будет, так же как кузнец без молотобойца. В котельной ударили по котлам, железный лязг разнесся по всем углам, и люди тотчас же потянулись к дверям, на ходу застегивая пиджаки.

Выйдя наружу, рабочий оглядывался. Не было уверенности: вся ли мастерская ушла, не окажутся ли забастовавшие в ничтожном меньшинстве? Но люди непрерывно двигались из глубины завода, рабочий видел своих и становился смелее. Он вливался в шествие, в котором не было ни рядов, ни равнения. Лица идущих были серьезны. Передние пели «Вечную память». К протяжному напеву примешивалось шипенье пара, выпущенного из котла встречной кочегарки.

Во дворе у часовни дежурили шесть конных казаков. Они что-то кричали, хватались за шашки, но смерив на-глаз идущую массу, предпочитали выжидать: не с шестью шашками и шестью револьверами итти против такой толпы.

Чем ближе подходили к воротам, тем все стройнее и сплоченнее становились ряды демонстрантов. Человек, который с опаской покидал мастерскую, сейчас был уже не тот, что полчаса назад. Сейчас его было опасно трогать, и почувствовав это, куда-то исчезли с проходной вышки пристав и околоточный, а сторожа поспешно распахнули ворота. За воротами еще раз спели «Вечную память».

Демонстрация — весь завод, вся застава — с пением революционных песен двигалась к Нарвским воротам. Полиция, испуганная мощной демонстрацией, скрылась. Новый большой отряд полиции появился лишь на Ушаковской улице. Но и он не посмел тронуть рабочих. Попытки городовых рассеять шествие легко отбивались. Иногда слышался голос: «Проклятие палачам рабочих!». И тогда по всем рядам шествия перекатывался мощный возглас: «Проклятие палачам!».

Весть о расстреле на далекой Лене всколыхнула всю страну. Снова, как в 1905 году, в широких рабочих массах с огромной силой пробуждалось желание сплотиться для открытой борьбы против самодержавия. За несколько дней движение шагнуло далеко вперед:

«От мирной экономической забастовки на Лене — к политическим забастовкам по России, от политических забасто-

вок по России — к многотысячной демонстрации студентов и рабочих в самом центре России...».[1]

В эти дни нового революционного подъема родилась «Правда» — массовая рабочая газета, новое оружие большевистской партии. Первый номер «Правды» вышел 22 апреля (5 мая) и продавался в пользу семей расстрелянных ленских рабочих.

Творцами и организаторами «Правды» были Ленин и Сталин.

Владимир Ильич из-за границы руководил всем делом подготовки издания ежедневной рабочей газеты. В марте 1912 года в Петербург приехал Сталин, возглавлявший Русское Бюро Центрального комитета большевиков. Сталин в четвертый раз бежал из ссылки, куда царское правительство пыталось упрятать вернейшего соратника Владимира Ильича Ленина.

С первых дней нового революционного подъема Сталин возглавил борьбу петербургских рабочих против самодержавия. Он укреплял партийные организации, руководил «Звездой» и своими пламенными статьями подымал питерский пролетариат на борьбу против палачей ленских рабочих.

Преследуемый по пятам царскими шпиками, Сталин скрывался на квартире Полетаева, пользовавшегося как член Государственной думы правом неприкосновенности. Здесь же на квартире Полетаева в середине апреля под руководством Сталина был выработан проект издания «Правды» и составлен первый номер большевистской газеты, ставшей мощным орудием политического воспитания рабочих масс.

Задолго до ленских дней по заводам проходили сборы в денежный фонд «Правды». Десятки людей в мастерских ходили с подписными листами, собирая деньги на газету, название которой еще не было известно.

Деньги, около полутора тысяч рублей, до передачи в фонд «Правды» хранились для безопасности у одного из членов организации. Когда к нему пришли за деньгами, жена сообщила, что накануне его арестовали и отобрали крупную сумму денег.

Большевики решили во что бы то ни стало выручить и деньги и товарища. Группой направились они в участок, прямо к приставу и, заявив протест против ареста общественных денег, потребовали их обратно.

Пристав упирался. Рабочие, наконец, сказали:

---

[1] *К. Солин* [И. В. Сталин], Они хорошо работают, «Звезда» № 31, 17 апреля 1912 г.

— Попробуйте нам не отдать денег. Всем заводом забастуем и не будем работать, пока не возвратите.

Угроза эта испугала пристава, и деньги были возвращены. Позже был выпущен и рабочий, хранивший деньги.

Накануне выхода первого номера «Правды» путиловцы Павел Богданов и Иван Козлов с вечера пошли на Ивановскую улицу к типографии, чтобы получить для завода первые пачки новой рабочей газеты. В три часа утра стало известно, что машина испортилась и «Правда» выйдет позже. Богданов и Козлов не ушли домой. Они терпеливо ожидали у типографии и в седьмом часу получили газеты. Придя в завод, занялись разноской «Правды» по цехам.

Обычные способы распространения легальной газеты — подписка, доставка по почте, свободная продажа — для «Правды» были затруднены. На улицах полиция отбирала «Правду», преследовала газетчиков независимо от того, был ли конфискован номер «Правды», или нет. И все же «Правда» попадала на заводы, несмотря на то, что часто подвергалась конфискации. Газетчик, стоявший напротив завода, прятал пачки «Правды» в водосточную трубу, газета промокала от дождей, но до последнего смятого и промокшего номера раскупалась рабочими.

На Путиловский завод «Правду» доставляла группа молодежи во главе с большевиком Васей Алексеевым — «сынком пушечной мастерской», как называли его в цеху. Подростки, подвижные и ловкие, получили новую обязанность — доставлять на завод «Правду». Они являлись к типографии еще с ночи, ждали первых оттисков газеты и тут же у машины разбирали ее пачками. Затем кружным путем, чтобы не попасться городовым, убегали за Нарвскую заставу. Вася Алексеев приходил к типографии каждое утро. Скоро он стал активным рабочим корреспондентом «Правды».

«Правда» быстро завоевала путиловских рабочих. В цехах образовались группы правдистов — вокруг каждого распространителя «Правды» собиралось ядро энергичных революционных рабочих. Организующая роль большевистской газеты сказалась сразу. Статьи «Правды», руководимой Лениным и Сталиным, служили руководством к действию, указаниями к практической работе.

22 апреля Сталин был арестован. Охранка стремилась обезглавить движение петербургских рабочих, вырвав из их рядов руководителя большевистского подполья. Арестовали также Серго Орджоникидзе и ряд других членов Петербургского комитета. Удар по партии был нанесен сильный. Но

Петербургский комитет был быстро восстановлен. В результате руководства Сталина в Петербурге уже образовались крепкие забастовочные комитеты из представителей заводов и студенческих групп. В центре подготовки общегородской первомайской демонстрации стала большевистская «Правда».

От Путиловского завода в первомайский городской стачечный комитет вошел Адриан Иванов. В февральскую забастовку из-за овальных номеров Адриан действовал только в своей мастерской. В ленскую забастовку он шагнул много дальше, став во главе демонстрации механических мастерских, а перед 1 мая в качестве члена забастовочного комитета он говорил уже от имени тринадцати тысяч путиловцев и поручился за весь завод. Он знал, что право на это у него есть. Первые забастовки, особенно ленская, показали, что завод раскачался. Репутация некоторых мастерских как отсталых оказывалась неверной. В одном из первых номеров «Правды» появилось письмо рабочих дворового цеха Путиловского завода, — раньше они оставались в стороне, а сейчас, как бы искупая вину, собрали между собой деньги и послали их в фонд «Правды». Путиловский завод был готов к первомайской стачке. Адриан Иванов знал особенности своего завода: среди других петербургских предприятий Путиловский завод был, как большой корабль, — он не на каждой волне раскачивался, но раскачавшись, хватал широко и долго потом не успокаивался.

ПЕРВОЕ МАЯ

Жизнь складывалась так, что людям снова, как в первую революцию, стало нехватать времени. Василия Мещерского домашние почти не видели: он приходил с работы, наскоро закусывал, уходил, снова являлся, обжигаясь пил чай, хватал книгу, убегал к товарищу. На Земской улице в квартире Адриана Иванова заготовляли полотнища для красных знамен, жена Иванова нашивала на них буквы. Мещерскому было поручено отвезти в город пакет со знаменами. На него же легла организация массовки, которую нужно было созвать с таким расчетом, чтобы на ней присутствовали представители всех путиловских цехов. Он привозил из города прокламации, заготовленные в большом количестве Первомайским комитетом, и участвовал в устраиваемых комитетом совещаниях рабочих представителей.

В листовках Первомайского комитета были лозунги Пражской конференции большевиков. Комитет отвергал вредную

и лживую установку ликвидаторов, предлагавших ограничить движение требованием свободы коалиций — стачек и союзов. Без лозунга борьбы за свержение самодержавия это требование было бы только обманом рабочих масс.

На массовку путиловцев в Поташовом лесу в ночь на 1 мая пришло человек пятьдесят. У Красненького прохаживался паренек с цветком в петлице, принимал пароль, давал направление: «Через Бабушкин сад в Поташов лес». Иван Газа и его товарищи принесли с собой ракеты на случай тревоги: перед 1 мая по шоссе ездили казаки, а в лесу расположилась полиция.

Речи начались часов с девяти. Первый оратор заговорил шопотом, но уже следующие ораторы перестали считаться с близостью казаков. Лес был густой, по-весеннему туманный, — казаки побоялись бы сунуться сюда. Все говорили об одном и том же — о завтрашней забастовке. Решено было 1 мая вывести весь завод на демонстрацию.

Утром у калиток, как всегда, звякали номера, но сегодня уже по одному звяканию смотритель Чачи мог определить, что день будет неблагополучен. В 6 часов 30 минут в механических цехах завертелись трансмиссии. Станки не работали. Каждая мастерская через разведчиков следила за соседней мастерской, чтобы знать положение. В пушечной и лафето-снарядной настроение было явно в пользу забастовки. Однако кое-где слышались осторожные голоса:

— Вот была ленская забастовка — тринадцать тысяч не работали, по два рубля не заработали, у одних путиловцев двадцать шесть тысяч убытка. Теперь опять двадцать шесть тысяч, да штрафу тринадцать тысяч...

В лафетной, в ожидании выхода, Петр Иванов, молодой веснушчатый токарь, сидел у станка и строгал ножом короткую палку. Адриан договорился с ним, что он понесет знамя. Полотнище знамени еще лежало в кармане у Адриана.

Мастера в лафетной не выходили в цех. Начальник мастерской в этот день не торопился на завод, предпочитая явиться к концу событий. В пушечной начальство также бездействовало, зная, что разговоры не помогут. Зато в инструментальной начальник Мандриченко был на месте и в разговоре с рабочими пообещал, что первому человеку, который сорвет работу в мастерской, он, на основании какой-то статьи закона, схлопочет каторгу. В обычное время пропыхтел, направляясь через заводские теснины к паровозосборочной, потрепанного вида автомобиль, в котором сидел его хозяин — начальник паровозосборочной Пузанов.

Пузанов приехал бороться с забастовкой в день 1 Мая в уверенности, что сумеет отстоять свой цех. Но даже в своем небольшом цеху Пузанов не добился благополучия. Он мог убедиться в этом, приехав 1 мая на завод. На свежий лак паровоза, только что выданного из сборки, была приклеена прокламация; снять ее можно было только вместе с лаком. Немного позже, в конторе, где сидел Пузанов, приоткрылась дверь, просунулась рука, наклеила на дверь с внутренней стороны прокламацию и исчезла. Пузанов сорвал ее, выглянул за дверь — никого. В цеху он обошел паровозные стойла — люди работали вяло. Для поднятия духа он окликал нерадивых:

— Какой твой номер?

И наспех записывал карандашом на манжетке.

Пушечная, лафетная, паровозомеханическая двинулись почти в одно время. Дорожка для выхода была уже протоптана в апрельскую забастовку. Кто-нибудь из авторитетных людей говорил:

— Ну, пошли полегоньку...

Фрезеровщики смотрели на токарей, строгальщики на фрезеровщиков, полировщики тянулись вслед за ними. Связные бежали в соседнюю мастерскую, норовя даже раньше времени объявить, что пушечная пошла.

Пушечная выходила сплошной полуторатысячной толпой. В центре ее развевалось старое, сохранившееся еще с 1905 года простреленное знамя. Его тщательно хранили, берегли от полиции и как вызов выбрасывали вверх, выходя демонстрацией с завода. По дороге сняли инструментальную.

В паровозосборочной Пузанов приказал запереть один из двух выходов в мастерскую, сам стал у второго:

— Ну-ка, выходи... Я посмотрю, кто выйдет.

Но когда полетели в мастерскую гайки и шлак — сигнал к выходу, люди, хватая пиджаки и делая испуганные лица, побежали мимо него.

— Невозможно работать, господин начальник! Угрожают жизни.

Чугунолитейная ждала только сигнала. Здесь охотно вылетали при первом свисте снаружи, но так, чтобы на глаз мастера никто не был активнее другого. Кузницу сняла молодежь из вагономеханической, и наоборот, снимать вагономеханическую пошла молодежь с кузницы.

Пока молодежь выводила встречные мастерские, основная масса медленно двигалась по главному проходу. Запели «Вихри враждебные». Петр Иванов переждал первую строфу

и при словах «Но мы поднимем гордо и смело» поднял над головой красное знамя. Конные городовые бросились в толпу. Ближайшие подались назад. Петр Иванов, чтобы не быть узнанным, пригнул голову. Адриан взял знамя в свои руки:

— Вперед, товарищи!

На красные знамена, которых в заводском дворе не видели уже шесть лет, рабочие смотрели с прояснившимися лицами.

На земле у котельных лежали железные обрубки. Сами демонстранты остановили попытки бросать в полицию железом. Полицейские, заметив в руках людей тяжелые предметы, перестали наседать на толпу и подались назад. Околоточный кричал на городовых, но они только поеживались.

Для того чтобы снять прокатку, одних гаек и свиста было недостаточно. В огромных полутемных цехах, с редко расставленными рабочими, несколько упавших гаек не производили впечатления. Надо было ворваться внутрь, выдержать бой с дружиной черносотенца Мишки Пименова, пройти лавой через всю мастерскую. В пятом году при попытках остановить прокатку и мартен отдельные смельчаки погибали: туда можно было зайти и обратно не вырваться.

Ближайшим от входа со стороны котельной был листовой стан. Прихода забастовщиков надо было ждать прежде всего у этого стана, и чем ближе слышалась «Варшавянка», тем беспокойнее здесь становилось. Работали с оттяжкой, один ждал другого. Если сварщик достанет из печи штуку, вальцовщик волей-неволей потянет ее к вальцам — иначе он зачинщик забастовки. Сварщик не бросит работу первым потому, что около печи ходит мастер, и под его взглядом сварщик снова и снова шарит клещами в белом печном пламени. Старый паровщик Мишка Пименов, главарь черносотенцев в прокатке, и его дружина стоят, не подступая к стану, ближе к двери, чтобы встретить забастовщиков. В руках у них ломики, которые употребляют в прокатке при загрузке железа.

Молодежь ворвалась в прокатку шумно, свистя, как на кулачном бою, но попав после яркого света в полутьму, остановилась, чтобы приглядеться, и подалась в сторону. Получилось два лагеря, которые и по внешности не сливались. Парни и подростки из механических цехов пришли налегке, в рабочих пиджаках, набрав в карманы гаек и шлака. Вид у них возбужденный, веселый. Лица у прокатчиков обожжены паром и окалиной, у них передники, рукавицы, сплюснутые впереди шлемы. Плечи их побелели от пота. За белые

передники, за соль на плечах их звали белыми медведями, и сейчас, неуклюжие и неуверенные, они действительно походили на линялых белых медведей, вставших на задние лапы.

— Сегодня Первое мая! — кричали из толпы молодежи.

— Хоть первое, хоть двадцать первое, — отвечал Мишка Пименов заносчиво. — Уходите, пока целы!

Мишка оглянулся на своих, они не двигались. В открытую дверь они видели, как через огромный двор нескончаемо двигался народ: весь завод шел на них.

— У нас непрерывная работа! — закричал один из черносотенцев, предпочитая вступить в переговоры. — У нас не так, как у вас. У нас печи горят день и ночь. Если болванка раскалилась, я не могу ее бросить...

— Отлично можешь бросить, — кричали из толпы, — а завтра снова накалишь.

Черносотенец продолжал доказывать, но гайки полетели в стеклянную крышу, и молодежь с пронзительным свистом бросилась к сварщику, оттягивая его от печи. Сварщик, неустойчивый на деревянных подошвах, легко покачнулся, и ломики в руках банды Мишки Пименова не поднялись на его защиту. Мишка, ругаясь, побежал в темноту. Сварщик у следующего среднесортного стана после первых же гаек отбежал сам, за ним сдались два мелкосортных стана. Дальше надо было только бежать от огня к огню, свистеть, бросать гайки с таким расчетом, чтобы не попасть в человека. Прокатчики одевались и уходили.

Когда пришли снимать тигельную, расположенную в стороне от большой дороги, тигельщики готовились вытаскивать горшки из печей. Эта работа считалась самой тяжелой по всему заводу. Тигельщик надевал деревянные колодчи, наворачивал на ноги и на живот мешки, обвязывался веревкой, обливал мешки водой, сам окунался головой в ведро. От высоких колодок и многих мешков рослый человек превращался в великана. Клещи в его руках, представлявшие собой комбинацию скошенных ухватов, сами по себе были тяжестью, непосильной для обыкновенного человека. От великана и его клещей попятились. Вся обстановка тигельной пришельцам из холодных цехов внушала робость: низкие печи с языками огня, сталь в горшках, шипящая по-змеиному, неестественно распухшие лица. Но тигельщики неожиданно оказались покладистыми и сказали, что сами уйдут, после того как горшки будут вынуты.

Мартеновская стояла на отшибе, ближе всех к забору на шоссе и дальше всех от истока забастовки — от механических цехов. Происходившее на заводском дворе доносилось в мартен слабо, но в условленный момент влетела на площадку молодежь, крича и бросая гайки мимо людей. Вслед за молодежью незнакомый немолодой рабочий пробежал вдоль печей, объявляя:

— Оставить по одному человеку на печь.

Это была уступка, вызванная особенностями производства: оставляли по одному человеку, чтобы держать печь на газу. Но скоро и те ушли. Выход мартеновцев прошел гладко, занял не больше десяти минут, и когда мастер Голованов спустя некоторое время вышел из конторки на канаву, чтобы посмотреть пробу очередной плавки, он оказался в одиночестве. Горели одиннадцать печей — восемь с одной стороны, три с другой; людей не было, а металл в печах светил багрово, явно остывая и превращаясь в «козла».

Последние люди вышли из ворот. В мастерских остались вертящиеся трансмиссии, дотлевающие горны, пустые верстаки. Появлялся начальник мастерской. Он приказывал остановить моторы, звонил по телефону в кабинет директора.

— Во столько-то часов и минут такая-то мастерская забастовала...

Лабунский гмыкал в телефон, отмечал в списке, говорил с покорностью судьбе:

— Психоз...

Ворота, ведущие на шоссе, были заперты, за ними стоял наряд конных городовых. Пристав предполагал пропустить рабочих через калитки, распылить шествие, во всяком случае не дать пронести знамена.

Рабочие шли на него безоружные, с веселыми лицами, и это была именно та рабочая веселость, от которой полиции становилось не по себе. Немногие городовые, составлявшие отряд, сидели на лошадях потные и испуганные. Помешкав немного, пристав дал знак открыть ворота, отодвинулся и лишь покосился, когда мимо него проплыли маленькие красные полотнища, ставшие сразу самыми главными точками на всей улице. А потом еще одна красная точка появилась вдали, приближаясь к шоссе. Это шли рабочие из новомеханической и из мастерских, расположенных за Корабельной улицей. Их выпустили через другие ворота, и они пошли со своим знаменем по железнодорожной насыпи, недосягаемые для полиции. У шлагбаума в поредевшей толпе все три ярких точки встретились и слились.

После обеда мимо Нарвских ворот началось движение празднично одетых людей. Одни направлялись к Екатерингофу с корзинами и самоварами, собираясь всей семьей посидеть на травке, посмотреть на гулянье. Шли девушки с текстильных фабрик, украшенные лентами и ветвями свежей березки. Шли крючники из порта, сезонники с построек, сохранившие деревенскую манеру ходить отдельной группой с гармонистом и плясуном впереди.

Другой поток двигался мимо ворот к городу, к центру. Полиция пыталась помешать проникновению рабочих на Невский проспект, задерживала конки и трамваи. На пути к Невскому надо было проходить через полицейские кордоны. Там людей определяли по одежде. Рабочего можно было узнать по разным признакам: косоворотка под пальто, праздничный вид, в то время как для центра 1 мая было будничным днем. Рабочие окольными путями пробирались на Невский, к Казанскому собору.

Центр и окраины обычно не встречались. Рабочие жили вблизи заводов и в город ходить не имели надобности. На Невском банки и конторы работали как всегда, магазины торговали. Обычная для Невского проспекта гуляющая толпа заполняла солнечную сторону. Эта толпа была сегодня потревожена новыми пришельцами из рабочих окраин. Они появлялись в разных местах, под натиском полиции уходили в боковые улицы или поднимались на верхние галереи Гостиного двора и снова выходили на проспект. До позднего вечера демонстрировали петербургские рабочие.

Невский проспект, правительство, буржуазия, вся столица — впервые после 1905 года увидели красные знамена.

ЧЕТВЕРТАЯ ДУМА

В течение трех летних месяцев 1912 года, с июня до августа, на Путиловском заводе бастовало десять мастерских. Третья часть рабочих — свыше 4300 человек — принимала участие в стачках. В паровозомеханической и пушечной пять экономических забастовок окончились победой рабочих.

В этих цехах ведущую роль играли большевистские группы, хорошо усвоившие тактику стачечной борьбы. Они могли, при необходимости, превратить небольшую стачку слесарей в стачку целого цеха, могли связать интересы токарей с интересами чернорабочих и держать работу и места бастующих под бойкотом. В случае поражения они не давали падать духом и говорили рабочим: «Не вышло сей-

час — выйдет в другой раз, наше не пропадет». Большевики умели связывать мелкие стачки с большими политическими выступлениями, экономические требования — с революционными лозунгами пролетариата. Агитируя за политическую борьбу, разоблачая ликвидаторов в их стремлении затормозить революционное движение, большевики поднимали интерес рабочих к политической жизни страны. Осенью 1912 года центральным вопросом большевистской агитации стала избирательная кампания в IV Государственную думу.

Четвертую Государственную думу выбирали по тому же столыпинскому закону, что и предыдущую. Но времена уже были иные.

«... Ленские события и последующие забастовки не прошли даром, — писал Сталин, — интерес к политической жизни страны значительно возрос среди рабочих. Это особенно верно о петербургских рабочих, с самого начала ставших во главе движения..., *теперь*, в атмосфере подымающегося движения, рабочие шли на выборы с большим интересом». [1]

На Путиловском заводе и во всем Петербурге избирательная кампания по рабочей курии проходила в условиях острой борьбы большевиков с ликвидаторами. Большевикам приходилось также бороться и против появившихся в рабочей среде отдельных небольших групп социал-демократов, не причислявших себя ни к большевикам, ни к ликвидаторам, но по существу стоявших на позициях антипартийного августовского блока Троцкого. Эти маленькие группки во всем поддерживали ликвидаторов.

Один из таких «нефракционных» путиловских социал-демократов, сотрудник меньшевистского «Луча» Иосиф Будзько 16 сентября 1912 года поместил в первом номере этой меньшевистской газеты письмо за подписью «Путиловцы». Письмо было обращено к Плеханову и Троцкому с просьбой, «принимая во внимание важность момента перед выборами в Государственную думу», высказаться по поводу борьбы «двух главных лагерей русской социал-демократии — ленинско-большевистского и ликвидаторского».

Плеханов, тогда меньшевик-партиец, ответил через «Социал-демократ». Он решительно отстаивал необходимость сохранения и укрепления нелегальной партии. «Плеханов и его группа партийцев-меньшевиков, оставаясь в ряде вопросов на меньшевистских позициях, решительно отмежевались

---

[1] *К. Сталин* [*И. В. Сталин*], Фактическая справка (К выборам в Петербурге по рабочей курии), «Просвещение» № 1, 1913 г.

от Августовского блока и ликвидаторов и стали добиваться соглашения с большевиками. Ленин принял предложение Плеханова и пошел на временный блок с Плехановым против антипартийных элементов, исходя из того, что такой блок является выгодным для партии и гибельным для ликвидаторов».[1]

Троцкий ответил через меньшевистскую газету «Луч». Его статья под заголовком «Ответ путиловцам» была полна злобных и демагогических нападок на большевиков. Специалист по «объединению» всех осколков, выброшенных из партии, создатель беспринципного антипартийного августовского блока, Троцкий решительно заявил, что становится на позиции «Луча». Жонглируя именами западных социал-демократов, клевеща на партию и обманывая рабочих, он пытался убедить путиловцев, что ликвидаторы являются «необходимой и ценной составной частью партии». Он не жалел слов, чтобы представить ликвидаторов — злобных разрушителей единства — сторонниками единства рабочего движения.

Несмотря на безудержный вой ликвидаторской печати, большевики в предвыборной агитации все больше завоевывали массы. Ни авторитет Каутского и Адлера, ни статьи Иудушки-Троцкого не действовали. Вся предвыборная кампания на Путиловском заводе проходила под знаком побед большевистской партии.

Из тринадцати с лишним тысяч путиловских рабочих избирательным правом пользовались девять тысяч, которые должны были дать девять уполномоченных. Объявление о выборах вывесили 15 сентября, за день до избирательных собраний, неожиданно для рабочих, чтобы не дать им времени столковаться. По цехам для избрания девяти уполномоченных выставили тридцать два кандидата, из которых было выбрано семь большевиков, в том числе старые работники путиловского подполья: Анисим Федорович Костюков, Иван Дмитриевич Иванов, Иван Яковлевич Козлов, Иван Иванович Изосимов и Василий Артемьевич Орлов. Другие два уполномоченных считались сочувствующими большевикам. Исключительно большевистский состав выборщиков показал, за кем идут путиловцы. Ивана Козлова выбрали в дворовом цеху единогласно и без всяких речей.

В прокатке, самом отсталом цеху завода, были разговоры

[1] История Всесоюзной Коммунистической партии (большевиков), Краткий курс, 1938, стр. 132—133.

о том, что депутаты — дармоеды: получают по десять рублей в день за то, что слушают речи. Кандидату в уполномоченные Василию Орлову советовали не соблазняться легким хлебом, который может затем обернуться Сибирью и кандалами. Орлов отшучивался, говоря, что депутатского места он все равно не получит и кандалов также надеется избежать, но вот расчет и высылка для него вполне возможны.

В механических цехах избирательные собрания прошли в острой борьбе с меньшевиками. До выборов меньшевики беседовали с рабочими у станков, а на выборах выходили с речами к столу и говорили, что они тоже передовые рабочие, поддерживают всякое начинание, полезное рабочему классу, но не понимают, почему в думу от рабочих должен итти обязательно сторонник «Правды». Василий Иванов в лафето-снарядной брал для сопоставления себя и Анисима Костюкова. Какая между ними разница? Вчера еще оба сидели в профессиональном союзе, делали одно общее дело. Почему же сегодня оказывается, что Костюков единственный законный представитель рабочих интересов, а его вчерашние товарищи — враги рабочего класса, дезорганизаторы? Между тем, вся вина Василия Иванова в том, что он не хочет, чтобы рабочая партия раздиралась спорами, он хочет единства, а правдисты стремятся навязать рабочим свою волю.

Большевикам надо было умело разоблачать такого оратора, выяснять перед аудиторией, почему он, пять лет борясь против нелегальной партии, лицемерно говорит о единстве. В официальных речах у стола, в присутствии полиции, нужно было избегать таких слов, как революция, социал-демократия, подполье. Говорить нужно было обиняками.

— Этот самый оратор, — сказал однажды Костюков, — еще недавно говорил, что партия рабочему не нужна. Как так партия не нужна? Ведь если партии не будет, так это каждый нам на шею сядет и поедет. И к решительному моменту мы не придем... И светлого будущего не увидим... Ясно, что он — дезорганизатор. [1]

Голосование показало, что рабочие услышали недосказанное. Они понимали разницу между большевиком Костюковым, за которым были годы подпольной работы, направленной на подготовку второй революции, и ликвидатором

---

[1] Под словами «решительный момент» подразумевалась революция; «светлое будущее» — социализм.

Василием Ивановым, который называл себя социал-демократом, но боялся революции и предпочитал политическое крохоборство.

Путиловские большевики сумели у себя на заводе и в районе объединить на почве участия в нелегальной партийной организации и работы в ней многих рабочих, находившихся под влиянием меньшевиков. Это было сильнейшим ударом по ликвидаторству. Позже, на Краковском совещании ЦК РСДРП с партийными работниками, созванном Лениным (декабрь 1912 — январь 1913 года), была отмечена эта победа нарвских большевиков. В резолюции «об отношении к ликвидаторству и о «единстве» Ленин писал:

«...При условии признания нелегальной организации Р.С.-Д.Р.П. и вхождения в нее, единство с.-д. рабочих всех течений и оттенков представляет безусловную необходимость и повелительно диктуется всеми интересами рабочего движения.

Объединение именно на таких началах осуществлено уже в Нарвской районной организации в Петербурге и в ряде провинциальных организаций». [1]

По петербургской рабочей курии всего было выбрано более восьмидесяти уполномоченных. И большевики и ликвидаторы повели энергичную агитацию среди уполномоченных. Настроение рабочих Петербурга было явно не в пользу ликвидаторов. Массы пролетариев боролись за неурезанные лозунги, выдвинутые Пражской конференцией большевиков: демократическая республика, восьмичасовой рабочий день, конфискация всей помещичьей земли.

Однако, поскольку уполномоченные уже были выбраны, ликвидаторы могли не считаться с настроением массы и все внимание перенесли в среду уполномоченных, чтобы там найти себе сторонников. Многостепенность выборов, наличие среди уполномоченных негородского элемента — представителей от уездов, возможность всяких случайностей могли быть использованы ликвидаторами, которые всяческими путями старались протащить своих кандидатов. Ликвидаторская опасность в этих условиях была вполне реальной. За исходом выборов в Петербурге следили рабочие массы всей страны.

Избирательной кампанией в Петербурге руководил Сталин. После апрельского ареста Сталин был выслан в Нарымский край, но снова — в пятый раз — бежал из ссылки.

---

[1] *Ленин*, Сочинения. т. XVI, стр. 234.

12 сентября 1912 года, всего лишь за четыре дня до выборов уполномоченных по рабочей курии, Сталин приехал в Петербург и сразу возглавил борьбу петербургских рабочих. Под его руководством петербургские большевики добились огромной победы на выборах в IV Государственную думу.

«Правда» развернула борьбу с ликвидаторской опасностью в избирательной кампании. Одновременно был открыт огонь по примиренцам и объединителям и разоблачен самый главный объединитель, «центрист, подлейший карьерист и фракционер» — Троцкий, пытавшийся использовать избирательную кампанию в подлых целях борьбы против партии большевиков.

«Правда» доказывала, что разговоры ликвидаторов о единстве фальшивы, поскольку петербургские рабочие посылают в думу лишь одного депутата. Этот депутат не может быть сразу и большевиком и ликвидатором, он может быть или тем, или другим.

«При чем тут «единство», — писал Ленин, — когда надо выбрать *одного* и все согласны, что он должен выражать волю большинства сознательных рабочих-марксистов??» [1]

На 5 октября было назначено официальное собрание рабочих-уполномоченных для избрания шести выборщиков. Накануне, поздно вечером, «Правде» стало известно, что тридцать уполномоченных наиболее крупных предприятий, в том числе уполномоченные Путиловского завода, устранены от выборов — «разъяснены» — по формальным причинам. Правительству оказалось мало ограничений, созданных для рабочей курии избирательным законом, и оно, в обход закона, лишило избирательных прав еще двадцать одно предприятие.

По инициативе Сталина, через час после известия о «разъяснении» собралась исполнительная комиссия Петербургского комитета большевиков. Составили новый список большевистских кандидатов в выборщики и вынесли решение об однодневной забастовке протеста. Об этом дали знать путиловским большевикам. В ту же ночь собралась заводская большевистская группа. Было решено: по призыву Петербургского комитета стачку начать завтра; путиловским уполномоченным попытаться пробиться на выборное собрание для оглашения протеста.

Утром «Правда» опубликовала список большевистских кандидатов в выборщики. Этот список до последнего дня

[1] *Ленин*, Сочинения, т. XVI, стр. 156.

не оглашали, потому что кандидатов могли арестовать и устранить.

Выборы происходили в здании городской думы на Невском. Костюкова, Ивана Дмитриевича Иванова, Аристова и других путиловских уполномоченных не пропустили внутрь. Пробиться туда им не удалось. Они постояли на высоком думском крыльце и пошли в редакцию «Правды». В «Правде» им сказали:

— Поезжайте на заводы, поднимайте рабочих...

Уполномоченные вернулись на завод в мастерские, будто бы для работы. Жена Ивана Дмитриевича Иванова, Мария Тимофеевна, поехала за Невскую заставу вызвать с фабрики Паля и с Обуховского завода знакомых большевиков, рассказать им о положении. Василий Савинов пошел доставать спрятанную типографию и искать наборщика.

Путиловский завод остановился в тот же день, 5 октября, с обеда. Грубейшее нарушение и без того ничтожных избирательных прав вызвало протест во всех слоях рабочих. Тотчас же собрался общезаводский митинг. На митинге боролись две резолюции — большевистская и меньшевистская. Меньшевики главным тезисом своей резолюции выставляли: «Только всеобщее избирательное право в Государственную думу могло бы гарантировать право выборов». Предложение ликвидаторов было отвергнуто. Путиловцы, как и семянниковцы, приняли резолюцию большевиков:

«*Протестуя против нарушения наших избирательных прав, заявляем, что только низвержение царизма и завоевание демократической республики могут обеспечить рабочим право на действительную свободу выборов*».[1]

К трем часам рабочие покинули завод, и демонстрация пошла к Нарвским воротам с пением революционных песен. Осталась на заводе лишь часть рабочих у печей. Околоточный выхватил из толпы рабочего Павла Акимова и отправил его в участок с запиской, что этот человек «позволил себе освистать чина полиции». В дальнейших донесениях сообщал, что полиция бессильна против возбужденно настроенной толпы и нужны подкрепления.

Листовка с призывом ко всем петербургским рабочим поддержать путиловских уполномоченных печаталась в квартире молодого медника Викуленкова на Богомоловской, дом № 32. Здесь набирали и печатали листовки и тут же раскладывали

[1] «Социал-демократ» № 30, 12 (25) января 1913 г.

для просушки. Печатание продолжалось до ночи, и хотя все соседи знали, что в квартире Викуленкова печатают прокламацию, все окончилось благополучно. Василий Савинов к вечеру вынес семьсот листков; часть отнес к Марии Тимофеевне Ивановой для передачи за Невскую заставу, часть отдал для Московской заставы.

Вечером 5 октября районный комитет большевиков совместно с уполномоченными собрался у Василия Орлова, чтобы наметить план на завтрашний день. Павел Богданов, Василий Мещерский и молодежь были за то, чтобы продолжать забастовку. В цехах настроение крепкое. Рабочие ждут, что скажут уполномоченные: скажут бастовать — будут бастовать неделю.

Районный комитет постановил продолжать забастовку.

На следующее утро рабочие пришли на завод, отметились и ушли. Присоединились печные рабочие из горячих цехов. В заводе остались только сторожа и служащие. К обеду стало известно, что за Невской заставой забастовали у Семянникова, Паля, Максвеля. На Выборгской стороне также забастовал ряд фабрик и заводов. Всего в эти дни в Петербурге бастовало около ста тысяч рабочих. В резолюциях заводских митингов основной пункт — о поддержке «разъясненных» путиловских и других уполномоченных — стал обрастать новыми требованиями. Рабочие протестовали против закрытия профессиональных союзов и конфискации рабочих газет, против нового страхового закона, против избирательного закона третьего июня в целом. Правительство вынуждено было отступить и не только восстановить «разъясненных» уполномоченных, но и назначить выборы уполномоченных на нескольких новых заводах, которые прежде не входили в список предприятий, имеющих право выбирать по рабочей курии.

В статье «Выборы в Петербурге» товарищ Сталин, описывая ход забастовки, отмечал необычайное упорство петербургских рабочих, боровшихся за выборы: «Бастуют не только разъясненные предприятия, но и не разъясненные (Паль), а также те, которые по «правилам о выборах» не имели права выбирать по рабочей курии. Бастуют из солидарности. В революционных песнях и манифестациях нет недостатка... 8-го октября поздно ночью становится известным, что губернская комиссия по выборам кассирует выборы выборщиков, отменяет «разъяснения» уездной комиссии, «восстановляет в правах» путиловцев, привлекает к выборам

бо́льшее число предприятий. Рабочие торжествуют победу. Рабочие победили».[1]

Незадолго до новых выборов выборщиков на квартире Савинова (за Нарвской, Сапожников пер., дом № 5) состоялось партийное собрание. Присутствовало человек двадцать путиловцев и несколько партийцев из других районов. На собрание пришел Сталин вместе с представителем Петербургского комитета. Сталина путиловцы видели впервые. Сопровождавший его член Петербургского комитета представил его под именем «Василия». Обсуждали вопросы о кандидате в члены Государственной думы и о тактике борьбы с ликвидаторами на предстоящих выборах.

Член Петербургского комитета большевиков говорил о том, что наступает решающий момент избирательной кампании — выборы уполномоченными выборщиков. От того, кто пройдет в выборщики, зависит и то, кто будет избран депутатом в думу по петербургской рабочей курии. Ликвидаторы из кожи лезут вон, чтобы захватить места выборщиков. Рабочие крупных заводов в первую очередь должны громко заявить, для чего они боролись за выборы. Их голос, направленный против ликвидаторов, будет решающим. Задача большевистских групп Путиловского, Семянниковского и других заводов — сплотить рабочих вокруг наказа рабочих своему депутату, который будет выработан Петербургским комитетом.

Путиловский большевик Савинов сказал о том, что наказ, действительно, укрепит большевистское влияние в массах. Следующий оратор говорил, что наказ, который определит требования рабочего класса к своему депутату, будет для ликвидаторов неожиданностью и во многих случаях свалит их даже там, где они сильны.

Люди заговорили, перебивая друг друга, горячась и споря. Один требовал наказа поскорей, другой, не отрицая необходимости наказа, уверял, что при выборах уполномоченных ликвидаторы разбиты настолько, что вряд ли нужно будет кого-либо добивать. Третий говорил о будущем депутате вообще, никого не предлагал, никого не отводил, а высказывал свои пожелания. Чувствовалось, что на собрании путают первоочередное и второстепенное, заметно было, что некоторые слишком легко относятся к ликвидаторской опасности, надеются на «честность» меньшевиков, не представляют себе значения наказа.

---

[1] «Социал-демократ» № 30, 12 (25) января 1913 г.

Сталин приглядывался к людям, вслушивался в их речи. Наконец, взял слово и тихо, но внятно начал излагать главное, существеннейшее в борьбе за полную победу большевиков на выборах по рабочей курии в Петербурге. Сталин говорил о том, что преуменьшать ликвидаторскую опасность не следует. Верно, что ликвидаторы разбиты, провалились в Петербурге по всей линии. Но враг может представлять немалую опасность и после того, как его разбили. Ликвидаторы фарисейски перекрашиваются под революционеров, подлаживаются под настроения рабочих, чтобы обмануть их. Они набрасывают на себя маску «защитников единства», чтобы сорвать подлинное единство петербургских рабочих, сплотившихся вокруг лозунгов революции. На некоторых предприятиях, как, например, на Невском судостроительном заводе, представитель ликвидаторов прошел в уполномоченные только потому, что обязался поддерживать большевистскую резолюцию, принятую рабочими на митинге. А в то же время ликвидаторская газета «Луч» либо замалчивает подобные факты, либо искажает революционные резолюции рабочих.

В комнатке стало тихо. Напряженно, внимательно слушали рабочие простую, ясную и убедительную речь товарища «Василия». Седовласый Анисим Костюков не спускал пристального взгляда с неизвестного ему оратора и мерно кивал головой, подтверждая его неторопливые, мудрые и полновесные слова. Павел Богданов пригнулся к столу и сидел, не шелохнувшись, чтобы лучше слышать: как всякий рабочий-котельщик, он был немного глуховат.

Сталин говорил дальше о том, что борьбу с ликвидаторством надо перенести в низы, в рабочую массу. На выборах уполномоченных, там, где они будут проводиться заново, ставить на голосование большевистский наказ. Там же, где, как на Путиловском, уполномоченные будут восстановлены без новых выборов, пускать наказ по мастерским, собирать под ним подписи. Исход голосований и подписи лишний раз покажут, что рабочие против ликвидаторов и что депутатом от рабочих может быть только большевик.

Особо Сталин подчеркнул значение наказа петербургских рабочих своему рабочему депутату. В наказе ясно и недвусмысленно будет отмечено, что неразрешенные задачи 1905 года могут быть решены только борьбой рабочих и революционных крестьян за низвержение царизма и что вождем в этой борьбе может быть только пролетариат. Наказ прямо потребует, чтобы рабочий депутат шел в думу

не для пустой игры в законодательствование, чем охотно занимались и хотят заниматься ликвидаторы, — рабочий депутат идет в думу для революционного просвещения и организации широких масс, для использования трибуны думы именно в этих целях.

Окно комнаты выходило в капитальную каменную стену, и когда открывали форточку, чтобы выпустить дым, говорившие понижали голос. Патруля снаружи не было, но хозяйка квартиры время от времени выходила к воротам и смотрела по сторонам.

Собрание затянулось допоздна. Уходили поодиночке, соблюдая все предосторожности конспирации. Сталин остался на квартире Савинова, чтобы выработать текст наказа. Работал долго. Для него было постлано на полу. Он отказался от кровати, сказав Савинову:

— Вам нужно отдохнуть, вам завтра на работу.

«Наказ петербургских рабочих своему рабочему депутату», написанный Сталиным, был принят Петербургским комитетом большевиков, отпечатан отдельной листовкой и пошел по заводам. «Наказ», по существу, представлял собой сжатую политическую платформу большевистской партии, дополненную требованиями рабочих к своему депутату.

На Путиловском, Невском судостроительном заводах, фабрике Паля и других крупных предприятиях Петербурга большевистский «Наказ» рабочие приняли единодушно. Даже там, где в качестве уполномоченных оказывались ликвидаторы, рабочие принимали «Наказ» единогласно и безоговорочно. Собрание уполномоченных ряда заводов столицы также приняло «Наказ». Это со всей очевидностью свидетельствовало, что у ликвидаторов уходит из-под ног почва, — рабочие массы твердо стоят за линию большевиков.

Путиловские уполномоченные были восстановлены без новых выборов и полностью участвовали в съезде уполномоченных. Губернский съезд происходил 17 октября в здании городской думы, куда в первый раз путиловцев как «разъясненных» не допустили. Анисим Костюков явился туда одним из первых. Он всходил на думское крыльцо неторопливо и с достоинством. Так же неторопливо он прошел в зал, заявляя о том, что он представитель Путиловского завода. Костюков испытывал некоторое удовольствие от своей медлительности, нарочито показывая, что он пришел как победитель, как представитель 100 тысяч забастовщиков, заставивших правительство восстановить «разъясненных».

И. В. Сталин за составлением «Наказа петербургских рабочих своему депутату» — 1912 г. С карт. *П. Бучкина*

Обсуждение «Наказа» на губернском съезде уполномоченных по рабочей курии показало, что представители петербургского пролетариата полностью согласны с положениями и требованиями большевистской партии. «Наказ» был принят съездом уполномоченных.

Подводя итоги выборов в Петербурге, Сталин писал:

«Петербургские рабочие остались верными революционным традициям нашей Партии. Лозунги революционной социал-демократии и только они получили признание съезда уполномоченных. На съезде решали вопрос беспартийные (из 82 уполномоченных 41 «просто» соц.-демократов и беспартийных), и если даже на таком собрании принят наказ Петербургского Комитета, то это значит, что лозунги П. К. имеют прочные корни в чувствах и мыслях рабочего класса».[1]

Депутатом в думу по Петербургской рабочей курии был избран большевик, слесарь Александровского завода А. Е. Бадаев.

После выборов полиция расправилась с многими выборщиками и уполномоченными. Костюков, как он и предвидел, через некоторое время был арестован и посажен в тюрьму. Определенного обвинения ему предъявлено не было. Ему поставили в вину все его прошлое и к трем прежним высылкам автоматически прибавили четвертую. До выезда из столицы Костюкову пришлось несколько раз слышать о «Василии». Его товарищ рассказывал ему о заседании Петербургского комитета, где Сталин говорил о результатах выборов в думу, о первых шагах думской социал-демократической фракции, о той борьбе, которую ему пришлось выдержать, вытравляя ликвидаторский дух из декларации социал-демократической фракции Государственной думы.

Избирательная кампания и выборы в думу по рабочей курии, проведенные в Петербурге под руководством Сталина, высоко подняли политическую активность рабочих масс. Ликвидаторы потерпели еще одно поражение и были разоблачены перед лицом всего петербургского пролетариата. Против ликвидаторства выступали сами рабочие. На Путиловском заводе рабочие составили письмо и послали его в «Правду». Под письмом стояло триста шесть подписей. Каждый из подписавших заявлял себя сторонником революции и партии большевиков, которую иносказательно в легальной печати называли «политическая организация».

---

[1] «Социал-демократ» № 30, 12 (25) января 1913 г.

Письмо было обвинительным документом масс по адресу ликвидаторов. Срывая маски с ликвидаторов, путиловцы объявляли их врагами рабочего класса.

В своей резолюции-письме путиловцы писали:

«Прикрываясь маской единства на выборах... ликвидаторы прибегают к обману.

Кто ушел из политической организации? — Ликвидаторы.

Кто срывал работы центра? — Ликвидаторы.

Кто называл восстановление и укрепление политической организации рабочего класса «утопически-реакционной затеей?» — Ликвидаторы.

Кто предлагал распущение политической организации и практически способствовал этому? — Ликвидаторы...

Пользуясь лозунгом «единство» как средством фракционной борьбы, ликвидаторы на деле вносят раскол в наши ряды и служат нашей дезорганизованности.

Поддерживать ликвидаторов — поддерживать течение, враждебное рабочему классу». [1]

Борьба с ликвидаторством стала делом самих рабочих масс.

НАСТУПЛЕНИЕ МАСТЕРСКИХ

Еще в первой половине 1912 года большевистские группы преодолели разобщенность между собой и тем самым разобщенность между сорока цехами Путиловского завода. Во второй половине года заводские большевики создали районную организацию. На заводах Тильманса, Лангензиппена и других, на текстильных фабриках, на мелких предприятиях района осели выброшенные с Путиловского большевики. Не порывая связи с заводом, они создавали крепкую организацию за Нарвской заставой. Они связывались с Московским, Невским и Выборгским районами и в нужный момент, обычно после провала Петербургского комитета, выделяли новых руководителей движения в Петербурге и заново воссоздавали Петербургский комитет большевиков. Этот факт был отмечен на Краковском совещании ЦК РСДРП, и как радостную весть сообщала о нем Надежда Константиновна Крупская в письме в провинцию. Теперь ни одно выступление рабочих не проходило мимо укрепившейся большевистской организации.

---

[1] «Правда» № 50, 1 марта 1913 г.

26 октября 1912 года в газетах появились сообщения о приговоре, вынесенном черноморским матросам по обвинению в подготовке восстания. Семнадцать матросов приговорены были к смертной казни, сто шесть — к каторжным работам. Жуткая весть мигом облетела все мастерские завода. Связные, посланцы большевистской организации, сообщали кратко: после гудка у лафето-снарядной — митинг.

Восемь тысяч человек собралось у лафетной. Стремительно организованный митинг был непродолжительным. Адриан Иванов и Павел Богданов произнесли короткие речи. Третий оратор предложил резолюцию протеста против приговора царского суда и резолюцию против войны на Балканах, против куцого закона о страховании рабочих, против закрытия рабочих профессиональных и просветительных организаций. Загремела «Марсельеза». Многотысячная толпа двинулась к воротам. Вторая смена пошла к станкам. Вдали показалась запоздавшая полиция.

Через три дня, 29 октября, лафетная решила подкрепить резолюцию протеста забастовкой. Большевистская группа, чтобы поднять настроение колеблющихся, решила действовать примером. Мещерский и еще восемь его товарищей оделись и пошли к выходу, приглашая следовать за собой:

— Позор оставаться у станков!

За ними вышла вся мастерская. А два дня спустя, 31 октября, забастовали и другие мастерские.

Великой классовой солидарности, умелому применению острого оружия политической стачки и демонстрации учила путиловцев партия большевиков. Она учила их этому на опыте боевых маевок, экономических стачек, протестов против расстрелов, на опыте думской избирательной кампании. В жестоких и упорных классовых схватках прошел двенадцатый год. Путиловский завод дал 75 тысяч стачечников. Каждый путиловец бастовал в течение этого года не менее шести раз, из них четыре раза по политическим причинам.

Спустя несколько недель после поступления в котельную, чернорабочий Фаддей Ложкин, посылая домой в деревню пятерку, сэкономленную на харчах, сообщал, что мог бы прислать и еще больше, кабы не бастовали шесть дней. Он писал о потере заработка без сожаления и в последующих письмах подробно объяснял, как эта потеря заработка оборачивается прибылью для рабочих. От письма к письму Фаддей Ложкин все более четко разъяснял своим далеким землякам и родичам принципы борьбы, усвоенные им на заводе. Он писал о забастовке:

— Обыкновенная стачка — это когда бросаем работу и уходим по домам. Ежели выходим всем заводом сразу, да кумачовый флаг с нами, то зовется это демонстрацией. А вот по-итальянскому — бастуем иначе: бросаем работу и сидим каждый на своем месте, покуриваем и, знай, поглядываем на начальство.

Заводская наука классовой борьбы через тысячи Фаддеев Ложкиных — каталей, угольщиков, молотобойцев, чернорабочих — проникала в деревню, будила ее, поднимала на борьбу с самодержавием. Сами рабочие стали необыкновенно чуткими и отзывчивыми, бдительными по отношению к мероприятиям царизма и буржуазии, легко вставали на защиту своих прав, на протест против бесчинств царских властей.

В день 9 января нового, 1913 года с обеда все рабочие — дневная смена, 10 800 человек — организованно покинули завод, отметив политической стачкой память жертв «Кровавого воскресенья».

Во время стачки произошло незначительное, казалось, событие, которое дало толчок к новой забастовке. В этот день один из подручных заводского смотрителя — их называли хожалыми — Петр Яковлев затащил рабочего Франца Сафронаса в сторожку у морских ворот и избил его, а когда Сафронас попытался дать сдачи, показал ему револьвер:

— Убью и отвечать не буду...

Сафронаса отправили в участок и выпустили только к вечеру, но весть об избиении рабочего распространилась по мастерским. 12 января в «Правде» появилась заметка об избиении Сафронаса, а еще через день пушечная и некоторые другие мастерские начали «итальянку» с требованием уволить хожалого Яковлева. Это был протест против всех вообще толчков и тычков, применявшихся хожалыми в обращении с рабочими.

В этот день до обеда «итальянили» две с половиной тысячи рабочих; после обеда — еще шесть тысяч. На следующий день «итальянил» почти весь завод. «Итальянка» была трудным видом забастовки. Она требовала выдержки. Во многих цехах легче было один раз сломить сопротивление умеренных рабочих и вывести цех наружу, чем уговаривать сидеть без дела у станков.

Пушечная держалась твердо и, несмотря на то что перед самым обедом кое-кто начал работать, с полудня снова стала. В литейной соблюдали видимость работы: формовщики копались в земле, но делали «глухари», то есть набрасывали

в опоку землю как попало, покрывали другой опокой, ставили литник. Мастер при проходе видел, что люди работают, а проверить, заформована ли опока, было не в его привычках. В жолобе вагранки горела растопка, но вагранка не была завалена. Перед уходом растопку гасили, а «глухари» раскидывали так же быстро, как и делали их.

В цехах распространялась большевистская листовка за подписью районного комитета. Листовка разъясняла, что борьба с издевательствами и грубостью такое же важное дело, как и борьба за хлеб и свободу. Печатали листовку Павел Богданов и Василий Савинов. Котельщик Павел Богданов, писавший ее, имел уже к тому времени некоторый литературный опыт: одна из его статей была напечатана в «Правде».

После обеда 15 января все цеха, «итальянившие» утром, не были пропущены в завод. Пропустили только четыре тысячи человек, но из них две с половиной тысячи через некоторое время ушли.

Каждый день забастовки приносил хозяевам большие убытки. Проще всего было уступить рабочим и убрать хожалого Яковлева, но путиловские хозяева не хотели уступить и в мелочи, ибо это противоречило бы политике Общества заводчиков и фабрикантов.

Петербургские капиталисты, объединенные в Общество заводчиков и фабрикантов, перешли в это время в контрнаступление против поднимающегося стачечного движения. Локауты, массовые расчеты, угрозы безработицей стали излюбленными средствами их расправы с рабочими. Фабриканты заключили между собой конвенцию (соглашение) действовать сообща и ни в коем случае не выполнять требований рабочих. Если же окажется необходимым удовлетворить часть требований забастовщиков, то выполнить это лишь впоследствии, когда сама забастовка будет разгромлена.

Директор Путиловского завода Бринк последовательно проводил линию Общества заводчиков и фабрикантов. Он хотел внести раскол в среду путиловских забастовщиков — создать ядро, враждебное забастовке. Семнадцати мастерским завода он объявил локаут. Остальные восемнадцать мастерских он не закрыл, но в объявлении о локауте было сказано, что в виду общей производственной связи мастерских и они будут закрыты, если оставленные на заводе не воздействуют на своих товарищей.

На эту угрозу Путиловская верфь ответила забастовкой солидарности. Директор верфи по указке правления после-

довал примеру администрации старого завода и объявил расчет своим рабочим на 16 января.

Объявляя локаут бо́льшей части рабочих завода, правление рассчитывало на психологическое действие. Многие поколеблются, затем всплывут на поверхность умеренные и стариковские элементы, которые оживают при всякой затянувшейся забастовке. С их помощью забастовка будет ликвидирована. И на этот раз путиловским хозяевам их маневр удался.

Охранка, со своей стороны, приняла меры к тому, чтобы открытие завода прошло гладко. В ночь на 17 января и в следующие ночи обыскали и арестовали около восьмидесяти путиловских рабочих, которых агентура считала главарями. Арестованы были: Адриан Иванов, Иван Дмитриевич Иванов из пушечной и другие большевики.

Газета русской буржуазии «Речь» сокрушенно замечала по поводу стачки из-за хожалого Яковлева: «В конституционных условиях... в нормальной политической обстановке... не были бы потеряны (из-за путиловской стачки) десятки тысяч рабочих дней в такой отрасли производства, которая теперь, ввиду внешних осложнений, приобретает чрезвычайную важность».

Разоблачая лицемерие русских либералов, озабоченных массовыми стачками рабочих, Ленин писал в «Правде»:

«Точка зрения буржуазии ясна. «Мы» хотим политики империализма, захвата чужих земель. «Нам» мешают стачки. «Мы» теряем прибавочную стоимость за «потерянные» рабочие дни. «Мы» хотим такой же «нормальной» эксплуатации рабочих, как в Европе». [1]

Путиловская забастовка, возникшая как протест против бесправного положения рабочих, потерпела поражение. На пути подъема революционного движения было много поражений и побед. Но каждое поражение, как и победа, еще больше сплачивали рабочие массы, которые под руководством большевиков шли к дальнейшему развертыванию революционной борьбы.

Арест восьмидесяти путиловцев в январе 1913 года был сильным ударом по организации. Из членов районного комитета большевиков уцелели только Павел Богданов и Василий Савинов. Организация снова оказалась разобщенной.

Этим немедленно воспользовались ликвидаторы. Меньшевик Родичев в лафетной, Рубцов в чугунной, Пометов в пу-

---

[1] *Ленин*, Сочинения, т. XVI, стр. 291.

шечной и другие — в один голос выступили против стачки в день годовщины ленского расстрела.

— Забастовочная энергия нам еще пригодится. Нельзя тратить ее на воспоминания.

Меньшевикам возражали, что довод свой о преждевременной трате сил они выдвигают при всякой забастовке, и неизвестно, когда же, наконец, наступит та забастовка, для которой они согласятся израсходовать свою «столь ценную забастовочную энергию». Тем не менее, активная агитация меньшевиков, не получив сокрушительного отпора из-за разрозненности большевистских групп, оказала свое влияние.

4 апреля 1913 года забастовали лишь шесть мастерских: лафетная, пушечная, башенная, корабельная, механическая, инструментальная. С утра ушло 525 человек, после обеда — еще 1540 человек. Другие цеха — кузницу, вагонные, паровозные, литейные, прокатку — вывести не удалось.

Большевистский районный комитет пополнил свой состав представителями цеховых групп. Установка была дана четкая: поднимать отдельные отсталые слои рабочих на экономическую борьбу. Связь между цехами была восстановлена, «техника» налажена, доставка «Правды» вновь стала регулярной.

В апреле большевики организовали три крупные экономические стачки. Стачечная полоса, начавшаяся в апреле, была отмечена настойчивостью и упорством бастующих. Стачки маляров, молотобойцев и кочегаров длительностью своей превзошли все предыдущие экономические стачки, а поэтому они были в центре внимания заводской большевистской организации, всего коллектива путиловцев и газеты «Правда».

Первой произошла стачка молотобойцев.

Молотобойцы в кузнице представляли наиболее обойденную категорию рабочих. Молотобоец получал от кузнеца-старшого третью копейку, две трети заработка шли кузнецу. Часть молотобойцев работала не со штуки, а «по цеху», то есть по цеховой поденной плате, и их положение было еще хуже. Заработок такого молотобойца не поднимался выше семидесяти пяти копеек в день. Если кузнец не выходил на работу, молотобоец вообще ничего не получал и шел на так называемую «биржу» — бродил по цеху в ожидании работы.

Забастовка молотобойцев началась 19 апреля. Требования были выработаны заранее. В кладовушке в обеденный перерыв собрались машинист Григорий Иванов, прессовщики

Александров и Островский. Это была большевистская группа в кузнице, взявшая руководство стачкой молотобойцев.

Забастовка в кузнице начиналась с тех горнов, которые были ближе к выходу — со стороны главного заводского прохода и со стороны вагонных мастерских. Один молотобоец бросил молот и торжественно сел; другой не взял молота, хотя нагретое изделие лежало на наковальне; третий попросту ушел подальше и в нужный момент не оказался на месте. Ручные молоты стали замолкать один за другим. Кузнецу без молотобойца нечего делать; постепенно остановились и кузнецы. Машинисты малых паровых молотов и прессовщики тоже сложили руки. Остановились и «плясуны», которые работали на молотах с ножным приводом. Мастерская затихла, но горны горели как всегда.

Начальник цеха Д. М. Прекс прошел между горнами:

— Вы почему не работаете?

— Да вот, те стоят...

Он к тем:

— Вы почему стоите?

— Да вот, эти не работают...

Потом вышел молотобоец, заранее приготовившийся к тому, что его уволят, протянул листок с требованиями.

— Какие могут быть прибавки, — сказал Прекс, прочитав листок. — Не от меня зависит. Работайте...

К концу дня в мастерскую явился помощник директора «по рабочему вопросу» — он же главный бухгалтер — Е. Е. Иогансон. Он действовал кротостью, обещал улучшить положение тех молотобойцев, которые «не выбивали» тарифа, обещал рассмотреть требования и через неделю дать ответ. На его вопрос — соглашаются ли молотобойцы ждать мирно этого ответа и работать, кто-то из толпы ответил, что будут ждать и работать.

На другой день растопщики разожгли горны и нефтяные печи, рабочие пришли в мастерскую, но работать опять не стали, потребовав немедленного ответа на вчерашнее требование. Ответа не было. Молотобойцы, а вслед за ними машинисты, «плясуны» и кузнецы ушли из мастерской. В проходную дали знать, чтобы их выпустили.

Еще день-два по утрам разжигали печи, рабочие приходили и уходили. В мастерской появились объявления: сначала предупредительные о расчете, потом о самом расчете и закрытии мастерской на неопределенное время.

«Неопределенное время» означало не больше двух недель. Начальство рассчитывало, что за это время рабочий успеет

проесть весь свой прежний заработок и станет покладистым: чтобы получить кредит в потребиловке, он должен будет стать на работу.

Большевистская группа кузницы через «Правду» организовала помощь молотобойцам. При посредстве «Правды» и думской социал-демократической фракции рабочий класс развил тогда товарищескую помощь в невиданных раньше размерах. Однако число бастующих, локаутированных, высланных за этот период было так велико, что помощь не покрывала нужды.

Получив расчет и сдав номерок, рабочий уже не мог приходить в мастерскую. Он приходил к воротам, где через две недели после начала стачки было вывешено объявление: «Требуются кузнецы, молотобойцы, машинисты при молотах, прессовщики и подручные. Бывшие рабочие кузнечной мастерской, в случае их принятия на работу, будут допущены к работам без медицинского освидетельствования и прочих формальностей».

У ворот рабочий видел свежую деревенскую силу. Голод и безземелье гнали народ в город сильнее, чем прежде. Новые пришельцы давили на молотобойцев, потому что могли предложить те же мускулы, что были и у забастовщиков. Мастерская открылась на пятнадцатый день после начала забастовки. На словах было обещано прибавить на цеховой оклад по пять копеек, выдать рукавицы, передники, машинистам — прибавить на пуд.

К первому дню записалось около половины рабочих. В проходной стоял отметчик, смотрел в список. Рабочий называл свой старый номер. Одним отметчик говорил:

— Проходи. . .

Другим:

— Тебя в списке нет.

Это значило, что смотритель Чачи дал распоряжение не принимать этого рабочего. Из костыльной много молодежи не было взято. Полный штат набрали после возобновления работ. Обещанных прибавок молотобойцы не дождались.

Первомайская демонстрация 1913 года вызвала новые экономические стачки путиловцев. На этот раз стачки были более упорны и длительны и дали более положительный результат, чем стачка молотобойцев.

1 мая в 1913 году происходило в условиях нового натиска масс на самодержавие и буржуазию.

«Уже за несколько недель до первого мая правительство точно потеряло голову, а господа фабриканты вели себя как

совсем безголовые люди. Аресты и обыски подняли, казалось, вверх дном все рабочие кварталы столицы. Провинция не отставала от центра...

Но, как ни усердствовала жандармерия, как ни «чистила» она фабричные предместья, как ни хватала направо-налево по последним из своих «списков подозрительных», — ничто не помогло. Рабочие смеялись над бессильной злобой царской шайки и класса капиталистов, иронизировали над грозными и жалкими «объявлениями» градоначальника, писали и пускали по рукам — или передавали из уст в уста — сатирические стишки и добывали, точно из-под земли, новые и новые пригоршни маленьких, плохо изданных, коротких и простых, но вразумительных «листочков» с призывами к стачке и к демонстрации, с напоминанием старых, неурезанных, революционных лозунгов социал-демократии, которая руководила в пятом году первым натиском масс на самодержавие и на монархию». [1]

Из путиловцев арестовали всех рабочих, которые по агентурным данным охранки могли быть будущими руководителями первомайской стачки. В их числе были: Василий Савинов и Павел Богданов.

Был арестован также и Родион Золотцев из лафето-снарядной. Хвастливый, шумный Золотцев ходил накануне между станками, подмигивал, покрякивал, громко говорил:

— Наша лафетная не выдаст, не подкачает.

Он обращал на себя внимание, и люди сторонились его: слишком шумлив, любопытен, должно быть не спроста. Подозрения в провокации Золотцева усилились. Ему говорили:

— Ты бы лучше отошел от организации. А то в охранке таких, как ты, легко делают провокаторами.

На самом деле Золотцев уже был провокатором и предал не одного революционера. Охранка арестовала его заодно с другими путиловцами, чтобы отвести от своего агента подозрения. Из тюрьмы Золотцева вскоре выпустили. В секретном донесении о нем говорилось: «Освобожден без дальнейших для него последствий».

Несмотря на аресты и провокации, подготовка к дню 1 мая не прекращалась, и городской забастовочный комитет был создан. Листовки вышли за подписью Петербургского комитета большевиков. Путиловские рабочие нашли связи с Первомайским комитетом и распространили его листки.

---

[1] *Ленин*, Сочинения, т. XVI, стр. 484—485.

1 мая стал весь завод. С пением революционных песен, с тремя красными флагами вышли путиловцы на Петергофское шоссе. Боевое знамя пушечников — знамя 1905 года — вновь реяло над торжественной колонной. Демонстрация была спаяна и дисциплинирована. В этом явно чувствовалась большевистская организованность. Первоначально полиция не решалась рассеять демонстрантов. Конные полицейские, пешие городовые следовали по сторонам и позади мощной колонны путиловцев, как бы охраняя шествие. Но потом, дав рабочим отойти на значительное расстояние, полиция перегруппировалась, как для настоящего боя, и ударила по главному ядру, в центре которого развевалось три красных полотнища. Демонстранты были оттеснены в боковые улицы, шестьдесят рабочих задержаны. Знамя 1905 года удалось отбить от полиции. После обеда, переодевшись, путиловцы группами направились на Невский — на общегородскую демонстрацию.

После 1 мая, как бы по традиции, на Путиловском заводе одна за другой вспыхнули экономические забастовки. Стала крупная бригада в железнодорожном цеху. «Итальянили» на верфи. В июне поднялись сталепрокатчики, котельщики, угольщики, медники. На заводе впервые самостоятельно забастовали ученики — нагревальщики заклепок. Застрельщиками забастовок мальчиков были ученики с верфи. Вслед за ними объявили стачку подростки из котельной. В течение четырех месяцев, начиная с апреля, мальчики бастовали шесть раз.

Самой крупной и длительной после 1 мая была стачка кочегаров. К стачке кочегары готовились давно. 26 апреля они подали главному механику завода требования: увеличить заработок, ввести восьмичасовой рабочий день и улучшить условия их труда.

Для того чтобы выступить, кочегарам надо было объединиться — они были разбросаны по всему заводу: сорок человек в прессовой, двадцать — на центральной электрической станции, столько же — в лафето-снарядной, шесть — в вагонных мастерских и т. д. В административном отношении их объединяла так называемая «испытательная станция», которая заведывала почти всеми котлами на заводе. Только в прокатных мастерских и в тигельной паровые машины работали независимо от испытательной станции. Кочегары, обслуживавшие их, не имели связи с теми, которые предъявили требования. Это, конечно, ограничивало размах забастовки. Но в самой большой мастерской на заводе,

пушечной, были свои котлы только для отопления, энергию же пушечная получала от центральной электрической станции и, таким образом, целиком зависела от нее. При остановке станции прекращалась подача воздуха по всему заводу. Прессовая и кузница, трсбовавшие пар в наибольшем количестве, зависели от нее, так же как лафетная, вагонная, паровозные мастерские. Кочегары центральной станции, предъявляя требования, имели основания говорить, что их забастовка отразится на работе всего завода:

— Мы завод остановим...

На другой день после первомайской забастовки, когда завод еще жил воспоминаниями вчерашнего дня, кочегары справились у главного механика об ответе на их требования. Ответа не было. Старшой из центральной кочегарки Каспар Дэюдзик, собиравший подписи под заявлением, снова обежал кочегарки и всюду говорил:

— Раз требования не удовлетворены, будем бастовать. Посматривай на мою трубу...

К концу смены он обежал кочегарки еще раз:

— Гаси топки, трави пар.

Пар стал садиться, как только прекратилась подброска топлива. Кочегары в дальних кочегарках смотрели на трубы центральной станции и прессовой мастерской. Когда трубы перестали дымить, кочегары в вагонной и на новой электрической станции погасили топки. Лесообделка, где топили деревом, смотрела на вагонную кочегарку и тоже остановилась. Ночная смена явилась в кочегарки и, не приступив к работе, ушла. Уходя с завода, кочегары видели, что их забастовка уже отразилась на всем заводе: мастерские без пара и энергии остановились.

Утром кочегары собрались на Лаутровом поле обсудить положение. Там, после 1 мая, еще дежурили казаки; они разгоняли собирающихся кучками рабочих. Кочегары перешли в Поташов лес, на Резерв. Отсюда виднелись заводские трубы, и каждый кочегар среди многих труб легко находил свою. Трубы дымили слабо и бестолково. Кочегары пересчитали всех, кто пришел на собрание, прибавили тех, кто не пришел, но о ком было известно, что он не на работе, — налицо были почти все девяносто пять кочегаров и углевозов испытательной станции. Удивлялись, что не присутствует на собрании Каспар Дэюдзик. Он вел себя так решительно перед забастовкой, и в нем многие кочегары готовы были видеть своего вожака.

Немного позже выяснилось, что именно Каспар продался хозяевам сразу и еще с ночи пошел на завод растапливать центральную кочегарку. Он и прежде был близок черной сотне, и когда его привели к начальству, пугнули ответственностью за остановку артиллерийских цехов, пообещали сто рублей и казенную квартиру — он сдался.

Центральная кочегарка задымила первой. Квартиру Каспару предоставили немедленно, чтобы он мог сидеть на заводе и не выходить за ворота. В помощь ему нагнали в кочегарку чернорабочих из строительного цеха, предлагая им на выбор: тройное жалованье или расчет. Где работали двое, там поставили пятерых. Они валили уголь без толку, жгли колосники. В паровозной кочегарке начальник цеха Лебедев сам стал за кочегара, а пожарных заставлял возить уголь. В кочегарках, кроме чернорабочих, работали мастера, конторщики.

— Они им сожгут котлы, — говорили кочегары, не сомневаясь, что на мастерах и чернорабочих кочегарке долго не продержаться.

«Правда» печатала заметки о ходе забастовки и объявила места кочегаров под бойкотом. Штрейкбрехеров кое-где в мастерских поколачивали.

Кочегары ждали, когда в дело вмешается весь завод. Машинист Семенов, работавший у насосов в прессовой кочегарке и бастовавший вместе со всеми, считался у кочегаров более грамотным. Он пошел искать профессиональный союз, но союз официально в это время уже не существовал и не имел квартиры. Кочегары продолжали собираться, проверяя друг друга и удовлетворяясь тем, что все они в сборе и держатся артельно. За десять дней от артели отстали только двое. В первое время после расчета у кочегаров были деньги. Они приходили в лес с водкой и закуской, пользуясь возможностью отдохнуть хотя бы во время забастовки.

На десятый день стачки кочегары увидели, что продержаться долго они не смогут. Им пришлось явиться в проходную. Как вновь поступающие они прошли фильтровку. Кое-кого не приняли. Каспара Дзюдзика кочегары избили. В отместку Каспар выдал полиции зачинщиков забастовки. Трех кочегаров, в том числе брата Каспара, Ивана, посадили в тюрьму. Условия остались прежние, но впоследствии была введена премия за экономию угля. Наступательная забастовка, хотя и проигранная, все же заставила администрацию считаться с рабочими и поставила предел ухудшению условий труда кочегаров.

На другом конце завода в те же предмайские дни, когда кончилась стачка молотобойцев и назревала забастовка кочегаров, вспыхнула стачка маляров вагонного отдела.

Маляры — веселый народ. Они часто и охотно повторяли старую поговорку о себе: «Что́ нам, малярам? День работам, два гулям». Хороший маляр зарабатывал в день рубля два — два с половиной, но при сниженных расценках этот заработок добывался ценой усиленных сверхурочных. Вагонный отдел выпускал по триста вагонов в месяц. Маляры работали «вечера» (до 8 часов вечера), «полночи» (до 10 часов) и «ночи» (до 12 часов), которые соответственно рассчитывались за четверть дня, за полдня, за целый день. По вечерам специальный человек следил, чтобы сонный маляр не сжег вагона: работая на стелюге, маляр светил себе сам — на картуз сверху накладывал груду замазки и в нее ставил свечку. По воскресеньям специально приходили работать «на лак». Закрывали цех, чтобы никто не ходил, — пыль могла погубить лакировку.

Из воскресений, из четвертушек, из половинок накапливалось 35—45 рабочих дней в месяц. Единственной возможностью отдыха у маляров был запой: тогда с рабочего нечего спрашивать. Неделями, месяцами маляры не вылезали из своей измазанной красками одежды.

Все чаще поговаривали маляры о стачке, хотя работали разбросанно и не знали, с чего начать стачку. Им нужен был свой вожак, руководитель, но они еще его не вырастили. На помощь малярам пришел подвижный столяр Иван Травников, работавший по соседству с ними в вагоностолярной. Большевистская организация поручила ему организовать маляров на стачку. Травников был искушенный в политике человек. Прошел школу ученика-подростка в кустарных мастерских, был не раз бит и бастовал еще мальчиком у кустаря. В 1912 году он связался с социал-демократической организацией, стал большевиком и активным работником союза деревообделочников. В союз входили, помимо модельщиков и столяров, и некоторые маляры-путиловцы. С членов союза Травников начал подготовку стачки. Со свойственной ему торопливостью и напористостью бегал по большим, гулким вагонным сараям и собирал маляров на совещания для выработки требований. Он обеспечил стачку маляров поддержкой соседних цехов, в первую голову цехов вагонного отдела. Наконец выработали требования: повышение расценок на тридцать процентов, отмена сверх-

урочных, вежливое обращение, устройство умывальников, достаточное снабжение инструментом, тряпками, мылом и т. д.

Забастовку начали 24 апреля в расчете, что летом маляры смогут иметь побочную работу на постройках. Двумя неделями безработицы тогда их не сломишь.

В ответ на стачку всему наличному составу — ста пятидесяти шести малярам — 27 апреля был объявлен расчет. На завод им уже не было доступа. Почти каждый день собирались они в лесу или по квартирам и узнавали о положении дел в заводе. Места маляров были объявлены под бойкотом.

Столяры собирали деньги для маляров у себя и по другим цехам, следили за появлением штрейкбрехеров. Подрядчик Жуков привел восемь маляров на окраску артиллерийских повозок; они проработали полдня, узнали от столяров, что места под бойкотом, и ушли. Маляры-паровозники приняли за повышенную плату заказ на окраску затворов. «Правда» опубликовала этот факт и напомнила, что вагонные маляры, уходя, объявили заказ под бойкотом. Выполнение заказа стало тормозиться. «Правда» писала штрейкбрехерам: «Помните, что для предпринимателя вы хороши только до тех пор, пока вы ему нужны. Потом он вас выбросит, и вы придете к нам же, кого вы теперь предаете».

Паровозные маляры бросили окраску вагонов.

Иван Травников следил, чтобы на их месте не появились новые штрейкбрехеры. Администрация беспокоилась — задерживался выпуск уже готовых вагонов, нарушались сроки доставки их заказчикам, останавливался весь вагонный отдел, и остановка его приносила большие убытки.

Мастер Сергеев проездом через Вологду разыскал маляров местных железнодорожных мастерских и предложил им ехать в Петербург на Путиловский завод. Вологодские маляры опубликовали этот факт в «Правде» и прислали деньги в пользу путиловских товарищей. Деньги приходили из разных мест: из Риги от рабочих Русско-Балтийского вагоностроительного завода, от рабочих «Артура Коппеля» из-за Московской заставы; поступали через «Правду» и через социал-демократическую думскую фракцию. Деньги, собранные для маляров в новомартеновской мастерской на том же Путиловском заводе, шли не прямо к малярам, которых сборщик не знал в лицо, а в думскую фракцию. Из пятерок и десяток скапливались суммы, которые потом сразу передавались по назначению.

Подрядчики изо дня в день водили на завод маляров с построек. Они в большинстве случаев не годились для вагонной работы. На окраску классных вагонов, где нужны маляры-каретники, администрация никого не нашла. Когда понадобилось срочно покрасить короба для снарядов, восемь мастеров и помощников, вместе с начальником вагонного отдела Л. В. Саблиным, проработали две ночи. Им же пришлось лакировать классные вагоны. Ночью лакировка выглядела хорошо, утром оказалась никуда негодной.

Бастующие маляры подрабатывали на постройках, на ремонте квартир. При отсутствии работы — получали пособие из денег, собранных в цехах и присланных через «Правду». Они могли продержаться несколько месяцев. На заводе между тем забастовка маляров скоро привела к остановке смежных производств. Некрашеный вагон нельзя сдавать, он зря загромождает место; новый вагон тоже нельзя собрать полностью, потому что шпунт грунтуют еще до сборки, а некоторые части собирают после окраски. Некрашеные и незаконченные вагоны заполнили цех. Сборщики не собирают — столярам нечего делать. К 8 июня в вагонном отделе не работали 199 плотников и слесарей, 91 столяр, 12 обойщиков и т. д. Забастовка маляров начала приносить добавочные убытки. За вынужденный прогул плотникам, столярам, слесарям надо было платить. При определении размера этой платы возникали конфликты. Администрации поневоле пришлось принять посредничество союза деревообделочников, вопреки обычной политике — не признавать профессиональных союзов.

Путиловское начальство заговорило о закрытии всего вагонного отдела. Цель этого маневра была — натравить две с половиной тысячи вагонщиков на полторы сотни маляров. На самом деле закрытие отдела было невыгодно. Правление предпочло перебиваться работой случайных штрейкбрехеров.

Стачка маляров продолжалась третий месяц. Администрация не сдавалась. Не сдавались и маляры.

Затянувшаяся забастовка вызвала задержки в выпуске продукции в таких цехах, которые как будто не имели отношения к вагонам. Оправдываясь перед Главным артиллерийским управлением в задержке выпуска орудий, правление в числе прочих причин сослалось на забастовку вагонных маляров. Грубая обозная работа могла быть частично выполнена штрейкбрехерами, но окраска пушек требовала специалистов. Несвоевременная сдача орудий вызывала пе-

ребои в снабжении деньгами — артиллерийские заказы кормили завод. И когда маляры, учитывая близость осени и конец ремонтов, начали переговоры, администрация оказалась сговорчивой. Все бастовавшие рабочие были приняты обратно, расценки подняты, принят и пункт об оплате поправок.

Победа маляров, достигнутая при сочувствии всего рабочего коллектива путиловцев, при помощи «Правды» и при поддержке рабочих не только Петербурга, но и провинции, еще раз показала рабочим силу пролетарской организованности и выдержки.

СТРАХОВАЯ КАМПАНИЯ

Во всех цехах Путиловского завода летом 1912 года почти одновременно заговорили о больных, об инвалидах, об увечьях.

Такое неожиданное повышение интереса рабочих к этим вопросам было вызвано тем, что «Правда» повела широкую кампанию по разъяснению рабочим сущности страхового законопроекта, принятого Государственной думой. «Правда» предупреждала рабочих о необходимости готовиться к тому, чтобы выжать из этого ублюдочного царского закона все, что он может дать рабочим. Одновременно большевистская газета разоблачала поспешность, с которой царские бюрократы продвигали этот закон. «Они полагают, — писала «Правда», — что страхование сыграет роль масла, выливаемого на взбаламученное море».

Вся история страхового закона, шесть лет блуждавшего по законодательным инстанциям, убеждала рабочих, что с правительством можно говорить, только взяв его за глотку. Первые проекты этого закона возникли после 1905 года, когда революционные волны подымались еще высоко. Назначение законопроекта было — успокоить рабочих, отыграться на полуустулках. Когда же революционное движение пошло на убыль, уступки стали излишни, законопроект на годы замерз в комиссиях. В 1911 году появились грозные признаки революционного подъема. Закон был разморожен и приведен в движение с прежней целью: отыграться на полуустулках и успокоить рабочих. Закон был грубой издевкой над требованиями рабочих. Организуемые по закону больничные кассы охватывали незначительную часть рабочих России. Устанавливая нищенский размер пособия по болезни, закон перелагал все бремя по страхованию на самих рабочих.

Больничные кассы ставились под перекрестный надзор чиновников, полиции и хозяев.

25 июля 1912 года в пушечной из-за плохих санитарно-гигиенических условий вспыхнула забастовка. Пушечная давала наибольший процент заболеваний туберкулезом.

«Правда» поместила заметку под заголовком «Туберкулезная фабрика»:

«На улице акционеров Путиловского завода в последнее время царило праздничное настроение. На бирже в гору шли акции. А на заводе каждый день рабочие создавали все новые пушки, и новые горы золота плыли в сундуки капиталистов.

Но вместе с пушками здесь вырабатывалась и коховская туберкулезная палочка. Пушки менялись на золото, а туберкулезная палочка оставалась собственностью рабочих.

Остановились рабочие и объявили войну коховской палочке». [1]

Два дня длилась стачка. Заводоуправление обязалось немедленно установить вентиляторы, распорядилось выбить несколько стекол. Позже поставили четыре вентилятора, но они оказались поставленными для виду и не способны были очистить пыльный воздух мастерской.

Ежедневно у завода собирались десятки инвалидов: хромых, безруких, одноглазых, совершенно слепых, чахоточных, паралитиков. Они прослышали о новом законе и возмущении путиловцев и приходили к заводу за советом, за помощью, за сочувствием. У каждого из них была бумага — прошение, и они требовали пропуска в контору, чтобы отдать прошение администрации. Сторожа гнали их от ворот, но они не уходили. Старцы, помнившие самого Николая Ивановича Путилова, старухи-вдовы, нищенки, инвалиды-калеки, изможденные, хронически больные, выползали на улицу. Часами стояли они у завода, ожидали знакомых, совали им прошения, прося передать по начальству. Заботливые люди давали им рабочие номера. Маскируя свою убогость, инвалиды пробирались в завод. Они приходили в родные мастерские, со злобой и отчаянием смотрели на станки, приводы и машины, которые превратили их в ненужных, лишних людей, обрекли на нищенство и смерть под забором. Они бередили старые раны путиловцев, еще больше возбуждали разговоры о болезнях, тревожили тени погибших, раздавленных, сожженных товарищей — и просили помощи.

---

[1] «Правда» № 78, 31 июля 1912 г.

Тревога охватила завод. Здоровые рабочие больше всего говорили об увечьях и несчастных случаях. Их страшила перспектива инвалидности. Болезни они еще надеялись выдержать, но от несчастного случая спасения не было. Туберкулезные мечтали о воздухе, о том, что хорошо было бы заработать на пару рублей побольше, — молоком и маслом, говорят, можно забить чахотку. Если бы не семья, не дети — поехать бы в деревню на месяц, на полгода. Но уезжать нельзя: придется потом снова «чистить орла». Об отпуске, о курорте, о санатории, о профилактическом лечении они и не мечтали, — таких вещей для рабочего и в природе не было ни в одной капиталистической стране.

Внимательнее, чем всегда, относились к калекам путиловцы. Как будто впервые увидели они искалеченных товарищей, друзей. И острее, чем всегда, чем когда бы то ни было, колола мысль: «Вот она, наша доля, наше будущее».

Инвалидность ничем не обеспечивалась. Ничем не обеспечивались также и старость, сиротство, безработица, беременность, роды. Старик-рабочий, вырастивший сына, доживал свой век при нем или, если не потерял связи с деревней, уезжал умирать туда. Для тех, кто не имел ни детей в городе, ни угла в деревне, трудовая жизнь оканчивалась нищенством или, в лучшем случае, богадельней. Богадельня была при заводе на три-четыре десятка стариков. Попасть в нее можно было, лишь отдав всю жизнь заводу и не потеряв при этом хорошего расположения начальства. Но часто не помогала и аттестация. Богадельня была постоянно заполнена, и одному старику надо было ждать смерти другого, чтобы получить там койку.

Дважды в день проходили мимо завода стриженые, одетые в платья с чужого плеча, забитые, запуганные дети.

— Приютские, — говорили о них с участием.

Путиловцы совали им копеечные конфеты, баранки, куски булки. Дети, пугливо озираясь, прятали подарки.

На углу Богомоловской существовал «приют-ясли», один на весь Нарвский район. В нем находилось до семидесяти детей, «сирот и полусирот». Приют существовал в порядке дамской благотворительности. Путиловские дамы, жены администраторов, вносили пожертвования и ежегодные взносы по одному рублю двадцать копеек.

Вся затея с приютом имела целью поддерживать иллюзию, что добрые баре заботятся о рабочих сиротах. Ту же

цель преследовало устройство родильного дома, оборудованного путиловскими благотворительницами. В 1912 году он пропустил 1319 рожениц. Дом был открыт шесть лет назад из расчета 300 рожениц в год и, следовательно, был невероятно перегружен. Доктор, обслуживавший «родилку», доказывал, что там «все смешано в кучу». Строгая изоляция невозможна, а существующая — вносит большой «дух угнетения».

Эти благотворительные учреждения — богадельня, приют, родильный дом — ничего кроме злобы и ненависти к угнетателям не вызывали. Тем не менее, дамы-патронессы в своих отчетах с удовлетворением отмечали, что наплыв в приют-ясли настолько велик, что приходится многим отказывать в приеме. И обращаясь «ко всем добрым людям не пожалеть рубля двадцати копеек в год, которые пойдут на доброе дело призрения малышей», дамы вынуждены были признать ужасающую «бедность местного населения при страшно растущей дороговизне жизни».[1]

За Нарвской появились и другие благотворители. «Попечительство» о бедных детях возглавлял полковник, граф Татищев. На склоне лет своих граф проникся жалостью к оборванным детишкам рабочих. Он выпустил воззвание под заглавием: «Малютки-страдальцы, или как возникло общество попечения о брошенных и бедных детях за Нарвской заставой». В воззвании сообщалось:

«В Ушаковской земской школе, вмещающей до шестисот школьников, случаи обмороков детей от голода и полного истощения сделались постоянным явлением, и оказывается, что многим из них по возвращении домой совершенно нечего есть или приходится питаться кусочками и подаяниями, собранными братишками и сестренками.

Число таких несчастных очень велико; только в двух небольших улицах насчитано тридцать вдов, имеющих по три-четыре ребенка».

Все цеха обошла история несчастного случая с Иваном Мейкшаном, которому на работе выбило глаз. За увечье, полученное в 1908 году, ему установили пенсию в два рубля тридцать шесть копеек в месяц. По иску Мейкшана суд отказал ему в повышении пенсии и постановил взыскать с него девяносто два рубля судебных издержек. Спустя

[1] Отчет общества детского приюта за Нарвскими воротами за 1913 год, изд. общества, СПБ, 1914, стр. 17—24.

четыре года после увечья он все еще был в долгу. На его прошении карандашом был сделан подсчет:

с него . . . . 92 руб.
ему 2,36 × 36 . . . . . . 84 руб. 96 коп.

итого с него . . . . 7 руб. 04 коп. [1]

Таких случаев каждый путиловец знал немало.

На совещании Нарвского районного комитета большевики решили использовать страховую кампанию и поднявшееся в цехах движение для революционной пропаганды. Больничная касса и страховые органы, как указывала Пражская конференция, должны быть превращены в новую базу для легальной партийной работы среди пролетарских масс.

По закону, в совет по делам страхования при министерстве торговли и промышленности входили пять рабочих представителей и десять их заместителей по выбору правлений больничных касс, которых еще не было. Как же избрать представителей? Провести на предприятиях специальные выборы в совет? Это означало — собрания, агитацию, объединение рабочих различных предприятий, — то, чего правительство боялось и избегало всеми способами. Министр С. Тимашев вышел из затруднения: чтобы обеспечить видимость рабочего представительства, он назначил представителей по своему усмотрению из списка бывших уполномоченных по выборам в IV думу. Министр хотел отобрать благонадежных, с полицейской точки зрения, рабочих, но из всех уполномоченных ему удалось отобрать одного монархиста, одного кадета, семерых беспартийных; остальных пришлось взять из числа социал-демократов, так как среди уполномоченных от рабочих больше не находилось ни кадетов, ни беспартийных. От путиловцев министр назначил Василия Орлова и Ивана Козлова. За несколько дней до начала работы Страхового совета, в ноябре 1912 года, всем им были посланы приглашения.

На Путиловском, Мало-Охтенской мануфактуре и некоторых других предприятиях, откуда были взяты уполномоченные, по призыву «Правды» состоялись митинги протеста против фальсификации рабочего представительства. Путиловцы приняли следующую резолюцию:

«Мы, рабочие Путиловского завода, в количестве 8000 человек, протестуем против подделки рабочего представительства в совете по делам страхования рабочих.

[1] ЛОИА, Фонд Путиловского завода, д. № 817.

Представителями рабочих могут быть только свободно выбранные, а не назначенные министерскими канцеляриями, хотя бы и из числа бывших уполномоченных по выборам в 4-ую Госуд. Думу.

Мы предлагаем приглашенным рабочим, чтобы они отказались от участия в совете по делам страхования рабочих». [1]

На первое заседание Страхового совета 24 ноября из пятнадцати приглашенных рабочих пришли только четверо. Они заявили, что в обсуждении вопросов участия не примут, но послушать — послушают. Затем путиловский уполномоченный Василий Орлов отказался от звания члена Страхового совета: «... меня рабочие для этой цели не выбрали, и я, следовательно, их доверием в данном случае не могу пользоваться...» [2] Такое же заявление прислал и уполномоченный Сестрорецкого завода. Путиловец Иван Яковлевич Козлов побыл на одном заседании городского страхового присутствия, а затем напечатал в «Правде» письмо с отказом от представительства.

Государственная дума 14 декабря обсуждала запрос социал-демократической фракции о преследованиях профессиональных союзов, о фальсификации рабочего представительства в страховых органах, о запрещении лекций и собраний для ознакомления рабочих с новым страховым законом. Запрос был отклонен думским черносотенно-кадетским большинством, зато поддержан извне забастовками и демонстрациями. Однодневная забастовка носила вполне организованный и заранее подготовленный характер.

Забастовку начал Путиловский завод. С утра 14 декабря в десяти мастерских завода бросили работу около шести тысяч рабочих. За Путиловским последовали Невский судостроительный, «Парвиайнен», «Новый Лесснер» и другие. С обеда к забастовке присоединились шесть тысяч рабочих остальных мастерских Путиловского завода и обе фабрики Максвеля. В этот день и в следующие дни в забастовке участвовало около шестидесяти тысяч человек. Первые шаги правительства в осуществлении нового страхового закона были достойно встречены петербургским пролетариатом.

Правительство спохватилось, что создание больничных касс в этой обстановке может еще более усилить движение рабочих. Организация касс на крупных предприятиях, в том

---

[1] «Правда» № 176, 24 ноября 1912 г.
[2] Там же.

числе и на Путиловском заводе, была отложена почти на целый год.

Осенью 1913 года больничные кассы в Петербурге на многих заводах уже существовали. Дальнейшая затяжка на Путиловском угрожала вызвать новые волнения. К сентябрю директор завода Бриик изготовил устав больничной кассы, который совпадал с уставом, рекомендованным правительством.

Вокруг создания больничной кассы Путиловского завода началась острая борьба. «Правда» сосредоточила свои силы, чтобы на примере Путиловского завода противопоставить хозяевам единый рабочий устав больничной кассы. Этот устав предполагалось потом выдвигать на заводах Петербурга и всей России. Первым из большевиков на помощь путиловцам пришел доктор А. Винокуров. Он был санитарным врачом петербургского земства, имел доступ на завод и хорошо знал его санитарное состояние и условия труда в мастерских. В путиловских кругах о нем говорили как о своем рабочем враче, знающем толк в страховых делах. Было известно, что Винокуров дал жестокую отповедь ликвидаторам, когда они пришли вербовать его сотрудником в свой журнал «Страхование рабочих».

Из пятидесяти четырех путиловских уполномоченных по разбору устава только трое-четверо причисляли себя к сторонникам ликвидаторской «Новой рабочей газеты». Этим троим-четверым поправки, предлагаемые большевиками (большевиков было человек двенадцать), казались чрезмерными. Они называли их «неосуществимыми в настоящее время прекрасными идеалами далекого будущего». Они много спорили, снижая предлагаемую большевиками норму пособия, заранее приспособляясь к «реальному» хозяйскому уставу, но при голосовании большинство было не у них. Главная масса шла за большевиками.

На всех собраниях уполномоченных присутствовал начальник конторы по делам рабочих и служащих Фортунато. Сперва он пытался играть роль председателя, но после многих стычек смирился и ограничился ролью полицейского наблюдателя, а заседание вел выборный от уполномоченных.

Поправки, внесенные в устав уполномоченными, были отредактированы Винокуровым и 28 сентября переданы директору. Бриик ответил делегатам, что их миссия окончена и о дальнейшем они могут не беспокоиться. Делегаты промолчали, но вместо самороспуска, предложенного Брииком, решили продолжать работу. Они объявили себя по-

стоянной группой — районным страховым центром — и установили связь с общегородским центром — страховым отделом газеты «Правда».

Устав больничной кассы, принятый путиловскими уполномоченными, был напечатан в номере 19 «Правды труда» 8 октября 1913 года. «Правда» отвела путиловским делам три газетных страницы. Все статьи хозяйского устава, измененные рабочими, были набраны жирным шрифтом, неизмененные — обыкновенным. Каждый читатель мог сразу видеть, где проходит хозяйская линия в страховании и где рабочая.

Печатая путиловский устав, «Правда» отметила промах: «Путиловцы не закрепили в уставе наивысшего размера взносов рабочих и приплаты хозяев. Высшие взносы все равно придется установить, поэтому нужно об этом определенно сказать в уставе».

По новому закону с рабочих удерживали в капитал кассы один-два процента с заработной платы, и к этой сумме владелец предприятия приплачивал две трети того, что внесут рабочие. Хозяева хотели, чтобы рабочие платили только один процент, потому что это уменьшало их собственный расход. Между тем касса, при незначительных средствах, давала бы ничтожные пособия и не могла бы развить никакой работы. Большевики считали, что надо платить наивысший процент взносов, не останавливаясь перед расходом, ибо в дальнейшем, имея за спиной мощную организацию, рабочие покроют этот расход ростом заработной платы в результате стачечной борьбы.

Получив поправки к уставу, выработанные уполномоченными, Бринк отклонил самые важные требования: единая касса для всего города, самоуправление рабочих внутри кассы, свобода выборов уполномоченных, свобода общения уполномоченных с избирателями, передача больничного дела в руки кассы, высшая норма пособий по болезни и другие. Согласились хозяева лишь на следующие пункты: учредить общую кассу для завода и верфи, выдать бесплатно экземпляр устава больничной кассы каждому рабочему, а не только тем, кто потребует его, объявлять о выборах уполномоченных не за три дня, а за две недели, и другие в этом же роде.

Хозяйский устав с этими изменениями стал действовать, а путиловский рабочий устав, напечатанный в «Правде» и вышедший отдельной брошюрой, остался как прокламация. Он, в сущности, и печатался тогда, когда уже было известно, что поправки отклонены. Рабочий устав пошел гулять по России и впоследствии в разных городах был положен в основу

рабочих требований при учреждении больничных касс. Нет сведений, чтобы в каком-нибудь городе ему повезло больше, чем на Путиловском заводе, но его агитационное значение было огромно.

ЗАВОЕВАНИЕ БОЛЬШИНСТВА

Каждый раз в случае забастовки или волнений на заводах предприниматели присылали в Общество заводчиков и фабрикантов бюллетени о положении дел. Бюллетени были стандартные — требовалось только подчеркнуть те строки, которые соответствовали событиям дня: «Без перемен. Все в порядке. Работают спокойно, неспокойно. Требуют сокращения рабочего дня. Предъявили разные требования. Был митинг: с посторонними, без посторонних. Забастовали все. Забастовала часть. Насильственно вводят сокращенный день в .... часов. Насилие над личностью. Погром имущества. Бунт, столкновения с войсками. Объявлен расчет немедленный. Объявлен расчет через две недели. Завод закрыт. Нами вывешено объявление. Военная охрана прислана, находится в заводе, отослана. Начали работать после .... дней забастовки» и т. д.

К концу каждого месяца в Обществе заводчиков и фабрикантов накапливалось множество таких бюллетеней, и в 1913 году бюллетени без подчеркнутых строк были редки. На крупнейших предприятиях столицы всегда происходили волнения, а на многотысячном Путиловском заводе постоянно какая-нибудь мастерская бастовала, предъявляла требования, митинговала и, во всяком случае, не работала спокойно. Политические стачки в Петербурге раз от разу становились все яростней. Временами казалось, что вот-вот вспыхнет всеобщая стачка. Грозный призрак революции вставал за нею. Контрреволюционная русская буржуазия больше всего боялась массового движения, особенно в эти годы, когда царь в союзе с империалистами Антанты готовился к большой захватнической войне.

Русский капитал был тесно связан с англо-французским и находился в прямой зависимости от него. Царизм был резервом западного империализма, его сторожевым псом на востоке Европы и являлся «...агентурой западного империализма для выколачивания с населения сотен миллионов процентов на займы, отпускавшиеся ему в Париже и Лондоне, в Берлине и Брюсселе». [1]

---

[1] *И. Сталин*, Вопросы ленинизма, изд. 11-е, стр. 5.

Выступая день ото дня все решительнее против самодержавия, ставя перед собой ближайшей задачей свержение самодержавия и уничтожение крепостнических пережитков, пролетариат России тем самым выступал и против мировой империалистической буржуазии.

Русская буржуазия давно уже соединилась с царем в борьбе против рабочего класса. Теперь она пошла на выучку к своим собратьям — капиталистам на Западе. Общество заводчиков и фабрикантов решило дополнить царскую систему полицейских репрессий против рабочих тщательно продуманной системой локаутов. За границу выехала делегация заводчиков с целью изучить способы и методы европейской локаутной практики. Капиталистам длительный локаут представлялся универсальным средством — вроде удушливого газа, который проникнет во все мастерские заводов, во все закоулки окраин, в каждое рабочее жилище, принесет с собой голод и смирение, начисто убьет забастовочную бациллу. Капиталисты считали, что рабочий, придя на завод после испытания локаутом, будет тих и кроток: он сто раз подумает, прежде чем снова решится на забастовку.

В механической группе Общества заводчиков и фабрикантов локаутное дело возглавлял вице-председатель группы А. А. Бачманов, в прошлом конторщик Путиловского завода. Он был на заводе в памятные дни летнего локаута 1905 года, видел истощенных, голодающих путиловцев и теперь, будучи одним из директоров завода «Лесснер», считал локаут самым действенным средством против забастовок. Бывший конторщик давно научился говорить «мы», «наши задачи», отождествляя себя с капиталистами, хотя на самом деле был только ревностным хозяйским приказчиком и творил волю пославших его — Нобеля и Плотникова. Настоящие хозяева предпочитали оставаться в тени, а на первое место в расправах с рабочими выдвигали своего бездушного и жестокого доверенного.

В апреле 1913 года рабочие завода «Лесснер» забастовали, требуя увольнения мастера Лауля, который довел рабочего Якова Стронгина до петли. Бачманов отказался выполнить это единственное требование. Лесснеровские хозяева хотели показать другим заводчикам пример выдержки в применении локаута. При одобрении петербургских заводчиков, Бачманов не уступал, хотя стачка длилась уже свыше двух месяцев. Вся пролетарская Россия внимательно следила за борьбой лесснеровцев. Через «Правду» и думскую социал-демократическую фракцию от заводов всей страны

шла помощь стачечникам. «Правда» зарегистрировала свыше тысячи коллективных сборов. На Путиловском заводе в одной лафето-снарядной мастерской в две получки собрали 1500 рублей.

Окруженные сочувствием и помощью, лесснеровцы держались стойко. Их стачка приобрела исключительное значение. Было очевидно: борьба идет не между администрацией и рабочими одного завода — борьба идет между классом капиталистов и классом пролетариев. Объединенные одной целью, хозяева выжидают удачного исхода бачмановской затеи. Тогда, окрыленные успехом, они поведут широкое наступление на рабочих. В этих условиях было особенно необходимо единство действий рабочих масс. Классу эксплоататоров надо было противопоставить единый фронт рабочей солидарности. И было ясно, что одними сборами, приветствиями и бойкотом лесснеровских заказов не сломить жестокого упорства локаутчиков-капиталистов. На заводах рабочие стали подготовлять стачки солидарности с лесснеровцами.

Главным препятствием к созданию единого фронта рабочего движения в Петербурге были ликвидаторы. Все их стремления были направлены к тому, чтобы сорвать подъем революционной волны, направить рабочее движение в русло допустимой царским правительством «легальности». Как никогда резко обострилась борьба большевиков против ликвидаторов на Путиловском заводе. В чугунолитейной меньшевик Рубцов ни за что не соглашался на стачку солидарности с лесснеровцами.

— Я отдаю свой взнос, и этого достаточно, — говорил он. — Я против стачечного азарта, который кой-кому по душе.

— Откупиться полтинником хочешь от рабочего дела? — кричали ему большевики.

— Продаешь братьев буржуям, — нападали на Рубцова рабочие.

И вопреки упорной агитации ликвидатора, чугунолитейная решила бастовать по первому призыву центра.

Старшой по ремонту молотов в кузнице Лобзов был менее откровенен, чем Рубцов. Он не возражал против стачки: если все забастуют, он один в цеху не останется. Но следует учесть, говорил он своей молодежи, что такая «легкомысленная стачка» рабочему классу несет только беды. Капиталисты озлобятся и будут сильнее нажимать.

У токаря В. К. Смирнова из лафето-снарядной был свой

конек — авторитеты и цитаты. Он слыл в мастерской грамотным, культурным человеком. И действительно, Смирнов был начетчиком. Он способен был на память пересказать страницы из Потресова, Дана, а в случае нужды выдвигал свою «главную царь-пушку» — Мартова и даже Каутского. В спорах с революционными рабочими ликвидатор Смирнов рассыпался таким ворохом цитат и авторитетов, что буквально топил в них все доводы противника. Его обзывали книжником, фарисеем, но он этим не смущался. Он резко возражал против стачки помощи бастующим лесснеровцам. Откровенный реформист Смирнов проповедывал приспособление к существующему режиму. Он аргументировал Францией, Бельгией. Приводил в пример английскую рабочую партию и говорил:

— Постепенно надо накапливать победу за победой. Куда нам требовать демократическую республику? Нам бы хоть свободу коалиций.

Несмотря на книжность, явно претившую многим рабочим, в мастерской Смирнов пользовался некоторым авторитетом. Чтобы раз навсегда сбить этот авторитет, большевики привели в лафето-снарядную котельщика Павла Богданова. Произошло единоборство, длившееся весь полуторачасовой обеденный перерыв. Человек сорок собралось вокруг спорящих. С любопытством наблюдали лафетчики, как глава их ликвидаторской группки ужом вертелся под прямыми вопросами большевика. Богданов постепенно, шаг за шагом, заставил Смирнова во всеуслышание признать прописные истины ликвидаторства: подпольная политическая партия не нужна, стачки мешают ликвидаторам сожительствовать с царизмом, лозунги 1905 года свое отжили и т. д.

После этаких откровенных признаний меньшевика Богданов оборвал спор и без ссылок на сочинения, без щегольства именами и авторитетами рассказал, к чему ведет ликвидаторская программа. Богданов легко возбуждался и горячился, и его волнение передавалось рабочим. В самом деле, разве кровь пролита в 1905 году напрасно? Разве партия, вынесшая на себе революцию и реакцию, должна быть отменена, потому что кучка ликвидаторов хочет спокойной, приятной жизни при настоящем режиме? Ликвидаторы отказались от рабочей программы. Они заменили лозунг свержения самодержавия куцыми частичными требованиями. Они отказались от социализма и изменили пролетариату. Они стали опасными врагами, тем более опасными, что находятся в рабочей среде.

— К какому режиму они приспособляются, знаете? — обращался к рабочим Павел Богданов. — К тому режиму, который за один 1906 год миллион человек арестантами сделал, многие десятки тысяч лишил жизни.

Споры с ликвидаторами развернулись повсеместно. О них знала охранка, и в своих донесениях агент тайной полиции сообщал: на Путиловском заводе меньшевики выступают против забастовки.

1 июля 1913 года на заводе забастовало четыре тысячи человек в знак солидарности с лесснеровцами. В Петербурге бастовало всего двадцать пять тысяч рабочих. Ликвидаторы из газеты «Луч» с удовлетворением отмечали, что стачка не удалась. Они видели в этом дело своих рук и писали, что отказ бастовать является фактом «огромного значения для развития рабочего движения». Неудачу они называли победой рабочих «над самими собою, над стихийным порывом к забастовке». Они пускали в ход все — демагогию, обман, подтасовку фактов; они создавали шум, чтобы отвлечь рабочих от революционной борьбы. На недостаточно активном выступлении рабочих они хотели нажить себе капитал. Но в 1913 году это уже не удавалось. Отовсюду рабочие изгоняли ликвидаторов. На заводе в цеху, на улице, у ворот, у газетного киоска, в очереди за получкой, в Нарвском обществе «Образование», во дворе заставского переулка — достаточно было одной фразы, чтобы загорелся острый и горячий спор о подполье, о стачечной борьбе. Уже не только передовые рабочие, но и рабочие массы были захвачены борьбой, происходившей между большевиками и меньшевиками, между революционной «Правдой» и ликвидаторским «Лучом».

Год назад к разговорам о подполье и ликвидаторах рядовые рабочие не прислушивались с таким вниманием, несмотря на то, что свои симпатии они большей частью отдавали большевикам. Заговоривший об опасности ликвидаторства иногда мог услышать равнодушный ответ:

— Преувеличиваете вы...

Теперь рабочий, участвовавший в ряде стачек, не раз попадавший под казацкую плетку, понявший, что значит бороться в рамках «законности», искренне изумлялся, как можно выступать против подпольной организации. В утверждении, что следует покончить с подпольем, рабочий чувствовал подвох, опасность и отбрасывал ликвидаторов. «Лозунг «снятия с постов» меньшевиков был тогда популярнейшим лозунгом рабочего движения. Страницы «Правды» пестрели сообщениями об изгнании из страховых организа-

ций, больничных касс и профессиональных объединений засевших было там одно время ликвидаторов». [1]

На учредительном собрании Нарвского районного отдела союза металлистов путиловцы отдали все свои голоса большевикам. Во главе Нарвского отдела стали большевики: Сильвестр Володзько, Дмитрий Лапин. Еще до этого, в мае, выборы правления общегородского союза показали преобладающее влияние большевиков в среде петербургских металлистов. Из двадцати пяти членов правления пятнадцать были большевиками и только пять мест получили меньшевики. Остальные пять членов правления были беспартийные, примыкавшие к большевикам.

Во втором Нарвском обществе «Образование» борьба была недолгой. На перевыборном собрании члены общества без труда отстранили меньшевика Колышева и других. Председателем был избран большевик.

Влияние большевиков на Путиловском заводе и в Нарвском районе стало почти безраздельным. Ярким выражением этого было увеличившееся распространение «Правды» за Нарвской заставой и укрепление ее связи с массами. Раньше газетчик, стоявший напротив завода, продавал две-три сотни газет за полдня. Теперь еще до начала работы у него расходилось свыше пятисот экземпляров «Правды», а за полдня он продавал иногда свыше тысячи газет, скупая их у окрестных газетчиков, так как своих у него нехватало. Многочисленные сборы по мастерским на покрытие частых штрафов, сыпавшихся на газету, создание кадра рабочих корреспондентов — все это показывало глубокую связь «Правды» с рабочими массами. В одном из писем в газету путиловцы писали: «Читая газету «Правда», в каждом номере ее мы видим, какой интерес питают товарищи рабочие к рабочему органу... Со всех заводов и фабрик, из мелких мастерских группы рабочих, не изменившие старым заветам великого учителя Карла Маркса, шлют свои приветствия газете «Правда», как истинной представительнице рабочих, непоколебимой в своем направлении, всесторонне освещающей правильный путь, по которому должен итти пролетариат к своей конечной цели». [2]

Ликвидаторы бесновались. Не считаясь с настроениями масс, они готовились взять реванш в союзе металлистов:

---

[1] *И. Сталин*, К десятилетию «Правды». Воспоминания, «Правда» № 98, 5 мая 1922 г.

[2] «Правда» № 14, 18 января 1913 г.

в августе предстояли перевыборы правления профессионального союза, в котором они хотя уже не занимали господствующего положения, но были пока еще довольно сильны. На еженедельных собраниях сборщиков и делегатов Нарвского отделения ликвидаторы с пеной у рта выступали против большевиков из общегородского и районного правления. Подготовляя свой список кандидатов для общегородского перевыборного собрания металлистов, «Луч» вынужден был согласиться с кандидатурами большевиков — Володзько и Орлова, выдвинутыми на районном собрании уполномоченных и делегатов профессионального союза.

Общегородское собрание металлистов состоялось в воскресенье 25 августа 1913 года, в помещении скетинг-ринга на Каменноостровском проспекте. День был дождливый. Скетинг-ринг долго не открывали, и трехтысячная толпа, пришедшая со всех концов Петербурга, целый час мокла под дождем. Наконец, с большим опозданием двери открылись, и рабочие хлынули в зал. Стульев было не больше двухсот на три с лишним тысячи собравшихся. Путиловцы держались группой — человек двадцать пять — тридцать. Они сумели захватить несколько столов, которые стояли у стен зала, расположились на этих столах и в продолжение всего собрания поочередно менялись местами со стоявшими. Котельщик Дмитрий Ланин успел, потолкавшись в толпе, узнать, что против большевиков из старого правления ведется интрига — плетутся слухи: люди неработоспособные, ни уха, ни рыла не понимают в профессиональном деле, больше средств сами просили, а забастовщикам дали гроши. Одному из распространителей этих слухов Ланин заявил:

— Твой поступок хуже всякой подлости. Враки все это. Фракционное вранье.

Доклад правления носил деловой характер: при учреждении союза было 600 членов, теперь 5600. В Нарвском районе было 200 — теперь переваливает за 500. Проведены успешно несколько стачек, необходимо дальнейшее участие в стачечной борьбе на заводах. Цели общества... задачи... работа по журналу «Металлист». Скромный деловой доклад собрание поддержало аплодисментами. Путиловцы хлопали, не жалея рук.

Один за другим выступили двое ликвидаторов. Это они распространяли в зале слухи, и теперь эти слухи они сделали содержанием своих речей: культурно-просветительной работы правление не вело, стачечников не поддерживало. Ликвидаторов не стесняло присутствие полиции. Они

кричали, что вместо союзной работы правление занималось политикой и участвовало в политических стачках. Ликвидаторы требовали нейтральности профессиональных союзов, отрыва от подпольной революционной партии, отказа от партийного руководства союзами.

Большевики вначале слушали беснования ликвидаторов спокойно. Даже непоседа Ланин заметил: «Послушаем, пожалуй, что скажут». Но когда с трибуны меньшевики стали выступать прямо против старого правления и открыто отрекаться от революции, в зале поднялся шум, крики. Стоя во весь рост на столах, рабочие кричали:

— Неверно! Неправда! Клевета!

До глубины души возмущенный, Ланин громко сказал:

— Бывали люди похуже, да не было подлей.

Меньшевистских ораторов уже не хотели больше слушать, кричали «Долой!», гнали с трибуны. Сквозь шум и крики собрания ликвидаторы лицемерно обвиняли большевиков в стремлении раздробить союз по фракциям вместо борьбы за единство, в то время как сами были злейшими и подлейшими фракционерами и раскольниками. Большевики не оставили камня на камне от их хитрых клеветнических построений. Один из выступавших большевиков говорил:

— Тупую и злостную фракционность обнаруживают те, кто здесь кричит о единстве. Чем они пользуются в своей критике? Подтасовкой фактов и цифр, саморекламой! Они считают себя единственно способными и опытными профессионалистами и забыли, что стали ими благодаря массе. Они перестали ими быть потому, что не выполняют воли масс. Они говорят, что правление надо гнать в шею, говорят так потому, что в них кипит тупая злость людей, которых масса сняла с постов. Они вопиют здесь о единстве, но им никто не верит.

Речи большевиков неоднократно прерывались аплодисментами. Стучал, хлопал, аплодировал весь зал. Всем стало очевидным, что главная ставка ликвидаторов — опорочить большевистское правление — потерпела полный крах.

Пять часов длилось собрание. Все эти долгие и напряженные часы бóльшая часть присутствовавших, свыше двух тысяч человек, простояла, не присев ни на минуту. Из трех тысяч собравшихся едва сто пятьдесят человек голосовали за ликвидаторов. Правление было выбрано по списку «Правды». Из путиловцев в правление опять вошли трое большевиков. Ликвидаторы были окончательно изгнаны из союза металлистов.

В борьбе с ликвидаторством закалились молодые кадры путиловских большевиков, вырос и окреп основной пролетарский костяк Путиловского завода.

«Борясь с врагами рабочего класса и их агентами в рабочем движении, партия укрепила свои ряды и расширила свои связи с рабочим классом. Широко используя думскую трибуну для революционной агитации и создав замечательную массовую рабочую газету «Правда», партия воспитала новое поколение революционных рабочих — правдистов. Этот слой рабочих в годы империалистической войны остался верен знамени интернационализма и пролетарской революции. Он же составлял потом ядро большевистской партии в дни Октябрьской революции в 1917 году». [1]

Осенью вернулся из трехлетней ссылки Антон Васильев. Разузнав о событиях в заводе, в районе, в городе за последний год, он сразу же заявил:

— Дело далеко заходит, видать по всему. Теперь такое подняться может, что царю и его приятелям унести только ноги.

Антон быстро нашел товарищей, набрал у них литературу, раздобыл номера «Правды» со статьями Ленина, вошел в курс борьбы с ликвидаторами.

Почти в одно время с возвращением Антона Васильева, на Путиловский завод поступил Карл Реймер, молодой эстонец, по специальности обойщик, работавший у кустарей. Карл Реймер был младшим братом Владимира, печатника-большевика. Владимир не допускал младшего брата к партийной работе, говорил ему:

— Ты для матери останешься...

После ареста брата, в сентябре 1913 года, Карл сам стал искать путей в организацию. Он ходил на Рижский проспект во второе общество «Образование», сблизился с путиловцами. Несколько месяцев искал связей и долго не мог их добиться. Он был молод, его знакомства в революционной среде были невелики.

Осенью 1913 года один товарищ привел к нему, на Елизаветинскую, дом № 16, Антона Васильева.

— Вот, Карлуша. Это наш человек. Расскажи ему все. Он тебе поможет.

Антон Васильев пустил в ход свое уменье находить связи, и то, чего Карл не мог добиться в течение нескольких ме-

---

[1] История Всесоюзной Коммунистической партии (большевиков), Краткий курс, 1938, стр. 153.

сяцев, было сделано в несколько дней. Карл Реймер получил явку к члену Петербургского комитета большевиков Серафиме Дерябиной, в женский медицинский институт. Серафима сказала:

— Первое условие: никаких адресов, никаких записок, все в голове...

Еще позже Серафима посоветовала ему поступить на Путиловский завод, связь с которым после арестов ослабла. Карл поступил в вагонный цех, начал искать людей по всему заводу, создал группу. Его группа стала называться подрайоном.

От Мещерского к Реймеру перешло три пуда шрифта в плетеной кошелке. Воспользоваться им не сумели. Этот шрифт пригодился позже другим товарищам во время войны. Прокламацию Реймер печатал на обрывке шапирографской ленты, вынесенной с завода. Раза два он получил печатные листовки Петербургского комитета через Серафиму, но чаще она давала только рукопись листовки, а печатать ее должен был сам подрайон.

Антон Васильев не мог поступить на завод. Он искал места и долго его не находил. Несколько раз устраивали его выступления перед молодежью на Ильинке — на поляне за заводом, выходившей к морю. Он объяснял, что такое революционер:

— Ты настроен против теперешнего порядка. Тебя мастер обидел, тебя ударил хожалый. В тебе говорит справедливый рабочий гнев. Но ты еще не революционер. Тебе надо учиться. Ты станешь революционером, когда ясно поймешь, на чем основан теперешний гнет, и научишься бороться с ним.

Антон был серьезен, не тороплив, не криклив. Его слушали с почтением. Все знали: он вернулся из ссылки.

Карл Реймер, еще молодой и неопытный, только в октябре ввязался в первую свою горячую схватку с ликвидаторами в связи с расколом думской социал-демократической фракции.

18 октября в «Правде» появилось заявление думских большевиков. Социал-демократическая фракция IV Государственной думы состояла из тринадцати человек: шести большевиков и семи меньшевиков. Пользуясь случайным большинством в один голос, меньшевики пытались навязать большевистской шестерке свою политическую линию. Они лишали большевиков-депутатов возможности выступать в думе с революционными требованиями пролетариата.

Осенью 1913 года большевистская шестерка по решению Поронинского совещания ЦК с партийными работниками предъявила семерке ультиматум, в котором условием продолжения совместной работы ставила равенство обеих частей фракции. Меньшевики не уступали. Тогда большевики-депутаты думы, по указанию Ленина, организовали самостоятельную большевистскую «Российскую социал-демократическую рабочую фракцию». Петербургский пролетариат поддержал большевистскую шестерку.

По заводу начался сбор подписей среди рабочих, сочувствующих большевикам. Депутат думы большевик Г. И. Петровский сделал доклад на узком собрании путиловцев о положении дел в социал-демократической фракции и о причинах раскола. Оппонентом Петровского выступил ликвидатор, защищавший борьбу за улучшение экономического положения рабочих и отвергавший большевистские «неурезанные лозунги»:

— Когда говоришь рабочим: боритесь за свержение самодержавия, восьмичасовой рабочий день и конфискацию помещичьих земель, натыкаешься на то, что масса пугается, уходит, не понимает, а когда ведешь агитацию за повседневные нужды, масса не боится, понимает...

— Точно ли масса боится неурезанных лозунгов? — спросил Петровский. Почему же тогда масса почти каждый месяц бастует за эти самые политические лозунги? Откуда это все увеличивающееся число забастовщиков? Откуда такая поддержка большевиков?

Собрание приняло резолюцию, которая была затем напечатана в «Правде»: «Мы, группа организованных марксистов Нарвского района, в количестве 14 человек, обсудив положение, создавшееся в с.-д. фракции, приветствуем шесть рабочих депутатов как самостоятельную с.-д. фракцию без примеси ликвидаторства. Образовав свою самостоятельную фракцию, вы, товарищи, только исполнили ваш долг, повелевающий вам быть истинными представителями организованного пролетариата. Мы требуем от семи остальных депутатов, если только они не изменят своей политической линии и не объединятся на началах равноправия с «шестеркой», сложения мандатов». [1]

Большевики организовали в обществе «Образование» собрание по поводу раскола социал-демократической фракции. Пришли триста человек, преимущественно путиловцы.

[1] «За Правду» № 24, 31 октября 1913 г.

Оратор меньшевистской семерки приводил примеры из жизни Запада. Оратора прерывали. Со всех концов неслись реплики и возгласы.

Впервые за свою жизнь выступил Карл Реймер. Он краснел, первые минуты сбивался, но быстро овладел собой:

— Вы путаетесь у нас в ногах, не умеете и не хотите руководить настоящей борьбой, боитесь тюрьмы и каторги. Рабочие и без вас, предателей, справятся.

Голосование резолюции еще раз показало полный провал меньшевиков. Из трехсот присутствовавших на собрании за меньшевистскую резолюцию голосовало всего восемнадцать человек.

Сбор подписей под заметками, выражавшими доверие шестерке или семерке, в первые же дни по заводу дал значительный перевес в пользу большевиков: верфь — 500 подписей, башенная — 116, лафето-снарядная — 197, котельная — 94, новоснарядная — 70, пушечная — 50. Большевистской шестерке путиловцы дали 1140 подписей, то есть около 20 процентов всех собранных в Петербурге. За меньшевиков на Путиловском заводе подписалось всего 231 человек, в пять раз меньше, чем за большевиков. Во всем Петербурге соотношение подписей было: за большевиков 89 процентов, за меньшевиков 11 процентов. Почти то же происходило во всех промышленных центрах России.

Большинство рабочего класса было прочно завоевано партией большевиков. Теперь в Петербурге большевики руководили всеми открытыми рабочими организациями.

«Победа большевиков в легальных организациях не была и не могла быть случайностью. Она не была случайностью не только потому, что только большевики имели правильную марксистскую теорию, ясную программу и закаленную в боях революционную пролетарскую партию. Она не была случайностью еще потому, что победа большевиков отражала рост революционного подъема». [1]

В ноябре, в связи с судебным процессом шести обуховцев, рабочее движение в столице вновь приняло бурный характер. Царское правительство, отдав под суд стачечников-обуховцев, напоминало рабочим, что за стачку, каковы бы ни были причины ее возникновения (обуховцы забастовали, потребовав вентиляции во вредном закалочноснарядном цеху), оно будет карать беспощадно: стачка есть уголовно

[1] История Всесоюзной Коммунистической партии (большевиков), Краткий курс, 1938, стр. 152.

наказуемое деяние. Резолюция путиловцев, принятая на одном из общезаводских митингов, говорила, что суд над обуховцами есть «дело не только обуховских рабочих». Путиловцы, как и весь питерский пролетариат, поняли, что в лице шести рабочих на скамью подсудимых посажен весь рабочий класс и что осуждение обуховцев будет сигналом к дальнейшим расправам с забастовщиками.

Митинги явились для охранки новым поводом, чтобы обрушиться на путиловскую организацию. Тотчас же после митинга, 6 ноября, был арестован Василий Мещерский. Вскоре схватили Антона Васильева, который еще не успел обосноваться после ссылки. Антону некуда было девать своего сынишку. Он захватил ребенка с собой; с ребенком его привели в участок и вместе их доставили в Дом предварительного заключения.

В течение 1913 года организация, насчитывавшая до семидесяти большевиков, потеряла человек пятьдесят. Систематические изъятия охранки по одному, по два, по три человека не производили впечатления разгрома, но действовали не менее губительно. Путиловские большевики в конце концов снова остались без связи с Петербургским комитетом, без районного комитета, без сработавшегося и спаянного актива. Но не прошло много времени, как начали выдвигаться новые партийные организаторы из среды партийной молодежи. На верфи в первый ряд встал электрик Иван Егоров. В башенную поступили большевики К. Николаев и Д. Романов, присланные Петербургским комитетом партии. Наконец, после двухлетнего перерыва снова появился старый знакомец котельщиков — разметчик Георгий Шкапин. Так составилось новое руководящее ядро путиловской большевистской организации, сплотившей в длительной и упорной борьбе вокруг себя всю массу рабочих Путиловского завода.

ГЕОРГИЙ ШКАПИН

Котельный разметчик Георгий Шкапин поступил на завод в августе 1911 года. Десять лет назад он работал в этой же котельной. Эти десять лет Георгий Шкапин беспрерывно кочевал из города в город. Он объездил пол-России — от Урала до Одессы и Екатеринослава, скитался несколько лет нелегальным под кличкой «Иоганн», был за границей в эмиграции, дважды сидел в тюрьме и, наконец, в 1907 году, будучи делегирован уральской большевистской организацией

на V съезд РСДРП, на пути в Лондон, где происходил съезд, был схвачен жандармами и сослан на три года в Печорский край.

Придя на завод вторично, Шкапин, оглядевшись, сказал:

— Здесь стóит поработать. Почва богатая.

В котельной Георгий Шкапин снискал себе всеобщую известность и уважение. Мастера и цеховое начальство ценили этого разметчика первой руки, способного самостоятельно произвести разметку любой железной конструкции — котла, понтона для драг, моста для электрического крана. Издали наблюдали они, как Шкапин, молча, часами изучал чертежи и, низко склонясь над стелюгой, вычерчивал эскизы, делал развертки сложных объемных фигур, высчитывал и проверял. Затем неторопливо начинал разметку огромных листов, угольников, балок, швеллеров. Подручные, расставленные им в особом порядке, делали каждый свое дело, и разметка производилась так быстро и точно, что вызывала восхищение сборщиков конструкций:

— С этим разметчиком любо работать.

В обеденные перерывы и до начала работ вокруг Георгия Шкапина собирался народ. Шкапин полюбился сразу за спокойный нрав, за знание всех извилин тяжелой трудовой жизни, за дельные советы, за чудесные рассказы. Даже вечно угрюмые глухари приходили в загромо́жденную разметочную и, напрягая слух, вникали в его рассказы о жизни народов далекого Севера и о прекрасной северной природе. Неторопливая речь Шкапина причудливо соединяла остроумные украинские пословицы, полновесные образные слова северных народов и неожиданные политические заключения, свойственные человеку, имевшему богатый революционный опыт. Рассказ об экспедиции топографов, в которой он участвовал, будучи в ссылке в Печорском крае, Шкапин заключил неожиданным замечанием:

— Изучал я экономические богатства этого края и по литературе и на практике. Мне приходилось читать и наши законы — Горный устав. И должен вам сказать, товарищи: условия, которые там создаются, губят все живое. Погибает тварь, погибают люди, богатства остаются в земле нетронутыми. Промышленность не имеет туда доступа, да и слаба она. Придется, видимо, нам с вами — пролетариату — взяться за дело возрождения края... когда мы с вами будем править...

Всегда ровный, спокойный, Шкапин изменял себе только тогда, когда ему рассказывали о несчастных случаях на

заводе. Шкапин сразу менялся в лице, темнел и начинал говорить необычайно быстро, по нескольку раз повторяя одну и ту же фразу:

— Вот и кончилась жизнь рабочего человека... Из-за чего, из-за кого?..

Его успокаивали:

— Брось, Егор, — это у нас обыкновенное дело. Да и ты, чай, не первый день работаешь.

— Никогда не привыкну, — говорил в ответ Шкапин. — Вы-то хоть знаете, отчего это происходит?

— Как же не знать? Не туда ступил или в неподобающее место руку сунул — машина не ждет, сгрызет.

Шкапин еще больше сердился и долго, неустанно говорил хладнокровным котельщикам о причинах несчастий, об эксплоатации, о длинном рабочем дне. Его слушали, как всегда, охотно, потому что он рассказывал увлекательно, приводил в пример виденное на других заводах и за границей, говорил котельщикам о таких вещах, как рост увечий в связи с длинным рабочим днем, связывал калеченье рабочих с их бытовым, правовым положением и т. д. После каждого несчастного случая, свидетелем которого он был, Шкапин долго не мог отделаться от тяжелого впечатления. Он не раз сам себя упрекал за излишнюю чувствительность. Но упреки всегда приходили после вспышек гнева и боли. Эти переживания он передавал в стихах, которые писал, вкладывая в них всю свою любовь к трудящемуся человеку:

Льется пот со всех ручьями.
Грохот, лязг и стонов звон,
Чад парит над головами,
Смерть глядит со всех сторон.

Вихрем вдруг метнулись крики,
Миг один — и все дрожит...
Крик печали, боли, муки...
Кто-то корчится, кричит...

И на крик несут носилки,
Труп убрали, разошлись;
Лишь остались — кровь да жилки,
Да и те уж запеклись.

В этот раз поработать на Путиловском Шкапину пришлось всего три месяца. Он успел найти связь с заводскими большевиками и принял активное участие в организации митинга в защиту осужденных на каторгу депутатов II думы.

16 ноября 1911 года ночью его подняли с постели и повезли в жандармское управление. На допросе той же ночью жандармский офицер кричал:

— Да признайся же ты, что принадлежишь к шайке, именуемой «молодыми эсерами»!

— Я никогда не сочувствовал народническому течению во всех его видах, — отвечал Шкапин, — как рабочий я сочувствовал марксистскому течению. За это я уже отсидел достаточно и последний раз три года провел в ссылке. Чего вам еще надо?

Этапным порядком Шкапина отправили в Екатеринбург. Его обвиняли по делу екатеринбургской социал-демократической организации и продержали в тюрьме в ожидании суда ровно два года. Осенью 1913 года Шкапин в числе других большевиков был предан суду, но за недоказанностью «преступления» был оправдан и в третий раз приехал в Петербург.

В день приезда Шкапин направился в «Правду», чтобы разыскать знакомых большевиков и получить явку. Он пришел к вечеру, когда в редакцию со всех концов Питера стекался рабочий люд с заметками, корреспонденциями, жалобами. Шкапин поразился: как много людей проходит через это скромное помещение, и первая мысль, которая пришла ему в голову, была:

«Да это штаб, а не редакция!»

Вот откуда-то быстро выходит юноша. Не останавливаясь, бросает он ожидающим его товарищам:

— Пошли обратно на завод.

Все они поспешно выходят на улицу. Очевидно, им дано указание оповестить, предупредить кого-либо или раздобыть новые материалы.

Вот робко проходит сутулый старичок. В полувытянутой руке у него заветная бумага. Вероятно, так же робко не раз подходил он к начальству с прошениями. Его ловит на ходу подвижной парень:

— Тебе чего, отец?

Старик протягивает бумагу. Парень окидывает ее взглядом сверху вниз и похлопывает старика по плечу:

— По страховому делу? Пойдем.

Входит четверка рабочих, по виду кузнецы. Они шумны, веселы, задорны и громко говорят:

— Уж потомству о нем память будет!

Они принесли, вероятно, заметку о прижимщикс-мастере. Перед Шкапиным мелькают десятки лиц.

Совсем недавно, два месяца назад, больной, без всякой помощи, он лежал в жару, растянувшись на тюремной койке, и, не надеясь выйти из тюрьмы живым, записал в своей тетради:

Сражался я храбро, мой след не сотрется,
Другие по нем уж смелее пойдут.
И чье-нибудь сердце отрадней забьется,
Увидя разрушенный вражий редут...

А теперь, свободный и здоровый, он стоит, как зачарованный, и смотрит на друзей и братьев, которые приходят сюда, в большевистский штаб, за советом, помощью, за явкой — за тем же, что нужно было ему.

В редакции Шкапин встретил знакомого уральца. Тот дал ему фамилии нескольких правдистов-путиловцев. В течение двух дней Шкапин обошел десяток людей, и когда было установлено, что его знают как подпольщика, он, наконец, получил явку на Путиловский завод. В первые же недели Шкапин показал себя. Не было на заводе более сведущего человека по вопросам страхования, чем он. Не было большевика, более тесно связанного со страховым отделом «Правды», чем Шкапин. И он сразу стал в центре всей борьбы за путиловскую больничную кассу.

Еще в екатеринбургской тюрьме непостижимыми для тюремщиков путями он доставал брошюры по страхованию, читал и продумывал их. Рядом с лирическими стихотворениями, задачами по физике, переводами с немецкого в его тетрадях появлялись цифровые выкладки и записи из прочитанных книг.

Шкапин стал сотрудником создавшегося в октябре 1913 года большевистского журнала «Вопросы страхования». Он первым на заводе провел сбор в своей башенной мастерской на этот журнал. С собранными пятью рублями пришел в редакцию. И так же как при посещении «Правды», его поразила шумная обстановка в редакции большевистского журнала. Он пришел в рабочее время. Все служащие занимались упаковкой очередной книжки для рассылки по России. Шкапин спросил редактора. Ему указали на рослого белокурого человека, возившегося в углу с огромным тюком литературы.

Редактор Валов оторвался от работы. На Шкапина глядело светившееся улыбкой открытое лицо.

— С кем имею честь и по какому делу? — официально спросил Валов.

Михаил Иванович Валов был подставным редактором журнала. Таких редакторов называли «зиц-редакторами» — от немецкого слова sitzen (сидеть), так как настоящим редактором обычно был активный подпольщик, живший на нелегальном положении. Официально перед судом и полицией отвечал зиц-редактор, которому приходилось передко отсиживать месяцы и годы в царских тюрьмах. Валов был добродушный и чуткий человек, преданный большевик. О своем редакторстве Валов говорил с легкой усмешкой:

— Писать я умею в журнале только свою фамилию, зато пишу ее от всей души.

Шкапин ответил Валову, что он путиловец-страховик, принес пять рублей, собранных для журнала, и хотел бы поделовому связаться с редакцией своего органа.

— А вы уверены, что он ваш орган? — спросил редактор.

— Уверен, — улыбнулся Шкапин и сразу мысленно оценил редактора: «Молодец, видна хватка большевика».

Осторожно, нащупывая друг друга, они, наконец, договорились, узнали, что оба они правдисты, большевики и оба путиловцы; Валов — бывший путиловец.

— Все-таки наш — уверил его Шкапин. — Кто раз поработал на Путиловском, его не забудет.

В части деловой Шкапин выразил желание, чтобы предстоящие выборы уполномоченных и правления путиловской больничной кассы получили полное освещение в журнале:

— Было бы очень хорошо, если бы сам редактор... если бы вы пришли к нам на завод, а затем написали бы о выборах.

— Какой я писатель, — возразил Валов. — Идем к настоящим писателям. Видал, как я редакторскую работу исполняю? — и он указал на упакованные тюки журналов.

Шкапин догадался:

— Значит, зиц?

— Ясно.

Через неделю после избрания уполномоченных состоялись выборы правления путиловской больничной кассы. Выборы происходили в обстановке яростных наскоков ликвидаторов на большевиков.

— Касса — первый шаг в наших страховых завоеваниях, — разъяснял меньшевик Смирнов у себя в цеху. — Мы можем превратить ее в могучее средство рабочего благополучия...

И тут же Смирнов ехидно добавлял:

— Если только неумеренные приверженцы марксистского целого (то есть большевики) не подведут кассу под замок.

Ликвидаторы не гнушались ничем, чтобы попасть в правление больничной кассы. Они демагогически обвиняли большевиков в бойкотистских настроениях на заводе. Получив отпор, тут же заявляли, что дело не в том, кто бойкотист, — дело в том, что большевики все равно отстранятся от практической работы в кассе: им только бы «разводить политическую агитацию».

Ликвидаторов на заводе осталось немного. В ходе борьбы путиловские большевики изолировали их от массы путиловцев. Несколько раз ликвидаторы яростно набрасывались на правление районного союза металлистов, но и там у них ничего не вышло; пробовали пробиться и в культурно-просветительное общество — и здесь их преследовали неудачи. Нигде, несмотря на подлаживание под настроения рабочих, их не удостаивали избранием. Ликвидатор — стало бранным словом, оскорблением. Открыто ликвидаторы не могли действовать. Они рядились в разные одежды, попрежнему чаще всего выдавали себя за поборников единства и под этой маской старались прорваться к руководству рабочими организациями.

На выборном собрании цеховых уполномоченных больничной кассы, происходившем 20 ноября, меньшевики, не надеясь на благоприятный для себя исход, заявили: на первом собрании, дескать, невозможно избрать правление, уполномоченные не знают друг друга. Выборы должны быть отложены. Собрание ответило дружным возгласом: «Долой! Знаем кого избирать!»

Большевикам не стоило больших трудов отразить маневр ликвидаторов: из ста уполномоченных добрых восемьдесят считали себя правдистами и в страховом деле сторонниками большевистского журнала «Вопросы страхования». Правление было избрано по большевистскому списку. Из двенадцати членов и кандидатов правления больничой кассы было девять большевиков, двое сочувствующих — сторонников «Правды», и один беспартийный. Ликвидаторы, так же как и эсеры, не получили ни одного места. В правление были избраны большевики: И. Я. Козлов, В. А. Орлов, В. А. Алексеев, Г. М. Шкапин, И. И. Корнеев и другие.

До фактического открытия кассы новому правлению надо было составить финансовый план, определить порядок работы кассы. Заводоуправление, придерживаясь тактики затягивания, задерживало решение этих вопросов. Несколько раз Шкапин созывал совещания большевиков-правленцев. Подробно наметили пункты, по которым придется крепко

схватиться с администрацией, добиваясь обязательной победы, и пункты, по которым можно будет драться послабее, для виду: победим — отлично, уступим — не беда, лишь бы отстоять главные позиции.

На первое собрание от заводоуправления пришел помощник директора по рабочему вопросу Егор Егорович Иогансон и начальник конторы по делам рабочих и служащих Фортунато. С ними явился врач Левинсон, «специалист от всех болезней», грубый с рабочими, лакей путиловских хозяев.

Смету критиковал Козлов. Он говорил о том, что размеры расходной части по отдельным статьям преуменьшены и предполагают, по существу, не помощь рабочим, а издевку над ними. Принцип составления сметы — хозяйский: как бы поменьше дать рабочим. Необходимо отвергнуть этот принцип, переделать смету.

Предложения Козлова вызвали протест хозяйских представителей.

— Я не могу допустить, чтобы разрушали вполне готовую смету, — закричал Фортунато.

— Ничего, пересоставим, переделаем...

И одно за другим предложения Козлова были приняты.

В следующем проекте «правил для больных» сделали две поправки. Первую приняли единогласно, хотя администраторы отнеслись к ней с большим неудовольствием. Речь шла об установлении лечебной помощи на дому. Когда же Козлов предложил вторую поправку — об обязательном враче-консультанте, до сих пор сидевший молча Егор Егорович Иогансон сорвался с места:

— Что вы, господа, да вы все порядки хотите перекроить на свой лад! Как же смеет какой-то консультант контролировать наших заводских врачей? Вас, господа, кто-то настраивает; вижу, что нам с вами не придется работать...

Первоначально Фортунато поместил больничную кассу внутри завода, в своей конторе. Он предлагал правлению целый дом на территории завода, бесплатное освещение и отопление. Он говорил:

— Это же растрата рабочих денег — расходоваться на квартиру, когда все вам дается бесплатно.

Но касса под надзором полицейского агента Фортунато для большевистской части правления теряла свое значение как удобный пункт явок и нелегальной работы. Большевики в борьбе против некоторых меньшевиков и хозяйских ставленников настояли на переезде. Касса переехала в дом № 88 по Петергофскому шоссе, напротив завода.

Текущие вопросы в работе кассы решались на месте дежурным членом правления, более сложные выносили на заседание правления. Состав правления: шесть голосов рабочей части, пять голосов администрации. Число голосов рабочих членов правления считалось по количеству присутствующих на собрании. Администрация же сохраняла все свои пять голосов, хотя бы на собрании был один Фортунато. Стоило одному члену рабочей части проголосовать вместе с администрацией — перевес получал Фортунато. Такой случай произошел при голосовании вопроса о гражданских женах: считать ли семейными тех рабочих, у которых жены невенчанные, давать ли такому рабочему две трети или половину заработка? Представитель администрации вместе с членами правления от рабочей части Роговым и Крыловым постановили обратиться, минуя общее собрание уполномоченных, в страховое присутствие за разъяснением. Филипп Рогов сказал при этом:

— Если мы признаем гражданский брак, то появятся такие люди, которые любую гулящую девицу объявят своей гражданской женой и будут требовать полную меру пособия.

Необходимо было разбить блок заводского охранника Фортунато с двумя членами правления, предавшими интересы рабочих. Надо было заставить Крылова и Рогова выйти из правления, тем более, что против Филиппа Рогова были серьезные подозрения в провокации. Шкапин предложил объявить предателям бойкот. Другие шли дальше и предлагали вывезти их на тачке. Но Рогов и Крылов все же отказались добровольно выйти из состава правления. Тогда все остальные члены правления от рабочей части коллективно подали в отставку. Правление перестало существовать.

Новое правление избрали во второй половине февраля 1914 года. На этот раз ни Рогов, ни Крылов не прошли в правление. Большевики снова заняли в кассе руководящее положение. В качестве заместителя председателя прошел Георгий Шкапин.

В первые же дни новому правлению пришлось столкнуться с дефицитом: за февраль был перерасход в восемь с лишним тысяч рублей, март грозил еще большим перерасходом — не менее двенадцати тысяч рублей. Вопрос о перерасходе был поднят представителем администрации, желавшей всяческими путями уменьшить свои расходы на пособия больным рабочим.

Фортунато поучал правленцев:

— Лучше бы начать с малого, добиться сбережений, а потом прибавить. Результат — общее удовлетворение. Вы же с первого дня начали широко жить, протратились, теперь придется сокращаться. Результат — неудовольствия и нарекания. А я вас об этом предупреждал и это предвидел...

Фортунато говорил издевательски, как бы подчеркивая невысказанную мысль: «Не умеете управлять — не беритесь».

Встал Шкапин и сказал.

— Представитель администрации совершенно прав — перерасход есть. Он предлагает ряд мер, и они, конечно, могут снизить наши затраты. Но если, скажем, отменить похоронное пособие, уменьшить оплату за дни болезни — вместо двух третей платить одну треть, то мы не только перекроем дефицит, но еще прибыль будем иметь. Я не знаю, почему столь изобретательная администрация этого не предлагает? Но уменьшат ли такие меры количество больных на заводе? Отчего так много больных рабочих? От тяжелой и долгой работы, оттого, что ничего не предпринимается, чтобы дать в мастерские свет, воздух, тепло. Наконец, оттого, что отдохнуть рабочему негде, питание плохое, дороговизна...

— Это агитация! — крикнул Фортунато.

— Какая агитация? — возразил Шкапин. — Каждый из нас знает об этом из собственного опыта. Предлагаю вопрос с обсуждения снять, а когда протратимся окончательно, посмотрим в устав — там есть пункт о беспроцентной ссуде.

Пункт о ссуде действительно был в уставе, но Шкапин мыслил получение дополнительных средств иным путем. Не будет денег в кассе — будет общезаводская стачка с требованием отпустить дополнительные средства. Рабочие своего добьются.

В конце февраля состоялось общегородское собрание представителей больничных касс, посвященное выборам рабочей группы Страхового совета при министерстве торговли и промышленности. Большевики придавали этим выборам большое значение и к собранию подошли организованно. Петербургский комитет выступил на выборах со своим списком. На собрании распространялся большевистский наказ будущим членам «рабочей группы» Страхового совета.

Ликвидаторы яростно нападали на главный пункт наказа. Большевики требовали, чтобы рабочий страховой центр признавал директивы нелегальной подпольной партии и ру-

ководился ими. Ликвидаторы настаивали, что группой должен руководить коллектив представителей больничных касс, но ни в коем случае не нелегальная партия.

На собрании в качестве наблюдателей присутствовали важные чины из министерства торговли и промышленности. Большевики не могли прямо говорить о подпольной партии и заменяли слово «партия» выражением «марксистское целое». Министерские чиновники слушали спорящих, не понимая, в чем дело — о каком таком «марксистском целом» идет речь. Они поняли это слишком поздно, когда наказ был проголосован. Подавляющим большинством голосов собрание приняло наказ, в котором рабочая страховая группа обязывалась проводить в жизнь директивы большевистской партии.

По списку «Правды» в члены Страхового совета, в числе других большевиков, прошел и Георгий Шкапин. Он был хорошо известен петербургским рабочим-страховикам и работникам больничных касс. К нему относились с уважением, прислушивались. Рабочая группа Страхового совета избрала его секретарем.

Теперь в небольшой квартирке Шкапина, по Некрасовской улице, в доме № 9, за Нарвской заставой, горел свет до глубокой ночи. Шкапин усиленно читал, занимался экономическими и страховыми вопросами. Раз в неделю к нему являлся министерский курьер, увешанный медалями за старость и выслугу лет, и вручал большие пакеты из Страхового совета. В пакетах были печатные материалы, сводки, циркуляры, проекты, запросы, необходимые для предстоящего заседания. К каждому заседанию Шкапин готовился, как к бою. Он сличал цифры, делал пометки, выделяя пункты, подлежащие оспариванию, справлялся в большевистских справочниках по страхованию, изданных рабочим издательством «Прибой», в официальных изданиях министерства, в специальной медицинской, статистической и экономической литературе. На заседание Страхового совета надо было выходить во всеоружии, с полным знанием дела, чтобы разбить проекты министерства, уловки чиновников, капиталистов, ухищрения их адвокатов и крючкотворов.

Шкапин сознавал всю ответственность рабочей страховой группы.

— Нас в Страховом совете ничтожное меньшинство, — говорил он, — но наш голос слышен на всю Россию. Надо, чтобы он был громким, ясным и правильно поставленным.

И он «ставил себе голос» за счет сна и отдыха. Лишь

Рис. *В. Серова*

3 июля 1914 года на Путиловском заводе

изредка, как роскошь, позволял он себе снять со стенки гитару и пропеть несколько «сумных» украинских или еврейских песен, которым научился, не зная еврейского языка. Он сожалел, что у него нехватает времени перечитать Чехова, Толстого, Горького, что он не имеет возможности заниматься немецким и французским языками. Он уповал лишь на будущее:

— Будет и у нас время.

Много дел нахлынуло сразу. Но прежде всего следовало отразить нападки ликвидаторов на деятельность большевиков в страховых органах. Заметки и статьи о работе больничной кассы Путиловского завода, о деятельности рабочей группы Страхового совета появлялись — в «Правде» и в «Вопросах страхования», в меньшевистских органах — в «Луче» и в «Страховании рабочих». «Правда» вела жестокую полемику с «Лучом», разоблачала меньшевиков, сознательно извращавших факты, спекулировавших на трудностях страховой работы и представлявших эти трудности непреодолимыми. Основная цель ликвидаторской кампании лжи и клеветы состояла в том, чтобы перевести больничные кассы и все страховое движение на путь «медленного, постепенного расширения прав» за счет отказа от революционных требований.

Шкапин созвал собрание путиловских страховиков-правленцев, заместителей, членов ревизионной комиссии и многих уполномоченных. Собрание вынесло постановление: «Интересы классовой борьбы пролетариата жестоко страдают от неправильного освещения в печати хода дел, от внесения в печать заведомой лжи, передержек и мелочной, недостойной общественного дела борьбы личностей».[1] На собрании избрали редакционную комиссию, которой поручили сообщать в рабочие газеты и журналы отчеты о заседаниях и ходе страховой кампании на заводе. Такую же редакционную комиссию Шкапин создал и при рабочей группе Страхового совета. В обеих комиссиях он был руководителем. С этих пор информацию можно было получить только от большевика Шкапина. Этот способ борьбы с меньшевистскими извращениями нашел отклик и в других больничных кассах в Петербурге (например, Гвоздильный завод) и в провинции.

Путиловская больничная касса стала центром большевистской работы на заводе и в районе. Через Шкапина и Коз-

[1] «Вопросы страхования» № 12, 22 марта 1914 г.

лова, выбранного в столичное страховое присутствие, осуществлялась связь с Петербургским комитетом большевиков и «Правдой». Секретарь кассы всегда был большевиком. Но редко он удерживался на работе больше трех месяцев. Работа в кассе для него, как правило, кончалась арестом. После этого неизменно происходили обыски у всех рабочих-правленцев. Не легка была и работа уполномоченных. В декабре их числилось сто человек. Через три-четыре месяца осталось всего шестьдесят. Остальных арестовали и выслали или рассчитали, а небольшая часть, испугавшись, сама сложила полномочия.

О работе в кассе Шкапин писал в своем дневнике: «Постоянное опасение сделать промах, постоянное ожидание обысков и арестов, постоянное опасение получить расчет, да, пожалуй, еще с волчьим паспортом, — все это вместе взятое требовало от правленцев напряжения всех умственных сил, всей энергии и мужества».

УЛИЦА СТАЧЕК

Прокламация Петербургского комитета большевиков звала рабочих на улицы:

«...Ознаменуем же достойно, товарищи, великий день девятой годовщины кровавого революционного крещения русского рабочего класса! Пусть, как в те далекие дни славного прошлого, в этот день замрет вся кипучая промышленная жизнь гигантского города!

Пусть, как один человек, забастует весь сознательный пролетариат Петербурга и в 11 часов дня выйдет на Невский проспект с великими лозунгами революции, родившимися девять лет назад в крови петербургских рабочих, расстрелянных и растоптанных конскими копытами!

Пусть вся рабочая Россия, от крупных центров до отдаленных захолустных уголков, и все многомиллионное русское крестьянство всколыхнутся, видя новое великое выступление своего передового отряда, своего испытанного вождя в революционной борьбе — петербургского пролетариата, и поймут, что снова сплачивает он свои могучие революционные силы, готовясь к новой великой борьбе с палачами народа!..» [1]

Первой, утром 9 января 1914 года, вскоре после гудка забастовала Путиловская верфь. Четыре тысячи рабочих

[1] Листовки петербургских большевиков, 1902—1917, т. II, Госполитиздат, 1939, стр. 90.

вышли на Петергофское шоссе — улицу, хранившую многолетние боевые традиции путиловцев. К одиннадцати часам к бастующим присоединились все остальные мастерские завода. Через распахнутые ворота на Петергофское шоссе — улицу Стачек — с тремя красными флагами вышли лафетчики, пушечники, вагонщики, паровозники — шестнадцать тысяч рабочих Путиловского завода. Демонстрация двинулась с песнями в город. Но к Невскому проспекту сквозь полицейские кордоны и солдатские заставы пробились немногие. Памятный день «Кровавого воскресенья» путиловцы отметили у себя за Нарвской заставой демонстрациями, продолжавшимися весь день.

Накануне демонстрации из рядов путиловской большевистской организации были вырваны многие активные работники. Почти весь состав районного комитета был арестован.

В нескольких мастерских после арестов остались еще одиночки, в пяти-шести цехах большевиков было человека по два, а в остальных мастерских — ни одного. Весь завод и верфь насчитывали на сорок с лишним цехов не более тридцати большевиков.

Во главе нового руководства путиловской партийной организации встал Георгий Шкапин. Он поручил Лапину, котельщику, работавшему в той же башенной, выяснить состояние большевистских групп в цехах.

При активном участии Шкапина значительно поредевший районный комитет пополнился, восстановил связи с цехами и повел широкую агитацию за развертывание стачечного движения. 28 января забастовала пушечная. Через два дня бросили работу восемьсот мартеновцев, а затем одна за другой в феврале произошли еще шесть экономических стачек в разных мастерских завода. Районный комитет постановил организовать политическое выступление. День был выбран первый подходящий — 19 февраля, день «освобождения» крестьян. Листовка, распространявшаяся на заводе, совсем не упоминала об этом событии, а выдвигала основные большевистские лозунги. Все цеховые группы Путиловского завода и окрестных предприятий были приведены в движение. И результаты сказались: Путиловский завод забастовал 19 февраля. Забастовали заодно с ним и ближайшие заводы заставы: Тильманса, Александрова, завод Сестрорецкого товарищества. Стачка 19 февраля показала организованность и готовность путиловцев откликаться

на призыв партии к политическим выступлениям против самодержавия и буржуазии.

12 марта 1914 года министр торговли и промышленности Тимашев, подводя итоги почти двухлетнего расследования причин ленского расстрела, заявил с думской трибуны, что со стороны хозяев Ленского золотопромышленного товарищества не было допущено незакономерных действий, и привлекать их к суду не за что. Большевистская фракция Государственной думы внесла новый запрос правительству о ленском расстреле. Рабочие поддержали запрос забастовками. На Путиловском заводе 13 марта снялись: башенная, турбинная, верфь и лафето-снарядная. В этот день в столице бастовало более шестидесяти тысяч рабочих.

На 4 апреля, день второй годовщины ленского расстрела, Петербургский комитет большевиков готовил новую политическую демонстрацию. Карл Реймер ездил на станцию Ланскую на созванное Петербургским комитетом инструктивное совещание представителей районов и подрайонов. Немного позже он получил оригинал прокламации. Печатать ее Реймер должен был силами подрайона. Он спрятал оригинал под войлок на двери своей квартиры.

Оригинал листовки лежал под войлоком несколько дней. Реймер уже собирался ее печатать, но в эти дни возникло новое мощное движение в связи с отравлениями на «Треугольнике». В первую очередь надо было печатать прокламацию об отравлении. Оригинал ее получили от Серафимы Дерябиной в столовой на Забалканском. Серафима как бы случайно оказалась за одним столом с Реймером и, снимая перчатку, выронила листочек. Реймер на обрывке шапирографской ленты отпечатал четыреста экземпляров листовок, передал часть на «Треугольник», остальные доставил на Путиловский. А через день Реймер, Серафима Дерябина и многие другие были арестованы.

Запрос о массовых отравлениях работниц на «Треугольнике», внесенный в думу большевистскими депутатами, обсуждался 18 марта и был подкреплен мощной стачкой петербургских рабочих. Начал забастовку Путиловский завод, 17 марта путиловцы вышли на улицу. 19 марта полностью стала Путиловская верфь. Забастовка в эти дни охватила в Петербурге около 160 тысяч рабочих.

Первые же дни этой мощной стачки показали правительству и буржуазии, что подымается движение иного типа, чем раньше, гораздо более решительное, располагающее огромными людскими резервами, легко переходящее в улич-

ную борьбу. В рабочих районах рабочие вступали в бой с полицией, упорно не расходились, выкидывали флаги, снимали еще не забастовавшие заводы. Путиловцы ходили снимать Тентелевский химический, фабрику Кенига, «Треугольник», где, несмотря на отравления, возобновилась работа. На «Треугольнике» от пятого года осталось в памяти: «Путиловцы идут!». Сейчас этот клич раздался снова. Путиловцы пробивались на Обводный, но полиция усиленно охраняла подступы к «Треугольнику».

Капиталисты решили, что теперь против забастовщиков надо принять крутые меры: штрафы не действуют, они отжили свое, необходим длительный локаут и уже не на одном заводе, а во всей металлической промышленности Петербурга. 19 марта капиталисты подписали первое локаутное соглашение: «Мы, нижеподписавшиеся, представители заводов: Сименс, Лесснер, Феникс, Металлический, Путиловский, Путиловская верфь, Тильманс, Лангензипен, Невский судостроительный, Нобель, Тюдор, Розенкранц, Александров, Соединенные кабельные, СПБ механический завод, — в виду непрекращающихся забастовок постановили закрыть заводы не менее как на три дня, начиная с 20 марта 1914 г.».

Из казенных заводов был закрыт Балтийский судостроительный. Кроме того, закрылись «Треугольник» и несколько текстильных фабрик. Всего в этот день было локаутировано около семидесяти тысяч рабочих на двадцати шести предприятиях.

Директор Путиловского завода закрыл мастерские на шесть дней. На воротах появилось объявление о прекращении работ до 26 марта, рядом — бумажка о закрытии кредита в потребиловке. Делегаты от рабочих пошли в редакцию «Правды» и думскую большевистскую фракцию с просьбой внести запрос правительству по поводу локаута. Во фракцию прислали резолюцию: «...В локауте мы видим провокационный вызов общества фабрикантов и заводчиков..., а потому мы обращаемся ко всем рабочим депутатам российской с.-д. фракции, чтобы они запросили с трибуны министра торговли и промышленности и дали ответ рабочим в трехдневный срок. А также предлагаем работающим оказать материальную поддержку пострадавшим товарищам».

В понедельник 24 марта часть закрытых заводов Выборгской стороны начала работать. 26 марта открылся Путиловский завод.

Локаут не устрашил путиловских рабочих. 4 апреля, в день годовщины ленского расстрела, завод бастовал снова.

10 апреля забастовали мальчики нагревальщики заклепок. Стали чеканщики и чернорабочие котельной — около 300 рабочих. 11 апреля бросили работать 607 рабочих в кузнице. 16 апреля прекратили работу паровозокотельщики — 270 рабочих. Бринк объявил весь паровозный отдел закрытым. Мастер при расчете говорил:

— Мы сделаем локаут, и вы поедете в деревню кушать редьку...

Речь шла уже не только о том, чтобы раздавить начатую мальчиками забастовку, но чтобы устрашить других, на долгое время отбить охоту начинать забастовки.

Котельщики стали на работу через десять дней.

Последние дни апреля вновь дали рост забастовочного движения. Бастовали строители и кочегары на верфи, башенщики, столяры, жестяники, чернорабочие. Газетного сообщения об исключении социал-демократических депутатов Государственной думы на пятнадцать заседаний было достаточно, чтобы подняться двум тысячам рабочих верфи и покинуть мастерские в знак протеста.

1 мая завод и верфь демонстрировали. Ворота снова распахнулись, и на Петергофское шоссе вышел многотысячный коллектив путиловцев. Пробирались в город, минуя кордоны полиции. Демонстрацию встретили пешие и конные полицейские еще во дворе завода. На улице неожиданным ударом они врезались внутрь колонны. Одиннадцать человек было арестовано; захвачено знамя с нашитыми из черной тесьмы буквами «С-Д» и тремя восьмерками «8—8—8». Восьмерки обозначали требование 8-часового рабочего дня (8 часов работы, 8 — отдыха, 8 — сна).

Через восемнадцать дней в судебной палате состоялся суд над обуховскими стачечниками, осужденными окружным судом в конце прошлого года. Накануне суда происходили митинги:

— Рабочие! Помните суд над товарищами обуховцами? Их осудили за стачку. Теперь их судят снова. Бастуем в их защиту. Все из завода!

Немногочисленная, поредевшая после нескольких арестов группа большевиков вывела с завода и верфи шестнадцать тысяч рабочих.

21 мая вспыхнула забастовка подростков турбинной мастерской. Ученики заявили протест против низкой платы и бросили работу. Они держались серьезно и упорно. В практике забастовок подростков это был первый случай, когда они совершенно самостоятельно, не имея рядом бастующих

взрослых, продержались больше одного-двух дней. Теперь же, после объявления о расчете, вывешенного 24 мая, они бастовали еще девять дней.

Самая высокая волна экономических стачек на заводе за годы нового революционного подъема поднялась в июне 1914 года. За один месяц на заводе и верфи было пятнадцать стачек, некоторые из них становились длительными, захватывали соседние мастерские и вырастали в событие большого политического значения. 6 июня на верфи забастовало двадцать три человека. Через три дня там насчитывалось уже 1242 стачечника. В это же время большая и малая судостроительная потребовали прибавок. Получив отрицательный ответ, рабочие демонстративно покинули мастерские. Полторы тысячи человек, выбросив красный флаг, с песнями направились в деревню Емельяновку. Лафетная — 185 рабочих, башенная — 550, цех оборудования — 200, и другие мастерские — всего около семи тысяч человек, узнав, что судостроительные бастуют, с 10 июня присоединились к ним.

— Чего вы хотите? — спрашивал начальник лафетной у своих рабочих.

— Чтобы верфевских удовлетворили.

— А вам-то какое дело? Вы ведь не на верфи работаете?

— Как — какое дело? Поддержать надо!

На верфи, особенно в цеху оборудования, рабочих рассчитывали пачками, без предупреждения.

Но и эта мера не могла остановить стачечного движения. 17 июня забастовало еще сто рабочих цеха оборудования. Поднялась кузница старого завода, слывшая из-за молотобойцев забастовочной. Утром из кузницы ушло сорок восемь человек, и к концу дня в мастерской не осталось ни одного рабочего.

Вагонная в этот день также бросила работать, требуя увольнения мастера Веллера, избившего рабочего. Тысяча сто шестьдесят человек сгрудились между сараями и механической мастерской, расположились на траве, на вагонных скатах, заполнили тележку «Дина», на которой подавали вагоны из одного сарая в другой. «Пока мастера не прогонят, не работать» — такой был уговор вагонщиков.

19 июня на заводе вместе с вагонщиками насчитывалось две с половиной тысячи бастующих, 20 июня — пять тысяч. Директор завода объявил всем бастующим расчет. Но рабочие сами прекратили стачку:

— Из-за мастера трех дней достаточно! В другой раз сквитаемся!

Каждый день за Нарвской, где-нибудь на улице, в переулке, происходили столкновения с полицейскими. В последние недели городовые то и дело натыкались на окрик, на злую шутку или открыто презрительное замечание. В них кидали камнями. Борьба принимала все более острые формы.

Во всем этом стремительном потоке экономических и политических стачек, то сливающихся в одну огромную многотысячную, то дробящихся на мелкие, в безостановочном наступательном движении путиловцев таилась грозная сила. К Путиловскому заводу присоединялась вся Нарвская застава. Вместе с Нарвской заставой поднимались Выборгская сторона, Васильевский остров и другие рабочие районы. Против рабочих объединились все силы реакции — царская полиция, охранка, буржуазная печать, Общество заводчиков и фабрикантов. Капиталисты дополняли систему жандармских репрессий своими мерами — локаутами, штрафами, увольнениями. Но все было безуспешно. Все чаще бросали путиловцы работу и с революционными песнями, безбоязненно и гордо выходили на Петергофское шоссе, на свою главную улицу — улицу Стачек.

За первую половину 1914 года на Путиловском заводе произошло шестьдесят стачек. Чуть ли не каждые три дня какая-нибудь мастерская, цех, а то и весь завод — бастовали. Стачечная борьба в Петербурге развертывалась с большой силой. Все упорней и решительней выступали рабочие. Традиция массовых революционных стачек глубоко вкоренилась в сознание петербургских рабочих. Владимир Ильич Ленин писал по этому поводу: «. . .Не надо забывать, к чему приводят эти стачки в России. Массовые упорные стачки неразрывно связаны у нас с *вооруженным восстанием*». [1]

ИЮЛЬСКИЕ СОБЫТИЯ

Самый короткий вид митинга — митинг-молния. В мастерской внезапно дают аварийный звонок, машинист по этому звонку должен остановить мотор, а пока он доискивается, почему и отчего, — в несколько минут проходит митинг; объясняется самое главное, принимают решение. Через пятьдесят минут рабочие снова на местах, мотор включен, все идет своим порядком.

1 июля 1914 года во всех механических мастерских про-

[1] *Ленин*, Сочинения, т. XV, стр. 536.

звучал аварийный звонок. Передавали директиву: сегодня к пяти бросить работы. Объявляется часовая забастовка солидарности с бакинскими рабочими.

Рабочие нефтепромыслов в Баку бастовали уже целый месяц в очень трудных условиях. Им нужна была моральная и денежная поддержка, тем более что в последние дни бакинская полиция избиениями и принудительным выселением из квартир подавляла забастовку. Петербургский градоначальник особым распоряжением запретил всякие сборы в пользу бакинцев. Бакинская почта не передавала посылаемых рабочим денег, а обращала их в доход казны.

Большевистская фракция Государственной думы находила способы доставлять деньги по назначению. Сборы продолжались, несмотря на угрозы градоначальника. После митингов-молний на Путиловском заводе сборщики с шляпами, а то и просто с протянутой рукой обходили каждого рабочего:

— Давай на бастующих.

Люди давали — они знали, что́ значит держаться второй месяц.

В башенной мастерской верховодила «галерка». Во всех случаях башенщики ждали, что скажет галерка. Наверху, на открытых площадках, пристроенных к колоннам, работали самые квалифицированные слесаря. Там сосредоточились большевистские силы, были там и меньшевики, были и эсеры. Большевикам галерки надо было при стачке сначала преодолеть у себя противодействие меньшевиков, привлечь на свою сторону колеблющихся, и тогда можно было итти вниз. Большим влиянием там пользовались большевики Д. Романов, М. Некрасов, К. Николаев. Помогал им молодой слесарь Иван Газа.

Пока наверху собираются, сходят по крутым лестницам, большевики, работающие внизу, — Виктор Пастернак в одном пролете. Дмитрий Ланин в другом, — кричат, что галерка пошла, и подымают всю мастерскую.

Утром 1 июля на галерку прибежал Вася Урюпин, молодой большевик из турбинной, находившейся по соседству с башенной мастерской. Он сообщил, что турбинная собирается поддержать бакинцев стачкой. Ему сказали:

— Мы тоже поддерживаем, но выступим, когда получим указания от Петербургского комитета.

К полудню Шкапин получил от Петербургского комитета директивы. Иван Газа, Петр Кирюшкин, Виктор Пастернак обежали мастерскую. Часовую забастовку протеста в башенной начали дружно.

К концу рабочего дня пушечная, лафето-снарядная, десятки других мастерских собрались у часовни на митинг.

Башенную и турбинную выпустили в Шелков переулок, — полицейский наряд не дал им пройти в завод. Часть рабочих этих мастерских проникла со станции Пущино через поездные ворота, часть пробралась в старый завод другими путями. Но они опоздали. Митинг был сорван провокаторами, которые закричали: «Полиция, полиция!» и создали панику. Оратор Иван Егоров едва успел сказать несколько слов и бросить лозунг: «Победа бакинских рабочих — наша победа».

Спустя два дня, 3 июля, большевистская организация вновь собрала общезаводский митинг. Кузнечная, котельная, прессовая, чугунолитейная и лафето-снарядная мастерские вышли во двор и остановились у часовни. Они ждали прихода других мастерских около пятнадцати минут. Обычно за это время от проходной к месту сборища поспевала полиция и разгоняла митинг. Теперь почему-то ее не было видно. Башенная и турбинная на этот раз не были отрезаны полицейскими заставами от остального завода. Казалось, что заводским сыщикам не удалось заранее узнать о митинге и сообщить об этом в проходную. На самом деле администрация и полиция знали о предстоящем митинге у часовни. Еще с ночи, задолго до начала работ, на заводе были спрятаны усиленные наряды пешей и конной полиции. Из бараков, помещавшихся за забором, они не выходили. Рабочие их не видели. Царское правительство готовило грандиозную провокацию. Полицейский офицер, поставленный во главе конного и пешего отрядов городовых, спрятанных на Путиловском заводе, получил твердый приказ: не ожидая сопротивления, стрелять в рабочих.

У часовни на общезаводский митинг сочувствия бакинским рабочим собралось двенадцать тысяч путиловцев. Ораторы выступали открыто, рассказывали о стачке бакинцев, призывали рабочих поддержать бастующих и бросали в толпу боевые большевистские лозунги.

Никто не пытался разогнать митинг. Отряды полицейских вышли из укромных мест, но к толпе не подходили, а заняли все выходы у проходной завода. Когда после митинга к калиткам потянулась редкая цепочка рабочих, полицейские не трогались с мест и не препятствовали выходу. Но лишь только показалось мощное шествие и послышалось пение «Марсельезы», к проходным калиткам по знаку полицейского офицера подбежали городовые и захлопнули их.

На Петергофском шоссе появился большой отряд конных полицейских. Ворота завода распахнулись. Отряд въехал во двор, и ворота закрыли. Звякнул засов. Демонстрация почти вплотную подошла к конным и остановилась: итти дальше было некуда. Расчет полиции оказался верным: самые организованные и революционные рабочие оказались запертыми.

— Разойдись! — крикнул полицейский чин.

Люди чуть подались назад.

— Разойдись! — вторично прокричал полицейский.

Тысячи глаз смотрели на запертые калитки и закрытые ворота. Слева — мартен и прокатка, справа — здание проходной, позади уже мелькали полицейские кокарды.

— Куда разойтись?

Рабочие смотрели на городовых.

Лица городовых раскраснелись от выпитого вина и июльской жары. Конные сидели неподвижно, крепко сжимая шенкеля.

В третий раз крикнул полицейский чин:

— Разойдись!

Толпа качнулась, но осталась на месте. Люди не верили своим глазам.

— Разойдись! — в последний раз прокричал полицейский и махнул обнаженной шашкой.

Конные ворвались в толпу, стегали нагайками, били шашками. Рабочие бросились в стороны. Пешие городовые хватали людей, кулаками и шашками загоняли их в проходную контору. Раздался револьверный выстрел — сигнал. За ним залп со всех сторон сразу.

Толпа в ужасе бросилась назад и в стороны. Кто-то крикнул: «На баррикады!». С площадки у мартена, на которой лежали старые доски, камень, горы железа, в городовых полетели камни. Раздался второй залп, а затем редкая беспорядочная стрельба. Все это продолжалось не более двух минут.

Калитки раскрылись. В узких, отделенных перилами проходах в сутолоке и панике застревали рабочие. Задние напирали, выталкивая застрявших наружу. Не успевали они опомниться от толчков, как здесь, на улице, их встречали нагайки. Шарахались назад, разбегались в стороны и неизбежно попадали под плетки конных полицейских.

Высокий рабочий, должно быть кузнец, — лицо его, как иголками, было исколото окалиной, — задыхаясь, крикнул:

— Палачи, разбой...

Плеть оборвала крик на полуслове. Рабочий упал, его топтали бегущие. Наконец, он поднялся. Голова его была в крови, лицо было неузнаваемо. Шатаясь, он побрел от ворот, но его настиг конный, и еще раз свинцовая плеть опустилась на голову кузнеца. Его подхватили и унесли в сторону.

Сотни избитых, шестьдесят пять арестованных, несколько десятков раненых, двое убитых — были результатом полицейского побоища.

Правительство хотело поскорее разделаться с революционным движением рабочих и подготовило провокацию, чтобы, начав с расстрела путиловцев, потопить в крови назревающую революцию.

Арестованных уводили в участок. Вводили в полицейскую комнату по одному. В дверях каждого встречали так, что люди летели друг на друга.

Депутат думы Бадаев был вызван рабочими на завод. Администрация уклонилась от разговоров с ним. Из расспросов рабочих Бадаев выяснил обстановку расстрела и отправился в полицейский участок. Все комнаты участка были переполнены рабочими. Жестоко избитые арестованные лежали на скамьях, на полу, не имея сил ни стоять, ни сидеть. Некоторых городовые отливали водой. Полицейские держали себя с рабочим депутатом вызывающе, всячески показывая, что сейчас они хозяева положения. Из участка Бадаев поехал в «Правду».

Жестокое истязание рабочих продолжалось и после ухода Бадаева. Толчками, пинками загнали всех шестьдесят пять арестованных путиловцев в комнатушку, рассчитанную на десять-двенадцать человек. Сидеть было негде, можно было только стоять. Жара была страшная. Пот лился градом с лица, выступал по всему телу. На полу образовалась жидкая кровавая грязь. Арестованных рассадили потом по другим полицейским частям. Все они просидели по три месяца.

Сообщение о расстреле путиловцев, появившееся на другое утро в «Правде», вызвало в рабочей среде страшное негодование.

На Путиловском заводе ночная смена ушла еще с вечера 3 июля. Утренняя смена 4 июля ушла, не приступив к работе. Забастовали «Тильманс» и большинство мелких заводов района. Ушли с работы и триста путиловцев, работавших на кораблях в Галерном городке.

Остановились предприятия Московского района. Демонстрация рабочих этого района с красным знаменем и рево-

люционными песнями направилась к Путиловскому заводу, выдержала два сражения с полицией — у ворот «Скорохода» и затем вблизи соединительной ветки. У путиловской ветки полиция стреляла без предупреждения. Толпа дрогнула и на секунду остановилась. Рабочие схватили камни. Полиция, расстреляв патроны, обратилась в бегство. Выстрелами полицейских четверо рабочих были ранены, из них двое — тяжело.

На Выборгской стороне, которая бастовала почти вся, также стреляли по демонстрации у завода «Новый Лесснер». За Невской заставой семянниковцы демонстративно вышли за ворота, но штыками и нагайками были оттеснены назад.

В первый день в Петербурге бастовало около девяноста тысяч рабочих. Из всех районов сообщали о расстреле демонстрантов. Градоначальник генерал Вендорф 4 июля затребовал у командующего войсками казачий полк для помощи полиции.

Нарвский районный комитет большевиков 4 июля выработал резолюцию, позже напечатанную в «Правде». Петербургский комитет большевиков выпустил прокламацию, в которой призывал рабочих столицы к всеобщей стачке:

«...Пьяная полицейская орда, напавшая на путиловцев, лишь исполняла волю царского правительства. Стихийным возмущением ответил рабочий класс Петербурга на эту попытку повторить кровавую Лену на передовых рабочих... Пусть крик протеста и возмущения прокатится по всему Петербургу, по всей России. Поддерживая героически начатую стачку протеста, мы зовем вас, товарищи, трехдневной забастовкой показать свою волю, свою сплоченность, свое негодование против всего режима царской монархии. Пусть в пятницу, субботу, понедельник не дымит ни одна фабричная труба, не стучит молоток, не открываются магазины. Пусть товарищи трамвайщики присоединятся ко всему сознательному пролетариату. Только собственной силой мы свергнем гнет самодержавной шайки разбойников. Только революционной борьбой добьемся мы человеческой жизни. Присоединяйтесь же, товарищи, все: рабочие, приказчики, трамвайщики, служащие, к всеобщей трехдневной забастовке. Противопоставим наемным убийцам капитала и власти свою силу. Свою трехдневную забастовку закончим демонстрацией протеста. Сплоченными рядами, в *мирной* процессии со своими знаменами и песнями пусть рабочие пройдут в понедельник в 10 часов утра по улицам Петербурга. Ибо

еще не пришло время для вооруженного восстания, и мы просим товарищей воздержаться от эксцессов.

Да здравствует массовая политическая трехдневная стачка протеста!!! Долой царских убийц и царскую монархию!!!...».[1]

5 июля путиловцы явились на завод, но не работали. В пушечной мастерской открылся митинг рабочих всего завода. Путиловцы выработали свои требования к администрации и властям: немедленно удалить полицию с заводов; освободить всех арестованных; разрешить созвать комиссию из представителей профессиональных союзов и других рабочих обществ, которая выяснила бы число пострадавших, как 3 июля, в день событий на Путиловском заводе, так и в последующие дни. По окончании митинга все ушли с завода.

Демонстрация, к которой призывало рабочих воззвание Петербургского комитета, назначалась на понедельник 7 июля, когда в Петербург должен был прибыть французский президент Раймонд Пуанкаре с эскадрой. В программу визита Пуанкаре, кроме официальных парадов и торжественных приемов в Царском селе и на президентском корабле, входило также и посещение города.

Демонстрация 7 июля должна была внести изменения в этот порядок. Следовало показать, что рабочий класс ничего не имеет общего с братанием русских и французских империалистов. Демонстрация носила явно антивоенный характер, хотя рабочие и не подозревали, что война уже решена.

Полиция, чтобы не испортить праздника, бросила все силы на Невский проспект и на подступы к нему. Невский проспект ей удалось отстоять. Кое-какое торжество в столице, короткое и тревожное, состоялось. Но уже в непосредственной близости от центра обнаруживались следы забастовки: трамваи с выбитыми стеклами, спешно направляющиеся в парк, толпы людей, пение революционных песен, суета полиции, которой, из приличия перед гостями, приходилось воздерживаться от стрельбы. В этот день бастовало 130 тысяч рабочих, включая часть трамвайщиков, булочников, продавцов. В рабочих районах рабочие закрыли казенки и пивные. В этом участвовали и жены рабочих.

В Нарвском районе в эти дни положение оставалось прежним: закрытый завод, закрытые лавки, попытки демонстраций, столкновения с полицией. Часть булочников Нарвского района, бастовавших 7 июля, стала 8 июля на работу, но

[1] Листовки петербургских большевиков, т. II, стр. 108.

забастовала новая группа пекарей, в том числе сорок булочников Путиловского общества потребителей. Было опрокинуто несколько конок. 9 июля в седьмом часу утра несколько сот путиловцев направились к «Треугольнику», чтобы помешать треугольниковцам стать на работу. Снять «Треугольник» не удалось. Толпа пошла по Лейхтенбергской, закрыла несколько лавок.

Конца забастовки не предвиделось. Полицейские власти уже не могли справиться с движением, захватившим всю столицу.

Против петербургского пролетариата единым фронтом выступили заводчики и фабриканты, объявив массовый локаут. Путиловские хозяева закрыли свой завод. 8 июля был объявлен локаут на заводах Выборгской стороны. 35 тысяч локаутированных рабочих очутились на улице. Но и на этот раз царскому правительству и капиталистам не удалось сломить сопротивление рабочих, заставить их прекратить борьбу. 9 июля в Петербурге бастовало 120 тысяч рабочих, 10 июля — 135 тысяч, 11 июля — свыше 200 тысяч человек. Демонстрации происходили повсюду. Столкновения с полицией становились все чаще. На Выборгской стороне рабочие устроили баррикады и упорно оборонялись от наседавшей полиции.

Выступление петербургских рабочих с протестом против расстрела путиловцев местами вылилось в открытую борьбу — до уличных баррикад. Но дать решительный бой царизму рабочий класс еще не мог. Еще не пришло время вооруженного восстания. 11 июля Петербургский комитет большевиков, по призыву которого началась стачка, призвал рабочих организованно закончить борьбу:

«Товарищи! Петербургский комитет призвал Вас к стачкам и демонстрациям. Вы единодушно откликнулись на его призыв. Мы зовем теперь Вас временно приостановить движение протеста так же организованно, как оно началось. Пусть славная стачка-демонстрация Петербургского пролетариата послужит новым толчком для пробуждения рабочих провинций, для укрепления партийных организаций. Вы показали, как сильно [будет] движение пролетариата в тот момент, когда он решит дать окончательный бой дворянской и царской монархии. Надо готовиться к этому решительному бою. Надо строить и укреплять организации. Надо усилить пропаганду и агитацию в провинции, которая еще слишком отстала. Надо разбудить крестьян и нести свет революции в крестьянское войско. И только тогда мы

дадим решительный бой царизму, когда сами пайдем момент подходящим, когда соберем свои организации. Правительство хочет раздавить нас в кровавом бою, когда пролетариат России еще недостаточно подготовлен. Не позволим же ему это сделать! Закончив временно стачку-демонстрацию, будем готовиться к решительному бою. Стройте организации, будите отсталых, усиливайте пропаганду и агитацию за лозунги Р.С.-Д.Р.П., втягивайте в движение железнодорожников и почтовиков. Учитесь обороняться от казаков и полиции. Становясь на работу, думайте, что надо энергично готовиться к революции!!!

Да здравствует Вторая Русская революция!!!...». [1]

Пролетариат столицы откликнулся на призыв своего руководителя — Петербургского комитета большевиков. 13 и 14 июля рабочие заводов, не подвергнутые локауту, работали полностью. Еще через два-три дня возобновились работы на всех остальных заводах. Героическая борьба петербургских рабочих, организованно начатая, организованно закончилась. В дни июльских событий рабочий класс России показал перед всем миром свою готовность к борьбе, свою тесную, неразрывную связь с партией большевиков.

Со времени первых забастовок периода нового подъема минуло два с половиной года. За это время каждый путиловец прошел основательную школу классовой борьбы: в среднем каждый рабочий бастовал не менее двадцати пяти раз, из них двадцать раз по политическим причинам.

Стачечное движение на Путиловском заводе за годы революционного подъема характеризуется следующими итогами: [2]

	1912 г.	*1913 г.*	*1914 г. до 19 июля*	Всего за 2,5 года
Число стачек	16	32	60	108
Из них: экономических	9	23	37	69
политических	7	9	23	39
Число участников стачек	74 300	100 900	210 300	385 500
Из них: в экономических стачках	15 100	16 000	28 700	59 800
в политических стачках	59 200	84 900	181 600	325 700

[1] Памятники агитационной литературы, т. VI, стр. 77—78.

[2] Таблица составлена на основе данных о стачках на Путиловском заводе, извлеченных из архивных материалов и периодической печати 1912—1914 годов. Являясь наиболее полной картиной стачечного движения на Путиловском заводе, эта таблица, однако, не учитывает всего числа стачечников, так как сведения о некоторых стачках не дают возможности установить количество их участников.

Стачки и демонстрации этих лет показали, как глубоко проникли лозунги и идеи большевиков в широкие массы пролетариата, как массы научились организованно и дисциплинированно подниматься, наступать, побеждать, а в случае необходимости — и отступать. 1914 год дал необычайный взлет революционного движения. Под руководством партии большевиков рабочий класс вел авангардные бои.

«Но в это время появилась на сцене новая сила международного порядка — империалистическая война, — которая должна была изменить ход событий... Царское правительство воспользовалось войной для того, чтобы разгромить большевистские организации и подавить рабочее движение. Подъем революции был прерван мировой войной, в которой царское правительство искало спасения от революции». [1]

[1] История Всесоюзной Коммунистической партии (большевиков). Краткий курс, 1938, стр. 152—153.

ГЛАВА СЕДЬМАЯ

1914—1916

КОМУ НУЖНА ВОЙНА?

Приказ был ясен и короток. Мобилизация объявлялась всеобщей. Всем запасным вменялось в обязанность явиться 19 июля 1914 года к шести часам утра на призывные пункты. Опубликованный накануне в газетах приказ о частичной мобилизации автоматически отменялся.

Приказ появился 18 июля утром. Еще продолжался начавшийся накануне обратный прием путиловцев на завод. Брали всех без разбора, наспех отмечали в списке, совали номерок и направляли в мастерские. Инженеры, мастера, отметчики были молчаливы и сосредоточены. Они не корили забастовкой, не выискивали ее зачинщиков, не пререкались с рабочими, а угрюмо делали свое дело. О недавней стачке напоминали только казачьи патрули на Петергофском шоссе, отряды полицейских, стоявшие поодаль от завода, да огромные толпы рабочих у проходной конторы, где шел прием.

Георгий Шкапин стоял у ворот среди толпы, ожидая своей очереди пройти на завод. Он внимательно прислушивался к тому, что говорят вокруг. Говорили о войне. Мобилизация воспринималась как неожиданно обрушившееся бедствие. Всюду выражали недовольство войной. Одни высказывали недовольство в осторожных словах: не следовало бы России вмешиваться в войну, народу от нее будут одни лишь несчастья. Другие выражались резче — воевать не за что и незачем.

В обед Шкапин созвал в больничной кассе, под видом заседания правления, группу активных большевиков, чтобы обсудить вопрос, как действовать дальше. Шкапин изложил,

что, по его мнению, нужно делать теперь: необходимо разъяснять рабочим истинные цели войны, ее характер, ее последствия. Не все рабочие ясно представляют себе, что эта война — грабительская. Народу она несет только беды и страдания. Надо рассказать об этом рабочим, разъяснить, что война затеяна в интересах буржуазии.

В мастерских в этот день к работам не приступали. В уборной башенной мастерской весь день толпились люди. Запасные по уговору приходили сюда прямо из цеховой кладовой, куда сдавали инструмент, и из конторы, где получали плату за полтора проработанных дня. Приходили в последний раз поговорить с товарищами, поделиться своими заботами: у всех оставались дома семьи, которым предстояли страшные, голодные дни.

Разговоры понемногу захватывали всех. Беседа превращалась в митинг. Большевики говорили о том, что вот теперь новых царских солдат погонят на фронт сражаться с такими же рабочими и крестьянами, как они, за ненасытные аппетиты капиталистов и помещиков, о том, что эта грабительская, ненужная война несет народу голод и нищету, а капиталистам прибыль и благоденствие, о том, что самодержавие воспользуется военным временем для подавления революционных выступлений.

— Может, и вас заставят стрелять по своим, — говорили большевики мобилизованным. — Не должно быть этого! Обещайте отказываться от усмирений! Обещайте разъяснять в казармах, кому нужна война! Обещайте и дальше бороться за революцию!

В ответ мобилизованные обещали выполнить то, что требовали от них товарищи. Обещали везде оставаться путиловцами, пролетариями. Обещали писать. Крепко пожав товарищам руки, расходились.

Такие импровизированные митинги, организованные большевиками, происходили почти во всех мастерских завода. Среди рабочих распространялись прокламации, выпущенные несколько дней назад — накануне объявления войны — Петербургским комитетом большевиков:

«Кровавый призрак веет над Европой. Жадная конкуренция капиталистов, политика насилия и захвата, династический расчет и боязнь за привилегии перед растущим международным рабочим движением толкают правительства всех стран на путь милитаризма, на путь увеличения военщины, давящей своими расходами трудовой народ всех земель и всех цветов. . .

Царское правительство заявило себя в грядущем конфликте «покровителем и освободителем» славянских народов, но мы здесь видим не покровительство, а лишь жажду захвата новых владений. Оттиснутые Японией с востока, наши безответственные кровавые правители путем тайных дипломатических соглашений пытаются ловить рыбу в мутной воде ближнего Востока».[1]

Как никогда горячо и охотно брали рабочие эти маленькие белые листки, в которых разъяснялась правда о войне, передавали из рук в руки, жадно читали их.

Вечером Нарвская застава стонала. Не было ни одного дома, где бы не плакали женщины. Мрачные и подавленные сидели мобилизованные — им предстояло завтра, бросив семьи на произвол судьбы, уйти надолго, может быть навсегда. Приходили соседи по квартире, знакомые, приятели. Всю ночь не спала застава. Всю ночь по-разному звучал один и тот же вопрос обессиленных слезами женщин: «Что же дальше?».

Запись мобилизованных для отправки в казармы началась 19 июля в шесть часов утра. Весь двор петергофского полицейского участка был заполнен запасными и ратниками первого разряда, а у низкого досчатого забора плакали тысячи женщин, провожавших на «цареву службу» своих мужей, сыновей и братьев. Около полудня мобилизованных построили в ряды, сделали перекличку и под конвоем полиции и унтеров повели в город, в казармы. Запасные шли понуро. Многие в последний раз несли на руках, на плечах ребят, и те, удивленные и испуганные, смотрели кругом широко раскрытыми глазами. С боков толпы мобилизованных, шатая полусгнившие мостки заставской панели, вздымая клубы мелкой пыли, текла стремительная, гудящая толпа женщин и ребятишек.

Пыль, поднятая толпой мобилизованных и провожатых, еще не улеглась, как со двора путиловской церкви двинулась на шоссе манифестация. Шли лавочники, домовладельцы, путиловская администрация, барыни в шляпках, а за ними члены общества хоругвеносцев в кафтанах с серебряными галунами, члены «Союза Михаила Архангела», — мрачная черносотенная публика. Ветер надувал хоругви, покачивалось в золоченой раме постное лицо Николая II. Манифестанты запели «боже, царя храни», но голоса их потерялись в шуме улицы, и они, не допев, замолкли.

---

[1] Листовки петербургских большевиков, т. II, стр. 113.

Рабочие смотрели на них с озлоблением:

— Их бы самих на войну. То-то запели бы!

На Невском в это время сшибали шапку со всякого, кто не хотел снять ее перед портретом царя. Не то было за Нарвской. Под пронзительные свистки и едкие насмешки оробевшая кучка черносотенцев единственный раз прошлась по шоссе и больше собираться не посмела.

В этот день, 19 июля, Германия объявила войну России. Кайзеровская Германия давно искала случая, чтобы начать жестокую борьбу за новый передел мира, за новые колонии. В империалистической войне столкнулись две группы империалистических хищников: с одной стороны, Англия, Франция и Россия, с другой — Германия и Австро-Венгрия. Началась невиданная по своим размерам кровопролитная мировая война.

И на другой и на третий день являлись мобилизованные путиловцы в полицейский участок. Все новые и новые толпы рабочих двигались под конвоем к сборным пунктам. Казармы города не могли вместить полчища новых солдат. Под казармы срочно приспособили бани, конюшни, рестораны.

Но у проходной уже висел приказ об отсрочке призыва рабочим четырнадцати военных мастерских Путиловского завода. Такой же приказ был объявлен и на верфи. Через некоторое время по спискам были возвращены квалифицированные рабочие и из других цехов. Из пяти тысяч мобилизованных путиловцев три с половиной вернулись как специалисты. Заводу предстояли огромные военные заказы.

С напряженным вниманием следили рабочие за размахом, какой приобретала война, ожидая решительного выступления против нее пролетариев других стран, в особенности Германии.

Каждый день приносил новые ошеломляющие известия. Каждый день новое государство вовлекалось в круговорот войны.

19 июля Германия объявила войну России. 21 июля Германия объявила войну Франции. 22 июля Англия объявила войну Германии, а Германия — Бельгии. 24 июля началась война России с Австрией. 29 июля Франция и Англия объявили войну Австрии. В начале августа Япония вступила в войну с Германией.

В течение двух недель конфликт между двумя европейскими государствами превратился в мировую войну, небывалую в истории.

Неужели международная социал-демократия не призовет

народы всего мира помешать чудовищной бойне? Неужели в эти ответственные минуты не скажут своего веского слова вожди II Интернационала, за несколько дней перед тем призывавшие пролетариат демонстрировать свою волю к миру? Эти вопросы во весь рост встали перед путиловскими большевиками. Эти вопросы мучили и Шкапина, когда он пробегал газетные строки. В конце июня страховики Петербурга, собравшись на конференцию на одном из островов устья Невы, выделили Шкапина делегатом на международный социалистический конгресс, который предполагалось созвать в Вене.

Конгресс должен был решать вопрос о борьбе с надвигавшейся войной. Но из-за разразившейся войны конгресс собраться не смог. Шкапин не сомневался в том, что невысказанное на конгрессе будет особенно веско и убедительно сказано сейчас. Он уверенно отвечал на вопросы товарищей: скоро против войны зазвучит мощный голос социал-демократии, — решения Базельского конгресса Интернационала, состоявшегося два года назад, обязывают каждого социал-демократа решительно и всеми мерами бороться против войны.

Но уже 17 июля в газетах промелькнуло сообщение о том, что австрийские социал-демократы сваливают ответственность за войну на сербов, которые, по их мнению, сильно провинились перед Австрией. А 22 июля в трех воюющих странах — Германии, Франции и Бельгии — социалистические фракции парламентов голосовали за военные кредиты и высказались за поддержку своих правительств. Вандервельде, глава II Интернационала, получил министерский портфель.

Весть об измене вождей II Интернационала была самой ошеломляющей из всех вестей. Несколько дней подряд Шкапин ходил мрачный. Он попал под град перекрестных вопросов рабочих. Недоуменно и растерянно спрашивали его рабочие, как расценивать этот шаг социалистов. Некоторые говорили Шкапину: не ошибаются ли большевики, выступая против войны. Тем более, что к защитникам войны присоединился такой авторитет, как Плеханов, объявивший себя оборонцем.

Большевики еще и еще раз повторяли, что война эта — грабительская, что у рабочих при капиталистическом строе нет отечества и цель их, как и прежде, одна — революция. Шкапин называл социалистических вождей и Плеханова предателями и клятвопреступниками, нарушившими соб-

ственные обещания, и доказывал, что сторонники пролетарского интернационализма не так бессильны, как хотят представить их враги.

Меньшевики открыто стали высказываться за «оборону отечества», решительно возражая против всяких выступлений рабочих во время войны. Призывая прекратить борьбу против капиталистов и самодержавия, они, так же как и все другие партии II Интернационала, стали на сторону царского правительства в войне империалистических государств.

После того как мобилизованные вернулись в цеха, власть мастеров и начальников сделалась неограниченной. По приказу военного ведомства 31 июля 1914 года все рабочие, получившие отсрочку, приравнивались к военнослужащим. За уход с работы или забастовку рабочего предавали военному суду как дезертира. Заводская администрация пользовалась этим. В моду вошел окрик:

— К воинскому захотел?

И случалось нередко — рабочий, проявивший свое антивоенное настроение, вдруг исчезал. Все знали, что его отправили на фронт. Военно-полицейский террор начал действовать с первых же дней войны.

Больничная касса теперь стала центром путиловских большевиков. Так было и по всему городу: больничные кассы оказались единственными уцелевшими от разгрома легальными рабочими организациями.

Иногда в кассе собирался районный комитет. Небольшая группа активных большевиков, избегнувших июльских арестов и мобилизации, назначала там явки, встречи, устраивала летучие совещания. На одном из совещаний договорились о том, что́ надо сейчас делать, — каждый получил задание.

Павлу Богданову сказали, чтобы он сидел у себя в котельной, по цехам пока не ходил. Шкапин считал, что Богданова надо беречь, — если его заберут, котельная останется без руководства. Анисиму Костюкову предложили, пользуясь своим богатым опытом жизни, агитировать исподволь в лафето-снарядной. Ивана Бушуева, более молодого, Шкапин связал с городскими центрами.

Шкапин продолжал работать в Страховом совете, был связан с Петербургским комитетом и другими районами города. Он побывал в городском районе, достал прокламации, принял участие в подпольном выпуске районной большевистской газеты «Рабочий голос» и принес пачку газет за Нарвскую заставу.

Петербургский комитет в своей листовке писал, четко разъясняя большевистскую линию:

«...В такой момент не может молчать социал-демократия. Российская Социал-Демократическая Рабочая Партия жива, и только она может сейчас сказать рабочим массам: Товарищи! Правительство и буржуазия посеяли ветер — они пожнут бурю!

Неисчислимые бедствия несет война русскому народу и прежде всего рабочему классу и крестьянству.

Но поражение или победу принесет война официальной России и ее союзникам — все равно рабочий класс проникнется еще глубже сознанием, что современный строй держится только на крови, насилии и обмане, что выход из такого положения один — *революция*».[1]

Листовок не хватало. Районный комитет решил выпускать их собственными силами. Шкапин и служащие больничной кассы написали листовку, размножили на пишущей машинке и копии все до одной разбросали по заводу. Листовки, подписанные Нарвским районным комитетом РСДРП, появлявшиеся одна за другой несколько раз в течение августа, показали рабочим, что организация существует, борьба не затихла. Охранка искала, откуда, несмотря на аресты, по городу расходятся большевистские листовки.

26 августа был арестован Петербургский комитет партии. 31 августа Шкапин и секретарь кассы созвали собрание, чтобы обсудить, как через Нарвский район воссоздать Петербургский комитет. В два часа дня полиция оцепила дом, арестовала девятнадцать человек, забрала бумаги и дела кассы. По субботам работу кончали на заводе в два часа. Арестованных выводили как раз в это время. У здания кассы, выстроившись вдоль тротуара, стояло до десятка извозчиков. Арестованных сажали по-двое, городовые с револьверами наготове становились на подножки, извозчик трогал. Рабочие узнавали своих товарищей — членов правления кассы и служащих. Их приветствовали, махали фуражками, смотрели долго вслед. Всех арестованных, подержав некоторое время в тюрьме, выслали. Георгий Шкапин был выслан в Кострому. В Костроме он задержался недолго. Его тянуло в большой пролетарский центр. Не имея возможности попасть в Петербург или в Москву, он уехал в Харьков. Там он был вскоре же схвачен полицией, просидел несколько месяцев в тюрьме и снова был выслан в Кострому, а оттуда —

[1] Листовки петербургских большевиков, т. II, стр. 116.

взят в армию. На тяжелой царской службе, простудившись на одном из смотров, он умер в военном госпитале в Москве в ноябре 1915 года. Рабочие башенной мастерской, узнав о смерти своего лучшего товарища, собрали в пользу его семьи около ста рублей.

Петербургский комитет большевиков, воссоздавшийся в начале сентября 1914 года, быстро восстановил все связи. От путиловцев связь с ним стали держать Иван Яковлевич Козлов и электрик Иван Егоров, работавший на верфи. В новом правлении больничной кассы, избранном в октябре, из двенадцати человек было семь большевиков. Козлов, Егоров, Орлов и другие регулярно чередовались в маленькой комнате дежурного члена правления.

Администрация завода в эту пору развила необычайно шумную «патриотическую» деятельность. Было организовано «попечительство о семьях призванных на войну», и по заводу стали проводить сборы в пользу солдаток. На эти же цели из заработка рабочих вычитали по два процента. Бухгалтерия завода открыла новый счет: «Пособия семьям призванных на войну». Заводские служащие, члены попечительства, расхаживали с подписными листами и кружками по заводу.

В среде большевиков обсуждался вопрос, как относиться к этим сборам. Мнения высказывались различные. Одни заявляли, что так как война захватническая, поддерживать ее не следует ничем. Надо бороться с буржуазной благотворительностью, одновременно оказывая давление на правительство и буржуазию, чтобы они как следует обеспечили семьи ушедших на войну. Другая точка зрения была: сборы все равно проводятся и насильственные отчисления существуют; нужно не отказываться от них, а попытаться взять распределение полученных сумм в свои руки.

Вопрос о сборах волновал не только путиловцев. Партийное совещание 30 сентября — 1 октября 1914 года, созванное большевистской фракцией думы, приняло решение: в силу создавшихся условий, сборы производить, но только своими силами, придавая этим сборам характер исключительно классовой товарищеской самопомощи, но никак не поддержки войны.

Большевистская агитация делала свое дело. В октябре на заводе начались волнения по поводу резкой разницы между заработками рабочих военных и всех других мастерских. Кое-где дело доходило до «итальянских» забастовок. Число нарушений «порядка», записанных в штрафные книги, не

уменьшалось по сравнению с июнем — последним предвоенным месяцем. Администрация, разрешившая однажды собрания рабочих, убедилась, что там не только обсуждается вопрос об открытии лазарета, как значилось в повестке дня, но и выступают против войны. С этих пор директор, если и разрешал устройство собраний по поводу какого-нибудь сбора, то не больше, чем на пятнадцать минут, с обязательным участием начальства.

Первые месяцы войны большевики посвятили разъяснению рабочим вопроса — почему возникла война и кому она нужна. В первое время в этом было главное. Но при разъяснении империалистической сущности войны, естественно, возникал вопрос: какие же задачи стоят теперь перед партией пролетариата? Под какими лозунгами вести массы на борьбу? Как сформулировать свое отношение к войне?

Вскоре на это был получен четкий и ясный ответ.

Едва вырвавшись из австрийской тюрьмы, Ленин написал свои знаменитые тезисы, которые впоследствии легли в основу «Манифеста» ЦК РСДРП, напечатанного в № 33 «Социал-демократа». Депутат думы, большевик Ф. Самойлов, которого война застала за границей, привез эти тезисы в Россию. Одновременно — окольными путями через Швецию — пришли первые экземпляры «Социал-демократа», отпечатанные на тончайшей бумаге.

Для обсуждения «Манифеста» и тезисов была созвана всероссийская конференция. Конференция собралась 2 ноября 1914 года в Озерках. От Петербургского комитета участвовал путиловец Иван Яковлевич Козлов.

4 ноября около пяти часов вечера, сорвав с петель дверь, в квартиру, где работала конференция, ворвался отряд полиции. Всех присутствующих, не исключая и депутатов Государственной думы, тщательно обыскали. Козлов не имел при себе ничего уличающего, но и его повели в жандармское управление. Через день, в ночь с 5 на 6 ноября, были арестованы все пять депутатов думы.

В феврале 1915 года над депутатами состоялся суд.

«На суде выяснилась картина деятельности думских депутатов, которая делала честь нашей партии. Мужественно вели себя большевики-депутаты перед царским судом, превратив его в трибуну для разоблачения захватнической политики царизма». [1]

---

[1] История Всесоюзной Коммунистической партии (большевиков), Краткий курс, 1938, стр. 164.

По приговору царского суда большевистские депутаты IV Государственной думы пошли в вечную ссылку в Туруханский край.

В ответ на арест думской большевистской фракции Петербургский комитет призвал рабочих к однодневной забастовке. Некоторые заводы откликнулись на этот призыв. Но стачки были разрознены и малочисленны. Полиция и войска задушили их в самом начале.

Конференции не удалось обсудить тезисов Ленина о войне, но они дошли до рабочих масс. На квартире Василия Орлова в одно из воскресений ноября собрались путиловские большевики. Иван Егоров читал «Манифест» вслух.

«Задачей с.-д. каждой страны должна быть в первую голову борьба с шовинизмом данной страны...

При данном положении нельзя определить с точки зрения международного пролетариата, поражение которой из двух групп воюющих наций было бы наименьшим злом для социализма. Но для нас, русских с.-д., не может подлежать сомнению, что с точки зрения рабочего класса и трудящихся масс всех народов России наименьшим злом было бы поражение царской монархии, самого реакционного и варварского правительства, угнетающего наибольшее количество наций и наибольшую массу населения Европы и Азии...

Превращение современной империалистской войны в гражданскую войну есть единственно правильный пролетарский лозунг, указываемый опытом Коммуны, намеченный Базельской (1912 г.) резолюцией и вытекающий из всех условий империалистской войны между высоко развитыми буржуазными странами». [1]

Экземпляр «Социал-демократа» ходил по рукам до тех пор, пока на сгибах не стерлись буквы. «Манифест» переписывали от руки и на машинке больничной кассы, читали надежным рабочим. В новом свете предстала вся дальнейшая работа партии — работа, становившаяся теперь еще более почетной, но вместе с тем и более трудной и сложной.

Путиловская большевистская организация пополнилась новыми людьми. Еще в октябре в Петербург вернулся токарь Димитрий Романов, приехавший из Николаева, где Путиловский завод достраивал крейсер. Он устроился в пушечную. В котельную поступил чеканщик Тимофей Барановский. Нарушенные арестами связи между большевистскими группами в мастерских постепенно восстанавливались.

[1] *Ленин*, Сочинения, т. XVIII, стр. 65—66.

Сил было все же недостаточно — в некоторых мастерских большевиков совсем не осталось или они насчитывались единицами, в других — молодые, неопытные большевики не могли как следует разъяснить лозунги партии по отношению к войне. Барановский получил связи в нескольких местах завода. Человека три-четыре собиралось в укромных местах мастерской, и Барановский растолковывал им, почему партия стоит за поражение своего правительства. Некоторые рабочие, которым большевики говорили об этом, спрашивали: не получается ли, что пропаганда этого лозунга в России усиливает германский империализм? Большевики разъясняли, что этот лозунг — не только для пролетариата России, но и для рабочих всех воюющих стран. Через некоторое время у Барановского появился новый и сильный аргумент. Барановский говорил товарищам:

— Слыхал, депутат немецкого рейхстага Карл Либкнехт отказался голосовать за новые военные кредиты? Там, брат, тоже наши действуют.

Павел Богданов обрадовался случаю вырваться за пределы своей мастерской, и его можно было видеть повсюду, главным образом в горячих цехах. Ивану Егорову, который перешел работать на завод электромонтером по ремонту электросети, было удобнее всех: он мог ходить из мастерской в мастерскую без опаски. Большевистская пропаганда распространялась по всему заводу.

В шрапнельной мастерской большевикам пришлось столкнуться с людьми, которые как будто высказывались против империалистической войны, но в то же время возражали против лозунга превращения войны империалистической в гражданскую. Это была группа, связанная с «Межрайонным комитетом объединенных социал-демократов», чаще называемым просто «межрайонкой». Пользуясь временным ослаблением большевистских сил после разгромов, «межрайонка», до тех пор не имевшая связей с путиловскими рабочими, попыталась пустить на заводе корни. «Межрайонцы» демагогически утверждали, что организация большевиков разгромлена, Петербургского комитета не существует, и они берут на себя миссию восстановить подполье. На эту удочку попались некоторые мало осведомленные и неустойчивые большевики.

На Путиловском заводе в группе, связанной с «межрайонкой», состояли рабочие, только что пришедшие на завод. В группе было не более десятка людей. Андрей Бодров, молодой рабочий модельной мастерской, связывавший группу с

центром «межрайонцев», был в недавнем прошлом меньшевиком-партийцем, а сейчас считался одним из деятельных членов этой организации. Слесарь шрапнельной Михаил Белкин приехал из глубокой провинции, попался на удочку «межрайонки», и теперь, как и до войны, носившейся с фарисейским лозунгом «единства». «Межрайонка» декларировала, что ее цель — объединить в одной партии большевиков и некоторых меньшевиков. Белкин не понимал, что нельзя соединить несоединимое, что такое объединение будет беспринципным. Александр Яковлев, считавший себя большевиком, пытался что-то возражать против объединения, но под влиянием Бодрова сдался. Ни у Белкина, ни у Яковлева не было ясного понимания, как относиться к происходящей войне.

«Межрайонцы» во время войны были центристской организацией. Они боролись против большевиков, но они не были также во многом согласны с меньшевиками, занимая, таким образом, промежуточное, центристское, колеблющееся положение».[1] «Межрайонцы» выступали против ленинского лозунга превращения войны империалистической в войну гражданскую, то есть на деле — против подготовки революции и за отказ от классовой борьбы во время войны. Они высказывались против большевистского лозунга поражения своего правительства. Их антивоенные высказывания были, по существу, «левой» фразой.

Путиловские большевики решили, что следует оторвать от «межрайонцев» случайно попавших туда рабочих. Барановский и Павел Богданов беседовали с каждым из них в отдельности, разоблачали их промежуточные, непоследовательные позиции. В конце января 1915 года было созвано собрание группы. Явились не только путиловские «межрайонцы», но и их петербургские руководители во главе с пособником Троцкого Юреневым.[2] На собрание пришли большевики вместе с представителем Петербургского комитета, который сделал подробный доклад, разоблачив центристские позиции «межрайонцев». После долгих споров, затянувшихся чуть ли не до утра, участники собрания, рабочие, решили порвать с «межрайонкой» и войти в заводскую организацию большевиков.

[1] История Всесоюзной Коммунистической партии (большевиков), Краткий курс, 1938, стр. 190.
[2] Впоследствии Юренев был разоблачен как участник троцкистско-бухаринской шпионской банды.

К февралю большевистская организация завода окрепла. Появились люди, были восстановлены связи между мастерскими. И главное, было ясное понимание задач партии в связи с империалистической войной. Ведя кропотливую, будничную, на первый взгляд незаметную работу, большевики твердо знали, что некоторое затишье первых месяцев войны — временное и что рано или поздно наступит новый мощный подъем рабочего движения.

ЦАРЬ НА ЗАВОДЕ

Царь вступил в войну, выставив на фронт семь тысяч пушек с запасом снарядов приблизительно в семь миллионов штук. За всю японскую кампанию было израсходовано менее миллиона, и считалось, что семи миллионов снарядов для войны с Германией вполне хватит.

Этот запас снарядов иссяк после первых же месяцев войны; остатки его, разбросанные по огромному тылу, не покрывали минимальной потребности фронта. Убыль в орудиях на деле оказалась гораздо более значительной, чем предусматривали мобилизационные планы.

В трудный момент правительство могло опираться лишь на Путиловский завод, который и прежде являлся основным поставщиком полевой артиллерии мелких и средних калибров. Он один давал столько орудий, сколько все остальные пушечные заводы вместе взятые. Но и Путиловский совершенно не покрывал потребности. К весне 1915 года, когда командующий одной из германских армий, Маккензен, двинул свою артиллерийскую фалангу в 1500 тяжелых орудий и погнал русские войска из Галиции и Польши, соотношение артиллерийского огня на фронте было приблизительно следующим: три тысячи выстрелов с немецкой стороны — сто выстрелов с русской.

Выпуск орудий на заводе непрерывно увеличивался. Завод, изготовлявший в первые месяцы войны по тридцать пушек, к лету 1915 года уже выполнял задания в 150—180 орудий в месяц. Чтобы возбудить «патриотические» чувства у рабочих и усилить выпуск пушек, в марте 1915 года на Путиловский завод приехал сам царь.

С ночи на завод были присланы егеря царской охоты, в серых кафтанах, с зелеными жгутами вместо погон. Кроме егерей, в завод были впущены штатские люди, агенты дворцовой охраны, сопровождавшие царя при всех его поездках. Помимо охраны царской особы, в задачу агентов входило

замешиваться в толпу, изображать народ, кричать «ура», поднимать настроение.

В заводском депо стояло несколько пассажирских вагончиков с мебелью, крытой сукном. Эти вагончики редко бывали в ходу. В одном из них сидил когда-то по заводу тучный, похожий на каменную бабу, акционер Ляский. Позже из этого вагончика много раз обозревал завод член ревизионной комиссии путиловского правления, биржевик Маиус. Сейчас вагончики и паровозик «Малютку» освежили, почистили, подали на линию.

Рабочие отнеслись к приезду царя мало почтительно.

— Однако осмелел, — говорили про царя в курилке башенной. — Год назад он к нам наверное бы не сунулся...

— А теперь едет. Значит, изменилось что-то.

— Сейчас даже меньшевики, хоть бы наш Кузьмин, говорят: мы с царем сосчитаемся после войны, а пока война продолжается, борьбу надо прекратить. Кузьмин, ты какую готовишь встречу? Будешь кричать ура?

— Воздержусь, но если ты засвистишь, я начну кричать ура, чтобы показать, что я не с тобой...

Царский поезд прибыл на станцию Пущино к двум часам 31 марта 1915 года. Начальство ожидало царя у ворот. Тут были: товарищ министра внутренних дел, шеф жандармов Джунковский, градоначальник князь Оболенский, глава путиловского правления Путилов, члены правления Бриик, Дрейер, новый директор завода генерал Меллер.

Царь был малоподвижен, не умел произносить речей, не любил общаться с подданными: он не поехал бы на завод, если бы не нужда. Фронт давно уже, с конца четырнадцатого года, сидел без снарядов. Зимой при малой активности немцев фронт еще мог держаться, но весною немцы готовили широкое наступление. Миллионам немецких снарядов русская армия могла противопоставить главным образом штыки в руках плохо обученных солдат. Понадобилось спешно поднять энтузиазм у рабочих, делающих артиллерию, и царь, надев шинельку поскромнее, поехал на завод «сливаться» с народом.

Охрана обставила «слияние» необходимыми предосторожностями. Кроме егерей и шпиков, рассеянных по заводу, были еще конвойцы — рослые черноусые люди в черкесках с красной грудью и с кинжалами поперек живота. Конвойцы, чтобы не нарушать декорума «единения», шли в отдалении, а царя окружала свита генералов и полковников, отлично вымуштрованная свита, которая во-время брала

царя в кольцо, во-время расступалась и выдвигала его на первый план.

В самом начале произошла заминка. У проходных калиток скопились рабочие. Они смотрели на царя молча, хмуро, но с любопытством. Царь покосился на толпу, подергал себя за усы справа и слева. Его повели к поезду. Он был неспокоен, посматривал вперед и с явным сомнением поднялся в вагончик.

Завод, наскоро подчищенный к приезду царя, все же был грязен. Свежие доски среди грязи выглядели нарочито, но царь едва ли замечал их. Свежие, наспех сколоченные доски сопровождали его всю жизнь, начиная с Ходынки. Они были необходимой частью картины при всех его встречах с народом. Он посматривал по сторонам, скорее испуганный, чем заинтересованный.

Мартеновская мастерская, высокая, с застекленным верхним ярусом, снаружи напоминала вокзал, но очень закопченный и запущенный. Угольные платформы, въезжая в огромные арочные ворота, пропадали в темноте. Далеко внутри мастерской в сумраке была видна неподвижная наклонная струя огня. Из печи выпускали очередную плавку.

Когда поезд проезжал мимо котельных, его, как дождем, обдало молоточной дробью чеканщиков, лязгом и скрежетом электрических сверл. В кузнице, откуда копоть выходила языками через отверстия в крыше, стекла были закопчены до черноты. Пламя горнов проступало через них бледными пятнами. Пятна колебались, спадали и расширялись. Люди ходили около огней, как грозные тени.

Царь тоскливо смотрел вперед. Дымная и ржавая перспектива завода казалась бесконечной. А ведь все эти страшноватые корпуса, с их огнями и скрежетом, придется на обратном пути обходить пешком. Не сократить ли программу посещения? Царь оглянулся на дворцового коменданта Воейкова. Воейков подался вперед. Царь сказал ему несколько слов.

Обход начался с шрапнельного завода. Черные новенькие шрапнельные бараки напоминали спешно воздвигнутый холерный госпиталь. Все в этих бараках было временное: стены, станки, люди. Стены строились с расчетом, чтобы они простояли, не падая, до конца войны. Станки, собранные отовсюду, были простейшего типа и не годились для другой работы. Люди в большинстве не имели рабочего прошлого и стали рабочими благодаря войне. Свежему человеку легче всего было поступить на шрапнельный завод, потому

что он был новый и потребовал сразу несколько тысяч человек. Здесь было много деревенских.

Торговцы и кустари поступали на шрапнельный завод, потому что автоматы шрапнельных мастерских после трех дней обучения давали квалификацию и отсрочку по мобилизации. Здесь же, на шрапнельном заводе, кутая шею в кашне, работал на автомате молодой оперный актер. Он боялся сквозняков, хотя сквозняки, гулявшие в мастерской, были ничтожными в сравнении с окопным сквозняком, который загнал его на завод.

Техника шрапнельного дела во время войны двинулась вперед. Шрапнель уже не сверлили из целого куска и даже не штамповали на прессах по одной, а прокатывали машинным способом. В кузнице стояла длинная машина системы путиловского инженера Каргополова, которая быстро выбрасывала черные шрапнельные чушки. После закалки шрапнельная чушка шла в барак на станки и проходила операции обрубки, обдирки, зачистки, набивки пояска, нарезки. С другого конца барака шрапнель, звонкая и блестящая, уходила в сборку.

Царь обошел бараки один за другим. Прием удовлетворил его. Актер, воодушевившись, прокричал «ура» трижды, как на параде. Воинственные торговцы присоединились. Деревня подхватила через пятого человека («Ну их, с царями. Из-за передряги с царем срезал на сто скосов меньше — рубль убытку»). Ремонтные слесаря и ученики, составлявшие пролетарский кадр мастерской, молчали. От женщин криков не требовалось. Женщина была как бы выключена из политики, и даже кричать «ура» при виде царя ей не полагалось.

На пороге сборочной царь озабоченно спросил у Меллера:

— Сколько шрапнели вы делаете в день?

— Шесть тысяч.

Царь прищурился, поразмыслил: много это или мало. Повидимому решил, что это много, повеселел.

— Спасибо...

— Это только начало, ваше величество, — нежно прогудел за его плечом член правления Дрейер. — Мы развиваем это дело. Мы будем давать десять, двенадцать тысяч, не считая гранат...

Путилов, глава правления, молчал. Он сам ходил по заводу как экскурсант. Он впервые видел в натуре, что́ пред-

Забастовка учеников — 1915 г.

Рис. *П. Фитингофа*

ставляет собой шрапнельный завод, о котором до сих пор знал только как банкир.

Впечатление у него было двойственное. Конечно, заводик не казист: пятьсот штук станочной мелочи, прикрытых стенами. Станки — дешевые. Пулелитная совсем первобытна. Пули делают вручную, по тому же способу, как пекут вафли, только между матрицами наливают не тесто, а металл. Производительность завода невелика. Что такое шесть тысяч шрапнелей в день? Немцы при наступлении выкидывали это количество в течение одного дня на участок одного русского батальона. Только ничего не понимая в войне, можно радоваться этому количеству.

И, однако, цена на шрапнель такова, что эти неказистые бараки сейчас являются золотым прииском на заводе. Завод зарабатывает — банк зарабатывает. Здесь можно в натуре видеть, куда идут тонны цветных металлов, поставляемых заводу Русско-Азиатским банком за тройную цену: хромоникель в шрапнельную сталь, свинец на пульки, медь на пояски и т. д. И все это множится на шесть тысяч, и все это делается день и ночь без перерыва. Прекрасная оборачиваемость капитала, обеспеченный спрос, наивысшая норма прибыли, сверхприбыль...

В сборочной приемщицы сортировали сверкающие шрапнельные стаканы. Они, как хозяйки при мытье посуды, всовывали пальцы в четыре стакана сразу и сталкивали их вместе. Хороший стакан при ударе звучал нежно, нечистый звук означал раковину, брак.

— Солдатки, ваше императорское величество, — сказал Меллер, указывая на женщин. — Мы открыли дорогу женскому труду. Солдаток мы принимаем в первую очередь.

Мимо солдаток нельзя было пройти молча. Им следовало что-нибудь сказать. Царь без большой охоты подошел к ближайшей. Слова дались ему не сразу. Было видно, что смело взглянувшая женщина поставила его втупик.

Эта женщина не заботилась о впечатлении, которое она произведет. Лицо у нее было в грязных подтеках, платок закрывал уши и подбородок, руки были красные, исцарапанные. Подоткнутая юбка блестела от масла, чулки были грубые, башмаки деревенские, с резиновыми боками и ушками наружу. И все же нельзя было не заметить, что женщина молода и привлекательна.

— Ну, как тебе живется без мужа? — спросил царь после долгой заминки. — Скучаешь?

— Скучала, да кончила скучать, — ответила женщина новгородским говорком. — Скукой ребят не накормишь.

— Сколько же у тебя ребят?

— Двое.

— Муж тебе что-нибудь оставил, когда уходил?

— А что он мог оставить? Сам без копейки пошел. На прощанье сказал: «Могу тебе одно посоветовать — детей удави, а сама иди в бардак...».

— Куда? — переспросил царь, не поняв от неожиданности.

Женщина хотела повторить, куда посылал ее муж, но увидев за плечом царя вытянутое лицо Меллера, запнулась.

— На детей дают пособие... — неуверенно сказал царь.— Разве тебе не дают?

— По три рубля на ребенка вырвала. Так разве это деньги? Пока на завод не взяли, много горя приняла.

— Значит, теперь тебе лучше? — обрадовался царь, торопясь закончить разговор. — Теперь ты довольна?

— Теперь, слава богу... Получаю два рубля в день. Могу жить, пока детей не куча...

Царь милостиво улыбнулся и двинулся дальше. Его повели в пушечную.

В задание царя входило поговорить с рабочими насчет работы в двунадесятые праздники. Для этого разговора ему нужен был подходящий человек. В пушечной он обратил внимание на рабочего, который при его появлении прокричал «ура». Правда, его «ура» было тихое, но внушало доверие. Царь повернул к его станку.

— Я слышал, — сказал царь, щурясь и словно читая невидимую записку, — ваша мастерская в первый день пасхи и в благовещенье не работала... Меня это печалит... Церковь не осудит вас, если вы будете работать и в такие дни... Кто хочет победы русскому оружию, тот будет работать...

— Мы все хотим победы русскому оружию, — ответил человек с той же неувсренностью, с какой перед этим приветствовал царя. Мы понимаем, что рабочие должны помочь армии...

Этот человек был меньшевик и был довольно речист, но тут он потерял дар слова. Он больше ничего не мог выжать из себя, он вспотел, не находя слов, но смотрел на царя испуганно, с волнением. Царь подождал и милостиво наклонил голову.

— Так передайте рабочим, — повторил он отходя.

Меньшевики во время войны стали оборонцами и привыкли к мысли, что царь, как они научились говорить — стал олицетворением единства нации, необходимой, хотя и бутафорской фигурой. Приезд царя на завод для многих заводских меньшевиков был первым испытанием: кричать «ура» или нет. С непривычки было трудно, но они были последовательными и кричали.

В пушечной путь царя лежал мимо человека с засаленной георгиевской ленточкой в петлице гимнастерки. Это был токарь Семенов, которым начальство намерено было козырнуть перед царем. Семенов был занят наружной обточкой ствола шестидюймовой пушки, которая выпирала из его станка вперед, как подзорная труба. Царь подошел к станку, морща лоб, ибо для георгиевского кавалера надо было придумывать особые слова.

Семенов избавил его от этой необходимости. Когда царь был в десяти шагах, Семенов стоял в проходе, наблюдая приближение царя и почти не смотрел на стружку. Но затем неожиданно так заинтересовался стружкой, что не мог уделить подошедшему царю ни секунды внимания. Он пристально смотрел на резец, точно отсчитывал капли из пузырька с лекарством. Затем ему понадобилось увеличить скорость станка. Станок загудел. В то же время ствол, постепенно выдвигаясь, стал теснить царя. Царь, испуганный, отодвинулся, подергал усы справа и слева, пошел дальше.

После минной мастерской, где был испробован аппарат, выпускавший мины Уайтхеда, царя посадили в поезд, завезли в самый дальний конец завода и высадили перед башенной мастерской.

Башенная сохранила старые кадры рабочих. Должной встречи царю там не получилось. Когда по звонку были остановлены механизмы и царь при общем внимании вступил в мастерскую, рыжий слесарь с галерки крикнул «ура», но так как возглас прозвучал в тишине одиноко, вышло хуже, чем если бы было полное молчание.

По второму звонку механизмы были пущены в ход. Рабочие из-за станков поглядывали на царя, который стоял посреди мастерской и смотрел по сторонам. В башенной, действительно, было на что посмотреть. Она могла удивить не только профана, но и знающего человека: очень высокая, просторная, с огромными полусобранными корабельными башнями, с двухъярусной системой кранов, ходивших друг над другом. Через стеклянный потолок светило солнце, тени от бегущих кранов пробегали по стенам и по полу,

создавая у свежего человека впечатление движущегося потолка. С площадок башен тянулись дула четырнадцатидюймовых орудий. Орудия были не в полном числе, по одному на башне для примерки, но могли дать представление, как будет выглядеть вся башня с полным числом орудий, двигающихся вверх и в стороны, повинуясь пальцу на кнопке.

Начальник артиллерийского отдела инженер Липницкий ждал царских вопросов. Но царь торопился уйти. Он смотрел по сторонам столько минут, сколько требовало приличие, и двинулся дальше.

Предстояла заключительная часть визита в мастерскую: разговор с каким-либо стариком и награждение его часами.

— Кто у вас самый старый рабочий?

Ему был представлен слесарь Петр Андреевич Шерстнев. Его наметили заранее. Он не внушал опасений: имел русское лицо, был богомолом, представителем мастерской в церковном совете.

— Ну, как, старик, живешь? — спросил царь. — Как работаешь?

Шерстнев, старый солдат, стоял перед царем, выпятив грудь и глядя ему в глаза.

— Ваше императорское величество, — сказал он торжественно. — Все дорого. Ни к чему приступу нет. Дерут с нас за все, ваше императорское величество...

— Что делать, старик, — сказал царь ласково. — Сейчас война. Все терпим. Терпи и ты. Сколько тебе лет?

— Шестьдесят два.

— Дети есть?

Шерстнев перечислил детей. У него их было несколько, в том числе последний — сынишка трех лет.

— Трех лет? — Царь удивился столь позднему рождению ребенка, игриво прищурился: — Ого, вот ты какой!

— Так точно, ваше императорское величество. Уж я такой.

Царь сказал несколько слов одному из генералов и двинулся дальше. Генерал протянул Шерстневу золотые часы.

— Это тебе, старик, на дороговизну.

Царя повели расписываться в книге почетных посетителей. Шерстнев еще стоял с часами в руках, как уже кто-то из начальства подошел к нему с упреком.

— Разве можно так с царем говорить: дорого, дерут с тебя... Кто с тебя дерет?

Шерстнев сказал, оправдываясь:

— Он меня спросил, я ему ответил по правде...

После турбинной мастерской на верфи, где встреча вышла такой же тихой, как и в башенной, царя снова повезли в центр завода, в прессовую, в кузницу, в котельную. Это были те самые страшноватые мастерские, которые он видел снаружи при первом проезде. Здесь были огни, лязг, копоть, теснота. Толпа стесняла проходы. Царь шел усталый и обескураженный, силясь проявлять интерес к машинам, к людям, но задавая вопросы, не слушал ответов и двигался дальше.

Приветственные крики сопровождали его шествие, но они шли откуда-то сзади, из толпы конвойцев и охраны, ходившей за царем по пятам. Несколько сотен человек из царской охраны и свиты орали слабее, чем взвод солдат.

В некоторых мастерских рабочие откликались на эти крики, но в одном месте к слову «ура» довольно ясно примешивалось слово «дурак». В другом — рядом с настоящим «ура» слышалось ура пародийное, с козьими нотами. Попадались люди, которые никогда не видели портрета Николая и отказывались признавать в нем царя. Парень, пристально смотревший на него, вдруг шепнул соседу с деревенской простотой:

— Что ты врешь! Разве это царь? Вот дак царь!..

У лафето-снарядной над толпой глядевших на царя вдруг поднялся один и закричал: «Долой самодержавие!». Его сразу же стащили оказавшиеся поблизости агенты дворцовой охраны. Стало тихо.

Царь опешил, снова подергал ус, но двинулся дальше.

По дороге на мартен, когда царь проходил мимо тигельной, откуда-то выскочил человек и лег поперек мостков, как в деревнях во время крестного хода ложатся под икону. Человек был рослый — в тигельной все были рослые — и распластавшись, занял много места. В руке у него была бумага — прошение к царю. Царь перешагнул через него, как через лужу. Было похоже, что такие вещи случались с ним не впервые.

Для царя держали наготове печь № 6 в сорок тонн. Начальник цеха Крегер с утра отдал распоряжение:

— Печку держать на кипу́ все время, пока на заводе будет царь.

Плавка была бы давно готова, но как только проба получалась мягкая, подкидывали на лопате пудов десять свежего чугуна. Сталь, которая кипела в печи, шла на пушки.

Царю подали стекло. Он взглянул в окно печи. Быстро

отвернулся и отдал стекло. Крегер повел его вниз смотреть выпуск плавки.

Для царя отлили болванку на шестьдесят пудов, восьмигранную. Изложницу взяли большую — для пушки крупного калибра. Заранее знали, что сталь передержана и представляет собой заведомый брак, и болванку тотчас же после отъезда царя свезли в лом. Там она пролежала лет десять, продолжая называться царской болванкой. В свое время очередь дошла и до нее, и она пошла в переплав.

ЛЕТО 1915 ГОДА

Фронт требовал новых пушек, снарядов, шрапнелей. Не в седьмом часу вечера, а в одиннадцатом, даже в двенадцатом возвращались домой путиловские рабочие. Не двадцать шесть «нормальных» десятичасовых дней в месяц, а тридцать пять, сорок стояло в их расчетных книжках. Сверхурочные теперь были обязательными. В первые месяцы войны директор отменил рождество богородицы, покров, казанскую божью матерь и другие неважные праздники. После приезда царя стали работать ежедневно, не разбирая, черное или красное число стоит в календаре. На того, кто пытался отказаться от работы сверхурочно и в праздники, начальство смотрело подозрительно.

За четырнадцать часов администрация стремилась выжать из рабочего как можно больше. Мастера стояли над душой, понукая рабочих, и заходили даже в женские уборные выгонять тех, кто, по их мнению, находился там слишком долго. В пушечной работали в три смены по восемь часов, но и здесь было нелегко, не легче, чем всюду. Никаких перерывов не полагалось, рабочий простаивал на ногах от гудка до гудка. Неограждепные станки, поставленные вплотную один за другим, в любую минуту грозили захватить и искалечить. В проходах копошились чернорабочие, перетаскивавшие тяжести вручную. Десятки этих широких спин и крепких рук мог бы заменить еще один подъемный кран. Но спины и руки были дешевле, и копошащиеся люди еще больше увеличивали тесноту.

Напряженная, изнурительная работа с утра до вечера ослабляла организм рабочего. По сравнению с 1914 годом заболевания среди путиловцев поднялись в полтора раза. Согласно отчету путиловской больничной кассы за 1915 год, на заводе из каждой сотни рабочих болело, в среднем, за год девяносто семь человек. По отдельным мастерским про-

цент болеющих был очень высок. В шинопрокатной с ее вечными сквозняками он составлял 138,7; на тяжелых котельных работах — 154,7; в строительном цеху, где работали на открытом воздухе — 132,8; в лафето-штамповочной — 135,7. Это означало, что каждый рабочий в течение первых двух лет войны болел 2—3 раза.

Бешеная гонка, теснота, безалаберность — катастрофически увеличили число увечий. 505 увечий на 1000 человек — такова была общая картина по заводу в 1915 году против 211 в 1914 году. Больше всего увечий было на верфи, в кузнице и шрапнельной. Не на много отставали и другие мастерские.

Мест в больнице уже нехватало. По закону полагалась одна койка на 100 рабочих, в путиловской больнице одна койка приходилась на 182 человека. Больные часами просиживали в темном и тесном помещении приемного покоя, где дежурный врач пропускал за день 80—90 больных, уделяя каждому три-четыре минуты. Смертность в Нарвском районе была вдвое выше, чем в благоустроенных Литейном и Адмиралтейском районах.

Больше всего умирало от туберкулеза и других легочных болезней — более половины всех смертных случаев. Чахотка — результат отвратительных жилищных условий и антисанитарного состояния мастерских — была профессиональной болезнью путиловцев. Потрясающе велика была смертность в семьях путиловских рабочих, особенно среди детей.

В 1915 году случаев детской смертности (детей до 10 лет) было зарегистрировано в путиловской больничной кассе 1234. «Более половины случаев падает на детей до года, что указывает на крайне высокую смертность грудных детей, вследствие плохих условий жизни, плохого ухода и питания. Уже в утробе матери много малюток погибает, появляясь на свет в виде мертворожденных (9 проц. случ. смертн.). Много их рождается слабыми и погибает в первые два месяца жизни (9,3 проц.)». [1]

С каждым днем положение рабочих ухудшалось.

Война затягивалась. Попрежнему отмечали модельщики на карте белыми флажками расположение русских войск, а черными — австро-германских. Белые флажки торчали когда-то в Галиции и Восточной Пруссии; теперь там остались

[1] Отчет больничной кассы Путиловского завода за 1915 г. Материалы Ленинградского института истории ВКП(б), Фонд Кировского завода.

только дырки от булавок. Русская армия спешно откатывалась с Карпат в глубь России, очищая Польшу и Прибалтику.

По поводу войны возникали резкие споры. В пушечной постоянным противником большевика Романова был слесарь-лекальщик Яковлев, человек средних лет, с пышными рыжими усами, солидный, разговорчивый, похожий скорее на техника, чем на рабочего. Он соглашался с тем, что царские генералы и чиновники бездарны, невежественны и нечисты на руку, возмущался хищениями, но вывод делал такой:

— Все это — дела внутренние, семейные. Не время сейчас перед лицом врага заниматься ими. Там на фронте люди умирают без снарядов...

Он осуждал волнения, которые начались среди чернорабочих из-за низкой оплаты, ругался с токарем Дмитрием Романовым за то, что тот поддерживал эти волнения. Яковлев считал всякие забастовки в настоящий момент вредными.

Яковлев, в прошлом ликвидатор, был меньшевиком-оборонцем, имел в пушечной некоторое влияние. Он принадлежал к той незначительной группе пушечников — высококвалифицированных рабочих, которым администрация платила большие деньги, стараясь удержать их на заводе. Военные заказы давали им возможность получать особенно высокие заработки и занимать привилегированное положение. На деревенских они смотрели свысока, зато дружили и роднились с мастерами. Они были за войну. Но подавляющее большинство кадровых путиловских рабочих с каждым днем все больше и больше проявляло недовольство войной.

6 мая 1915 года инженер Моргенштерн ударил по лицу разметчика Харитонова, осмелившегося возразить инженеру. Взволнованные, возмущенные пушечники побросали работу. Собрались у разметочной плиты. Один за другим останавливались станки. Пушечная забастовала. В контору начальника мастерской пришла делегация. Стуча костлявым кулаком по столу, токарь Дмитрий Романов требовал удаления инженера, человеческого обращения с рабочими, улучшения условий труда.

Большевик Дмитрий Романов пользовался среди рабочих пушечной мастерской славой человека справедливого и отзывчивого, но слишком горячего. Редко его видели спокойным.

Смелый, требовательный тон, взятый им сейчас при разговоре с начальником, был новым и неожиданным. Рабочие, забастовавшие впервые за время войны, ждали, что будет? Начальник мастерской Б. П. Федоров, бывший кадет, испугался волнений и не давал определенного ответа. Высшая администрация завода тоже почувствовала, что дело зашло слишком далеко. Хотя директор уволил пострадавшего разметчика Харитонова, но инженер-держиморда был уволен тоже.

Стачка в пушечной ускорила назревавшее в цехах брожение. В мае уже слышались громкие разговоры о том, что пора требовать прибавки, требовать отмены воскресных и сверхурочных работ. Поговаривали о забастовках. Разговоры переходили на общую почву, касались положения в стране и продовольственных трудностей в столице.

У дверей лавок и магазинов появились первые очереди. Сперва за маслом, мясом, сахаром — этих продуктов нехватало, их доставляли с перебоями. Цены повышались каждую неделю. Домовладельцы, воспользовавшись наплывом новых рабочих, увеличивали плату за углы и койки. Жить стало труднее.

Брожение в мастерских показало, что почва для открытого выступления на заводе подготовлена. Районный комитет большевиков решил устроить в середине мая общезаводский митинг. В день митинга человек десять большевиков разных мастерских кончили работу раньше гудка. Когда толпа шедших со смены поровнялась с прокатной мастерской, они стали поперек дороги и, размахивая руками, наперебой закричали:

— Стой! Остановись!

Люди остановились, не понимая, в чем дело. На груду прокатных листов вскочил человек. Воротник его замасленной куртки был поднят, лицо измазано, как у кочегара. Это был электрик Иван Егоров. Он крикнул напряженно и резко:

— Товарищи! Грабительская, братоубийственная война затягивается... Ей не видно конца...

Часть рабочих, не дослушав, двинулась дальше. Но толпа вокруг оратора возрастала с каждой минутой. В руке Егоров держал небольшой листок бумаги — тезисы о войне, отпечатанные на гектографе.

Егоров был воспитанником Шкапина, который учил выступать всегда конкретно, поднимая каждый мелкий факт до общих принципиальных вопросов. Он говорил поспешно, сбивчиво, торопясь сказать как можно больше, и увлекаясь,

заражал слушателей своим волнением. Конец речи являлся выводом из всего сказанного.

— Война, — говорил Егоров, — за короткое время обогатившая капиталистов, принесла рабочим еще больший гнет, нужду, истощение. Последние завоевания отобраны. Только революция освободит рабочий класс от вечной эксплоатации и кровавого кошмара войны.

Егоров говорил минут пятнадцать. Затем скрылся за грудами ржавого железа и быстро пробрался к себе в мастерскую. Скинул куртку, умылся и, как ни в чем не бывало, продолжал работу. Чтобы отвести подозрения, он остался на сверхурочные.

На другой день о митинге толковали повсюду. Большевики оказались правы, предполагая, что митинг не пройдет незамеченным. В мастерских рабочие от разговоров переходили к действиям. Повсюду начальникам подавали требования об увеличении заработка. Роптали ремонтные слесаря и водопроводчики, чернорабочие и литейщики, рессорщики и кузнецы.

26 июня 1915 года девяносто каменщиков строительного цеха бросили работу. Прибежавшему начальнику предъявили требование об увеличении заработной платы на тридцать копеек в день. Начальник отказал в прибавке, но обещал посоветоваться еще с директором. Каменщики ушли, не дождавшись директорского ответа. Список забастовщиков немедленно оказался в охранке, которая усердно занялась выявлением «подстрекателей».

Не прошло и двух недель, как заволновались на другом конце завода — на верфи. 8 июля забастовали ученики-клепальщики судостроительной мастерской.

Работа ученика-клепальщика проста: нагреть на горне заклепку, подать ее подручному. Но гнали так, что к концу работы деревенели руки, и ученики едва не валились от усталости. Иногда не выходили с верфи по двое, по трое суток, ночуя тут же в трюмах недостроенных кораблей. В судостроительной мастерской был наибольший процент увечности по заводу. Почти половина всех рабочих — 443 на каждую тысячу — были жертвами несчастных случаев.

Ученики работали партиями, каждая партия на один номер. Рассчитывал старшой, и он был в партии полным хозяином. Заработок ученика-клепальщика относился к заработку старшого, как один к десяти. Дневной заработок ученика равнялся приблизительно шестидесяти копейкам в день.

Чтобы заработать больше, ученики работали по две, по три смены. Это называлось «сдельной» работой.

Война, бросившая в окопы отцов, загнала детей в душные, пыльные мастерские. У токарных и сверловочных станков, у огнедышащих горнов, у высоких паровых молотов появились подростки.

«При нынешних исключительных обстоятельствах... уместно допустить и несколько менее бережное отношение к участвующим во всенародном труде женщинам, подросткам и малолетним, если это нужно для обеспечения возможности изготовления в достаточном количестве предметов боевого снаряжения для наших армии и флота».

Так с неприкрытым цинизмом писал в 1915 году министр торговли и промышленности в своей записке совету министров, подготовляя законопроект об отмене всех ограничений эксплоатации, которых добились рабочие упорной долголетней борьбой. Царь Николай II утвердил этот законопроект. Теперь заводчики и фабриканты заставляли детей работать по шестнадцать часов в сутки «на законном основании».

Забастовка учеников-клепальщиков произошла внезапно. Около одиннадцати часов утра группа учеников, собравшись во дворе верфи, двинулась в контору судостроительной мастерской требовать увеличения заработка, лучшего обращения, сокращения сверхурочных. По дороге снимали с работы других ребят. К конторе подошло уже человек пятьдесят.

Мастер Боровик отмахнулся от них, направив к помощнику начальника мастерской. Тот страдал глухотой, особенно при разговорах с рабочими. Поэтому бесплодно прокричав ему на ухо о прибавке и выругав его, ученики осадили здание главной конторы верфи.

— Дайте нам директора! — кричали они.

Директор верфи полковник Кутейников вышел на крыльцо. Прищуренными глазами оглядел собравшихся, пренебрежительно усмехнулся, издевательски вежливо спросил, в чем дело. Все разом закричали, зашумели. Он пожал плечами:
— Я не могу разговаривать со всеми одновременно. Выберите-ка по одному от десятка и пришлите ко мне.

Повернулся и ушел. Вслед ему понеслись свистки, мяуканье, крики. Однако делегатов выбрали. Десять подростков, не смущаясь, вошли в директорский кабинет. К товарищам они вернулись только через двадцать один день из охранного отделения. Там с ними поступили, как с заправ-

скими политическими преступниками, — снимали оттиски пальцев, а чтобы арестованные не ели зря хлеба, заставляли их набивать папиросы.

Не дождавшись возвращения делегатов, семьдесят два ученика в третьем часу ушли с работы. За ними последовали подручные и клепальщики, которым нечего было делать.

На следующий день на воротах висел приказ Кутейникова, грозивший забастовщикам увольнением. Прочитав его, ученики гурьбой побежали на взморье купаться. Не успели они скрыться за углом, как к воротам лихо подъехали конные жандармы и, спешившись, притаились у забора.

— Улетели птички. Зря ждете, — смеялись над ними рабочие.

На третий день жандармы все-таки подкараулили и избили юных забастовщиков. На четвертый день пришлось приступить к работе.

Стачка учеников кончилась неудачно, но их выступление подбодрило мололетних рабочих всего завода. Разговоры о забастовке происходили еще спустя долгое время.

В июле не было уже мастерской, где бы работали спокойно. Турбинщики и электрики верфи предъявили требование об увеличении расценок. В башенной мастерской — на галерке и внизу — происходили целые сборища. Два дня не работала пулелитная. 20 июля бросили работать кузнецы. Забастовала шинопрокатная. Ремонтные слесаря, водопроводчики, катали, чернорабочие, медники — всё резче и решительней разговаривали с администрацией. Даже служащие были недовольны и готовили петицию на имя директора.

Повсюду происходило то же, что и на Путиловском. Рабочие Лесснера, Дюфлона, Эриксона, Сампсоньевской мануфактуры бастовали; на других заводах собирались бастовать. Члены Общества заводчиков и фабрикантов приходили на свои собрания обеспокоенными. Вести, приносимые ими, становились с каждым днем все тревожнее.

БОЛЬШЕВИКИ ПОДНИМАЮТ ЗАВОД

Лето 1915 года было переломным. Временное затишье первых месяцев войны — результат военных законов, изменившегося состава рабочих, разгрома большевистских организаций — сменилось подъемом. Петербургская общегородская конференция большевиков, собравшаяся в Ораниен-

бауме 19 июля 1915 года, в годовщину объявления войны, отметила это и постановила еще шире развертывать движение протеста против империалистической войны.

Путиловская большевистская организация к этому времени значительно окрепла. Четырнадцать групп в мастерских объединяли до восьмидесяти большевиков. В каждой группе был организатор, казначей, распространитель литературы. Регулярно собирались членские взносы. Казначей группы выписывал на отдельной бумажке взносы всех членов кружка, не указывая фамилий, и сдавал деньги казначею района. Тот ставил на бумажку печать. Бумажку показывали членам группы и уничтожали. У районного комитета был свой гектограф, и листовки все чаще появлялись в цехах. Перед 1 мая за заставу привезли готовый типографский набор прокламации Петербургского комитета. Этот набор, крепко свинченный рамкой и укрепленный на массивной тяжелой доске, путешествовал по всем районам города.

Организаторы групп составляли районный комитет. В исполнительную комиссию его входили: Иван Егоров, Дмитрий Романов, Тимофей Барановский, поддерживавший связь с Петербургским комитетом. Охранка время от времени изымала наиболее активных членов путиловской большевистской организации. Еще в марте был арестован Павел Богданов. Позже взяли несколько молодых активных большевиков. Шпики начали увиваться вокруг прежней конспиративной квартиры на Ушаковской. Дмитрий Романов предложил собираться у него и нарочно переехал в другое, более спокойное место.

Большевики провели на заводе летом 1915 года еще несколько митингов. Иногда их разгоняла полиция, а однажды представитель Петербургского комитета чуть не был задержан у ворот. На следующем митинге оратор говорил не с возвышения, а стоя в толпе. Его плотно окружали товарищи, он был невидим — только голос звучал, как из-под земли.

По всей стране рабочий класс, изнуренный возраставшими с каждым днем тяготами военного времени, все решительнее поднимал голос протеста и возмущения. Правительство свирепо расправлялось с рабочими, осмелившимися громко заявить о своих нуждах. 5 июня полиция и войска в Костроме стреляли по забастовавшим текстильщикам, убив двенадцать человек и ранив сорок пять. 10 августа расстрел повторился в Иваново-Вознесенске. Здесь бастовали двадцать пять тысяч рабочих, требуя человеческих условий труда,

политических прав, прекращения войны. Как десять лет тому назад, в год первой русской революции, все рабочее население «русского Манчестера» вышло на улицу. Раздались залпы. Сто человек упали замертво, сорок было ранено.

В ответ по всей стране прокатились забастовки протеста. Весть о расстрелах распространялась медленно: официальная печать замалчивала кровавые события в Иванове. Путиловцы узнали о расстреле только на пятый день. Летучее заседание районного комитета, собравшееся в больничной кассе, решило: завтра же устроить митинги протеста и постараться поднять завод на забастовку.

На другой день Иван Егоров говорил собравшимся у часовни рабочим:

— Самодержавие повторяет 9 января и Лену... Пусть же и рабочий класс повторит боевые дни пятого года и недавний четырнадцатый год... Да здравствует подготовка ко второй российской революции!

По всем мастерским большевики разъясняли рабочим, что настало время переходить от частичных столкновений на экономической почве к мощной политической борьбе. То там, то здесь рабочие под влиянием этой агитации начинали бросать работу. На верфи рабочие, выйдя 19 августа на работу, не пошли в мастерские, а собрались во дворе. Рабочие верфи тут же приступили к составлению требований.

Первым требованием было освободить пять думских депутатов-большевиков, брошенных правительством в Туруханскую ссылку. Рабочий класс России на всех митингах вспоминал, прежде всего, о тех, кто в первые же дни смело и громко поднял свой голос против войны, кто сразу же начал организовывать массы для продолжения революционной борьбы. И сейчас это требование рабочих единодушно было выдвинуто прежде других.

Кроме освобождения депутатов, тут же на митинге выдвинули требования: свобода печати, всеобщее избирательное право с восемнадцати лет, удаление с завода казаков. Было внесено еще предложение — требовать замены полицейских инвалидами, с тем чтобы самих полицейских послать на фронт.

Прибежал директор верфи Кутейников. Листок пошел по рукам, дошел до директора. Он прочел политические требования, развел руками:

— Это не в моей власти.

— Все равно, не будем работать, пока не выполните требований! — пригрозил чей-то голос.

Рабочие направились к воротам. Некоторые ушли домой. Из трех с половиной тысяч рабочих верфи бастовало около двух тысяч человек.

Районный комитет не дал никаких сроков окончания стачки: после разрозненных «итальянок» в остальных цехах она вышла несколько неожиданной. Поэтому рабочие, прочитав приказ директора верфи, грозящий расправой по законам военного времени, с обеда снова приступили к работам.

Но настроение было задорное, боевое. — Рабочие говорили:

— Нагнали страху. Теперь будут помнить.

Это была первая за годы войны политическая стачка, показавшая, что в среде путиловцев уже накопились силы для нового натиска. Районный комитет большевиков решил использовать опыт этой стачки.

Весь август на заводе проходили «итальянские» забастовки. Наряду с экономическими требованиями предъявили политические. Предполагалось в скором времени провести дружную политическую стачку всего завода. Для этого нужно было еще сильнее сплотить организацию, расширить влияние большевиков среди рабочих.

Хотя районный комитет и назывался районным, связь его с другими заводами Нарвской заставы была слаба и случайна. В августе районный комитет решил организовать группу на заводе Тильманса. Один из молодых большевиков добился у мастера отпуска, будто бы для поездки в деревню, а сам поступил к Тильмансу. Он сумел быстро сплотить вокруг себя нескольких передовых рабочих завода. Четырех самых активных он вовлек в партию. Собирал их, с увлечением разъяснял им большевистские лозунги, предложил готовиться к стачке.

Группа на заводе Тильманса начала работать.

Петербургский комитет укреплял район своими работниками. Он присылал их в больничную кассу Путиловского завода: одних для работы в самой кассе, других — исключительно для подпольной деятельности.

В течение весны и лета 1915 года в кассу пришли: рабочий артиллерийских складов, юноша двадцати лет, Андрей Андреевич Андреев,[1] работник Петербургского комитета Семен Рошаль, страховой работник Войтик и другие. Все они долго не задерживались — не более двух-трех месяцев.

[1] А. А. Андреев ныне секретарь ЦК ВКП(б).

За один год в тюрьму ушло тринадцать секретарей больничной кассы.

Агитируя среди рабочих, большевики служащие кассы использовали материал, получаемый в их непосредственной работе. Петербургский комитет дал им задание: составить статистический отчет кассы за 1915 год. Рассказать сухим языком цифр о том, куда толкает империалистическая война рабочий класс, превратить сведения о текучести, увечьях, заболеваемости в потрясающий человеческий документ — такова была задача, поставленная перед ними партией. Работники кассы собирали и обрабатывали сведения для отчета, кропотливо проверяли каждую цифру, тщательно просматривали акты об увечьях и больничные сводки.

Потрясающая картина эксплоатации вставала из цифр. Это был лучший материал для агитации, обвинительный акт алчности капиталистов.

Руководители Петербургского комитета и журнала «Вопросы страхования» придавали огромное значение отчету путиловской больничной кассы. Организатором и руководителем работы по составлению отчета был видный работник страхового дела Н. И. Подвойский.

А. Андреев, член Петербургского комитета, как и остальные большевики, работал в кассе недолго. Он быстро проявил себя как хороший организатор и агитатор, участвовал во всех заседаниях районного комитета, давал руководящие указания. Выступать ему приходилось не только на Путиловском заводе, куда он проникал по чужому номеру, но и на соседних фабриках и заводах, — районный комитет с каждой неделей расширял свое влияние.

Другой работник кассы Семен Рошаль, принятый конторщиком для выписки личных книжек рабочим, занимался налаживанием пропагандистской работы. Из большевиков служащих кассы он организовал группу. Два-три раза в неделю, под видом сверхурочных, собирались они в кассу не к десяти часам утра, а к восьми. Андреев и Рошаль проводили с ними занятия.

Вскоре был организован еще один кружок — для членов районного комитета, затем несколько кружков в цехах. Руководили ими служащие больничной кассы и наиболее активные большевики завода. Один из кружков вел Андреев.

На кружке, которым руководил Рошаль, разбирали статьи «Социал-демократа», подробно обсуждали тактику партии во время войны. Одно занятие было посвящено колониальному и национальному вопросам.

Рошаль разъяснял мысли, почерпнутые из сталинской статьи «Национальный вопрос и социал-демократия». Статья была напечатана в журнале «Просвещение» за 1913 год, в №№ 3—5. Эти номера Рошаль горячо рекомендовал слушателям. В работе Сталина излагалась программа марксизма по национальному вопросу — одному из важнейших вопросов революции, интерес к которому особенно усилился в годы войны.

Эта работа Сталина была острым оружием большевиков в их борьбе с социал-шовинистами всех мастей.

— Помните, лозунг права наций на самоопределение, провозглашенный нашей программой, особенно важен сейчас, когда под видом национальной войны ведется война захватническая, грабительская, несущая народам еще более сильный гнет, — говорил Рошаль на занятиях кружка.

Попрежнему в больничной кассе происходили явки, встречи, собрания. Партийные документы хранили в папках об увечных делах. Прокламации Петербургского комитета вкладывали в номера «Вопросов страхования» и распространяли среди рабочих.

Правление кассы нарочно подобрало сторожа-большевика. Молодой воронежский крестьянин Фаддей Филиппов, по прозвищу «Хвакт» (букву «ф» он произносил как «хв»), добросовестно выполнял свои обязанности: пускал ночевать нелегальных, охранял заседания районного комитета, прятал прокламации. С его помощью большевики перетаскивали пишущую машинку на чердак, в маленькую комнатку с окном во двор, где помещался архив.

Кто-нибудь из служащих кассы принимался печатать прокламации, нередко проводя за машинкой весь воскресный день. Печатали обычно одним пальцем, тратя на переписку страницы полчаса, но уходили удовлетворенными. Так был отпечатан манифест международной социалистической конференции в Циммервальде.

В первое время машинка больничной кассы заменяла типографию.

В ночь с 29 на 30 августа 1915 года на квартиры многих сотрудников кассы и рабочих Путиловского завода нагрянула полиция с повальными обысками. Тридцать человек отправили под конвоем в полицейские участки, оттуда в охранку. На следующий день товарищ министра внутренних дел уже читал донесение департамента полиции о разраставшемся движении рабочих на Путиловском заводе. Департамент делал вывод: «Означенное движение, по ука-

ванию агентуры, явилось результатом агитационной деятельности партийных работников и вольнонаемных служащих больничной кассы Путиловского завода».[1]

31 августа в четыре часа дня по призыву районного комитета большевиков прекратили работу двести пятьдесят рабочих лафетосборочной мастерской. 1 сентября неспокойно было с самого утра. Лафето-снарядная «итальянила», требуя попутно увеличения расценок. В новоснарядной, где «итальянка» продолжалась уже два дня, брожение среди рабочих вылилось в митинг. Обсуждали экономические требования и приняли резолюцию протеста по поводу арестов, призывающую к борьбе с царизмом. После работы у часовни собралась двухтысячная толпа. Говорил Барановский, за ним еще два большевика. Они призывали к немедленной забастовке. Митинг решил — забастовать.

Вечером Барановский, вместе с представителем Петербургского комитета, составлял резолюцию назначенного на завтра митинга. Утром 2 сентября, около восьми часов, он пошел на завод. Все мастерские работали, и только в новоснарядной и старошрапнельной рабочие сидели около станков и ждали, что будет.

В новошрапнельной происходили жаркие споры. Настроение было возбужденное. Сверху, со второго этажа, смотрели слесаря-лекальщики, ожидая сигнала. Медлить было нечего.

— Останавливай станки! — крикнул Барановский.

Моторы выключили. Мастерская замерла. Две тысячи рабочих направились к выходу.

В пушечной меньшевик Яковлев с другими оборонцами решительно воспротивился забастовке. Яковлев действовал заодно с учетчиками — так называли людей, устроившихся на завод ради отсрочки по мобилизации, — которые возражали против всякого выступления («еще завод из-за них закроют, на фронт попадешь!»). Чего не было никогда до войны — в пушечной оказалось много штрейкбрехеров. Они продолжали работать, не обращая внимания на крики подростков и уговоры взрослых рабочих. Произошло несколько столкновений; штрейкбрехеров оттаскивали от станков силой.

В течение часа удалось снять весь завод. Рабочие всех мастерских, кроме башенщиков, которых не пустили в морские ворота, снова собрались на митинг у часовни. Девятнадцать тысяч человек бросили работать по призыву боль-

[1] ЦАР, Фонд департамента полиции, Доклад министру внутренних дел, 1915.

шевиков. Путиловский завод бастовал, как в старые боевые дни.

Речи были кратки. Большевики предлагали немедленно выступить, призвав к стачке весь пролетариат Петрограда. Резолюция, предложенная Барановским, требовала возвратить из ссылки пять большевистских депутатов думы и выражала протест против арестов большевиков завода и больничной кассы.

Тотчас же после митинга несколько большевиков поехало на Выборгскую сторону. На заводе Лесснера они вызвали в проходную знакомого большевика и объяснили ему, в чем дело. Тот обещал немедленно сообщить товарищам. На Металлическом заводе удалось пробраться во двор. Тут же был устроен митинг. После выступления путиловцев и местных рабочих решили объявить трехдневную забастовку. Вечером путиловцы созвали совещание представителей крупных заводов — знакомых по работе в больничных кассах и других легальных организациях. Поставили вопрос об общегородской забастовке.

Еще один день путиловские большевики разъезжали по заводам, агитируя за забастовку. Тридцать четыре предприятия с тридцатью шестью тысячами рабочих присоединились к путиловцам. Путиловское правление 3 сентября объявило локаут. Газеты молчали о происходящих стачках.

4 сентября вечером в лесу возле Политехнического института снова собрались представители от заводов и больничных касс. Нарвский районный комитет присутствовал целиком. Собрание было многолюдное и бурное. Шли споры о том, продолжать стачку дальше или нет. Меньшевики-интернационалисты считали, что стачку продолжать можно, но главной осью ее надо сделать протест по поводу роспуска правительством Государственной думы. Оборонцы — Гвоздев с Эриксона, Бройде с Лесснера, путиловец Яковлев — с пеною у рта требовали немедленного прекращения забастовки. Большевики заявляли, что стачечную волну необходимо поднять еще выше, усилить борьбу с царизмом, чтобы в конце концов войну империалистическую превратить в войну гражданскую.

«Межрайонцы», беспринципно пытавшиеся примирить враждующие стороны, под конец согласились с оборонцами, что стачку надо прекратить. Случайный состав собрания привел к тому, что при голосовании два-три голоса «межрайонцев» решили вопрос. Большевики оказались в меньшинстве.

В этот день бастовало семьдесят тысяч человек. Стачка продолжалась еще три дня.

7 сентября на Путиловском заводе начались работы. Многие рабочие остались за бортом завода. На одной только верфи не приняли свыше полутораста человек. Сто сорок рабочих уехали в Москву, завербованные мастером Воробьевым на завод Михельсона, куда он перешел работать. В их числе было шесть большевиков: Иван Козлов, Анисим Костюков и другие. Был активный меньшевик Германович, были эсеры, был один анархист, был и Родион Золотцев — провокатор.

Первая общезаводская политическая стачка показала, что большевики при правильной, умелой работе могут поднять завод. На Путиловском и на многих других заводах и фабриках Петрограда назревали крупные стачки. Перед партией большевиков встала задача — еще шире развернуть разраставшееся движение и сделать лозунг превращения войны империалистической в войну гражданскую знаменем борьбы миллионов.

«ВОЕННО-ПРОМЫШЛЕННЫЕ СОЦИАЛИСТЫ»

Громадная волна забастовок, прокатившаяся летом 1915 года по всей России, заставила наиболее дальновидных представителей буржуазии крепко призадуматься. Они поняли, что ни разгромом рабочих организаций, ни отправкой военнообязанных на фронт, ни милитаризацией заводов, ни другими военно-полицейскими мерами не удержать роста революционного движения. Для достижения все той же цели — дезорганизации рядов пролетариата буржуазия придумала привлечь рабочих к участию в военно-промышленных комитетах.

Еще в начале августа 1915 года рабочие — члены правления путиловской больничной кассы получили приглашение явиться на предварительное совещание о выборах в «рабочую группу» военно-промышленных комитетов. Но автомобиль, присланный за ними Коноваловым, вернулся пустой: большевики заявили, что на совещание с капиталистами они не поедут.

Петроградские меньшевики, как и следовало ожидать, подхватили предложение Гучкова. В августе стала выходить новая меньшевистская легальная газета «Утро». Высказывания об участии рабочих в военно-промышленных комитетах оборонческого «Утра» и полукадетского «Дня» были одина-

ковы. Газета «Утро» выражала взгляды группы петроградских меньшевиков-оборонцев во главе с Кузьмой Гвоздевым, рабочим завода «Эриксон». Гвоздев был частым посетителем гучковского кабинета, его хорошо знали и в кругах кадетов: он был одним из самых ярых проповедников защиты буржуазного «отечества» и ревностно помогал буржуазии обманывать народ, скрывать империалистический характер войны.

Путиловские большевики обсудили вопрос о выборах в «рабочие группы». Докладчик из Петербургского комитета большевиков говорил, что усесться в мягких креслах рядом с Гучковым и Коноваловым значит отказаться от лозунга поражения, отказаться от революции, предать интересы пролетариата. Но выборную кампанию стоит использовать в агитационных целях, разоблачая на всех собраниях буржуазно-меньшевистскую затею. Мало того, нужно участвовать в первой стадии выборов, добиться избрания в выборщики большевиков или близких к ним людей. На общегородском собрании они откажутся от выборов «рабочей группы» и огласят большевистскую декларацию о бойкоте военно-промышленных комитетов, используя тем самым легальную трибуну для революционной агитации.

В середине сентября директор завода объявил, что рабочим разрешено устройство собраний по мастерским для избрания выборщиков в военно-промышленный комитет. Районный комитет большевиков распределил своих членов по мастерским для участия в собраниях.

Против большевиков в пушечной выступил меньшевик. Он говорил, что участвовать нужно не только в выборах, но и в комитетах, так как в обороне отечества заинтересованы все классы общества. Рабочий класс к тому же получит возможность организоваться для выражения своих нужд. Но сочувствие собрания было всецело на стороне большевиков, категорически отвергавших участие рабочих в какой-либо поддержке войны. Избранным уполномоченным они предлагали демонстративно заявить об этом на общегородском собрании выборщиков.

В пушечную на собрание второй смены приехал заранее уверенный в успехе Кузьма Гвоздев. Пропуск для него был уже готов, и представители администрации любезно провели его в мастерскую. Как только Гвоздев начал нападать на большевиков, со всех сторон раздались пронзительные свистки. Гвоздев махнул рукой и с оскорбленным видом

сошел со стула, который служил ему трибуной. Вторая смена пушечной тоже приняла большевистскую резолюцию.

В шрапнельной, кроме вопроса о выборах в военно-промышленные комитеты, обсуждали и свои дела: низкие расценки, дороговизну, произвол мастеров. В сталепрокатной около мелкосортного стана сгрудились черные, хмурые вальцовщики, нагревальщики, чернорабочие. Они недоверчиво шли на собрание, на которое приглашало само начальство. Иван Егоров в прокатке, Барановский в шрапнельной давали большевистскую оценку войне и военно-промышленным комитетам. В башенной рабочие заявили:

— Входить в военно-промышленные комитеты не собираемся.

Среди двадцати выборщиков Путиловского завода оказалось около половины большевиков: Тимофей Барановский, Иван Егоров, Дмитрий Романов, Константин Николаев из башенной и другие. Большинство рабочих завода разделяло большевистскую точку зрения на военно-промышленные комитеты. Но в пушечной выбрали меньшевика, в башенной — эсера, обязав их следовать большевистской резолюции, принятой собранием.

В строительном цеху завода выборы прошли незаметно. На собрание из двух тысяч явилось всего около ста человек. Привыкшие чтить старших, вчерашние крестьяне решили послать в выборщики старика Кудряшова. Кудряшов политикой не интересовался, жил тихо и скромно, верой и правдой служил обществу Путиловских заводов много лет. Он упорно отказывался итти делегатом, боясь впутаться в какую-нибудь историю. Но седая борода сделала свое дело. Он получил большинство и попал в число делегатов.

Много пришлось поработать в эти дни большевикам. Они выступали не только в мастерских завода, но и на Резиновой мануфактуре, на фабрике «Скороход», на Трубочном заводе, на заводе «Сименс-Гальске». Всюду им приходилось выдерживать ожесточенные бои с меньшевиками и эсерами.

Итоги выборов показали, на чьей стороне рабочие. Путиловские большевики решили провести предварительное общезаводское собрание выборщиков. Собрались в путиловском театре. Председательствовал Иван Егоров. Собрание должно было принять наказ и договориться об установлении единой тактики на общегородском собрании. Меньшевики вначале пытались настроить присутствующих оборончески. Рабочий-башенщик меньшевик Потемкин отчитывался в ра-

боте комитета помощи раненым, говорил о закупке вещей для фронта. Его выступление прошло незаметно.

Член Петербургского комитета большевиков М. С. Плетнев прочел большевистский наказ. Наказ заканчивался словами:

«1. ... Речи быть не может об участии представителей рабочих в центральном военно-промышленном комитете.

2. Подобное участие было бы фальсификацией воли пролетариата, изменой его революционному интернационалистическому знамени.

3. Поэтому рабочие-уполномоченные должны громогласно заявлять об отказе участвовать в каких бы то ни было учреждениях, способствующих войне».

Собрание так единодушно поддерживало большевиков, что оборонцы не осмелились выступить с критикой наказа. Яковлев все время стоял возле двери. При голосовании ни его, ни Качалова, одного из руководителей заводских эсеров, в зале не оказалось. Наказ прошел единогласно.

Петербургский комитет решил послать на общегородское собрание выборщиков своих представителей. Путиловским большевикам было поручено достать для них мандаты выборщиков, чтобы провести на собрание. Старику Кудряшову сказали, чтобы он шел домой и никуда больше не являлся. Его мандат был передан члену Петербургского комитета «Сергею». Другой представитель Петербургского комитета В. Залежский получил мандат путиловского выборщика Дикова.

27 сентября к 12 часам в зале Соляного городка, на углу Пантелеймоновской и Фонтанки, собрались выборщики. Гвоздев сидел за столиком у входа и лично проверял мандаты. Собрание казалось Гвоздеву пустой формальностью; он был уверен в себе. Ведь вопрос почти предрешен: большинство на собрании, несмотря на все старания большевиков, обеспечено. Из двухсот двадцати выборщиков на собрание явилось сто девяносто восемь.

Собрание началось. За столом президиума появился сам председатель центрального военно-промышленного комитета Гучков. Он произнес краткую, торжественную речь и начал выборы президиума. Со стульев, занятых путиловцами, поднялся Барановский. Все оглянулись — это было неожиданно:

— Делегация Путиловского завода предлагает избрать председателем путиловца Кудряшова, рабочего строительного цеха.

Меньшевики заволновались. Единственным и неоспоримым

кандидатом в председатели считался Кузьма Гвоздев. Путиловские большевики настаивали на своем. Вопрос поставили на голосование. Прошел Гвоздев. Большевики продолжали бороться за каждую кандидатуру в члены президиума. Товарищем председателя был избран мнимый Кудряшов, первым секретарем — путиловский большевик Николаев.

Гвоздев предоставил слово для доклада оборонцу Абросимову. Тот не счел нужным прибегнуть к каким-нибудь доводам для оправдания участия меньшевиков в военно-промышленном комитете. Так же как и Гвоздев, он считал собрание пустой формальностью. Говорил он очень коротко и невнятно.

Наступило молчание. Казалось, все проходит спокойно. Еще два-три формальных выступления, и можно будет приступить к выборам. Вдруг слово попросил путиловский делегат «Диков» — член Петербургского комитета Залежский.

С первых же его фраз зал насторожился. Меньшевики не ожидали встретить на собрании такого сильного противника. Вскоре изумление меньшевиков перешло в полную растерянность. Они начали откровенно нервничать. Беспартийные слушали, затаив дыхание. Оратор вел делегатов от пункта к пункту наказа Петербургского комитета большевиков. Остановившись на причинах возникновения войны, разоблачив лозунг «защиты отечества», упомянув об измене вождей II Интернационала, он сделал вывод:

— И русский и немецкий империализм одинаковы. Едва только война перейдет в революцию, как Николай и Вильгельм бросятся друг к другу в объятия. Случись революция у нас в России, Николай начнет лизать сапоги Вильгельму, умоляя о помощи.

Часть делегатов шумно аплодировала. Оратор продолжал:

— Главный враг русского народа — в его собственной стране. Этот враг — царское самодержавие, крепостники-помещики, империалистская буржуазия. Против них он должен бороться, за свержение ненавистного царизма, за установление демократической республики... Пролетарии воюющих стран уже подали друг другу руки... Час революции близок, и попытка навязать русским рабочим ответственность за грабительскую войну должна быть с омерзением отвергнута...

Под аплодисменты одной части собрания и возмущенные выкрики другой Залежский сел на место. На трибуне один за другим начали появляться меньшевистские и эсеровские ораторы.

— На чьей мы стороне — правительства или буржуазии?— вопрошал подручный Гвоздева Бройде и отвечал: — Конечно, на стороне буржуазии.

— Наша сила — в совместных действиях с буржуазией. Одни мы бессильны, — поддерживал его меньшевик с Трубочного завода Емельянов.

Настроение собрания становилось все возбужденнее. Наконец, выступил мнимый рабочий строительного цеха Кудряшов.

— Вы говорите — надо сменить правительство? — обращался он к оборонцам. — Как же вы его смените? Устроите политическую стачку? Но ведь это значит — способствовать поражению. А вы против него. Действовать мирно? Но правительство вам не уступит власти. У вас не связаны концы с концами, вы бьетесь над квадратурой круга, пытаясь соединить несоединимое — оборону отечества и революционную борьбу. Нет, господа, у вас получается не революция, а революционная болтовня. Вот наша партия, партия последовательных марксистов, действительно по-настоящему проводит свои лозунги в жизнь.

В возбужденной обстановке приступили к голосованию большевистской резолюции о бойкоте военно-промышленных комитетов. Меньшевиков и эсеров на собрании было 81, большевиков — 60. Исход голосования решали беспартийные делегаты. Они пошли за большевиками. 95 голосов было подано за резолюцию большевиков. 81 голос меньшевиков и эсеров — против. Меньшевики потребовали поименного голосования. Но, несмотря на то, что пять делегатов уже ушли, большевистская резолюция опять собрала большинство. Против 90 голосов, поданных за нее, оказалось все то же старое число — 81.

Оборонцы потребовали немедленной расправы с большевиками. В буржуазных газетах «Речь» и «День» появилось письмо Гвоздева. Он называл собрание неправильным потому, что «вместо выборщиков от путиловских рабочих присутствовало какое-то другое лицо, даже не рабочий».

— Тут мы имеем дело не с ошибкой, а с сознательным актом, — докладывал он охранке.

Меньшевистская газета «Рабочее утро» также поместила этот прямой донос.

Оборонцы обвиняли большевиков, объясняя срыв выборов в военно-промышленные комитеты лишь их выступлениями. Гвоздеву и компании было все равно, что эти большевистские ораторы выражали волю петроградских рабочих.

Гвоздев добивался во что бы то ни стало новых выборов. Центральный военно-промышленный комитет пошел ему навстречу и назначил на 22 ноября повторное собрание. Объявление о собрании появилось в газетах лишь за два дня — гвоздевцы рассчитывали застать большевиков врасплох. Но Петербургский комитет все же успел созвать 21 ноября часть выборщиков и обсудить с ними декларацию о новом отказе от выборов.

Чтобы вернее было, Гвоздев лично развозил на коноваловском автомобиле повестки. За большевиками же в это время посылали другие автомобили. В первую очередь были арестованы активные участники собрания выборщиков. Затем были взяты большевики ряда заводов Петербурга.

В ответ на кампанию, поднятую против большевиков, Петербургский комитет выпустил прокламацию, в которой разъяснял истинное положение вещей. Прокламацию требовалось срочно отпечатать. Единственная типография, уцелевшая от разгрома, была в Нарвском районе. Печатание листовок поручили путиловцам. Быстро сколотили наборную кассу, в модельной мастерской выточили из дерева валик, большевики башенной галерки сделали рамки для укрепления набора. В этой работе им деятельно помогал молодой слесарь Иван Газа. Он же вынес рамку с завода.

За ночь большевики отпечатали три тысячи листовок. Они были распространены по всем районам Петрограда.

На 22 ноября в городе не оказалось ни одного свободного зала; выборное собрание перенесли поэтому на следующее воскресенье, 29 ноября. На вторичное собрание явилось всего сто пятьдесят восемь человек. Некоторые делегаты оказались изъятыми, многие на выборы махнули рукой. Резко упал интерес к выборам и среди рабочих.

Вновь на сцене появился Гучков. Едва он окончил вступительную речь, представитель большевиков путиловец Николаев попросил слова для внеочередного заявления. Меньшевики запротестовали. Не обращая на них внимания, Николаев вышел на трибуну и прочел большевистскую декларацию, вновь подтвердившую волю рабочих масс Петрограда. Относительно оборонцев, созвавших вторичное собрание, в декларации говорилось:

«Ввиду того, что кучке самозванцев удалось-таки сторговаться с буржуазией и созвать сегодняшнее собрание, мы заявляем, что считаем изменниками всех, способствовавших этой закулисной сделке, и поведем с ними упорную борьбу

во всех слоях рабочих масс, где изменникам не должно быть места».

Николаев положил декларацию перед Гучковым и сошел с трибуны.

После этого большевики шумно поднялись со стульев и покинули зал. К ним присоединилась часть других делегатов.

Гвоздев снова занял председательское место. Перед объявлением порядка дня Гвоздев любезно предоставил слово настоящему Кудряшову. От этого выступления меньшевики ждали многого. Но перепуганный старик не оправдал их надежд. Никаких разоблачений не получилось.

— Я отказывался от возлагаемой на меня чести, — робко пробормотал Кудряшов, — своей повестки я не получил. Вместо меня попало на собрание какое-то другое, мне неизвестное лицо, которое и сотворило всю эту «злобу дня».

Теперь гвоздевцы имели возможность провести выборы. Были избраны «рабочие группы» центрального и петроградского военно-промышленных комитетов. В первую попал путиловский оборонец Яковлев, во вторую — эсер Качалов.

Вопреки воле петроградского пролетариата, ясно и недвусмысленно выраженной на выборах, Гвоздев и его приспешники обманом и лицемерием добились своей цели — возможности открыто сотрудничать с буржуазией. Оторванная от масс, замкнувшаяся группа предателей-оборонцев пыталась выдавать себя за представителей пролетариата, будто бы поддерживавшего войну. Но пролетариат был против войны. «Рабочие группы» военно-промышленных комитетов не пользовались на заводах никаким влиянием и авторитетом. Оборонцев, участвовавших в них, петербургские рабочие заклеймили презрительной кличкой — «военнопромышленные социалисты».

АРМИЯ В ТЫЛУ

В ноябре 1915 года царь разослал по заводам своих свитских адъютантов. Придворная бюрократическая камарилья была обеспокоена создавшимся в стране положением: усиливалась разруха, военная промышленность работала все хуже, а главное — с каждым месяцем все сильнее разрастались рабочие волнения. Адъютантам было дано поручение: разузнать о положении дел на заводах и доложить царю.

Свитские обследователи узнавали о настроении рабочих, беседуя больше с администрацией, которая стремилась пред-

ставить дело в розовом свете. Тем не менее, и их отзывы были неутешительны: «Рабочие при обращении к ним были неразговорчивы, давали лаконические объяснения и как бы не замечали приветливого к ним обращения». «Патриотические чувства в сознании массы играют второстепенную роль. а на первом плане стоят экономические соображения»; «Настроение рабочих шаткое, склонное к забастовкам». [1]

Свиты его императорского величества флигель-адъютант подполковник Силаев доложил Николаю II о Путиловском заводе: «Настроение рабочих неустойчивое. Они очень восприимчивы к злонамеренным агитациям, волнующим их на почве экономических и политических вопросов». [2]

Наиболее прямолинейный из всех обследователей контр-адмирал князь Вяземский составил подробную докладную записку, доказывая, что нужно всю военную промышленность перестроить по армейскому образцу. «Армия рабочих в тылу, — писал князь Вяземский, — также необходима для войны, как и действующая армия. Этой армии должна быть придана организация, прочность которой соответствовала бы важности значения промышленной армии, и для достижения сего нельзя останавливаться даже перед признанием всей промышленности милитаризованной. . .» [3]

Превратить заводы в казармы, сделать рабочих солдатами, воинской дисциплиной подавить нараставший протест— к этому сводилась программа придворной царской камарильи. Правительство соглашалось с этой программой. Оно готовилось внести в Государственную думу специальный законопроект «О милитаризации рабочих промышленных предприятий».

Волнения на Путиловском заводе, происходившие осенью 1915 года, еще больше обеспокоили царские власти. На секретном совещании в штабе Петроградского военного округа, созванном для обсуждения мер борьбы с растущим рабочим движением, командующий округом князь Туманов заметил представителю Путиловского завода:

— У вас такие колоссальные доходы, надо бы что-нибудь уделять из них рабочим.

Туманов указывал при этом, что заработки на Путиловском значительно ниже, чем на других заводах.

---

[1] ЦВИА, Фонд военно-походной канцелярии, д. № 71, ч. XIV, 1914—1915.

[2] Там же.

[3] Там же.

— Что вы, ваше сиятельство, — ответил представитель путиловских акционеров, — мы и так кругом в долгах, еле сводим концы с концами.

Путиловские хозяева требовали таких средств «успокоения» рабочих, которые ни в коем случае не задевали бы их прибыли и сверхприбыли.

4 февраля 1916 года к директору завода Меллеру явилась делегация от рабочих электрического цеха, требуя увеличения заработка на 70 процентов и сокращения сверхурочных. Электрики работали с большой перегрузкой, получая за четырнадцатичасовую работу 3 рубля — 3 рубля 50 копеек в день. Цена рубля уже упала настолько, что этих денег едва хватало на самое необходимое, а многие продукты — мясо, масло, молоко — были совсем не по карману рабочему.

Меллер встретил делегатов очень сурово. Не успели они рассказать ему в чем дело, как он грубо оборвал:

— Я не могу рассматривать требования рабочих, которые достаточно зарабатывают. Вы и так получаете по сто рублей в месяц. Что вам еще надо?

Ему возразили:

— Кто получает сто, тот получает не даром. Вы платите сто рублей не за двадцать шесть, а за сорок рабочих дней в месяц.

— Сорок? А едите-то вы тридцать дней в месяц или тоже сорок? Ступайте, работайте. Если не успокоитесь, военнообязанных пошлем на позиции, а остальных оденем в солдатские шинели и заставим работать как следует.

Делегаты заявили, что электрики не только не успокоятся, но поднимут весь завод, и вышли, хлопнув дверью.

Результатом этого разговора были два объявления, появившиеся на воротах завода на следующий день, 5 февраля. Одно за подписью Меллера подтверждало его устный отказ, другое было подписано командующим Петроградским военным округом Тумановым. Директор растерялся и сразу после ухода электриков позвонил Туманову с просьбой о помощи.

Объявление Туманова гласило:

«...Забастовавшие рабочие будут немедленно заменены специалистами (гальванерами и электриками) из нижних чинов, уже призванных на военную службу, затем все забастовавшие рабочие из числа военнообязанных будут призваны на действительную военную службу и назначены уже

в качестве нижних чинов для отбывания своей службы на тех же местах, где они работали прежде».[1]

Рабочие прочли объявление в обеденный перерыв. Угроза Туманова вызвала резкий протест. Электрики сразу же пошли по цехам с просьбой поддержать их. В больничной кассе собралось руководящее ядро большевиков.

— Если мы не дадим отпора, завтра же тумановский приказ будет применен ко всем путиловцам, а потом и ко всем питерским рабочим, — говорил Иван Егоров.

Через полчаса после перерыва началась забастовка протеста против приказа Туманова. В некоторых мастерских попутно предъявляли свои требования. К вечеру бастовал уже весь завод.

В шестом часу возле часовни собралась густая толпа. Иван Егоров взобрался на крыльцо. Он рассказал о забастовке электриков, одним из инициаторов которой он был, и предложил обратиться ко всему петроградскому пролетариату с просьбой поддержать путиловцев. Он говорил:

— Рабочему классу брошен вызов... Мы должны показать, что не боимся никаких угроз...

В принятой на митинге резолюции, наряду с экономическими требованиями, во весь голос зазвучали старые большевистские лозунги: демократическая республика, восьмичасовой рабочий день, конфискация помещичьих земель. В заключение говорилось: «...Мы сознаем, что только усиление революционной борьбы демократии всех стран против своих правительств спасет человечество от кровавого кошмара, поэтому мы присоединяемся к решению ПК РСД Рабочей партии противопоставить мобилизации реакционных сил — мобилизацию пролетарских сил для второй Российской революции».[2]

Вечером Туманов подписал второй приказ — о закрытии завода с утра 6 февраля. Все военнообязанные этим приказом направлялись в распоряжение воинского начальника для зачисления на военную службу.

6 февраля в 10 часов утра в маленькой комнате члена правления больничной кассы собрался районный комитет большевиков. Он обсуждал вопрос о превращении путиловской стачки в мощную забастовку протеста всего пролетариата столицы. Сразу после заседания все разъехались по

[1] ЛОИА, Фонд старшего фабричного инспектора Петроградской губ., 1916, д. № 82.
[2] Там же.

заводам. Егоров направился на явочную квартиру Петербургского комитета, связь с которым он держал после ареста Барановского в январе 1916 года.

Петербургский комитет большевиков выпустил воззвание: «...Приказ Туманова, — говорилось в воззвании, — распространяется на все заводы и фабрики и применен прежде всего к Путиловскому заводу лишь потому, что правительство считает Путиловский завод наиболее опасным для себя, зная, что он всегда являлся застрельщиком революционных выступлений петербургского пролетариата...

Товарищи! Если вы не дадите решительного отпора попыткам закрепостить вас, — вы сами вденете руки в заготовленные для вас наручники. Дело путиловских рабочих — дело всего петербургского и российского пролетариата. Забастовка протеста с требованием отмены приказа Туманова — вот оружие, которое должен теперь взять в руки рабочий класс Петербурга». [1]

По призыву Петербургского комитета начались забастовки на фабриках и заводах Петрограда против милитаризации. Число забастовщиков росло с каждым днем. Правительство ответило на это арестами. В ночь на 8 февраля были арестованы Иван Егоров, Дмитрий Романов, Василий Алексеев. Почти все члены Нарвского районного комитета попали в тюрьму. За несколько дней с Путиловского завода были взяты двести пятьдесят человек. В это же время арестовали многих видных работников Петербургского комитета большевиков Но ни аресты, ни отправка на фронт не могли остановить поднимавшейся волны возмущения рабочих. 10 февраля, на другой день после обратного приема, на Путиловском заводе забастовали две крупных мастерских — башенная и шрапнельная. Они требовали:

1. Освободить арестованных товарищей.
2. Принять сто двадцать человек, не принятых после локаута на завод.
3. Не выполнять приказа Туманова.

К этим мастерским присоединились остальные. Единодушие рабочих было настолько велико, что директор завода Меллер понял: придется отступить. Сто двадцать человек были им приняты обратно и несколько сот запасных, уже вызванных на призывные пункты, возвращены на завод. По поводу освобождения арестованных директор заявил, что это не в его власти. Делегация, состоявшая из путиловцев

[1] Листовки петербургских большевиков, т. II, стр. 197—198.

и рабочих других заводов, направилась к Туманову. Командующий округом ответил коротко:

— Будете еще ходить — сами к ним попадете.

Петербургский комитет в гектографированной листовке, распространенной в эти дни за Нарвской заставой, призывал рабочих к решительной борьбе. В листовке было сказано:

«Петербургский пролетариат опять стоит накануне решительной схватки с представителями капитала и правительства. Путиловский завод выступил на борьбу, предъявив требования об улучшении материального положения. Ответом на требования путиловцев были аресты, расчеты и окончательный локаут — опять на защиту капитала и военных доходов выступил провокатор Туманов и его клика. Ответом на законные требования рабочих было решение сдать в солдаты военнообязанных и разгул полицейской власти... В исходе этой борьбы кровно заинтересован весь петербургский пролетариат: победа правительства над путиловцами будет победой над российским пролетариатом, будет началом окончательного закрепощения рабочих. Пусть же он эту борьбу с отживающим строем, с монархией Романовых под старым революционным знаменем превратит в борьбу за республику и социализм».[1]

Прокламация имела большой успех среди путиловских рабочих.

Весь февраль во всех цехах происходили «итальянские» забастовки. Повсюду предъявляли требования об увеличении заработка. На борьбу поднимались самые отсталые слои путиловцев. В числе делегаций теперь было уже немало женщин. Когда директор пошел на некоторые уступки, было уже поздно. Жалкие прибавки никого не удовлетворили. Ответом на объявление о прибавках был новый взрыв забастовок во всех мастерских завода.

20 и 21 февраля рабочие отгуливали масленицу. Администрация побоялась заставить рабочих выйти в эти дни на работу, что непременно сделала бы при других обстоятельствах. Полные решимости продолжать борьбу, явились путиловцы на работу 22 февраля. Узнав, что администрация оттягивает ответ на требования о новых прибавках, они единодушно забастовали. Эта забастовка не походила на сравнительно мирные «итальянки» прежних дней. Озлобленные, выведенные из себя, рабочие обрушивали свой гнев на са-

[1] Листовки петербургских большевиков, т. II, стр. 202—203.

мых ненавистных мастеров и начальников. Шрапнельщики устроили над инженером-мастером Андржевским настоящий суд. Его извлекли из конторки, поволокли в пушечную к разметочной плите и поставили на нее, на виду у всех. Вокруг сгрудилась трехтысячная толпа. Беспорядочный говор, выкрики, свистки — все слилось в сплошной гул.

— Мы *еще* не солдаты, он не офицер! — кричали вокруг. — Проучим его как следует!

Когда шум стих, стоявший у плиты рабочий перечислил проступки мастера: пользуясь военным временем, обращается с рабочими грубо, шпионит, отправляет революционеров на фронт, за взятки устраивает на работу учетчиков.

Но вот толпа расступилась, и два сильных парня подкатили к плите тяжелую тачку.

— Сажайте его в ландо! — закричало несколько человек.

Мастера стащили с плиты, накинули на голову мешок из-под сурика и бросили в эту тачку. Затем со свистом выкатили из мастерской и повезли по заводскому двору — по направлению к воротам.

Во всех мастерских вывозили самых грубых и ненавистных мастеров. В одной пушечной вывезли из цеха восемь доносчиков и шпионов, выданных испуганным начальником Б. П. Федоровым. Тачки в этот день были нарасхват. С девятьсот пятого года завод не видал подобной картины.

Никаких переговоров с администрацией уже не велось. Последние мастерские завода остановились 23 февраля в 9 часов утра. Некоторое время шла работа в жестяницкой мастерской верфи, но 24 февраля и там не выдержали: работницы избили мастерицу Барткевич, вывезли ее на тачке за ворота и разошлись по домам.

23 февраля заводоуправление вторично объявило локаут. В тот же день князь Туманов разразился третьим приказом — самым кратким и самым грозным:

«Ввиду закрытия Путиловского завода подлежат призыву на военную службу в первую очередь:

1. Ратники I и II разрядов срока службы 1915—1916 г.г.
2. Молодые люди, родившиеся в 1895 и 1896 г.г.». [1]

Туманов спешил окончательно освободить завод от наиболее революционных элементов. Более двух тысяч молодых путиловцев было взято в солдаты. Вместе с другими надел солдатскую шинель и двадцатидвухлетний слесарь с

---

[1] ЛОИА, Фонд старшего фабричного инспектора Петроградской губ., 1916, д. № 82, л. 24.

башенной галерки Иван Газа. В те же дни, прямо из тюрьмы, отправили в дисциплинарный батальон Ивана Егорова.

Мобилизованных отправили для предварительного обучения в окрестности Новгорода и Старой Руссы, распределили по ротам 177 и 178 запасных полков, запрятали в аракчеевские казармы и временные бараки военного времени. Часть активных забастовщиков послали в село Медведь в дисциплинарные батальоны. Ходили слухи, что каждому заочно дали по четыре года каторги, которые они должны будут отбывать по окончании войны.

Стачка на заводе продолжалась. «В течение сегодняшнего дня никаких перемен не произошло» — доносила охранка 26, 27, 29 февраля, 1 и 3 марта. В эти дни бастовало до 150 тысяч рабочих столицы. Забастовка такого размаха происходила в годы войны впервые. На нее откликнулась даже провинция — в Брянске рабочие машиностроительного завода, узнав о ней, забастовали и предъявили ряд экономических требований.

Результатом февральской стачки явился секвестр Путиловского завода. Завод из рук банкиров перешел до окончания военных действий в руки казны. Ответственность за забастовки теперь возрастала. Секвестр означал введение на заводе военного режима. Генералы военного ведомства надеялись успокоить рабочих. Вместе с приказом о приеме на завод новые хозяева все же вывесили приказ о частичных прибавках. Но рабочие не почувствовали перемены положения от перемены хозяев.

Путиловская стачка произвела большое впечатление на все слои общества. С удовлетворением и гордостью говорили о ней рабочие, с тревогой и ужасом — буржуазия и правительственные круги.

Занялась путиловской забастовкой и Государственная дума. Целое заседание ее 7 марта было посвящено этому вопросу. Заседание происходило при закрытых дверях, и только после некоторой волокиты было разрешено опубликовать в газетах отчеты. Все сходились на том, что необходимо немедленно принять «меры по урегулированию рабочего вопроса», но пути к этому предлагали разные.

— Власти поступили совершенно правильно, отослав забастовавших военнообязанных рабочих на фронт, — неистовствовал известный погромщик Марков 2-й. — Рабочий есть призванный в войска солдат, которого для нужд государства не послали в окопы, избавили от возможности получить пулю в лоб...

Лидер кадетской партии профессор Милюков предлагал, как подобает истинному либералу, действовать более тонко. В своей длинной витиеватой речи он говорил о взаимном понимании, которое должно быть достигнуто между рабочими и правительством. Он предостерегал от запугивания отправкой на фронт:

— Фронт — не наказание, а долг каждого гражданина.

Предостерегал вообще от угроз милитаризацией, призывал брать пример с английского министра снабжения Ллойд-Джорджа, который ездил по рабочим собраниям и проповедывал классовый мир на время войны.

Павел Николаевич Милюков пытался стать русским Ллойд-Джорджем. По примеру этого отъявленного хищника империализма, он намеревался поблажками и уговорами задержать все разраставшееся движение пролетариата. Но Милюков был представителем трусливой русской буржуазии, крепко связанной с бездарным, насквозь прогнившим царским самодержавием. Поблажки, предложенные Милюковым и принятые в формуле перехода, были очень скромны: примирительные камеры, институт старост 1903 года, профессиональные союзы.

Меньшевики Хаустов и Скобелев, внесшие в думу запрос, ничего не могли прибавить к словам своего ближайшего соседа по парламентским скамьям — кадета Милюкова: те же робкие жалобы на притеснения рабочих, тот же образец — Ллойд-Джордж, те же старосты 1903 года.

Парламентская болтовня Милюкова, Хаустова, Скобелева прозвучала впустую — правительство не собиралось внимать ей. Правительство предпочитало старые испытанные методы — штык, кулак, тюремную решетку.

Жизнь все же заставила взять кое-что наиболее подходящее из иностранного опыта. К весне 1916 года военная промышленность настолько разрослась и расхлябалась, что почувствовался недостаток в квалифицированных рабочих. Специалистов, как и в Англии и Франции, начали возвращать с фронта и посылать на военные заводы.

Поступая так в интересах военной промышленности, военное начальство в то же время пыталось хотя бы частично милитаризовать заводы. Рабочие-солдаты вполне отвечали тем требованиям, которые в случае полной милитаризации были бы предъявлены всем рабочим: они подчинялись воинской дисциплине, ходили в форме, за участие в забастовках подвергались военно-полевому суду.

В первой партии солдат, прибывших на Путиловский за-

вод, так же как и в последующих, рабочие крупных предприятий насчитывались единицами. Подавляющее большинство отбираемых солдат училось ремеслу в кустарных мастерских.

На Путиловский завод солдаты прибывали партиями. Число их к концу 1916 года достигло пяти тысяч. Они исполняли те же работы, что и рабочие, жили на частных квартирах, на каждом шагу встречались с рабочими. Но первое время они упорно избегали всяких разговоров о политике. Ехать обратно под разрыв шрапнелей не хотелось, и солдаты, радуясь безопасности, относились к заводской жизни по пословице «моя хата с краю».

Постепенно солдаты стали сближаться с рабочими. В апреле среди солдат поднялся ропот из-за вычетов за обмундирование. В пушечной рабочие поддержали их забастовкой. Сами солдаты еще боялись бастовать и остались у станков. Но день ото дня они смелели, выражали свое недовольство открыто, требовали, чтобы им платили столько же, сколько и рабочим, ругались с мастерами. Воинская дисциплина слабела с каждым днем.

Директор завода, генерал-майор Дубницкий, 5 июля 1916 года разразился приказом:

«Замечено мною, что многие из нижних чинов, прикомандированных для работ на заводе, не отдают установленной чести и вообще держат себя, как не подобает нижним чинам. Объявляю, что виновные в нарушении воинского чинопочитания будут подвергаться взысканиям».

Приказ уже не испугал солдат.

— Замечено тобою, — говорили они. — Еще и не то заметишь!

ПУСТЬ СИЛЬНЕЕ ГРЯНЕТ БУРЯ!

Прокламация Нарвского районного комитета большевиков подводила итог первым двум годам империалистической войны: «Страшный рост дороговизны, обусловливаемый беспримерной спекуляцией и продажностью властей, доведен до невыносимых пределов, а между тем заработок рабочего остается на одном уровне или падает. Общая же эксплоатация нашего труда на заводе оставляет за нами только единственное право — право свободно умирать от голода, не отходя от станка».

Два тяжелых военных года расшатали хозяйственную деятельность страны. Истощилась и обезлюдела от мобилиза-

ций деревня. Падала и приостанавливалась промышленность. Разрушался транспорт. Перебои в снабжении Петрограда становились все более чувствительными. Мясо, крупа, сахар, масло начали исчезать с рынка, а к концу 1916 года исчезли почти совершенно. Дороговизна росла с каждым днем. Цены на картофель за годы войны выросли в четыре с половиной раза, на капусту — в семь раз, на мясо — в три с половиной раза. Хлеб, добываемый в результате томительных суточных дежурств, стоил уже не три-три с половиной копейки фунт, а шестнадцать-двадцать копеек.

Карточек царское правительство не сумело ввести. Развилась бешеная спекуляция. Спекулянты скупали продукты и товары, а потом продавали их втридорога. Реальная заработная плата рабочих сильно упала. Измученные, истощенные, озлобленные войной, трудящиеся массы повсюду приходили к одному и тому же выводу: так дальше продолжаться не может.

Нарвский районный комитет писал дальше в своей прокламации:

«...Уже близится день, когда пролетариат России должен дать решительную схватку кровожадному правительству Николая II, и для этой схватки рабочие не только Питера, но и всей России пробуют свои силы: в Москве, Николаеве, Баку — идут стачки рабочих. В войсках наблюдается глухое недовольство, солдаты с жадностью следят за каждым движением и дожидаются первого сигнала для второй российской революции, сигнал же могут дать только сами рабочие». [1]

Перед партией большевиков стояла задача день за днем «раскачивать маятник революции», объединяя вокруг себя массы для последней и решительной схватки с самодержавием. Решающую роль в победе будущей революции должно было сыграть присоединение армии. Привлечь солдат как носящих оружие, так и стоящих у станков к революционной борьбе становилось первоочередной и насущной задачей дня.

Путиловская большевистская организация после февральских арестов была значительно ослаблена. Положение ухудшалось еще и тем, что державший связь с Петербургским комитетом Иван Панов, попавший под влияние меньшевиков, тормозил работу организации. На районной конференции в июле 1916 года Панова отстранили от руководства и

[1] Листовки петербургских большевиков, т. II, стр. 208—209.

выбрали новую исполнительную комиссию. В нее вошли: рабочий железнодорожного цеха Федор Лемешев, служащая больничной кассы Любовь Тарасова и недавно выпущенный из тюрьмы Василий Алексеев, ходивший безработным.

Мало-помалу новая исполнительная комиссия наладила работу организации. Восстановили провалившуюся в мае 1916 года типографию. Деятельно работал большевистский «Красный крест», собиравший деньги на семьи арестованных революционеров. К осени 1916 года занималось уже шесть кружков. В числе их руководителей был присланный Петербургским комитетом Николай Толмачев. Для помощи кружкам организовали партийную библиотеку из четырехсот книг, которая хранилась частями на нескольких квартирах. Некоторое время кружком башенной мастерской руководил пропагандист, известный под фамилией «Ка́стров». Рабочие любовно называли его «Кастрыч». Это был А. К. Скороходов, член Петербургского комитета, видный большевик.

Больничная касса попрежнему являлась большевистским штабом на заводе. Полиция догадывалась об этом и время от времени производила налеты. 20 августа 1916 года полицейские, явившись в помещение кассы, задержали всех присутствовавших там рабочих, перерыли все бумаги, разбросали по полу карточки и ушли, уведя с собою нескольких служащих больничной кассы. Часть арестованных была выпущена через два дня, пять человек пошли под суд и были осуждены на каторжные работы. Среди осужденных был служащий кассы Эмиль Петерсон, молодой энергичный большевик, проводивший большую организационную и пропагандистскую работу на заводе.

Большевики расширяли свое влияние среди путиловцев, особое внимание обращая на солдат. В железнодорожном цеху среди них агитировал Федор Лемешев. В начале его слова принимали равнодушно и даже враждебно. Один унтер за разговоры против царя чуть не ударил его зубилом по голове. Но настойчивая систематическая агитация делала свое. Солдаты-железнодорожники стали принимать активное участие в конфликтах с администрацией и в забастовках. Некоторые из них в конце 1916 года стали большевиками. В турбинной мастерской верфи большевик Василий Урюпин давно уже прощупывал молодого фрезеровщика Семена Эртмана, солдата Волынского полка. Испытав его на листовках, Урюпин решил дать более ответственное задание.

— Ты человек смелый? — спросил он Эртмапа. — В тюрьму сесть не побоишься?

— Если надо, и тюрьмы не побоюсь.

— Видишь стенку против входа? Как раз место для хорошего лозунга. Напиши завтра, что хочешь, но чтобы дух захватывало и было к современному моменту.

...На следующее утро двери турбинной мастерской были широко раскрыты. Люди входили и застывали на месте. Против входа, на фоне закопченного кирпича, над станками, вдоль всей стены, ярко выделялись большие белые буквы:

«Пусть сильнее грянет буря!»

Осенью 1916 года в Петербурге снова начались мощные политические забастовки. Непосредственным поводом была угроза расправы, нависшая над группой кронштадтских матросов-большевиков. Самодержавие жестоко расправлялось с ними. На 26 октября 1916 года был назначен военно-полевой суд над кронштадтцами. В знак протеста в середине октября забастовало 130 тысяч рабочих столицы. Путиловский завод откликнулся одним из первых. На заводе был устроен митинг. Выступило несколько большевиков. Василий Алексеев говорил о чудовищном насилии обнаглевшей царской своры, выхватывающей лучших сынов рабочего класса. Он призывал готовиться к революции. Только успел очередной оратор начать речь, как раздался крик:

— Фараоны!

Толпа заволновалась. В распахнутые ворота ворвался отряд полицейских, человек двадцать пять — тридцать. Сразу же в них градом полетели гайки, болты, обрезки железа. Полицейские дрогнули и, вбирая головы в плечи, бросились врассыпную.

Прискакавших конных городовых встретили так же, как и пеших. Околоточный был сбит с лошади и под ликование рабочих заковылял с поля битвы, грозя и ругаясь.

Проходные калитки оказались закрытыми. Рабочие выломали их и хлынули на улицу. Все шоссе кишело полицейскими. Схватка продолжалась. В ход пошли камни мостовой и кирпичи, расколотые о рельсы.

Вдруг толпа шарахнулась, некоторые начали убегать. По шоссе со стороны, противоположной городу, двигались солдаты. Несколько рот шли прямо на толпу. Штыки равномерно покачивались над головами. Полицейские, приободрившись, снова кинулись разгонять рабочих.

Молодежь продолжала швырять в полицейских гайки, высматривая, однако, пути к отступлению.

Солдаты, подойдя ближе, остановились — без команды, вразброд. Некоторые неуверенно спустили винтовки к ноге, другие продолжали держать на плече. Офицеры приказали итти дальше. Раздались возгласы:

— Невозможно, ваше благородие. Там дерутся.

Бородатые лица солдат были угрюмы. Мятые, неуклюжие шинели третьего года войны сидели мешковато, вздувались на спинах горбом. Солдаты были ополченцами, недавно взятыми на военную службу. Отцы семейств, прежде пользовавшиеся льготами и отсрочками, они теперь оказались призванными потому, что некого было больше призывать. Семьи их обрекались на голод, хозяйства в деревнях оставались заброшенными. Их самих ожидал в будущем ужас окопной жизни, о котором они знали до сих пор по письмам ушедших на войну сыновей, братьев и знакомых.

Часть рабочих окружила солдат. Завязался быстрый разговор. Солдаты не выказывали никаких признаков враждебности к рабочим. Из их рядов слышались одобрительные возгласы, когда удачно пущенная кем-нибудь гайка попадала в городового. Офицеры пытались оттеснить толпу, но безуспешно.

Полицейские продолжали наседать. Запас гаек и камней у рабочих иссяк, они отступали. Кто-то из толпы громко крикнул:

— Солдаты, помогите нам!

Тотчас же просьбы о помощи раздались со всех сторон. Низенький офицер с лихо закрученными усами шагнул к толпе, намереваясь схватить кричавшего рабочего.

— Не трожь! — вдруг раздался предостерегающий голос из солдатских рядов.

Солдаты угрожающе загудели.

— Братцы! Доколе терпеть? — снова раздалось из их рядов.

От солдатской толпы отделился человек со штыком наперевес. Он оглянулся на товарищей и крикнул:

— Бей иродов!

Ряды солдат расстроились, смешались. Несколько человек с криком «ура» бросились на полицейских. За ними последовали остальные. Полицейские, совсем было прижавшие рабочих к забору, кинулись в стороны. Они не ожидали такого оборота дела. Только срочно вызванный отряд казаков смог установить «порядок» на Петергофском шоссе. Ополченцы, не зная, что дальше делать, дали себя построить в

ряды и увести обратно в казармы. Позже восемьдесят солдат были преданы военному суду.

В эти же дни на Выборгской стороне солдаты 181-го запасного полка забросали камнями полицию, пытавшуюся арестовать возле их казарм рабочего-агитатора, потом вместе с рабочими разбили автомобиль полковника и ранили его самого.

После случая с ополченцами рабочие держались увереннее. Заводские солдаты смелее примыкали к забастовщикам. В октябре и ноябре 1916 года по цехам вспыхивали забастовки. Рабочие уже не удовлетворялись объяснениями своих начальников и требовали директора. Несколько раз генералу Дубицкому приходилось ходить в мастерские «поднимать настроение». Ни уговоры, ни угрозы не помогали.

В ноябре путиловцы прочли прокламацию Петербургского комитета и восприняли ее как призыв к забастовке. Не выставляя никаких требований, они бросили работы.

Весь декабрь шла незаметная, кропотливая работа над укреплением большевистской организации. К началу 1917 года на заводе насчитывалось около семидесяти большевиков. В район начали прибывать старые работники. За заставой видели бывшего токаря лафето-снарядной Василия Мещерского, работавшего где-то на Выборгской. Едва оправившись после раны, вернулся Иван Егоров. Взятый после февральской стачки из тюрьмы в штрафной батальон, он был отправлен на фронт. Сейчас на завод его не принимали, и он устроился монтером в больницу «Всех скорбящих». Активную работу развернули и другие товарищи: И. Генслер, С. Афанасьев, А. Галанин, Ф. Кузнецов.

Подходила двенадцатая годовщина «Кровавого воскресенья». Петербургский комитет решил провести в этот день политическую стачку. В квартире Лемешева на Суворовской улице Нарвской заставы 2 января 1917 года было назначено заседание Петербургского комитета для выработки практических директив районам. Но за два часа до начала заседания в квартиру явились жандармы, устроили засаду. Все пришедшие на заседание были арестованы. Лемешев и Тарасова попали в «Кресты».

По мысли властей арест верхушки большевистской организации должен был предотвратить выступления на заводах в день 9 января. Жандармы попрежнему верили во всемогущество полицейских мер. Но уже на следующий день повсюду напоминали большевики рабочим о годовщине. В глу-

ких заставских переулках в темноте раздавались звонкие ребячьи голоса, кричавшие хором:

— Девятого на Путиловом забастовка! Слуша-ай!

В субботу 7 января по всем цехам были проведены митинги-летучки. По чужим номерам в завод проникли нелегальные Павел Шубин и Василий Мещерский. Собрать летучку не стоило большого труда — рабочие настолько привыкли к ним, что при первом слове оратора со случайной трибуны бросали работу. Главное состояло в том, чтобы уловить минуту, когда можно начать митинг. Районом деятельности Шубина были лафето-снарядная, литейная и миносборочная мастерские. Он хорошо знал эти цеха, знали и его там.

Большевик Павел Суворов, чернорабочий Путиловской верфи, в прошлом был печатником. У него сохранилось немного шрифта. Он набрал листовку и в ночь на 9 января отпечатал с товарищами в деревне Волынкиной пятьсот экземпляров. На утро листовка, как свежая газета, пошла по рукам.

9 января в одиннадцать часов утра тридцать тысяч путиловцев разом, точно по сигналу, бросили работу. У ворот их не задерживали. Не выпускали лишь солдат, работавших на заводе. Тех, кто не подчинялся, силой оттаскивали в сторону. На заводе осталось свыше полутора тысяч задержанных солдат.

Шумными толпами ходили рабочие по шоссе, медленно расходясь при появлении усиленных полицейских отрядов. Полицейские не грозили, а упрашивали. Столкновений не было. Но в донесении об этом дне охранка отмечала, что «политический момент напоминает кануны 1905 года».

С середины января поднялась новая волна экономических забастовок.

Генерал Дубицкий после длительной борьбы сдал многие позиции. В ответ на требования допускать рабочие собрания он вывесил приказ, в котором позволял рабочим в особых случаях — каждый раз с его обязательного разрешения — собираться для обсуждения своих дел. Солдатам участвовать в собраниях запрещалось, но они на это запрещение не обращали внимания.

За заставой усилили охрану. Вечерами по шоссе от завода до Нарвских ворот гарцовал конный полицейский патруль. У завода он встречался со вторым патрулем, объезжавшим район до верфи. Заставские подростки дразнили полицейских, бросали в них снежками, постреливали из рогаток

шрапнельными пульками, а иногда, чтобы задержать разъезд, протягивали между столбами тонкую стальную проволоку. Сразмаху напоровшись на нее, лошади вздымались на дыбы, сбрасывая всадников на избитое мерзлое шоссе.

Вечером 3 февраля у чугунолитейной мастерской состоялся митинг, организованный большевиками. Проход между чугунной, прессовой и кузницей быстро заполнился народом. Это было удобное место для митинга — здесь проходило большинство рабочих механических мастерских. Ярусы стальных болванок были усеяны рабочими. Оратор, видя, что народ прибывает, снова и снова возвращался к началу своей речи. Он говорил:

— Черносотенная Государственная дума не может порвать тех цепей, которыми связан русский народ. Рабочие и весь народ должны сплотиться и сами порвать эти цепи. Народ должен сам взять в руки власть. Войну необходимо окончить, рабочим не нужна эта захватническая, грабительская война. Долой самодержавную власть!

На 14 февраля царским указом было назначено открытие Государственной думы после долгого перерыва между сессиями. Меньшевистская группа военно-промышленного комитета решила использовать необычайный подъем рабочих Петрограда на пользу буржуазии. Уже с 1 февраля на заводах стали появляться листки без подписи с призывом к рабочим пойти демонстрацией к Государственной думе с выражением ей доверия и поддержки. Это была очередная попытка меньшевиков посеять иллюзии в спасительную роль думы, отвлечь пролетариат от прямой революционной борьбы.

Предательский призыв оборонцев встретил резкий отпор Петербургского комитета большевиков. Вопреки «военно-промышленным социалистам» большевики призывали выступить 10 февраля — в день двухлетней годовщины суда над большевистской думской фракцией. Демонстрация готовилась под лозунгами борьбы против царизма, против империалистической войны, за демократическую республику и Временное революционное правительство. Но внезапно возникло неожиданное препятствие. На многих предприятиях города 10 февраля был объявлен нерабочим днем. По указанию Петербургского комитета решили выступать 14 февраля, но демонстрацию повести не к думе, а на Невский проспект. Демонстрация должна носить ярко выраженный антивоенный характер.

Утром 14 февраля после митинга рабочие начали выходить во двор завода. Многотысячной толпой двинулись

к Нарвским воротам. В их рядах было немало солдат. В этот день бастовали шестьдесят фабрик и заводов с несколькими десятками тысяч рабочих, бастовали под лозунгами большевиков, против думы. Путиловцы несли впереди красные знамена, на которых были выведены надписи:

«Долой войну!»

«Долой правительство!»

«Да здравствует республика!»

ГЛАВА ВОСЬМАЯ

1917

ПУТИЛОВЦЫ ИДУТ

Движение огромной силы и размаха назревало в стране. Война, всей тяжестью обрушиваясь на плечи трудящихся, ускоряла революционную развязку. Армия, измученная трехлетней войной, голодная, раздетая — отказывалась воевать. С фронта продолжали приходить известия о поражениях. Разруха захватила все отрасли промышленности, транспорт и сельское хозяйство. Резко обострился продовольственный, топливный и сырьевой кризис. Крупные центры — Петроград, Москва — оставались без угля, металла и хлеба. Народ переживал третью — самую суровую и холодную зиму. По всей стране в городах происходили стачки, демонстрации и столкновения с полицией. По зову партии большевиков против векового строя царизма поднимались рабочие и солдаты. Во главе движения шли пролетарии Петрограда.

В ответ на нарастание революционной волны царское правительство в феврале 1917 года спешно осуществляло план «обороны столицы от беспорядков». Ввели военное положение. Выделили Петроград в самостоятельный военный округ. Разбили город на отделения и районы. Каждому району придали воинские части: пехоту, кавалерию и даже артиллерию.

По Нарвскому и Петергофскому районам «планом обороны» были предусмотрены полицейские отряды и запасный батальон лейб-гвардии Измайловского полка. В диспозиции значилось: Путиловский завод — одна рота.

Но никакие меры, принятые самодержавием, не могли сдержать революционного выступления масс. Революционный кризис назрел, и нужна была искра, чтобы страну охватило пламя всеобщего пожара

Две петроградские заставы — Нарвская и Московская — ждали выступления путиловцев. Все чаще в очередях, на улицах, в заводских мастерских слышалась угроза:

— Погодите, путиловцы выйдут — будет дело...

Когда, окончив работы, путиловцы расходились по домам, Петергофское шоссе представляло собою величественную картину: как мощная река, неслась, разливаясь по переулкам заставы, шумная толпа. С трудом продвигалась конка, застревали подводы. Можно было представить себе, в какую несокрушимую силу превратится эта людская лавина, когда, тесно сомкнувшись в боевые ряды, подняв красные флаги, тридцать тысяч рабочих выйдут к центральным улицам столицы. Становилось понятным, что́ значит грозный возглас:

— Путиловцы идут!

Петербургский комитет большевиков готовил массовое выступление петроградских рабочих. В десятых числах февраля путиловская организация получила директиву подготовить общую забастовку на заводе, а затем поднять всю Нарвскую заставу.

Заводские большевики энергично взялись за осуществление директив Петербургского комитета. Наметили план цеховых и общезаводских митингов. По плану необходимо было изо дня в день — митингами, летучками, листовками — неустанно напоминать рабочим, что наступает время решительных действий. Большевики разъясняли, что любой конфликт в цеху надо доводить до общезаводской стачки. Митинг, проведенный 15 февраля, показал, что эта мысль усвоена путиловцами. Стоит лишь начать, и движение охватит весь завод. А за путиловцами несомненно сразу же подымутся Московская и Нарвская заставы.

18 февраля забастовала лафето-штамповочная мастерская Путиловского завода. Рабочие предъявили администрации требований — принять обратно группу недавно уволенных рабочих и повысить все расценки на пятьдесят процентов.

Начальник цеха попытался прибегнуть к испытанному приему:

— Я буду разговаривать о прибавке с отдельными рабочими, пусть они зайдут ко мне.

— Нет, это требование всей мастерской, — возразил большевик А. Галанин, возглавлявший стачку.

Начальник не дал рабочим положительного ответа. Штамповщики направили делегацию к директору, генерал-майору Дубницкому, и разошлись по заводу присоединять к стачке другие цеха.

Весть о том, что забастовала лафето-штамповочная, разнеслась по всему заводу. Спустя полчаса об этом знала и Путиловская верфь. В судостроительных мастерских вновь вспыхнули волнения, затихшие накануне. Меднокотельная прекратила работы. Отчетливо и ясно представляли себе путиловцы, что дело теперь не в прибавках. На митинге в паровозном депо оратор-большевик говорил:

— Неделя пройдет — и от «голодной» прибавки следу не останется. Опять бастовать придется. Кончать надо со всей этой канителью — с дороговизной, с войной, с царем. Подыматься — так всем заводом, всем Питером. Разве, выполнив наши требования, хозяева дадут нам хлеб? Разве они уничтожат источник всех бед — войну? Только революция освободит нас от деспотизма царского строя...

Районный комитет большевиков собрался в этот день, 18 февраля. Стоял один вопрос: как использовать завтрашний воскресный день, чтобы с понедельника поднять весь завод и приобщить к забастовке остальные предприятия района. На собрании, кроме путиловцев, присутствовали представители заводов: «Анчар», «Тильманс», автомастерских гаража «Транспорт», Екатерингофской мануфактуры, Химического завода. Все они заявили, что поддержка забастовки путиловцев с их стороны будет обеспечена. Но для этого надо, чтобы Путиловский завод первым вышел на улицу.

Районный комитет решил: завтра, в воскресенье, по всей Нарвской заставе — в очередях у хлебных и продовольственных лавок, по рабочим дворам, в квартирах, на улицах — развернуть агитацию; всем членам организации быть в соответствующих местах; утром 20 февраля сообщить о результатах агитации и настроениях рабочих.

В понедельник 20 февраля большевики сняли с работы еще четыре мастерских. Новая делегация рабочих — представителей всех цехов — явилась к директору.

Не успели делегаты подойти к столу директора, как Дубницкий, набрав воздуху в легкие, закричал:

— Я хозяин на заводе!.. Приказываю немедленно приступить к работе!

Делегация ушла, и тотчас по всем мастерским начались митинги. Из шрапнельносборочной, забастовавшей с утра, выгоняли штрейкбрехеров. На митинге в судостроительной верфи рабочие не дали говорить помощнику директора и прогнали его с собрания.

В паровозомеханическую пришли рабочие соседней вагонной мастерской. Между паровозниками и вагонщиками был

сговор: чтобы быть неузнанными, вывозить мастеров на тачках, меняясь силами. Вагонщики вывезли ремонтного мастера паровозомеханической.

Администрация по цехам приумолкла и стушевалась.

К концу дня все тридцать тысяч путиловцев митинговали. В разных концах завода одновременно выступали десятки ораторов. Не местные, заводские дела стали теперь предметом обсуждения — на первый план был выдвинут продовольственный вопрос. Рассказывали, что на многих улицах Петрограда происходят волнения. Царское правительство вкупе с черносотенцами и кадетами всячески старается подавить движение рабочих. Государственная дума пытается заняться продовольственным вопросом, но из этого ничего не выйдет, ибо корень зла — самодержавие и война. Самодержавие надо уничтожить, войну прекратить. Единственный путь — революция.

Речи и разговоры всюду сводились к одному:

— Сдавать нельзя — бастуем до конца.

21 февраля забастовали все мастерские завода. На верфи «итальянили». У станков оставались одни солдаты. Они участвовали во всех собраниях, но к стачке присоединялись не сразу.

В турбинной мастерской молодой большевик Василий Урюпин уговаривал группу солдат. Особенно упорствовал какой-то костлявый, смуглый фронтовик:

— Просто бастовать будем или до оружия дойдет?

— А как выйдет, — ответил агитатор.

— Нам знать надобно. Если до пальбы дойдет, у нас с вами одна ставка — голова с плеч. А если просто так — с нас голову снимут и пикнуть не дадут, а вас... только попужают.

Солдаты остались одни в большой, затихшей мастерской. Гадали: дойдет до пальбы или нет?

В среду 22 февраля утром путиловцы потянулись на завод. Но ворота завода оказались наглухо запертыми — правление объявило локаут.

Тут же, у калиток, большевики предложили выбрать по одному человеку от крупнейших цехов и создать стачечный комитет. Избранные ушли в помещение больничной кассы, посовещались с представителями районного комитета большевиков, вынесли решение: немедленно приостановить работы на всех заводах заставы и разойтись по городу, призывая рабочих поддержать стачку. Группами разошлись путиловцы на Химический, «Треугольник» и другие заводы

столицы. Делегаты обошли заводы Выборгской стороны и Нарвской заставы. Когда путиловские гонцы принесли им весть о стачке, многие предприятия уже бастовали. Всюду возникали продовольственные волнения. Известие о забастовке на Путиловском было встречено как долгожданный сигнал.

Наступил Международный женский день — 23 февраля (8 марта по новому стилю). По призыву большевиков тысячи женщин вышли на улицы. Сплошной гул стоял над заставой. Женщины окружали солдатские патрули. Под градом жалоб, требований и упреков солдаты терялись и отступали. В центре, на Невском, полиция разгоняла даже небольшие группы людей. Здесь, за Нарвской заставой, полиция не решалась трогать толпы рабочих. Постепенно люди запрудили все Петергофское шоссе.

Кто-то затянул песню, и огромная толпа демонстрантов двинулась к Нарвским воротам. Здесь к демонстрации присоединились работницы Тентелевского химического завода. Они пришли из цехов, пропитанных парами ядовитых кислот, и выделялись из всей массы демонстрантов. Даже морозный февральский день не вызвал румянца на обескровленных желтых лицах работниц.

На площади открылся митинг. Солдатка Аннушка из шрапнельной мастерской выступила первой. Ей не раз приходилось «коноводить» среди своих заводских работниц. Во главе шумной женской делегации она ходила к директору требовать прибавки, решительно выступала против деспотизма мастеров, не давала в обиду себя и своих товарок.

Быстро преодолев смущение перед огромной толпой, она заговорила о празднике рабочей женщины. Ее резкий голос прозвучал на всю площадь.

С высоты каменного постамента Нарвских ворот один за другим выступали путиловцы, текстильщики, рабочие Химического завода. Впервые за долгие годы большевистские лозунги открыто прогремели с трибуны на большой площади.

Нарвская застава знала много рабочих собраний и митингов. Они происходили повсюду: у шлагбаума с лестницы, переброшенной через полотно железной дороги; на перекрестках у Огородного и Чугунного переулков; на поле у Лаутровой дачи, в Поташовом и Полежаевом лесу; на кладбище в Красненьком; в цеховых уборных; у крыльца часовни, возле ворот завода, у залива и на Петергофском шоссе, — везде, где было какое-либо возвышение — камень,

придорожный столбик, крыльцо или выступ заставского домика.

Митинг на Нарвской площади 23 февраля 1917 года не был похож на митинги прошлых лет. Ораторы не прятали лиц, не нахлобучивали чужих шапок на глаза. Они стояли прямо, оглядывая толпу из конца в конец. Открыто, смело бросали горячие слова, не боясь налетов полиции.

На главной трибуне у триумфальной арки появилась работница Химического завода. Все смотрели на эту угловатую женщину, одетую в ватную военного образца душегрейку. Платье ее во многих местах было прожжено серной кислотой. Высокая и худая, она вся сотрясалась от кашля и долго не могла начать свою речь. Наконец, поборов приступ кашля, работница сказала как бы про себя:

— Проклятая кислота действует. Все в горле першит.

Затем выпрямилась и неожиданно громко и отчетливо заговорила:

— До каких пор молчать будем? Эта война хуже кислоты жжет внутри. Детям есть нечего. До хлеба не достоишься. Вчера мне удача выпала — на бойне выпросила костей и требухи. Суп-то с них наваристый вышел, только в горло его еле пропихнешь. А мясо кто ест? Господа в бобрах да енотах! Почему хлеба нет?

Она напряглась и во всю силу своего голоса закричала:

— Мужчины, почему молчите?! Все равно пропадать!..

Внезапно в толпе раздался возглас:

— На Невский! Стройся!..

Толпа загудела:

— На Невский! Хлеба требовать! Мира!..

— Долой войну!

Снова зазвучали большевистские лозунги против войны и самодержавия. В разных местах запели революционные песни. Откуда-то появились красные знамена. Их подхватили женщины:

— Наш праздник! Нам и знаменщиками быть!

— Путиловцы пошли!.. — разнеслось по Нарвской заставе.

У Калинкина моста к демонстрации присоединились работницы текстильных фабрик Кенига и Воронина. С другой стороны Фонтанки путиловцев поджидала толпа рабочих Калинкинской мануфактуры. Перейти реку демонстрации не дал большой полицейский отряд. Он захватил мост.

Демонстрация разбилась на множество ручейков, пробиваясь в центр. Необычайное упорство демонстрантов ломало

сопротивление полиции. Поодиночке, группами в три-пять человек проходили путиловцы сквозь заграждения и цепи. Толпами направились в обход — по Фонтанке, по Обводному каналу, через промежуточные мосты пробирались на Садовую. Так, разными путями, пришли на Невский почти все путиловские рабочие. Знамена пронесли свернутыми, спрятав их под пальто.

Еще первые ряды демонстрации не тронулись с Нарвской площади, как по всему рабочему Петрограду разнеслась весть о том, что путиловцы двинулись к центру.

И, словно не было между Нарвской и Выборгской стороной десятка верст, весть о том, что путиловцы идут, моментально докатилась до выборжцев. Еще с утра выборжцы дрались с полицией, стремясь прорваться к Невскому. Узнав о выступлении путиловцев, они усилили нажим на полицейские заграждения. К четырем часам дня выборжцы устроили демонстрацию на Литейном и Суворовском проспектах. В шесть часов вечера соединенными силами путиловцев и рабочих Выборгской стороны был остановлен казенный Орудийный завод на Литейном проспекте. Рабочие этого завода присоединились к демонстрации.

Мощное выступление петроградского пролетариата в Международный день работниц перерастало в общую политическую демонстрацию против царского строя. Охранка недаром отмечала, что приближаются события, «в сравнении с которыми 1905 год — игрушка». В беспрерывных стычках с полицией, в появлении рабочих толп на Невском, в демонстрациях Выборгской стороны и Нарвской заставы — уже слышались первые раскаты начинающегося восстания.

24 февраля в Петрограде уже бастовало около 200 тысяч человек. В десятках мест собирались огромные толпы. Лозунги «Мира!», «Хлеба!», «Долой самодержавие!» перебрасывались с митинга на митинг. Кое-где происходили стычки рабочих с городовыми. Но войска сочувственно относились к рабочим, отказывались разгонять демонстрации и в отдельных случаях — препятствовали полиции.

Женщины громили лавки в Бeликовых домах и на рынке, у Огородного переулка. Полицейских били корзинками и скамейками, принесенными для многочасовых очередей.

У ворот завода толпа разогнала полицию. Один из хожалых вытолкал рабочего, заглянувшего в проходную. Рабочие возмутились, требуя выдачи им хожалого. Городовых оттеснили на дорогу и сказали:

— Убирайтесь, пока целы.

До поздней ночи гудела возбужденная и настороженная Нарвская застава.

25 февраля политическая забастовка охватила весь рабочий Петроград. Движение стало всеобщим. За Нарвской городовые уже не показывались на улицах в своей форме. Днем у заводских ворот скопилась толпа рабочих. На стук никто не откликался. Постучав еще немного, передние навалились на одну из калиток и сломали ее. В несколько минут были сломаны все калитки и ворота. Шумная толпа ворвалась в завод.

Снег во дворе был необычно белым. В рабочее время достаточно бывало одного-двух дней, чтобы выпавший снег стал грязным, покрытым крупинками гари и сажи. Теперь же не дымили паровозы, не выплескивалась копоть из окон кузницы и прессовой. Заводские трубы не гнали безостановочно дыма. Над темными корпусами цехов стояло необыкновенно чистое небо.

Толпа остановилась, пораженная непривычной тишиной. Завод был совершенно пуст. Шрапнельщик Григорий Самодед, первым ворвавшийся в завод, в недоумении взглянул на товарищей:

— Зачем ломали ворота?

Самодед взмахнул доской от сломанной калитки и скомандовал:

— Снимай охрану!

Кто-то взволнованно крикнул:

— Товарищи! Это же революция!..

И вслед затем ринулись путиловцы на территорию завода. Они бежали по дорожкам, запорошенным необычно белым снегом, разоружая охрану, заглядывая во все закоулки — нет ли где спрятавшихся полицейских.

Группа рабочих добежала до залива. Перед ними открылся широкий простор беловато-серого взморья. На минуту они приостановились — ширь-то какая — и, не задерживаясь, повернули влево к верфи, стремясь поскорее обойти весь завод.

В домах, где находились квартиры директора и высших служащих, было тихо. На дворе — ни души. В главной конторе находился лишь сторож-старик. В конторе по делам рабочих и служащих обосновался только что организовавшийся рабочий комитет Путиловского завода — «Временный революционный комитет». Он поставил себе задачей: вести борьбу с полицейщиной, организовать боевую дружину и установить революционный порядок на улицах. В комитете

состояли большевики — И. Генслер, В. Алексеев и другие. Комитет установил дежурства вооруженных рабочих у проходной и на Петергофском шоссе.

Нарвская застава была в руках рабочих.

БОЕВЫЕ ДНИ

Короткие, стремительные уличные митинги призывали к действиям решительным и быстрым: вооружайтесь, выходите на улицы, снимайте полицию. Все население Нарвской заставы в воскресенье 26 февраля было на Петергофском шоссе.

Еще 24 февраля путиловские большевики получили директиву Петербургского комитета вовлекать в движение солдат гарнизона. Были распределены обязанности, даны четкие указания: поднимать войска, присоединять их к восстанию.

Путиловцы распространили воззвание, выпущенное Петербургским комитетом большевиков. В воззвании говорилось:

«Помните, товарищи солдаты, что только братский союз рабочего класса и революционной армии принесет освобождение порабощенному и гибнущему народу и конец братоубийственной и бессмысленной бойне.

Долой царскую монархию! Да здравствует братский союз революционной армии с народом!».[1]

Заводский литограф Иван Огородников уехал в Ораниенбаум. Он заехал в школу оружейных мастеров — к Ивану Газа. Рассказал ему о событиях в Петрограде, о необходимости организовать выступление солдат, оставил листовки.

Григорий Самодед пришел к измайловцам, рота которых была размещена за заставой.

Федор Кузнецов отправился в Стрельну к пулеметчикам и артиллеристам. Иван Генслер собрал группу павловцев, работавших на заводе, и направил их в казармы Павловского полка. Солдатам, присланным на завод из полков петроградского гарнизона, советовали итти в свои части, подымать их на восстание.

Десятки тысяч людей — взрослые, молодежь, женщины, дети — вышли на улицы Петрограда. Они напирали на солдатские цепи, рвали их, дробили воинские силы. Приказ генерала Хабалова о применении оружия солдатами не выполнялся. Это были грозные признаки крушения царской

[1] Листовки петербургских большевиков, т. II, стр. 251.

монархии, теряющей свою главную силу — армию. Повсеместно рабочие переходили в наступление. В районе Путиловского завода слышались отрывистые выстрелы — рабочие обезоруживали пойманных переодетых городовых. Полицейские забаррикадировались в участке на Ушаковской и в Коломенской части, у Калинкина моста.

Все улицы и переулки, выходящие к Петергофскому шоссе, находились под вооруженной охраной рабочих. Путиловцы уже не прятали оружия под пальто. Вооруженными группами в три-пять человек они обходили заставу.

Повсюду из рук в руки переходили листовки Петербургского комитета большевиков, призывавшие к решительным действиям:

«Всех зовите к борьбе. Лучше погибнуть славной смертью, борясь за рабочее дело, чем сложить голову за барыши капитала на фронте или зачахнуть от голода и непосильной работы. . .». [1]

Днем пришло известие о том, что четвертая рота Павловского полка, возмущенная участием своей учебной команды в расстреле рабочих, бросилась на улицу. Дважды столкнувшись с разъездами полиции, павловцы расстреляли все патроны и вернулись в казармы.

Районный комитет разослал гонцов в разные стороны города. Один гонец поехал за Невскую заставу, — поговаривали, что там стреляли в рабочих; другой отправился в Государственную думу удостовериться — правда ли, что ее разогнали. Многих большевиков направили в казармы воинских частей, — передавали, что войска колеблются, отказываются выступать против восставших рабочих. На Выборгскую поехал гонец за указаниями и листовками. В этот день Петербургский комитет большевиков был арестован. Его заменял Выборгский районный комитет.

Нарвский районный комитет, следуя указаниям Петербургского комитета, постановил шире развертывать вооруженную борьбу, захватывать склады с оружием. Утром 27 февраля тысячи путиловцев снова потянулись в центр. По дороге они разгромили оружейные магазины на Александровском рынке и запаслись оружием. Домой они не возвращались. Вместе с рабочими других заводов и присоединившимися солдатами они освобождали из Петропавловской крепости арестованных павловцев.

С этого дня накрепко завязалась дружба путиловских ра-

[1] Листовки петербургских большевиков, т. II, стр. 250.

бочих с солдатами Павловского полка. Разойдясь по необъятному Петрограду, они вместе принимали участие в разгроме полицейских участков, тюрем, окружного суда, жандармского управления, охранки; брали арсенал, дворцы; арестовывали сановных лиц, царских генералов и министров; сбивали полицейских с крыш, вытаскивали их из подвалов и выводили солдат из казарм на бушующие улицы восставшей столицы.

Василий Мещерский стрелял на Забалканском в городовых. На Сенной он встретил товарищей с Путиловского, конвоировавших арестованных полицейских, и глубокой ночью очутился на Невском проспекте.

Анатолий Богданов и Иван Егоров были неразлучны. С утра 27 февраля они пробрались на Выборгскую сторону. Оттуда вместе с несметной толпой выборжцев снимали караулы у Литейного моста, прошли в центр города и с оружием в руках поздно ночью пришли к родной Нарвской заставе.

Вася Алексеев во главе группы путиловских рабочих-солдат пришел к казармам Волынского полка. Когда волынцы, убив командира, вышли на улицу, путиловцы вместе с ними направились к другим полкам, а затем на Выборгскую сторону.

Григорий Самодед выводил из казарм гренадеров, от гренадеров пошел к семеновцам, затем к измайловцам. За день Самодед побывал во многих воинских частях. Одетый по-солдатски, с возгласами «Долой царя!», «Долой войну!» он врывался в казарменные дворы. Стремительным напором сокрушал нерешительность, колебания солдат и выводил их на улицы восставшего Петрограда.

Зарайский разоружал жандармов Николаевского вокзала и раздавал рабочим захваченные им браунинги. Федор Кузнецов и Василий Урюпин обошли все тюрьмы, участвуя в освобождении арестованных. Вместе с солдатами захватили они Аничков дворец и остались там на дежурство.

У пажеского корпуса на Садовой улице группу путиловцев встретили пулеметным огнем. Был убит токарь лафето-снарядной А. Зимин. В другом месте, у Казанского собора, погиб башенщик Дмитрий Гормонов. Несколько человек принесли в район ранеными.

Новые сотни путиловцев бросились в город. На Литейном проспекте, пробиваясь сквозь разрушенные баррикады, они захватили продовольственный склад. Выкатили бочки с огурцами, капустой, собрали женщин со дворов Сергиевской

улицы и с их помощью создали питательные пункты для восставших.

Группа путиловских рабочих ворвалась в Адмиралтейство и участвовала в аресте генерала Хабалова. Когда его вели в Таврический, он хмуро глядел на рабочих сквозь насупленные брови.

— Видишь, генерал, что вышло, а ведь грозил... — посмеивались путиловцы, напоминая ему его грозные приказы о прекращении забастовки.

Рядовой Ораниенбаумской школы оружейных мастеров путиловец Иван Газа собирал революционно настроенных солдат, чтобы повести их в город на помощь восставшим рабочим. Там же в Ораниенбауме поднялись пулеметчики, распропагандированные солдатами — бывшими путиловцами. В ночь на 28 февраля они сняли посты у оружейного склада и подняли на ноги весь 3-й запасный батальон. Офицеры разбежались. Увлекая за собой соседние пулеметные части, войска двинулись на Петроград. По пути к станции Ораниенбаум солдат обстреляли из пулеметов. Больше пятнадцати человек было убито и ранено. Опасаясь, что полиция может пустить поезд под откос, пулеметчики пошли пешком.

Утром 28 февраля весь завод заполнился людьми. Путиловцы пришли выбирать своих депутатов в создавшийся накануне вечером Петроградский Совет. Но не успели они разбиться по округам, объединявшим по нескольку мастерских, как пронесся тревожный слух: на Петроград идут войска.

К заводу подъехал на военном мотоцикле солдат. Он кричал:

— К вам идут наши полки из Ораниенбаума.

И, не сказав больше ничего, покатил дальше.

Путиловцы встревожились:

— Зачем идут? Помогать рабочим? Или офицеры ведут солдат подавлять революцию?

Электрик Иван Егоров на улице собрал вокруг себя рабочих и сказал:

— Мы пойдем навстречу пулеметчикам. Мы их остановим. Если они против нас — постараемся их переубедить, расскажем, что происходит в городе. Если они за нас — присоединимся и приведем их к заводу.

Он повел за собой двести человек. Время тянулось медленно.

Наконец, путиловцы увидели вдали идущую толпу. Над толпой развевалось красное знамя. Крик радости взметнулся за заставой, многоголосый, ликующий крик: «Ура!».

Путиловцы остановили пулеметчиков у Шереметевской дачи. Иван Егоров вскочил на воинскую двуколку и коротко рассказал о событиях в Петрограде. Он говорил о задачах, которые встали сейчас перед народом:

— За что мы все время дрались с самодержавием? Рабочим — восьмичасовой рабочий день, крестьянам — землю и всему народу — освобождение от политического гнета. Теперь самое первое дело — кончить войну, заключить мир.

Упоминание о мире вызвало бурю восторженных возгласов:

— Кончать войну! Да здравствует мир!

Став впереди солдат, Егоров повел их к заводу.

Зябко кутаясь в старые шинели, в рваных сапогах, обмотанных тряпками, шли солдаты — ораниенбаумские пехотинцы и пулеметчики; ехали аккуратные мотоциклисты и шоферы запасной автомобильной роты с бебутами на поясах. Сплошным потоком, занимая всю ширину шоссе, шли войска разного рода оружия гарнизонов Ораниенбаума, Стрельны и Петергофа. Ряды солдат смешались с обозами, двуколками, пулеметами. К моменту, когда голова колонны подошла к Путиловскому заводу, хвост ее тянулся у Лигово.

Унтер-офицер Федоров, бывший путиловский рабочий, ехал верхом, рядом с повозками, наполненными винтовками и патронными ящиками. Он вез оружие своим товарищам-путиловцам.

Пока войска подходили к заводу, беспрерывно раскатывалось «ура!». Вверх летели шапки. Солдаты обнимали рабочих. Рабочие целовали солдат. То и дело слышались возгласы:

— Братьям-солдатам ура!

— Восставшим рабочим ура!

Военный оркестр беспрерывно играл «Марсельезу».

Знамя путиловцев прикрепили к лафету трехдюймовой пушки. Откуда-то появились красные ленты. Они пошли по рукам. Ими делились, разукрашивая винтовки и пулеметы красными бантами. Когда полк двинулся, неожиданно грянули выстрелы. То стреляли скрывшиеся полицейские. Поднялась ответная беспорядочная стрельба.

— С мартена бьют! С церкви! Вот они где, фараоны!..

В церкви и на крыше мартеновской мастерской никого не нашли: полицейские успели скрыться.

У шестого отделения Путиловского общества потребителей оказалась засада полиции. Завязалась перестрелка. Ранило несколько лошадей. Они порвали веревочную упряжь и

повернули обратно. Люди шарахались в переулки, сбивались в кучи, падали на снег, укрываясь от пуль.

— Перебежкой вперед! — кричали солдаты.

Подражая им, пригибаясь и падая, бросились путиловцы к потребительскому обществу. Пулемету полиции отвечал солдатский пулемет. Стихла стрельба с чердака. На лестницу с переулка бросился унтер-офицер Федоров, пробежал несколько ступенек и упал, сраженный пулей. Свалился еще один солдат, затем третий. Был убит слесарь Николай Устинов. Солдаты и рабочие разъярились:

— Заходи сзади, с огородов!..

В обход, через огороды, с Петергофского и с Новоовсянниковской, двинулись штурмом на чердаки кооператива и макаронной фабрики. Трещал пулемет, звенели разбитые стекла, сыпалась штукатурка. Ворвались наверх, выволокли городовых, переодетых в шинели Измайловского полка.

Пока часть солдат осаждала чердак путиловского кооператива, голова колонны дошла до Ушаковской и вступила в перестрелку с отрядом полиции, засевшим в угловых домах и в помещении полицейского участка.

Свыше часа продолжалась осада. В участке были сосредоточены запасы оружия и продовольствия на случай длительных боев.

— Не берут пули — возьмет огонь!

Солдаты подожгли здание. Полицейские сдались. Их выводили, расстреливали на месте.

Путиловцы и пулеметчики снимали полицейских у Нарвских ворот, в женском монастыре по Старопетергофскому, у Обводного канала и у Коломенской части. Винтовки, револьверы и шашки разбирали рабочие, пулеметы увозили солдаты.

За Калинкиным мостом путь в город был свободен. Мощным потоком хлынули в город рабочие и солдаты и, снова пройдя весь Невский, разошлись по разным концам города. По дороге сбивали с крыш правительственных зданий царские орлы, срывали их с вывесок, — железные ломали, деревянные сжигали.

За Боткинскими бараками путиловцы приняли участие в разгроме пересыльной тюрьмы. Осужденные на каторгу со дня на день ожидали отправки. Среди политических заключенных был путиловец — работник больничной кассы Эмиль Петерсон. Он вышел на тюремный двор в кандалах, в арестантском бушлате, небритый и исхудавший. Его подхва-

тили и повели в тюремную кузницу, чтобы расковать кандалы. Днем он уже был в путиловской больничной кассе.

Три дня шли бои. Рабочие Нарвской заставы потеряли около пятидесяти человек убитыми. Двадцать девять из них позже были похоронены в братской могиле на Марсовом поле.

После боев делегации рабочих и солдат шли к Таврическому дворцу, где поместился создавшийся накануне вечером Совет рабочих депутатов. Как только за Нарвской пришла весть об организации Совета, находившиеся в кооперативе «Трудовой путь» члены правления кооператива — большевики и меньшевики — решили объявить себя временной делегацией Нарвского района. Раздобыв на заводе грузовик, они поехали в Таврический дворец.

У здания Государственной думы толпились воинские части — пехотинцы, саперы, артиллеристы, казаки. Еще неостывшие от горячих боев с полицией, возбужденные и ликующие, приходили туда солдаты в полном вооружении — с пулеметами, орудиями, броневиками и с красными флажками на штыках.

К толпам восставшего народа выходили руководители только что создавшегося Петроградского Совета и члены организованного Государственной думой Временного комитета. Выходил и сам председатель Государственной думы Родзянко.

Путиловцы были насторожены. Они знали цену успокоительных и приветственных речей царского защитника Родзянко. Проходя мимо толпы, с жадностью слушавшей какого-то думца, путиловский большевик Генслер воскликнул:

— С чего это он в революционера рядится?..

Солдаты на него зашикали, закричали. Депутат с чувством говорил о том, что народ совершил геройское дело и избранный Государственной думой Временный комитет, взяв управление в свои руки, сделает все, чтобы жизнь устроилась по-новому, по-хорошему.

Но когда думский оратор призвал солдат итти в казармы на ученье, а рабочих на заводы для работы, солдатская масса взорвалась гневом:

— Чего захотел! Рано. Еще не всех повыбили..

На заседании Совета рабочих депутатов меньшевик Н. Чхеидзе заявил:

— Отныне власть осуществляет Временный комитет Государственной думы.

— А Совет? — бросили ему вопрос.

Чхеидзе отмолчался. Путиловские большевики были озадачены тем обстоятельством, что сам руководитель Совета отдает предпочтение комитету, созданному черносотенной царской думой. Ведь рабочие, солдаты, стекавшиеся сюда, к дворцу, шли к своему Совету, а не к думским дельцам, пытающимся присосаться к чужой победе.

Так и не услыхав ничего, кроме успокоительных фраз, путиловцы уехали обратно. Автомобиль стал подвижным дискуссионным клубом. Горячась и волнуясь, спорили между собой путиловцы. Меньшевики из «Трудового пути» сразу стали на позиции своего лидера Чхеидзе. Перекрывая грохот старого автомобильного мотора, большевик Иван Генслер кричал им:

— Кто революцию делал? Буржуазия или рабочие? При чем тут Государственная дума? Разве не известно, как встретил ее 14 февраля рабочий класс?

Грузовик подпрыгивал, скользил, путиловцы перебрасывались с борта на борт и, крепко уцепившись друг за друга, продолжали спорить жестоко и страстно — в первый раз после победы революции.

НАРВСКАЯ ПЛОЩАДЬ

Бушующим морем была Нарвская площадь. Триумфальные ворота — безмолвный свидетель расстрела 9 января 1905 года и бесчисленных рабочих демонстраций — стали свидетелем разлившейся активности и энергии путиловцев. На площади решались все вопросы, определялись планы, и то, что становилось известным здесь, распространялось мгновенно по бесчисленным переулкам заставы.

Улица, площадь, завод — стали массовой политической школой. Всюду слышались зажигающие слова о заре новой жизни, о свободе, о мире между народами.

На Нарвской площади с импровизированных трибун безостановочно гремели речи. В жарких спорах рождались ораторы. Иной, произнеся первую заготовленную фразу — «старому крышка, гроб», внезапно замолкал, потеряв нить. Он только потрясал кулаками и, не закончив речи, уступал место другому.

На площади в любое время агитаторы находили трибуну и аудиторию. Там рабочие обсуждали все новости, объединялись по мастерским, выносили постановления: разыскать своего депутата, изготовить знамя, организовать похороны убитого товарища. Там рабочая милиция получила первое

задание — убрать появившуюся за заставой шайку хулигана Ваньки-Быка.

На площади было решено — открыть все лавки в районе. Толпы добровольцев бросились по шоссе, проверяя, все ли лавки открыты.

Ремонтная трамвайная вышка, служившая трибуной, была превращена в скамью подсудимых для торговцев, у которых были обнаружены спрятанные продукты. Найденные в одном из подвалов огромные запасы сыра были тотчас же увезены в Путиловское потребительское общество.

Здесь же на площади 6 марта шли митинги на тему: продолжать ли забастовку? Обсуждался призыв Петроградского Совета возобновить работы на заводах. Сначала никакие уговоры приступить к работе не действовали. Рабочие говорили:

— Рано еще стачку кончать. Там наверху могут повернуть на старый путь.

На огромном митинге, собравшемся у Нарвских ворот, молодой большевик заговорил о прекращении забастовки. Он рассказал об условиях, на которых Петербургский комитет считал возможным прекратить стачку: восьмичасовой рабочий день, одновременное возобновление работ на всех столичных заводах.

7 марта, после двухнедельного перерыва, загудел старый заводский гудок, созывая путиловцев в мастерские. Первые дни работы на Путиловском заводе были суматошны и беспорядочны. В цехах устраивались митинги, предложение большевиков было принято повсюду:

— Работаем по-новому: восемь часов и ни минуты больше.

В первый же день работы на Путиловском заводе был введен явочным порядком восьмичасовой рабочий день. То же было и на многих других петроградских предприятиях.

Только после такого самочинного установления восьмичасового дня через пять дней было опубликовано соглашение Петроградского Совета и Общества заводчиков и фабрикантов о введении рабочего дня продолжительностью в восемь часов.

На второй день стали появляться мастера и начальники. И снова в цехах заскрипели тачки. Рабочие вывозили мастеров, администраторов, известных как прижимщиков, доносчиков и черносотенцев. В паровозосборочной первым схватили начальника мастерской Пузанова, главаря черной сотни завода. Ненависть к этому человеку, копившаяся годами, прорвалась наружу. Его посадили в тачку, облили

суриком, смешанным с машинным маслом, провезли по заводу и выбросили за ворота.

Разметочные плиты снова, как в 1905 году, стали судным местом. Подсудимые — мастера и начальники — бормотали слова раскаяния и давали обещания исправиться. Их судили подолгу и основательно. Предложения — выгнать с позором или вывезти на тачке — обсуждались всесторонне. Перечисляли все обиды, высказывали доводы в их защиту.

В одной из механических мастерских инженер влез па плиту и объявил список людей, ходивших к начальнику с доносами и наговорами. Доносчиков вытащили на плиту. Они стояли на плите кучкой. Их спрашивали, правду ли сказал инженер; они молчали.

— Знать согласны, раз молчат.

Признав их «темными, как погреб, и несознательными», присудили выгнать из мастерской «с позором». Выпускали одного за другим поодиночке, сопровождая их уход свистом и криками: «Провокатор, позор!».

Так в течение трех дней с завода было удалено свыше сорока лиц. Прогнали начальника инструментальной А. Мандриченко, постоянно грозившего «схлопотать каторгу» забастовщикам; вытолкали из мастерской начальника котельной М. Галкина; из вагонной выгнали старшего мастера Веллера, из-за которого в 1913 году мастерская бастовала два дня и, сдавшись, пообещала когда-нибудь рассчитаться с ним; инженер Н. Пухальский из шрапнельной, которого дважды в 1916 году вывозили на тачке, был вывезен на ней в третий и последний раз; старшего врача больницы Левинсона, известного своим бездушным отношением к рабочим, сиделки и уборщицы вывели под руки из больницы.

8 марта районный Совет занялся вопросом о взаимоотношениях рабочих с администрацией. Стихийные, неорганизованные действия рабочих были быстро приостановлены. На заводе по всем мастерским создали примирительные камеры, избрали старост и представителей в разные комиссии — по тарифным вопросам, по возврату с фронта путиловцев, взятых в армию за забастовку. Солдаты создали на заводе свой командный комитет. В цехах собирались бывшие члены профессиональных союзов и говорили о том, чтобы воссоздать союзы металлистов, деревообделочников, электриков, машинистов. Бывшие участники культурно-просветительных обществ делали попытки снова объединиться. Начали создаваться землячества — белорусское, литовское, украинское. В больничной кассе путиловские страховики сговаривались

взять в свои руки все больничное дело. Многие вооруженные рабочие по примеру 1905 года начали собираться в дружины. Началась массовая самоорганизация рабочих.

ПЕРВОЕ ЛЕГАЛЬНОЕ

Первое легальное собрание большевистской организации происходило вечером 2 марта в проходной конторе завода — узкой, длинной комнате, уставленной канцелярской мебелью. У двери, за крайним столом, расположился Эмиль Петерсон. Приход каждого человека он отмечал черточкой на листке бумаги.

Разбившись на группы, большевики-путиловцы обсуждали последние известия: временный комитет Государственной думы зовет армию к спокойствию, а какое спокойствие может быть, когда царь еще беспрепятственно разъезжает в своем поезде? В Москве создался Совет рабочих депутатов; сормовские рабочие завладели Нижним-Новгородом; в Самаре избран революционный комитет, — революция прокатывается по всей России.

Литейщик Максим Анисимов рассказывал о Петроградском Совете рабочих депутатов, о сутолоке в Таврическом дворце. Он вернулся оттуда, оглушенный потоком речей, приветствий, споров. Потеряв свою обычную медлительность и спокойствие, сбиваясь и горячась, он говорил:

— Создано Временное правительство. Все сплошь кадеты и октябристы. Милюков неделю назад воззвания писал: рабочие, не бастуйте, — теперь он «революционный» министр. Гучков, председатель военно-промышленного комитета — тоже. Они все еще за монархию цепляются. Династия будет сохранена: Николаю II отставка, вместо него царем будет наследник, — так сказал сегодня Милюков. Ему чуть голову не сорвали за эти слова.

В другом месте вслух читали листовку-манифест Центрального комитета большевиков, выпущенную еще 26 февраля: «Задача рабочего класса и революционной армии создать *Временное Революционное Правительство*, которое должно встать во главе нового нарождающегося *республиканского* строя». [1]

Вася Алексеев пришел с ворохом различных листовок и газет. У тусклой керосиновой лампы сгрудились большевики, жадно набросившись на свежие вечерние известия.

---

[1] «Правда» № 1, 5 марта 1917 г.

Иван Огородников привел с собой двух солдат.

— Наши, — заявил он Петерсону, — думаю, что можно...

— Молодец, правильно поступаешь, практически.

И Петерсон одну за другой поставил три жирных прямых черточки.

За окнами проходной нарастал шум. Петерсон выглянул наружу. Возвратившись, сообщил, что у конторы и у ворот завода сбиваются толпы и обсуждают распространившиеся вести о новом правительстве. Петерсон предложил нескольким большевикам до начала партийного собрания выступить перед рабочими.

— Руководствуйтесь постановлением Выборгского районного комитета, — сказал он. — Правительство должно быть создано Петроградским Советом рабочих и солдатских депутатов, а не царской думой.

В этот день Петерсон побывал на Выборгской стороне, связался с вновь организованным Петербургским комитетом большевиков. Он выяснил там позиции большевистской партийной организации по главному вопросу дня — о власти.

К заводу прибывали новые группы путиловцев. Известие о том, что кадеты пытаются сохранить монархию, взволновало рабочих. Слышались недовольные голоса по адресу руководителей Совета — меньшевиков и эсеров:

— Где они заседают, не в Таврическом, что ли? Не видят: под боком у них царя поддерживают!

— Что наши депутаты молчат?

Выступил Максим Анисимов. Он заявил:

— Хоть я и выбран литейным округом в депутаты, а могу сказать одно: ни я, ни другие такие, как я, рабочие представители всего не знаем. Мы с буржуазией дел не имеем. Все переговоры ведет исполнительный комитет. С него и спрашивать надо.

Путиловцы расходились медленно, собирались в кучки, толковали, спорили. Поднявшиеся на вооруженную борьбу рабочие и солдаты ожидали больших и решительных изменений, а получалось что-то странное:

— Власть Романовых перешла к Родзянко, Милюкову, а кто их выбирал, уполномочивал?..

— Мы революцию делали, а кадеты себя властью объявляют...

Центральным пунктом всех разговоров рабочих были известия о создавшемся Временном правительстве. Кадровые путиловцы, прошедшие большую школу классовой борьбы, хорошо знали, что̀ представляют собой новые министры —

Гучков, Милюков, Коновалов, Терещенко — и все Временное правительство в целом. Кадровые рабочие сразу отнеслись к Временному правительству отрицательно, ни на минуту не веря в то, что правительство буржуазии захочет хоть в какой-либо степени выполнить требования народа о мире, земле и хлебе.

Но кадровые пролетарские слои путиловцев к 1917 году значительно поредели. За два с половиной года войны из рядов путиловцев были взяты в армию многие тысячи рабочих (по приблизительным подсчетам больше шести тысяч человек). К тому же из тридцати тысяч рабочих, насчитывавшихся к 1917 году, около двадцати тысяч пришли на завод лишь в годы войны. Одних чернорабочих на заводе насчитывалось свыше десяти тысяч.

Новые слои путиловцев не могли сразу разобраться в том, что́ представляет собою Временное правительство, не могли разглядеть его контрреволюционную сущность, не могли сразу понять предательскую политику соглашательских партий эсеров и меньшевиков. Это и определило то, что выборы в Совет рабочих депутатов, проведенные на заводе вечером 28 февраля и утром 1 марта, когда на улицах Петрограда еще шли бои и самые активные путиловцы дрались с оружием в руках, прошли вяло, неорганизованно, наспех и дали большинство эсерам и меньшевикам.

Новые слои рабочих после победы Февральской буржуазно-демократической революции потянулись к активной политической жизни. Депутатов Петроградского Совета они засыпали градом вопросов. Спрашивали обо всем: о министрах, о хлебном пайке, о восьмичасовом рабочем дне, о пособиях солдаткам, об Учредительном собрании, об окончании войны.

В проходной после митинга царило необычайное возбуждение. Максим Анисимов искал других членов Совета, чтобы сговориться с ними о совместном выступлении в Таврическом. Федор Кузнецов кричал, стараясь перекрыть шум:

— Глядеть надо в оба: подведут меньшевики и эсеры. Как пить дать — подведут! Как бы монархисты не пригрелись под их крылышком.

Эмиль Петерсон отошел от двери к столу и, открывая собрание, произнес вступительную речь:

— Это первое собрание, — сказал он, — которое мы, большевики, проводим открыто, не боясь налета и разгрома. Нас гоняли по этапам, заковывали в кандалы, ссылали в глухую сибирскую тайгу. Правительство тюремщиков и вешателей

жестоко преследовало свободную мысль. Тысячи наших братьев-рабочих сложили свои честные головы в тяжких боях с царским деспотизмом. А теперь?..

Петерсон повысил голос:

— Мы пришли свободно. Мы заседаем открыто. Слова, звучавшие в глухом подполье, сейчас будут разноситься по улицам и площадям перед тысячами и миллионами. Мы вновь поставим нашу рабочую печать, — уже готовится к выходу «Правда», — и наш голос, голос революционеров, прокатится по всей России...

Петерсон сообщил: на собрании присутствуют пятьдесят шесть человек. По расчетам товарищей это составляет половину членов организации, числившихся два месяца назад. С тех пор многим пришлось покинуть завод и район. Некоторым так и нельзя было дать знать о собрании — целыми днями они пропадают на улицах, а квартир у них нет.

Петерсон закончил свою речь предложением считать собрание организационным.

Выступления касались главным образом вопроса о власти. Не устанавливая порядка дня, его обсудили первым. Была подтверждена резолюция Выборгского районного комитета большевиков, принятая в этот день собранием рабочих и солдат Выборгской стороны:

«Вся власть до созыва Учредительного Собрания должна быть сосредоточена в руках Совета Рабочих и Солдатских Депутатов, как единственно революционного правительства; армия и население должны исполнять только распоряжения Совета Рабочих и Солдатских Депутатов и считать распоряжения исполнительного комитета членов Государственной думы недействительными...».[1]

От вопроса о власти собрание перешло к обсуждению результатов выборов в Петроградский Совет по Путиловскому заводу и району. Максим Анисимов заявил, что он избран литейным округом, объединявшим чугунолитейную, меднолитейную и модельную мастерские. В Таврическом он видел Буренкова с верфи — тот также депутат.

Никто не знал точно, сколько депутатов избрано по заводу и верфи. Петерсон стал расспрашивать о выборах по каждой мастерской. Выяснилось, что на верфи, кроме И. Буренкова, избран матрос Андреев, до того ничем себя не проявивший. Рослый матрос в бушлате, с башлыком за спиной, он в речи на выборном собрании помянул о кронштадтском

[1] «Правда» № 2, 6 марта 1917 г.

и черноморском восстаниях и предстал перед рабочими как славный продолжатель революционных традиций флота.

— Кто лучше сказал, того и выбрали, — заявил солдат, единственный большевик из шрапнельной. — И у нас нашлись хорошие говоруны, вроде голосистого меньшевика Копьева, — они и взяли верх. В башенной прошел Кузьмин — тоже меньшевик.

В конце концов произвели подсчет: по заводу избрано около сорока депутатов, из них не более десяти — большевики.

— Итак, — заключил Петерсон, — ликвидаторы-меньшевики, пользуясь тем, что не участвовали в уличных боях, очутились во время выборов на месте и проскользнули в Совет. Масса еще не раскусила их. А наверху, благодаря своей думской фракции и «военно-промышленным социалистам», они захватили места в исполнительном комитете Совета. Нам с ними никогда не было по пути. Мы пойдем своей дорогой. Мы, большевики, начнем с другого конца — с низов. Мы отвоюем массы, и эсеры и меньшевики рухнут в пропасть. Они будут изгнаны отовсюду, как в свое время были изгнаны ликвидаторы из страховых органов, профессиональных союзов и рабочих культурно-просветительных обществ...

Вслед за этим на собрании была выработана длинная повестка дня. В нее были включены вопросы: о районном Совете рабочих депутатов; о вооружении рабочих; о союзе металлистов (Травников заявил: и о союзе деревообделочников, Егоров — о союзе электриков и о союзе младших служащих больниц); об агитации; о больничной кассе; о клубе Нарвского района; выборы исполнительных органов районной организации и еще с десяток других вопросов.

Больше всего говорили о районном Совете. Оказалось, что некоторые депутаты-путиловцы уже договорились создать по примеру 1905 года свой районный Совет. В исполнительном комитете Петроградского Совета к этому относятся неодобрительно, но рядовые депутаты твердо настаивают на своем предложении.

Собрание большевиков постановило: созвать депутатов Совета от района на другой же день, 3 марта, и поставить исполнительный комитет Петроградского Совета перед совершившимся фактом: районный Совет создан.

Была уже глухая ночь, когда приступили к выборам районного комитета партии. Избрали 16 человек (Э. Петерсона, И. Генслера, Ф. Лемешева, Л. Тарасову, С. Афанасьева,

П. Егорова и др.). Выделили три комиссии: по организации союза металлистов, по вооружению рабочих и культурно-просветительную. Травникову поручили заняться организацией союза деревообделочников, Егорову — союза электромонтеров и союза младших служащих больниц, Дроздову — союза модельщиков.

Местом пребывания районного комитета определили проходную контору завода.

3 марта в конторе по делам рабочих и служащих собрались депутаты Петроградского Совета от заводов Нарвской заставы. Кроме сорока путиловцев, пришли четырнадцать представителей заводов: «Тильманс», Преловского, «Однер», Химического и других, и два депутата от мелких предприятий.

После недолгих прений было принято предложение большевиков — образовать районный Совет. Большинства в районном Совете не имела ни одна партия. Меньшевиков из пятидесяти шести депутатов было одиннадцать, большевиков — десять, эсеров — пять, «межрайонцев» — четыре. Остальные двадцать шесть членов Совета были беспартийные.

При выборах председателя Совета произошла резкая схватка большевиков с меньшевиками. Меньшевики выставили свою кандидатуру — рабочего башенной А. Кузьмина. Другим кандидатом на председательское место был «межрайонец» Иван Панов из шрапнельной. Большевики решили поддержать его кандидатуру, чтобы провалить меньшевика: случайный состав депутатов, еще не знавших друг друга, не давал им возможности провести своего кандидата. Панов был избран председателем районного Совета. Кандидат меньшевиков был провален.

Районный Совет расположился в конторе по делам рабочих и служащих Путиловского завода. С первых же дней контора была постоянно полна народу. Массы напирали на депутатов, выдвигали перед ними самые разнообразные вопросы и предложения. Все эти вопросы — важные и неважные, крупные и мелкие — депутаты переносили на заседания Совета, происходившие ежедневно. Меньшевики и эсеры, уклоняясь от обсуждения важнейших вопросов — о войне, о мире, о власти, на первый план выдвигали вопросы узко районные. Они заявляли, что общие вопросы должен решать Петроградский Совет; районный Совет — не больше, как орган местного самоуправления.

Большевики боролись за превращение районного Совета

в боевой революционный орган. Но было ясно, что им предстоят упорные бои за влияние в Совете. Их позиции там были еще недостаточно сильны. Зато в других организациях дело обстояло значительно лучше. Иван Егоров, получивший на первом партийном собрании поручение восстановить союз электромонтеров, вошел в инициативную группу и уже 6 марта был избран членом временного правления союза. В больнице «Всех скорбящих», где он работал, он организовал первую ячейку другого союза — младших служащих ведомства императрицы Марии (больниц, лазаретов, домов призрения и т. п.). Его избрали председателем рабочего комитета. От имени «сознательных служащих» он опубликовал в «Правде» воззвание ко всем работникам ведомства, и вскоре в Петрограде создался новый профессиональный союз. Егорова избрали заместителем председателя.

Столяр Иван Травников организовал районное отделение союза деревообделочников.

Быстрее всех справились со своими задачами путиловские страховики. На другой день после первого партийного собрания, где говорилось о необходимости осуществления большевистской страховой программы, они созвали правление больничной кассы. Было решено: администрацию завода от лечебного дела немедленно отстранить и взять его в свои руки.

Так же быстро организовались дружинники. Уже к середине марта при районном комитете большевиков сформировался боевой отряд, а на Путиловском заводе по цехам начали складываться небольшие дружины, вскоре объединившиеся в один отряд Красной гвардии.

Но районный Совет рабочих депутатов большевикам еще предстояло завоевать. 14 марта на очередном заседании Совета представитель большевиков прочел статью «О Советах рабочих и солдатских депутатов», напечатанную в «Правде». Эта статья ясно и отчетливо выражала точку зрения большевиков на Советы. Статья была написана только что возвратившимся из ссылки товарищем Сталиным. С предельной четкостью в ней ставилась проблема организации новой революционной власти:

«...Залог окончательной победы Русской Революции — в упрочении союза революционного рабочего с революционным солдатом.

Органами этого союза и являются Советы Рабочих и Солдатских Депутатов.

И чем теснее сплочены эти Советы, чем крепче они организованы, тем действительнее выраженная в них революционная власть революционного народа, тем реальнее гарантии против контр-революции.

Укрепить эти Советы, сделать их повсеместными, связать их между собой во главе с Центральным Советом Рабочих и Солдатских Депутатов, как органом революционной власти народа, — вот в каком направлении должны работать революционные социал-демократы».[1]

Эти указания послужили для путиловских большевиков толчком к еще более упорной борьбе с эсерами и меньшевиками за укрепление Совета, за превращение его в орган политического руководства массами.

Меньшевистско-эсеровский блок Петергофского районного Совета[2] упорно добивался объединения Совета с «районным рабочим комитетом», самочинной организацией, преследовавшей цели снабжения рабочих продовольствием. Меньшевики стремились превратить Совет в орган общественного самоуправления. Депутат лафето-снарядной мастерской В. Петров прямо говорил:

— Мы существуем для удовлетворения повседневных нужд жителей местного района.

Петров яростно отстаивал эту вреднейшую предательскую позицию меньшевиков. Еще в 1905 году они пытались превратить Петербургский Совет рабочих депутатов из органа восстания в некое добавление к городской думе. Их целью было оторвать Совет от его главной задачи — организации политической власти.

В Петергофском районном Совете между большевиками и меньшевиками разгорелась острая борьба. Большевики боролись за четкое определение задач Совета. Они предлагали хозяйственные функции передать «районному рабочему комитету», сделав его временной районной думой. Совет же должен стать единственным политическим органом рабочих заставы. В ожесточенной борьбе с соглашателями большевики добились победы.

Трижды собирались вместе районный Совет и «рабочий комитет», чтобы определить круг деятельности каждой орга-

[1] *И. Сталин*, На путях к Октябрю, 1925, стр. 2.

[2] Районный Совет объединял депутатов заводов, расположенных к югу от Нарвских ворот, и назывался *Петергофским*. Районный комитет партии большевиков объединял партийные организации заводов, находившихся в Петергофском районе, а также в районе от Нарвских ворот до Обводного канала, и назывался *Нарвским*.

низации. Наконец, 20 марта было принято пространное решение, по которому Совет рабочих депутатов признавался главной политической организацией рабочих. Задачи Совета, хотя и не совсем четко, определялись следующим образом:

«1. Экономическая и профессиональная организация солдат и рабочих.

2. Руководство массовыми и политическими выступлениями рабочего класса, подготовка их и предварительное разрешение общеполитических вопросов, возникающих в общегородском Совете рабочих и солдатских депутатов.

3. Создание районной думы как органа местного хозяйственного самоуправления.

4. Установление постоянного контроля над деятельностью районной думы для проведения в жизнь рабочей муниципальной политики». [1]

«Рабочий комитет» был превращен в «временную районную думу». С этого момента районный Совет рабочих депутатов выступал как единственный политический представитель всех рабочих Нарвского района.

ДОЛОЙ ИМПЕРИАЛИСТИЧЕСКУЮ ВОЙНУ!

Страна, сбросившая самодержавие, с облегчением вздохнула. Наступают новые времена — новая власть установится по всей России, отовсюду выметут царскую нечисть, и тогда правительство и Советы заключат немедленно справедливый мир. Все трудящиеся сходились на одном — войне скоро конец.

Во всех воюющих странах росло недовольство войной, в некоторых странах назревал революционный кризис, и буржуазия каждой страны стремилась поскорей закончить войну разгромом противников.

Рабочий класс России, руководимый партией большевиков, пронес знамя интернационализма незапятнанным сквозь годы империалистической бойни. Петроградский пролетариат поднимался на революцию с лозунгом «Долой войну!». И теперь вопрос о войне волновал каждого.

Во всех общественных зданиях, театрах, клубах с утра до ночи толпился народ, жадно потянувшийся к политике. Всюду можно было достать брошюру, листовку, наслушаться речей своих и приезжих агитаторов, узнать свежие новости, потолковать, поспорить.

---

[1] ЛОАОР, Фонд Петергофского районного Совета, 1917, д. № 3.

Еще более остро развернулись споры и дискуссии в цехах заводов. Во всех мастерских путиловского тридцатитысячного гиганта на самых видных местах соорудили трибуны. Ежедневно в перерывах на обед, после работ, а часто и в рабочее время площадки трибун заполнялись людьми. Там сталкивались суждения, определялись позиции, шла размежевка. Как и в многочисленных организациях района, главным вопросом было: как будет с войной?

18 марта в шрапнельном, самом молодом и самом большом цеху завода, происходил очередной митинг. У новой свежесколоченной трибуны сгруппировались рабочие всей мастерской. На трибуне находились депутаты Совета от шрапнельного цеха, явившийся по своему почину депутат лафетоснарядной В. Петров и несколько шрапнельщиков: солдат Игнат Судаков, чернорабочий Григорий Самодед и другие.

Депутат Копьев, меньшевик, говорил о братстве народов, расписывал ужасы, которые принесла война. Он много говорил о мире, но вывод сделал следующий: война была делом царской шайки, стремившейся к грабежу других народов. Теперь царя нет, вопрос об аннексиях снят, и народ ведет войну за свою свободу, за новую «обновленную Россию». В подтверждение своих слов Копьев ссылался на опубликованный три дня назад манифест Петроградского Совета рабочих и солдатских депутатов. Именем Совета он призывал рабочих не слагать оружия до тех пор, пока немецкие рабочие не свергнут своих империалистов.

В заключение Копьев патетически воскликнул:

— Не отдадим демократическую Россию на растерзание немецкому империализму! Граждане-рабочие, в наших руках свобода! Не упустите ее!

Слова «империализм», «аннексия», «демократия» оглушали отсталых шрапнельщиков. Редкий из них до марта 1917 года принимал участие в политической жизни. Типичный шрапнельщик был в самом недалеком прошлом крестьянином, приехавшим в город на заработки.

В ответ на речь Копьева из толпы шрапнельщиков послышались возгласы:

— Не выпустим свободы из своих рук!..

Меньшевик-депутат В. Петров еще сильней Копьева подогрел оборонческие настроения шрапнельщиков: война не нужна никому, мира желают все. Но как достичь мира, если кровавый Вильгельм наступает и хочет смять революционные завоевания масс? Петров заявил: победа революции — это победа над немцем.

Слово взял бывший токарь Игнат Судаков. Он рассказал шрапнельщикам, как приходилось ему воевать на фронте. Он откинул борт своей измазанной шинели и, в доказательство того, что сражался неплохо, провел рукой по георгиевским крестам всех четырех степеней, висевшим у него на груди.

Судаков говорил о том, как он мучился в окопных норах, сколько трудов он положил, чтобы попасть в тыл и как он был счастлив, когда очутился среди рабочих Путиловского завода.

— А нынче, — заявил Судаков, — я первый пойду обратно в окопы, если это нужно будет для защиты свободы.

Он говорил искренне, не понимая того, что после низвержения монархии война не перестала быть захватнической, затеянной капиталистами для грабежа других народов.

Стоявший на трибуне Григорий Самодед не выдержал. Сбивая очередь, он протиснулся вперед и заговорил резко и страстно, почти крича:

— В этом-то и путаница! И прежде и сейчас войну ведет буржуй, капиталист. Ему требуется война! Ему выгодно, чтоб народ перебили! Войну следует немедленно прекратить!

— Как же ты прекратишь ее, когда немец прет?

— Если захотеть, так можно прекратить, — возражал Самодед, — только наверху не хотят.

Митинг поручил комиссии уполномоченных от шрапнельного цеха вместе с депутатами Совета выработать текст постановления. В комиссию входили представители всех мастерских шрапнельного цеха: сборочной, термической, токарной, пулелитной, слесарно-ремонтной, — около ста человек. Комиссия осталась в помещении пулелитного отделения и, рассевшись за верстаки, стала вырабатывать постановление.

В понедельник 20 марта в шрапнельных мастерских уже висели объявления. Комиссия уполномоченных от своего имени и от имени Совета рабочих и солдатских депутатов призывала путиловцев «работать интенсивно, ибо наша работа — победа над врагом». Резолюция заканчивалась словами: «Кто не соглашается с этим постановлением, тому не нужны свобода, равенство и гражданство».

Подобную оборонческую резолюцию приняли на заводе еще две мастерских — башенная и пушечная. В небольшой башенной подобралось крепкое ядро меньшевиков и эсеров. Докладчиком был приглашен новый председатель районного Совета меньшевик А. Кузьмин, которого эсеры и меньшевики, объединившись в блок, сумели протащить в председа-

тели Совета. И здесь меньшевикам, после долгой дискуссии с большевиками, удалось незначительным большинством голосов провести свою резолюцию.

Угар добросовестного оборончества захватил на время некоторые слои путиловцев, только что приобщившихся к политической жизни и пока еще слепо доверявших соглашательскому Петроградскому Совету.

«Вооруженный народ — рабочие и солдаты, посылая своих представителей в Совет, смотрели на него, как на орган народной власти. Они считали и верили, что Совет рабочих и солдатских депутатов осуществит все требования революционного народа и что в первую очередь будет заключен мир.

Но излишняя доверчивость рабочих и солдат сыграла с ними злую шутку. Эсеры и меньшевики и не помышляли о ликвидации войны, о завоевании мира. Они думали использовать революцию для того, чтобы продолжить войну».[1]

В мастерских более насыщенных кадровыми рабочими, пышные псевдо-революционные фразы эсеро-меньшевиков имели значительно меньший успех, чем в цехах, построенных в военное время. Лафето-снарядная отказалась принимать оборонческую резолюцию, несмотря на то, что в этой мастерской работало несколько лидеров заводских меньшевиков.

Лафето-снарядная приняла резолюцию, в которой требовала от правительства: отказаться от завоевательной политики, опубликовать тайные договоры и немедленно предложить мир всем государствам, участвующим в войне. В других мастерских подобные резолюции адресовались Петроградскому Совету рабочих депутатов.

Большевистские агитаторы неустанно разоблачали эсеро-меньшевистский обман. В районном комитете большевиков создалась агитаторская коллегия. Во главе ее стоял старик Швецов, самый популярный оратор в районе.

Швецов определял, какому агитатору куда пойти, кому встретить ночную, кому — утреннюю смену. Он говорил товарищам по коллегии, особенно молодым: если придется толковать о продовольственном вопросе, упор нужно сделать на войну как причину усиливающегося голода.

Большевистская агитация находила все более широкий отклик в массах. Это было ясно, несмотря на бесчисленное

[1] История Всесоюзной Коммунистической партии (большевиков). Краткий курс, 1938, стр. 170—171.

количество оборонческих резолюций, несмотря на то, что волна добросовестного оборончества все еще продолжала отравлять сознание отдельных слоев рабочих.

«Было ясно, что доверчивому отношению народных масс к политике Временного правительства скоро должен наступить конец.

Становилось ясным, что двоевластие, сложившееся после февральской революции, не может уже держаться долго, ибо ход событий требовал, чтобы власть была сосредоточена где-нибудь в одном месте: либо в стенах Временного правительства, либо в руках Советов».[1]

Двоевластие, установившееся в результате Февральской революции, пугало буржуазию. Ее не удовлетворяла поддержка эсеров и меньшевиков. Буржуазия знала, что при помощи одного обмана и даже при прямом пособничестве друзей-«социалистов» в настоящих условиях войны до победного конца не довести. Нужна сила, нужна власть, нужна буржуазная, генеральская диктатура. Завладеть армией — такова задача. Отколоть ее от рабочего класса. Натравить армию на рабочих. Задушить революцию — и прежде всего в столице, в Петрограде.

И поползли по всей стране усердно раздуваемые продажной буржуазной и эсеро-меньшевистской печатью слухи, что петроградские рабочие целыми днями митингуют, отказываются работать, предают армию, предают фронт, оставляют солдат — «наших геройских, доблестных воинов» — без снарядов, на растерзание немецким войскам.

В грязной черносотенной и буржуазной печати специально для фронтовиков писали, будто путиловцы требуют не меньше, чем по пяти рублей в час, в то время как солдат получает столько же в месяц. Приводились цифры уменьшения выпуска заводом орудий и снарядов. И тут же рядом печатали сведения о потерях русской армии на фронте.

Путиловские рабочие, так же как и балтийцы, семянниковцы и другие рабочие, назывались в черносотенных газетах и листовках предателями свободы. Эти провокационные слухи преследовали цель — дезорганизовать силы революции, разбить единство рабочих и солдат.

31 марта на Путиловский завод явились три делегации для проверки слухов, распространяемых буржуазией. Самая большая солдатская делегация от 1-й армии обходила все

---

[1] История Всесоюзной Коммунистической партии (большевиков). Краткий курс, 1938, стр. 175.

мастерские. Всюду она предъявляла резолюцию армейского комитета, поручившего им проверить, правильны ли сведения о забастовке на заводе. Солдаты были в полном боевом снаряжении, смотрели на рабочих сумрачно и недоверчиво.

Модельщики первыми выступили против клеветы черносотенцев. Они предъявили солдатам резолюцию, принятую накануне на цеховом собрании.

«В виду распространившихся слухов среди населения и войск о том, что рабочие не хотят работать и что у рабочих разгорелись алчность и леность, обращаемся с призывом к населению и к нашим братьям-воинам — не верить подобным слухам. Эти слухи разносят темные силы защитников павшей самодержавной клики, дабы внести раздор между революционной армией и народом. . .» [1]

После работы на заводском дворе состоялся десятитысячный митинг. Рабочие и солдаты гневно обрушились на провокаторов, пытавшихся разъединить революционную армию и революционный народ.

— Кровью своей мы спаялись здесь, на улицах Петрограда, — говорили путиловцы. — И не разъединить нас никакой клевете, никакой темной силе.

Митинг принял большевистскую резолюцию. Путиловцы требовали от Временного правительства, чтобы оно приняло меры к прекращению провокационных слухов и официально объявило, что сведения о забастовке на Путиловском заводе «являются гнусной ложью». Резолюция объявляла буржуазной прессе бойкот и приглашала всех петроградских рабочих и солдат присоединиться к бойкоту.

Призыв путиловцев был подхвачен другими столичными предприятиями. Несколько дней спустя собрание военной организации большевиков также присоединилось к резолюции путиловцев, и по воинским частям Петрограда начался бойкот буржуазной печати.

Временное правительство отмалчивалось. Не в его интересах было разоблачение буржуазной газеты «Речь», акционерами и сотрудниками которой были сами министры. Напротив, через телеграфные агентства было распространено по всей России новое лживое сообщение о вооруженной демонстрации Петроградского полка, якобы происшедшей на Путиловском заводе.

Слухи и клевета ползли и множились. В результате на петроградские заводы стали являться десятки делегаций из

[1] «Правда» № 22, 31 марта 1917 г.

частей петроградского гарнизона, с фронта и прифронтовых районов. В течение апреля ежедневно на Путиловском заводе бывала какая-нибудь группа солдат. Случалось, что в один день приходило по пять делегаций. Приезжали фронтовики от 532 Волоколамского полка, от 10-й пехотной дивизии, от 2-й артиллерийской бригады, от матросов Балтийского флота, от 1-го Туркестанского инженерного полка, от 13-го уланского полка, от войск Северного фронта, от десятков воинских частей с передовых позиций.

Терпеливо и настойчиво объясняли большевики солдатам, что путиловцы, всегда выступавшие против грабительской войны, и теперь стоят за мир, но работы продолжают. Не прекращением хода производства народ добьется мира. Пусть солдаты поймут, в чьих интересах ведется война. Разве правительство буржуазии может хотеть мира? Разве разорвет оно договоры с союзниками, с которыми связано кровавыми узами, разве откажется от совместного с ними захвата и грабежа чужих земель?

Делегатов водили по цехам завода. Огромные мастерские, в которых работали тысячи рабочих, беспрерывный грохот станков и молотов производили на солдат, в большинстве из крестьян, потрясающее впечатление. Обойдя завод, солдатские делегации приходили в заводский комитет и писали единодушные отзывы и резолюции.

Первая делегация: «Эти слухи, ползущие как ядовитые змеи из темных подпольев, куда забились черные вороны, ползущие по всему фронту, мы рассеиваем нашим авторитетным и убедительным словом. . .».

Девятая делегация: «Убедились воочию, что вся травля, пущенная в ход врагами пролетариата, основана на лжи и клевете. . .».

Тридцать шестая делегация: «Если и бывали задержки, то только по вине администрации завода, которая ведет втайне саботаж и старается натравить солдат на рабочих. . .». [1]

Делегаты уезжали обратно. Они увозили с собой не только уверенность в том, что на Путиловском заводе работы производятся полностью, но и сомнения — надо ли продолжать войну?

Впечатления от двух-трехдневного пребывания на заводе резко меняли отношение фронтовиков к большевикам, к войне. Многие из них именно здесь впервые знакомились

---

[1] Материалы Ленинградского института истории ВКП(б), Фонд Кировского завода.

с «Правдой», которую офицеры не пропускали на фронт, задерживали в штабах. В заводском комитете солдат снабжали литературой и пачками «Правды». Фронтовики уезжали с твердым убеждением: надо прислушиваться к голосу рабочих, не верить буржуазии.

Попытка буржуазии посеять семена раздора между рабочим классом и армией потерпела неудачу. Наоборот, связи рабочих с армией укреплялись. В Петрограде полки самочинно прикреплялись к заводам. Выборгская сторона связалась с 1-м пулеметным полком. Обувная фабрика «Скороход» имела тесную связь с волынцами. Путиловский завод — с Павловским и Измайловским полками. Возникла мысль об обмене знаменами между рабочими и солдатами в знак единения. Эта мысль впоследствии была осуществлена скороходовцами и путиловцами, а связь закрепилась общими выступлениями против контрреволюции.

ПРИЕЗД ЛЕНИНА

Каждый день в помещении комитета большевиков Нарвского района (Новосивковская улица, дом № 23) сходились активные работники организации. Приходили депутаты Совета, руководители профессиональных союзов, заводских комитетов, политического клуба, боевики-дружинники и партийные организаторы многочисленных цехов Путиловского завода. Кузнецы, слесаря, машинисты и строгальщики — все они были рядовыми агитаторами большевистской партии. Они приходили в комитет после бурных заводских митингов, после непрерывных сражений с эсерами и меньшевиками, чтобы поделиться впечатлениями пережитого дня, узнать последние политические новости, наметить пути на будущее. И всякий раз их мысль немедленно направлялась к тому, кто был душой, организатором и вождем большевистской партии — к великому Ленину. Каждый напряженно ждал от вождя партии его всегда четких директив, ясного анализа современной обстановки, его статей, простых и мудрых, которые служили партии и рабочему классу верным компасом в долголетней борьбе со всеми врагами трудящихся.

И вот пришло первое ленинское «Письмо из далека».

21 марта агитаторы собрались в комитете большевиков раньше обычного. Каждый держал в руках газету «Правда», где была напечатана часть ленинского письма. Радостно и возбужденно встретили путиловские большевики письмо Ленина. Старые участники революционной борьбы, они гор-

дились своим вождем, который, находясь за границей, сразу сумел правильно оценить обстановку и гениально наметить перспективы дальнейшего развития революции.

На агитаторской коллегии обсуждали первую часть письма, опубликованную в этот день в «Правде». Решили: на сегодняшних же митингах сообщить рабочим, что Ленин прислал письмо, в котором призывает рабочих и всех трудящихся продолжать борьбу за мир, хлеб и свободу, призывает не верить буржуазному Временному правительству, а вести революцию вперед — от первого ко второму этапу. Подробное обсуждение письма на заводах перенести на завтра, когда будет опубликовано окончание письма.

Агитаторы разошлись, окрыленные ленинским письмом. А на следующий день — после обсуждения в цехах — с «Правдой» в руках снова явились в районный комитет.

Весь вечер 22 марта путиловские большевики пункт за пунктом обсуждали первое «Письмо из далека». Перед ними вставали величественные перспективы борьбы. Ленин давал программу действий. Письмо ярким светом освещало пройденный путь — короткий, но богато насыщенный событиями.

Становилось понятным, почему «...телега залитой кровью и грязью Романовской монархии могла опрокинуться *сразу*», [1] почему так быстро победила революция. Окончательно стало ясным, что Временное правительство — правительство буржуазии и помещиков — не может дать народу мир, хлеб и свободу. Глубоко врезались в сознание слова Ленина: «...*Рабочие, вы проявили чудеса пролетарского, народного героизма в гражданской войне против царизма, вы должны проявить чудеса пролетарской и общенародной организации, чтобы подготовить свою победу во втором этапе революции*». [2]

Письмо Ленина стало краеугольным камнем большевистской агитации и всей деятельности большевиков в районе. Номера «Правды», в которых было напечатано письмо, были главным пособием большевиков-агитаторов. Членам Совета большевикам районный комитет дал директиву еще энергичней работать в Совете, завоевать на свою сторону беспартийных депутатов, отбивать попытки эсеро-меньшевистского блока, свести задачи Совета к роли органа местного самоуправления.

Вскоре после получения ленинского письма, 3 апреля, по всем рабочим районам революционной столицы, по всем

---

[1] *Ленин,* Сочинения, т. XX, стр. 14.
[2] Там же, стр. 19.

казармам петроградского гарнизона разнеслась радостная весть: сегодня вечером из-за границы в Петроград приезжает вождь рабочего класса — Владимир Ильич Ленин.

В Нарвском районном комитете большевиков известие принял по телефону дежурный Иван Генслер. Вся партийная организация заставы собралась в этот день в пустующем помещении старой путиловской церкви, превращенной в митинговую аудиторию, чтобы выслушать отчеты Петербургского и районного комитетов и произвести перевыборы руководящего партийного органа района. Генслер, оставив взамен себя другого дежурного, отправился на собрание передать всем членам партии волнующее известие о приезде Ленина.

Было четыре часа дня. Генслер пришел в самый горячий момент: доклады только что закончились, и обсуждался вопрос о текущих задачах партии.

Генслер услышал имя Ленина — один из ораторов ссылался на него, цитировал первое «Письмо из далека» и давал разъяснения по поводу второго этапа революции, к которому Ленин призывал готовиться.

Генслер сообщил в президиум о предстоящем сегодня приезде Ленина. Через мгновенье зал возбужденно загудел. Посыпались вопросы — на какой вокзал и когда прибывает поезд. До прибытия поезда оставалось еще несколько часов. Но прения по докладам сами собой прекратились, и собрание решено было закончить. Избрали только районный комитет и разошлись с тем, чтобы вечером организованно пойти встречать Ленина. Генслеру поручили организовать колонну путиловских рабочих. Командиру путиловской боевой дружины дали задание — собрать своих людей, поставить их в голове колонны, чтобы Ильич увидел, что его лозунг «вооружение пролетариата» начинает выполняться.

Свыше двух тысяч путиловцев двинулось к Финляндскому вокзалу встречать Ленина. Впереди растянувшейся толпы шли вооруженные путиловские дружинники. По дороге к путиловцам присоединились работницы «Треугольника» и рабочие других заводов Нарвской заставы.

У Финляндского вокзала к приходу путиловцев собрались уже огромные толпы рабочих, солдат и матросов. Из всех районов столицы прибывали все новые колонны, и вскоре все переулки и прилегающие улицы были запружены людьми. Путиловцы стояли слева от вокзала — рядом с пришедшим в полном вооружении броневым дивизионом. Солдаты дивизиона говорили с гордостью: «Мы приготовили для Ленина

стальную трибуну» и указывали на бронемашину, поставленную напротив входа в вокзал.

В напряженном ожидании толпа то смолкала, то вновь начинала шуметь. Каждый случайно прогрохотавший паровоз вызывал новую волну восклицаний: «Приехал, приехал!».

Волнуясь, с нетерпением ждали Ильича тысячи петроградских рабочих, солдат и матросов. Среди них были и те, кто помнил Ленина юношей, когда он в рабочих районах Петербурга собирал по одному передовых рабочих, закладывая фундамент пролетарской партии. Петербургские пролетарии помнили его — вождя революции, воодушевлявшего их в 1905 году на решительный штурм самодержавия. Они помнили его боевые призывы к борьбе в годы реакции и нового революционного подъема, его статьи в «Правде», которые всегда вселяли бодрость и уверенность в победе. Тысячи глаз напряженно следили, когда откроются широкие вокзальные двери и появится великий Ленин, родной и близкий Ильич.

Наконец этот долгожданный момент наступил. Окруженный соратниками и друзьями, Ленин вышел из дверей вокзала, приостановился и взмахнул шляпой, приветствуя рабочих и солдат революционного Петрограда. Толпа дрогнула. Многотысячное «ура!» прокатилось по площади. Путиловские дружинники развернули принесенный плакат — «Привет Ленину» — и застыли, как на параде.

Ленин взобрался на броневик. Площадь затихла. Два ярких луча прожектора прорезали апрельские сумерки, скользнули по темному небу, по площади, залитой людьми, и сошлись над броневиком, освещая коренастую, крепкую фигуру Ленина.

Загремели оркестры. Мощный гул приветствий прокатился по площади: «Да здравствует Ленин!», «Привет Ильичу!», «Привет вождю рабочего класса!».

С напряженным вниманием слушали речь вождя тысячи пролетариев и революционных солдат столицы. Простая и величественная, она проникала в сердца людей, звала к суровой борьбе за освобождение трудящихся от гнета капитализма, от нищеты и ужасов грабительских войн.

В бурном ликовании двинулись толпы провожать Ленина от Финляндского вокзала к помещению Петербургского комитета большевиков — дворцу Кшесинской на Петроградской стороне. Шли с революционными песнями, высоко подняв красные знамена.

Прожекторы Петропавловской крепости и прожекторной

роты освещали путь следования. За броневиком, на котором ехал Ленин, шла необъятная толпа рабочих. У помещения Петербургского комитета рабочие долго не расходились. И здесь снова слушали они речи Ильича.

Возвратились путиловцы за Нарвскую заставу лишь под утро.

В районном комитете царило необычайное возбуждение. Сошлись все агитаторы и партийные организаторы. Никто не думал о том, чтобы пойти домой. Каждый понимал, что наступает новый этап борьбы, что отныне работу надо строить по-иному, что впереди огромные задачи, которые надо будет решать в боях против буржуазии, против соглашателей, ставших сейчас самыми опасными врагами развертывающейся революции.

7 апреля в «Правде» были опубликованы исторические Апрельские тезисы Ленина. Тезисы давали четкую оценку обстановки, служили боевой программой действий, вселяли в ряды партии и рабочего класса веру в победу, давали ясный и точный ответ на все важнейшие вопросы стратегии и тактики партии в момент перехода «...от первого этапа революции, давшего власть буржуазии... *ко второму* ее этапу, который должен дать власть в руки пролетариата и беднейших слоев крестьянства». [1]

В среде путиловских большевиков развернулось широкое обсуждение задач и тактики партии. 9 апреля в путиловской столовой состоялось общее собрание большевистской организации Нарвской заставы, посвященное обсуждению тезисов Ленина.

Единодушно и горячо были приняты ленинские тезисы на собрании путиловских большевиков. Это свидетельствовало о том, что закаленная в долголетней борьбе путиловская организация, как и вся партия большевиков, была вполне подготовлена к борьбе за всемирно-историческую задачу, поставленную Лениным, — к борьбе за пролетарскую социалистическую революцию.

ЗАВОДСКИЙ КОМИТЕТ

Создать заводский комитет на Путиловском заводе было делом большой трудности. Эсеры и меньшевики, возглавлявшие (в марте—апреле) районный Совет рабочих депутатов, препятствовали созданию заводского комитета. Устойчивого

[1] *Ленин*, Сочинения, т. XX, стр. 88.

положения на заводе у соглашателей не было. За меньшевиками шла лишь одна пушечная мастерская, эсеры имели влияние в одной только башенной мастерской. Пока заводского комитета не существовало, соглашатели, возглавляя районный Совет, являлись единственными представителями Путиловского завода, имя которого так авторитетно в рабочих кругах. Будет заводский комитет — представительство отойдет к нему.

Зная это, меньшевики и эсеры всеми силами сопротивлялись организации заводского комитета. Они сознательно и откровенно стремились дробить силы завода по мастерским, не давая сложиться цельному и единодействующему коллективу путиловцев.

Перед вернувшимся на завод Антоном Васильевым, Анатолием Богдановым и другими путиловскими большевиками районный комитет поставил задачу: организовать заводский комитет снизу. Они энергично взялись за работу, связались с депутатами Совета, беседовали с рабочими, собирали цеховых старост, выясняли, как работают примирительные камеры. Антон Васильев, не выкладывая сразу своих соображений, прощупывал настроения собеседников, а потом неожиданно ставил вопрос в лоб: нужен заводский комитет или нет? Нужен! Так почему же его до сих пор не организовали?

Люди задумывались: в самом деле, почему до сих пор не организовали заводский комитет? И они соглашались, что это нужно сделать как можно скорее.

После того как почва была подготовлена, Васильев пришел в районный партийный комитет и доложил:

— Время для прямой атаки наступило. Позиции меньшевиков шаткие. У них один довод — не следует, мол, обострять классовую борьбу с капиталом. Но с этим доводом к рабочему они не сунутся, рабочий этого довода не примет. У меньшевиков, следовательно, остаются только увертки. Поэтому надо действовать решительно — в упор потребовать от Совета организации заводского комитета. Совет должен будет сдаться. Если же он заупрямится — в два дня все сделаем сами. Внизу почва готова.

В районном комитете план одобрили. Васильев вместе с Анатолием Богдановым направился к руководителям Совета для решительного объяснения.

Встреча с председателем Совета А. Кузьминым произошла в присутствии членов президиума Совета — В. Петрова, С. Корнеева и А. Синицына. Большевики начали издалека.

Как представители Нарвского комитета большевиков они уполномочены поставить вопрос об улучшении работы районного Совета рабочих депутатов. В самом деле, Совету приходится заниматься профессиональными делами, улаживать конфликты между рабочими и мастерами, вести контроль за деятельностью путиловской администрации и т. д. Не имея возможности охватить все стороны заводской жизни, Совет вынужден был отказаться от вмешательства во внутренние дела завода. Но депутатам-большевикам все-таки пришлось взять на себя функции контроля за увольнением рабочих, ибо эта сторона безусловно подлежит рабочему контролю.

— Неясно также, кто должен заниматься другими вопросами, не попавшими в сферу деятельности Совета, например о рациональном использовании топлива и металла. Работа на заводе идет плохо, стоят станки, не работают люди. Буржуазные газеты обвиняют рабочих в лодырничестве, а ведь известно, что рабочие стоят не по своей вине. Совет не занимается производством, он не может поэтому проверять, почему создаются условия для простоя. А за этим обязательно надо следить. Буржуазию надо бить ее же оружием — знанием производства.

— Кстати, сейчас поднимается тарифная борьба. Каждая группа рабочих выдвигает свои требования. Их надо бы объединить. Опять задача — кому этим заняться.

Меньшевик Кузьмин понял, что от этих напористых рабочих так просто не отделаешься. Они говорят о заводском комитете, ни разу не произнося этого слова. Сдерживаясь, Кузьмин отвечал им с дипломатической вежливостью. Он-де согласен с представителем большевистского комитета: районный Совет еще далек от того идеала рабочей организации, к которой стремятся все социалисты. Однако он не разделяет напрасного беспокойства большевиков. Надо полагать, что доверенные люди рабочего класса найдут пути и выходы. Не следует только торопиться. Всякому овощу свое время.

На следующий день состоялось заседание Петергофского Совета рабочих депутатов. Меньшевикам не дали даже возможности выступать против создания заводского комитета. Без особых прений было принято решение: выборы заводского комитета на Путиловском заводе произвести между 10 и 14 апреля. В качестве организаторов избирательных округов послать членов Совета.

На заводе было создано девять избирательных округов. Все представители Совета, которых Кузьмин направил в округа, были или меньшевики, или эсеры. Он надеялся

хотя бы таким путем увеличить шансы соглашателей на выборах. Девять дней шла в цехах ожесточенная борьба. Силы всех организаций были брошены на агитацию за своих кандидатов. Меньшевики, несмотря на свою неуверенность, хвастали:

— Избирательная урна покажет, что масса идет за нами.

Выборы происходили последовательно, округ за округом, в течение пяти дней. Около избирательных помещений собирались толпы. Избирательная процедура была такой же, как и на больших парламентских выборах.

В дни выборов Антон Васильев и Анатолий Богданов неотлучно находились в цехах. Вместе с урнами они передвигались из одного округа в другой, везде выступали, защищая большевистских кандидатов.

В голосовании приняло участие свыше 90 процентов всего числа путиловцев. Избирательная урна показала, что рабочая масса совсем не поддерживает эсеров и меньшевиков. Среди двадцати двух избранных членов заводского комитета были всего два эсера, один меньшевик-интернационалист, один анархист. Шесть членов заводского комитета были большевики, остальные двенадцать — беспартийные, из них семеро сочувствовали большевикам. Этого было достаточно, чтобы обеспечить в заводском комитете большевистскую линию.

Выборы показали, что меньшевикам и эсерам было значительно труднее продвинуть своего человека в рабочую организацию, нежели провести десяток своих резолюций. Рядовые рабочие, не разбираясь в тонкостях формулировок, легко могли поднять руку за резолюцию, в которой было хотя бы одно приемлемое требование. Когда же дело доходило до выборов, рабочие выдвигали людей деловых, авторитетных, известных своей революционной работой в прошлом, способных отстоять рабочие интересы. Таким кандидатам отдавали путиловцы свои голоса, а такие кандидаты либо были большевиками, либо примыкали к большевикам.

Председателем заводского комитета Путиловского завода единогласно был избран Антон Ефимович Васильев.

Правительственное правление общества Путиловских заводов, назначенное еще при царе, не претерпело никаких изменений при новой власти. Год назад царские генералы и сановники пришли на завод, чтобы навести на нем военные порядки, обуздать рабочих, превратить их в солдат тыловой армии. Сделать это им не удалось. Зато они многого добились в другом порученном им деле — в деле превращения завода в крупнейшего поставщика пушек и снарядов.

За двенадцать месяцев со дня взятия Путиловского завода в управление казны, с марта 1916 года, правительственное правление сумело до предела сократить производство паровозов (до одного в месяц), вагонов, экскаваторов, рыночной стали и проката. Артиллерийскому отделу были отданы все цеха, машины и люди. Генералы увеличили выпуск орудий и шрапнелей в полтора раза.

Мастерские набивались людьми доотказа. Там, где преимущественно пользовались ручным трудом (например, шрапнельносборочная), люди стояли плечом к плечу. Пушечная, рассчитанная на трехсменную работу полутора тысяч человек, вобрала в себя около шести тысяч рабочих — по две тысячи в смену.

За год своего хозяйствования военное правление показало, что оно способно хорошо служить целям войны, не считаясь ни с чем.

Это-то и нужно было буржуазному Временному правительству. Правление общества Путиловских заводов облекли доверием: оно выжмет из завода все, что можно будет выжать в интересах снабжения фронта артиллерией.

Производство развернулось еще шире, чем до революции. Завод полностью перешел на трехсменную работу. Недостаток рабочих рук правление решило восполнить солдатами. Главнокомандующий Петроградского военного округа генерал Корнилов внял просьбам правления. «Ввиду крайней необходимости усилить производительность Путиловского завода», он разрешил направить на работу три тысячи солдат из частей петроградского гарнизона. Корнилов обязал командиров частей самолично отбирать для завода надежных солдат.

Эту меру военных властей, продолжавших политику царского правительства по «разводнению» состава пролетариата и созданию «армии в тылу», полностью поддержало меньшевистско-эсеровское руководство Петроградского Совета. Меньшевики Чхеидзе и Гвоздев приложили к приказу генерала Корнилова свое письмо, подтверждавшее «необходимость прочно организовать работы на военном Путиловском заводе».

Отбором солдат для завода занимался и сам главнокомандующий генерал Корнилов. Он обратил внимание на одну из дисциплинированных с его точки зрения воинских частей гарнизона — на команду разведчиков Тарутинского полка. В кругах реакционной военщины Тарутинский полк был на хорошем счету: в самом начале революции полк сняли

с фронта и в составе войск генерала Иванова отправили в Петроград на подавление восстания. Генерал Корнилов вызвал к себе начальника полковой команды разведчиков старшего унтер-офицера Арсения Зайцева. Отправляя его на Путиловский завод, генерал сказал:

— Надеюсь, что вы, тарутинцы, будете в любую минуту в моем и Временного правительства распоряжении.

Командующий не знал того, что именно разведчики первыми бросили свой полк 28 февраля 1917 года, ушли в революционную столицу и присоединились к восставшим рабочим Московской заставы. Уверенный в тарутинцах, генерал Корнилов разрешил Зайцеву оставить оружие на руках у солдат. Тарутинцев направили в железнодорожный цех. Всей командой в 265 человек они работали по ремонту железнодорожных путей.

Весь март для правления Путиловского завода прошел спокойно. Прибывало топливо, беспрерывно поступал чугун в чушках и ломе, ежедневно приходили новые партии солдат, присылаемых из воинских частей. Однако, несмотря на это внешнее благополучие, правление все с большей тревогой отмечало растущую активность рабочих и их стремление все больше влиять на жизнь и ход производства. Больше всего печалила правление судьба семидесяти администраторов, изгнанных рабочими с завода и верфи. Это были самые преданные люди, верой и правдой служившие своим хозяевам. Правление надеялось возвратить их обратно на завод, но не решалось провести это административным путем.

Когда в середине апреля стало известно, что создался заводский комитет, правление решило действовать. Комитету было послано категорическое требование восстановить на работе всех удаленных рабочими мастеров и начальников.

Заводский комитет ответил, что восстановление невозможно. Если же правление настаивает, пусть посылает удаленных обратно в мастерские, не забывая при этом, что «все равно этим лицам не будет возможности работать, так как масса их не примет».

В первый же день своей работы заводский комитет изъял из ведения дирекции прием и увольнение рабочих. Еще через два дня правление получило таблицу прибавок, составленную временной расценочной комиссией, созданной еще до организации заводского комитета. Правление не стало спорить и утвердило прибавки. Но, не успев еще объявить об этом, получило экземпляр обращения заводского комитета к рабочим, в котором прибавки назывались временными,

не могущими ни в какой степени избавить путиловцев от полуголодного существования. Заводский комитет предупреждал, что он немедленно приступает к коренному пересмотру расценок и системы оплаты труда рабочих.

К этому времени — вторая половина апреля — производственные и финансовые дела завода резко пошатнулись. Стало очевидно, что Временное правительство не только не способно вытащить страну из разрухи, а, наоборот, усугубляет ее. Запасов топлива и металла и для военных заводов хватило не надолго. Путиловский завод, вместо 1730 тысяч пудов угля, полученных в марте, получил в апреле один миллион пудов. Задолженность завода банкам составляла круглую сумму в 170 миллионов рублей.

К этому же времени обострилось политическое положение в стране. Капиталисты, в целях борьбы с революцией, стали закрывать фабрики и заводы, обрекая рабочих на безработицу и голод.

Заводскому комитету пришлось столкнуться с хаосом, царившим на заводе, с бездействием администрации снизу доверху. Десятки новых временных построек загромоздили завод. Везде копошилось множество людей. Мастерские работали неслаженно. Даже тогда, когда сырья бывало достаточно, производство не клеилось. Рабочие приходили в заводский комитет с жалобами: уголь есть, а его не доставляют — стоят цеховые кочегарки, стоят станки, компрессоры. Заводский комитет самой жизнью был сразу поставлен перед необходимостью проведения рабочего контроля. При таком состоянии, в котором находился завод, неизбежны были приостановка всех работ, закрытие цехов и расчет всех рабочих. Этого заводский комитет допустить не мог.

С первых же дней перед большевиками, членами заводского комитета, встал вопрос: что является главным, определяющим и основным во всей их работе? Исчерпывающий и предельно ясный ответ они получили в речах Ленина на Петроградской общегородской конференции большевиков. Ленин говорил:

«Пролетариату надо указывать, как конкретными мерами двигать революцию вперед. Двигать революцию вперед — значит осуществлять самочинно самоуправление». [1]

Эти слова Ленина стали руководящим правилом путиловского заводского комитета.

В течение нескольких дней заводский комитет провел воз-

[1] *Ленин*, Сочинения, т. XX, стр. 181.

можные меры самоуправления и контроля. Он взял в свои руки дело приема и увольнения рабочих. Специальный представитель контролировал заводскую экспедицию: ничто не могло быть вывезено с завода без его ведома. Была создана следственная комиссия, которой поручили очистить цеха от чуждых людей, скрывавшихся от мобилизаций. Всю хозяйственную производственную деятельность администрации поставили под контроль заводского комитета.

Однако большевики не были удовлетворены этим. Они внимательно следили за директивами партии, за «Правдой», черпая из ее статей прямые, практические указания о том, как действовать в сложных условиях развивающейся революции. Статьи Ленина постоянно напоминали — двигайте массы вперед. В статье «О пролетарской милиции» эта мысль подчеркивалась Лениным со всей решительностью:

«...Поднимайте массы к действенному, непосредственному, всеобщему участию в управлении, — в этом и только в этом залог полной победы революции и ее твердого, обдуманного, планомерного шествия вперед». [1]

Антон Васильев понял: самочинное самоуправление со стороны заводского комитета дело хорошее, но совсем недостаточное. Ленин говорит о том, чтобы привлекать к управлению тысячи людей рабочего класса — массы. Слово «массы» для Антона было самым значительным словом. За всю свою долгую партийную жизнь он привык слушать массу, учиться у нее, и учить ее, помогать ей бороться. Из разговоров с товарищами родилась мысль о создании цеховых комитетов.

За это предложение ухватились. Цеховые комитеты снимут с заводского комитета бремя мелких чисто местных вопросов. Цеховых комитетов будет свыше сорока пяти, в каждом из них по меньшей мере шесть-семь человек — всего человек триста. Этим будет сделан еще один шаг вперед в деле привлечения масс к самочинному самоуправлению.

22 апреля поздно вечером Антон Васильев и Анатолий Богданов обдумали и сформулировали задачи цехового комитета. В обращении ко всем рабочим завода они писали:

«В виду того, что самое дело организации заводских и цеховых комитетов — дело новое, необходимо, чтобы комитеты эти, в особенности цеховые, следящие за жизнью на местах, проявляли как можно больше самодеятельности и инициативы. В полной зависимости от этого заложен успех

---

[1] *Ленин*, Сочинения, т. XX, стр. 205.

организации рабочих по заводам. *Приучаясь к самоуправлению в отдельных предприятиях, рабочие готовятся к тому времени, когда частная собственность на фабрики и заводы будет уничтожена и орудия производства вместе со зданиями, воздвигнутыми руками рабочих, перейдут в руки рабочего класса. Поэтому, делая маленькое дело, нужно постоянно помнить о той великой и главной цели, к которой стремится рабочий народ»*.[1]

24 и 25 апреля по всем мастерским были проведены выборы цеховых комитетов. Сорок шесть цеховых комитетов стали существеннейшими звеньями рабочего контроля. Комитеты разыскивали мотор, если он нужен был мастерской, находили металл, инструмент, доставали подсобные материалы, ведали приемом и увольнением рабочих, назначали мастеров, заботились об установке ограждений к станкам, о ремонте оборудования, об улучшении условий труда рабочих.

Цеховые комитеты собирались почти каждый день. Заседания длились подолгу. Члены цеховых комитетов просиживали часами, говорили до изнеможения и хрипоты, искали выход из тупика, в который загнало завод путиловское правление. На заседания приходили рабочие и выдвигали перед комитетами новые вопросы. Рабочие понимали, что правленцы тянут завод к краху, что надо спасти завод, сохранить его для революции.

Завод нуждался в жидком топливе — нефти. По слухам, ее можно было раздобыть в Петрограде. Но правление отказалось разыскивать нефть. Некоторые цеха уже стояли, другие работали с большими перебоями. Остановка грозила и мартену. Тогда заводский комитет создал хозяйственную комиссию, которая уже на следующий день пошла и заставила заводоуправление купить у Химического завода пять цистерн нефти, а к концу мая обнаружила в складах Нобеля большие запасы мазута.

Внутри завода хозяйственная комиссия выяснила наличие сырья, оборудования, готовых изделий. Вне завода изыскивала металл и другие материалы. Когда в шрапнельной обнаружилась нехватка рабочих, член заводского комитета, ведавший наймом и увольнением, занялся переброской туда рабочей силы из других мастерских.

Так без шума, по-деловому осуществлялись возможные меры рабочего контроля. Путиловские большевики понимали,

---

[1] «Путиловец в трех революциях», Сборник материалов, 1933, стр. 333. (Курсив ред.)

что рабочий контроль над производством — один из путей углубления и развития революции. В борьбе за контроль над производством рабочие неизбежно переходят от цеховых вопросов к общезаводским, от общезаводских — к вопросам всей промышленности, всего народного хозяйства. Таким образом, рабочий контроль становится одним из путей, по которому рабочие на опыте вплотную подводятся к задаче подготовки социалистической революции.

Все чаще стали слышны в заводском комитете разговоры о необходимости единых действий всех фабрично-заводских комитетов в осуществлении контроля над производством.

29 апреля заводский комитет Путиловского завода постановил:

«Сделать призыв ко всем заводским комитетам Петрограда от имени заводского комитета Путиловского завода о необходимости создать организационное бюро по созыву съезда».[1]

На призыв путиловцев откликнулись фабрично-заводские комитеты петроградских предприятий. Организационное бюро было создано и занялось подготовкой созыва 1-й конференции фабрично-заводских комитетов.

Первая конференция фабрично-заводских комитетов Петрограда состоялась в конце мая в большом зале Таврического дворца. Открывал конференцию представитель путиловцев. В президиум вошли два путиловца. От завода и верфи было семь делегатов. Вопросы рабочего контроля конференция рассматривала в плане борьбы за социалистическую революцию.

Ленин высоко оценил значение конференции фабрично-заводских комитетов, особо подчеркивая, что конференция, вызванная жизненной необходимостью, выросла с «низов», задумана и организована рабочими.

Живое революционное творчество и революционный размах проявлялись во всей деятельности путиловского заводского комитета. Каждый вопрос, имевший общее значение, путиловцы выносили на обсуждение всего петроградского пролетариата. Путиловский заводский комитет с первых же дней своего существования правильно понял свою задачу: всем авторитетом старого революционного завода, своей борьбой за рабочий контроль воздействовать на другие заводы — объединить их в борьбе за дело пролетарской революции.

Большинство членов заводского комитета на этой борьбе

[1] ЛОАОР, Фонд Путиловского завода. 1917, д. № 17.

сплотилось, стало действовать едино. Большую роль в этом сыграл председатель заводского комитета Антон Васильев. Он умел всегда сохранять спокойствие и, посасывая трубку, уговаривал, убеждал, разъяснял и втолковывал, не жалея на это времени. Пройдя долгую школу большевистского подполья, Антон Васильев знал цену словам простым, глубоким и продуманным. Он всегда удивлял своих товарищей тем, что любой мелкий факт — будь то брошенный кем-то мотор или требование отремонтировать кран — поднимал до принципиальных проблем, ведущих к выводам о больших политических задачах рабочего класса, об организованности, о дисциплине, о рабочем контроле, о социализме.

На него иной раз сетовали:

— Ну и завел! Кто-то малость нашкодил, не довез мотора, а Антон о социализме толкует, о задачах рабочего класса. Больно высоко забирает.

Но потом вдумывались, в следующий раз вслушивались в его слова, сцепляли факты с фактами, с событиями в стране, с политикой буржуазии. Члены заводского комитета приучались сами доискиваться корней вопросов, обсуждаемых на заседаниях, привыкали связывать мелкие вопросы с большими задачами пролетариата.

Антон Васильев присматривался к меньшевику-интернационалисту М. Розенштейну и анархисту О. Ванханену. То были активные рабочие, горячие, но путаные головы. Он двигал их в центр самых сложных конфликтов с администрацией завода, сталкивал с органами правительства, подводил к самым жизненным и острым вопросам и часто тихонько, чтобы никто не слышал, спрашивал:

— Ну, что? Как говорит тебе твоя партия? Можно так поступать, а?

И они действовали вопреки установкам своих партий, все больше отходя от них, пока, наконец, не порвали с ними окончательно. Антон убеждал их:

— На жизнь смотри — великая она учительница. Учись видеть, как в жизни получается, и старайся понять. Поймешь — к нам придешь, — другого тебе пути не будет. А не поймешь — засохнешь.

Больше всего уважал Антон Васильев живую борьбу — жизнь. Он оценивал первый этап работы заводского комитета следующим образом:

«При возникновении заводского комитета ему не было дано ни программы деятельности, ни какого-либо устава, коими он мог бы руководствоваться в своих работах. Устав

и программу составляла и писала сама реальная жизнь. Ее практические указания, по мере развития функций комитета, ложились в основу как руководящие начала. Таким образом, у заводского комитета оказался лучший учитель — жизнь».[1]

ПЕРВЫЙ ВЗРЫВ

Во всех цехах Путиловского завода тщательно и долго готовились к первой маевке после победы Февральской революции. Собирали деньги для изготовления знамен и покупки литературы, разучивали песни. Каждый цех создал свой рабочий хор. В медницкой вопрос о лозунге для знамени обсуждался всей мастерской. После долгих споров подавляющим большинством голосов были приняты лозунги: «Пролетарии всех стран, соединяйтесь!» и «Мир без аннексий и контрибуций!».

Вся эта кропотливая работа — какой лозунг выбрать для знамени, какие песни выучить, какую литературу закупить — проходила в острой борьбе большевиков с меньшевиками и эсерами. Шла борьба за влияние на массы, борьба за то, под какими лозунгами выйдет многотысячный коллектив путиловцев на первомайскую демонстрацию.

Большевистская организация завода была немногочисленной, хотя и в восемь раз превышала дореволюционный состав организации. К апрелю она насчитывала в своих рядах около восьмисот членов партии.

Эсеровская организация на заводе была гораздо более многочисленной. В течение одного марта она разбухла до трех тысяч человек. Меньшевиков на заводе было около четырехсот.

Несмотря на свое численное превосходство, соглашатели организационно и политически были во много раз слабее большевиков. Партия большевиков вбирала в себя лучших путиловцев — старых кадровых рабочих и молодежь, особенно тех, кто при царизме за участие в забастовках был взят на фронт и теперь возвращался обратно на завод. К большевикам приходили потомственные пролетарии, прошедшие хорошую школу классовой борьбы.

К эсерам потянулись рабочие из недавних крестьян, пришедшие на завод в годы войны и принесшие с собой тяжелый груз мелкобуржуазных настроений и надежд.

---

[1] «Путиловец в трех революциях», стр. 431.

Среди меньшевиков было много представителей рабочей верхушки, преимущественно из пушечной и механических мастерских. За годы империалистической войны на заводе сложилась тонкая прослойка привилегированных рабочих. Значительно выросло число старших (помощников мастеров), указателей (инструкторов) и мастеров — людей, подкупленных высокой заработной платой. В лафето-снарядной, например, все мастера сразу же после революции перекрасились в социалистов и записались в партию меньшевиков.

Среди эсеров и меньшевиков было много и городских мелких собственников — кустарей, извозчиков и т. п., устроившихся на завод с единственной целью укрыться от мобилизации.

Борьбу за политическое руководство первомайской демонстрацией большевики начали с правильной, четкой расстановки своих сил. В районном комитете большевиков созвали совещание представителей от мастерских. Была дана директива — не упускать ни одной мелочи в подготовке первомайского праздника, заниматься всеми деталями, входить во все временные организации и комиссии, создаваемые в цехах, вплоть до комиссии по закупке материала для знамени. Задача — всюду бить в одну точку: первомайский праздник — праздник международной солидарности, и потому лозунг борьбы за мир, против империалистической войны должен быть на первом плане. Никаких лозунгов доверия Временному правительству не допускать. Драться против них ожесточенно и всюду предлагать вместо подобных лозунгов лозунг: «Да здравствует Совет рабочих и солдатских депутатов!».

Особенно большую подготовку к 1 Мая провела путиловская молодежь. Еще в начале апреля, во время организации выборов в заводский комитет, подростки собирались отдельно, выдвигали свои требования, в том числе право выделять своих представителей в рабочие организации. Из таких самочинных собраний в начале же апреля выросли первые полуоформленные организации рабочей молодежи: одна, объединявшая молодежь от восемнадцати лет, другая — до восемнадцати лет. В обеих этих организациях (позже они слились) главенствующую роль занимали молодые большевики.

В связи с подготовкой первомайской демонстрации, в среде рабочих-подростков родилась мысль выйти в этот день самостоятельной колонной. 13 апреля на Выборгской стороне состоялось собрание представителей рабочей молодежи

петроградских заводов, давшее толчок к дальнейшему развертыванию пролетарского юношеского движения в районах.

Первое собрание рабочей молодежи завода и верфи происходило в помещении путиловской ремесленной школы. Предложение о создании колонны молодежи в первомайской демонстрации было принято с энтузиазмом. Тут же, на собрании, подростки установили лозунги и требования, с которыми выйдут 1 Мая: «Пролетарии всех стран, соединяйтесь!», «Да здравствует социализм!», «Шестичасовой рабочий день для подростков!», «Избирательные права с восемнадцати лет!».

16 апреля на заводе состоялось общее собрание молодежи. Присутствовали свыше трех тысяч подростков и юношей и огромное количество взрослых рабочих. На этом митинге в речах молодых путиловцев-большевиков уже ясно и отчетливо выдвигалась задача организации союза молодежи.

В этот же день состоялся митинг молодежи, находившейся в рядах рабочей милиции. Молодые милиционеры резко протестовали против постановления городских властей об исключении из милиции всех, не достигших двадцати одного года: «Требуем, — писали они в своей резолюции, — чтобы совершеннолетний возраст считался не с 21-го, а с 17-ти лет, дабы мы не были лишены прав избирать. . .».

Организационный опыт большевиков, умелая расстановка сил и горячая агитация среди всех слоев путиловцев, в том числе среди молодежи и чернорабочих, сделали свое дело. В день 1 Мая (18 апреля по старому стилю) весь сорокатысячный коллектив путиловцев вышел на улицы.

Заводские лидеры меньшевиков и эсеров ходили с мрачными лицами. В море большевистских знамен и плакатов затерялись, были незаметными их одинокие знамена и лозунги. Отовсюду — с флагов, плакатов, яркокрасных знамен — звучали большевистские лозунги о мире, о передаче земли крестьянам, о рабочем контроле.

На следующий день после празднования 1 Мая на митинге в лафетной мастерской между большевиками и эсеро-меньшевиками разгорелся жестокий бой. Большевики утверждали, что буржуазное Временное правительство не хочет кончать войны. Вот уже полтора месяца, как правительство отделывается декларациями и обещаниями и скрывает свои истинные империалистические намерения. С помощью эсеров и меньшевиков буржуазия обманывает народ, уверяя его, что делает все для скорейшего окончания войны и заключения демократического мира.

Митинг разбился на две почти равные части. Одни решительно стали на точку зрения большевиков, другие выражали сомнение: так ли выходит на самом деле, как говорят большевики? Было решено: резолюции никакой не принимать, выждать некоторое время и, если выяснится, что большевики правы, потребовать от Петроградского Совета, чтобы он взял власть в свои руки.

Собрание происходило 19 апреля, а 20 апреля стала известна опубликованная в этот день нота министра иностранных дел Милюкова союзным державам.

После обещанных шагов к миру, после торжественно проведенного международного праздника 1 Мая, утверждение буржуазного министра о «всенародном стремлении довести мировую войну до решительной победы» вызвало необычайное возмущение трудящихся масс.

Как только на Путиловском заводе стало известно об этой откровенно империалистической ноте, в цехах немедленно прекратили работы. Собрались митинги. С цеховых трибун во всех мастерских завода рабочие, взволнованные и возмущенные наглой вылазкой буржуазии, кричали о том, что их обманывают. Не надо войны до победы. Не надо сохранения тайных договоров, заключенных Николаем Кровавым с западными империалистическими хищниками. Нужен честный, демократический мир, нужно выполнение лозунга «Мир без аннексий и контрибуций», с которым всего два дня назад демонстрировали они на улицах Петрограда.

В центре двора, у здания заводского комитета, на общезаводском митинге рабочие требовали немедленного ответа от Петроградского Совета рабочих и солдатских депутатов. Ораторы с трибуны кричали: «Долой грабительскую войну!», и этот возглас подхватывала многотысячная масса, заполнившая заводский двор.

Митинг продолжался до одиннадцати часов ночи. Так и не дождавшись приезда представителя эсеро-меньшевистского руководства Совета, путиловцы постановили: откликнуться на призыв большевистской партии и завтра всем заводом выйти демонстрацией протеста против грабительской, захватнической политики Временного правительства.

С утра 21 апреля снова начались митинги по всем мастерским. В лафетной мастерской, где еще позавчера сомневались в правоте большевиков, была теперь принята боевая и решительная резолюция — одна из первых на заводе резолюций о взятии власти Советами:

«Раз Временное правительство не считается с усмотре-

ниями и постановлениями Совета солдатских и рабочих депутатов, то и не может быть ему поддержки.

И требуем от Совета рабочих и солдатских депутатов, чтобы они немедленно отстранили от власти Временное правительство и взяли власть в свое распоряжение... Мы, рабочие означенной мастерской, только и можем доверять [Совету], куда входят наши представители, и признаем только одну власть:

Советы рабочих и солдатских депутатов». [1]

Депутат Совета, выступивший в цеху за поддержку Временного правительства, тут же, как не выражающий мнения рабочих, был лишен депутатских полномочий и заменен другим.

Снова, как накануне, после цеховых митингов состоялось многочасовое собрание всех рабочих завода. Лозунг «Вся власть Советам!» звучал в десятках речей большевистских ораторов — членов заводского комитета, представителей районного комитета большевиков, делегатов Петроградской общегородской большевистской конференции. За один день лозунг «Вся власть Советам!» стал знаменем, вокруг которого сплотились тысячи путиловских рабочих.

В шестом часу вечера путиловцы вышли на демонстрацию. Боевая дружина, организованная еще в февральские дни, образовала головной отряд и окружила цепью всю путиловскую колонну.

Демонстрация путиловцев пополнялась все новыми людьми. У Новосивковской улицы присоединился весь состав районного комитета большевиков. В колонны демонстрантов влились рабочие «Треугольника», Франко-русского завода, мелких заводов заставы. Путь следования был на Васильевский остров, к Морскому корпусу, где заседал Совет рабочих депутатов. На бесчисленном множестве путиловских знамен и плакатов были точно определены революционные требования рабочих: «Немедленный мир без аннексий и контрибуций!», «Да здравствует социализм!», «Да здравствует Совет рабочих и солдатских депутатов!», «Долой империалистическую войну!».

С Васильевского острова путиловцы направились на Невский проспект. Они намеревались, пройдя по центральным улицам, повернуть на Петроградскую сторону к дворцу Кшесинской, где помещался Петербургский комитет большевиков.

[1] Материалы Ленинградского института истории ВКП(б), Фонд Кировского завода.

Когда последние ряды демонстрации подошли к Садовой, к хвосту колонны с панелей бросились вооруженные юнкера. Они пытались отобрать и изорвать одно из путиловских знамен. Молодой рабочий Павел Селезнев не дал юнкерам захватить древко знамени. Выстрелом из револьвера Селезнев был убит. Красногвардейцы сомкнулись, оттеснили юнкеров и выстрелили в воздух. С противоположной стороны — с крыши дома или из окон редакции черносотенной газеты «Вечернее время» — по путиловцам дали несколько залпов. Красногвардейцы вступили в перестрелку. Демонстранты и толпы на панелях быстро рассеялись. На мостовой остались лежать убитые.

Путиловцы возвращались за Нарвскую поздно ночью. Обстрелянные, лоб в лоб столкнувшиеся с контрреволюцией, они уже были не теми, какими выходили на улицы. Не только возмущение и гнев обуяли рабочих. В этот день, стоивший недель и месяцев борьбы, многие навсегда уяснили себе простую мысль Ленина, которую они часто слышали от большевиков: *надеяться только на свою организацию, свое объединение, свое вооружение.*

В эсеровском штабе, трактире «Марьина роща», собралось необычно много народа. Трактир гудел, точно потревоженный улей. Руководители эсеровской организации — техник Бурштейн, рабочий пушечной мастерской Синицын — ходили растерянные, пытаясь успокоить возбужденных членов своей партии.

— Ничего особенного не случилось. Демократия постоит за свои права.

Много рядовых рабочих — эсеров, обманутых демагогическими лозунгами и пышными фразами своих лидеров, порвали в эти дни с партией эсеров. Многие, уходя из «Марьиной рощи», демонстративно на пороге рвали членские билеты эсеровской партии. Рыхлая организация эсеров, выросшая за счет несознательной, политически сырой части новых рабочих, стала расползаться после первого же удара.

Апрельские демонстрации петроградских рабочих и солдат, направленные против войны, явились взрывом возмущения народных масс против империалистической бойни. Буржуазия сорвалась на первой же попытке открыто заявить об истинных своих намерениях — довести войну до «победного конца». Под давлением трудовых масс Временному правительству пришлось убрать самых ненавистных народу министров — Гучкова и Милюкова. Было создано новое, коалиционное правительство. В него, наряду с предста-

вителями буржуазии, вошли меньшевики: М. Скобелев — министр труда, И. Церетели — министр почт и телеграфов, и эсеры: А. Керенский — военный и морской министр, и В. Чернов — министр земледелия.

«Таким образом, меньшевики, отрицавшие в 1905 г. допустимость участия представителей социал-демократии во Временном *революционном* правительстве, нашли теперь допустимым участие своих представителей во Временном *контрреволюционном* правительстве.

Это был переход меньшевиков и эсеров в лагерь контрреволюционной буржуазии». [1]

В большинстве мастерских коалиционное правительство было встречено с недоверием. В новомеханической приняли короткую резолюцию:

«Протестуем против вступления членов Совета рабочих и солдатских депутатов в коалиционное министерство».

В некоторых мастерских (тигельная, мартеновская, фасонно-сталелитейная) одобрили коалицию. Но этого меньшевикам было мало. Они хотели создать впечатление, будто все рабочие завода одобряют коалицию. Зная, что на заводском митинге они не получат одобрения, меньшевики 14 мая устроили в путиловском театре платную публичную лекцию. В театр набилось много мелкобуржуазной заставской публики, не имевшей никакого отношения к заводу. После докладов Скобелева и Дана большинством голосов была принята резолюция, одобряющая вступление социалистов в министерство, «ибо участие социалистов в правительстве и есть возрождение мира, демократической республики и Интернационала».

Меньшевики напечатали эту резолюцию в своей газете, выдав ее за резолюцию всех рабочих Путиловского завода, и подняли в своей печати ликующий вой.

Но напрасно ликовала меньшевистско-эсеровская печать по поводу этой подложной резолюции. Даже в тех мастерских Путиловского завода, где коалиция была одобрена, рабочие предупреждали:

«Но если Временное правительство [коалиционное] будет уклоняться от интересов демократии, то его постигнет судьба предыдущих».

И в пушечной мастерской, считавшейся несокрушимой опорой меньшевиков, рабочие предостерегали вождей согла-

---

[1] История Всесоюзной Коммунистической партии (большевиков). Краткий курс, 1938, стр. 180.

шательских партий, вошедших в коалиционное правительство:

«Если оно [коалиционное правительство] сделает хотя шаг в сторону, — то немедленно отозвать из состава Временного правительства министров-социалистов и передать власть в руки Совета рабочих, солдатских и крестьянских депутатов».[1]

ВОЛОДАРСКИЙ

— Дайте агитаторов, — неслось отовсюду — с заводов, цехов, клубов, союзов и бесчисленных организаций, созданных после победы революции.

Временами в районном комитете большевиков не оставалось ни одного человека, способного произнести хотя бы трехминутную речь, — все были в разгоне. А день ото дня на заводских собраниях, в рабочих кварталах все чаще требовали:

— Пришлите большевика.

В мае в районный комитет в качестве агитатора прибыл молодой человек, худощавый, бритоголовый, в очках, в сером костюме, легком осеннем пальто. На первом же собрании в комитете он обратил на себя всеобщее внимание простотой и ясностью речи, обширностью познаний, метким словом и прекрасным знанием тактики политических противников. Это был В. Володарский (М. М. Гольдштейн). Ему предложили руководить подготовкой рабочих агитаторов. После нескольких занятий, обнаруживших его большие агитаторские способности, в первых числах мая Володарского послали на собрание пушечной мастерской.

Пушечная считалась еще крепостью меньшевиков. Каждый митинг там превращался в жестокий бой с неизменным результатом: побеждали меньшевики. Правда, в последнее время они начали побаиваться большевиков и часто всяческими способами срывали их речи. На митинги меньшевики стали выдвигать самых говорливых: Г. Сильнова, А. Розенштейна и других. Особенно часто выступал Н. Н. Глебов, именовавший себя «внефракционным социал-демократом». О себе он говорил очень много, и еще больше о нем рассказывали его друзья — меньшевики. Глебов жил за границей — работал в Бельгии, был лично знаком с Плехановым и даже выпустил книжку с его предисловием. В мастерской

[1] ЛОАОР, Фонд Петергофского районного Совета, 1917, д. № 17.

он был самым ярым врагом большевиков. Изъясняться он любил изысканно, витиевато, пересыпая речь учеными словами и непонятными фразами. В неустановившейся, шумной, взбудораженной обстановке апреля и мая 1917 года Глебов, как пустая пена, всплыл на поверхность политической жизни.

Митинг, на который пришел Володарский, был уже распален речами против большевиков. Дважды, срывая аплодисменты, с демагогическими речами против большевиков выступал Глебов. Ораторствовал меньшевистский лидер Сильнов.

Володарский прошел на трибуну. Предоставляя ему слово, председатель объявил, что будет говорить «большевик из комитета». Мастерская загремела — били молотками по металлическим листам, свистели, кричали, не давая Володарскому начать речь. Это был испытанный меньшевистский прием, которым они встречали большевистских ораторов.

Меньшевики неистовствовали:

— Долой!.. Долой большевиков!

Минуту, другую... пятую гремела пушечная.

А Володарский ходил взад и вперед по трибуне, поглядывал, усмехался и снова ходил, выжидая тишины. Но вот он уловил, что основной массе рабочих уже надоел этот шум, и тогда, воспользовавшись затишьем, сказал:

— Вы еще пожалеете, товарищи. Вам придется со мной согласиться.

Спокойствие и уверенность Володарского оказали магическое действие. Шум начал стихать. Все были заинтригованы: как этот неизвестный им молодой человек заставит согласиться с собой. Ведь это в пушечной никому из большевиков пока не удавалось.

В рокоте затихающего собрания послышался мягкий, с каждым словом крепнущий голос Володарского. Речь Володарского, временами деловая и спокойная, временами бурная и огневая, сразу захватила рабочих. Он начал с вопроса о войне. Говорил о надеждах и чаяниях народа, о борьбе рабочих за мир, о ноте Милюкова и, наконец, перешел к критике позиций и политики соглашателей. Люди вслушивались в простые слова, втягивались в круг мыслей и чувств оратора, неумолимой логикой приводились к большевистским выводам.

Мертвая тишина. Никто не смеет нарушить ее даже слабым движением. Тысячи людей увлечены пламенными словами: вместе с оратором смеются и издеваются над меньше-

виками, возмущаются их политикой и закипают непримиримой ненавистью к ним и их хозяевам — капиталистам.

— Но если вы хотите свободы и мира народам, если вы не хотите продолжения бойни, затеянной капиталистами, — вы пойдете вместе с большевиками за власть Советов, за лучшую жизнь.

Володарский закончил свою речь. Аудитория откликнулась шумными аплодисментами и громом восторженных криков. Растерянные и обескураженные, бродили меньшевики и ворчали:

— Он пленил вас несбыточными мечтами.

— Отойди, «сбыточная мечта»! Я, может, всю жизнь об этом думал, — зло возразил угрюмый старик-рабочий.

Володарский стал первым агитатором Нарвского района. Отовсюду, где он побывал хоть один раз, шли требования:

— Дайте нам Володарского.

Его уже перестали посылать на небольшие собрания, а приберегали для многотысячных заводских митингов, которые в районе бывали ежедневно.

Одновременно Володарский продолжал работу в агитаторской коллегии. Вечерами, когда затихала застава, агитаторы — активисты, члены Совета — возвращались в районный комитет. Володарский обучал их искусству агитации, искусству полемики с политическими противниками, читал лекции и рассказывал о жизни американских рабочих. Слушать его собирался весь актив.

Володарский был неутомимым, веселым рассказчиком. Его объяснения были всегда удивительно понятны. О нем говорили: «Моисей — человек бесподобной простоты». Иногда он применял своеобразный метод учебы агитаторов: заходил по другую сторону биллиардных столов и, изображая меньшевика, заставлял отбивать «свои» меньшевистские нападки.

Его прерывали репликами, он на них отвечал. Слушатели выступали, спорили, громили меньшевиков, а он, подзадоривая, сыпал реплики и, кивая бритой головой, радостно улыбался, когда кто-либо метким словом отбивал «его» нападки и переходил в наступление.

— Никогда не обороняйтесь! Всегда нападайте, — говорил Володарский. — Не щадите противника. Бейте по его слабым местам и якобы веским, в действительности шатким аргументам. Сразу, смаху. Не тяните канитель и не пытайтесь говорить красиво.

А потом Володарский наглядно показывал, как надо выступать большевику. Порой он применял удачные фразы и

словечки своих учеников и лукаво поглядывал на них, словно говоря: видишь, как годится острое словцо.

— Учитесь разговаривать со всяким, везде и по любому поводу, — говорил Володарский. — Завязал разговор с кем-либо на улице — посмотри кругом. Ну, вот мостовая: плохая мостовая за Нарвской, грязь непролазная. Панель — две дощечки прогнившие, того и гляди каблук оторвешь. А в переулках ни мостовой, ни панели — плавай по грязи. Почему в рабочем районе одно, а в центре, где живет буржуазия, другое? Вот тебе и тема для разговора. И тяни ты эту мостовую до вопроса о том, кто виноват в этом, кому это на пользу, да что бы мог сделать рабочий класс, если бы власть имел? Свои рабочие окраины наверное замостил бы. Верно?

Все подтверждали:

— Правильно.

Володарский поражал своих слушателей простотой формы, в которую облекал самые сложные и глубокие мысли. Когда он рассказывал о сложнейших сцеплениях международной политики, очищая факты от словесной шелухи меньшевистских и эсеровских речей, статей буржуазной и соглашательской прессы, — агитаторы изумлялись, до чего все в итоге понятно и просто.

Такие занятия толкали агитаторов к самостоятельной учебе. Они разыскивали литературу, собирали в комплекты «Правду» и читали по ночам. А Володарский подстегивал и тонко высмеивал тех, кто считал, что учиться поздно или не время.

Кончалось занятие. Кто-либо срывался с места и бежал в чайную покупать на собранные деньги ситный, чай, колбасу. Беседа продолжалась до глубокой ночи, пока кто-нибудь не напоминал:

— Завтра на работу выходить. Пора спать...

Тогда агитаторы расходились по комнатам и тут же на столах укладывались на ночевку.

Иногда Володарский приходил поздно ночью, разбитый и усталый. Взобравшись на биллиардный стол, он засыпал, укрывшись своим неизменным пальто. А рано утром, когда все еще спали, снова уходил на заводы встречать первую и провожать третью смену рабочих.

Как огня, боялись острого слова Володарского меньшевики и эсеры. До его появления в районе они демагогическими приемами брали иногда верх над заводскими большевиками. Теперь же большевистские агитаторы не давали ходу

соглашателям, ловко сбивали их аргументацию. А если где-нибудь собирались главные силы оборонцев — приезжал Володарский. Тогда меньшевистские лидеры и эсеровские краснобаи терялись. Аудитория то смеялась и потешалась над ними вместе с оратором, то наполнялась гневом и ненавистью к соглашателям, то вместе с Володарским трезво, шаг за шагом, определяла задачи дальнейшей борьбы.

В июне Володарский перешел на работу в Петербургский комитет большевиков. Как агитатор Петербургского комитета он разъезжал по заводам и казармам, выступая много раз в день. Его металлический голос звучал в огромном помещении цирка «Модерн», в шумных заводских цехах, в глухих солдатских казармах, в просторных университетских аудиториях. Слушать Володарского сходились тысячи людей. Он говорил правду, суровую большевистскую правду. Даже буржуазные газеты, которые ненавидели и ругали Володарского, писали, что речи его способны превращать враждебную аудиторию в друзей большевиков.

На Путиловском заводе Володарский продолжал бывать попрежнему часто. И к нему часто заходили путиловцы, — он нашел себе комнату и жил неподалеку от Нарвских ворот. Поздними вечерами, когда он возвращался домой, к нему приходили работники заводского комитета, цеховые партийные работники посоветоваться, просто поговорить. Он был неиссякаемым источником энергии и бодрости, другом и товарищем путиловцев, трибуном петроградского пролетариата, любимцем рабочих и солдат революционной столицы.

МИТИНГ 12 МАЯ

Борьба за массы после создания коалиционного правительства обострилась. Решения Центрального комитета большевиков от 22 апреля 1917 года обязывали членов партии двинуться на фабрики и заводы, в казармы и рабочие кварталы: разъяснять массам, что ничего не изменилось и не может измениться от включения в правительство эсеров и меньшевиков; разоблачать соглашательскую политику руководителей Петроградского Совета, поддерживающих контрреволюционное Временное правительство.

В этой борьбе меньшевики и эсеры на Путиловском заводе теряли одну позицию за другой. Спорить с большевиками им становилось все трудней. Прикрываясь обещаниями, что коалиционное правительство разрешит все на-

сущные вопросы, они пытались удержать за собой некоторые мастерские. Но это им удавалось с огромным трудом. В башенной и пушечной, где они господствовали раньше, назревали теперь иные настроения. Чтобы удержать за собой влияние, эсеры и меньшевики сговорились совместно устроить общезаводский митинг, вызвать своих лидеров: эсеры — министра земледелия Чернова и Авксентьева, меньшевики — Грибкова и Вайсберга.

Митинг был назначен на 12 мая. Заводские большевики сообщили об этом в районный комитет. Оттуда позвонили в Петербургский комитет большевиков и напомнили:

— Вы обещали нам похлопотать, чтобы на завод приехал Ленин. Давно об этом мечтаем. Сейчас положение у нас подходящее.

В Петербургский комитет на заводском автомобиле отправился Иван Генслер. В агитаторской коллегии ему сказали, что Ленин уже ждет представителей завода. Генслер пошел к Ленину. Владимир Ильич поднялся, пожал руку Генслеру, спросил: «Путиловец?» — и сразу направился к выходу.

В это время на заводе уже начался митинг. Во дворе против здания заводского комитета, у прокатных мастерских, собрались две смены рабочих — свыше двадцати пяти тысяч человек. Люди густо сидели на крышах. Узнав о митинге, пришли рабочие Путиловской верфи. Заводский комитет распорядился, чтобы на железнодорожные пути, проходившие мимо трибуны, подали составы вагонов и платформы — с них можно было хорошо видеть и слышать ораторов.

Первым выступал глава партии эсеров — «селянский министр» Виктор Чернов. Он начал свою речь изложением сказки о рыбаке и рыбке. С ужимками рассказывал Чернов, как ненасытная старуха требовала все большего и большего, не удовлетворяясь даже царством. И осталась эта бабка, пожелавшая быть владычицей морскою, у разбитого корыта.

Развязный, ухмыляющийся, стоял Чернов на трибуне. Он разводил руками и удивлялся неразумию старухи. Он сравнил большевиков с этой старой рыбачкой. Всего большевикам мало: и свободы и власти. Тянутся они к власти, как дети к огню, не думая об опасности, не видя пропасти, в которую они вовлекают страну.

Тут голос Чернова поднялся до высоких нот. С ловкостью профессионального шута демонстрировал он негодование и ужас.

Когда Чернов дошел до сравнения большевиков с детьми, солдат Игнат Судаков, токарь шрапнельной мастерской, не выдержал. Он поднялся на носки и во всю силу своих легких крикнул:

— Брось сказки рассказывать, говори дело!

Сосед Судакова, правоверный эсер, испуганно забормотал:

— Ты чего кричишь, кому кричишь? Тебе что надо?

Судаков отмахнулся:

— Меня сказками не накормишь. Я не ребенок. Три года в окопах сидел.

За два месяца революции Игнат Судаков прошел большую школу. В марте на цеховом митинге он первым вызвался, в случае нужды, пойти обратно на позиции, чтобы защищать завоеванную свободу. Теперь он недовольно посматривал на Чернова, разливавшегося перед путиловцами потоком пустых обещаний и слов о свободе и мире.

Чернова сперва слушали внимательно. Но постепенно у слушателей стало накипать раздражение. От оратора ждали ясных ответов на вопросы о земле, о войне, а он вертелся все вокруг да около, отделываясь пустыми фразами. Путиловцы не могли уже сдерживаться. Прорывались выкрики:

— Когда землю крестьянам дадите?

— Долой войну!

Все более резкие реплики неслись отовсюду, сливаясь в один гул.

— Брось сказки! — во весь голос кричал Игнат Судаков.

Чернов понял, что дальше говорить невозможно, и быстро закончил речь. Группка эсеров подхватила Чернова под руки и повела к воротам.

Ленин приехал на завод после выступления Чернова. У ворот его ожидали представители заводского комитета. Все вместе они направились к трибуне. Весть о том, что приехал Ленин, опередила их. Толпа всколыхнулась от края до края. Люди вытягивали шеи, лезли на плечи соседей, чтобы увидеть Ильича. Навес над входом в помещение заводского комитета был настолько усеян людьми, что не выдержал тяжести и с треском обвалился. Машинисту проезжавшей «кукушки» не дали дороги. Длинный поезд облепили со всех сторон. На крышах прокатки и старой конторы, на деревьях — всюду, где только можно было пристроиться, стояли, висели и сидели люди. На обширной площади заводского двора, залитой людьми, не было видно ни одного свободного клочка земли.

Ленин поднялся на трибуну. Вихрь приветственных и радостных криков не дал ему возможности начать речь.

Рабочие с восхищением смотрели на коренастую фигуру Ильича, на его сильные и быстрые движения:

— Такой простой, видать — свой... Обыкновенный... Ленин.

Имя Ленина знали все. Для тысяч кадровиков-путиловцев в этом имени воплотилась долгая борьба рабочего класса с капитализмом и самодержавием. С его именем были связаны самые дорогие надежды о выходе из ужасов голода, войны и угнетения.

Ленин начал речь и с первых же слов завладел вниманием всей многотысячной массы.

Он выразил сожаление, что не застал Чернова. На таком большом собрании было бы полезно в присутствии Чернова рассказать о политике соглашателей. Ленин убедительно и ярко показал империалистический характер войны. Он разоблачил истинную сущность Временного правительства, соглашательскую политику меньшевиков и эсеров, расчищавших дорогу контрреволюции. Он говорил о самом насущном, волнующем — о земле, о мире, о власти Советов, о рабочем контроле.

Не было ни одного рабочего, который не понимал бы неотразимой правды ленинских слов. Воцарилась полная ненарушимая тишина. Каждое слово Ильича доходило до самых дальних рядов. Невидимые нити протянулись от Ленина к рабочим.

Все, что волновало путиловских рабочих, — и нота Милюкова, и речи коалиционного министра Чернова, и выстрелы 21 апреля, и цеховые и заводские дела, — все связывалось теперь воедино, осмысливалось, прояснялось. Замолкшая громада путиловцев жадно впитывала каждое слово Владимира Ильича.

Заканчивая речь, Ленин призывал к решительной борьбе за мир, за хлеб, за рабочий контроль. Необходимо понять: единственный выход состоит в том, чтобы власть перешла в руки Советов рабочих и солдатских депутатов.

И снова, как при встрече, поднялся могучий шквал одобрительных криков, приветствий и аплодисментов.

Владимира Ильича подняли на плечи. Огромная толпа путиловцев с криками «ура» понесла Ленина к автомобилю, а затем сопровождала до самых Нарвских ворот.

Ленин уехал — он спешил на другое собрание. В автомобиле он расспрашивал сопровождавших его большевиков из

союза металлистов, каково настроение рабочих, как живут путиловцы, чем занимается районный союз металлистов.

Митинг на заводе продолжался. Выступил меньшевик Грибков. Его слушали неохотно, прерывали, шумели, и он, скомкав речь, замолчал. На трибуну поднялся председатель исполнительного комитета Совета крестьянских депутатов Авксентьев. Властно поднял он руку, пытаясь установить тишину. Председатель объявил:

— Слово предоставляется социалисту-революционеру Авксентьеву.

Несколько раз пытался Авксентьев начать речь, но толпа не стихала, не прекращался шум. Так и остался стоять Авксентьев с поднятой рукой, окруженный возбужденной толпой, пока, поняв, что говорить ему все равно не дадут, не сошел с трибуны.

Один за другим выступали рабочие и солдаты-фронтовики.

Выступление Ленина подсказало им настоящие слова, которых так долго они не могли найти. Рабочие и солдаты заявляли, что сейчас они знают, с кем надо идти, кто действительный защитник народа.

— Мы напишем на нашем знамени: «Ленин», «Да здравствует Ленин!» — заявляли выступавшие рабочие.

На трибуну поднялся Судаков.

— Под этим знаменем и я пойду с вами, — внятно сказал он и снял с своей груди георгиевские медали и кресты, полученные им на фронте.

— Эти боевые награды, что я кровью заработал, отдаю на большевистскую «Правду».

Он точно дал толчок своим выступлением. Многие солдаты последовали его примеру. Высокий армеец пробирался к трибуне, на ходу расстегивая промасленную гимнастерку. Подойдя ближе, он снял серебряный нательный крест и протянул его солдату, собиравшему кресты и медали:

— На, возьми, «георгиев» у меня нету, а на газету и этот пригодится.

Несколько часов гудел заводский двор.

Многие из рабочих-эсеров, ранее увлеченных пышными фразами своих вождей, приходили теперь к большевикам, рассказывали о своих думах и сомнениях. Немало из них вступило затем в ряды большевистской партии.

Ушел от эсеров и старик Д. Белоусов, которого «Марьина роща» (так за Нарвской называли организацию эсеров) привлекла широковещательными обещаниями отдать землю

крестьянам. В последний раз он зашел в «Марьину рощу» и заявил:

— Ленин меня просветил. Вы, стало быть, меня, старика, обманом завлекли. Вы народ обманываете — уйду от вас.

Так начала таять и расползаться рыхлая, разбухшая «Марьина роща». Уже не в одиночку, а группами уходили оттуда путиловцы. К концу мая организация эсеров потеряла около тысячи членов. Так же быстро редели и ряды их соратников — меньшевиков. К концу мая они не досчитались свыше сотни членов партии, почти четверти состава своей районной организации.

Речь Ленина произвела незабываемое впечатление на путиловцев. Обсуждая последующие события, путиловские рабочие постоянно вспоминали ее, все больше убеждались в правоте каждого слова Ленина и твердо становились под знамена партии большевиков.

«КОНФЛИКТ 7 МАРТА»

С новой, неудержимой силой поднимались требования мира, хлеба, земли. Возмущение и недовольство коалиционным правительством захватывали самые широкие слои рабочих и крестьян. Трудящиеся массы жаждали мира, а Керенский готовил наступление на фронте. Трудящиеся массы требовали хлеба, а правительство сокращало хлебный паек до трех четвертей и полуфунта на человека. Трудовое крестьянство выдвигало вопрос о земле, а эссровский краснобай министр земледелия Чернов уговаривал их ждать Учредительного собрания, неизвестно когда созываемого.

Большевистская агитация, неутомимая работа в массах делали свое дело. Трудящиеся все решительнее освобождались от наивной веры в соглашателей, отчетливо начинали понимать гибельность соглашательства с буржуазией.

Исключительную роль в прояснении классового сознания путиловских рабочих сыграл «конфликт 7 марта». Заводский комитет расширял этот конфликт и через борьбу за непосредственные рабочие нужды — за тариф втягивал в революционную борьбу самые отсталые слои рабочих, превращая их в активных борцов за лозунг «Вся власть Советам».

19 апреля были утверждены новые тарифные ставки. По соглашению с заводским комитетом директор завода обязался проводить их с 7 марта — первого дня работы после Февральской революции. 17 мая директор подтвердил согла-

шение официальным объявлением по заводу. Прошел май, наступил июнь — доплаты не производились. Путиловское правление упорно отмалчивалось и денег на доплаты не отпускало. Возмущение путиловцев прорывалось то в одной, то в другой мастерской. Шрапнельносборочная объявила стачку.

Члены заводского комитета пошли в министерство труда, но там им отказали в поддержке. У министра торговли и промышленности путиловцам прочли наставление, а когда они потребовали точного и официального ответа, им заявили:

— Министерство торговли и промышленности в дела трудовые не вмешивается.

Третья делегация направилась в Петроградский Совет. Там путиловцам посочувствовали, но поставить вопрос на обсуждение Совета отказались, мотивируя свой отказ тем, что, во-первых, сейчас идет съезд Советов и обострять взаимоотношения рабочих с министерствами нельзя; во-вторых, решение путиловского вопроса зависит от общих вопросов: когда съезд их разрешит, тогда Совет займется путиловскими делами.

Требования путиловцев повисли в воздухе. Сообщение заводского комитета о безрезультатности хождения по министерствам вызвало новый взрыв негодования.

— На съезд надежды нет, — говорили в цехах. — Уже ясно, что он встал за капиталистов и Временное правительство: постановил освободить дачу царского министра Дурново от занявших ее рабочих организаций, согласился с политикой министров по вопросу о войне.

Рабочие сразу почувствовали лживость и лицемерие эсеро-меньшевистских речей на I съезде Советов. Они поняли, что съезд не решит коренных вопросов революции, не удовлетворит насущнейших требований пролетариата, не разрешит и острого конфликта рабочих с предпринимателями. И общим выводом было: надеяться надо только на самих себя.

8 июня несколько мастерских бросили работы. Посередине двора собралась огромная толпа. Руководители заводского комитета сдерживали напор рабочих, призывая их не выступать неорганизованно. Начался митинг. Было решено тотчас же выйти на демонстрацию.

Спешно на митинг пришел Володарский.

— У вас есть партия — партия большевиков, — говорил он путиловцам. — Она призовет вас к демонстрации, когда

это будет нужно. Держитесь, не расстраивая единого фронта борьбы рабочих всего города...

— Едва-едва удалось разубедить путиловцев, — докладывал позже Володарский Петербургскому комитету большевиков.

Особенно резко и решительно выступала Выборгская сторона. В этот день выборжцы демонстрировали, протестуя против приказа об освобождении дачи царского министра Дурново от рабочих организаций, захвативших ее в начале революции. Демонстрация выборжцев и волнения в других районах показали, что пролетариат Петрограда рвется к выступлению. ЦК и ПК партии большевиков созвали расширенное совещание. Из сообщений стало ясным, «...что никакая сила не остановит выступления. После этого ЦК решил взять на себя организацию мирной демонстрации». [1]

Демонстрация была назначена на 10 июня. Она должна была перед лицом съезда Советов показать волю и выразить требования рабочих и солдат Петрограда.

Путиловцы готовились к демонстрации с огромным подъемом. Каждая мастерская изготовляла плакаты и флаги с большевистскими лозунгами. Заводский комитет превратился в штаб готовящейся в поход армии. Приходили за инструкциями, лозунгами. Соорудили большой плакат с надписью: «Нас обманули! Товарищи, готовьтесь к борьбе!».

Центральный комитет партии большевиков отменил демонстрацию, назначенную на 10 июня. Это было вызвано тем, что высший орган Советов — Всероссийский съезд запретил демонстрацию. Большевики решили подчиниться постановлению съезда Советов.

Д. Романов и Т. Барановский пошли во двор завода, чтобы сообщить рабочим о постановлении Центрального комитета.

— Без вас пойдем, без завкомщиков, без руководителей, — кричали возбужденные рабочие и не давали говорить большевикам.

— Кто звал вас на демонстрацию? — спрашивали большевики.— Мы, большевики, Центральный комитет. Он и отменяет. Неспроста значит. Слушать надо.

Медленно и нехотя расходились рабочие. Авторитет Центрального комитета, «Правды» — авторитет большевиков — на заводе был высок.

Соглашатели потеряли на заводе всякое доверие. Мень-

---

[1] *И. Сталин*, На путях к Октябрю, 1925, стр. 88.

шевики пытались отстоять свою последнюю опору — пушечную. Перед большевиками завода встала задача разбить окончательно меньшевиков в пушечной мастерской. Был устроен дискуссионный митинг. В пушечную собрались рабочие со всего завода. Народ набился тесно, плечо к плечу, заполнив все проходы лафетного пролета. Дмитрий Романов собрал большевиков, расставил их по мастерской, чтобы меньшевикам не удалось сорвать собрание.

Володарский стоял у трибуны, поджидая приезда меньшевистских лидеров. Со стороны соглашателей явились меньшевик Либер и эсеры Чернов и Авксентьев. Предстоял генеральный бой.

Три с половиной часа говорила тройка соглашательских лидеров. Один за другим они обрушивались на большевиков и, как будто распределив между собой роли, не оставили ни одного лозунга «необъясненным». Либер говорил о лозунге «Вся власть Советам»:

— Большевики предлагают прыжок в неизвестность. Советы — еще не изученная форма, временная организация рабочих до Учредительного собрания. Еще неизвестно, что с ними станется. Советы — не общенародная организация. Демократия требует участия всего народа. Мы реальные политики, а не фантазеры. Мы предлагаем Учредительное собрание, республику. Нельзя Советы — случайную организацию — вопреки демократии превратить во власть. Такая власть не продержится и двух дней.

В. Чернов цветисто подтвердил свое согласие со словами Либера. Он говорил свыше часа, умело и ловко обходя острые вопросы.

Володарскому несколько раз напоминали:

— Они создадут невозможную обстановку. Выступай.

— Ничего, пускай поговорят, я отдохну, послушаю, — отвечал Володарский.

По обыкновению спокойно начал свою речь Володарский — любимец путиловцев. Он разгорался постепенно и вдруг, точно достигнув какой-то критической температуры, протянул руку в сторону тесно сбившейся кучки меньшевиков.

— Слушайте их, — сказал он. — Они говорят, что Советы не демократичны, что это не народный орган. А кто же в Советах? Рабочие, крестьяне, солдаты, — это же и есть народ. Кого же в Советах нет? Буржуазии. Только ее и нет. Выходит — о ком хлопочут уважаемые Либер и Чернов, о народе или буржуазии?

Громко хохотал митинг:
— Здо́рово!
— Отбрил!
Володарский продолжал:
— Почтенный глава меньшевиков уверял нас, что Советы — временное явление, неизвестно, что́ из них выйдет. А нам известно, что́ хотят сделать с ними соглашатели. Всей своей политикой они их уничтожают как власть, сейчас они хотят окончательно уничтожить Советы, ибо цель меньшевиков — полностью отдать власть буржуазии.
А Учредительное собрание они не созовут, пока контрреволюция не укрепится настолько, чтобы решить вопрос о земле и мире так, как это выгодно капиталистам и помещикам.
Мы говорим: слушайте меньшевиков — и петля кровавой бойни еще сильнее захлестнет вас.
Слушайте эсеров — и новые миллионы рабочих и крестьян падут жертвами грабительской войны, во славу и обогащение капиталистических акул.
Следуйте за меньшевиками и эсерами — и цепи былого рабства будут наложены на вас еще крепче, чем было раньше.
Мы, большевики, зовем вас к свободе, и мы знаем, что рабочий класс видит предательские дела меньшевиков и эсеров — оборонцев и соглашателей. Мы знаем — пролетариат пойдет с нами под знаменами, на которых будет начертан боевой клич, зовущий к свободной и счастливой жизни: *«Вся власть Советам рабочих и солдатских депутатов!»*.
С последними словами Володарского тишину прервала буря неистовых аплодисментов.
Пушечная мастерская впервые приняла резолюцию большевиков.
С этого дня соглашатели потеряли свои последние позиции на заводе. За ними остались лишь незначительные группки рабочих и часть служащих. Вся масса путиловцев, сплотившаяся в борьбе за большевистские лозунги и на борьбе за тарифы яснее разглядевшая сущность соглашателей, твердо стала на позиции партии большевиков.
Меньшевистские и эсеровские газеты выступили в защиту министра труда, обвиняемого путиловцами в затягивании путиловского конфликта. Опровержения министерства труда в эсеровском «Деле народа» и меньшевистской «Рабочей газете» подписаны были Глебовым-Путиловским. Он соеди-

пил свою контрреволюционную работу на заводе с службой в министерстве труда, где заведывал отделом печати. Глебов ревностно взялся за выполнение обязанностей адвоката министра. Он заявил: министерство поступило правильно — нечего, мол, заботиться об одних путиловцах, надо думать о всех металлистах города. Но Глебов сказал не все. За него позже договорили меньшевистские «Известия Петроградского Совета»:

«Дело путиловских рабочих считается делом петроградского пролетариата», а «министерство труда считается министерством всей России».[1] Не дело, мол, министру заботиться о металлистах Петрограда, ему надо думать о всей России. А всероссийские вопросы могут быть разрешены лишь волей Учредительного собрания.

Напор путиловцев отражал общее настроение рабочих и солдатских масс Петрограда, рвавшихся на улицы.

Соглашатели уже не могли удержать их и, чтобы использовать в своих целях революционное настроение масс, назначили демонстрацию на 18 июня. Они рассчитывали, что демонстрация пройдет под антибольшевистскими лозунгами.

Пасмурным теплым утром 18 июня выступил Путиловский завод. На красных полотнищах демонстранты несли большевистские лозунги: «Вся власть Советам!», «Долой 10 министров-капиталистов!», «Вооружение народа и прежде всего рабочих!» Среди плакатов и лозунгов ярко выделялся громадный лозунг, рожденный борьбой путиловцев:

«Нас обманули! Товарищи, готовьтесь к борьбе!».

Впереди путиловцев шли 176-й запасный и Измайловский полки. По бокам бесконечной колонны двигались красногвардейские цепи.

У входа на Марсово поле висел плакат: «Доверие Временному правительству». Группа рабочих и солдат отделилась от колонны и сорвала его.

Мимо братских могил путиловцы прошли с пением похоронного марша.

В этот день в Петрограде около полумиллиона рабочих и солдат демонстрировали свое недоверие Временному правительству, свое согласие с лозунгами большевиков, свою волю к дальнейшей борьбе. Расчеты эсеров и меньшевиков были опрокинуты.

Несмотря на явно выраженную волю и требования масс, Временное правительство продолжало империалистическую

[1] «Известия Петроградского Совета» № 100, 24 июня 1917 г.

политику. ВЦИК Советов и Петроградский Совет плелись за ним в хвосте. 18 июня, в день демонстрации в Петрограде, на фронте Временное правительство погнало солдат в наступление. Вести об этом глубоко возмутили рабочих.

20 июня на экстренном совещании Петербургского комитета большевиков представители районов рассказывали о необычайном негодовании среди рабочих и солдат. Массы снова рвутся на улицы, чтобы решительно поставить перед Советами вопрос о взятии ими всей власти в свои руки. О Нарвском районе было доложено, что там произошел резкий поворот в пользу большевиков. Путиловский завод, определяющий настроения всего района, определенно встал на сторону большевиков. На заводе остро стоит вопрос о прибавках, и каждый день могут вспыхнуть волнения. Путиловцев удержать можно, но если где-нибудь выступят, Путиловский завод не удержится и потянет за собой другие заводы.

Волна движения на заводе нарастала. В мастерских то и дело рабочие бросали работу, вновь становились к станкам и опять прекращали работу. Повсюду требовали немедленно объявить забастовку протеста против затягивания тарифного конфликта. Повсюду речи сводились к требованию — немедленно осуществить лозунг «Вся власть Советам!». Путиловский заводский комитет пытался предотвратить изолированное выступление путиловцев, рвавшихся на улицы.

На собраниях по округам заводский комитет поставил вопрос о стачке. Большинство округов постановило: «Со стачкой подождать». Заводский комитет расклеил объявления: «Подчиниться решению большинства, приступить к работе и ждать общего призыва».

Но волнения не улеглись. Работы продолжались неравномерно. Конференция рабочих металлопредприятий Петрограда, созванная по инициативе путиловского заводского комитета, собралась в путиловском театре. В ней принимали участие представители фабрично-заводских комитетов семидесяти трех заводов, Центрального бюро профессиональных союзов, союза металлистов и других организаций. Путиловский вопрос перерос в общегородской.

Конференция приняла боевую резолюцию. В ней говорилось, «...что дело путиловских рабочих считается делом всего петроградского пролетариата;

что однородные требования предъявлены всеми рабочими-металлистами через свой профессиональный союз к союзу заводчиков и фабрикантов, а также ведомствам;

что частичное экономическое выступление при данных условиях может повести за собой неорганизованную политическую борьбу петроградских рабочих, а потому предлагает путиловским рабочим сдержать свое законное негодование против поведения министров, всеми мерами затянувших разрешение конфликта, и считает необходимым готовить силы для скорого общего выступления.

...Совещание фабрично-заводских комитетов Петрограда и цеховых комитетов Путиловского завода полагает, что если бы [путиловцы] даже добились повышения заработной платы, то беспрерывный рост цен на продукты и квартиры сейчас же свел бы на-нет это завоевание, поэтому необходима решительная борьба за установление рабочего контроля над производством и распределением, что в свою очередь требует перехода власти в руки Советов Рабочих, Солдатских и Крестьянских Депутатов». [1]

Требование «Вся власть Советам!» властно прозвучало на конференции. Отныне с небывалым возбуждением передавали рабочие друг другу о саботаже капиталистов, о массовых расчетах рабочих, о поражениях на фронте, о затягивании созыва Учредительного собрания. Путиловцы готовы были каждый день выйти на улицы. Заводские большевики говорили им:

— Не торопитесь. Нужна организованность и сплоченность. Поднимается волна небывалого движения и на других заводах. Действовать надо совместно. Большевики сдерживали мелкие забастовки, не давали мастерским выступать отдельно и неорганизованно, а заводу — в отрыве от других предприятий Петрограда. Теперь, в острый и напряженный момент, каждое небольшое выступление могло стать отправной точкой для нового высокого подъема революционной волны.

Несколько раз угрожающе подымалась волна, но партия большевиков находила момент неподходящим для выступления, и большевики удерживали массы. Но день ото дня настроение масс накалялось. Достаточно было малейшего толчка, чтобы рабочие вышли на улицы мощной демонстрацией.

Еще 22 июня большевистская фракция ВЦИК Советов предупреждала меньшевистско-эсеровское руководство:

«Сорокатысячная масса Путиловского завода, пользующаяся огромным влиянием среди рабочих и солдат, отказом

---

[1] «Правда» № 89, 23 июня 1917 г.

правительства удовлетворить ее законные экономические требования доведена до отчаяния. Она может каждый день забастовать и выступить на улицу. Она уже выступила бы, если бы не сдерживала ее наша партия, причем нет гарантий, что и впредь удастся ее удержать. А выступление путиловцев — в этом не может быть сомнения — неизбежно повлечет за собой выступление большинства рабочих и солдат». [1]

ИЮЛЬСКИЕ ДНИ

3 июля в четыре часа дня на заводе появилась делегация 1-го пулеметного полка. Крепкая дружба связывала путиловцев и пулеметчиков. В февральские дни они вместе дрались с полицией, а позже постоянно захаживали друг к другу: пулеметчики — на завод, путиловцы — в казармы.

Солдаты взобрались на трибуну. Не прошло и десяти минут, как у заводской трибуны столпилось свыше пятнадцати тысяч рабочих утренней и вечерней смен. Пулеметчики объявили, что они сегодня же выступают против Временного правительства. Их полк расформировывают, над ними издеваются, и они больше не могут ждать. Лозунги остаются прежние — лозунги демонстрации 18 июня. Главный лозунг — «Вся власть Советам!».

— Путиловцы должны выйти первыми, — восклицал, потрясая винтовкой, представитель солдат. — За путиловцами пойдут другие заводы, и мы, наконец, принудим Совет взять власть в свои руки, отобрать ее у капиталистов.

Открылся шумный митинг. Один за другим выступали рабочие, горячо поддерживая солдат. Требование о немедленной передаче власти Советам встречалось восторженно. Большевики из заводского комитета, посовещавшись между собой, твердо решили не выпускать рабочих с завода, убедить их, что выступление преждевременно. На митинге выступал Антон Васильев и другие большевики. Но им кричали:

— Хватит! Довольно ждать! Дальше так жить нельзя!

Необычайное возбуждение охватывало всех. Казалось, что многотысячная толпа вот-вот сорвется с места, хлынет на улицы, затопит шоссе.

Тогда большевики предложили послать делегата на вторую Петроградскую партийную конференцию и выяснить, как относится большевистская партия к выступлению. Предложение было принято. Делегатом избрали Антона Васильева.

---

[1] «Правда» № 89, 23 июня 1917 г.

Пока он ездил на конференцию, путиловцы несколько раз порывались выйти на улицы. Большевики сдерживали рабочих: вот вернется делегат, и тогда дело решится. Наконец, запыхавшийся, прибежал Антон Васильев. Он пробрался на трибуну и сообщил директиву конференции большевиков — на улицы не выходить.

Антону не дали продолжать речь, как не дали говорить и другим ораторам, возражавшим против выступления. На трибуне появились делегаты Петроградской конференции большевиков, которые по поручению конференции разъехались по районам и воинским частям, чтобы задержать рабочих. Их также не хотели слушать. Делегат конференции товарищ Серго (Орджоникидзе) немедленно по телефону сообщил конференции большевиков о повышенном настроении на Путиловском заводе.

Митинг бушевал. Все вопросы, волновавшие путиловцев целый месяц, выплыли наружу, слились с главным вопросом о власти. Говорили сразу в нескольких местах, и везде господствовало одно настроение — выходить. Солдаты-павловцы ушли с несколькими рабочими в свой полк — выводить его на улицу.

По предложению большевиков выбрали делегацию для поездки в Совет для переговоров. До приезда делегации обратно уговорились не выходить. Делегация уехала. По дороге она встретила выборжцев, шедших на завод сообщать, что Выборгский район выступает. Вместе с ними делегация возвратилась на завод.

Известие выборжцев встретили ликующе. Стало ясно, что теперь не сдержать путиловцев. Снова открылся митинг. Рабочие решали вопрос о том, какие требования надо предъявить Совету. По-обычному говорили долго и много. Наступал одиннадцатый час ночи — седьмой час митинга. На трибуне появился матрос и торжественно провозгласил:

— Кто за выступление — подними руку.

Голосовал весь митинг — двадцать пять тысяч человек. Судьба выступления была решена.

Большевики-путиловцы сделали все возможное, чтобы задержать выступление рабочих. Партия большевиков была против вооруженного выступления в этот момент: она считала, что не назрел еще революционный кризис, что армия и провинция не готовы еще поддержать восстание рабочих в столице и что это выступление — преждевременное и изолированное — может лишь облегчить контрреволюции разгром авангарда революции. Когда же стало очевидно, что

удержать массы невозможно, большевистская партия решила принять участие в демонстрации, чтобы придать ей мирный и организованный характер.

На второй Петроградской партийной конференции товарищ Сталин так говорил об этом:

«...Имела ли партия право умыть руки в выступлении пролетариата и солдат и уйти в сторону? Мы учитывали возможность еще более серьезных результатов выступления, чем они есть на лицо. Умыть руки мы не имели права; как партия пролетариата, мы должны были вмешаться в его выступление и придать ему мирный и организованный характер, не задаваясь целью вооруженного захвата власти». [1]

Впереди путиловской колонны построился красногвардейский отряд. Взявшись за руки, рабочие становились в ряды. Другой отряд красногвардейцев стоял наготове, чтобы растянуться цепью по обеим сторонам колонны. Раздалась команда:

— Выходи! Знамена вперед!

Лидеры заводских меньшевиков шопотом передавали директиву своего районного комитета: не участвовать в демонстрации против Временного правительства.

Колонна тронулась. По пути путиловцы сняли с работы вторую смену завода «Тильманс» и увлекли ее с собой. Присоединился и завод «Анчар».

Была теплая пасмурная ночь. На улицах ни одного горящего фонаря. Тишина. Слышен только мерный топот многих тысяч ног. Вначале еще пели, но чем ближе к центру, тем сосредоточеннее и молчаливее становились люди. Издалека доносился резкий треск выстрелов. Пробежал слух: «Стреляли в матросов, с броневиков. Есть убитые...»

— Спокойствие, — передавали по колонне приказ. — Спокойствие... Выдержка...

Невский проспект был тих, шторы магазинов спущены, огни погашены. Колыхались красные знамена. Сплошной степой двигались путиловцы; оглядываясь назад, они не видели конца своей колонны.

У Литейного, совсем близко, раздался одиночный винтовочный выстрел. Чуть шевельнулись ряды путиловцев. Красногвардейцы дернули винтовки...

— Это провокация! Спокойствие! — передавали по колонне.

В грозном молчании, строго соблюдая революционный

[1] Вторая и Третья Петроградские общегородские конференции большевиков, Протоколы и материалы, М. 1927, стр. 53.

порядок, подошли путиловцы к Таврическому дворцу. Солдаты, всю ночь толпившиеся у дворца, пропустили их вперед. Был третий час ночи. В Таврическом происходило заседание Центрального исполнительного комитета Советов. Путиловцы окружили дворец и направили туда делегацию рабочих — предъявить свои требования.

— Весь Путиловский завод у Таврического дворца. Путиловцы говорят, что они не разойдутся, пока десять министров-капиталистов не будут арестованы и Совет не возьмет власть в свои руки, — заявили делегаты от имени рабочих.

Отвечал Чхеидзе. Он обещал, что вопрос о новом составе Временного правительства будет рассмотрен сегодня или завтра. Чхеидзе вручил для передачи путиловцам решение Совета о прекращении демонстрации.

Рабочие остались недовольны ответом Чхеидзе. В разных концах несметной толпы открылись митинги. Путиловцы решили не уходить до тех пор, пока не будет получен определенный ответ — берет Совет власть в свои руки или не берет. Тридцать тысяч путиловцев, десятки тысяч рабочих других районов и солдат ждали ответа и не получали его. Лишь в пятом часу утра путиловцы медленно, как бы раздумывая, стали расходиться. За Нарвскую вернулись в седьмом часу.

Митинги по округам и мастерским продолжались до десяти часов утра. В этот день не было других речей, кроме речей о власти. Все остальное отступило в сторону, померкло перед главным лозунгом, единственным условием для выполнения всех остальных требований рабочих. Не слышно было меньшевистских речей. Соглашатели молча и опасливо со стороны поглядывали на митинги.

В три часа дня завод снова выступил на улицу. На легковом автомобиле выехала разведка в составе трех членов заводского комитета. Они уезжали вперед и возвращались, сообщая руководителям демонстрации о приготовлениях, которые предпринимают власти, чтобы разогнать шествие.

Во главе путиловской колонны шли грузовики с пулеметами. На одном автомобиле развевалось красное полотнище с лозунгом «Вся власть Советам!». На этой машине находились члены заводского комитета — руководители демонстрации. У Нарвских ворот путиловцев встретили шедшие на завод кронштадтские матросы во главе с С. Рошалем. Матросы повернули и пошли вместе с рабочими.

За путиловцами шли рабочие заводов Нарвского района: «Тильманс», Химического и часть рабочих «Треугольника».

К демонстрации присоединились женщины-работницы с детьми. Число демонстрантов выросло до шестидесяти тысяч человек. Человеческая лавина, шумная, грозная, окруженная красногвардейцами, двигалась к центру столицы.

Вышли на Садовую улицу. Прошли Покровку, Александровский рынок. Середина колонны проходила Сенную площадь, когда с церкви грянули выстрелы. Демонстрация дрогнула, люди метнулись в сторону, сбились к домам. Красногвардейцы бросились на колокольню и стащили оттуда вооруженных людей. Их повели с собой.

У Апраксина рынка путиловцев снова встретили пальбой. Несколько рабочих было убито, многие ранены. По огню и дыму определили, что стреляют с угловой вышки дома, где помещалось общество «Проводник». Красногвардейские пулеметы повернулись туда, и стрельба с домов прекратилась.

Демонстрация построилась и двинулась дальше. Стреляли в путиловцев на Невском — у Садовой, прогремел провокационный выстрел и на Литейном — у Кирочной. Но колонна безостановочно двигалась вперед. В это же время на Невском проспекте контрреволюционеры в упор расстреливали демонстрантов — рабочих, солдат и матросов. Улицы Петрограда были обильно политы кровью рабочих и солдат.

В Таврическом дворце непрерывно заседали ВЦИК Советов рабочих и солдатских депутатов и исполнительный комитет Совета крестьянских депутатов.

Делегация путиловцев вошла в зал, чтобы потребовать от лидеров соглашательских партий прямого ответа. Один из делегатов поднялся на трибуну и заявил:

— Если Церетели не выйдет сейчас, чтобы дать рабочим объяснения, то они придут и сами вытащат его.

Церетели не выходил.

На трибуне зала заседания вновь появился путиловский делегат. Размахивая винтовкой, он гневно закричал:

— Долго ли рабочим терпеть предательство? Вы собрались тут, рассуждаете, заключаете сделки с буржуазией. Так знайте, что рабочие больше не потерпят этого! Нас, путиловцев, тут тридцать тысяч! Мы добьемся осуществления своей воли... Вся власть Советам!

У Таврического появились броневики. Они разъезжали по улицам, мимо дворца, угрожающе поводя стволами пулеметов. Достаточно было искры, одного выстрела, чтобы произошел взрыв — вооруженное столкновение. Необходимо было отвести его, избежать напрасного кровопролития.

К путиловцам вышли Володарский и Урицкий. Они разъ-

ясняли, что демонстранты сказали свое слово и пока необходимо ограничиться только этим. Нужно вернуться в районы и собирать силы для последующей борьбы.

Нелегко было добиться от путиловцев возвращения за Нарвскую. Лишь в восьмом часу вечера направились они обратно. Тела убитых товарищей несли, как боевые знамена. Захватили с собой и раненых матросов. К девяти часам вечера пришли утомленные, но попрежнему полные решимости.

Пока массы рабочих и солдат с грозными требованиями выходили на улицы и демонстрировали свою волю перед Таврическим дворцом, Временное правительство собирало силы для разгрома движения масс. С фронта были вызваны казачьи и другие кавалерийские части, верные Временному правительству. Вызвали юнкеров и самокатчиков.

Контрреволюция перешла в наступление.

5 июля юнкера разгромили редакцию и типографию «Правды». Революционные части петроградского гарнизона были выведены из столицы и отправлены на фронт.

6 июля войска Керенского разгромили дом ПК и ЦК большевиков. 7 июля Временное правительство опубликовало приказ об аресте Ленина.

Все это немедленно становилось известным на заводе.

— Держись, товарищи! Началось. Политика оборонцев дает свои плоды, — говорили между собой рабочие.

Петергофский районный Совет выпустил обращение к рабочим:

«Товарищи рабочие Петергофского района! То, что произошло в эти дни, есть результат стихийного и неорганизованно вырвавшегося наружу недовольства широких слоев рабочего класса и солдат против создавшегося положения».

Далее в обращении говорилось о том, что движение благодаря усилиям большевистской партии приняло мирный и организованный характер. Но несмотря на это, демонстрации трудящихся были встречены провокаторской стрельбой из окон и чердаков. Петергофский Совет призывал рабочих Нарвской заставы к выдержке и спокойствию. Революционные лозунги, с которыми два дня демонстрировали рабочие и солдаты Петрограда, показывают действительное настроение масс. «Слово сказано, товарищи, — писал в своем обращении Совет, — требования прозвучали властно. Дальше будем спокойны, товарищи». [1]

[1] ЛОАОР, Фонд Петергофского районного Совета, 1917, д. № 4.

В сводке ЦИК за 6 июля было отмечено:

«Путиловский завод не работает. Митинги на улицах».

Меньшевики и эсеры в союзе с буржуазией и контрреволюционными генералами обрушились на большевистскую партию. Меньшевики первыми решили встретить огнем рабочие демонстрации. Об этом открыто говорил меньшевик Войтинский на заседании ВЦИК Советов. Эсеры и меньшевики одобрили все контрреволюционные мероприятия буржуазного Временного правительства: вызов войск с фронта, расстрел рабочих, восстановление смертной казни. Они поддерживали клевету на партию большевиков, санкционировали роспуск исполнительного комитета моряков Балтфлота. В лице своих лидеров — Церетели, назначенного министром внутренних дел, Скобелева, Чернова и Керенского — они, расчистив буржуазии путь к диктатуре, взяли на себя миссию разгромить революцию, расправиться с рабочими и солдатами силой оружия и закрепить полное единовластие буржуазии.

Разгромив выступление рабочих и солдат, контрреволюция торжествовала победу. Двоевластие, установившееся в начале февральской революции, кончилось. Советы, после июльских дней, возглавляемые эсерами и меньшевиками, превратились в придаток Временного правительства.

«Контр-революция организовалась, укрепилась и фактически взяла власть в государстве в свои руки». [1]

ПОБИЛИ, НО НЕ РАЗБИЛИ

Контрреволюция временно победила. Подавив июльское выступление рабочих и солдат, буржуазия распоясалась во-всю.

«И поднялась со дна жизни черная муть, залившая грязью все честное, благородное.

Обыски и разгромы, аресты и побои, истязания и убийства, закрытие газет и организаций, разоружение рабочих и расформирование полков, роспуск финляндского сейма, стеснение свобод и восстановление смертной казни, разгул громил и контр-разведчиков, ложь и грязная клевета, все это с молчаливого согласия эсеров и меньшевиков, — таковы первые шаги контр-революции». [2]

---

[1] *Ленин*, Сочинения, т. XXI, стр. 26.

[2] *И. Сталин*, На путях к Октябрю, 1925, стр. 58.

Так охарактеризовал товарищ Сталин разгул контрреволюции в послеиюльские дни.

За Нарвскую заставу каждый день приходили самые чудовищные сведения и слухи об арестах, избиениях и репрессиях. Избили члена Совета И. Егорова. Двух путиловских рабочих задержали только за то, что на Английской набережной они осмелились противоречить какому-то чиновнику. Чиновник разглагольствовал о том, что рабочие получают по шестьсот-семьсот рублей в месяц и требуют еще повышения платы. Один из путиловцев сказал: «А я вот получаю сто пятьдесят рублей. Если вам завидно, поступайте на завод и получайте хоть тысячу». Путиловцев обвинили в большевистской пропаганде. Их схватили, арестовали и бросили в Петропавловскую крепость, где они просидели больше двух месяцев.

Все упорней становились слухи, что скоро начнут разоружать рабочих. Районный комитет большевиков дал директиву: оружия не сдавать — прятать, но в любой момент иметь под рукой.

Пулеметы, имевшиеся в районе и на Путиловском заводе, были разобраны и зарыты в надежные места.

Застава затаилась.

Среди путиловцев все резче и отчетливей проявлялась ненависть к предателям революции. Большинство рабочих и раньше не доверяло мелкобуржуазным руководителям Совета и верхам соглашательских партий. Но тогда еще не было ясно, до какой низости и предательства способны докатиться меньшевики и эсеры. Теперь это стало очевидным для всех.

Меньшевики и эсеры были окончательно изолированы от основной массы рабочих на Путиловском заводе. В их собственной среде происходил необыкновенно стремительный распад. Эсеровскую организацию покидали с упреками и проклятиями.

Распадалась и боевая дружина эсеров. Некоторые дружинники, порывая с партией эсеров, сдавали оружие. Большинство же, уходя из дружины, оружие припрятали. Происходил стремительный распад районной организации эсеров — к концу июля она потеряла больше двух с половиной тысяч человек.

В мастерских отводили и отзывали меньшевиков и эсеров из разных рабочих организаций. Цеховые комитеты становились большевистскими. В шрапнельной от члена заводского комитета, эсера Сафронова, потребовали ответа, по-

чему он не участвовал в демонстрации 3—4 июля и каково его отношение к репрессиям Временного правительства против большевиков. В своей речи Сафронов юлил, отпекивался, прямо ничего не сказал. Тогда шрапнельщики отозвали его из состава заводского комитета и вместо него выбрали большевика П. Наумова.

В середине июля состоялся общезаводский митинг. Это был первый большой митинг после кровавых июльских событий. Рабочие ждали, что́ скажут представители политических партий. Но меньшевики и эсеры трусливо молчали. На трибуне появился Володарский.

Речь Володарский, как всегда, начал тихо. Его голос, вначале глуховатый, постепенно наливался крепостью, становился металлическим и звонким. Володарский обращался в сторону приумолкших заводских лидеров эсеров и меньшевиков и спрашивал:

— Что вы делаете? С кем вы идете? — и сам отвечал: — Вы творите гнуснейшее дело предательства революции. Вы идете вместе с контрреволюцией против рабочих.

Шаг за шагом вскрывал Володарский путь измен и предательства партий эсеров и меньшевиков, приведших к разгулу контрреволюции. Он показал, как эти «крикуны от демократии» расчистили дорогу кровавой диктатуре буржуазии; как они превратились в жалких паяцов, лишенных какой-либо самостоятельности и действующих лишь по указке контрреволюционных генералов.

Речь Володарского, горячая и гневная, была вместе с тем полна достоинства и силы. Он требовал остановить грязные потоки лжи и клеветы на большевиков и их вождя — Ленина. От имени петроградских рабочих и солдат он возлагал на руководителей партий меньшевиков и эсеров ответственность за кровь, пролитую и проливаемую на улицах столицы.

Свою яркую обличающую речь Володарский закончил словами, вдохнувшими мужество в сердца рабочих:

— Товарищи, помните, — нас побили, но нас не разбили. Мы будем итти вперед.

Володарский проводил дни и ночи за Нарвской заставой, выступая на бесчисленных митингах. На его выступления на Путиловском собирались рабочие с верфи, с завода «Тильманс» и с других заводов. Чтобы послушать речи своего любимца, приходили рабочие Московской заставы. Под руководством Володарского большевистские агитаторы Нарвской заставы вели огромную напряженную работу в районе.

Во всех мастерских теперь, когда в партию пришли новые

сотни рабочих, создались крепкие цеховые коллективы — подрайоны — большевиков. Во главе коллективов стояли избранные тройки, кое-где именовавшиеся бюро коллектива. Были выделены специальные организаторы, распространители литературы, агитаторы. Партийная работа забила ключом.

22 июля на общезаводском митинге Володарский снова произнес одну из своих замечательных речей. Собралась огромная масса путиловцев и рабочих почти всех заводов района. Володарского проводили с триумфом. В книге записей «митингов и лекций РСДРП Петербургской организации» он записал: «Единогласно принята наша резолюция».

Резолюция была направлена против нового коалиционного правительства, объявленного эсеро-меньшевиками «правительством спасения революции». Резолюция гласила:

«...Всем завоеваниям революции грозит опасность... Единственной силой, способной выполнить эту великую задачу [спасения революции], являются пролетарии и полупролетарии города и деревни, и только такое правительство, которое будет опираться на рабочих, солдат и крестьян, явится действительно правительством спасения революции.

Путь репрессий против рабочих и солдат, на который вступило правительство, не есть путь спасения революции, *это путь к победе контрреволюции*».[1]

Несколько таких митингов, проведенных партийными организациями и заводским комитетом, окончательно рассеяли проникшую было в среду путиловских рабочих растерянность. Турбинная мастерская на своем митинге заявила: «Большевизм диктуется самой жизнью, и преследованиями его лидеров идею большевизма нельзя ни убить, ни заглушить». Пушечная вынесла протест против арестов, против разгрома большевистских газет. Районный Совет призвал всех рабочих к единству действий в борьбе с контрреволюцией.

Огромную роль играл попрежнему неразрешенный тарифный вопрос. Большевистский заводский комитет стремился сделать ясным для каждого рабочего, в особенности для чернорабочего, что его экономические нужды и требования неотделимы от политических требований пролетариата. Большевики разъясняли, что только успех политической борьбы обеспечит выполнение экономических требований рабочих. Но эту истину чернорабочие и другие отсталые слои путиловцев могли усвоить лишь из практики борьбы. И

[1] «Рабочий и солдат» № 2, 24 июля 1917 г.

большевики помогали им в их борьбе за тарифы, неизменно подчеркивая политическую сторону этого дела.

Представителям десятитысячной армии путиловцев-чернорабочих большевики сказали:

— Из вашего дела ничего не выйдет, потому что вы боретесь только за полтинник. Подумайте — ну прибавят вам его. А завтра он полетит к чорту — съест его дороговизна. В наше время за одну прибавку бороться — на верный провал итти. Главная причина всего худого сохраняется: власть у буржуазии. Она войну не хочет кончать, земли не дает, голодом морит. В Питере металлических заводов больше семидесяти — чернорабочих уйма; чтобы чего-нибудь добиться, вам все заводы привлечь надо. Вот вам программа.

Два часа толковали представители чернорабочих в заводском комитете. Накопец сказали:

— Согласны, будем так поступать.

23 июля они созвали на заводе десятитысячное собрание. А на следующий день собралась общегородская конференция чернорабочих, на которой было сто пятьдесят два делегата от пятидесяти шести предприятий Петрограда.

Конференция приняла две резолюции. Первая была посвящена экономическим требованиям. Во второй резолюции чернорабочие требовали немедленно разогнать Государственную думу и Государственный совет и выражали решительный протест против травли Ленина, против разгрома пролетарских политических и профессиональных организаций. Кроме того, было вынесено постановление: созывать городские конференции чернорабочих металлозаводов регулярно, каждые две недели.

Соглашатели, предатели рабочего класса, уже потеряли последние крохи влияния на путиловцев. Рабочие очищали организации, в первую очередь Совет, от меньшевиков и эсеров. К концу июля Петергофский Совет рабочих депутатов почти совершенно обновился. Там сосредоточилось крепкое ядро путиловских большевиков. Кузнечная мастерская заменила депутатов-эсеров депутатами-большевиками. В башенной отозвали бывшего председателя Совета, меньшевика Кузьмина. Его заменил большевик И. И. Газа. В шрапнельной вместо эсера и меньшевика были избраны большевики. Пушечная отозвала из Совета депутата-меньшевика. Председателем районного Совета стал путиловский электрик, большевик Иван Егоров.

Полная победа путиловских большевиков в Совете имела большое значение. Говоря об усилении большевистского

влияния в массах, докладчик на собрании военной организации большевиков заявил: «Путиловский завод дал тридцать три большевика в Совет». А делегат VI съезда большевистской партии от Закавказья, докладывая съезду о работе закавказских большевиков, сказал: «...Именно Петроград является мерилом подъема или упадка революционной волны. Ничто из «Правды» не производит такого впечатления, как резолюции Путиловского завода и вообще резолюции рабочих Петрограда и Москвы».[1]

VI СЪЕЗД БОЛЬШЕВИСТСКОЙ ПАРТИИ

После июльских событий каждый митинг на заводе превращался в суд над эсерами и меньшевиками. Путиловский завод клокотал ненавистью к шайке палачей революции, стоявших у власти. Общегородская конференция чернорабочих Петрограда, созванная путиловцами на заводе, присоединила свой голос к протесту «против травли товарища Ленина, против разгрома наших политических и профессиональных организаций». Путиловцы показали, что они твердо стоят на боевых позициях большевистской партии. Завод стал крепостью большевизма.

28 июля на общезаводском митинге делегат VI съезда партии большевиков Антон Слуцкий рассказал путиловцам о решении съезда партии: Ленину скрываться от ищеек Керенского и не являться на буржуазный суд. Путиловцы приветствовали мудрое решение съезда большевиков:

«... Как один, все становимся под знамя партии пролетариата (большевиков) для борьбы с контр-революцией и изменнической политикой руководящих верхов и вождей оборончеких партий (эсеров и меньшевиков) и все присоединяем свой пролетарский голос к приветствиям и резолюциям съезда по делу т. Ленина и др. Мы приветствуем съезд, как единственного верного, идейного и боевого вождя пролетарских масс в их борьбе с контр-революцией за полное торжество революции».[2]

Восьмое заседание партийного съезда открылось по регламенту утром 29 июля, но тотчас же был объявлен перерыв для совещания президиума и членов Центрального комитета. В этот день Временное правительство опубликовало постановление, в котором военному министру и министру

[1] Протоколы Шестого съезда РСДРП(б), Партиздат, 1934, стр. 93.
[2] «Рабочий и солдат» № 7, 30 июля 1917 г.

внутренних дел предоставлялось право запрещать и закрывать неугодные правительству собрания и съезды. Это постановление было прямо направлено против большевистского съезда. Каждую минуту можно было ожидать нападения и ареста делегатов. Съезд спешно избрал новый Центральный комитет.

В Нарвский районный комитет большевиков неожиданно приехал секретарь Центрального комитета партии Яков Михайлович Свердлов. Он показал членам комитета номер «Новой жизни», в котором было опубликовано постановление Временного правительства о закрытии съездов. Секретарь районного комитета Эмиль Петерсон, сдержанный и суровый, сжал кулаки.

— Прихлопнут съезд, сволочи, — пробормотал он.

— А вот мы не дадим прихлопнуть съезд, — заметил Свердлов. — Вспомним старое время, перейдем на нелегальное положение. Нужно переменить место работы съезда. Выборгская сторона уже известна властям. Съезд переедет за Нарвскую заставу. Районный комитет должен позаботиться об удобном помещении, должен организовать охрану съезда, найти квартиры для приезжих делегатов, подумать о снабжении делегатов питанием.

Свердлов говорил так, будто сам долгое время работал здесь в районе. Он знал, сколько за Нарвской боевых дружин, в чьих руках находятся органы самоуправления района, где лучше расставить патрули. Попутно Свердлов познакомился с каждым членом комитета: долго ли работал в подполье, что делал, в чем считает себя подготовленным — в агитации, в пропаганде, в организаторской работе. За короткое время, которое он побыл в районном комитете — не более часа, — он сказал именно то, что нужно было каждому, и каждому дал точные и ясные директивы.

За Нарвской заставой, в окружении десятков тысяч рабочих, съезд мог работать спокойно. Нарвская застава уже служила убежищем для городских партийных организаций: здесь была проведена конференция военной организации большевиков, здесь нашел временное местопребывание Петербургский комитет большевиков. И теперь, по зову партии, на защиту съезда большевиков хлынули бы из ворот Путиловского завода десятки тысяч рабочих.

30 июля VI съезд партии возобновил свои работы на новом месте, за Нарвской заставой — в районе Путиловского завода. Сначала он заседал в доме № 23 по Новосивковской улице, затем перебрался на Петергофское шоссе (ныне ули-

ца Стачек) в дом № 2, напротив Нарвских ворот (где теперь стоит Дом культуры имени М. Горького). Патрули со всех сторон охраняли дом. Из числа дружинников красногвардейских отрядов в охрану отбирали тех, кто имел револьвер — предпочтительно наган, маузер или крупнокалиберный смит-вессон. По своей инициативе и без ведома руководителей съезда красногвардейцы из дружины районного комитета установили в окне чердака пулемет, замаскировали его, но решили не пускать его в действие без разрешения руководителей съезда.

Охрана съезда дежурила круглые сутки: днем — чтобы оберегать съезд в часы его занятий, ночью — чтобы наблюдать, нет ли передвижения войск и карательных отрядов, не окружают ли они заставу. Красногвардейцы готовы были в любую минуту отстоять небольшой домик, где посланцы партийных организаций страны намечали новую тактику партии, вырабатывали курс, по которому партия поведет пролетариат к победе.

Разместить приезжих делегатов, не имевших ночлега, районному комитету большевиков не представило большого труда. Члены районного комитета приходили к рабочим, имевшим квартиру или комнату, и говорили: «Надо дать товарищу приют на несколько ночей». И рабочий предоставлял свою квартиру, не расспрашивая, — эта конспиративная привычка крепко держалась у старых рабочих кадровиков. Школа нелегальной работы в годы самодержавия пригодилась теперь, в послеиюльские дни.

Путиловцы и рабочие других заводов окружили делегатов съезда вниманием и заботой. Работники продовольственной управы заготовляли для делегатов съезда хлеб, консервы, сахар. Несколько дружинников каждый вечер отправлялись на хлебозавод Путиловского общества потребителей, в районные продовольственные базы и, нагрузив двуколку продуктами, привозили ее к помещению съезда.

31 июля делегация путиловцев приветствовала VI съезд:

«Выражаю уверенность, — говорил представитель путиловцев, — что избранные товарищи делегаты из армии сознательного пролетариата преодолеют все трудности, ввиду создавшейся реакционной атмосферы, и укажут путь для дальнейшей борьбы с угнетателями капиталистами, путь, по которому все как один, весь российский пролетариат, высоко подняв красное знамя, пойдет организованно на борьбу с хищниками в защиту своих классовых интересов, и еще

сильнее раздастся клич российского пролетариата на весь мир: «Пролетарии всех стран, соединяйтесь!»

Да здравствует Всероссийский съезд РСДРП!

Да здравствует российская революция!

Да здравствует III Интернационал!

Беспощадная организованная борьба пролетариев и беднейших слоев крестьянства против капиталистов, помещиков, кадетов и К⁰! Беспощадная критика разлагателей революции — социалистов-революционеров и меньшевиков».[1]

Для ответного приветствия VI съезд послал на Путиловский завод делегатов съезда — В. Володарского и Е. Ярославского. Эта делегация выступала на общезаводском митинге путиловцев.

Большевики Путиловского завода внимательно следили за работами съезда по газете «Рабочий и солдат». Каждый вечер, по окончании заседания, Эмиль Петерсон приводил кого-нибудь из делегатов съезда от района на Новосивковскую № 23, и тот подробно рассказывал партийным работникам района о докладах и прениях на съезде.

Ленина на съезде не было. Преследуемый ищейками Временного правительства, Ленин скрывался и из подполья руководил съездом через своих соратников и учеников: Сталина, Свердлова, Молотова и Орджоникидзе.

Из печати и рассказов делегатов перед путиловцами вырисовывалась огромная роль Сталина — докладчика по основным вопросам VI съезда партии. Сталин дал четкий ленинский анализ развития революции, разгромил оппортунистов — троцкистов и бухаринцев, пытавшихся протащить свои предательские, капитулянтские установки. Сталин отбил наскоки предателей на ленинскую теорию возможности победы социализма в одной стране, разоблачил их буржуазное отрицание социалистического характера грядущей революции.

Некоторым путиловцам — членам районного комитета — удалось побывать на съезде, когда Сталин произносил заключительное слово и когда он защищал резолюцию по своему докладу «О политическом положении». С удивительной четкостью Сталин формулировал свои доводы — ясные, простые, убедительные: на очереди дня — подготовка всех сил к вооруженному восстанию, необходима организация пролетариата и беднейшего крестьянства для свержения буржуазного правительства и захвата власти.

---

[1] Протоколы шестого съезда РСДРП(б), стр. 141.

«Все решения VI съезда были направлены на подготовку пролетариата и беднейшего крестьянства к вооруженному восстанию. VI съезд нацелил партию на вооруженное восстание, на социалистическую революцию». [1]

Неделю спустя после VI съезда партии, 11 августа, на Путиловский завод пришел Серго Орджоникидзе. Он явился как агитатор Петербургского комитета на собрание активных работников заводских организаций — цеховых комитетов, примирительных камер, уполномоченных больничной кассы, заводского комитета. Обстановка на заводе к этому моменту особенно обострилась. При прямом попустительстве Временного правительства завод шел к неминуемому краху. Угроза безработицы нависла над путиловцами. В особенно тяжелом положении находились чернорабочие, готовые забастовать в любую минуту. Заводский комитет едва удерживал их от объявления стачки.

Свой доклад Орджоникидзе посвятил решениям VI съезда партии. Он развернул перед собранием задачи предстоящей борьбы за социалистическую революцию. Перед рабочими со всей очевидностью предстала неизбежность вооруженного восстания. Как непреложный вывод, из слов Серго вытекало: нет другого выхода из капиталистической кабалы, из ужасов войны, кроме революционного свержения власти капитала.

Серго говорил, что популярный и близкий массам лозунг «Вся власть Советам» теперь необходимо снять. Каким Советам теперь передать власть? Тем, во главе которых стоят предатели эсеры и меньшевики, запятнавшие себя кровью рабочих? Тем Советам, которые вместе с Временным правительством на московском Государственном совещании освящают подготавливающийся поход контрреволюции? Разве возможно сейчас мирное развитие революции? Власть теперь находится в руках контрреволюционной буржуазии. Задача встает сейчас другая — полностью ликвидировать диктатуру контрреволюции, не надеясь на мирный переход власти в руки Советов. Ибо он невозможен.

Чтобы подчеркнуть значительность этого вывода, Серго привел заключительную фразу из доклада Сталина VI съезду партии:

«Мирный период развития революции кончился, наступил период немирный, период схваток и взрывов...». [2]

---

[1] История Всесоюзной Коммунистической партии (большевиков), Краткий курс, 1938, стр. 191.

[2] *И. Сталин*, На путях к Октябрю, 1925, стр. 102.

Серго шагал по помосту старого путиловского театра. Не торопясь, бросал он горячие слова, сопровождая их широким жестом своих больших сильных рук. Вдохновенная речь Серго захватила слушателей.

— Перед нами открывается широкий победный путь, — это Серго повторил несколько раз.

И рабочие понимали: победа в сплочении, в организации, в подъеме всего народа против контрреволюции.

В президиум с мест посыпались предложения — немедленно созвать общезаводский митинг. Пусть представитель Петербургского комитета, делегат большевистского съезда, товарищ Серго расскажет путиловцам об истинном положении в стране.

Собрание представителей путиловских цехов решило созвать общезаводский митинг. Серго охотно согласился выступить с докладом.

В три часа дня у трибуны в центре завода собрался многотысячный митинг. Серго легко взошел на трибуну и улыбнулся необъятной толпе, блеснув крепкими белыми зубами.

— Хо-орош митинг, — сказал Серго и, порывисто подойдя к барьеру, начал свою речь.

Он обличал предательство меньшевиков и эсеров, звал к упорной, настойчивой борьбе за завоевание широких народных масс. Он говорил:

— Вы, путиловцы, пролетарии, должны позаботиться, чтобы солдаты и крестьянская беднота пошли за вами в решительный момент борьбы. Когда за пролетариатом пойдет весь народ, тогда под его натиском рухнет вековой строй насилия и рабства.

На следующий день в Петроградский комитет большевиков явился представитель лафето-снарядной мастерской.

— В цеху сегодня собрание, — сообщил он. — Рабочие хотят выслушать отчет своего депутата в Петроградский Совет рабочих депутатов. Необходим агитатор. Мастерская просит прислать товарища Серго.

12 августа на митинге лафетчиков Серго Орджоникидзе развернул перед путиловцами картину предательства эсеров и меньшевиков, превративших боевой орган рабочего класса и солдатских масс в безвольный и безвластный придаток к контрреволюционному Временному правительству. Перед путиловцами он поставил задачу: добиться, чтобы их представители в Совете рабочих депутатов дрались за превращение Совета в боевой орган восстания и власти. Тут же, осуществляя призыв Серго, лафетчики отозвали из Совета

своего депутата-меньшевика, лишили его полномочий и выбрали депутатом в Совет рабочего-большевика В. Мещерского.

Речи Серго еще больше сплотили путиловцев на борьбу за решения большевистского съезда. Подготовка к вооруженному восстанию сделалась основной боевой задачей всего путиловского рабочего коллектива.

Последующие события показали, что указания Ленина и Сталина и решения VI съезда большевистской партии были хорошо усвоены многотысячным коллективом путиловцев, показавшим немало примеров пролетарского героизма в борьбе за социалистическую революцию.

VI съезд партии большевиков принял особое решение «О союзах молодежи». Это решение положило основу, на которой вырос Коммунистический союз молодежи. Партия ставила задачей перед пролетарскими юношескими организациями добиваться «...по преимуществу цели развития классового самосознания пролетарского юношества путем пропаганды идей социализма, энергичной борьбы с шовинизмом и милитаризмом и одновременной защиты экономических и политических правовых интересов несовершеннолетних рабочих и работниц». [1]

На основе решений VI съезда большевики повели широкую работу среди молодежи, закрепляя пролетарские юношеские организации за партией как партийный резерв.

Юношеская организация, возникшая на Путиловском заводе в апреле и вскоре превратившаяся в Петергофско-Нарвский социалистический союз рабочей молодежи (ССРМ), с самого начала твердо стала на большевистские позиции. Во главе союза стояли молодые путиловские большевики.

Вплоть до августа Союз молодежи вел упорную борьбу с буржуазными агентами, проникшими в петроградскую юношескую организацию «Труд и свет». Путиловцы добивались четкой классовой революционной линии в этой организации. Они разоблачали враждебные рабочему классу и молодежи буржуазные установки руководителей организации «Труд и свет», пытавшихся свести молодежь с революционного пути, вырвать молодежь из-под влияния большевиков и повернуть ее на путь «самоусовершенствования» и культурничества.

---

[1] Протоколы шестого съезда РСДРП(б), стр. 251.

Вооруженные решениями VI съезда партии, молодые путиловские большевики во главе с Васей Алексеевым с помощью партийных организаций сумели добиться самороспуска организации «Труд и свет». Одновременно они подготовляли объединение всех пролетарских юношеских организаций Петрограда в единый классовый Социалистический союз рабочей молодежи.

18 августа, две недели спустя после VI съезда партии, за Нарвской заставой в помещении районного комитета большевиков состоялась первая общегородская конференция пролетарских юношеских организаций. На этой конференции оформился Петроградский социалистический союз рабочей молодежи. В резолюции о задачах организации конференция определила цели и задачи ССРМ:

«Социалистический Союз Рабочей Молодежи есть классовая организация пролетарского юношества, имеющая своей главной целью развитие классового самосознания подрастающего поколения рабочего класса, поднятие уровня его культурного развития, как необходимое условие подготовки к сознательной и решительной борьбе за освобождение всех угнетенных и эксплоатируемых от ига капитала, — *борьбе за социализм*». [1]

Решения VI съезда партии «О союзах молодежи» начали проводиться в жизнь. Петроградская рабочая молодежь становилась надежным резервом и помощником партии большевиков в борьбе за социалистическую революцию.

КОРНИЛОВЩИНА

Революция нарастала — и в ответ сплачивались силы контрреволюционной буржуазии. 3 августа 1917 года в Москве состоялся 2-й всероссийский торгово-промышленный съезд. Заводчик Рябушинский открыто провозгласил на нем программу капиталистов: костлявой рукой голода, народной нищеты и разрухи задушить революцию. Вслед за этим, 12 августа, Временное правительство созвало в Москве Государственное совещание, которое Ленин назвал «коронацией» контрреволюционного правительства. На совещание съехались представители буржуазии, помещиков, генералитета, офицерства, казачества, представители соглашательских партий. Целью совещания было — мобилизовать все контрреволюционные силы и договориться о способах пода-

[1] «Рабочий» № 6, 29 августа 1917 г.

вления нарастающей революции. Единственной действенной мерой совещание сочло военную диктатуру. Будущим диктатором намечался главнокомандующий армии генерал Корнилов.

На тайном предварительном совещании в вагоне у генерала Корнилова присутствовал и А. И. Путилов, бывший хозяин Путиловского завода. В Корнилове банкир Путилов увидел подходящего человека, способного стать палачом революции. Путилов присутствовал на совещании у Корнилова как человек, могущий финансировать контрреволюционный заговор.

После Октябрьской революции роль Путилова в корниловской авантюре была вскрыта. Путилов бежал от ареста за границу. Советская власть постановила объявить Путилова врагом народа и конфисковала его имущество.

На Государственном совещании Корнилов требовал введения «железной дисциплины в армии и твердой власти в тылу». Это означало открытый белый террор против революционных народных масс. Одновременно Корнилов сговаривался с Временным правительством о практических шагах к введению диктатуры: в первую очередь намечали «упразднить Комитеты и Советы». «Демократическое» правительство Керенского вместе с царским генералом тайно подготовляло установление кровавой военной диктатуры.

Еще 11 августа, накануне открытия совещания, многотысячный митинг путиловцев по докладу Серго Орджоникидзе принял резолюцию, основной пункт которой — *о* Государственном совещании — гласил:

«*Протестовать против Московского совещания, как попытки подменить всенародную волю отложенного созывом Учредительного собрания волей помещиков и капиталистов всех четырех царских Государственных дум и организаций торгово-промышленного класса, и в знак протеста отчисляем однодневный заработок на рабочую печать*».

13 августа центральный орган большевистской партии «Пролетарий», публикуя эту резолюцию путиловцев, обратился к рабочим и солдатам Петрограда с призывом:

«Присоединяйтесь к путиловцам и организуйте сегодня в знак протеста против «совещания» сборы в пользу гонимой и преследуемой партийной печати». [1]

16 августа путиловцы на общезаводском митинге вновь слушали доклад о московском совещании. Зловещая формула

[1] «Пролетарий» № 1, 13 августа 1917 г.

Рябушинского, введение смертной казни, слухи о планах генерала Корнилова воспринимались как открытое объявление войны революционному народу.

Собрание постановило: на выборах в городскую думу голосовать за список большевиков № 6; протестовать против разгона финляндского сейма; выразить сочувствие финскому пролетариату.

Теперь, приезжая в Петербургский комитет после митингов на Путиловском заводе, большевистские агитаторы — Володарский, Серго, Слуцкий, Урицкий — вносили в журнал записей митингов и лекций свои короткие замечания о путиловских собраниях:

«Успешно».

«Принята наша резолюция».

«Противникам не давали говорить».

Уже не только Путиловский завод был крепостью большевизма. Крепостью партии большевиков становилась вся Нарвская застава. 23 августа были опубликованы результаты выборов в Петергофскую районную думу. Выборы дали большевикам 17 254 голоса. Эсеры получили 8807 голосов, кадеты — 964 голоса, меньшевики — ничтожное количество, до двухсот голосов. Районная дума, ранее бывшая в руках эсеров, теперь стала большевистской. Все решающие организации района — Совет, продовольственная управа, профессиональные союзы, дума — находились в руках большевиков.

Каждый день приносил все новые сведения о приготовлениях контрреволюции. Большевики предупреждали рабочих о возможном выступлении буржуазии. Все это заставляло рабочие массы быть настороже.

И все же весть о выступлении генерала Корнилова поразила своей внезапностью. В день, когда намечалось празднование полугодовщины свержения самодержавия — 27 августа, — Корнилов, сняв войска с фронта, двинулся на Петроград.

— Что теперь делать? — спрашивали друг у друга рабочие.

Большевистская газета «Рабочий», выпущенная в этот день, ответила на все недоуменные вопросы, дала четкую боевую линию. Рабочие грудью будут отстаивать боевое знамя революции. Призывы большевиков, разъяснения агитаторов районного и заводского комитетов на летучих митингах сводились к одному:

— Отбить Корнилова! Организовать сокрушительный отпор контрреволюции.

Утром 28 августа в путиловском театре собралась очередная конференция чернорабочих — двести делегатов от пятидесяти девяти заводов. На конференции присутствовали путиловские большевики. Конференция приняла решение разойтись по заводам и поднять рабочих против Корнилова.

Цеховые комитеты Путиловского завода получили задание готовить и формировать отряды; во главе дружин ставить солдат; заняться военным обучением рабочих. По цехам шли митинги под лозунгом: «Все на борьбу против Корнилова!».

Против контрреволюции выступили полки Петроградского гарнизона. Завод снабдил Измайловский полк походными кухнями. Измайловцы благодарили путиловских рабочих за внимание, товарищескую связь и помощь. В ответ заводский комитет написал солдатам Измайловского полка:

«Путиловский заводский комитет и впредь будет рад поделиться с дорогими товарищами-измайловцами как кухнями, так и более серьезными военными предметами, в случае выступления одного из многих расплодившихся авантюристов-контрреволюционеров среди генералов, мечтающих о самодержавии и народном рабстве.

Заводский комитет жмет вашу товарищескую руку и надеется, что сердца измайловцев горят тем же святым революционным огнем, каким горят сердца путиловцев, и что эти сердца, в момент опасности для революционного народа, составят единое могучее, пламенное сердце».[1]

В Павловский полк поехали представители Совета и заводского комитета. Там им сказали:

— Не отставали от вас до сих пор, не отстанем и теперь. К нам пришел приказ из ставки выступить в город Юрьев. Как видите, приказа мы не выполнили.

Завод поднимался, увлекая за собой революционные солдатские полки, с которыми он побратался во время февральских боев.

Вооружение рабочих, организация отрядов, обучение их — на заводе были в разгаре. Экстренный выпуск большевистской газеты «Рабочий», расчерченный карандашом, лежал на столе в заводском комитете. Его статьи становились директивами. Революционный комитет был избран из восемнадцати большевиков. Он сразу же забрал в свои руки дело снабжения, создал комендатуру, объединявшую все вооруженные силы Петергофского района и Путиловского завода.

[1] ЦВИА, Фонд л. г. Измайловского полка, д. № 2.

В районе были введены круглосуточные патрули. На улицах, площадях, внутри завода маршировали с винтовками отряды красногвардейцев. В заводском комитете подвели итог: записалось свыше двух тысяч человек.

— Оружие! Дайте оружие! — требовали рабочие.

Оружия нехватало. Толпами стояли путиловцы на заводском дворе. Часами ждали уехавших за оружием. Депутаты Совета Степан Корнеев и Иван Газа отправились в Смольный, в «Комитет народной борьбы с контрреволюцией». Большевики участвовали в этом комитете, созданном ВЦИКом на условиях вооружения рабочих. В Смольном путиловцы встретились с членом комитета Ф. Э. Дзержинским, снабдившим их ордером на получение оружия. Узнав, что у путиловцев есть связи с войсками Ораниенбаума и Петергофа, Дзержинский дал путиловцам ответственное поручение: изолировать Ораниенбаумскую школу прапорщиков, чтобы она не выступила на стороне корниловцев; окружить ее бдительным надзором солдат Ораниенбаумского гарнизона и разоружить ее, если она попытается восстать.

Степан Корнеев уехал в район за грузовиками, Иван Газа — в Ораниенбаум выполнять поручение Дзержинского.

По ордеру депутат Совета Ф. Лемешев и рабочий И. Смолин привезли с Малой Охты два грузовика с винтовками. Нагружая автомобили, они посмеивались:

— Пригодится и не только для Корнилова.

Керенский, сам участвовавший в заговоре Корнилова, в последний час испугался. Он понял, что выступление Корнилова подымает народные массы, которые заодно с Корниловым сметут и всех соглашателей. Он круто изменил фронт: обратился к рабочим за помощью и робко открыл для них военные склады.

«Насмерть перепуганные эсеро-меньшевистские лидеры, в том числе Керенский, искали в эти дни защиты у большевиков, ибо они убедились, что единственная реальная сила в столице, способная разбить Корнилова, — это большевики.

Но, мобилизуя массы на разгром корниловщины, большевики не прекращали борьбы и с правительством Керенского». [1]

Рабочие, приезжавшие на склад, брали оружие без счета, не глядя на цифру, поставленную в наряде. Путиловцы привезли на завод военное обмундирование, патронташи,

---

[1] История Всесоюзной Коммунистической партии (большевиков), Краткий курс, 1938, стр. 192—193.

баклажки, подсумки. Отрыли закопанные пулеметы. В Петропавловской крепости группа рабочих получила большое количество револьверов, винтовок, ручных гранат, пулеметных лент. «Главное теперь — готовить пушки», — сказал районный комитет большевиков. «Дать орудия!» — такой приказ от заводского комитета получила пушечная мастерская.

И пушечная заработала, как никогда за все время своего существования. Казалось, по-обычному стояли пушечники у своих станков, внимательно вглядываясь в размеренный ход резцов. На деле опытный взгляд улавливал нечто новое, особенное в темпе работ мастерской.

Старик-слесарь на сборке никогда раньше не поднял бы сам тяжелую деталь. Это было ниже его достоинства. Он позвал бы чернорабочих или долго приспособлял бы переносные тали. А теперь этот слесарь со своим помощником укладывает крупную часть пушки без талей, без чернорабочих. без привычной мысли: работа не волк, в лес не убежит.

Тяжелые лафеты и блестящие тела орудий вручную подавали к сборке; вручную выкатывали орудия для отправки на полигон. Пришедшие с полигона пушки, требовавшие обычно небольших доделок и исправлений, сразу же брали в работу. Без понуканий и приказов быстро сновали чернорабочие, перебрасывая в нужные места детали, механизмы, собранные орудия, и выкатывали «систему» за «системой», выстраивая их у выхода из мастерской.

Все видели: вчера было лишь несколько готовых да десятки полусобранных орудий, сегодня готовых уже десятки, а через несколько часов число готовых и пристрелянных (опробованных) превысит первую сотню.

По большому пролету сборки растерянно ходил старый мастер пушечной. Он видал виды в этой мастерской, сам не раз работал «экстру», но никогда не видел такой организованности и такой, незаметной неопытному глазу, расторопной быстроты, с какой работали пушечники.

Впервые старый мастер был не у дел. Видел, что не так уж нужен. Он с удовольствием ушел бы домой или в конторку, но не знал, как это сделать ему, ни разу не уходившему со своего участка.

«Что ему, таракану, надо?» — подумал мастер, когда увидел, как усатый слесарь, прекрасный работник, немного грубоватый и насмешливый, закончив операцию, откатил пушку и громко, радостно вскрикнул:

— Готово, забирай!

— Я его в экстру, — бормотал мастер, — просил три сделать, он — больше как две не могу, а теперь, ишь, таракан, без экстры — пятую гонит...

Одинокий мастер ходил по пролету, но, наконец, не выдержал. Подошел к усатому и спросил:

— Чего гонишь-то?

Впервые в стенах пушечной мастерской послышался гордый ответ:

— Не для хозяина, для себя работаем.

Полигон не успевал пристреливать пушки. Из заводского комитета пришло распоряжение:

— Отсылайте их как есть. На фронте против кадетов пристреляют.

Много пушек вывезли без пристрелки, без опробования замков. С ними отправлялись слесаря с инструментами для отрегулирования на месте.

Трое суток, не умолкая ни на минуту, гудели артиллерийские мастерские Путиловского завода, трое суток безостановочно вооружались рабочие. Сотня пушек вышла из стен Путиловского завода для защиты революции.

В Центральном совете фабзавкомов, в районном Совете, в районном комитете большевиков, в союзе металлистов — везде, где узнавали о выпущенной сотне пушек и готовящейся второй, изумлялись. Прежде на выпуск такого количества пушек тратили не три дня, а около двух-трех недель.

Автомобильная мастерская ремонтировала грузовые машины, собирала «Уайты», закупленные за границей, и устанавливала на них зенитные орудия. Башенная ремонтировала броневые машины.

Ежечасно формировались отряды и команды Красной гвардии. Их вооружали и немедля отправляли на фронт.

Команда тарутинцев и шестьсот рабочих с пулеметами и орудиями отправились под Лугу. Был создан отряд кавалеристов. Не дождавшись коней, он ушел на фронт пешком. Артиллеристы уходили с пушками. Отдельный отряд связи растянулся по всему фронту, занятому путиловцами, от Дудергофа до Пулковских высот. Он же осуществлял связь с заводом.

Появились саперы. Они уводили с собой толпы рабочих для рытья окопов и устройства заграждений. Железнодорожный цех был мгновенно очищен от кирок, мотыг, лопат и других инструментов железнодорожного ремонта. Забрали для рытья окопов все лопаты из цеховых кладовых.

У Нарвских ворот и у Шелкова переулка революционный

комитет открыл питательные пункты. Руководство ими взяли в свои руки работницы.

Под Пулково отправился женский санитарный отряд, за несколько часов обученный лазаретным фельдшером правилам оказания первой помощи раненым.

В течение трех суток с завода ушло больше десяти отрядов. Во главе каждого из них был член заводского комитета. Общая численность отрядов определялась в восемь тысяч человек.

Корниловщина была отбита. Главные массы корниловских войск, задержанные железнодорожниками и распропагандированные рабочими и революционными солдатами, так и не подошли к Петрограду. На всем протяжении линии фронта рабочим не пришлось применять огнестрельное оружие. Они действовали оружием революционного слова. И этого оказалось достаточным, чтобы разложить обманутые Корниловым войска. «Дикая дивизия», на которую особенно надеялся Корнилов, была остановлена делегацией от мусульманских народностей, посланной по инициативе С. М. Кирова. Контрреволюционная авантюра провалилась.

Подводя итоги корниловщины, Ленин писал:

«Историческое значение восстания Корнилова состоит именно в том, что оно с чрезвычайной силой открыло массам народа глаза на ту истину, которая была прикрыта и прикрывается до сих пор соглашательской фразой эс-эров и меньшевиков, именно: помещики и буржуазия с партией к.-д. во главе и стоящие на их стороне генералы и офицеры сорганизовались, они готовы совершить и совершают самые неслыханные преступления, отдать Ригу (а затем и Петроград) немцам, открыть им фронт, отдать под расстрел большевистские полки, начать мятеж, повести на столицу войска с «дикой дивизией» во главе и т. д. — все это ради того, чтобы захватить всю власть в руки буржуазии, чтобы укрепить власть помещиков в деревне, чтобы залить страну кровью рабочих и крестьян».[1]

Корниловщина окончательно решила бесславную судьбу эсеро-меньшевистского руководства Петроградского Совета. Рабочие и солдаты отзывали меньшевиков и эсеров десятками, заменяя их большевиками.

31 августа Петроградский Совет рабочих и солдатских депутатов впервые за время своего существования принял большевистскую резолюцию.

---

[1] *Ленин*, Сочинения, т. XXI, стр. 138—139.

5 сентября меньшевистско-эсеровский президиум подал в отставку. Отставка соглашателей получила следующую оценку путиловцев:

«Этим мелкобуржуазным коллегам давно бы пора уйти из революционного органа, который является представителем передовых революционных рабочих, солдат и крестьян. Своим соглашательством с контрреволюционерами, — кадетами и угнетателями пролетариата, они лишь предавали революцию». [1]

После разгрома корниловщины необычайно выросло влияние большевиков. Оживились Советы, вышедшие на широкую дорогу революционной борьбы. По всей стране большевизировались профессиональные союзы, фабрично-заводские комитеты, Советы. Революционизировалась армия. Повсеместно поднимались крестьянские восстания. Деревенская беднота теснее сплачивалась вокруг партии большевиков. Росло движение угнетенных национальностей. Партия большевиков создавала свою политическую армию для свержения власти буржуазии и передачи всей власти Советам, руководимым большевиками.

Лозунг «Вся власть Советам!», вновь выдвинутый партией большевиков после разгрома корниловщины, стал лозунгом подготовки вооруженного восстания.

РАБОЧИЙ КОНТРОЛЬ

Повседневно осуществляя рабочий контроль над производством, заводский комитет сталкивался все с большим сопротивлением генералов из путиловского правления. Для подлинного контроля необходимо было вмешаться в общее руководство заводом — проверить его действительное состояние, его заказы, финансы и задолженность. Но именно к этому старательно не допускали рабочих генералы из путиловского правления.

— Вы убеждаете нас, — говорили им члены заводского комитета, — что работаете в убыток и постоянно испытываете недостаток средств. Мы хотим проверить это. Нам известно, что совсем недавно завод работал с большими прибылями и может работать дальше. Вы же не обеспечиваете его ни сырьем, ни топливом, ни деньгами и предлагаете увольнять рабочих.

---

[1] «Рабочий путь» № 10, 14 сентября 1917 г.

Но не в интересах правления было раскрыть перед рабочими тайны своего хозяйничания, направленного к разрушению и закрытию завода. Правление отказалось открыть перед рабочими бухгалтерские книги, мотивируя невозможностью нарушить коммерческую тайну. Но члены заводского комитета твердо настаивали на этом. Они понимали, что именно здесь, как говорил Ленин, «...ключ ко всякому контролю. Именно здесь самое чувствительное место капитала, грабящего народ и саботирующего производство».[1]

Все хуже становилось положение завода. К осени 1917 года разруха в стране, усугубляемая контрреволюционной политикой саботажа, достигла угрожающих размеров. В Петрограде иссякли последние запасы топлива и металла, а разбитый транспорт не мог доставлять даже ничтожные грузы продовольствия, шедшие в столицу. Особые совещания по обороне и по топливу, вкупе с саботажниками из общества заводчиков и фабрикантов, стремились путем дезорганизации производства привести рабочий класс к массовой безработице, обессилить и разгромить пролетариат. Капиталисты закрывали завод за заводом. Росла безработица, усиливался голод.

В этих условиях борьба за рабочий контроль приобретала исключительное значение. Ленин писал:

«Путь к спасению от катастрофы лежит только в установлении действительно рабочего контроля за производством и распределением продуктов».[2]

Лозунг рабочего контроля был непосредственно связан с лозунгом диктатуры пролетариата. Он ставился большевиками «...всегда *рядом* с диктатурой пролетариата, всегда *вслед* за ней...».[3] На VI съезде большевистской партии товарищ Сталин, разоблачая предательские, капитулянтские позиции троцкистов, подчеркивал неразрывность лозунга рабочего контроля с лозунгом борьбы за власть. Говоря об условиях, благоприятствующих прорыву в России цепи империализма, товарищ Сталин показал, что вмешательство рабочих в хозяйственную жизнь создало реальную основу «...постановки вопроса о социалистической революции у нас в России. Поскольку рабочие вмешиваются активно в процесс организации контроля, обмена, постольку у нас ста-

[1] *Ленин*, Сочинения, т. XXI, стр. 171.
[2] *Ленин*, Сочинения, т. XX, стр. 422.
[3] *Ленин*, Сочинения, т. XXI, стр. 259.

вится практически вопрос о социалистической революции».[1]

То обстоятельство, что хозяином Путиловского завода являлось Временное правительство, делало для каждого рабочего особо ощутимой связь рабочего контроля с задачей борьбы за власть. На Путиловском заводе рабочие быстрее и отчетливее постигали классовую сущность Временного правительства. Они видели, как каждое рабочее предложение или требование встречало сопротивление то одного, то другого министерства, то нескольких министерств сразу, как это было в тарифном вопросе.

Борьба за контроль между путиловскими рабочими и правлением общества Путиловских заводов все обострялась. Заводский комитет все решительнее и энергичнее забирал в свои руки управление внутризаводскими делами. Цель была — не дать заводу окончательно разрушиться, не дать генералам закрыть завод.

В первую очередь встал топливный вопрос. Нужда завода в топливе была велика. Путиловский завод потреблял около десяти процентов количества топлива, расходуемого во всем Петроградском промышленном районе. Для нормальной работы всех станций, кочегарок, печей и паровозов ему ежемесячно требовалось 1750 тысяч пудов угля и нефти. В начале 1917 года Особое совещание по топливу установило заводу норму в один миллион пудов в месяц. На август ее сократили до 550 тысяч. Но и этой сокращенной нормы завод не получал и работал с большими перебоями. В сталепрокатной мастерской 87 процентов всех простойных дней явились результатом отсутствия топлива. То же было и в других мастерских. В августе и сентябре выпуск продукции по заводу сократился вдвое-вчетверо против марта месяца. Несколько цехов вовсе не работало. Мартеновские печи на заводе потухли.

Рабочие сами заботились о добыче топлива. В Донбасс отправился председатель заводского комитета Антон Васильев. Члены топливной комиссии разъехались по окрестностям Петрограда доставать уголь, разыскивать запасы нефти, добывать дрова. Специально созданная техническая комиссия разрабатывала план перевода кочегарок с минерального на дровяное топливо. Обнаруженные на заводе богатые залежи лома и старого металла были подготовлены к переплавке.

[1] *И. Сталин*, На путях к Октябрю, 1925, стр. 98.

Розыски топлива увенчались успехом. Заводский комитет нашел миллион пудов угля и нефти. Но когда дело коснулось покупки топлива, правление безапелляционно заявило, что денег у него нет.

Возмущенные путиловцы бросились в высшие правительственные учреждения: к военному министру, в Особое совещание по обороне, в министерство торговли и промышленности и в министерство труда. Всюду встречали они холодный прием и формальные разъяснения о том, что, очевидно, финансовые дела правления плохи, раз оно отказывается покупать топливо. Путиловцы настаивали на предоставлении им права проверить финансы завода, но в этом им категорически отказали. Тогда рабочие заявили, что превратят этот конфликт в общепитерский и все-таки поставят на своем — топливо будет, и завод не остановится.

Опасаясь выступления путиловцев, Особое совещание по обороне сделало вид, что заинтересовалось судьбой завода, и предложило членам заводского комитета явиться на специальное по этому поводу заседание. Инженер Пальчинский, руководитель Особого совещания, заявил представителям рабочих:

— Правительство согласно дать Путиловскому заводу восемьдесят восемь миллионов рублей и все необходимое на окончание работ в текущем году, но ставит непременным условием: во-первых, заводскому комитету принять на себя организацию расчета десяти-двенадцати тысяч рабочих; во-вторых, принять на себя ответственность за ход работ и производительность завода; в-третьих, не вмешиваться в общее руководство заводом.

В своей работе «Грозящая катастрофа и как с ней бороться» Ленин писал о контрреволюционных действиях Пальчинского, стоявшего за спиной Временного правительства: «Пальчинский тормозил и срывал всякие серьезные меры самочинных демократических организаций, ибо ни одна серьезная мера не могла состояться без «ущерба» безмерных прибылей и самодурства Кит Китычей. А Пальчинский именно верным защитником и слугой Кит Китычей и был...

Вся история «царствования» Пальчинского — а он «царствовал» много месяцев и как раз тогда, когда Церетели, Скобелев, Чернов были «министрами», — есть один сплошной, безобразный скандал, срыв воли народа, решения демократии *в угоду* капиталистам ради их грязной корысти». [1]

---

[1] *Ленин,* Сочинения, т. XXI, стр. 180—181.

Якобы для осуществления рабочего контроля, Пальчинский предлагал путиловцам создать «заводское совещание», в котором рабочим предоставлялось бы пять мест без права решающего голоса.

Это было явно провокационное предложение: Пальчинский думал путем привлечения рабочих в заводское совещание свалить на них ответственность за развал завода. Предложения Пальчинского были решительно отвергнуты рабочими. Заводский комитет не мог и не хотел принимать на себя ответственность за разруху на заводе, созданную генералами, и не хотел принять на себя расчета одной трети рабочих. В ответ на предложения Пальчинского заводский комитет заявил, что возьмет на себя всю ответственность лишь в том случае, если орган управления заводом будет составлен из представителей рабочих и представителей заинтересованных министерств, причем две трети решающих голосов будет за рабочими. Поняв, что путиловцы не поддаются на провокацию, Пальчинский стал затягивать переговоры, ссылаясь на необходимость согласования вопроса о положении Путиловского завода с военным и другими министрами.

Между тем правление завода по указке Пальчинского и Общества заводчиков и фабрикантов официально уведомило администрацию о расчете одиннадцати тысяч рабочих.

Весть об увольнении вызвала целую бурю. Толпами шли рабочие в заводский комитет, требуя немедленно дать отпор зарвавшимся контрреволюционерам. В заводском комитете уже была ясная программа действий: расчета не допускать, а в случае дальнейшего ухудшения с топливом — еще раз очистить мастерские от чуждых и посторонних людей, поступивших на завод в годы войны, чтобы укрыться от мобилизации.

Во всех газетах было опубликовано сообщение о том, что «мерами, принятыми рабочими организациями, расчет пока отклонен». Заводский комитет создал комиссию для установления действительно возможного и необходимого сокращения рабочих. Это было сделано для того, чтобы разоблачить провокационные слухи и клевету меньшевистской и черносотенно-буржуазной печати о том, будто на Путиловском заводе держат тысячи лишних людей и рабочие организации своим вмешательством в хозяйственные дела ухудшают положение завода.

Обсуждая предложения Пальчинского, рабочие говорили:
— Мы можем быть в заводском совещании лишь с сов-

щательным голосом до тех пор, пока не завоюем весь контроль полностью. Наш лозунг — контроль, и мы должны его проводить. Этот лозунг создала сама жизнь.

Путиловцы понимали, к чему может привести их участие в совещании, предлагаемом Пальчинским.

— Цель капиталистов, — указывали рабочие, — создать новую палку для того, чтобы подгонять рабочих... Пальчинский большинства нам не даст ни в правлении, ни в других местах... нам рекомендуют быть погонялкой. Штрафы, репрессии — вот будет неизбежный путь при рекомендуемом контроле. Если будет дана возможность полного контроля, тогда — да. Но куцый контроль неприемлем.

Долго бились путиловцы над выработкой действенных форм рабочего контроля, возможных в существующих условиях. Избрали несколько уполномоченных для выработки проекта положения о рабочем контроле. Поручили им ознакомиться с практикой контроля на других заводах и посоветоваться с научными силами.

В министерстве труда, возглавляемом меньшевиком Гвоздевым, куда явились уполномоченные, им дали ответ:

«Сейчас революция не социальная, а буржуазная; институт собственности не нарушен. Если вы хотите полного контроля, т. е. захвата завода, то министерство с вами не идет. Если же вы добиваетесь только контроля с сохранением старого института заводоуправления, с этим можно согласиться».

В поисках «научных сил» уполномоченные набрели на меньшевистского экономиста Базарова и меньшевиствующего работника профессиональных союзов Д. Рязанова. Оба «ученые» заявили: «Вопрос этот новый — его сначала надо проработать в литературе. Посоветовать ничего не можем».

Путиловцы махнули на «ученых» рукой. Когда же об этом они рассказали в заводском комитете, ответ «ученых» мужей был встречен презрительными насмешками:

— Жизнь требует, живая жизнь идет, а они о книжках ведут речь.

Живая жизнь! Революционное творчество новых форм борьбы, выдвигаемых жизнью, — вот что было лозунгом путиловских большевиков. В мае 1917 года по их инициативе была созвана Петроградская конференция фабзавкомов, создавшая постоянный орган — Центральный совет. Этот Совет сыграл не малую роль в прояснении сознания петроградских рабочих. В августе путиловцы организовали регулярные конференции чернорабочих. Теперь путиловские

большевики решили в вопросе рабочего контроля действовать сообразно «велениям жизни» и указаниям Ленина о самочинном самоуправлении.

Перед путиловцами был не один яркий пример самочинного революционного управления заводами. Как раз в это время на Путиловский завод приехали представители московского завода «Гужон». Они рассказали путиловцам о борьбе рабочих против капиталиста Гужона за рабочий контроль. Следуя тактике фабрикантов, Гужон, в ответ на требования рабочих допустить их к контролю, закрыл завод. Рабочие решили взять завод в свои руки.

— Необходимо доказать, — говорил представитель гужоновцев, — что рабочие могут вести дело без предпринимателей. Путиловцы должны помочь нам людьми, ибо Гужон перед закрытием разогнал с завода много специалистов-прокатчиков.

Путиловцы горячо откликнулись на просьбу рабочих «Гужона». Заводский комитет постановил: «Принять все меры к тому, чтобы необходимое количество рабочих — прокатчиков, вальцовщиков, сварщиков и чернорабочих — было предоставлено на помощь товарищам завода «Гужон» для дальнейшей совместной работы в борьбе с капиталом». [1]

Путиловцы дали заводу «Гужон» свыше ста пятидесяти рабочих, связали представителей московского завода с рабочими Василеостровского проволочно-гвоздильного завода, где также охотно выделили около шестидесяти рабочих на помощь в борьбе за рабочий контроль. Завод «Гужон» продолжал работать без капиталистов, под руководством самих рабочих.

Пойти по пути рабочих завода «Гужон» путиловцы не могли: Путиловский завод был казенным, огромным, и для организации работ на нем нужны были не тысячи, а десятки миллионов рублей. Но всей силой большого коллектива, представляемого заводским комитетом и сорока пятью цеховыми комитетами, они отстраняли от руководства заводом саботажников и контрреволюционеров.

Рабочие, видя упорную борьбу заводского комитета за контроль над производством, с каждым днем все больше убеждались в необходимости вырвать, отобрать у капиталистов фабрики и заводы.

— Главное — захватить власть, — так заключали рабочие каждую речь, связанную с проведением рабочего контроля.

---

[1] ЛОАОР, Фонд Путиловского завода, 1917, д. № 17.

Временное правительство, в целях разгрома нарастающей пролетарской революции, в это время попыталось осуществить эвакуацию крупнейших петроградских заводов в глубь страны. Необходимость этой меры оно мотивировало близостью Петрограда к фронту, продовольственным кризисом, трудностью доставки топлива и металла.

На Путиловском заводе еще с начала сентября тайком от заводского комитета, по распоряжению правления, начали составлять списки оборудования, намечаемого к эвакуации в первую очередь. Путиловцы разглядели тайный маневр врагов. Заводский комитет через большевистскую газету «Рабочий путь» разоблачил махинации правления и твердо заявил, что эвакуировать завод не позволит. По всем мастерским были проведены митинги протеста против политики Временного правительства, пытавшегося разгрузить Петроград от революционного пролетариата. В своих резолюциях рабочие заявили:

«...Затевается колоссальная, бесполезная для народа трата денег обнищавшего народа и трата дорогого времени. Единственная цель предположенной меры [эвакуации] — цель явно контр-революционная: разгрузить Питер, этот центр революции от революционного пролетариата.

Совершиться этой эвакуации мы не дадим, не допустим. Настаиваем же на эвакуации тех жителей Питера, кои не занимаются производительным трудом...».[1]

Подготовку к эвакуации Путиловского завода пришлось приостановить. Настороженность и бдительность рабочих чрезвычайно возросли. В цехах они следили за каждым шагом администрации. Старались задерживать на заводе орудия, автомобили, броневые машины. Особенно острым было столкновение между рабочими и правлением в сентябре в связи с попыткой администрации увезти не принадлежащие заводу, но хранившиеся на нем ящики со станками. Башенщик Иван Газа, предупрежденный рабочими о производящейся погрузке на баржи, сообщил об этом заводскому комитету.

Заводский комитет запретил погрузку, выделил комиссию для выяснения дела и не выпустил станков из завода до тех пор, пока не убедился, что они действительно не принадлежат заводу.

Но осуществлять полный рабочий контроль путиловцы не могли. Тайники финансовой деятельности завода оставались

---

[1] «Рабочий путь» № 8, 12 сентября 1917 г.

для них закрытыми. Для того чтобы проникнуть в эти тайники, нужна была сила, власть. Это заводский комитет понимал и в борьбе за рабочий контроль сплачивал путиловцев вокруг главной задачи, поставленной партией большевиков перед рабочим классом, — задачи подготовки пролетарской социалистической революции.

БОЕВАЯ ПОДГОТОВКА

Член Центрального комитета партии большевиков Яков Михайлович Свердлов встретил представителей путиловцев густым, громыхающим басом:

— А, путиловцы, наконец пришли! Ну, садитесь. Как у вас дела с боевой подготовкой? Рассказывайте.

И сразу же стал расспрашивать, сколько отрядов Красной гвардии создано на заводе, как они снабжены оружием, какую артиллерию изготовляет завод, есть ли на примете люди, умеющие стрелять из пушек. Свердлов требовал точных данных: у кого путиловцы добывают винтовки, сколько их счетом в районе, какие люди руководят боевыми дружинами и сколько собрано настоящих артиллеристов, действительно умеющих стрелять из пушек.

Старик Швецов, смущенно поглаживая бороду, ответил, что он лично занимается агитацией, притом секретарствует в заводском комитете и об артиллерии не думал. Он не знает, сколько орудий и каких систем изготовляет сейчас завод, не может сказать и об артиллеристах. Остальные путиловцы смущенно молчали, зная немногим более Швецова.

— Недалекий у вас прицел, товарищи, — покачал головой Свердлов. — Давно уже прошло время одной агитации и разговоров. Нужны действия, нужна тщательная подготовка восстания. А вы как будто в стороне от этого дела. Путиловскому заводу вдвойне не пристало отставать. Завод огромный, и притом пушечный. Этого нельзя забывать.

Свердлов рассказал путиловцам о последнем письме Ленина, присланном из подполья, в котором вождь партии требовал тщательно готовиться к восстанию, относясь к нему, как к искусству. Свердлов долго объяснял, каковы задачи путиловского заводского комитета. Надо знать свои силы, знать силы врага, где и как они расположены; уметь воспользоваться всеми боевыми ресурсами у себя на месте; прежде всего укрепить Красную гвардию, сделать ее массовой, подвижной, способной быстро выполнять любые приказы; закрепить связи с солдатами, чтобы в нужный момент

и они выступили с оружием в руках за социалистическую революцию.

— А вы упускаете простые вещи, которые руководителям заводского комитета следовало бы всегда иметь в виду, — упрекнул Свердлов путиловцев.

О требованиях Свердлова и его указаниях Швецов и Анатолий Богданов рассказали на очередном собрании активных работников районной организации, состоявшемся 19 сентября. Собрание было посвящено обсуждению писем Ленина, присланных им из подполья Центральному, Петроградскому и Московскому комитетам большевиков.

В этих письмах Ленин, зорко следивший за ходом развития революции, писал, что момент для решительного выступления вполне назрел.

«Получив большинство в обоих столичных Советах Рабочих и Солдатских Депутатов, большевики могут и должны взять государственную власть в свои руки». [1]

Ленин указывал, что все предпосылки для победоносного восстания налицо. Партия должна поставить на очередь дня вооруженное восстание. С гениальной прозорливостью Ленин разгадал планы контрреволюционного Временного правительства, собиравшегося сдать Петроград немцам, с тем, чтобы сапогом немецкого империализма раздавить революционный пролетариат столицы. Ленин призывал партию предупредить планы контрреволюции решительным выступлением.

На собрании нарвских большевиков письма Ленина читали несколько раз. Завязалась беседа долгая и страстная, временами переходившая в дискуссию. Как-то само собой получилось, что каждый, почувствовав ответственность этих минут, счел нужным доложить о настроениях рабочих того цеха, который он представлял, воинской части, с которой был связан. Агитаторы и организаторы, приводя факты один за другим, доказывали глубокую правоту Ильича. Кризис назрел. Народный гнев кипит. Наступило время для восстания.

— За большевиками пойдет, по меньшей мере, девять десятых нашей мастерской, — сказал представитель пушечной, той самой пушечной, которая всего три месяца назад считалась меньшевистской мастерской.

Иван Газа говорил о том, что в башенной, где еще недавно главенствовали эсеры, влияние их окончательно пало.

---

[1] *Ленин*, Сочинения, т. XXI, стр. 193.

Рабочие настолько ненавидят Временное правительство, что больше не хотят принимать резолюций о взятии власти Советами.

— Хватит резолюций, — говорили башенщики. — Их столько напринимали, — дальше некуда. Довольно бумажных резолюций, давайте дело.

До глубокой ночи обсуждали нарвские большевики, как действовать, чтобы полностью осуществить практическую подготовку восстания. Наметили первоочередные задачи: укрепить Красную гвардию партийными силами, исподволь готовить пушки и не выпускать их из стен завода, для чего решительно проводить рабочий контроль. Говорили о связи с воинскими частями и наметили в ближайшее время провести давно задуманный обмен знаменами между Путиловским заводом и Павловским полком.

Широко развернулась за Нарвской заставой подготовка к вооруженному восстанию. Красная гвардия собиралась и обучалась открыто. Путиловцы приходили на работу с винтовками, ставили их у станков и верстаков, готовые в любую минуту, по первому сигналу, выступить на защиту революции.

Перед большевиками встала серьезная задача — перестроить и сплотить рабочие отряды. По расчетам комендатуры боевых дружин района, создавшейся в дни корниловщины, за Нарвской насчитывалось не менее десяти тысяч винтовок и револьверов. Каждый пятый путиловец имел оружие. В любой момент путиловский заводский комитет мог собрать, по крайней мере, пять-шесть тысяч вооруженных рабочих. Но эти тысячи людей, полные готовности драться и умирать за пролетарскую революцию, еще не представляли собою, за исключением дружинников красногвардейских отрядов, боеспособной армии. Большинство из них не имело никакого боевого опыта, многие едва умели заряжать винтовку; за необходимость воинской дисциплины и подчинение приказаниям начальников приходилось вести упорную агитацию. Нужно было сформировать постоянные дисциплинированные рабочие отряды, обучить их стрельбе, боевому строю, правилам уличного боя.

В течение короткого времени большевики, бросив свои лучшие силы на дело укрепления Красной гвардии, создали на заводах района крепкие боевые рабочие дружины. Тимофей Барановский и другие старые большевики-дружинники 1905 года сейчас снова стали в ряды путиловских боевиков.

К концу сентября на Путиловском заводе было сформировано двенадцать красногвардейских «сотен», в том числе на верфи — четыре. В каждой «сотне» числилось от ста двадцати до ста пятидесяти человек, а в некоторых — и до двухсот. «Сотня» состояла из «десятков» — человек по пятнадцать-двадцать в каждом, почти всегда из одного цеха или даже из одной рабочей бригады.

Отдельный отряд Красной гвардии составляла дружина районного комитета большевиков. В нее также входили путиловцы, большей частью из числа тех, кто постоянно работал вне завода — в районном Совете, в комитете большевиков, в профессиональных союзах, в клубе. В районной дружине были пулеметчики, вооруженные двумя пулеметами.

Строевые занятия красногвардейцев проводились три-пять раз в неделю по нескольку часов. После двух-трехнедельного обучения «сотни» приобретали воинский вид: дружинники научались молодцевато шагать в строю, быстро вскидывать винтовки «на руку» для штыкового удара, переползать значительные расстояния и производить перебежки, применяясь к местности. Гранатометчики практиковались сначала деревянными гранатами, изготовленными в мастерских завода, затем метали настоящие.

Путиловец Тимофей Барановский, прикомандированный от комитета большевиков к штабу Красной гвардии, часто приходил на занятия дружин и беседовал с красногвардейцами. Он сообщал новости. В его обязанности, еще со времени корниловщины, входило наблюдать за передвижением и настроением войск, расположенных за Нарвской заставой. Он рассказывал о том, что и в Петергофском районе Керенский понемногу накапливает силы. Нужно быть осмотрительными и зоркими. Баррикада — дело, конечно, для многих незаманчивое, но на случай внезапной атаки контрреволюции надо суметь построить и баррикаду.

Барановский спрашивал у красногвардейцев, где можно будет достать бревна, доски и всякий другой материал для баррикад, как легче всего задержать войска, если они двинутся по Петергофскому шоссе, где расставить пулеметы, где сосредоточить силы.

Он доказывал, что изучение этих вопросов — обязательно. Вот, например, на Шереметевской даче зачем-то появилась казачья сотня. В разговоры с рабочими казаки вступают неохотно, на расспросы не отвечают. Изредка проводят они учения, но чаще всего полеживают в покоях графского особняка. Их кормят отлично, не в пример другим

воинским частям. Что будет, если эти казаки вдруг ринутся на красногвардейские отряды? Рабочие должны суметь сразу же дать им должный отпор.

Такие беседы постепенно превращались в политические занятия, в обсуждения текущих событий. Во время этих бесед проверялась политическая устойчивость красногвардейцев. Колеблющихся, неустойчивых и недисциплинированных отсылали обратно в мастерские, заменяя их более выдержанными рабочими. В кругу руководителей Красной гвардии это получило название «фильтровки». Проводить фильтровку обязали всех командиров красногвардейских «сотен». Сотники отвечали не только за боевое состояние дружин, но и за политическую устойчивость красногвардейцев.

Во главе отряда Путиловского завода был поставлен член заводского комитета — солдат М. Войцеховский.

Перед красногвардейцами Войцеховский появлялся в полной военной форме, всем своим видом подчеркивая необходимость выдержки и воинской выправки. В роли начальника отряда Красной гвардии Войцеховский чувствовал себя уверенно, проявлял достаточную твердость и гибкость и во всех случаях сохранял невозмутимость.

Главной заботой Войцеховского было — вооружение. Военным обучением занимались инструкторы из солдат, работавших на заводе; политической работой среди красногвардейцев ведали члены партии, непосредственно выделенные районным комитетом большевиков. У Войцеховского были организаторские задачи: формирование «сотен», подбор инструкторов и, главное, — доставка оружия. Винтовки он получал через солдат, связанных со своими частями.

Путиловцы завязали связь с Сестрорецким оружейным заводом: дважды получили оттуда некоторое количество винтовок. Солдат команды Петропавловской крепости Я. Кулешов доставил винтовки из складов крепости. Путиловцы часто появлялись в казармах гарнизона и заводили с солдатами разговоры, сводившиеся в итоге к просьбе ссудить винтовки.

Необычайную активность в добыче оружия развил шрапнельщик Григорий Самодед. Всюду, где он появлялся, разговор обязательно сводился к вопросу о вооружении рабочих. Самодед неутомимо агитировал: доставайте оружие, вооружайтесь, готовьте силы для выступления. Целыми днями рыскал он по воинским частям. У него появились закадычные друзья — оружейники, милиционеры и всякого

рода люди, имевшие отношение к оружию. Он добывал винтовки, револьверы, холодное оружие. На собственные, заработанные на заводе деньги он покупал револьверы и отдавал их красногвардейцам, не имевшим оружия.

Постепенно во всех красногвардейских «сотнях» палки были заменены винтовками. Временами в районной комендатуре и путиловском заводском комитете создавались даже некоторые запасы оружия. Но эти запасы быстро таяли. Цеховые комитеты присылали все новых и новых рабочих с ходатайством зачислить их в ряды рабочей Красной гвардии.

В конце сентября районный комитет большевиков поручил группе членов Совета разработать устав и положение об устройстве Красной гвардии. Такие уставы создавались и в некоторых других районах Петрограда и имели целью превратить отряды рабочей гвардии в единую боевую силу под единым командованием. При этом учитывалась необходимость еще более широкого вовлечения рабочих в ряды Красной гвардии.

Устав рабочей Красной гвардии Нарвско-Петергофского района был выработан в соответствии с решением III Общегородской конференции большевиков. Первый пункт устава гласил: «Рабочая Красная гвардия есть организация вооруженных сил пролетариата». Задачи Красной гвардии были сформулированы следующим образом: подавление провокационной деятельности темных сил; защита свободы от покушений контрреволюции; отстаивание завоеваний революции.

Особая инструкция под названием «Условия активного выступления Красной гвардии» определяла технические и тактические мероприятия, связанные с переходом боевых дружин к выполнению их основной задачи — к вооруженному восстанию. Открыто об этом в уставе не говорилось. Готовясь к решительному бою с буржуазией, рабочие маскировали свои наступательные действия под видом обороны революционных завоеваний. На собраниях же красногвардейцев об этом говорили почти открыто. Докладчик об уставе Барановский, а вслед за ним представитель районного комитета большевиков И. Генслер прямо заявили, что момент активного выступления может наступить каждый день. Отсюда задача: не теряя ни минуты, энергично взяться за перестройку Красной гвардии.

Барановский рассказал собранию, как будет построена реорганизованная Красная гвардия и в чем сущность разработанного большевиками устава.

Весь наличный состав Красной гвардии будет состоять из кадровых и запасных частей. Каждый красногвардеец, пробыв десять дней в кадровой части, уходит на тридцать дней в запас, затем снова возвращается в свою часть.

Основной боевой единицей устанавливается кадровая дружина в составе четырех кадровых «сотен». «Сотня» имеет четыре «десятка» по пятнадцать бойцов в каждом, всего шестьдесят штыков. Дружина — двести сорок штыков.

При таком построении на Путиловском заводе создаются шесть кадровых дружин общей численностью в тысячу пятьсот человек. При мобилизации или боевой тревоге запас присоединяется к кадру: «десяток» разворачивается во взвод числом в шестьдесят штыков; «сотня» — в роту в двести сорок штыков; дружина — в батальон в девятьсот шестьдесят штыков. На одном Путиловском заводе будет шесть батальонов — два полка рабочей Красной гвардии — численностью почти в шесть тысяч штыков, не считая технических команд — подрывников, телеграфистов, пулеметчиков, санитаров и артиллеристов.

Расчеты Барановского еще больше подняли боевой дух красногвардейцев. Рабочие завода «Тильманс» закричали с мест, что обещают организовать дружину у себя на заводе. Член Совета от мелких предприятий прислал в президиум собрания записку: он берет на себя обязанность собрать отдельный батальон Красной гвардии из рабочих разных небольших заводов района.

Собрание одобрило план реорганизации Красной гвардии и утвердило устав, предложенный большевиками. Лозунг о всеобщем вооружении пролетариата становился практическим, реальным делом. Красногвардейцы уходили с этого собрания с глубокой верой в партию большевиков, твердо убежденные, что в предстоящем решительном сражении за власть рабочих и крестьян они безусловно победят.

ВЫСТУПАЕМ ПО ПЕРВОМУ ЗОВУ

Готовясь к решительному бою, путиловцы не забывали своих задач в отношении крестьян. В резолюциях заводских и цеховых митингов рабочие неизменно подчеркивали, что спасти революцию может только единственная сила — пролетариат в союзе с деревенской беднотой. Только пролетариат и поддерживающие его слои беднейшего крестьянства, свергнув власть буржуазии, обеспечат народу мир, землю, хлеб и устранят разруху и развал народного хозяйства.

И теперь, когда все помыслы и деятельность рабочих организаций были обращены на организацию вооруженного восстания, путиловский заводский комитет обратился с воззванием к рабочим. В воззвании говорилось: «Товарищи, не забывайте, что интересы трудового крестьянства тесно связаны с нашими».

В ответ на обращение собрание четырех мастерских вынесло резолюцию о необходимости отправить для помощи крестьянству рабочих-агитаторов. «Мы должны отдать все свои силы на его организацию, повести крестьянство по правильным путям», — писали рабочие.

На митинге девятого округа Путиловского завода, куда входили мартеновская, чугунолитейная, меднолитейная, модельная, термическая и другие мастерские, в резолюцию был включен следующий пункт:

«. . .Считая, что полное освобождение трудового народа возможно только совместно с трудовым крестьянством, необходимо всеми силами и всеми мерами поддерживать крестьян в их борьбе за полную и безвозмездную передачу всей земли в руки трудового крестьянства». [1]

Чтобы установить еще более тесную связь с крестьянами, путиловские большевики организовали по заводу сбор железных обрезков, в которых сильно нуждалась деревня для ремонта сельскохозяйственного инвентаря. Таких обрезков собрали более шестидесяти пяти тысяч пудов и отправили их, в сопровождении своих агитаторов, в разные концы Петроградской и других губерний.

Большую помощь оказывали большевики-путиловцы землячествам — смоленскому, белорусскому, пензенскому и другим. Солдаты-пензенцы собирались в помещении районного комитета большевиков, смоленцы — в путиловском театре. Через землячества путиловцы посылали в деревню большевистскую литературу. Из деревни прибывали письма с просьбами дать совет, оказать помощь. Время от времени путиловцы направляли в деревню своих агитаторов. На Путиловский завод приходили ходоки — смоленские, калужские, тверские крестьяне. Для калужан через министерство земледелия путиловцы с боем добыли семена, в которых крестьяне ощущали острую нужду.

Еще более тесной была связь путиловцев с крестьянами, одетыми в солдатские шинели: измайловцами, гренадерами,

[1] «Пролетарий» № 6, 19 августа 1917 г.

пулеметчиками-ораниенбаумцами, много раз выступавшими вместе с ними под общими лозунгами. Крепче всего была дружба путиловцев с солдатами Павловского полка, с которым в знак верной дружбы решено было обменяться знаменами.

1 октября состоялся торжественный церемониал обмена знаменами. На Марсово поле вышел весь полк. Гремели военные марши. Полк вытянулся, образовав каре. Путиловцы замыкали каре. Член заводского комитета А. Богданов, приветствуя павловцев, поздравил их от имени «первого завода-революционера». Медленно и раздельно произносил он торжественные слова путиловской грамоты:

«Дорогие товарищи павловцы!

В знак нашего священного союза, закрепленного кровью в исторические февральские дни 1917 года, мы, рабочие Путиловского завода, вручаем вам наше знамя. Пусть оно всегда и непоколебимо свидетельствует, что священный союз рабочих и солдат, сваливших самодержавие, — нерасторжим. Пусть начертанные на нем наши общие лозунги: «Да здравствует Интернационал!», «Да здравствует Социализм!» — будут гореть ярким пламенем в наших сердцах. Клянемся под этим знаменем, товарищи, добиться братства всех народов.

Рабочие-путиловцы».

В сопровождении всего состава заводского комитета и Совета Богданов подошел к членам полкового комитета, держа грамоту и знамя. Знамя путиловцев и грамота перешли к павловцам. Так же торжественно и сердечно было передано путиловцам знамя Павловского полка.

Чем ближе подходили решающие дни, тем чаще бывали рабочие в казармах Павловского полка, в Ораниенбауме у пулеметчиков и в других воинских частях. На заводских митингах неизменно присутствовали солдаты; вместе с рабочими они требовали перехода власти в руки большевистских Советов.

К главному лозунгу дня — вопросу о власти — неизменно сводился теперь любой вопрос на митинге. 3 октября в пушечной состоялся митинг-концерт на тему «Пролетариат и искусство». Докладчик, присланный Петербургским комитетом большевиков, не был специалистом в области искусства. Но он смело пришел на митинг и уверенно поднялся на трибуну. Он знал, что путиловцы не посетуют на него, если он поведет речь о другом искусстве, о котором так настойчиво

напоминал Владимир Ильич, — об искусстве вооруженного восстания.

Первые слова докладчика о том, что музыка, литература, живопись и театр должны принадлежать пролетариату, были встречены аплодисментами.

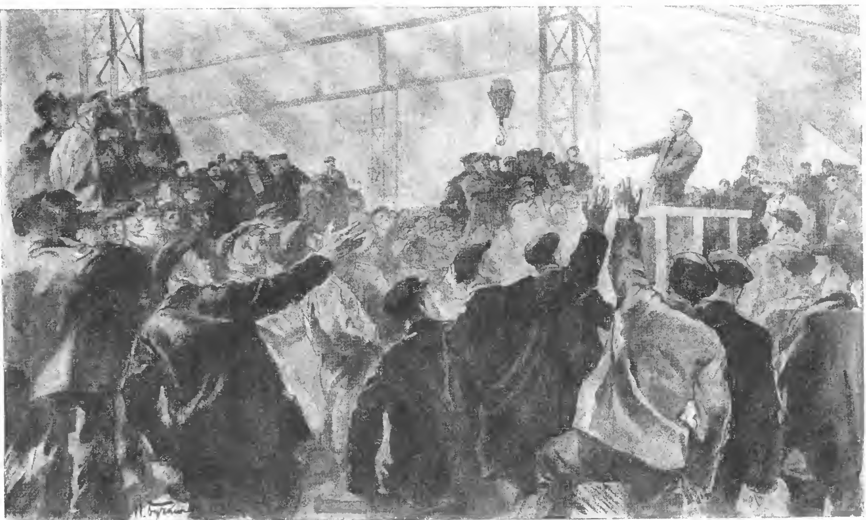
— Велика тяга рабочего класса к искусству, — говорил оратор. — Ведь неслучайно именно сейчас за Нарвской заставой создался кружок молодых писателей и артистов. Но искусство находится в руках у богатых. Даже то немногое, чего добился рабочий класс, он приобрел в жестокой борьбе, добыл своей кровью, своими мозолистыми руками. Когда же будет уничтожен капитализм и эксплоатация, тогда невиданно расцветут рабочие таланты, расцветет искусство, оплодотворенное революцией. И час этот близок. Но пока — сегодня, завтра, ближайшие недели — пролетариат должен посвятить себя другому искусству, к которому зовет всех трудящихся партия большевиков. На очереди дня — вооруженное восстание, свержение власти капиталистов. А эта величайшая задача требует напряжения всех сил и энергии рабочего класса.

И собрание рабочих пушечной мастерской, посвященное искусству, единодушно проголосовало за власть Советов.

Ничтожная кучка меньшевиков, злобствуя, порой пыталась поднять свой голос в пушечной, но ей не удавалось сделать это. На Путиловском заводе меньшевики были уже окончательно изолированы от массы рабочих. Они не могли собрать теперь ни одного своего митинга, не в состоянии были протащить ни одной своей резолюции. Ряды меньшевистской организации сильно поредели. На их районные собрания приходило всего пятьдесят-шестьдесят человек. Созывая собрания, меньшевистский районный комитет писал в своих приглашениях: «События требуют, чтобы мы, с.-д. меньшевики, не являли бы собою зрелища растерянности, позорного бегства с арены политической жизни». [1]

Секретарь Нарвской организации меньшевиков Н. Супонев получил директиву от Ф. Дана, подлейшего предателя, впоследствии ставшего наймитом иностранных разведок. Директива состояла в следующем: «Раз не удается созывать своих собраний, срывайте большевистские. Не удается срывать и их, выступайте на собраниях, но не ругайте большевиков, ибо рабочие лишат вас слова, но сейте сомнения и колебания в

[1] Материалы Ленинградского института истории ВКП(б), Фонд Кировского завода.

Выступление Володарского в пушечной мастерской—1917 г.

Рис. *П. Бучкина*

рядах рабочих. Главное — породить в среде рабочих сомнения и дезорганизацию».

Однако, как ни старалась кучка озлобленных врагов рабочего класса, прикрывавшихся рабочим званием, внести разложение в среду путиловцев, — им это ни в малейшей степени не удавалось.

Такой же процесс идейного и организационного распада, как у меньшевиков, происходил и у эсеров. Эсеровская районная организация, когда-то насчитывавшая несколько тысяч членов, к началу октября имела всего двести-триста человек. Большинство из них примкнуло к «левому» крылу эсеровской партии.

На III Петроградской городской партийной конференции путиловские представители говорили о полном и безраздельном влиянии большевиков за Нарвской заставой. Число членов организации достигло 7200 человек. Боевые силы в районе растут с каждым днем.

В эти дни — 9 и 10 октября — на заводе состоялись общезаводские митинги, показавшие, что путиловцы твердо стоят на большевистских позициях.

11 октября — на другой день после решения Центрального комитета большевистской партии о вооруженном восстании — рабочие всех цехов снова собрались на митинг. Этот митинг еще раз показал, что нет на заводе и в районе другой силы, кроме большевиков. Боевая резолюция, подводившая итог требованиям рабочих, единогласно была принята многотысячным митингом путиловцев:

«1. Мы, рабочие Путиловского завода, требуем передачи всей власти Совету Рабочих, Солдатских и Крестьянских депутатов.

2. Требуем на всех фронтах перемирие.

3. Требуем предъявить всем воюющим державам мир на демократических началах.

4. Требуем немедленно передачи земель помещичьих, кабинетских, удельных и церковных земельным крестьянским комитетам.

5. Требуем немедленный контроль над производством.

6. Требуем немедленного съезда Всероссийских Советов.

7. Требуем немедленного освобождения всех заключенных членов земельных комитетов, арестованных правительственными комиссарами.

8. Требуем освободить всех заключенных по политическому делу 3—5 июля, которые томятся в республиканских тюрьмах.

9. Протестуем против вывода войск петроградского гарнизона; мы требуем, чтобы петроградский гарнизон был вооружен всеми родами оружия, а также требуем вооружения всего революционного рабочего класса для отражения внутреннего врага революции, а также врага внешнего против немецкого кайзера.

10. И вполне присоединяемся ко всем решениям Совета. *Да здравствует Совет! Вся власть Совету!*».[1]

После решения Центрального комитета от 10 октября районная организация получила от Петербургского комитета большевиков четкие указания — усилить подготовку боевых сил. В свою очередь районный комитет дал соответствующие указания цеховым партийным коллективам Путиловского завода.

Каждый цеховой большевистский коллектив энергично взялся за выполнение директив Петербургского комитета: в автомобильной на грузовые машины «Уайт» устанавливали зенитные орудия; в пушечной готовили орудия всех калибров — легкие трехдюймовки, тяжелые гаубицы и сорокадвухлинейные пушки; в вагонных мастерских начали сооружать из простых угольных площадок типа «Фокс-Арбеля» блиндированные площадки — броневой поезд; в других мастерских, где не было производства орудий, изготовляли полевые двуколки, походные кухни, санитарные повозки, зарядные ящики и т. п.

Заводский комитет организовал боевые и вспомогательные команды — команду связи, санитарные, артиллерийские, пулеметные, даже кавалерийские, хотя лошадей на заводе не было.

«16 октября состоялось расширенное заседание ЦК партии. На нем был избран *Партийный центр* по руководству восстанием во главе с тов. Сталиным. Этот Партийный центр являлся руководящим ядром Военно-революционного комитета при Петроградском Совете и руководил практически всем восстанием».[2]

Партия большевиков под руководством Ленина и Сталина подготовила все силы для решающего сражения за власть.

Против Ленина, против решения Центрального комитета о восстании выступили два предателя — Зиновьев и Каменев. Еще 10 октября партия отвергла их капитулянтские предложе-

---

[1] «Рабочий путь» № 35, 13 октября 1917 г.

[2] История Всесоюзной Коммунистической партии (большевиков), Краткий курс, 1938, стр. 197.

ния, 16 октября они вторично выступили против восстания, и Центральный комитет снова отверг их паникерские доводы. Тогда они совершили неслыханное предательство: опубликовали в меньшевистской газете письмо, в котором выдали контрреволюции решение партии о вооруженном восстании.

Узнав об изменническом поступке Зиновьева и Каменева, путиловские большевики собрались в районном комитете партии. Возбужденные и взволнованные, они единодушно клеймили позором подлый поступок предателей.

— Тысячи рабочих, — говорил Иван Газа, — отдавали все свои силы одной задаче — подготовке к переходу власти в руки Советов. Весь Петроград, вся страна — в огне. Все подготовлено. Рабочие массы, вся партия находятся в небывалом напряжении, необходимом для нанесения врагу внезапного удара. И вдруг враг узнает о предстоящем ему ударе! Он предупрежден!

Газа клеймил изменников, предавших дело рабочего класса в самый решающий момент. Он выражал уверенность, что партия отбросит изменников и ни на минуту не замедлит дела свержения ненавистного всему народу Временного правительства.

Все выступавшие большевики утверждали, что предательство перетрусивших капитулянтов ни в малейшей степени не поколебало боевого духа рабочих.

— Ничто, никакая измена не должна повлиять на исход вооруженного выступления. Мы должны победить, — убежденно и страстно говорил Эмиль Петерсон. — Но чтобы предупрежденный враг не мог воспользоваться плодами измены, надо еще больше организовать свои силы для нанесения врагу последнего и решающего удара.

18 октября большевики созвали общее собрание красногвардейцев. Собрание было посвящено проверке боевой готовности отрядов. Рабочие-красногвардейцы твердо заявили: «Мы готовы выступить по первому призыву Военно-революционного комитета». Было условлено: привести в полный порядок оружие; каждой красногвардейской «сотне» определить свое место сбора и ждать сигнала, который может последовать в любую минуту.

На следующий день в железнодорожном депо цеховая большевистская организация созвала солдат Тарутинского полка, работавших на заводе по ремонту путей.

Перед ними был поставлен вопрос: близится бой, — пойдут ли они, опытные фронтовики, вместе с рабочими? Солдаты ответили: «Пойдем». И тут же, назвав себя боевой

красногвардейской дружиной, избрали начальника дружины и взводных командиров. Путиловский отряд пополнился еще одной боевой красногвардейской «сотней», численностью в двести шестьдесят пять человек.

Чтобы проверить настроения солдат воинских частей, расположенных в районе Нарвской заставы и в пригородах, районный комитет большевиков и районный Совет решили организовать разведку. Руководил разведкой член районного комитета Барановский, проводил ее Иван Газа.

В помощь Газа выделили отряд путиловских красногвардейцев. Газа распорядился: оставить винтовки в штабе и итти безоружными. Одну часть красногвардейцев направил в Стрельну, Петергоф и Ораниенбаум, с другой пошел сам в район Обводного канала и на Лермонтовский проспект, где были расквартированы два донских казачьих полка и 86-я Вологодская пешая дружина.

Шли последние приготовления к восстанию. По всему Петрограду в рабочих районах спешно вооружались рабочие, разрабатывались планы захвата важных участков, создавались боевые штабы. За Нарвской уже не слышно было разговоров о нехватке оружия. 18 октября дважды из разных мест — с Охты и из арсенала — прибыло несколько грузовиков с винтовками. Пулеметная дружина Нарвского комитета большевиков получила еще несколько пулеметов.

Решающая проверка подготовки к восстанию была проведена 22 октября. Этот день был провозглашен «Днем Петроградского Совета» — смотром пролетарских сил. По всем фабрикам и заводам, по всем воинским частям гарнизона происходили митинги. Путиловцы организовали большое собрание в своем театре. Тысячи рабочих столпились вокруг деревянного здания. Не имея возможности попасть внутрь помещения, они образовали многолюдный митинг на улице.

Театр был заполнен доотказа. Представители Петербургского комитета партии большевиков, Петроградского Совета, путиловского заводского комитета призывали рабочих выступить в последний и решительный бой против капитализма. На их речи откликались с бурной радостью:

— Наконец-то!

С мест неслись возгласы:

— Выступать!

— Сами возьмем власть!

— Хоть сейчас выступим!

На трибуне появился оратор. Он заговорил о Парижской коммуне, славил геройство коммунаров. Его слушали внима-

тельно, — о Парижской коммуне знали немногие. Но лишь только оратор — это был небезызвестный меньшевистский литератор Гарви — стал пророчить выступлению петроградских рабочих участь Парижской коммуны, возмущенные путиловцы с поднятыми кулаками бросились к трибуне. Меньшевик робко попятился назад. Только вмешательство председателя избавило его от суровой расправы.

Митинг принял решение: «Выступаем по первому зову Петроградского Совета».

23 октября более двух тысяч дружинников собралось в путиловском театре, чтобы выслушать доклады своих представителей о работе общегородской конференции Красной гвардии. Пришли с винтовками. В ответ на каждый призыв к выступлению, красногвардейцы вставали с мест. Лес винтовок высился в поднятых руках. Тысячи людей одновременно кричали:

— Выступаем, — пусть только дадут сигнал. Выступаем по первому сигналу большевистской партии!

Путиловский завод — завод-большевик — и вся Нарвская застава были готовы к решающей схватке с буржуазией.

В ДНИ ОКТЯБРЬСКОГО ШТУРМА

Рано утром 24 октября, после попытки Временного правительства закрыть большевистскую газету «Рабочий путь», Центральный комитет партии большевиков принял решение о переходе к активным действиям. Военно-революционный комитет тотчас же дал сигнал к выступлению. От штаба революции — Смольного — во все концы Петрограда помчались связисты, представители районов, разнося весть о начале вооруженного восстания. Приказ Военно-революционного комитета был краток: выслать в Смольный отборные отряды красногвардейцев и привести все вооруженные силы в полную боевую готовность.

Восстание началось.

Известие о переходе в наступление всколыхнуло рабочие районы. К сборным пунктам, волоча пулеметы, потянулись красногвардейцы. У деревянного здания путиловского театра — условного места сбора — собрались все двенадцать красногвардейских «сотен» завода и верфи. Командиры боевых дружин выделяли лучших красногвардейцев в формирующийся сводный отряд для отправки в Смольный. Тут же раздавали брезентовые патронташи с патронами, подсумки, поясные ремни, пулеметные ленты, штыки. Устаревшие одно-

зарядные берданки заменяли настоящими, новенькими русскими винтовками, только что привезенными из Охтенских складов.

Красногвардейцы выстраивались «сотня» за «сотней» и с песнями уходили к Совету — районному штабу восстания, в Смольный и в другие, заранее определенные места. Несколько отрядов отправилось в район Обводного канала, к казармам донских казачьих полков. Там, соединившись с красногвардейцами Московской заставы, они образовали густую цепь вооруженных пикетов, установили наблюдательные посты и связь со своими районными штабами. Связь была зрительной — через дозоры, разбросанные по всему пути с таким расчетом, чтобы один дозор видел другой.

На улицах, по стенам домов, были расклеены воззвания: «Контрреволюция подняла свою преступную голову...». Плакаты от имени Военно-революционного комитета извещали, что дело защиты революции находится в твердых руках. Контрреволюция, мобилизующая свои силы для разгрома петроградского пролетариата, встретит решительный отпор со стороны рабочих, возглавляемых Военно-революционным комитетом. Воззвание носило, казалось, оборонительный характер. На самом деле было иное: «Революция как бы маскировала свои наступательные действия оболочкой обороны для того, чтобы тем легче втянуть в свою орбиту нерешительные, колеблющиеся элементы». [1]

В Смольный вместе с путиловским отрядом ушла часть пулеметной дружины районного комитета большевиков. Они пришли туда в момент, когда со всех концов города к штабу революции сходились красногвардейские отряды, солдатские батальоны и команды моряков. Приходившие располагались во дворе. Командиры вместе со связными уходили внутрь здания. По гулким сводчатым коридорам Смольного сплошными потоками взад и вперед двигались вооруженные рабочие, солдаты и матросы. Без суеты и излишней торопливости тут же формировались патрули и отряды для выполнения различных боевых операций.

Пока путиловцы ждали распоряжений Военно-революционного комитета, из здания вынесли литературу и листовки. Принесли и первые, пахнущие краской номера газеты «Рабочий путь». Газету встретили радостными криками: «Появилась! Вышла все-таки!».

---

[1] *И. Сталин*, Об Октябрьской революции, 1932, стр. 64.

Всем уже было известно, что на заре этого дня Временное правительство прикрыло газету и опечатало типографию. Вокруг каждого экземпляра «Рабочего пути» собирались толпы. Газету читали вслух. Особенное внимание привлекала передовая статья «Что нам нужно?», написанная Сталиным.

Лозунги и требования сталинской статьи звучали мощным призывом к немедленному свержению власти капиталистов и помещиков:

«Настал момент, когда дальнейшее промедление грозит гибелью всему делу революции.

Нужно нынешнее правительство помещиков и капиталистов заменить новым правительством рабочих и крестьян...

Нужно нынешнее самозванное правительство, народом не избранное и перед народом не ответственное, заменить народом признанным правительством, избранным представителями рабочих, солдат и крестьян и ответственным перед этими представителями.

Нужно правительство Кишкина — Коновалова заменить правительством Советов Рабочих, Солдатских и Крестьянских Депутатов». [1]

Ежеминутно к Смольному прибывали все новые отряды. Путиловский сводный отряд был разбит на части и отправился в указанные ему места. Одна часть красногвардейцев вместе с рабочими других районов ушла захватывать мосты через Неву. Другая направилась к Марсову полю, чтобы действовать вместе с Павловским полком в первой цепи, окружавшей Зимний дворец. Третья получила задание патрулировать по определенным улицам, охраняя подступы к Смольному институту. Она же явилась звеном второй цепи окружения главных районов контрреволюции.

С полудня начался планомерный захват важнейших учреждений и решающих в стратегическом отношении пунктов города. План вооруженного восстания, разработанный Партийным центром во главе с товарищем Сталиным и утвержденный Лениным, был приведен в действие. План предусматривал внезапное окружение и захват важнейших пунктов столицы: телефонной станции и телеграфа, вокзалов и железнодорожных станций, правительственных учреждений, почтамта, Государственного банка, мостов, дворцов. Отдельным районам и полкам даны были особые задания. Нарвско-Петергофскому и Московскому районам совместно с Петроградским и Измайловским полками поручили укрепиться на

[1] *И. Сталин*, На путях к Октябрю, 1925, стр. 215.

подступах к Петрограду — защитить их от возможного подхода контрреволюционных войск со стороны Варшавской и Балтийской железнодорожных линий и Петергофского шоссе.

Для этой цели путиловцы тотчас создали новый сводный отряд. В районном Совете к нему присоединили красногвардейцев мелких заводов заставы. Отряд занял позиции, удобные для того, чтобы держать железнодорожные пути под ружейно-пулеметным и артиллерийским огнем. Часть отряда была снабжена инструментами и взрывчатыми веществами, для того чтобы в случае необходимости прервать движение на линии. На Путиловском заводе в полной боевой готовности стояло несколько автомобилей с орудиями.

В заводском комитете кипела лихорадочная деятельность: создавали группы рабочих для доставки оружия и снарядов, для добычи медикаментов и перевязочных средств, для устройства питательных пунктов; комплектовали орудийные расчеты (команды артиллеристов) для пушек, изготовленных заводом; формировали слесарно-ремонтные бригады, которые должны были сопровождать орудия и исправлять их на месте; рассылали связистов во все организации — в районный Совет, в Центральный совет фабзавкомов, в Павловский и Измайловский полки, в Смольный и в различные места города, где действовали путиловцы.

В мастерских, не прекращаясь ни на минуту, шли спешные работы. По распоряжению заводского комитета в цехах оборудовали бронеплощадки, производили ремонт автомашин, собирали орудия, готовили санитарные повозки, походные кухни, полевые ремонтные мастерские. Завод превратился в вооруженный лагерь, готовый каждую минуту сняться с места и двинуться туда, куда укажет боевой руководитель восстания — Военно-революционный комитет.

Центром боевых сил Нарвской заставы был районный Совет рабочих депутатов. Сюда стекались все сведения о ходе работ на заводах. Отсюда во все концы заставы разносился клич: «Мобилизуйте все силы, создавайте отряды, вооружайтесь!». Сюда приходили все приказы и распоряжения Военно-революционного комитета, и здесь они тотчас же находили своих исполнителей. Все наличные силы районного комитета большевиков находились либо здесь, либо рядом, в доме комендатуры Красной гвардии. Мотоциклисты, приданные районному Совету из Смольного, стремительно мчались то в город, то обратно, служа надежной и быстрой связью между Нарвской заставой и боевым центром восстания.

Председатель районного Совета Иван Егоров с членами районного комитета большевиков разрабатывали детальный план осуществления власти Совета на месте — за Нарвской заставой. Намечали пункты, подлежащие захвату в первую очередь. Подсчитывали боевые силы. Распределяли обязанности между членами Совета: кому чем заняться, когда пролетариат Петрограда возьмет власть в свои руки. Для связи со Смольным отправили несколько депутатов. В цеха Путиловского завода послали членов Совета проверить, как идет производство орудий.

В шесть часов вечера 24 октября в помещении районного комитета большевиков состоялось экстренное собрание представителей цеховых партийных коллективов и активных работников организации. Докладчик, представитель Петербургского комитета, предупредил собравшихся, что это собрание — последнее, на котором следует говорить о задачах партийных организаций в восстании. В дальнейшем нужно *действовать* и только *действовать* — осуществлять практический план восстания.

Собрание постановило немедленно разойтись по местам — на заводы, в цеха и в рабочие организации. Было установлено, что ни одна боевая операция не должна пройти мимо внимания большевиков. Каждый большевик, в красногвардейском ли отряде, в цеху ли или единолично выполняющий поручение, обязан доводить до сведения боевого центра района о ходе работ и боевых действий на его участке.

Правление районного отделения союза металлистов, собравшееся после партийного совещания, решило: временно работу в союзе прекратить; всем членам правления включиться в работу боевых организаций; технический аппарат отправить в Смольный вместе с пишущими машинками, в которых ощущается сильная нужда.

Вечером за Нарвскую заставу начали приходить первые вести об успехах восстания. В пять часов вечера был захвачен телеграф. Один за другим наведены мосты, разведенные еще с утра юнкерами. Самокатчики, охранявшие Зимний дворец, оставили его, отказавшись защищать Временное правительство. Во всех рабочих районах по улицам расставлены красногвардейские патрули. Рабочие заводов Коломенского района заняли линию улиц от Фонтанки до Крюкова канала.

Чем ближе к ночи, тем напряженней становилась обстановка. Председатель Совета Иван Егоров оставил депутата от башенной мастерской Ивана Газа при себе. «Будешь у

меня адъютантом для особых поручений, — сказал он Газа. — К утру, очевидно, закончатся главные операции. Горячая предстоит ночка».

Иван Газа не уходил из помещения Совета. Он сидел у телефонного аппарата — принимал распоряжения из Смольного. Осуществляя приказы из центра, он писал записки на реквизицию фуража, бензина, продовольствия, лошадей. Снаряжал красногвардейские отряды для взятия в гараже «Транспорт» всех автомашин для обследования района дачи графа Шереметева, где разместилась какая-то подозрительная казачья часть.

Поздно вечером сообщили, что Военно-революционный комитет вызывает ответственного представителя района в Смольный. Уехал Иван Егоров. Вернулся он поздней ночью. Собрал всех работников Совета и комитета большевиков. Рассказал о новых успехах восстания: войсками Военно-революционного комитета взят почтамт, захвачены вокзалы, мосты. Окружается главный район контрреволюции — Зимний дворец и штаб Петроградского военного округа.

Но самой волнующей вестью было сообщение Егорова о беседе его с Лениным. Ленин вызвал к себе представителей районов. Подробно расспрашивал, что делается на местах для обеспечения победы восстания, мобилизованы ли все силы, какова самодеятельность и активность масс. Егоров доложил Ленину о мерах, проведенных и намсченных районным Советом.

— Важно создать подавляющий перевес сил на каждом участке сражения. Вот чего требует Ильич, — рассказывал Егоров. — Ленин учит нас проявлять больше инициативы и самодеятельности. Посылать побольше отрядов для боевых действий в центре, но вместе с тем не забывать, что следует захватить абсолютно все мало-мальски важные пункты в районе — почтовые отделения, станцию Пушино, комиссариаты милиции. Путиловскому заводу самым энергичным образом надо готовить орудия.

В соответствии с указаниями Ленина, тотчас же был дополнен план действий, разработанный районным Советом. Созданы отряды для захвата всех учреждений в районе. Заводскому комитету Путиловского завода сообщили, что главной его задачей является выпуск орудий, — впредь формирование новых красногвардейских отрядов следует производить только в тех мастерских, которые не имеют отношения к пушечному производству.

К утру 25 октября все важнейшие пункты столицы были

захвачены красногвардейцами, революционными солдатами и матросами. Вокзалы и железнодорожные станции, телеграф, телефон, Государственный банк, почтамт, правительственные учреждения, электрические станции и заводы, арсенал, переправы и оружейные склады, все подступы к Петрограду — все это находилось в руках восставшего народа.

Единственными еще не захваченными пунктами оставались: Зимний дворец, здание Главного штаба и Мариинский дворец, в котором заседал так называемый Предпарламент — учреждение, созданное эсерами и меньшевиками, при помощи которого они безуспешно пытались приостановить революцию.

Вести о победном шествии восстания приходили на Путиловский завод непрерывно. Они возбуждали небывалый прилив рабочей энергии: десятки пушек выстроились в ряд, готовые к отправке; в вагонных мастерских из платформ «Фокс-Арбеля» выглядывали дула зенитных орудий. Рабочим удалось, наконец, решить главное — установить пушки. Именно в этом состояла серьезнейшая трудность: самим рабочим надо было впервые, без технической помощи, определить и рассчитать, какова будет отдача при стрельбе, какой толщины следует сделать защитную броню из шпал и мешков с песком, где следует установить пушки, выдержат ли вагонные скаты стрельбу из орудий. До всего этого надо было доходить своим умом и смекалкой.

Уже вырисовывались контуры будущего путиловского блиндированного поезда. Вокруг него сутками, не выходя из цеха, сновали рабочие, стараясь скорее закончить бронеплощадки. Было ясно, что контрреволюция, разбитая в Петрограде, не успокоится. Она попытается привести войска с фронта, чтобы разгромить революцию. Уже ползли слухи, распространяемые врагами народа, что вызванные Керенским казачьи дивизии идут на Петроград.

Путиловские красногвардейские отряды через связных, или, как их называли, «рассыльных», сообщали своим товарищам по заводу о ходе боевых операций, просили присылать табак, продовольствие. Известия приходили отовсюду: с Варшавского вокзала, захваченного путиловцами совместно с красногвардейцами Московского района; из дома градоначальника, где дежурили рабочие Путиловского завода, еще с ночи выбившие оттуда контрреволюционную городскую милицию; из военной гостиницы «Астория», за обладание которой происходил сильный бой между рабочими Коломенского района, путиловцами, эриксоновцами и офице-

рами, засевшими там; с телефонной станции, где вместе с солдатами Кексгольмского полка находилась красногвардейская «сотня» Путиловской верфи; из Павловских казарм; из типографии «Биржевых ведомостей»; с площади у Мариинского дворца; из застав, расположенных вдоль железных дорог; из многих участков красногвардейских цепей, окружавших район Зимнего дворца.

В десять часов утра Военно-революционный комитет опубликовал обращение «К гражданам России!», написанное Лениным:

«Временное правительство низложено. Государственная власть перешла в руки органа Петроградского Совета рабочих и солдатских депутатов — Военно-революционного комитета, стоящего во главе петроградского пролетариата и гарнизона.

Дело, за которое боролся народ: немедленное предложение демократического мира, отмена помещичьей собственности на землю, рабочий контроль над производством, создание советского правительства, это дело обеспечено.

Да здравствует революция солдат, рабочих и крестьян!». [1]

Получив это обращение, путиловцы собрались на короткий митинг. Они подтвердили свою готовность к боям, одобрили действия Военно-революционного комитета и приветствовали созыв II съезда Советов.

В тот момент, когда рабочие расходились с митинга, из ворот автомобильной мастерской выехали одиннадцать автомашин с установленными на них зенитными орудиями. Новенькие, собранные на заводе пятитонные грузовые автомобили и сработанные своими руками зенитные пушки произвели необычайный эффект, еще выше подняли боевое настроение путиловцев. Одна за другой под беспрерывные крики «ура» медленно проезжали машины сквозь толпу рабочих.

Автомобильная батарея ушла в распоряжение Военно-революционного комитета; ее направили в район Гатчины — Красного Села для защиты подступов к столице от внезапного налета контрреволюционных войск.

Днем путиловцы-депутаты поехали в Смольный на торжественное заседание Петроградского Совета. Проезжая по главным улицам, путиловцы с любопытством смотрели вокруг. Кое-где торопливо шли красногвардейские отряды. Изредка с тяжелым грохотом проносились стальные коробки-броневики, грозно выставив дула своих пулеметов. Бешеным

[1] *Ленин*, Сочинения, т. XXII, стр. 3.

ходом мчались мотоциклисты — связисты Военно-революционного комитета. В остальном все оставалось прежним, обычным. Все магазины от Садовой до Николаевского вокзала были открыты. На перекрестках, как и прежде, среди обывателей происходили ожесточенные споры. Сейчас эти споры были посвящены лишь одному вопросу: как долго большевики удержатся у власти.

На улицах, примыкающих к Смольному, картина была иная. От штаба революции и по направлению к нему шли красногвардейские отряды и воинские команды. Мчались мотоциклы и автомобили. Спешили одиночки и группы вооруженных людей.

А у самого Смольного перед путиловцами предстало необычайное зрелище. Броневики, пушки, пулеметы стояли вперемешку с солдатскими, матросскими и красногвардейскими частями. Легковые автомобили с санитарами готовились к отъезду. Приезжали грузовики с оружием, литературой и продовольствием. Дымили походные кухни. Тут же на ограде и на земле обедали рабочие и солдаты, делясь последним куском хлеба. Ежеминутно раздавались команды; часть, получившая наряд, строилась и уходила. Из ворот Смольного выезжали грузовики авторемонтной роты, увозя в разные концы города отряды красногвардейцев.

В зале заседаний Петроградского Совета было шумно и многолюдно. Царили боевое настроение, необычайный подъем. Внезапно гул особенно усилился. Со всех сторон понеслись приветственные крики:

«Да здравствует вождь пролетариата!»

«Да здравствует Ленин!»

Громовое «ура» потрясало стены большого зала.

Ленин стоял на трибуне. Тысячи глаз с любовью смотрели на Ильича. Наконец, когда буря восторгов и приветствий чуть стихла, Ленин начал свою историческую речь о совершившейся революции и задачах новой власти — власти Советов:

«Отныне наступает новая полоса в истории России, и данная третья русская революция должна в своем конечном итоге привести к победе социализма...

В России мы сейчас должны заняться постройкой пролетарского социалистического государства». [1]

Путиловские депутаты, торопясь, возвращались за Нарвскую заставу. Им хотелось скорее и наиболее ясно и четко

[1] *Ленин*, Сочинения, т. XXII, стр. 4—5.

передать мысли Ильича своим товарищам. На ходу вырабатывали первое обязательное постановление районного Совета. И как только депутаты вернулись за Нарвскую, это постановление было широко распространено по всей заставе: единственной властью в районе является Совет рабочих депутатов; исполнению подлежат только распоряжения Совета.

Вечером районный Совет «для лучшего осуществления власти на деле» образовал отделы — военно-административный, продовольственный и отдел передвижения (транспортный). Эти отделы впоследствии стали комиссариатами. Наряду с ними были созданы другие комиссариаты, охватившие все области хозяйственной и общественной жизни района.

Пока за заставами формировались первые ячейки Советской власти, а в цехах заводов кипела работа, вокруг островков недобитой власти буржуазного Временного правительства сжималось кольцо осады. Красногвардейцы, матросы судна «Полярная звезда», солдаты-кексгольмцы и солдаты броневых частей захватили Мариинский дворец и разогнали ублюдочный Предпарламент.

Ленин потребовал от Военно-революционного комитета, чтобы поскорее было ликвидировано последнее убежище Временного правительства — Зимний дворец. Члены Военно-революционного комитета разъехались по заводам собирать новые красногвардейские отряды, чтобы огромным перевесом сил сломить сопротивление юнкеров, хорошо защищенных баррикадами и каменными стенами дворца.

Представители Военно-революционного комитета прибыли на Путиловский завод. В заводском комитете они собрали командиров вновь сформированных рабочих отрядов. Командиру одной из «сотен» Е. Суркову было приказано немедленно отправиться на Морскую улицу, под арку Главного штаба. Путиловцам придется быть впереди солдатских цепей. Нужно взять поэтому наиболее крепких и выдержанных людей, лозунгом которых будет — «только вперед». К Зимнему вызвалась пойти вся «сотня» Суркова. На осаду Зимнего дворца отправили несколько отборных отрядов. Путиловцы, ушедшие в течение предыдущих двух дней в Смольный и на другие участки боев, также в конце концов очутились в цепи окружения последней крепости Временного правительства.

Еще в ночь на 25 октября вокруг района Зимнего дворца образовалось полукольцо, упиравшееся концами в Неву. С восточной стороны, у Мариинской площади, стояли красно-

гвардейцы 2-го городского (Коломенского) района; с западной стороны, на Марсовом поле, были исходные позиции солдат Павловского полка. В центре находились многочисленные пикеты Красной гвардии и отряды заводов Выборгской стороны, Невской заставы и других районов.

Вторая цепь окружения располагалась неподалеку от Смольного института. Это были дозоры, охранявшие подступы к штабу революции. По мере захвата важнейших пунктов войсками Военно-революционного комитета, эти отряды приближались к первой цепи. К утру 25 октября обе цепи настолько сблизились, что местами образовывали одну, а к полудню слились окончательно. Однако замкнутой цепи окружения еще не было. Лишь с трех часов дня, когда прибыли новые отряды Красной гвардии, свободные промежутки начали заполняться. Была занята Казанская площадь. Павловский полк выдвинул заставы по Конюшенной улице, вплоть до Невского проспекта. Кексгольмский полк занял улицы, примыкавшие к Александровскому саду. Отряды рабочих и матросы прибывшего из Кронштадта десанта расположились в Александровском саду и заняли позиции по набережной вдоль адмиралтейства.

К вечеру сомкнулись все звенья красногвардейской цепи. На Неве, замыкая цепь и направив дула своих дальнобойных орудий на последнюю твердыню власти капиталистов, стоял крейсер «Аврора». Зимний дворец был полностью окружен. Началась осада. Кольцо осаждающих постепенно сжималось. Передовые части красногвардейцев и революционных войск подошли непосредственно к Дворцовой площади. Начались боевые действия.

В числе петроградских рабочих, солдат и матросов, окружавших Зимний дворец, находились в разных местах отряды путиловских красногвардейцев. Со стороны Александровского сада, рядом с рабочими Коломенского, Василеостровского и Нарвского районов, вместе с кексгольмцами, броневым дивизионом и моряками-кронштадтцами выступали рабочие Путиловского завода и пулеметная дружина Нарвского районного комитета большевиков. Вдоль Адмиралтейской набережной, в рядах матросов, против Зимнего дворца действовал сводный отряд Петергофского района, состоявший главным образом из путиловцев. На правом участке, со стороны Миллионной улицы и Дворцовой набережной, вместе с павловцами, солдатами Литовского полка, матросами Ревельского ударного батальона и рабочими Петроградской стороны наступал красногвардейский отряд путиловцев

во главе с шрапнельщиком Григорием Самодедом. От Певческого моста и из-под арки Главного штаба среди отрядов Выборгской стороны, Рождественского, Городского и Московского районов юнкеров осаждала и путиловская красногвардейская «сотня» под командой Е. Суркова. С Полицейского моста через Мойку, против Зимнего дворца, выставили свои грозные дула трехдюймовые пушки и зенитные орудия, установленные путиловцами на автомобили.

Долго тянулась осада. Перестрелка вначале велась вяло с обеих сторон. Но с часу на час она становилась жарче. С наступлением темноты в ход пошли пулеметы.

Красногвардейцы подвигались вперед небольшими перебежками. Путиловцы, находившиеся под аркой Главного штаба, были в самой передовой цепи наступающих. При перебежках они подымались первыми и, пробежав пять-восемь шагов, валились на камни, ожидая, пока подтянутся остальные цепи. Затем снова поднимались, бежали и снова падали на мокрую, холодную мостовую. Отряд Григория Самодеда вместе с павловцами, пробираясь вдоль стен Эрмитажа, обстреливал юнкеров с флангов. Матросы вырывались вперед и гранатами забрасывали баррикады юнкеров. Путиловцы вздумали пустить в ход артиллерию, стоявшую под аркой Главного штаба. Но этого им не разрешили. Была надежда, что юнкера и женский батальон, защищающие дворец, сдадутся.

Временное правительство не сдавалось. Надеясь на Керенского, бежавшего из Петрограда, оно ожидало прихода войск. На ультиматум Военно-революционного комитета о сдаче министры последнего правительства буржуазии ответили отказом.

Военно-революционный комитет отдал по красногвардейским цепям приказ: готовиться к штурму. В девять часов вечера из орудий крепости был дан холостой выстрел. Вслед за ним грянули орудия «Авроры». Под прикрытием пулеметов цепи осаждающих бросились на штурм. Но юнкера и женский батальон ответили сильным огнем. Наступающие откатились назад. Началась сильная перестрелка. Красногвардейцы, строго следуя переданному по цепи приказу, накапливали силы для решающего удара.

В десять часов вечера женский батальон выбросил белый флаг о сдаче. Вслед затем членом Военно-революционного комитета большевиком Чудновским, пришедшим в Зимний в качестве парламентера, были уведены из дворца юнкера школы Северного фронта. Защитники Временного правительства, напуганные и дезорганизованные решительным на-

жимом осаждающих, покидали дворец. Ряды контрреволюционных войск в Зимнем редели.

В одиннадцать часов прекратившаяся было перестрелка возобновилась с новой силой. Отряд путиловца Суркова скопился у подножья Александровской колонны. Путиловские пулеметчики, установив пулемет на ограде Александровского сада, обстреливали дворец фланговым огнем. С Петропавловской крепости и из-под арки Главного штаба загремела артиллерия. До часу ночи длилась ружейно-пулеметная перестрелка, изредка прерываемая орудийными выстрелами.

Во втором часу, наконец, по цепям осаждающих передали приказ: прекратить стрельбу, ждать сигнала к штурму.

Площадь приумолкла. В тишине раздался резкий винтовочный выстрел-сигнал. Одновременно с криками «ура» двинулись со всех сторон красногвардейские отряды, солдаты и матросы. Лавина штурмующих обрушилась на дворец. Сломали ворота, ринулись во двор, затем в здание. Сотни красногвардейцев рассыпались по этажам и по комнатам дворца. Небольшая группа путиловцев преследовала юнкеров внутри. Гнались за ними с первого на второй этаж, со второго — на третий, затем — на чердак и даже на крышу, куда забирались некоторые перепуганные юнкера. Григорий Самодед со своим отрядом занял все ходы и выходы, ведшие на площадь и в сторону Эрмитажа.

После ареста министров Временного правительства и полного очищения дворца от контрреволюционных юнкеров красногвардейцы начали возвращаться в свои районы и в Смольный. Часть путиловцев, вошедших в состав сводного отряда, осталась на охране дворца.

Зимний дворец — многолетний оплот царизма и последняя твердыня буржуазного правительства — был в руках рабочих и крестьян.

В это время в Смольном заседал II Всероссийский съезд Советов. Военно-революционный комитет передал власть II съезду — верховному органу народов России. Известие о взятии Зимнего дворца и аресте министров Временного правительства съезд встретил восторженной овацией.

II съезд Советов принял написанное Лениным воззвание «Рабочим, солдатам и крестьянам!». Это воззвание открывало новую эпоху в истории народов России и всего мира:

«. . .Опираясь на волю громадного большинства рабочих, солдат и крестьян, опираясь на совершившееся в Петро-

граде победоносное восстание рабочих и гарнизона, Съезд берет власть в свои руки...

Съезд постановляет: вся власть на местах переходит к Советам рабочих, солдатских и крестьянских депутатов, которые и должны обеспечить подлинный революционный порядок».[1]

Пролетарская социалистическая революция, подготовленная, организованная и осуществленная под руководством партии большевиков, победила.

ПЕРВЫЙ ФРОНТ

Спустя день после победы социалистической революции в столице, Керенский, бежавший из Петрограда, двинул против молодой Советской власти 3-й казачий корпус генерала Краснова. Никаких других сил, кроме этого единственного корпуса казаков, у бывшего главковерха не было. Рухнули его надежды снять с фронта войска и сильным ударом разгромить революцию. Воинских частей, поддерживающих контрреволюцию, на фронтах не находилось.

Однако конный корпус, двигавшийся на Петроград, представлял серьезнейшую опасность для революции. Утром 27 октября эшелоны Краснова подошли к Гатчине и заняли ее, намереваясь затем захватить Царское Село и ударить по революционному Петрограду.

По призыву Петроградского Военно-революционного комитета навстречу мятежникам выступила петроградская Красная гвардия. На Путиловском заводе загудели тревожные гудки. Снова, как три дня назад, со всех концов Нарвской заставы собирались красногвардейцы к путиловскому театру. Завод превратился в вооруженный лагерь. Одна за другой ушли все красногвардейские «сотни», чтобы в составе сводных отрядов немедленно выехать на линию Гатчина — Красное Село, по которой, как предполагалось, мятежники пойдут на Петроград. Несколько путиловских «сотен» ушло походным порядком к Пулковским высотам, где сосредоточились войска Военно-революционного комитета.

Петроградский Совет выпустил приказ всем районным Советам и фабрично-заводским комитетам. Приказ требовал от районных Советов и фабрично-заводских комитетов организовать рытье окопов, устраивать баррикады и колючие заграждения, не останавливаясь, в случае нужды, и пе-

[1] *Ленин*, Сочинения, т. XXII, стр. 11.

ред прекращением работ на предприятиях. Приказ требовал соблюдать строжайшую дисциплину и быть готовыми всеми средствами поддержать революционную армию и Красную гвардию.

Путиловский заводский комитет вместе с районным Советом установил единый план действий. Был создан революционный комитет и штаб, в руках которых сосредоточилась вся боевая работа в районе и на заводах. Революционный комитет усилил охрану всех важнейших пунктов заставы. Выделил энергичных депутатов Совета для наблюдения за выпуском орудий в военных мастерских завода. На Путиловском заводе образовали специальную комиссию, которая формировала новые красногвардейские отряды, тотчас же уходившие на участки «петроградской оборонительной линии».

В комитеты пулеметных частей, расположенных в Лигове, Сергиеве и Стрельне, отправились представители заводского комитета, чтобы узнать — удержат ли пулеметчики эти железнодорожные станции в случае продвижения казаков. Если есть хоть малейшее сомнение — с Путиловского завода придут отряды Красной гвардии и будут присланы орудия. Пулеметчики ответили, что все их пулеметы в исправности, патронов достаточно. Но от пушек не отказались. В тот же вечер туда были привезены орудия — по два на каждую станцию.

Между тем банды красновцев, закрепившись в Гатчине, атаковали и захватили Царское Село. 28 октября на участке Гатчина — Царское Село произошли крупные столкновения рабочих отрядов с казаками.

В Петрограде буржуазия вкупе с эсерами и меньшевиками распускала панические слухи, пытаясь дезорганизовать рабочие массы: «У Краснова первоклассные рубаки — донцы и кубанцы, забайкальские, енисейские, уссурийские казаки. Не устоять Советам против казачьих полков. Через сутки Краснов будет в Петрограде».

Но эти слухи вызвали только обратное действие: путиловцы сотнями вступали в боевые отряды, еще энергичнее вели работу по выпуску пушек.

Женщины-работницы и домохозяйки — жены рабочих — создавали санитарные отряды и питательные пункты для красногвардейцев и проходящих мимо Нарвской заставы революционных войск. Петергофское шоссе было одной из главных магистралей, по которым двигались петроградские рабочие отряды, воинские части, обозы, артиллерия и бро-

невики, отправлявшиеся под Пулково и Гатчину. Здесь, на шоссе у Нарвских ворот или у Путиловского завода, обычно устраивали передышку, привал. Семь питательных пунктов, в которых хозяйничали женщины, снабжали рабочих и солдат хлебом, горячей кашей, селедкой. За пять дней, с 28 октября по 2 ноября, было роздано свыше трех тысяч пудов хлеба, сто пудов крупы и десять бочек сельдей.

28 октября, осуществляя приказ Военно-революционного комитета, путиловский заводский комитет объявил мобилизацию рабочих на окопные работы. В цеха бросили агитаторов. Были проведены митинги под лозунгом «Все на защиту революции!». Цеховые комитеты предупреждали: необходимо дать наибольшее количество людей, но при этом обязательно «принять во внимание, чтобы производство, имеющее военное значение, не приостанавливалось». Главной своей задачей заводский комитет считал снабжение революционных войск артиллерией.

Враги революции — эсеры и меньшевики — попытались сорвать мобилизацию путиловцев на окопные работы. Меньшевик Деулин на митинге в пушечной мастерской выступил с заявлением, что «созданная власть не выражает интересов всей демократии». Он клонил к тому, что такую власть защищать не следует и итти рыть окопы не надо. Открыто заявить об этом он боялся. Но рабочие уже хорошо понимали смысл подобных речей. Рядовые беспартийные рабочие, отвечая меньшевику Деулину, говорили, что Советская власть — народная власть. Выступая против власти народа, меньшевики и прочие соглашатели, запятнавшие себя рабочей кровью, снова показывают, что они на стороне свергнутой буржуазной власти.

Рабочие приняли резолюцию: всем, без кого пушечное производство не остановится, немедленно отправиться на рытье окопов.

Около двух тысяч путиловцев, забрав лопаты, кирки и жерди для кольев, отправились в район оборонительной линии. Шли пешком за много верст под пронизывающим осенним дождем. Приходя мокрыми до нитки, немедленно приступали к рытью окопов и к постройке проволочных заграждений.

Первые вести, пришедшие с фронта, говорили о том, что Красная гвардия и революционные части армии без помощи артиллерии не могут задержать казаков. Прикрываясь артиллерийским огнем, казаки, хотя и с меньшим успехом, но продолжают продвигаться. Артиллерии красновцев надо было

противопоставить артиллерию революции. Военно-революционный комитет затребовал из Гельсингфорса орудия.

28 октября Ленин, непосредственно руководивший разгромом антисоветского мятежа, вызвал к себе путиловцев:

— У нас нехватает пушек, а вы делаете пушки. Добейтесь, чтобы пушки на чем угодно, но были отправлены на позиции. Если нет коней — берите их у извозчиков. Где нельзя проехать — берите канаты и тащите пушки на канатах.

Путиловцы заверили Ильича, что к утру следующего дня можно будет вывезти из завода несколько батарей. Эти батареи будут обязательно доставлены на фронт.

В Военно-революционном комитете путиловцам дали дополнительное задание — обеспечить артиллерию фуражом, связью и продовольствием. Так появился приказ Совета Народных Комиссаров и Петроградского Военно-революционного комитета о пушках: к утру 29 октября Путиловскому заводу и Петергофскому районному Совету рабочих депутатов достать и доставить в указанные Военно-революционным комитетом пункты: легких и тяжелых орудий с боевой прислугой и снарядами в возможно большем количестве, телефоны с проводами на 50—100 верст, разного фуража 5—10 тысяч пудов, продовольствия, колючей проволоки, двести пятьдесят кавалерийских оседланных лошадей.

Приказ вручили председателю Совета Ивану Егорову. Егоров тотчас же собрал всех членов Совета. Прочитал приказ. На мгновенье в комнате заседаний стало тихо: все задумались о том, где достать фураж, телефоны, проволоку, лошадей. О пушках не беспокоились — Путиловский завод даст их к сроку.

Все зашумели, заговорили разом, высказывая свои предположения. Иван Егоров остановил членов Совета, — обсуждать не следует, надо действовать. Он сказал:

— Выполнить приказ нужно завтра к шести утра. Часов двенадцать, следовательно, у нас есть. Сделаем так: каждому депутату будет своя задача — доставить сюда то, что ему будет поручено.

Членам Совета выдали мандаты на право реквизиции. Распределили задания. В помощь членам Совета придали небольшие отряды красногвардейцев на случай, если придется применять силу. В заключение председатель сказал:

— Помните, приказ Ленина нужно выполнить во что бы то ни стало и в срок.

Литейщик Максим Анисимов, которому поручили достать

лошадей, стоял немного растерянный. Он получил ордер: «Предъявитель сего по приказу Народных Комиссаров имеет право пользоваться и реквизировать верховых лошадей, что подписью и приложением печати удостоверяется». Но где достать коней, — Анисимов не знал и смущенно разводил руками. После долгого раздумья подошел к коменданту боевых дружин и спросил:

— Где коней достать? Десяток — это еще туда сюда — добудем. А то, шутка сказать, двести пятьдесят! Да еще верховых, с седлами!

Комендант молча и укоризненно посмотрел на Анисимова.

— Коней, скажем, реквизирую, как-нибудь найду, — сдавался Анисимов, — а седла где?..

— Район тебе не заказан, не найдешь за Нарвской, в город поедешь. Захочешь — так найдешь.

Депутаты Совета разошлись выполнять приказ. На Путиловском заводе все внимание заводского комитета было сосредоточено на пушечной. Единственное, в чем ощущалась нужда, — это транспорт для переброски орудий на позиции. Об этом сообщили в Совет Народных Комиссаров. Управление делами Совнаркома, по указанию Ленина, через профессиональный союз транспортных рабочих направило на Путиловский завод реквизированных ломовых лошадей и повозки для снарядов.

Всю ночь путиловцы депутаты Совета метались по району и городу, выполняя приказ. Колючую проволоку нашли на одном из складов за Московской заставой. Проволоку выдали без задержек. С помощью Совета Московского района по всей заставе были собраны ломовики, и к утру проволока была доставлена к Нарвским воротам.

Фураж реквизировали у местных извозопромышленников. Балтийская и Новосивковская улицы были густо заселены извозчиками. Из складов и амбаров грузили овес и сено на подводы, взятые тут же с постоялых дворов. Продовольствие отпустила районная продовольственная управа, во главе которой стояли большевики. Телефонные аппараты и провода, с помощью Выборгского районного совета, раздобыли на телефонном заводе «Эриксон».

Самым трудным делом было достать верховых коней. Путиловцы направились по верному адресу — в Николаевское кавалерийское училище.

Рано утром 29 октября в сторону Гатчины, провожаемые криками «ура», потянулись путиловская артиллерия и не-

обычайный обоз. Приказ Совета Народных Комиссаров был выполнен полностью и в срок.

В эту же ночь, с 28 на 29 октября, члены Военно-революционного комитета докладывали Ленину о положении дел на фронте. Следовало бы, говорили они, закрепить Колпино и прикрыть связь с Москвой. Этому мог бы содействовать бронепоезд — точнее бронеплощадка с зенитными орудиями, обещанная путиловцами.

Ленин потребовал, чтобы путиловцев поторопили. Спросил, уверены ли члены Военно-революционного комитета, что путиловцы выполнят свое обещание.

— Они делают, что могут, но не мешало бы подтолкнуть.

Ленин выразил желание лично поехать на завод, чтобы проверить, как идет работа над бронепоездом.

В открытом автомобиле ночью поехали на Путиловский завод. Погода была сырая, мокрый ветер пронизывал до костей. У Нарвских ворот автомобиль проехал мимо рабочих патрулей, гревшихся у костров, мимо революционного штаба Нарвской заставы, где и ночью кипела работа.

Когда Ильич появился в дверях путиловского заводского комитета, находившиеся там рабочие не узнали его сразу. Потом взволновались: почему Ленин приехал на завод так поздно, — не случилось ли чего-нибудь необычайного? Но Ильич с первой же приветственной фразы рассеял появившиеся было опасения. Сразу же начал разговор о положении на заводе, о бронеплощадках, о пушках. Путиловцы рассказали Ленину о задержке с площадками и твердо заявили, что к утру следующего дня бронепоезд будет в бою против мятежных генералов. Рабочие поняли острую нужду в бронепоезде, — ведь недаром приехал по этому поводу Ленин, — и горячо доказывали, что осталось дооборудовать сущие пустяки.

Ленин, улыбаясь, поглядывал на рабочих. Было видно, что он верит им, в то же время его взгляд говорил: «Слова проверяются делами. Посмотрим, товарищи-путиловцы, как вы выполните свое обещание». Ленин стал расспрашивать, каково настроение рабочих, сколько их ушло на фронт, как они дерутся против контрреволюции.

В это время принесли печеную картошку и кипяток. Путиловцы предложили Ильичу разделить с ними скромную трапезу. Ленин присел и, продолжая беседу, съел несколько картофелин и выпил кружку горячей воды. Уезжая, Владимир Ильич сказал путиловцам, что надеется на них и напоминает об обещанных ими орудиях.

Слово, данное Ленину, путиловцы сдержали. Утром 29 октября, лишь только ушли последняя повозка собранного рабочими обоза и артиллерия, члены заводского комитета пошли отправлять первый путиловский бронепоезд. Они взбирались на площадки, откидывали железные борты и перекрытия, мерили толщину «брони» — шпал и мешков с песком, пробовали крепость всей установки.

Бронепоезд был признан вполне пригодным, сделанным добротно, на совесть, хоть и выглядел немного неказисто. Бронепоезд состоял из двух бронеплощадок, изготовленных из полуоткрытых американских платформ типа «Фокс-Арбель», двух открытых железнодорожных площадок, приспособленных под снаряды, нескольких товарных вагонов и обыкновенного небронированного паровоза. Команда бронепоезда — сорок человек — почти целиком состояла из рабочих железнодорожного цеха, в том числе и из работавших там солдат Тарутинского полка.

Узнав о предстоящей отправке бронепоезда, вокруг него собрались рабочие всех цехов. Больше всего было вагонщиков, руками которых эти угольные платформы были превращены в боевые артиллерийские площадки. Представители заводского комитета сочли необходимым сказать несколько слов уезжающей команде. Коротко информировали о положении на фронте. Рассказали о ночном посещении Ленина, специально приезжавшего, чтобы подтолкнуть отправку бронепоезда. Призывали команду быть в первых рядах бойцов за Советскую власть и метким огнем бить врага. Объявили пролетарскую благодарность рабочим, сумевшим в предельно короткий срок выполнить боевое задание революции.

Поезд двинулся. Под крики «ура», медленно набирая ход, он направлялся к станции Пущино. Рабочие бежали вслед за ним и долго махали шапками, провожая свой первый бронированный поезд, уходивший на передовые позиции борьбы против остатков контрреволюционной власти буржуазии.

Одновременно с наступлением корпуса генерала Краснова контрреволюция готовила удар по революционному Петрограду с тыла. Верные псы буржуазии — эсеры и меньшевики — образовали «Комитет спасения родины и революции», вооружили юнкеров и утром 29 октября подняли контрреволюционный мятеж. Восстали Владимирское и Павловское пехотные, Николаевское инженерное, Михайловское артиллерийское училища и Пажеский корпус. Юнкера захватили

в Михайловском манеже броневики и с их помощью овладели центральной телефонной станцией; захватили военную гостиницу «Астория» и Царскосельский вокзал, который считали важным пунктом, полагая, что именно по Царскосельской ветке придут красновские казачьи эшелоны.

Все главные силы Красной гвардии к моменту юнкерского восстания были на фронте. Однако Военно-революционный комитет, еще ночью узнавший о предстоящем выступлении юнкеров, сумел предупредить контрреволюционных мятежников и сорганизовать стремительный и сокрушающий отпор.

Тревожные гудки обрывали ночные работы. В утренней полумгле, отзываясь на призыв, к сборным пунктам собирались рабочие, тотчас же, разбирая винтовки, строились, и к утру новые тысячи красногвардейцев стояли под ружьем.

Более чем полуторатысячная колонна выстроилась перед театром. Член революционного комитета, улыбаясь, посмотрел на колонну и, определив на-глаз пятьсот человек, отделил их, предложив остальным разойтись по цехам:

— Больше пока не надо. Остальные могут вернуться на работу.

Но тут произошла неожиданная передвижка. Из задних рядов колонны рабочие начали перебегать в передние. Вместо пятисот человек собралось семьсот-восемьсот. Представитель революционного комитета не стал задерживаться и тотчас же отправил всех их в районный Совет. Оттуда одна часть вооруженных рабочих вместе с резервной четвертой «сотней» и отрядом санитарок двинулась к Владимирскому и Павловскому юнкерским училищам на Петроградскую сторону. Другая — к Инженерному замку, третья — к Пажескому корпусу, на Садовую улицу.

Училища уже были окружены красногвардейцами ближайших заводов. Военно-революционный комитет прежде всего позаботился о том, чтобы отрезать мятежные центры юнкеров один от другого. Михайловское артиллерийское училище оцепили выборжцы и шлиссельбуржцы. Инженерное училище было отрезано заставами красногвардейцев и солдат Павловского полка. Владимирское и Павловское училища окружили рабочие Петроградской стороны, солдаты Гренадерского полка и Огнеметно-химического батальона.

Контрреволюционный мятеж, организованный эсерами и меньшевиками в Петрограде, с первого же шага потерпел неудачу. Окруженные со всех сторон, юнкерские училища

вынуждены были вместо нападения, как они замышляли, перейти к обороне и забаррикадироваться. Красногвардейцы повели осаду этих контрреволюционных гнезд.

Уже к двенадцати часам дня сдалось Михайловское училище. После двух часов — Павловское. Дольше всех отбивались юнкера Владимирского и Николаевского училищ. Несколько раз бросались красногвардейцы в атаку на Владимирское училище, но всякий раз вынуждены были отходить назад. Так, то ослабевая, то усиливаясь, перестрелка продолжалась свыше четырех часов. Обе стороны вели упорную борьбу. Среди осаждающих было уже немало раненых, были и убитые.

Высокий героизм проявили женщины-санитарки, пришедшие с путиловской красногвардейской «сотней», и работницы-санитарки Петроградской стороны. Когда революционные войска бросались в атаку, женщины шли вместе с ними. Перебегая с места на место, они относили раненых или перевязывали их под огнем. Одна из путиловских санитарок, сама раненная в ногу, так и не ушла с места сражения до тех пор, пока все раненые не были подобраны и перевязаны.

При помощи орудийного огня юнкера были выбиты из Владимирского училища. После этого путиловский отряд ушел к Инженерному замку. Там уже была установлена артиллерия, и под угрозой орудий Инженерное училище сдалось. В пять часов тридцать минут дня была взята телефонная станция. Немного позже от юнкеров очистили Царскосельский вокзал. К этому же времени был взят Пажеский корпус. Все гнезда эсеро-меньшевистского «Комитета спасения» были разгромлены, контрреволюционный мятеж юнкеров в Петрограде подавлен.

Разгром юнкерского восстания в Петрограде и появление артиллерии на фронте решили судьбу антисоветского мятежа. Поддерживаемые артиллерией, пришедшей из Петрограда — с Обуховского, Путиловского заводов — и из Гельсингфорса, красногвардейцы перешли в наступление. На фронте произошел перелом.

До прихода Красной гвардии настроение воинских частей гарнизонов Царского Села и Гатчины было выжидательным. Под влиянием офицеров они решили блюсти нейтралитет. Но как только среди воинских частей появились петроградские красногвардейцы, солдаты тотчас перешли на сторону революции и вместе с рабочими сдерживали продвижение казаков.

Путиловский бронепоезд приказом командования был выдвинут вперед, имея задачу обстрелять казачьи позиции, посеять в них панику. Из всех четырех орудий путиловцы начали стрельбу. Наблюдателей почти не было. Разведка давала неточные сведения о попаданиях. Несмотря на это, орудийная стрельба производила на войска Керенского угнетающее впечатление.

Бронепоезду пришлось действовать совместно с пехотными красногвардейскими и матросскими частями. Возле линии железной дороги уже были вырыты неглубокие окопы. В окопах засели красногвардейцы, отражая конные атаки казаков. Бронепоезд, отойдя назад, открыл огонь по казачьим цепям. Прямой наводкой бил шрапнелью на короткие дистанции. Там же, в районе Пулково, шли бои с казаками. В числе многих отрядов петроградских рабочих были и путиловцы.

30 октября войска Военно-революционного комитета перешли в наступление по всему фронту. По склонам Пулковских высот, вдоль линии железных дорог, в направлении к Царскому Селу двинулись революционные отряды. Впереди всех шли рабочие и матросы. Неопытные, но полные решимости, они с криками «Не быть Керенскому в Питере!» бежали в наступление, выпрямившись во весь рост. Это приводило к большим потерям, но рабочие и матросы бежали вперед, не останавливаясь. Именно это наступление — во весь рост с открытой грудью под пулеметным огнем — больше всего подавляло казаков и наводило на них страх и панику. Позже казаки рассказывали рабочим: «Прете вы, как черти, и оторопь нас взяла: как их побьешь? Дорвутся до нас, таких клинком не возьмешь, погибнешь!».

Поддерживаемые артиллерийским огнем, войска Советской власти теснили казаков. К вечеру 30 октября они заняли Царское Село, а утром 31 октября — Гатчину. Генерал Краснов со своим штабом был взят в плен. Бывший главковерх и премьер-министр Керенский, переодевшись в женское платье, трусливо и позорно бежал.

Молодая Советская власть, опираясь на рабочие массы и революционный гарнизон Петрограда, подавила антисоветский мятеж.

Диктатура пролетариата победила.

2 ноября отряды путиловских красногвардейцев возвращались за Нарвскую. У Триумфальных ворот, построенных почти сто лет назад в честь возвращавшейся после марша в Париж русской гвардии, народ с триумфом встречал но-

вую русскую *Красную гвардию* после ее победного марша против контрреволюции. Представители рабочих организаций приветствовали солдат революции. Толпы народа кричали им «славу», и долго на старой Нарвской площади слышен был радостный гул рабочих толп, празднующих свою большую победу.

Вечером вернулся на завод и первый путиловский бронепоезд. Весть о возвращении бронепоезда мгновенно облетела все цеха. Своему бронированному первенцу путиловцы устроили торжественную встречу.

А на следующий день бронепоезд получил почетное задание: в составе Петроградского сводного отряда революционных войск выехать на помощь московским рабочим, сражавшимся за власть Советов.

По пути в Москву путиловцы вместе с матросами, составлявшими главную часть сводного отряда, нагнали бронепоезд Керенского.

У станции Куженкино с помощью железнодорожников и революционных солдат этот бронепоезд был загнан в западню и захвачен. Матросы перебрались на захваченный бронепоезд и на стенках его вывели надпись: «На Москву».

Два революционных поезда — блиндированный, сделанный путиловцами, и бронированный, отвоеванный у контрреволюции — помчались вперед. В Москву они прибыли к самому концу боев московских рабочих с юнкерами, засевшими в Кремле.

Советская власть, победившая в Петрограде и Москве, начала свое триумфальное шествие по всей стране. Путиловский бронепоезд выехал на юг, чтобы оказать помощь украинским рабочим и крестьянам, боровшимся за власть с буржуазной Украинской радой. Путиловский бронепоезд участвовал в занятии Харькова, дрался за станцию Лозовую, первым вошел в Павлоград, занял с бою станцию Синельниково. Он принимал участие в освобождении Екатеринослава от гайдамаков, в составе 1-й армии участвовал в боях за Александровск, Полтаву, станцию Бахмач и в шестидневном бою за обладание Киевом, вместе с другим советским бронепоездом, обеспечил занятие всех подступов к столице Украины.

Так путиловский бронепоезд, рожденный в дни первого фронта гражданской войны, стал боевой единицей зарождавшейся Рабоче-крестьянской Красной армии. Путиловские рабочие, обогащенные опытом первого фронта под Гатчиной и Пулковом, вслед за своим первым блиндированным по-

ездом стали строить другие — целое авто-броне-артиллерийское соединение, впоследствии названное: «Путиловский стальной артиллерийский дивизион автожелезнодорожных, зенитных и полевых батарей».

НОВАЯ ВЛАСТЬ

На другой день после Великой Октябрьской революции встали новые, гигантские задачи. «Пред угнетенными массами встала в высшей степени трудная задача — самим строить государство». [1]

Изменился характер Советов: из органов восстания они превратились в органы новой государственной власти. Необходимо было разбить старый и построить новый аппарат управления, создать первое в истории человечества социалистическое государство рабочих и крестьян.

Эту задачу путиловцы депутаты Совета представляли себе ясно. Еще в первый день победоносного восстания на торжественном заседании Петроградского Совета вождь революции Ленин выдвигал ее как первоочередную и призывал массы немедленно начать строить свои революционные органы управления. В этот день, 25 октября, вернувшись в район, путиловцы организовали первые такие органы, а когда контрреволюционная авантюра Керенского — Краснова была разгромлена, приступили к созданию крепкого аппарата Советской власти в своем районе. Было образовано одиннадцать комиссариатов, охвативших и объединивших в одно целое все отрасли хозяйственной и административной деятельности за Нарвской заставой.

Все одиннадцать районных комиссаров были рабочие-путиловцы, а из двадцати помощников комиссаров только шестеро были рабочие других заводов заставы. Такое преобладание путиловцев показывало их авторитет, вес и влияние в районе.

Новые районные комиссары с большим рвением принялись за работу. Комиссар торговли, литейщик Максим Анисимов, стал проверять торговые заведения: не прячут ли продукты, не вздувают ли цены. Комиссар порядка, пушечник Степан Корчагин, в первую очередь принялся за милицию, представлявшую собой неустойчивую массу, развращенную прежним эсеро-меньшевистским руководством. Комиссар почт и телеграфа, бывший солдат Моисей Горелик,

[1] *Ленин*, Сочинения, т. XXII, стр. 98.

установил тщательный контроль в почтово-телеграфных отделениях. Комиссары просвещения и медико-санитарный начали свою работу с того, что пошли по своим учреждениям — школам и больницам — выяснять их нужды. Комиссар промышленности и труда, шрапнельщик Иван Панов, улаживал конфликты на заводах и главной своей задачей поставил проведение рабочего контроля.

У рабочих еще не было уменья управлять. В сложнейшем деле устройства первых органов власти вставало много препятствий. Нехватало знаний, нехватало опыта. Рабочие сами, подчас без помощи центральных органов, должны были решать сложные вопросы управления новыми для них отраслями работы. В центре — в Петрограде — молодой Советской властью еще не были разрушены учреждения Временного правительства, полностью сохранившие облик царского аппарата угнетения. Широко разлилась мутная волна саботажа — явного и тайного сопротивления чиновничества и буржуазной интеллигенции.

Но рабочие верили в свои силы. Настойчиво, не смущаясь неудачами и ошибками, они налаживали новые органы Советской власти. На собственном опыте, преодолевая массу препятствий, они строили и овладевали построенными ими аппаратами управления. Другого пути не было и не могло быть.

«Мы знаем, — говорил Ленин рабочим и крестьянам, — лишь один путь пролетарской революции: овладеть неприятельской позицией — научиться власти на опыте, на своих ошибках». [1]

Председатель районного Совета Иван Егоров перешел на работу в профессиональный союз младших служащих «ведомства императрицы Марии», объединявший низший персонал больниц, лазаретов, домов слепых, увечных воинов, приютов и других подобных учреждений. В первые же дни после Октябрьской революции он явился к народному комиссару государственного призрения (позже Наркомсобес) А. Коллонтай:

— Надо действовать. А то если пойдут скандалы по части государственного призрения да выйдут на улицу инвалиды, рабочие с Карточной фабрики, няньки да кормилицы с криками, что мы их голодом морим, — это будет почище, чем войска Керенского — моральный подрыв Советской власти.

---

[1] *Ленин*, Сочинения, т. XXII, стр. 214—215.

Но народный комиссар находился в трудном положении: чиновники министерства призрения не хотели признавать Советской власти. Вместе с Егоровым Коллонтай пошла к Ленину за советом — как быть: занимать министерство силой или нет? Занять — чиновники и служащие разбегутся, а дело остановить нельзя: больницы, приюты, богадельни, увечные воины могут остаться совсем без надзора...

Ленин выслушал Коллонтай и Егорова. Узнав, что Егоров — председатель союза младших служащих, тотчас же дал ответ:

— Егорова назначить заместителем народного комиссара. Обязать его немедленно организовать младших служащих, занять министерство и, в случае злостного саботажа и сопротивления, силами младших служащих выгнать старших чиновников.

Во время этого разговора в кабинет Ленина вошли Сталин и другие народные комиссары. Егоров тут же был утвержден заместителем народного комиссара государственного призрения и сразу отправился в союз. Через день здание министерства было занято младшими служащими. Чиновники бежали. Народный комиссариат начал работать.

Меньшевики злобно пророчествовали крах Советской власти, всячески пытались вредить новому делу государственного строительства. В своих газетах они упрямо и озлобленно повторяли «теорию» о невозможности управлять государством без буржуазии. Они радовались трудностям, не замечали величайших успехов Советской власти, разбудившей живое революционное творчество масс. В своей подленькой газетке они крикливо писали о большевиках:

«Они не могут взять государственную власть. Вокруг них пустота, созданная ими самими. Весь служебный и технический аппарат отказывается им служить... и министерские канцелярии, и почта и телеграф, и железные дороги. Они проваливаются... в пропасть...».

А на деле рабочие с каждым днем все крепче брали в свои руки рычаги управления. Никакой саботаж и никакие вопли социал-предателей не останавливали энергии рабочих. В самой жизни, в работе своих товарищей из других районов и городов они стремились найти формы, способы и практику управления и, найдя хоть крупицу полезного, тотчас же применяли это у себя.

Комиссар суда услышал о том, что на Выборгской стороне выработали форму пролетарского коллегиального суда.

Он ознакомился с ней и сразу же применил ее в судах Нарвского района.

Места судей заняли рабочие Иван Генслер, Василий Алексеев, Григорий Самодед, Федор Лемешев. В судебных камерах мировых судей их встретили озлобленно и неприветливо. В одном случае судья исчез. В другом — все служащие отказались работать с новым советским судьей. В третьем — в камере на Ушаковской улице — судья отказался дать ключи от столов и шкафов.

— Сломаем, — сказали ему и начали ломать.

Судья сдался и написал расписку: «Подчиняюсь силе оружия».

Несколько служащих остались работать при новом суде. Судьей на Ушаковской улице стал Василий Алексеев.

Алексеев, как и все рабочие судьи, проводил линию классового суда. За одни и те же преступления он осуждал трудящихся и эксплоататоров по-разному. Он долго объяснял в своих речах, что буржую не прощается то, что неграмотному рабочему может быть простительно.

Камеры суда заполнялись толпами народа. Это была глубоко заинтерессованная, активная аудитория, приходившая послушать, как будет судить *советский* суд.

Ссадив с судейских мест мировых с золочеными цепями, сломав старый судебный аппарат, уничтожив напыщенность и судебную формалистику, путиловские рабочие-судьи внесли в судебный процесс подлинно пролетарский, демократический дух. Судебная процедура была чрезвычайно проста. После опроса свидетелей и обвиняемых судьи совещались. Затем председатель произносил речь о суде буржуазном и суде пролетарском, переходил к делу, устанавливал виновность подсудимых и произносил приговор. Авторитет народного суда был чрезвычайно велик:

— Свои судьи, — говорили рабочие. — По-нашему судят, по-правильному.

Формула приговора не определилась. Ее варьировали поразному, но в основном она содержала следующие, торжественно произносимые слова:

«Именем Трудовой Народной власти Советов народно-революционный суд по закону революционной совести (чести) приговаривает гражданина (такого-то) к.... (следовала мера наказания)».

Меньшевики и эсеры встретили первый декрет Советской власти о суде неистовыми воплями. Ленин отвечал на это: «Пусть кричат, что мы, не реформируя старый суд, сразу

Путиловская артиллерия — октябрь 1917 г. С карт. *И. Владимирова*

отдали его на слом. Мы расчистили этим дорогу для настоящего народного суда...».[1]

Комиссар порядка взялся за милицию. Ее нужно было окончательно вырвать из-под влияния городского самоуправления. Милиция в районе никогда не пользовалась полным доверием большевиков Совета. На руководящих постах в ней удержались эсеры. В июле и августе заводский комитет Путиловского завода пытался воздействовать на милицию, но больших результатов это не дало. Посланные в Октябрьские дни комиссары встретили сопротивление. Среди милиционеров оказалось немало шкурников. Начальник 3-го подрайона Петергофской милиции эсер Богданов долго не сдавал дел комиссару районного Совета. Богданов не хотел подчиняться Совету, признавая лишь власть контрреволюционной городской думы.

Комиссары начали очищать милицию от неустойчивых людей и шкурников. Богданов был арестован. Каждый милиционер для продолжения службы должен был получить ходатайство от заводского комитета. На Путиловском заводе характеристики давали цеховые комитеты, заводский комитет подтверждал их, и лишь тогда милиционер оставался служить. Новый набор милиционеров, большей частью из состава красногвардейцев, проходил таким же порядком. Милиция укреплялась, превращаясь под руководством большевистских комиссаров в настоящий орган революционной власти в районе.

Главной же опорой Совета оставалась рабочая Красная гвардия. Пока реорганизовали милицию, на Красную гвардию пала труднейшая задача установления революционного порядка и борьбы с контрреволюцией. В те дни буржуазия пыталась спаивать вином несознательных солдат. На улицах города появились тысячи пьяных. Темные личности приводили их к винным складам, пивным и разливочным заводам. Караулы из солдат, приставленные к складам, перепивались. Склады превращались в кабаки, где пили прямо из бочек и разливали вино ведрами. Слухи о даровом вине разносились с неимоверной быстротой. Туда сбегались с бидонами, кувшинами, бутылями и выносили вино и пиво. Наиболее предприимчивые выкатывали вино бочками. Пьяные бродили по улицам, хулиганили, стреляли и грабили. Тогда по распоряжению Военно-революционного комитета дело охраны пивных, винных складов и заводов передали красногвардейцам.

[1] *Ленин*, Сочинения, т. XXII, стр. 212.

Изо дня в день красногвардейцы шли с караула в наряд, с наряда — в патруль. Их не сменяли сутками, — не было смены. А получали они на день полуфунтовый паек хлеба. Чтобы укрепить и дисциплинировать боевые отряды, районный Совет постановил реорганизовать Красную гвардию, создать постоянный кадр и одновременно очистить Красную гвардию от затесавшихся в нее анархиствующих и недисциплинированных людей.

В ноябре в заводском отряде Красной гвардии было восемьсот человек и столько же в районе, — количество, достаточное для несения всех необходимых району нарядов. Красногвардейцы продолжали, наряду с работой по установлению революционного порядка и борьбой с контрреволюцией, учиться военному делу, твердо памятуя, что враг еще не разбит окончательно.

Штаб Красной гвардии переместился на завод. Он был пополнен несколькими большевиками-путиловцами и продолжал вести свою организационную работу, укрепляя отряды и обучая красногвардейцев.

Путиловцы были готовы каждую минуту встать на защиту пролетарской революции.

Рабочие активно поддерживали все мероприятия молодой Советской власти. Несмотря на чрезвычайно трудные условия жизни — голод, надвинувшуюся безработицу, разруху, вопреки уверениям соглашателей, что рабочие лишь временно увлечены большевиками, петроградский пролетариат все тесней сплачивался вокруг большевистской партии.

Это особенно ярко проявилось в ноябре при выборах в Учредительное собрание. По Петергофскому району — району Путиловского завода — за большевиков голосовало около 29 тысяч человек, т. е. почти 70 процентов всех голосовавших. «Левые» эсеры, которые в это время решили не ссориться с большевиками и пока сохраняли единый фронт с ними, получили только 7900 голосов, меньшевики — всего 353 голоса.

Почти такое же соотношение голосов было в Нарвском и в других пролетарских районах Петрограда. Это еще раз показывало полную поддержку рабочими власти Советов. Голосуя за большевиков на выборах в Учредительное собрание, рабочие понимали, что именно вокруг Учредительного собрания контрреволюция пытается мобилизовать свои силы. На Путиловском заводе, в пушечной, рабочие заявили по этому поводу: «Постановляем: считать кадетов врагами народа, и таким господам нет места в Учредительном собра-

нии. Учредительное собрание признаем постольку, поскольку оно станет на защиту трудового народа, т. е. признает все завоевания 25 октября, которые получил рабочий, солдат и крестьянин и объявленные в декретах Совета народных комиссаров». [1]

Борясь против контрреволюции и требуя решительных мер против нее, путиловцы прежде всего обращали внимание на необходимость парализовать контрреволюционный саботаж внутри завода. 4 декабря 1917 года на заседании рабочей секции Петроградского Совета депутаты — путиловцы, обуховцы, лесснеровцы и рабочие других заводов — получили от Ленина четкие директивы. Вновь и вновь повторяя о необходимости борьбы с «предрассудком, что управлять может только буржуазия», Ленин говорил:

«Капиталисты делают решительно все, чтобы затруднить задачи рабочего класса. И каждой рабочей организации — профессиональным союзам, фабрично-заводским комитетам и др. — предстоит дать решительный бой в экономической плоскости». [2]

Внутри завода фактическим хозяином давно уже стал заводский комитет. По декрету советского правительства о рабочем контроле от 14 ноября путиловский заводский комитет становился почти полновластным хозяином завода и получал доступ к делам правления. Декрет предоставлял рабочим право контроля «над производством, куплей-продажей продуктов и сырых материалов, хранением их и финансовой стороной предприятия». Декрет был первым шагом к экспроприации экспроприаторов, к национализации заводов и фабрик. Это хорошо поняли капиталисты и реакционно настроенные административно-технические работники. Общество фабрикантов и заводчиков разослало циркуляр:

«Предвидя, что русский пролетариат, совершенно неподготовленный для руководства сложным механизмом промышленности, приведет ее к быстрой гибели, Общество отвергает классовый негосударственный контроль рабочих и предлагает в случае предъявления в предприятиях требований о введении рабочего контроля — такие предприятия закрывать». [3]

[1] ЛОАОР, 1917 г. *Материалы заводского комитета Путиловского завода* 1917—1918 гг., л. 698.
[2] *Ленин*, Сочинения, т. XXII, стр. 125.
[3] ЦАОР, ф. 472, д. № 25, 1917—1918 г., л. 9.

Получив циркуляр, в правлении общества Путиловских заводов пожали плечами: «Попробуй, закрой Путиловский завод!» — и переслали циркуляр заводоуправлению. Инженерно-технический союз на заводе принял этот приказ к руководству. Собрание союза постановило: признавать лишь «государственный контроль общепризнанной власти», то есть признаваемой ими власти буржуазии, и отказалось «от всякого участия в контрольных комиссиях, созданных большевиками».

Положение завода резко ухудшилось. Еще в октябре закрылось десять мастерских из-за отсутствия топлива. Не работало около двенадцати тысяч рабочих. Правление окончательно перестало вмешиваться в дела завода.

Заводский комитет принял на себя непосредственное руководство производством. Он прежде всего разослал людей на поиски топлива. Антон Васильев снова поехал в Донбасс. Вернувшись, он сделал заводскому комитету подробный доклад о положении Донецкого бассейна и выдвинул перед заводским комитетом три основных задачи: перевод завода на новую производственную программу мирного строительства (производство и ремонт паровозов, вагонов и возобновление довоенных производств); борьба за дисциплину; борьба за культуру и просвещение.

Вместе с тем не снималась задача производства пушек.

Председатель Всероссийского Центрального Исполнительного комитета Я. М. Свердлов дал Путиловскому заводу задание выпустить как можно больше пушек. Но на заводе не было ни топлива, ни денег. За деньгами отправились два члена заводского комитета — Н. Шлопаков и В. Смирнов. За топливом поехал комиссар завода. Пути их сошлись в Смольном, в кабинете председателя Совета Народных Комиссаров — Владимира Ильича Ленина.

Путиловцы рассказали Ленину о финансовом положении завода: до двухсот миллионов задолженности и ни копейки в кассе. Платить рабочим нечем.

Ленин спросил путиловцев:

— А что вы можете дать?

Они рассказали о пушках, о бронеплощадках, о паровозах и вагонах.

— А не расхищается ли имущество завода?

— Бывает, к сожалению, — ответил, смущаясь, Смирнов.

— С этим надо беспощадно бороться, — сказал Ленин. Он распорядился вызвать Менжинского — народного комиссара финансов. Менжинский пригласил путиловцев к себе и но

письменному распоряжению Ленина отдал приказ Государственному банку выдать путиловцам пять миллионов рублей. Получка была обеспечена. Работы пушечной и других мастерских не прекращались.

По вопросу о топливе комиссар завода обратился также к Владимиру Ильичу:

— Завод замерзает, — доложил он и просил содействия в получении топлива.

Владимир Ильич позвонил в управление Балтийского флота и предложил отпустить уголь из угольной базы у Морского канала.

Со своим заводским транспортом и грузчиками отправились путиловцы на угольную базу. Моряки не хотели давать топлива. Лишь после того, как матросы узнали, что на это есть приказ Ленина, они поспешно выдали уголь:

— Только потому, что Ленин распорядился, иначе не дали бы.

Шестьдесят вагонов угля прибыло на завод в ноябре.

Наряду с огромной работой по упорядочению заводской работы, путиловцы уделяли много внимания делу просвещения и образования рабочих. Буквально на другой день после победы социалистической революции в заводский комитет явилась группа рабочих с требованием — теперь, когда власть в руках у пролетариата, поставить перед рабочими задачу овладения знаниями и культурой.

Заводский комитет подхватил инициативу рабочих и 3 ноября 1917 года обратился с воззванием ко всем путиловцам: «Вопросы культуры и просвещения являются теперь вопросами жгучими и самыми животрепещущими...

Товарищи, не упускайте случая почерпнуть научные знания. Не теряйте бесплодно ни одного часа. Каждый час нам, пролетариям, дорог. Нам надо не только догнать, но и перегнать борющиеся с нами классы. Таково веление жизни, таков ее указующий перст.

Мы теперь хозяева жизни и потому должны быть во всеоружии знаний, — оживить, вдохнуть душу живую в хозяйство страны может только организованный, обладающий знаниями народ. Могучим взмахом революции оковы сброшены, и открылся свободный путь к знанию, — теперь каждый имеет полную возможность приобщиться тех знаний, которые добыты тысячелетней историей человечества». [1]

[1] ЛОАОР, Фонд Путиловского завода, д. № 17, 1917.

Об огромной тяге рабочих к знанию Ленин в это время писал:

«...Талантов в крестьянстве и рабочем классе много, и эти таланты только-только начинают сознавать себя, просыпаться, тянуться к живой, творческой, великой работе, браться самостоятельно за строительство социалистического общества... Ни на минуту не забудут рабочие, что им нужна сила знания. Необыкновенное рвение, которое проявляют рабочие в деле образования, проявляют как раз сейчас, доказывает, что на этот счет заблуждений в среде пролетариата нет и быть не может». [1]

Путиловский заводский комитет стал вдохновителем большого похода рабочих за культуру, за овладение знаниями, за пролетарскую дисциплину труда. В своих полных пафоса воззваниях о дисциплине заводский комитет писал:

«Завоеванная свобода есть величайшее благо, но завоевать — это дело одно, а владеть ею — другое. Свобода обязывает прежде всего к водворению в каждом из нас дисциплины, порядка в умственных и волевых поступках. Свобода же и гражданский долг требуют от нас, не задумываясь, не колеблясь, когда это надо, поступаться своими личными интересами... ради общего народного блага...

...Его величество, рабочий класс, пролетариат, только тогда является вполне величеством, когда он действует едино, не разрозненно, солидарно, когда воля тысячных масс представляет волю единую... Теперь при новом строе жизни, когда он еще не оформлен, когда революция продолжается и властно диктует нам борьбу за расширение своих державных прав, далеко еще не завоеванных, когда старые формы разрушаются, а новые создаются, — теперь особенно необходимо, особенно ценно организованное единство действий, единая воля масс, как могучее орудие для победы». [2]

Однако самые героические мероприятия не могли при существующем положении вещей вытащить завод из тупика, куда его завело путиловское правление. Основной вопрос — о дальнейшем управлении заводом — оставался не разрешенным. В начале декабря из-за отсутствия топлива и общей разрухи Путиловский завод временно приостановил работы.

Морозным декабрьским вечером несколько членов заводского комитета во главе с председателем Антоном Василье-

---

[1] *Ленин*, Сочинения, т. XXII, стр. 162.

[2] ЛОАОР, 1917 г. Материалы заводского комитета Путиловского завода 1917—1918 гг., лл. 225—228.

вым обходили мастерскую за мастерской. Им предстояло подробно осмотреть завод и затем составить доклад о положении мастерских, о состоянии оборудования и путей. Доклад нужно было направить в правительственные органы — Народный комиссариат труда, Народный комиссариат торговли и промышленности и Совет Народных Комиссаров.

Члены заводского комитета окидывали взглядом цеха и всюду замечали прорехи в крышах, бездействующие сломанные станки, полусгнившие деревянные стены, ямы и выбоины в полах. Новая электрическая станция имела в капитальной стене большую трещину. В механической мастерской трансмиссии готовы были сорваться каждую минуту. У паровозного депо образовалось кладбище «кукушек» и паровозов. Подъездные пути к мастерским были расшатаны. Краны в мастерских хрипели и гремели, — они долгое время находились без ремонта. Мартеновские, тигельные, прокатные и нагревательные печи стояли холодные, застывшие, полуразрушенные. Тигельно-литейная угрожала обвалом. Паровое отопление было выключено. Многие кочегарки бездействовали, а некоторые работали лишь в полсилы. Вместо парового отопления кое-где были установлены жаровни — в них жгли кокс, уголь, а чаще всего доски и дрова. Цеховые кладовые не имели исправных инструментов. Вместо них валялись горы инструментального лома.

Несколько мастерских стояли заколоченными, все цеха шрапнельного завода были закрыты.

Члены заводского комитета проводили на заводе иной раз по нескольку суток подряд. Но, занятые многими делами, они не замечали степени разрушения мастерских, агрегатов, станков, паровозного хозяйства. Только теперь, обойдя весь завод, они ужаснулись тому, до какого состояния довели завод генералы. Они возвращались понурые и печальные, чувствуя себя в какой-то степени виноватыми в том, что не смогли воспрепятствовать правлению и администрации систематически разрушать завод. Некоторые из членов заводского комитета только сейчас поняли, что при контроле без власти они лишь затыкали явно зияющие дыры.

Когда члены комиссии вернулись, у всех была одна мысль: надо забирать завод окончательно в свои руки, быстрее взяться самим за управление заводом, построенным руками целых поколений путиловцев.

27 декабря 1917 года судьба завода была решена. Совет Народных Комиссаров под председательством народного

комиссара И. В. Сталина принял декрет о национализации Путиловского завода:

«В виду задолженности Акционерного Общества Путиловских заводов казне Российской Республики, Совет Народных Комиссаров постановляет: принять Путиловские заводы со всем имуществом Акционерного Общества Путиловских заводов, в чем бы оно ни состояло, в собственность Российской Республики.

Организация управления заводами и делами означенного Акционерного Общества возлагается на Народного Комиссара Торговли и Промышленности.

За председателя Совета Народных Комиссаров

И. Сталин».[1]

Открылась новая страница в истории старого завода, шестьдесят лет существовавшего как крепостное и шестьдесят восемь лет как капиталистическое предприятие.

Началась новая эпоха — эпоха социализма, и старый, дряхлый завод вышел на новый путь развития.

Путиловский завод стал советским.

В огне трех революций, в жестоких классовых битвах складывался и закалялся рабочий коллектив Путиловского завода. Со времени первых своих массовых выступлений до победы Великой Октябрьской социалистической революции рабочие-путиловцы всегда шли в первых рядах петербургского пролетариата, возглавлявшего рабочее революционное движение в России. Путиловский завод был на вышке, на виду у всей страны. Имя путиловских рабочих стало синонимом имени отважных бойцов за освобождение трудящихся от гнета капиталистической эксплоатации. Сила и стойкость, мужество и организованность, безграничная преданность делу социализма и беззаветный героизм — эти боевые революционные качества путиловцев были воспитаны в них большевистской партией — партией Ленина — Сталина. Путиловская большевистская организация с первых своих шагов до октября 1917 года возглавляла все революционные выступления путиловцев. За тринадцать лет (1904—1916) путиловская большевистская организация вырастила и воспитала значительные кадры революционеров-подпольщиков — более пятисот активных большевиков, — сплотивших весь путиловский рабочий коллектив на борьбу за Октябрьскую революцию.

[1] Декреты Октябрьской революции, Партиздат, 1933, стр. 389.

Путиловцы свято хранили боевые революционные традиции в последующей гигантской борьбе за дело Ленина — Сталина, за победу социализма в СССР. В годы гражданской войны и иностранной военной интервенции десятки тысяч путиловцев сражались на всех фронтах, кровью своей отстаивая завоевания Октября. В период восстановления народного хозяйства, в борьбе с разрухой путиловцы в короткий срок полностью восстановили разрушенный, доведенный капиталистами до развала старый Путиловский завод. В период реконструкции народного хозяйства страны, в период сталинских пятилеток путиловцы до основания перестроили старый завод, превратили его в могучий гигант социалистической индустрии, с гордостью носящий имя пламенного трибуна революции Сергея Мироновича Кирова.

Завод — крупный индустриальный гигант, завод — школа большевистских кадров, завод — техническая лаборатория, пионер новых производств, завод — большевик, хранитель революционных традиций петербургских пролетариев, — таков сейчас Кировский завод, крепкий оплот большевизма, крепость несокрушимой партии Ленина — Сталина.

ОСНОВНЫЕ ИСТОЧНИКИ

I. КНИГИ

Ленин В. И. Сочинения, тт. I, II, III, IV, V, VI, VII, VIII, IX, X, XI, XII, XIV, XV, XVI, XVII, XVIII, XIX, XX, XXI, XXII, XXV.

Сталин И. В. Вопросы ленинизма, изд. 11-е, Политиздат, 1939.

Сталин И. В. На путях к Октябрю. Статьи и речи. Март — октябрь 1917, 2-е изд., ГИЗ, Л., 1925.

Сталин И. В. Об Октябрьской революции. Сборник статей и речей. Партиздат, М., 1932.

Сталин И. В. Марксизм и национально-колониальный вопрос. Сборник избранных статей и речей. Партиздат, 1937.

История Всесоюзной Коммунистической партии (большевиков). Краткий Курс, под редакцией комиссии ЦК ВКП(б). Одобрен ЦК ВКП(б). Госполитиздат, 1938.

История гражданской войны в СССР (1917—1922). Т. I. Подготовка Великой пролетарской революции. (От начала войны до начала октября 1917 г.) ОГИЗ-ИГВ, М., 1935.

Краткий курс истории СССР, под ред. проф. А. В. Шестакова. Учпедгиз. М., 1937.

Ленинский сборник XXI, М., 1933.

Авдеев Н. Революция 1917 г. (Хроника событий). Т. I. Январь — апрель. Т. II. Апрель — май. ГИЗ, М. — П., 1923.

Бабушкин И. Воспоминания (1893—1900 гг.). Изд. «Прибой», Л., 1926.

Бадаев А. Большевики в Государственной думе. Большевистская фракция в IV Государственной думе и революционное движение в Петербурге. Воспоминания. Партиздат, [М.], 1937.

Барсуков Е. Подготовка России к мировой войне в артиллерийском отношении. Гос. воен. изд., 1926.

Берия Л. К вопросу об истории большевистских организаций в Закавказье. Доклад на собрании Тбилисского партактива 21—22 июля 1935 г. 4-е издание, Госполитиздат, [М.], 1938.

Бернштейн-Коган С. Численность, состав и положение петербургских рабочих-металлистов. Изд. Политехнического института, СПб, 1910.

Буйко А. Путь рабочего. Записки старого большевика. Изд. «Старый большевик», М., 1934.

Варенцова О. Стачки и демонстрации 1912—1914 гг. Изд. «Старый большевик», М., 1933.

Варзар В. Статистика стачек рабочих на фабриках и заводах за 1905 год. СПб, 1908.

Владимирова В. Контр-революция в 1917 г. (Корниловщина). Изд. «Красная новь», М., 1924.

Владимирова В. Революция 1917 г. (Хроника событий). Т. III. Июнь — июль. ГИЗ, М. — Л., [1923]. Т. IV. Август — сентябрь. ГИЗ, Л., 1924.

Вторая и Третья Петроградские общегородские конференции большевиков в июле и октябре 1917 года. Протоколы и материалы. ГИЗ, М. — Л., 1927.

Гуляев А. Боевые дружины большевиков. Работа боевой организации большевиков Нарвской заставы г. Петербурга в 1905—1907 гг. Изд. «Молодая гвардия», [Л.], 1935.

Дельвиг А. Воспоминания, т. IV, СПб, 1913.

Ежегодник газеты «Речь» на 1914 год. СПб, [1914]. Изд. газеты.

Заводы Н. И. Путилова, 1857—1870, СПб, 1870.

Закон о страховании рабочих от несчастных случаев. Издание официальное, СПб, 1912.

Корольчук Э. Рабочее движение семидесятых годов. Сборник архивных документов с вводной статьей и дополнениями по литературе. Изд. политкаторжан, М., 1934.

Краткое описание вагонного отдела [Путиловского завода], СПб, 1912.

Краткое описание паровозного отдела [Путиловского завода], СПб, 1912.

Крупская Н. Воспоминания о Ленине. Вып. I, ГИЗ, М. — Л., 1930.

Левицкий М. Путиловский сталелитейный, железоделательный и механический завод. Кронштадт, 1898.

Лепешинский П. На повороте. 3-е издание, изд. «Старый большевик», М., 1935.

Листовки Петербургского «Союза борьбы за освобождение рабочего класса». 1895—1897 гг. Партиздат. М., 1934.

Листовки петербургских большевиков, 1902—1917, тт. I и II, Госполитиздат, 1939.

Лурье М. В борьбе за большевистские Советы. 1917 год. Партиздат, М. — Л., 1932.

Лурье М. Петербургский пролетариат перед войной 1914 г. К двадцатилетию июльских баррикад 1914 года. Соцэкгиз. М. — Л., 1934.

Лурье М. Петроградская Красная гвардия (Февраль 1917 — Февраль 1918). Лениздат, Л., 1938.

Маниковский А. Боевое снабжение русской армии в войне 1914—1918 гг. Тт. I и II, ГИЗ, 1930.

Материалы по истории социального страхования. Сборник первый, изд. «Вопросы труда», М., 1928.

Материалы по истории франко-русских отношений 1910—1914 гг. Изд. НКИД, 1922.

Механический, железопрокатный и железоковательный завод Н. Огарева. СПб, 1862.

Октябрьская революция и фабзавкомы. Материалы по истории фабрично-заводских комитетов. Ч. 1. От Февраля к Октябрю. Ч. 2. Накануне Октября. Изд. ВЦСПС, М., 1927.

Ольминский М. Из эпохи «Звезды» и «Правды». 1911—1914 гг. 2-е изд. доп., ГИЗ, М. — Л., 1929.

От группы Благоева к «Союзу борьбы» (1886—1894 гг.). (Статьи и воспоминания. Материалы по делу М. И. Бруснева и Юв. Мельникова. Речи рабочих 1 мая 1894 года.) ГИЗ, Донское отделение, 1921.

Отчет общества детского приюта за Нарвскими воротами за 1913 г. СПб, 1914.

Отчеты правления акционерного О-ва Путиловских заводов за 1890—1915 гг. Издание завода.

Палеолог М. Царская Россия во время мировой войны. Перевод с французского. Изд. «Петроград», П. — М., 1923.

Палеолог М. Царская Россия накануне революции. Перевод с французского. ГИЗ, М. — П., 1923.

Памятник борцам пролетарской революции, погибшим в 1917—1921 гг. Третье издание, исправленное и дополненное, ГИЗ, М. — Л., 1925.

Памятники агитационной литературы Росс. Соц.-Демокр. Раб. Партии. Т. VI (1914—1917). Период войны. Вып. I. Прокламации 1914 г. ГИЗ, М. — П., 1923.

Панкратова А. Фабзавкомы и профсоюзы в революции 1917 года. ГИЗ, М. — Л., 1927.

Панкратова А. Фабзавкомы России в борьбе за социалистическую фабрику. Изд. «Красная новь», М., 1923.

Паялин Н. Завод им. Ленина. 1857—1918. Соцэкгиз, М. — Л., 1933.

Первая русская революция в Петербурге 1905 г. Сборник 1 — статей, воспоминаний, материалов и документов. Сборник 2. По фабрикам и заводам. [Воспоминания участников и материалы архива департамента полиции.] ГИЗ, М. — Л., 1925.

Переписка Николая и Александры Романовых. Т. IV. 1916—1917. ГИЗ, 1926.

Познер С. Первая боевая организация большевиков 1905—1907 гг. Статьи, воспоминания и документы. Изд. «Старый большевик», М., 1934.

Поливанов А. Из дневников и воспоминаний по должности военного министра и его помощника. 1907—1916 гг. Т. I, М., 1924.

Пражская конференция РСДРП 1912 года. (XXV лет шестой (Пражской) общепартийной конференции РСДРП. 1912—1937). Статьи и документы. Партиздат, [М.], 1937.

Проект устава больничной кассы при Путиловском заводе. СПб, 1913.

Протоколы общих собраний уполномоченных больничной кассы при Путиловском заводе и Путиловской верфи за 1914 год. П., 1915.

Протоколы Петроградского Совета профессиональных союзов за 1917 г. Изд. Лен. губпрофсовета, [Л.], 1927.

Протоколы съездов и конференций Всесоюзной коммунистической партии (б). Седьмая («Апрельская») Всероссийская и Петроградская общегородская конференции РСДРП(б). Апрель 1917 г. Партиздат, М., 1934.

Протоколы съездов и конференций Всесоюзной коммунистической партии (б). Шестой съезд РСДРП(б). Август 1917 г. Партиздат, М., 1934.

Протоколы Центрального комитета РСДРП. Август 1917 — февраль 1918. ГИЗ, М. — Л., 1929.

Путиловский завод. Сборник. СПб, 1892.

Путиловский завод в С.-Петербурге. Краткое описание завода. СПб. 1896.

Путиловец в трех революциях. Сборник материалов по истории Путиловского завода. Изд. «История заводов», 1933.

Рабочее движение в годы войны. Сборник. Изд. «Вопросы труда», М., 1925.

Розанов М. Обуховцы. История завода «Большевик». 1863—1938. Леноблиздат, 1938.

Рябинский К. Революция 1917 года. Хроника событий. Т. V, Октябрь. ГИЗ, М. — Л., 1926.

Свирский А. Записки рабочего. Изд. «Земля и фабрика», М.—Л., 1925.

Семенников В. Романовы и германские влияния во время мировой войны. Изд. «Красная газета», Л., 1929.

Смирнов С. Возражения директора Путиловского завода на статьи С. Шарапова. СПб, 1901.

Снессарев Н. Мираж «Нового времени». Почти роман. СПб, 1914.

Сортамент Путиловского завода. СПб, 1899.

Социал-демократические листовки 1894—1917 гг. Библиографический указатель. Т. II, ч. I. Листовки Петербургской большевистской организации Р.С.-Д.Р.П. Партиздат, [Л.], 1934.

Стачки 1881—1895. Сборник документов. Гострудиздат, М., 1930.

Старая гвардия 1885—1895. Сборник воспоминаний. ГИЗ, М. — Л., 1925.

Стенограммы I съезда русских заводчиков. СПб, 1872.

Стенографические отчеты заседаний III Государственной Думы за 1907 г. — сессия I, ч. I; за 1908 г. — сессия I, ч. II, III; за 1909 г. — сессия II, ч. II, III, IV; за 1910 г. — сессия III, ч. III, IV; сессия IV, ч. I; за 1911 г. — сессия V, ч. I.

Стенографические отчеты заседаний IV Государственной думы за 1913 г. — сессия I, ч. III.

100-летие Путиловского завода. СПб, 1902.

125 лет. Красный Путиловец 1801—1926. «Прибой», Л., 1927.

Столпянский П. Петергофская перспектива. ГИЗ, СПб, 1925.

Столпянский П. Жизнь и быт петербургской фабрики за 210 лет ее существования. 1704—1911 гг. Изд. Лен. губсовета профсоюзов, 1925.

Суворин А. (Незнакомец). Очерки и картинки. Кн. 1 и 2, СПб, 1875.

Тахтарев К. Рабочее движение в Петербурге 1893—1901 гг. По личным воспоминаниям и заметкам. С приложением воспоминаний о Владимире Ильиче Ульянове-Ленине и партийном расколе. «Прибой», Л., 1924.

Теплов А. Записки путиловца. Воспоминания. 1891—1905. СПб, 1908.

1905 год в Петербурге. Вып. 1. Социал-демократические листовки. ГИЗ, М. — Л., 1925.

Verhandlungen des Reichstags. XIII. Legislaturperiode. I Session, Band 289. Stenographische Berichte, Berlin, 1913.

Фишер Г. Подполье, ссылка, эмиграция. Воспоминания большевика. Изд. «Старый большевик», М., 1935.

Флеер М. Рабочее движение в России в годы империалистической войны. «Прибой», Л., [1926].

Цветков-Просвещенский А. Июльские дни 1917 года. (Из воспоминаний участника.) Изд. О-ва политкаторжан, М., 1931.

Цыперович Г. Петроградские профсоюзы в октябре 1917 г. Изд. ВЦСПС, 1927.

Шарапов С. Хозяйство Путиловского завода в цифрах, М., 1901.

Шестаков А. Всеобщая стачка в октябре 1905 г. ГИЗ, М. — Л., 1926.

Шувалов В. Ручеек. Сборник стихов и рассказов. Издание автора, СПб, 1905.

Энгельбрехт и *Ханиген.* Торговцы смертью. Международная военная промышленность. Соцэкгиз, М., 1935.

II. ЖУРНАЛЫ И ГАЗЕТЫ

«Архив истории труда в России». П., 1921 г., № 3; 1924 г., № 11—12.

«Банки и биржа». СПб, 1913 г., № 40.

«Биржа». СПб, 1911—1912 гг.

Биржевой ежемесячник». СПб, 1910 г., №№ 6, 7, 10, 12.

«Былое». 1906 г., СПб., №№ 1, 4, 11, 12; 1907 г., №№ 1, 4; 1917 г., №№ 2, 5—6; 1918 г., №№ 1, 13; 1919 г., № 15; 1920 г., № 20; 1921 г., № 16; 1923 г., №№ 21, 22; 1924 г., №№ 23, 24, 25; 1925 г., №№ 3, 4, 5, 6.

Бюллетени бюро военных комиссаров, П., №№ 1—8, 1917—1918 гг.

«Вестник общественной, судебной и практической медицины». СПб, 1893 г., № 4.

«Вестник финансов, промышленности и торговли». СПб, 1908 г.

«Вечерняя почта». СПб, 1876 г., № 130.

«Волна». СПб, 1906 г.

«Вопросы страхования». СПб, 1913, 1914, 1916 гг.

«Вперед» [еженедельная газ.]. Женева, 1904, 1905 гг.

«Вперед» [ежедневная газ.]. СПб, 1906 г.

«Всемирная иллюстрация». СПб, 1869 г., № 29.

«Голос», СПб, 1870 г., № 154; 1880 г., №№ 164, 166.

«Голос минувшего». М., 1917 г., № 9—10.

«Горный журнал». СПб, 1885 г., № 2.

«Горнозаводский листок». Харьков, 1895 г., № 5.

«Дело». СПб, 1883 г., № 1.

«День». СПб, 1912, 1913, 1914, 1915 гг.

«Деятельность». СПб, 1870 г., №№ 231, 239.

«Живая (Бодрая, Заветная и т. д.) мысль». СПб., 1913—1914 гг.

«Звезда». СПб, 1910, 1911, 1912 гг.

«Известия Петербургского Совета рабочих депутатов». СПб, 1905 г.

«Известия Петроградского Совета рабочих депутатов». П., 1917 г.

«Известия общества горных инженеров». 1898 г., № 53.

«Известия Особого совещания по топливу». П., 1917 г.

«Искра». №№ 1—52. 1900—1903 гг. Перепечатка. Вып. I—VII, «Прибой», Л.

«История пролетариата СССР». М., 1930 г., № 3—4; 1931 г., №№ 5, 8; 1934 г., № 2; 1935 г., № 2.

«Каторга и ссылка». М., 1922 г., № 3; 1924 г., №№ 1, 3; 1925 г., №№ 1, 4; 1927 г., № 36; 1932 г., №№ 11, 12.

«Кировец». Л., 1935, 1937 гг.

«Копейка». СПб, 1908, 1909, 1910 гг.

«Красная летопись». П., 1922 г., №№ 1, 2, 3, 4, 5; 1923 г., №№ 6, 7, 8, 9; Л., 1924 г., №№ 1, 2, 4; 1925 г., №№ 1, 2, 3, 4; 1926 г., №№ 1, 2, 3, 4, 5, 6; 1927 г., № 2; 1928 г., № 2; 1929 г., №№ 1, 2, 3, 4, 6; 1930 г., №№ 2, 3, 4, 5; 1931 г., №№ 1, 2, 3, 4, 5, 6; 1932 г., №№ 1, 2, 3, 4, 5, 6; 1933 г., №№ 2, 3, 4, 5, 6; 1936 г., № 2.

«Красный архив». М., 1925 г., № 11—12; 1928 г., № 26; 1931 г., № 53; 1934 г., № 62.

«Летопись марксизма». М. 1927 г., № 3.

«Луч» («Новая рабочая газета»). 1912—1914 гг.

«Металлист». СПб, 1913 г.

«Минувшие годы». СПб, 1908 г., №№ 3, 4, 11, 12.

«Морской сборник». СПб, 1856 г., № 7.

«Набат». СПб, 1905 г.

«Наш мир». СПб, 1907 г.

«Наше творчество». СПб, 1926 г., № 2.

«Наше эхо». СПб, 1907 г.

«Новое время». СПб, 1905 г.

«Новая жизнь». СПб, 1905 г.

«Новый экономист». П., 1914 г.

«Петербургская газета». СПб, 1905 г.

«Петербургский листок». СПб, 1907 г.

«Правда» [«Путь правды», «Трудовая правда», «Рабочий», «Рабочий путь» и т. д.]. СПб, 1912, 1913, 1914, 1917 гг.

«Призыв». СПб, 1906 г.

«Пролетарская революция». М., 1921 г., № 3; 1922 г., №№ 4, 5, 6, 7; 1923 г., №№ 1, 2; 1924 г., №№ 1, 7, 10, 11, 12; 1925 г., №№ 1, 2, 3; 1926 г., № 1; 1927 г., №№ 1, 10; 1928 г., № 9; 1929 г., № 2—3; 1930 г., №№ 5, 11—12; 1931 г., № 2—3.

«Просвещение». СПб, 1913, 1914 гг.

«Путиловский приходский листок». П., 1916—1917 гг.

«Речь». П., 1912—1914, 1916, 1917 гг.

«Русский архив». СПб, 1895 г., т. I, вып. 2.

«Русское богатство». СПб, 1897 г., № 6; 1907 г., № 6.

«Русские ведомости». СПб, 1907 г.
«Русь». СПб, 1905, 1907, 1908 гг.
«Северная пчела». СПб, 1828 г., № 105.
«Северный голос». СПб, 1905 г.
«Современник». СПб, 1911 г., № 2; 1913 г., №№ 1—12.
«Социал-демократ». М., 1908—1917 гг., №№ 1—58. Вып. I, М., 1933. Вып. IV, М., 1934 г.
«Столичная почта». СПб, 1908 г.
«С.-Петербургские ведомости». СПб, 1871 г., № 66.
«Сын отечества». СПб, 1905 г.
«Творчество». М., 1920 г., №№ 7, 10.
«Товарищ». СПб, 1907 г.
«Торгово-промышленная газета». СПб, 1905 г.
«Труд в России». СПб, 1911—1913 гг.
«Утро». П., 1915 г.
«Утро России». М., 1911—1913 гг.
«Экономист России». 1909 г., № 13; 1910 г., №№ 25, 31, 44.
«Эхо». СПб, 1906 г.

III. АРХИВНЫЕ МАТЕРИАЛЫ

Центральный государственный архив революции

(ЦАР — Москва)

Фонд III отделения 3 экспедиции: д. № 180, ч. 1, 2—1879 г.

Фонд департамента полиции: 2 делопроизводство: д. №№ 13, 31—1911 г.; д. № 40—1914 г. 3 делопроизводство: д. № 4—1881 г.; д. № 203—1883 г.; д. № 684—1895 г.; д. №№ 580, 606—1896 г.; д. № 1257—1902 г.; д. № 874—1903 г. 4 делопроизводство: д. № 86—1894 г.; д. №№ 339, 634—1895 г.; д. №№ 4, 5—1898 г.; д. № 319—1899 г.; д. № 1351—1904 г.; д. №№ 4, 302—1905 г.; д. №№ 13, 119—1908 г.; д. № 61—1910 г.; д. №№ 2, 5, 57—1911 г.; д. №№ 61, 108, 114—1912 г.; д. №№ 50, 77—1914 г.; д. № 10—1915—1916 гг. 5 делопроизводство: д. №№ 443—20—1914—1916 гг.; д. № 90—1915 г. 6 делопроизводство: д. № 50—1901 г.; д. № 235—1914 г.; д. № 61—1915 г.

Особый отдел: д. №№ 4, 5—1898 г.; д. № 5—1905 г.; д. № 5—1907 г.; д. № 17—1909 г.; д. № 5—1911 г.; д. № 341—1912—1913 гг.; д. №№ 5—235—1914 г.; д. № 5—1916 г.

Всеподданнейшие еженедельные записки: д. №№ 1, 130, I полугодие 1903 г.

Центральный архив Октябрьской революции

(ЦАОР — Москва)

Фонд № 1067: д. № 6/6—1891 г.; № 46—1897 г.; № 74—1898 г.; № 30/44—1899 г.; № 85—1900 г.; №№ 52, 72, 131—1900—1901 гг.; № 77/96—1901 г.; № 86—1902 г.; д. № 152/183—1906 г.; д. № 349—1912 г.; д. №№ 341, 378, 381—1913 г.; д. №№ 375/395, 404, 411—1915—1916 гг.

Фонд № 2305: д. № 5.

Фонд № 3144: д. №№ 7, 15—1915—1917 гг.; д. №№ 2, 11, 25—1916 г.

Фонд № 3146: д. № 436—1917 г.

Фонд № 1235: д. № 12—1915 г.; д. № 31—1917 г.

Фонд № 6: д. № 7—1916 г.

Фонд № 31: д. №№ 12, 14—1917 г.

Фонд № 20: д. №№ 34, 35—1917 г.

Центральный государственный архив профессиональных союзов

(ЦАПС — Москва)

Фонд № 31: д. № 12—1917 г.

Фонд № 20: д. №№ 34, 35—1917 г.

Фонд № 94: д. № 639—1917 г.

Фонд № 406: д. №№ 9, 15—1917 г.

Центральный государственный военно-исторический архив в Ленинграде

(ЦВИА — Ленинград)

Фонд канцелярии военного министерства: Материалы 1802—1891 гг.

Фонд главного артиллерийского управления: Россыпь; связка № 1, д. №№ 21, 86, 118—119, 165, 191, 204, 227, 243, 262, 466, 474, 513, 736, 738, 1253—1254—1914—1917 гг.

Фонд военно-походной канцелярии: д. № 71—1914—1916 гг.

Фонд особого совещания: д. №№ 420—150, 420—686, 420—366, 420—852—1913—1917 гг.

Центральный государственный архив феодально-крепостнической эпохи

(ГАФКЭ — Москва)

Фонд № 3557: д. № 24—1842 г.; д. № 29—1848 г.; д. № 31—35—1862 г.

Фонд горного департамента ОЧГЗ: д. № 4316—1862 г.; д. № 1548—1898 г.

Фонд № 2/с — материалы 1899 г.

Архив Артиллерийского исторического музея РККА в Ленинграде

Фонд делопроизводства по перевооружению полевой скорострельной артиллерии: д. №№ 1, 3, 12, 13, 46, 47, 92, 118, 175—1900—1905 гг.

Фонд артиллерийского комитета: связки 278, 1871, 1872, 4128—1900—1905 гг.

Центральный государственный архив народного хозяйства

(ЦАНХ — Москва)

Фонд № 34: д. № 1229—1872 г.; д. № 1677—1904—1915 гг.

Центральный государственный архив народного хозяйства в Ленинграде

(АНХ)

Фонд окружного инженера Северного горного округа: материалы за 1862 г.; д. №№ 3, 4, 51, 91, 347—1880—1890 гг.; д. № 337—1883 г.; д. № 6—1894 г.; д. № 3/51—1896 г.

Фонд госуд. коммерц-коллегии: материалы 1801—1811 гг.

Фонд департамента мануфактур и внутренней торговли: материалы 1811—1864 гг.

Фонд горного департамента мин-ва торговли и промышленности: материалы 1807—1890 гг.

Фонд делопроизводства по фабричным и горнозаводским делам присутствия: д. №№ 3, 35—1890 г.; д. № 35—1904—1905 гг.

Фонд департамента государственного банка: материалы за 1899 г.

Фонд министерства путей сообщения: д. № 271—1905 г.

Фонд государственного казначейства: д. № 216/41—1910—1911 гг.

Фонд департамента торговли и промышленности: д. № 1221/62—1910 г.

Фонд отдела торговли министерства финансов: д. № 4150—1910 г.; д. № 5329—1913 г.

Центральный государственный архив внутренней политики, культуры и быта в Ленинграде

(ЦА ВПКБ)

Фонд 1 и 2 экспедиции министерства внутренних дел: материалы 1800—1811 гг.

Обзоры важнейших дознаний, производившихся в жандармских управлениях империи, по государственным преступлениям за 1890, 1891, 1895—1896, 1898—1899, 1900—1901—1903 гг.

Фонд министерства юстиции: 2 уг. отд., д. № 48—1884 г.; д. № 8710—1881—1889 гг.; д. № 10761—1890 г.; 3 уг. отд., д. № 16742—1905 г.; 1 департамент д. № X—1905 г.

Фонд канцелярии с.-петербургского генерал-губернатора: д. №№ 1, 3, 4, 7, 11, 14, 23, 31, 46, 61, 81, 101, 106, 115, 148, 228, 235/313, 250/333, 278/369, 353, 467/358, 476/358 — 1905 г.

Фонд дворцового коменданта: шефские записи 1905 г.; доклады по охранной агентуре 1905 г.

Фонд государственного совета: дело комиссии по выяснению причин недовольства рабочих 1905 г.

Фонд канцелярии совета министров: д. № 23/126—1910 г.; д. №№ 225, 261—1911 г.

Фонд министерства внутр. дел, I отд. Комитета главного управл. по делам печати: д. № 406—1913 г.

Фонд Государственной думы: д. № 4153—1914 г.; д. № 244—1917 г.

Ленинградский областной исторический архив

(ЛОИА)

Фонд строительного отдела губернского правления: д. № 2752—1869 г.; д. № 8/774—1870 г.; д. № 453/33—1871 г.; д. № 707/202—

1873 г.; д. № 1470—1874 г.; д. № 74/75—1875 г.; д. №№ 8, 13/75—1876 г.; д. №№ 98, 102—1884 г.; д. №№ 11, 77—1891 г.

Фонд СПб дворянской опеки: связки 385, 386, 771, 782—1880—1890 гг.

Фонд канцелярии с.-петербургского губернатора: д. № 1933—1885 г.

Фонд казенной палаты — дела по Путиловскому заводу: №№ 16, 52/43, 171—1885 г.; №№ 217, 287—1888 г.; д. №№ 376, 479, 480—1889 г.; д. № 604—1890 г.; д. №№ 736, 834—1891 г.; д. № 925—1892 г.

Фонд СПб фабричного инспектора: д. № 10—1899 г.; № 10—1900 г.; д. № 30—1902 г.; д. №№ 6, 10, 16, 17—1908 г.; д. №№ 40, 41, 85, 89, 141—1914 г.; д. № 82—1916 г.

Фонд СПб столичной полиции по Петергофскому участку: д. № 4—1905 г.

Фонд общества заводчиков и фабрикантов: д. № 162—1906 г.

Фонд СПб градоначальника: д. № 340/53—1904—1905 гг.

Фонд Путиловской верфи: д. № 2—1909 г.

Фонд № 160 Путиловского завода: д. № 148—1882—1886 гг.; д. № 23 — 1904—1905 гг.; д. № 91а — 1906 г.; д. № 163—1911 г.; д. №№ 1, 9, 167—1913 г.; д. №№ 40, 41, 72, 122, 172—1914 г.; д. №№ 807, 808, 809, 815, 817, 818, 821, 822, 827, 831, 835, 836, 839, 841, 866, 867, 871, 872, 896, 897, 907, 947, 1001, 1047—1907—1914 гг.; д. № 71 — 1913—1917 гг.; д. №№ 114, 122—1914—1918 гг.; д. №№ 147, 150, 154—1915—1917 гг.; д. №№ 168, 169, 184—1916—1917 гг.; д. №№ 187—188, 189, 192—1917—1919 гг.

Фонд № 81: д. №№ 491, 438/07—1910—1912 гг.

Фонд № 115: д. № 2—1904—1919 гг.

Ленинградский областной архив Октябрьской революции

(ЛОАОР)

Фонд Петергофского районного Совета: д. №№ 2, 7, 11, 15, 17, 18, 19 20, 23, 24, 25, 25-а, 31—1917 г.

Фонд Центрального совета фабрично-заводских комитетов: д. №№ 7, 23 — 1917.

Фонд № 1235: д. №№ 1, 5, 170—1917 г.

Фонд № 1236: д. №№ 11, 15—1917 г.

Фонд № 94: д. № 119—1917 г.

Материалы заводского комитета Путиловского завода на 1043 листах—1917—1918 гг.

Ленинградский Областной партийный архив

«Митинги и лекции, проведенные [Петербургским комитетом] РСДРП(б) в период июль — август 1917 г. — февраль 1918 г.» Тетрадь записей.

Материалы Ленинградского института истории ВКП(б)

Фонд Кировского завода

Документальные материалы.

Воспоминания (стенограммы, рукописи, автобиографии, записи) более тысячи человек — рабочих, служащих, инженеров Путиловского завода.

ОГЛАВЛЕНИЕ

Редактор Э. *Корольчук.*

Тираж 55000 экз. Подписано к печати 10/II 1941 г. М 1069. $39^3/_4$ печ. л. Авт. л. 39,9. 40 832 тип. знак. в 1 печ. л. Цена 8 руб. Заказ № 868.

2-я типография ОГИЗа РСФСР треста «Полиграфкнига» «Печатный Двор» им. А. М. Горького. Ленинград, Гатчинская, 26.

8руб.